

Иванъ
Муромовъ-симъ Московскій.

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ПЛАТОНА

(ЛЕВШИНА)

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

ТОМЪ I.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Спб. Стремянная, 12, собств. д.

Платонъ Левшинъ, митрополитъ Московскій, и его сочиненія.

29-го іюня 1737-го года, въ день первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, въ селѣ Чашниковѣ (что на большой Петербургской дорогѣ), въ 40 верстахъ отъ Москвы, въ домѣ скромнаго причетника Георгія Данилова родился сынъ, нареченный Петромъ: то былъ впоследствии „Русскій Златоустъ“, Платонъ, митрополитъ Московскій.

Обычная для бѣднаго дьячковскаго сына суровая школа тяжелаго труда предстояла ребенку. На шестомъ году отъ роду Петра стали учить русской грамотѣ, т. е., по тогдашнему заведенію, азбуку, часослову и псалтири, а потомъ писать; на восьмомъ году онъ уже читалъ и ибѣлъ повседневные церковные стихи и по навыку могъ одинъ на клиросѣ отправлять все пѣніе божественной литургіи. Вскорѣ настало время Петру оставить домъ родительскій и вступить въ училище, такъ какъ духовное начальство требовало, чтобы всѣ священнослужители приводили дѣтей своихъ въ Коломенскую семинарію; и Петръ Даниловъ былъ отданъ въ эту семинарію, а оттуда, по просьбѣ отца, ставшаго уже Московскимъ священникомъ, вмѣстѣ съ братомъ Александромъ (впоследствии протоіереемъ Московскаго Успенскаго собора), былъ переведенъ изъ епархіи Коломенской въ Московскую славяно-греко-латинскую академію (въ Заиконоспасскій монастырь), гдѣ принялъ фамилію Левшинова, а поздиѣ Левшина. Петръ и Александръ Левшины жили у старшаго брата своего Тимоея (иономаря при храмѣ Св. Софіи-Премудрости Божіей, что въ Среднихъ Набережныхъ Садовникахъ), а потомъ у родственника ихъ, дьякона при церкви Спаса въ Спасской, при коей и отецъ ихъ, Георгій, впоследствии былъ викарнымъ священникомъ.

Ходя босикомъ въ училище, съ грошомъ на обѣдъ, по своей бережливости и по скудости родителей, Петръ Левшинъ посылъ въ

рукахъ свои сапоги, чтобы не истаскать ихъ, и надѣвалъ ихъ только при входѣ въ Академію. Однако, нужда не угнетала бодрого духа способнаго мальчика, и онъ, путемъ неусыпнаго труда, достигалъ просвѣщенія и славы. Все преподававшееся въ то время въ Академіи Левшинъ изучилъ въ совершенствѣ и, пристрастившись къ наукамъ, онъ всюду и всемѣрно искалъ средствъ къ образованію себя. Не имѣя у себя даже многихъ необходимыхъ книгъ, онъ услугою и ласкою доставалъ ихъ у товарищей для списыванія, или прочтенія. Такъ, выпросивъ у товарища греческую грамматику Лашевскаго и тщательно переписавъ всю ее, Левшинъ началъ самъ учиться по этой грамматикѣ, а въ затруднительныхъ мѣстахъ спрашивалъ изъясненія у знатоковъ; помимо того, ходилъ въ сосѣдній греческій монастырь къ церковнымъ службамъ, во время коихъ и слушивался и научался чтенію, пѣнію и разумѣнію греческихъ словъ и выраженій, и мало по малу достигъ того, что могъ понимать греческихъ писателей и объясняться на греческомъ языкѣ. Потомъ, ставши въ Академію учителемъ греческаго языка, Левшинъ приводилъ самого себя въ примѣръ ученикамъ своимъ, называя себя „самоучкою“,—каковымъ самоучкою онъ былъ и во французскомъ языкѣ и географіи. Исторіи Петръ Левшинъ также не учился въ Академіи, но, какъ самъ свидѣтельствуетъ,—„знаніе исторіи приобрѣлъ всегдашнимъ чтаніемъ историческихъ книгъ, къ чему принадлежалъ чрезъ всю жизнь свою, и не было для него пріятнѣе упражненія, какъ чтеніе исторіи всей вообще и своей отечественной“.

Склонный къ духовному, Платонъ Левшинъ чуждался всего мірскаго и свѣтскаго, даже отказался вступить въ открытый (въ 1755 г., по близости къ Академіи) Московскій университетъ, куда былъ назначенъ въ студенты съ другими академистами. Но за два года до окончанія четырехлѣтняго курса богословія онъ былъ оставленъ при Академіи въ качествѣ учителя пѣтики и греческаго языка; а вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено было вести въ Академіи катехизическія бесѣды (въ катехизическомъ порядкѣ пояснять церковно-библейскія книги). На этой должности открылся необычайный ораторскій талантъ молодого Левшина. Обладая виѣшними и внутренними качествами витія, онъ успѣлъ заслужить всеобщее удивленіе и любовь: слушать молодого проповѣдника собиралась едва-ли не вся Москва, гдѣ называли его то вторымъ „Златоустомъ“, то Московскимъ „апостоломъ“. Къ его проповѣднической кафедрѣ матери приводили дѣтей своихъ, чтобы они слушали и помнили такого учителя; многіе почитали за счастье знакомство съ Левшинымъ, стараясь наперерывъ оказать ему свое усердіе и уваженіе.

Уже оканчивался годъ толкованію Левшинымъ катехизиса, какъ неожиданно онъ получилъ изъ Петербурга, отъ придворнаго проповѣд-

ника—знаменитаго Гедеона Криновскаго, архимандрита Троице-Сергіевской лавры, приглашеніе въ учителя риторики въ Троицкую семинарію (основани. въ 1742 г. и подчиненную лаврскому архимандриту). Вслѣдъ за симъ послѣдовалъ и указъ Св. Синода, утверждающій Петра Егоровича Левшина въ этой должности; и онъ, вынужденный разстаться съ Москвою, 19 іюня 1758 г. отправился въ Троице-Сергіеву лавру. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ отъ Гедеона письмо, въ коемъ тотъ писалъ, между прочимъ: „Я очень радъ, что вы—у насъ, въ лаврѣ; но еще больше радость моя умножится, когда услышу, что вы и монашескій въ ней приняли образъ“. Не взирая на свою склонность и подготовленность къ монашеству, Петръ Егоровичъ поколебался духомъ, взволнованнымъ мыслію о трудности и важности принимаемыхъ имъ на себя обѣтовъ; даже любимая имъ мать не совѣтовала ему принимать на себя такіе обѣты. Ему во цвѣтъ лѣтъ предстояло умереть для міра, и онъ, проведши всю ночь въ борьбѣ съ самимъ собою, наконецъ, рѣшился принять иноческій образъ. Наканунѣ праздника Успенія Божіей Матери, въ 1758 г., на 21 году отъ рожденія своего, Петръ Егоровичъ Левшинъ былъ постриженъ въ монашество, съ именемъ Платона,—своимъ прежнимъ товарищемъ, намѣстникомъ лавры Гавріиломъ Петровымъ, впоследствии митрополитомъ Новгородскимъ. Спокойный духомъ, довольный своимъ состояніемъ, юный инокъ жилъ въ любимомъ уединеніи, проходя учительскую и катехизаторскую должность. Въ томъ же году онъ былъ посвященъ во іеродіакона въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, а въ 1759 г. въ іеромонаха въ крестовой церкви на Петербургскомъ Троицкомъ подворьѣ и, вмѣстѣ съ принятіемъ сана, сдѣланъ префектомъ Троицкой семинаріи, а въ 1761 г. занялъ мѣсто ректора ея.

Еще быстрѣе пошло возвышеніе Платона съ возареніемъ императрицы Екатерины II. Когда послѣ коронаціи, въ маѣ 1763 г., эта императрица прибыла въ обитель преподобнаго Сергія, то ее встрѣтилъ въ лаврѣ Платонъ (тогда уже намѣстникъ лавры) торжественнымъ словомъ, окруженный воспитанниками семинаріи, съ вѣнками на головахъ и пальмами въ рукахъ, съ пѣніемъ нарочито сочиненной Платономъ оды. На другой день, за литургією, въ присутствіи Императрицы и членовъ Св. Синода, Платонъ сказалъ проповѣдь: „О пользѣ благочестія“, представивъ саму Императрицу примѣромъ основы всѣхъ добродѣтелей. И проповѣдь и проповѣдникъ такъ понравились Государынѣ, что она изъявила ему свое благоволеніе въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, слово его тогда же велѣла напечатать, а его удостоила пригласить къ обѣденному столу своему. По возвращеніи изъ Ростова въ лавру, Императрица посѣтила Троицкую семинарію, гдѣ питомцы оной произнесли, въ честь ея, стихи и рѣчи, а ректоръ привѣтствовалъ Государыню торже-

ственнымъ словомъ. Тогда же происходили диспуты, причѣмъ любознательная Императрица предложила Платону изъяснить нѣкоторыя важныя положенія изъ богословія и состязаться объ оныхъ на латинскомъ языкѣ. Между прочимъ, Государыня спрашивала Платона: „Почему онъ избралъ монашескую жизнь?“ — „По особой любви къ просвѣщенію“,—отвѣчалъ Платонъ. На это Императрица возразила: „Да развѣ въ мірской жизни нельзя пещись о просвѣщеніи своемъ?“ На сей внезапный искусительный вопросъ Императрицы, хорошо знавшей сердце человѣческое, не безъ смущенія отвѣчалъ юный, цвѣтушій здоровьемъ и красотою, инокъ: „можно, но не столь удобно, имѣя жену и дѣтей и другія суеты мірскаго, сколько въ монашеской жизни, гдѣ онъ по всему свободенъ“... Государыня осталась довольною и объясненіями на предложенные ею вопросы и состязаніями учащихъ, и изъяснила свое благоволеніе Платону, удостоивъ его благосклонной бесѣды и обѣденнаго стола, послѣ коего Платону было объявлено о назначеніи его въ учителя богословія наслѣднику престола, великому князю Павлу Петровичу. Тогда Платону минуло лишь 26 лѣтъ, онъ былъ въ полнотѣ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

Простившись съ Сергіевою лаврою, Платонъ, въ іюлѣ 1763 года, отправился въ Петербургъ на новое, противоположное монастырскому и школьному, поприще. Вполнѣ сознавая всю трудность своего положенія, Платонъ пользовался опытностью благорасположенныхъ къ нему царедворцевъ и, самъ наблюдая за собою, умѣлъ оправдать свое высокое назначеніе. Свои уроки Паслѣднику престола, тогда бывшему 9 лѣтъ отъ роду, Платонъ началъ въ присутствіи Государыни своею рѣчью „О пользѣ и важности сего ученія“. И послѣ, когда юный Цесаревичъ обнаруживалъ нетерпѣливость, оберъ-гофмейстеръ, графъ Панинъ, оставивалъ его напоминаніемъ поправившейся ему проповѣди Платоновой на текстъ: „Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши“. Занимаясь воспитаніемъ и обученіемъ своего питомца въ духѣ благочестія, Платонъ, въ то же время, постоянно проповѣдывалъ въ придворной церкви, ежегодно самъ преподавалъ Св. Тайны Августѣйшему питомцу, причѣмъ привѣтственное его слово было всегда назидательнымъ для причастника и умилительнымъ для матери, которая раздѣляла съ сыномъ благочестивыя слезы. Однажды, внимая поученію законоучителя въ день рожденія и причащенія Великаго Князя, Императрица растрогалась до слезъ и выразилась такъ: „Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ: хочетъ онъ, чтобы мы плакали, мы плачемъ“. Въ другой разъ, въ проповѣди о милосердіи, Платонъ сильно вооружался противъ тѣхъ, кои, расточая свое имѣніе на суетныя вещи, оставляютъ бѣдныхъ безъ всякой помощи. Императрица на сей разъ сказала

окужавшимъ ее: „Отецъ Платонъ сегодня былъ сердитъ; однако же очень хорошо сказывалъ—удивительный даръ слова имѣеть“. На это одинъ изъ вельможъ замѣтилъ Государынѣ, что проповѣдникъ при Дворѣ всегда покажется сердитымъ, когда будетъ говорить прямо истину... И при другихъ случаяхъ законоучитель проповѣдывалъ въ придворной церкви въ Петербургѣ, а иногда въ Сергіевской пустыни, близъ Петергофа, удивляя всѣхъ талантомъ своего краснорѣчія. Особенное благоволеніе Государыни и удивленіе всѣхъ слушателей вызвало слово Платона, сказанное имъ (послѣ блистательной побѣды надъ турецкимъ флотомъ) въ Петропавловскомъ соборѣ, при гробѣ основателя русскаго флота, императора Петра Великаго. Исчисливъ труды и побѣды преобразователя Россіи, ораторъ вдругъ сошелъ съ кафедры, приблизился къ его гробницѣ и, коснувшись покрыва ея, воскликнулъ: „Возстань теперь, великій монархъ, отецъ отечества нашего, возстань и возри на любезное изобрѣтеніе твое: оно не истреблено отъ времени и слава его не померкла. Возстань и насладись плодами трудовъ твоихъ! флотъ, тобою устроенный, уже не на морѣ Черномъ, не на океанѣ Сѣверномъ, но гдѣ?—Онъ на морѣ Средиземномъ, въ странахъ восточныхъ, въ Архипелагѣ, близъ стѣнъ константинопольскихъ, въ тѣхъ т. е. мѣстахъ, куда ты нерѣдко обращалъ око свое. Слыши: мы вѣщаемъ тебѣ, какъ живому. Слыши: флотъ твой въ Архипелагѣ близъ береговъ азійскихъ, истребилъ оттоманскій флотъ. Россійскіе высокопарные орлы, торжествуя, именемъ твоимъ наполняютъ весь востокъ и стремятся предстать предъ стѣны византійскія“. Такой внезапный переходъ рѣчи проповѣдника, такое смѣлое и необыкновенное ораторское движеніе поразили слушателей изумленіемъ и даже невольнымъ страхомъ; стоявшій возлѣ гробницы Петра Великаго его правнукъ, цесаревичъ Павелъ Петровичъ, испугался, какъ онъ самъ послѣ высказался Платону, что „прадѣдушка встанетъ“. Извѣстный своею добродушною острою графъ К. Гр. Разумовскій, услыжавъ воззваніе Платона къ Петру I, тихою рукою сказалъ окружающимъ: „Чего вінъ его кличе? Якъ встане, то всѣмъ достанется“. Эта проповѣдь Платонова во французскомъ переводѣ была отправлена Императрицею къ Вольтеру, который отвѣчалъ Государынѣ: „Сія рѣчь, обращенная къ основателю Петербурга и вашихъ флотовъ, есть, по моему мнѣнію, знаменитѣйшій въ свѣтѣ памятникъ; я думаю, что никогда и ни одинъ ораторъ не имѣлъ столь счастливаго предмета для слова своего, не исключая и греческаго Платона“.

Дворъ императрицы Екатерины II былъ для Платона новою школою, гдѣ онъ почерпнулъ важныя для проповѣдника познанія о свѣтѣ, замѣтныя въ его проповѣдяхъ: тамъ онъ былъ окруженъ разными людьми, особенно учеными иностранцами, съ коими любилъ бесѣ-

довать для пользы пытливаго ума своего. Въ то время общественнымъ мнѣніемъ завладѣли западные энциклопедисты: подъ оболъстительнымъ видомъ моды, путемъ просвѣщенія и воспитанія благороднаго юношества, проникли и въ Россію ихъ нечестивыя мысли, кои разсѣивали французскіе гувернеры и собесѣдники въ знатныхъ домахъ. Платонъ, ополченный св. вѣрою, при чистотѣ ума своего, легко понялъ весь вредъ лжеученія энциклопедистовъ и въ письмѣ къ графу Остерману, между прочимъ, писалъ: „Вновь проникшія философскія правила, угрожающія не только религіи, но и политической основательной связи, требуютъ всепрілежной остроты““. При Дворѣ Платону нерѣдко приходилось лицомъ къ лицу встрѣчаться съ приверженцами лжеименной философіи, которые, подъ видомъ невѣдѣнія и сомнѣнія, искушали юнаго инока; но силою правды и убѣдительностію слова онъ поражалъ ихъ лжемудрованія; такъ что заграждалъ имъ уста. Такъ, союзникъ Вольтеровъ и глава якобинцевъ, Дидро, коего предназначали было уже воспитателемъ Наслѣдника російскаго престола, увидѣвшись съ его законоучителемъ, Платономъ, хотѣлъ приставить въ замѣшательство и высмѣять юнаго еще инока—такимъ дерзкимъ воззваніемъ: „Знаете ли, святой отецъ, философы говорятъ, что нѣтъ Бога“... „Это прежде ихъ сказано“,—скромно отвѣчалъ законоучитель. „Когда и кѣмъ“—съ нетерпѣніемъ спросилъ Дидро. — „Пророкомъ Давидомъ“,—подтвердилъ Платонъ: „рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ, а ты устами произносишь““. Пристыженный такимъ отвѣтомъ, Дидро умолкъ, вынужденъ былъ отказаться отъ предложенія воспитывать Наслѣдника всероссійскаго престола и отправился во Францію, не посѣявъ у насъ тѣхъ плевелъ, кои тамъ породили революцію со всѣми ея бѣдствіями и ужасами.

На законоучителя цесаревича Павла Петровича возлагались императрицею Екатериною II разныя нелегкія обязанности, кои онъ всегда исполнялъ съ честію. Такъ, вмѣстѣ съ двумя іерархами—Иннокентіемъ Пензенскимъ и Гаврииломъ Тверскимъ, онъ просматривалъ сочиненный Императрицею (въ 1766 г.) „Наказъ для комиссіи“. Въ 1766 г. Платонъ (по случаю самовольно сожегшихся въ Зеленецкомъ монастырѣ изступленныхъ суевѣровъ) написалъ: „Отъ православно-каеолическія восточныя Христовы Церкви увѣщаніе бывшимъ своимъ чадомъ, имнѣ недугомъ раскола немощствующимъ“, тогда же изданное при Св. Синодѣ вмѣстѣ съ чиноположеніемъ, какъ принимать обращающихся къ православнои церкви. Платоново „Увѣщаніе раскольникамъ“, въ самоубійствѣ искавшимъ мнимой славы мученичества,—увѣщаніе, выражающее болѣе скорбь о заблудшихъ, чѣмъ судъ надъ упорными, — болѣе дышущее любовію, чѣмъ неумолимою правдою, нашло себѣ доступъ къ серд-

цамъ многихъ, желавшихъ познать истину. За успѣшное и ревностное исполненіе возложенныхъ порученій, іеромонахъ Платонъ, по именованію повелѣнію, былъ посвященъ въ архимандрита Троице-Сергіевой лавры (1776 г. іюля 16-го) въ Петергофѣ, и въ этомъ званіи занялъ Троицкое подворье въ Петербургѣ, вступивъ въ управленіе многосложными дѣлами того монастыря, гдѣ онъ былъ постриженъ въ монашество, священнодѣйствовалъ, проповѣдывалъ и училъ. Когда въ 1767 г. Императрица со всѣмъ Дворомъ своимъ собралась въ Москву, то новый архимандритъ Троице-Сергіевой лавры былъ отпущенъ во вѣренную ему паству, ожидавшую многого отъ попеченій своего настоятеля. По прибытіи Двора въ Москву, прибылъ туда и Платонъ для исполненія обязанностей законоучителя и придворнаго проповѣдника. Тогда же онъ занялся окончаніемъ построекъ на Троицкомъ подворьѣ (что на Самотекѣ): крестовая церковь при подворьѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ была готова, и 18-го августа освящена въ присутствіи Августѣйшаго ученика, цесаревича Павла Петровича, который на новосельѣ у Платона имѣлъ обѣденный столъ. Между тѣмъ, Екатерина II пѣшкомъ со свитою направилась на праздникъ препод. Сергія 5-го іюля въ лавру Сергіеву, и тамъ архимандритъ Платонъ привѣтствовалъ ее, какъ „матерь господа своего“ (по выраженію самого Платона). Довольная порядками въ монастырѣ и семинаріи, Императрица изъявила ему свое благоволеніе и пожаловала значительную сумму денегъ на окончаніе огромной и, въ своемъ родѣ, единственной колокольни, которая строеніемъ начата была еще при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ.

По возвращеніи въ Петербургъ, Платонъ, на 30-мъ году жизни своей, былъ наименованъ членомъ Св. Синода, а въ 1770 году посвященъ, въ присутствіи Государыни, въ архіепископа Тверского и оставленъ архимандритомъ столь любимой имъ Троице-Сергіевой лавры. Въ то время Платону было только 33 года. Возблагодаривъ императрицу рѣчью за ея милости, новый Тверской архіепископъ отправилъ къ новой паствѣ своей печатное пастырское посланіе, которое и было читано тамъ во всѣхъ церквахъ, а вскорѣ затѣмъ и самъ Платонъ отправился въ свою епархію, гдѣ и провелъ шесть мѣсяцевъ въ ревностномъ исполненіи дѣлъ высокаго званія своего. Занявъ Тверскую кафедру, Платонъ показалъ, что онъ обладаетъ громадными дарованіями администратора: образованіе духовенства, матеріальная обеспеченность его, благолѣпіе церквей, благоустройство обитателей—все было приведено трудами сего архипастыря въ цвѣтущее состояніе. Попеченіемъ Платона, между прочимъ, былъ разобранъ и вновь построенъ Тверской кафедральный соборъ, стѣны его благолѣпно расписаны, иконостасъ и престолъ обновлены и устроены двое хорозъ; увидѣвъ этотъ соборъ, импера-

трица Екатерина II сказала Платону: „Вы такъ украсили соборъ, что я подобно красиваго мало видала“.

Между тѣмъ, въ Петербургъ прибыла невѣста цесаревича, великаго князя Павла Петровича, принцесса Гессенъ-Дармштадтская Вильгельмина и архіепископъ Тверской Платонъ, по желанію принцессы и ея матери, читавшихъ въ переводѣ Платоново богословіе, былъ избранъ въ законоучители будущей супругѣ Августѣйшаго ученика. Ея мати говорила архіепископу, что „не польстилась бы на всѣ царства міра, когда бы не была увѣрена, что дочь ея спасется и въ этомъ законѣ, какъ христіанскомъ, если только пребудеть добродѣтельною“. Объ этомъ событіи писала Вольтеру письмо императрица Екатерина II: „Обращеніе Гессенъ-Дармштадтской принцессы произведено стараніемъ и убѣжденіемъ архіепископа Платона, который принялъ ее въ нѣдра греко-каѳолической соборной Церкви, единой православной, на востокѣ основанной“. Приготовивъ принцессу Вильгельмину къ принятію исповѣданія греко-россійской Церкви, архіеп. Платонъ торжественно присоединилъ ее къ Церкви, съ именемъ Наталіи, приобщилъ Св. Таинъ, привѣтствовалъ назидательнымъ словомъ. Впрочемъ, сей великой княгинѣ—Наталіи Алексѣевнѣ вскорѣ суждено было промѣнять брачный вѣнецъ на смертный (въ 1776 г.), а Платону — произнести надгробное слово при погребеніи ея, и его слово свидѣтельствовало о тѣхъ чувствахъ, коими исполнено было сердце духовнаго витѣи—ея законоучителя, духовнаго отца и друга. Совершеніе брака цесаревича Павла Петровича съ великою княжною Наталіею Алексѣевною (въ 1773 г.) было окончаніемъ его богословскаго ученія, и архіепископъ Платонъ за уроки въ теченіе десяти лѣтъ былъ награжденъ пожизненною пенсіею въ тысячу рублей и вскорѣ возвратился на свою паству Тверскую.

Въ то время, какъ архіепископъ Платонъ устраивалъ Тверскую паству, въ Москвѣ боролся съ закоренѣлыми предразсудками, суевѣріями и злоупотребленіями архіепископъ Московскій Амвросій (Зертисъ-Каменскій). Наступилъ роковой годъ для сего ревностнаго архипастыря Московскаго, годъ 1771-й. Въ день Богоявленія онъ служилъ въ Успенскомъ соборѣ, и, при вознесеніи его имени, протодіаконъ по ошибкѣ вмѣсто „Амвросія“ возгласилъ „Платона“. Такая обмолвка была предвѣстіемъ. Архіепископъ Амвросій не могъ скрыть своего неудовольствія и сказалъ протодіакону: „Сбывается что ли меня?“ Въ сентябрѣ того же года въ Москвѣ открылась чума, за ней слѣдовалъ бунтъ и убіеніе архіепископа Амвросія разъяренною чернію. Послѣ мученической кончины его, Московская паства оставалась безъ архипастыря: Государыня, какъ бы въ наказаніе, богѣ трехъ лѣтъ не назначала въ Москву епархіальнаго архіерея и сама не посѣщала ея.

Въ началѣ 1775 г. Императрица направилась въ Москву чрезъ Тверь, и здѣсь встрѣчаемому ее архіепископу Платону собственноручно вручила указъ о переводѣ его въ архіепископы Московскіе, съ удержаніемъ за нимъ и мѣста архимандрита Троице-Сергіевой лавры *). Тяжело было Платону разстаться съ Тверскою епархією, составлявшею предметъ его попеченій. Къ сожалѣнію его объ этой разлукѣ присоединился страхъ вступить на іераршескій престолъ, обгагранный кровію Амвросія, ставшаго жертвою своей ревности по истинѣ; извѣстны были также запутанность и разстройство дѣлъ епархіальныхъ въ многолюдной столицѣ. Все это заставило Платона просить Императрицу объ увольненіи его отъ Московской епархіи, но Государыня возвратила эту просьбу съ собственноручною надписью: „держусь моего указа“; и архіепископъ Платонъ, прибывъ въ Москву въ праздниѣ Срътенія Господня, вступилъ въ Архангельскій кафедральный соборъ, гдѣ и встрѣченъ былъ Московскимъ духовенствомъ.

Въ Московской епархіи архіепископу Платону снова пришлось проявить свой администраторскій талантъ и положить много труда на пользу дѣлъ ея. И немного прошло времени, какъ епархіа Московская стала неузнаваема: священническія и діаконскія мѣста были заняты людьми достойными, образованными; уничтоженъ былъ извѣстный „крестецъ“ у Спасскихъ воротъ, на которомъ собирались запрещенные священники („крестцовые“) и занимались служить обѣдни и молебны; взданы были многія распоряженія, касавшіяся нравственнаго улучшенія духовенства и его быта; дотолѣ дарившее въ духовенствѣ издоимство было уничтожено. Сравнивая прежнее состояніе духовенства съ современнымъ себѣ, Платонъ просто говорилъ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ: „Я засталъ духовенство въ лаптяхъ, а обулъ его въ сапоги, изъ прихожихъ ввелъ въ залы къ господамъ“. Не мало времени и труда удѣлялъ архіеп. Платонъ на приведеніе въ порядокъ и сильно разстроенной хозяйственной экономической стороны своей кафедрѣ. Архіерейскій домъ въ Кремлѣ былъ разграбленъ и разоренъ во время народнаго бунта и убіенія преосвященнаго Амвросія. Получивъ, безъ просьбы своей, отъ Монаршихъ щедротъ 40.000 р. на построеніе новаго дома, Платонъ соорудилъ грандіозное зданіе, обращенное потомъ въ Николаевскій дворецъ, гдѣ въ 1818 г. увидѣлъ свѣтъ государь императоръ Александръ II; возобновилъ и украсилъ Чудовскія церкви, возобновилъ и благоустроилъ заброшенный домъ митрополита Тимофея (Щербатцаго) въ с. Черкизовѣ, любимомъ лѣтнемъ пріютѣ Московскихъ

*) Съ этого времени, т. е. съ архіепископа Платона Лешина, архіепископы и митрополиты Московскіе стали именоваться „священно-архимандритами Свято-Троицкія Сергіева лавры“.

свитителей. Хозяйственная дѣятельность митр. Платона проявлена была имъ и въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ, и при другихъ случаяхъ.

Въ день тезоименитства своего, 18-го ноября 1775 г., архіепископъ Платонъ получилъ указъ о назначеніи его въ директоры Московской духовной академіи, и со всѣмъ рвеніемъ занялся преобразованиемъ ея, какого она требовала, для пользы духовенства, во внѣшнемъ ея бытѣ и во внутреннемъ развитіи. При Платонѣ Левшинѣ Академія оправдала свое названіе „славяно-греко-латинской“, ибо давала совершенное знаніе всѣхъ трехъ языковъ. Но одно учебное образованіе безъ нравственнаго Платонъ признавалъ несовершеннымъ и часто спрашивалъ кончалыхъ богослововъ: „Вы вѣдь прошли всѣ школы: Христову-то школу прошли ли?“... „Наблюдайте сей долгъ предъ Богомъ всепрілежно, — внушалъ онъ начальству академическому, — чтобы не только учительствомъ, но еще болѣе честнымъ житіемъ юношество наставляли, такъ же и объ ученикахъ, чтобы не только въ наукахъ, но еще болѣе въ добродѣтели преуспѣвали“. „Наблюдайте, чтобы болѣе моральными, нежели физическими наказаніями ученики къ своей должности были приводимы“; „Ученіе, дабы было дѣйствительно, зависеть не столько отъ остроумія и краснорѣчія, сколько отъ чистоты и непорочности сердца учителей“... Такъ высоко смотрѣлъ архіепископъ Платонъ на учено-нравственное образованіе будущихъ пастырей и учителей Церкви!

Троицкая семинарія при Платонѣ также была приведена въ цвѣтущее состояніе, и въ похвалу ея довольно сказать то, что изъ нея вышли сряду три преемника Платона—Московскіе архипастыри: Августинъ, Серафимъ и Филаретъ, Новгородскіе митрополиты: Амвросій и Михаилъ и многіе другіе іерархи... Такъ какъ, въ концѣ 18-го вѣка, Платонъ пребывалъ чаще въ Виваніи, то Виванская семинарія составляла особенный предметъ попеченій и заботъ его. Рѣдкій вечеръ Платонъ не посѣщалъ ея, почти каждую субботу приходилъ въ аудиторію семинаріи слушать проповѣди семинаристовъ, предварительно имъ просмотрѣнныя, поправлялъ юныхъ ораторовъ въ произношеніи и движеніи съ живымъ участіемъ и снисхожденіемъ, такъ что талантъ былъ возвышаемъ и посредственность не унижалась. Этотъ ревнитель духовнаго просвѣщенія и покровитель дарованій радовался всякому проблеску таланта, всякому успѣху въ наукахъ; достаточно вспомнить объ отношеніяхъ Платона къ воспитанникамъ: Виноградскому, Глаголевскому, Дроздову, Клементьевскому (впослѣдствіи архіепископу Августину, митрополитамъ: Серафиму, Филарету, Никанору). Въ пособіе Московской академіи директоромъ ея было устроено въ подмосковномъ Перервинскомъ монастырѣ духовное училище; по его же мысли было открыто нѣсколько другихъ духовныхъ училищъ: въ Калугѣ, Звениго-

родѣ, Дмитровѣ. Впослѣдствіи времени (въ 1789 г.), желая „подать помощь бѣднымъ, но благоуспѣшнымъ и благонравнымъ ученикамъ, а Церковь снабдить хорошими служителями“, Платонъ положилъ въ Опекунскій Совѣтъ капиталъ съ тѣмъ, чтобы на проценты его содержались по пяти студентовъ въ Московской академіи, Троицкой семинаріи и Перервинскомъ училищѣ. Эти питомцы, давашіе обязательство по окончаніи курса ученія оставаться въ духовномъ званіи, именовались „платониками“ и фамилію „Платоновыхъ“ удерживали по выходѣ изъ училища для сохраненія благодарной памяти о своемъ воспитателѣ и покровителѣ.

Съ такою ревностью по вѣрѣ православной и просвѣщенію, съ такою же попечительностью о внѣшнемъ и внутреннемъ устройствѣ Московской паствы, началось и потомъ продолжалось управленіе Платоново, такъ что первый годъ его служенія удостоенъ былъ особеннаго благоволенія Императрицы и ознаменованъ многими ему наградами и милостями, каковыя всѣ записаны въ его памятной книжкѣ. Исчисливъ всѣ Монаршія награды (числомъ 20 въ одномъ 1775 г.) и преимущества, коими не пользовались его предшественники (Платонъ Малиновскій, Тимошей Щербацкій и Амвросій Зертисъ-Каменскій), Платонъ заключаетъ это исчисленіе смиреннымъ воззваніемъ: „что есмь, Господи, яко помниши мене“... Попрежнему Платонъ исполнялъ и разныя порученія Императрицы. Такъ, по Высочайшему повелѣнію, онъ пересматривалъ напечатанныя въ типографіи извѣстнаго масона Повпкова и въ вольныхъ—книги сомнительнаго содержанія и далъ о нихъ Государынѣ свой отзывъ. Безъ его цензуры и «аппробаціи» не печаталось ни одно сочиненіе Вольтера. По порученію императрицы Екатерины II, занимавшейся составленіемъ „Записокъ“, Московскій архіепастырь составилъ списокъ великихъ и удѣльныхъ князей Россійскихъ, ихъ предковъ, женъ, дѣтей и потомковъ, погребенныхъ въ Московскихъ церквахъ съ обозначеніемъ ихъ рожденія и кончины... Когда наслѣдникъ, великій князь Павелъ Петровичъ, обручилъ себѣ невѣсту принцессу Вюртембергъ - Штутгартскую Софію - Доротею, которая, съ именемъ Маріи и въ санѣ императрицы, увѣковѣчила себя благодѣяніями страждущему человѣчеству, Платонъ былъ определенъ къ ней законоучителемъ для того, чтобы приготовить ее къ соединенію съ православною нашею Церковію. По исполненіи своей обязанности, архіеписк. Платонъ, при бракосочетаніи, привѣтствовалъ новобрачныхъ словомъ, и послѣ того, отправившись въ Калугу для открытія памѣтниковъ, возвратился въ Москву въ началѣ 1777 г. на дѣло своего званія. Этотъ подвигъ Платона Императрица признала „новымъ свидѣтельствомъ его усердія къ себѣ и любви къ отечеству“.

Утомленный дѣлами, Платонъ неоднократно просилъ Императрицу и Великаго Князя уволить его отъ епархіи, дозволивъ жить въ Троицкой лаврѣ на покой, но Императрица отвѣтила на просьбу Платона, что онъ и безъ увольненія можетъ быть свободнымъ, и предоставила его волѣ пребываніе въ Троицкой лаврѣ, съ дозволеніемъ (въ 1782 г.) поручить епархіальное управленіе, данному ему въ помощь, викарію. Съ тѣхъ поръ Платонъ болѣе уединялся въ Троицкую лавру, но посѣщаль и Перервинскій монастырь, куда въ 1785 и 1786 г. лѣтомъ ходилъ пѣшкомъ изъ села Коломенскаго Великій князь Александръ Павловичъ къ божественной службѣ. Съ 1783-го года Платонъ занялся устройствомъ себѣ пріюта для уединенія, для коего онъ приобрѣлъ въ трехъ верстахъ отъ лавры среди рощъ, луговъ и прудовъ живописное мѣсто, и тамъ желалъ кончить дни свои въ безмятежной тишинѣ. Въ этой пустыни было устроено кладбище для погребенія лаврскихъ монаховъ, согласно съ указомъ, запрещающимъ погребеніе въ знаменитыхъ мѣстахъ, и „по причинѣ погребаемыхъ здѣсь братій въ надеждѣ воскресенія, по примѣру Лазаря воскресшаго, эта пустыня названа была Виванією“. По замыслу Платона и на его иждивеніе, въ Виваніи, послѣ переименованной монастыремъ, была сооружена, на подобіе Фавора, церковь, въ коей одинъ престолъ на горѣ—во имя Преображенія Господня, а подъ нимъ—вертепный храмъ Лазарева воскресенія, возобновляющій въ памяти палестинскую Виванію. Здѣсь, въ пещерѣ, приготовивъ себѣ мѣсто для погребенія, храмоздатель впоследствии поставилъ дубовый гробъ, вмѣщавшій въ себѣ святыя мощи преподобн. Сергія. Разставивъ по хорамъ въ Виванской церкви изображенія святыхъ отцовъ, великихъ учителей Церкви и подъ ними икону Спасителя, Платонъ говаривалъ: „Вотъ—Христова Академія и съ Ректоромъ своимъ“. Присоединивъ къ Виванской обители благочестія семинарію и богадѣльню, Платонъ тѣмъ выразилъ свою любовь къ просвѣщенію и истинному благотворенію.

Между тѣмъ, какъ Платонъ былъ озабоченъ устройствомъ себѣ временнаго и вѣчнаго пріюта, императрица Екатерина II въ 1787 г. прибыла въ Москву. Архіепископу Платону минуло тогда полвѣка жизни. Наступилъ день его рожденія и мірскаго тезоименитства, общаго съ Августѣйшимъ его ученикомъ, великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Въ присутствіи Государыни, двухъ ея порфирородныхъ шуковъ, архіепископъ Платонъ въ день апостоловъ Петра и Павла совершалъ литургію въ Успенскомъ соборѣ. Послѣ „задостойника“ служившій вмѣстѣ съ нимъ духовникъ Государыни о. І. Памфиловъ въ установленной молитвѣ провозглашаетъ Платона митрополитомъ Московскимъ, и то же велегласно повторяетъ придворный протоіаковъ въ царскихъ

вратахъ. Предполагая въ этой ошибкѣ умыселъ, Платонъ замѣтилъ Памфилову, что „сего не должно дѣлать при совершении Святыхъ Тайнъ“; но тотъ отвѣчалъ, что такъ велѣно. Какъ оказалось, все это предварительно такъ устроено было по распоряженію Императрицы, дабы неожиданностью и торжественностью придать болѣе важности наградѣ. Увѣрившись въ неожиданной милости Государыни, митрополитъ Платонъ изъ царскихъ дверей благодарилъ ее поклономъ, а послѣ литургіи словомъ и при выходѣ изъ собора въ бѣломъ клобукѣ, въ свою очередь, былъ привѣтствованъ съ восхищеніемъ народомъ.

Въ 1796-мъ году, 5-го ноября, императрицы Екаторины II не стало, и на престолъ вступилъ сынъ ея, ученикъ Платона, великій князь Павелъ Петровичъ. Свое вступленіе на престолъ императоръ Павелъ I ознаменовалъ, между прочимъ, дарованіемъ свѣтскихъ отличій русскому духовенству. Московскому митрополиту, 6 ноября 1797 г., пожалованъ былъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Но столь высокая награда не ослѣпила Платона. Держась словъ Духовнаго Регламента, что „дѣло епископовъ велико, но честь ниваковая“, съ искренностью „вѣрнаго друга“, какимъ именовалъ его въ теченіе многихъ лѣтъ самъ Павелъ Петровичъ, и съ усердіемъ подданнаго, написалъ онъ письмо къ Государю противъ этого новаго установленія свѣтскихъ отличій для духовенства.

Въ мартѣ 1797-го года происходилъ торжественный въѣздъ императора Павла I въ Москву для священнаго коронаванія. Участвуя при этой коронаціи вмѣстѣ съ Новгородскимъ митрополитомъ Гаврииломъ, митроп. Московскій Платонъ подносилъ Государю одѣяніе русскихъ царей, а потомъ порфиру. И когда митропомазанный Государь хотѣлъ войти въ царскія врата къ престолу, для принятія Св. Тайнъ, имѣя у себя шпагу при бедрѣ, то митроп. Платонъ остановилъ его слѣдующими словами: „Здѣсь приносится безкровная жертва, отъими, благочестивѣйшій государь, мечъ отъ бедра твоего“. Павелъ, съ издѣтства благочестивый, смиренно сложилъ съ себя оружіе и вступилъ въ алтарь. Послѣ коронаціи императоръ Павелъ Петровичъ, по примѣру предковъ своихъ, посѣтилъ Троице-Сергіевскую лавру. Митрополитъ Платонъ, не взирая на свой тяжелый недугъ, торжественно встрѣтилъ царственную чету привѣтственной рѣчью, будучи облаченъ самъ въ убогую ризу преподоба. Сергія и имѣя въ рукахъ посохъ Преподобнаго, какъ преемникъ его въ санѣ архимандрита Лавры. Удивленный и довольный такою встрѣчею, напоминавшею древнюю простоту и благочестіе въ убожествѣ великаго смиреніемъ мужа, Императоръ облобызалъ ветхую одежду, орошенную потомъ труда и слезами молитвы. Переночевавъ въ Лаврѣ, на другой день Императоръ и Императрица по-

сѣтили Визанію и здѣсь, съ подобающей торжественностью, были встрѣчены основателемъ обители. Въ ознаменованіе такого радостнаго для Визаніи дня посѣщенія Императорскаго Дома, митроп. Платонъ около своихъ келій соорудилъ скромный памятникъ, существующій донинѣ зъ надписью: „1797 года, апрѣля 24. Почто, Визанія, сей годъ и день прославляеши? Яко державный Великій государь, императоръ Павелъ I и съ Государыней Императрицею и со всею Августѣйшей фамиліею благоволи посѣтити мя и вкусити здѣ трапезу“. „Почто ты, пустыня, тако ликовствуеши? Яко того же года, мая 1 дня, Онь, Великій государь, во второклассный монастырь преобрази мя и еще при мнѣ устроилъ быть училищу просвѣщенія“. Эта надпись находится подъ аллегорической картиной, изображающей видъ Визанской обители.

Ополчаясь противъ жеманной философіи, противъ гнѣздившихся въ паствѣ расколовъ, митрополитъ Платонъ неопустительно внушалъ православнымъ россіянамъ „имѣть сіе святое честолюбіе, чтобы намъ тщательно хранили святую древность и св. ея законы; дабы иноплемennые престали намъ быть наставниками, а паче отъ насъ научились вѣрѣ къ Богу и благимъ дѣламъ“. Полагая также, что „ничѣмъ столько не унижается истина вѣры, какъ примѣсью лжей суевѣрныхъ“, и возставая противъ гнѣздившихся въ паствѣ расколовъ, митрополитъ Платонъ силою убѣжденія, духомъ кротости и снисхожденія успѣлъ многихъ отпадшихъ отъ вѣры отеческой возвратити въ нѣдра православной Церкви и память свою тѣмъ увѣковѣчить въ ихъ семействахъ, донинѣ вспоминающихъ съ благословеніемъ имя его. Между прочимъ, въ 1800 году къ Московскому митрополиту поступила просьба отъ 250 московскихъ старообрядцевъ о дозволеніи построить имъ церковь, имѣть по согласію прихожанъ рукоположенныхъ отъ арміерея священниковъ и отправлять богослуженіе по старымъ книгамъ. Эту просьбу старообрядцевъ митр. Платонъ препроводилъ въ Св. Синодъ при своемъ мнѣніи, въ коемъ полагалъ, чтобы присоединенныхъ къ православной Церкви не называть болѣе ни раскольниками, ни старообрядцами, а именовать „единовѣрцами или соединенцами“ и церковь ихъ — „единовѣрческою“. Мнѣніе и правила Платона объ единовѣрціи были утверждены указомъ Государя, и первая единовѣрческая или, такъ называемая, „благословенная церковь“ въ Москвѣ на Введенскомъ кладбищѣ, въ честь Введенія Божіей Матери, была освящена по благословенію митрополита Платона.

Между тѣмъ, англійскіе пытливые богословы, чрезъ полномочнаго министра при дворѣ Великобританскомъ, графа С. Р. Воронцова, отнесли съ вопросами къ митрополиту Московскому о раздѣленіи и разности восточной церкви отъ западной, о св. крещеніи и поклоненіи св. иконамъ. Поводомъ къ тому было сочиненіе Дютенса о православной

греко-россійской церкви, которое доставилъ преосвященному при писемъ гвардіи-капитанъ П. А. Яковлевъ. Митрополитъ, сообщивъ англійскимъ богословамъ замѣчанія свои объ этомъ важномъ и любопытномъ предметѣ (какъ говорятъ, писанныя подь его руководствомъ Меодіемъ Смирновымъ), послалъ имъ и свое сочиненіе о „Христіанской Богословіи“ въ латинскомъ переводѣ, съ тою цѣлю, какъ выразился онъ въ посланіи своемъ, — „дабы изъ него лучше могли понять силу того ученія, коему слѣдуетъ греко-россійская церковь, и убѣдились бы, что люди чрезъ мѣру мудрствующіе, всегда покушаются смѣшивать древнее съ новымъ и неизвѣстное съ извѣстнымъ“. Замѣчанія и книга Платона приняты были въ Англии съ уваженіемъ и переведены на англійскій языкъ; богословіе его употреблялось при богословскихъ лекціяхъ въ оксфордскомъ и Глазговскомъ университетахъ. И другіе иностранные ученые въ Германіи, Италіи, Швейцаріи и Франціи, для распространенія своихъ познаній о духовномъ состояніи Россіи, старались заводить переписку съ Платономъ, имя котораго славилось въ Европѣ, что доказываютъ ихъ письма и отзывы о немъ въ сочиненіяхъ. — Сколько ни вызывалъ митр. Платона на сближеніе съ собою Римскій папа, самъ и чрезъ своихъ агентовъ, однако же—Платонъ, не терпѣвшій системы папизма, уклонился отъ сношеній съ римскимъ первосвященникомъ.

Въ сентябрѣ 1801 г. митрополиту Платону суждено было помазать на царство императора Александра I. При коронаціи этого государя Платонъ сказалъ знаменитую рѣчь, которая, по Высочайшему повелѣнію, была переведена на языки: латинскій, греческій, итальянскій, французскій и нѣмецкій, и которая навсегда останется назиданіемъ для государей и блестящимъ памятникомъ русскаго витійства. Въ напослѣднѣе священныя обязанности повелителя народа митр. Платонъ, между прочимъ, говорилъ со дерзновеніемъ: „Предстанеть лицу Твоему пространнѣйшая въ свѣтѣ имперія, и будетъ отъ мудрости Твоей ожидать во всѣхъ членахъ своихъ и во всемъ тѣлѣ совершеннаго согласія и благоустройства. Узриши сходящіе съ небесъ вѣсы правосудія, со гласомъ отъ Судіи неба и земли: „да судиши судъ правый, и вѣсы Его да не уклониши ни на шее, ни на десное“. Узриши, въ лицѣ благаго Бога, сходящее къ Тебѣ милосердіе, требующее, да милостивъ будеши ко вручаемымъ Тебѣ народамъ. Достигнуть престола Твоего вдовицы и сироты и бѣдные утѣсняемые во зло употребленною властію, да защитиши ихъ, да отреси ихъ слезы, и да устроиши ихъ вездѣ проповѣдывать Твою промыслительную державу. Предстанеть и самое человѣчество въ первородной своей и нагой простотѣ безъ всякаго отличія порожденій и происхожденій: взирай, вопіетъ, общій Отець, на права человѣчества! Мы равно всѣ чада Твои! Наконецъ, благочестію Твоему

предстанеть и Церковь, сія мать, возродившая насъ духомъ, и къ Тебѣ, яко къ первородному Сыну своему, простретъ руки свои, и ими объяви Твою любезнѣйшую выю, умолять не престанеть: да сохраниши не для себя токмо, но паче да явиши собою примѣръ благочестія, и тѣмъ да заградиши нечестивыя уста вольнодумства и невѣрія“...

Живя, съ соизволенія еще императрицы Екатерины II, въ Сергіевой лаврѣ и поручивъ управленіе викарію своему, митроп. Платонъ не переставалъ заниматься важнѣйшими дѣлами по епархіи: не пропускалъ случая и проповѣдывать, словомъ своимъ поражая буйное невѣріе и своеволие, тогда заражавшія умы французовъ и поляковъ, не оставлялъ безъ вниманія и хозяйственной части, какъ благопопечительный хозяинъ и строитель. Для сего Платонъ нерѣдко пріѣзжалъ въ Москву, въ Перервинскую, Махрищекую и другія обители и пустыни Московской епархіи, обновленныя и украшенныя имъ, также посѣщалъ и любимыя свои разсадники ученія, навѣдываясь объ уснѣхахъ питомцевъ, кои привлекали на себя его зоркое вниманіе отличными дарованіями, примѣрнымъ прилежаніемъ къ наукамъ и хорошимъ поведеніемъ. Остатокъ жизни своей митроп. Платонъ провелъ отчасти въ путешествіи по Россіи, отчасти въ келейной жизни на Перервѣ. Еще въ августѣ 1792 г. съ благочестивою и любознательною цѣлью, было совершено Платономъ путешествіе въ Переяславль, Ростовъ, Ярославль, Кострому, Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ и Александровъ; но у него было давнее желаніе побывать еще въ Кіевѣ, въ Россійскомъ Іерусалимѣ, для поклоненія святымъ угодникамъ. Черезъ это путешествіе Платонъ надѣялся также укрѣпить свое разстроенное здоровье и найти новыя матеріалы для русской церковной исторіи въ колыбели отечественнаго христіанства, гдѣ митрополитомъ былъ тогда прежній викарій и другъ его Серапіонъ (Александровскій), неоднократно и убѣдительно приглашавшій къ себѣ Платона. Съ такою цѣлью Платонъ отправился въ Кіевъ изъ Москвы 28-го мая 1804 года чрезъ Можайскъ, Гжатскъ, Вязьму, Смоленскъ, Могилевъ и Черниговъ (обратно чрезъ Батуринъ, Глуховъ, Орель, Тулу) и, во все время путешествія своего, отовсюду видѣлъ знаки любви и уваженія къ себѣ: жители городовъ и селеній,—по собственному его замѣчанію,—«ездѣ жадно тѣснились окрестъ его, яко свойственно добрымъ христіанамъ, увидѣвъ служителя Церкви Христовой и, съ любовью взирая, добродушно испрашивали отъ него благословеніе Божіе“.

Передавъ управленіе епархіей Московской викарію своему, епископу Августину, престарѣлый митроп. Платонъ проводилъ остатки дней своихъ келейно, въ Виенахъ. Разныя тѣлесныя недуги напоминали ему о кончинѣ; и окружавшіе митр. Платона часто слыхали слова его: „Время отшествія моего наста“. Въ успокоеніе свое святитель говаривалъ: „Со

смертію надобно нѣсколько подружиться, дабы съ меньшимъ страхомъ встрѣтить ее“. Такъ свикался съ мыслию о концинѣ своей и готовилъ себя къ вѣчности сей архипастырь. При всемъ томъ онъ не переставалъ заботиться о благѣ отечества, скорбѣлъ душою о постигшемъ Россію несчастіи, велъ съ Государемъ переписку, въ коей съ честною смѣлостію высказывалъ свои взгляды на Тильзитскій миръ съ Франціей и находилъ нужнымъ войну съ французами. „Не вѣрьте,—писалъ знаменитый митрополитъ къ своему Государю...—не вѣрьте ложному миру; и коль скоро будемъ вѣрить, то падемъ, падемъ бѣдственно, и слава наша затмится такъ, какъ затмилась слава несчастной Трои“. Между прочимъ, Платонъ не только слышалъ о Наполеонѣ, а и находился съ нимъ въ перепискѣ; правда, косвенной. Почти наканунѣ войны съ Россією Наполеонъ обратился черезъ сенатора, графа Грегуара, съ письмомъ къ митроп. Платону, которое заканчивалось надеждою на соединеніе восточной и западной церкви. Въ отвѣтномъ письмѣ къ повѣренному Наполеона, митроп. Платонъ говорилъ: „Съ царствованія Петра І дѣланныя покушенія касательно сближенія двухъ церквей остаются безуспѣшными, потому что надобно убѣдиться, что подобная мысль совершенно противна духу народа русскаго. Народъ нашъ столько привязанъ къ своей вѣрѣ, что всякая въ ней перемѣна можетъ сдѣлаться для русскыхъ оскорбительною и пагубною“... Но вскорѣ прекратились переговоры Наполеона съ Россією,— наступилъ 1812 годъ, тяжелый для всей Россіи и послѣдній годъ жизни святителя Платона. Скорбя сердечно объ отечествѣ, попираемомъ врагами, Платонъ еще болѣе разстроилъ свое здоровье. „Боже мой! Боже! до чего я дожилъ?“—часто повторялъ митроп. Платонъ и горько плакалъ, такъ что никто изъ окружавшихъ его не могъ и не смѣлъ утѣшить его. Подобно препод. Сергію, нѣкогда благословившему Дмитрія Донскаго на брань съ Мамаемъ, митроп. Платонъ изъ Визаніи послалъ государю Александру І икону преп. Сергія, древняго ревнителя о благѣ Россіи, съ прочувствованнымъ письмомъ, въ коемъ, между прочимъ, какъ бы въ пророческомъ духѣ, онъ предсказалъ сему императору величіе и побѣду, а Наполеону—позоръ и погибель: „Пусть дерзкій и наглый Голиафъ отъ предѣловъ Франціи обноситъ на краяхъ Россіи смертоносные ужасы, но кроткая вѣра, сія праща Россійскаго Давида, сразитъ внезапно главу кровожадущей его гордыни“. Въ другомъ письмѣ святитель говоритъ о Наполеонѣ: „И этотъ фараонъ погрязнетъ здѣсь съ полчищемъ своимъ, яко въ Черномъ морѣ. Онъ пришелъ къ берегамъ Двины и Днѣпра провести третью новую рѣку—страшно выговорить—рѣку крови человѣческой. О, каждая капли крови воззоветъ отъ земли къ небу. Крови брата твоего взыщу отъ руки твоея. Франція познаетъ въ Богѣ Господа отмщенія, а Россія восчувствуетъ, испо-

вѣдуетъ, возопіетъ къ Нему: Авва! Отче! Царю небесный! Ты изведеша яко свѣтъ, правду Монарха и судьбу Россіи, яко полудне“...

Московское оцолченіе выступило въ походъ съ благословеніемъ митроп. Платона и съ хоругвями изъ церкви Спаса въ Спасской, при коей почивалъ прахъ отца его. Услышавъ объ этомъ, Платонъ со слезами воскликнулъ: „Съ нами Богъ!“ Въ день Преображенія Господня, въ храмовой праздникъ въ Виоаніи, святитель Платонъ за литургіей въ нижней церкви Лазарева воскресенія возносилъ со слезами трепещущія длани, поддерживаемыя, какъ нѣкогда у Моисея, сослужившими съ нимъ. Послѣ обѣдни онъ вдругъ остановился и, обращаясь на всѣ четыре стороны, какъ будто вѣлушиваясь въ чьи-либо слова, нѣсколько разъ повторилъ: „Ключъ къ Москвѣ взять: злодѣй въ Смоленскѣ“. Окружавшіе не знали, что подумать, и лишь на третій день послѣ того достигло къ Виоанію извѣстіе, что не устояли и стѣны Смоленскія, о коихъ, восемь лѣтъ тому назадъ, заботился митр. Платонъ съ какимъ-то предчувствіемъ, что и „онѣ будутъ пужны и полезны Россіи“. Несмотря на свою болѣзнь, митроп. Платонъ въ самый день великой Бородинской битвы прибылъ въ Москву. Въ Кремлѣ, близъ Ивановской колокольни, было устроено возвышеніе, народу собралось великое множество, послѣ молебствія митрополитъ обратился къ жителямъ Первопрестольной чрезъ діакона, умоляя ихъ покориться волѣ Божіей и общаясь молиться за нихъ. По свидѣтельству очевидца, почтенный видъ святителя, его слезы, его рѣчь, хотя и передаваемая устами другого, сильно дѣйствовали на народъ: рыданія слышались со всѣхъ сторонъ, всѣ стояли на колѣняхъ. Не взирая на то, что Москвѣ угрожалъ Наполеонъ, митроп. Платонъ никакъ не соглашался оставлять своей паствы въ опасности и покинуть унылую столицу, и лишь за два дня до вступленія въ Москву французовъ, епископу Августину удалось убѣдить митрополита ѣхать въ Виоанію. Покидая навсегда Первопрестольную, тяжело больной архипастырь опустился на колѣни предъ образомъ Спасителя въ своей келіи на Троицкомъ подворьѣ и, рыдая, долго молился за спасеніе родины, за царя, за Москву.

Скорбя сердечно о бѣдствіи своего отечества, митроп. Платонъ, казалось, не хотѣлъ умирать прежде рѣшенія судьбы его. Богословъ и философъ, святитель и витія, другъ вельможъ и царей, онъ больше всего—больше учености и власти, больше почести и славы любилъ свою родину, и только ее одну. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что непріатели не будутъ въ обители Сергіевой и часто повторялъ окружавшимъ его, что если нечестивцы прикоснутся въ Москвѣ къ образамъ Божиимъ, то погубить, что Преподобный постоятъ за себя и не допустить врага къ себѣ. Въ тотъ самый день, когда непріатели

оставили Москву, Платонъ, сидя за обѣдомъ, вздремнулъ, что подѣ старость съ нимъ случалось нерѣдко; но вдругъ, проснувшись, сказалъ довольно громко: „вышелъ, вышелъ“, и снова впалъ въ забытіе; окружавшіе не поняли значенія этихъ словъ, а на другой день узнали, что непріятель вышелъ изъ Москвы. И когда митроп. Платону было сообщено извѣстіе объ оставленіи французами Первопрестольной, то онъ перекрестился и съ сіяющимъ лицомъ воскликнулъ: „Слава Богу! Москва освобождена, и я теперь умру спокойно“.

Кончина святителя Платона была кончиною праведника: переходъ изъ временной жизни въ вѣчную не страшилъ его. За нѣсколько времени до смерти онъ каждодневно причащался Свв. Таявъ. Наступило 11-е ноября: роковая развязка была близка, но ея никто не подозрѣвалъ, хотя митрополитъ Платонъ и сказалъ своимъ приближеннымъ: „теперь все рѣшится“, а наканунѣ велѣлъ вынуть кипарисовый гробъ, заготовленный имъ около девяти лѣтъ назадъ. Въ 12 часовъ дня святитель Платонъ съѣлъ за обычную скромную трапезу и, по окончаніи ея, почувствовалъ себя дурно; а въ два часа дня великаго іерарха церкви Московскои и печальника всей русской земли не стало. Отпѣваніе митр. Платона было совершено въ Троицкомъ соборѣ Сергіевои лавры 16 ноября, епископомъ Августиномъ, соборитъ съ архимандритами и іеромонахами. Не смотря на тревожное время, народу на отпѣваніе собралось множество; горькій плачь и рыданія сливались вмѣстѣ съ погребальнымъ пѣніемъ. И въ правѣ былъ сподвижникъ скончавшагося іерарха, архимандр. Евгений, въ надгробномъ словѣ своемъ воскликнуть: „Закатилось солнце, свѣтило церкви, украшеніе и образецъ пастырей, примѣръ и утѣшеніе русскаго народа“... По отпѣваніи, гробъ съ тѣломъ скончавшагося святителя, съ печальной процессіей, растанувшейся болѣе, чѣмъ на версту, былъ несомъ священнослужителями въ Спасо-Виоанскій монастырь и опущенъ въ могилу, приготовленную въ церкви Воскрешенія праведн. Лазаря. Надпись, которую мы видимъ на скромномъ памятникѣ митроп. Платона, сочинена имъ самимъ и гласитъ: „Здѣсь погребенъ тѣломъ преосвящ. Платонъ, митр. Московскій, архимандритъ Троицкои лавры и сея Виоанскія обители и при ней Семиаріи основатель“. А внизу—стихи:

Читатель, вспомни всѣхъ судьбу,
Прсей о немъ свою мольбу,
Да въ Богъ духъ его опочиваетъ,
Воставъ и тѣло его съ нимъ да возсіяетъ.
На землѣ суть временна и тлѣнна,
Непостоянна вся и тлѣнна
Единъ покой на небесахъ.
Лети въ нихъ, вѣра, на крылахъ!“

Сочиненія митроп. Московскаго Платона Левшина являются драгоценным вкладомъ въ сокровищницу русской богословской мысли и составляютъ славу не только русской церкви, а и русскаго общества.

Талантъ митроп. Платона проявился особенно въ блестящихъ его проповѣдяхъ на воскресные и праздничные дни, въ привѣтственныхъ и надгробныхъ словахъ. Несомнѣнно, митропол. Платонъ, — проповѣдникъ по призванію и, притомъ, идеаль православнаго церковнаго проповѣдника, — имѣлъ огромное вліяніе на послѣдующихъ представителей русскаго проповѣдничества, среди коихъ были знаменитые: Филаретъ, митроп. Московскій, Евгений, архіеп. Ярославскій, Амвросій, архіеп. Тверской. Хотя не всё поучительныя слова святителя Платона — одинаковаго достоинства, однако, всё они представляютъ собою назидательное чтеніе, какъ училище благочестія и добродѣтелей; и самъ Св. Синодъ, признавая достоинство сихъ проповѣдей Платоновыхъ, включилъ многія изъ нихъ въ число годичныхъ поученій для всѣхъ церквей.

Въ области исторической науки митр. Платонъ Левшинъ знаменитъ, какъ ученый труженикъ, въ своей „Церковной Россійской Исторіи“ (окончен. XVII вѣкомъ), давшей первый опытъ систематической разработки отечественной исторіи Церкви. Этотъ трудъ Платона, по отзыву Филарета, архіеп. Черниговскаго, — „въ отношеніи безпристрастія могущій служить образцомъ для историка русской церкви“, по взгляду проф. П. В. Знаменскаго — трудъ „рѣдкій по талантливости, полный обиліемъ фактовъ, мѣткихъ замѣчаній и серьезной критики“, по мнѣнію С. М. Соловьева — „трудъ запечатлѣнный печатью могучаго юнаго таланта“. Къ историческимъ трудамъ митр. Платона относятся также: его автобіографія, доведенная имъ самимъ до 1807 г., историческія надписи на разныхъ памятникахъ, историческое описаніе Сергіевой лавры, его путевыя записки, веденныя въ 1772 и 1804 г.г.

Какъ педагогъ и канонистъ, митр. Платонъ извѣстенъ своими трудами: „Катехизисъ, толкованный всенародно“ въ 1757 и 1758 г.г., Катехизисы для малолѣтнихъ, для обученія отроковъ, для священнослужителей, „Православное ученіе или сокращенная христіанская богословія“, „Инструкція благочиннымъ священникамъ“, вполнѣдствіи принятая Св. Синодомъ за общее правило, „Увѣщаніе раскольниковъ“ съ чиноположеніемъ, какъ принимать обращающихся изъ нихъ къ православной Церкви. „Катехизисы“ Платоновы, бывшіе до появленія Катехизиса митр. Филарета единственными курсами богословія на русскомъ языкѣ, не утратили своего воспитательнаго значенія и понятія, особенно его образцовый „Катехизисъ, въ бесѣдахъ начально въ академіи преподаанный народу“ и „Сокращенная христіанская богословія“, пріобрѣтшая широкую извѣстность даже за границей, чрезъ переводъ на языки:

латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій, англійскій, голландскій, грузинскій, армянскій...

Митрополиту Платону принадлежать также: Акаенсты преподобному Сергію и благовѣрному князю Данилу, многочисленныя письма его и разныя другія его сочиненія, *) изданію коихъ предпосылаемъ слѣдующее „Предисловіе отъ сочинителя“ ихъ:

„При изданіи въ свѣтъ всѣхъ моихъ сочиненій, я предвижу, что они должны предстать, яко на судъ разнаго рода и состоянія читателей, изъ которыхъ всякъ свое, по мѣрѣ своего понятія, или просвѣщенія, а иногда, можетъ быть, и страсти, дѣлать будетъ заключеніе. Предупреждая строгость такового суда, уповаю оную смягчить чистосердечнымъ признаніемъ моихъ недостатковъ. Сохрани Богъ! чтобы когда-либо предпріялъ я велемудрствовать о своихъ сочиненіяхъ, и оныя бы почиталъ въ своемъ родѣ совершенными. Знаю, koliko изъ нашихъ соотечественниковъ было и есть даромъ витійства прославившихся, коимъ по ихъ достоинствамъ всякую отдаю честь и справедливость, не меньше самъ какъ и другіе, услаждаясь ихъ поученіями. Но при всей томъ, если каковой малѣйшій стязалъ я даръ слова, оный восписую единому Раздаятелю даровъ—Духу Святому: почитая за неизвинительное предъ совѣстію моею, дабы оный не употребить въ созиданіе Церкви Божіей и въ пользу другихъ и собственную мою, съ кротостію присвоая себѣ оное Соломоново слово: „Нелестнѣ научихся, безъ зависти преподаю, и богатства премудрости не сокрываю“.

Всякъ изъ читающихъ можетъ видѣть содержаніе моихъ писаній, но не всякъ намѣреніе мое, которое открытъ почитаю я за нужное, не только для того, чтобы извинить мои недостатки, если бы какіе противъ правилъ витійственнаго слога были примѣчены, но и съ тѣмъ притомъ, не послужить ли сіе открытіе моего намѣренія и для другихъ, въ проповѣданіи слова Божія труждающихся, нѣкоторымъ примѣромъ. Признаюсь, что о витійственномъ и ищещренномъ слогѣ я никогда много не заботился. Таковой словами играющій и надменный слогъ можетъ быть для свѣтскихъ сочиненій когда-либо пристоеенъ и нуженъ: но на священномъ мѣстѣ, гдѣ устами проповѣдника бесѣдуетъ вѣчная истина, почиталъ я, что оный есть излишенъ, разсуждая, что

*) Наибольше известныя сочиненія о самомъ митр. Платонѣ—слѣдующія: А. Надежкинъ: „Митрополитъ Московскій Платонъ Левшинъ, какъ проповѣдникъ“. Казань 1883 г.; П. Лысогорскій: „Московскій митр. Платонъ, какъ противораскольническій дѣятель“. 1905 г. Ростовъ на Дону; С. К. Смирновъ: „Автобіографія Платона, митр. Московскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями“. М. 1887 г.; А. Вѣднень: „Митрополитъ Платонъ въ отношеніяхъ къ Византской Семинаріи“. М. 1897 г.; И. М. Снегиревъ: „Жизнь Моск. митр. Платона“. Изд. 1891 г.; „Объ изученіи жизни и трудовъ митроп. Платона“ („Всесоюзск. Вѣстн.“ май, 1913 г.).

слово Божіе есть подобно сановитой женѣ, которая сама собою заставляетъ себя почтаться, не требуя прикрасъ жены нецѣломудренной. Притомъ, церковный проповѣдникъ долженъ бесѣдовать къ людямъ различнаго состоянія и понятія; а потому—необходимость требуетъ, дабы духовная бесѣда была всякому удобопонятна; удаляя отъ себя, сколько возможно, то подозрѣніе, что будто проповѣдникъ болѣе ищетъ хвалы слушателей за свое краснорѣчивое слово, нежели ревнуетъ о насажденіи добродѣтели и страха Божія въ сердцахъ слушателей.

По симъ причинамъ о витійственномъ и испещренномъ слоgѣ я никогда много не заботился: а все мое вниманіе и стараніе обращалъ на то, дабы въ словѣ моемъ ничего не было темнаго, невразумительнаго, или сомнительнаго, или обоюдный разумъ имѣющаго; чтобы притомъ все было поставлено въ своемъ мѣстѣ, сходственно съ порядкомъ естественнымъ: доказательства на всякое предложеніе были бы приличныя, убѣдительныя, неоспоримыя, и ничего бы таковаго между ними не было, что слушателю показалось бы сомнительнымъ, или на что онъ могъ бы сдѣлать возраженіе. Къ сему единственно простиралось всегда все мое вниманіе, и притомъ—я увѣрялъ себя, что если слово съ такимъ духомъ будетъ сочинено и произнесено, болѣе можетъ подѣйствовать на сердце слушателя, и больше къ его пользѣ послужить, нежели то, которое подымается одною пестротою разнообразныхъ выраженій, и токмо производить одинъ громкій словъ шумъ, ни силы, ни духа не имѣющій.

Если же я и въ семъ не успѣлъ, не для того, чтобы не доставало моего къ тому намѣренія и тщанія, но не доставало силъ и возможности. Не всякъ всѣ дары стяжати можетъ. „Комуждо бо,—да со Апостоломъ скажу,—дается явленіе духа на пользу, овому дается слово премудрости, иному слово разума, иному реди языковъ, другому же сказанія языковъ. Вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо, якоже хошетъ (1 Кор., 12, 11). Почему извинитъ меня читатель, если каковыя въ чемъ-либо усмотритъ въ моихъ сочиненіяхъ недостатки, только удостоилось бы его одобренія мое намѣреніе, впрочемъ, по Апостолу, много погрѣшаемъ вси.

Въ заключеніе же сердечно желаю, и усердно Господа молю, да чтеніе сихъ сочиненій дѣйствіемъ благодати Его принесетъ какую-либо малѣйшую внимательно читающимъ пользу, и сія пріобрѣтѣнная польза да будетъ мнѣ заступленіемъ въ день праведнаго, каждому по дѣламъ его, воздаянія“.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ СЛОВА.

Слово о пользѣ благочестія *).

„Тѣлесное обученіе вмагъ есть по
лезно, а благочестіе на все полезно
есть“.

(1 Тимоѳ., гл. 4, ст. 8).

Разсуждающему о приходѣ Вашего Императорскаго Величества въ обитель сію, не трудно найти движущую причину онаго, что, единымъ п.буждаемы благочестіемъ и усердною къ Богу и угодникамъ Его восплаемы вѣрою, сей трудъ принять благоволили, въ сокровенности души своей, по оный Давидовъ стихъ: „Мнѣ же зѣло чести быша друзи Твои, Боже“ (Псал. 138, 17). Признаемъ мы не малое въ предпріятіи семъ Твое снисхожденіе, но и исповѣдуемъ, что снисхожденіемъ симъ Величество Твое болѣе возносится и прославляется. Подражаешь Ты, Великая Монархиня, въ дѣлѣ семъ, какъ и во всемъ прочемъ, высочайшимъ и благочестивымъ предкамъ своимъ, которые по себѣ сумнѣніе оставили, благочестіемъ ли болѣе, или мужествомъ, мужествомъ ли болѣе внѣ отечества, или мудрымъ внутрь отечества правленіемъ, безсмертную себѣ приобрѣли память. Ихъ въ полѣ мужество не мѣшало имъ дома мудрое и смотрительное имѣть правленіе, а и то и другое—не препятствовало имъ и благочестія дѣло отиравать со всякимъ благоговѣніемъ. Все они сіе мѣсто своими священными стопами освятили. Да умолчу дальнѣйшихъ Вашего Величества предшественниковъ (сіе бо многаго требуетъ труда), довольно напомнить, что Великій, безсмертно жить достойный, Петръ, дражайшій Вашего Величества дѣдъ, особенный былъ мѣста сего покровитель. Преславныя монархини Анна и Елисавета, любезнѣйшія Вашего Величества тетки, рачительнѣйшія были обители сея украсительницы, ко-

*) Сказано при Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества присутствіи, въ Святотроицкой Сергіевой лаврѣ, въ храмѣ Святыя Троицы, 1763 года, Мая 19 дня.

горя изобильно источником щедротъ своихъ струю Радонежскую нанюжи. Которыхъ благочестію ревнуя и Ваше Императорское Величество, Монаршимъ своимъ посѣщеніемъ лавру сію, се уже второе, удостоить благоизволили: за что да посѣтитъ Тя Востокъ съ высоты

А мы, слушатели, имѣя Монархию намъ примѣръ благочестія, краткую бесѣду предложимъ: „сколько всякому человѣку приносить пользы, ежели онъ будетъ не лѣнливо упражняться въ благочестивомъ дѣлѣ богопочитанія?“ которое слово высочайшимъ своимъ, Благочестивѣйшая Государыня, дозволеніемъ подтвердить вселмиренно молю.

Благочестіе требуетъ, не токмо чтобы истинное о Богѣ имѣть познаніе, но чтобы и лицемѣрное и боголѣнное воздавать Ему почитеніе, любя Его всѣмъ сердцемъ, какъ благоутробнѣйшаго Отца; боясь, какъ строгаго и пороками гнушающагося Судии и, всю надежду во всемъ на Него возлагая, какъ на попечительнаго Промыслителя. Почему никакого нѣтъ сомнѣнія, что ни благодать Божію получить, ни помощи Его ожидать, ни царствія небеснаго надѣяться—безъ благочестія не возможно: „нечестивіи бо не узрятъ славы Господни“,—поетъ Пророкъ (Исаиѣ, 26, 10). Оставивши убо сіе, какъ само чрезъ себя очень ясное и всѣмъ извѣстное, болѣе къ тому рѣчь нашу склонимъ, что ниже до сея жизни надлежащія дѣла, безъ благочестія, могутъ люди проходить благополучно и съ успѣхомъ.

Всѣ, вообще, дѣла раздѣлены быть могутъ на „общенародныя, духовныя и гражданскія“. Разсмотримъ же, во-первыхъ, общенародныя, Общенародныя дѣла суть слѣдующія: напримѣръ, землю орать, продать, купить, нанять, работать, помочь, одолжить и прочія. Для совершеннаго сихъ дѣлъ исправленія надобна охота безпринужденная, вѣрность лицемѣрная, искренность открытая, трудъ и прилежаніе: надобно, чтобы не было праздности, пьянства, хитрости, обмана, нерадѣнія. Но не имѣющій въ сердцѣ страха Божія, человѣкъ оныя дѣла благополучно и совѣстно совершить не можетъ. Онъ будетъ въ ораніи лѣнливъ, или излишне и язычески заботливъ, въ продажѣ лукавъ; въ куплѣ не осмотрителенъ, или безразсудно щедръ, въ наемѣ обидливъ, въ работѣ нерадивъ, въ вспомогательствѣ бѣдности другаго жестокъ и не сожалителенъ, въ одолженіи другаго скупъ, и къ нуждамъ его нечувствителенъ; и для сего мы тому, кто насъ обижаетъ, или помочь въ бѣдности нашей намъ отказывается, или работаетъ нерадиво, или поступаетъ лукаво, обыкли говорить: „что ты Бога не боишься“. Чѣмъ даемъ знать, что ежели бы онъ боялся Бога, такимъ бы незаконнымъ образомъ съ нами не поступалъ: понеже обманы, обиды, несогласія, праздность, пьянство, и прочія безчинія наипаче отъ кеимѣнія страха Божія происходятъ. Благочестивый, напротивъ, и Бога боящійся человѣкъ, въ

земледѣльствѣ будетъ прилеженъ, но безъ заботливости языческой, то есть, болѣе на промыслъ Божій полагаясь, въ продажѣ справедливъ безъ хитрости, въ куплѣ разсмотрителенъ, не имѣя худаго расточительнаго права, въ наемѣ не обидливъ, къ бѣдности другаго сожалителенъ и щедръ, ко вспомогательству другому въ нуждахъ скоръ и милосердъ, благочестивый бо мужъ милуетъ и скоты свои, къ дѣлу охотенъ безъ принужденія, вѣренъ безъ лицемерія, искрененъ безъ закрытія, прилеженъ и снискателенъ своего добра безъ зависти. Почему удивительно ли, что усердный къ Богу человекъ будетъ благополученъ; а Бога не боящійся—несчастливъ; тотъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ благопоспѣшенъ, сей ни въ чемъ неудачливъ; тотъ всемъ любезенъ и приятенъ, сего все отвращаются и гнушаются? Удивительно ли, что благочестивый человекъ всемъ изобилуетъ, всемъ доволенъ, да еще весь день милуетъ и въ займъ даетъ; а не де, жашійся благочестія человекъ—во всемъ скуденъ, недостаточенъ, и принужденъ бываетъ часто просить насущнаго хлѣба? „Клятва бо Господня въ домѣхъ нечестивыхъ, двори же праведныхъ благословляются“ (Притч., 3, 33): „имѣніе, поспѣшаемо съ беззаконіемъ, умалено бываетъ, собираи же себѣ съ благочестіемъ изобильствовати будеть; праведный щедритъ и даетъ“, пишетъ мудростію славный Соломонъ. А святой Давидъ, сію истину самимъ собою дознавъ, вопіеть: „Юнѣйшій бѣхъ, нбо состарѣхся: но не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмени его просяща хлѣба“, и далѣе припѣваетъ: „богатіи обнищаша и взалкаша, взыскающіи же Господа не лишатся всякаго блага“ (Пс. 36, 25; 33, 11). Таковыхъ намъ богочитателей Божіе слово представляетъ въ примѣръ Авраама, Исаака, Іакова, Іова, которыхъ столь благословилъ Богъ всякимъ богатствомъ, что они для множества скота своего принуждены были свои жилища съ однихъ мѣстъ переносить на другія. А чтобы мы сіе праведныхъ праведное обогащеніе какому не причли случаю, въ томъ насъ Священное Писаніе предостерегаетъ, которое, именно, и тѣлесное всякое довольство сказуеть быть благословеніемъ Божіимъ, и награжденіемъ за соблюденіе святаго зкона Его. „Аще“, глаголетъ Господь Богъ, „въ повелѣніихъ Моихъ ходите, и заповѣди Моя сохраняете, и сотворите я: и дамъ дождь вамъ во время свое, и земля дастъ плоды своя и дрѣвеса сельная отдадутъ плодъ свой: и постигнетъ вамъ мзаченіе (жить), обраніе вина, и обраніе вина постигнетъ сѣяту, и снѣте хлѣбъ вашъ въ сытость“ (Лев., 26, 3—5).

Правда, что и нечестивые нѣкогда богатѣють, и воспріемлютъ блага въ животѣ своемъ; но лучше малое праведнику паче грѣшныхъ богатства многа. Не тотъ богатъ, кто много имѣеть; но кто малымъ доволенъ: тотъ богатъ, что и съ нищетою дружно живетъ. Когда

нищета соединена съ безопасностію и спокойствіемъ, то она должна быть почитаема выше богатства, смущаемаго безпокойствомъ и ежечаснымъ страхомъ. Неправедные иногда, нерѣдко, бываютъ и одарены богатствомъ, но безпокойнымъ, наичастѣе же скудость всякую претерпѣваютъ: напротивъ, благочестивые рѣдко скудостію страждутъ; а хотя иногда, по неизвѣстнымъ намъ Божиимъ судьбамъ, нищетою и искушаются, но между тѣмъ утѣшаются и довольствуются тишиною спокойнаго духа. И такъ видимъ, что благочестіе, полезное на все, полезно во всякихъ и общенародныхъ дѣлахъ. Разсмотримъ же и духовныя дѣла.

Духовныя дѣла суть: учить, проповѣдывать слово, заблуждающихъ обращать, немощныхъ подкрѣплять, утѣшать унывающихъ, быть житіемъ примѣромъ другимъ, со страхомъ и благоговѣніемъ божественную отправлять службу, и дѣло Божіе творить не съ небреженіемъ. По какъ бы все сіе безъ благочестиваго и благобоязливаго духа благополучно возможно было совершить, то и понять не можно. Безъ благочестія ученіе будетъ недействительно, проповѣдь бесполезна, Божія дѣла служеніе соблазнительно, вмѣсто наставника бываетъ развратникъ, вмѣсто пастыря наемникъ, вмѣсто свѣтила церковнаго становится вождемъ слѣпымъ. Когда духовенство истиннымъ благочестіемъ украшаетъ себя; когда мы въ лучшемъ и церковь видимъ состояніи, тогда церковный пастырь водить овецъ, куда хочетъ, и овцы за нимъ съ охотою всюду слѣдуютъ; и такъ исполняютъ законъ Христовъ. Ежели сожалѣть можемъ, что нѣкоторые пастыри ученіемъ не довольно просвѣщены: колыми паче жалѣть надобно, ежели иные и къ Богу мало усердны, и ихъ жестокою душою страхъ Божій не весьма пронзаетъ. Благочестивый пастырь и безъ дальняго ученія примѣромъ воспользуется, а ученый, но безъ благочестія, ни мало, или что ученіемъ созиждетъ, то худымъ своимъ житіемъ разорить. Да еще Богъ и запрашиваетъ таковымъ въ свои уста Свое пречистое слово принимать. „Грѣшнику рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя, и воспріемлеши законъ Мой усты твоими нечестивыми? ты же возненавидѣлъ еси наказаніе“, и прочая (Псал. 49, 16—17). Израильтяне, хотя имѣли въ Вавилонѣ гусли и органы, однако не дерзали на оныхъ играть для того только, что въ чужой были землѣ; колыми паче пастырю непристойно воспѣвать посреди церкви Божіе слово, когда органъ языка его не согласенъ съ гуслими добродѣтелей души его. Примѣры имѣемъ довольные. Многіе были, по мнѣнію міра сего, неученые, но просіяли великими церковными свѣтилами. Блаженный Августинъ, услышавши, что египетскій Антоній, будучи простой, но житіемъ столь прославился, что славы его вся Африка не вмѣщала, да еще отъ Бога сподобился и чудотворенія силы. Услышавъ сіе Августинъ и разсудивши самого

себя, какъ человѣка преученаго, но житіемъ тогда еще недостаточнаго, возопилъ: „Встають де неученые и небо похищаютъ, а мы съ своимъ ученіемъ до ада ниспадаемъ“. А для чего? — для того, что хотя ученія много, да совѣсти мало. Почему также многіе были, по мнѣнію мірскому, а не Божьему, преученые; но жизнь свою скончали къ великому Церкви соблазну. Хотя, впрочемъ, то не сомнительно, что ничто не можетъ быть драгоцѣннѣе, ничто любезнѣе, ничто пристойнѣе, какъ пастырь, въ которомъ ученіе съ благочестіемъ соединено есть: „иже бо сотворить и научить, той велиї наречется въ царствіи небеснѣмъ“ (Матѣ., 5, 19). Вотъ, видимъ и въ духовныхъ дѣлахъ благочестія превелию пользу! Но посмотримъ и на гражданскія дѣла.

Дѣла гражданскія суть: судить, защищать неповиннаго, повиннаго осуждать, править другими, разбирая всякія дѣла ко всякому удовольствію, и во всемъ крѣпко наблюдая правду, стараться о всякомъ благополучіи. Но не знаю, какъ можетъ все сіе, безъ обиды другаго, исполнить, который имѣеть душу благочестіемъ и страхомъ Божиимъ необузданную. Его очи серебромъ скоро ослѣплятся, чтобы не видѣть правду; его сердце златомъ отягчется, чтобы нечувствительнымъ быть къ просьбѣ неповиннаго; его руки съ трудностію удержатся отъ похищенія чужаго добра. Напротивъ, сколько бы кто много къ неправдѣ ни склоненъ былъ: но когда на мысль приведетъ онаго нелицепріятнаго Судію Бога, Который строгій есть нарушенной правды отмститель, содрогнется, и въ нѣкоторое придетъ чувствіе. И для того Евангеліе онаго судію, который бѣдныя вдовицы прошеніе мало слушалъ, называетъ „Бога не боящимся“.

А наипаче благочестіе и страхъ Божій, превосходную силу и премоноую пользу имѣеть во многотрудномъ и великомъ государственномъ правленіи; гдѣ надобно сто очей къ усмотрѣнію всякаго дѣла обстоятельствъ, сто ушей къ выслушанію просьбы всякаго; гдѣ тысяча неудоборѣшимыхъ узловъ, тмы едва преодолимыхъ трудностей. Какъ же все сіе рѣшить? Какъ все оныя труды, безъ отягченія, снести, безъ особенной Божіей помощи, и ежели Онъ Самъ невидимо не подкрѣпляетъ и не умудряетъ? — никакъ невозможно. Но сія милостивая Царя царствующихъ и верховнаго свѣта Правителя помощь благочестіемъ, страхомъ, любовію и особеннымъ къ Нему усердіемъ снискивается. А безъ того все дѣла и правительство къ своему паденію клонятся будутъ и цвѣтъ государства скоро увядаетъ. Соломонъ, когда съ благочестіемъ почиталъ Бога, все дѣла его текли по его желанію, но какъ только совратился съ сего святаго пути, то тотчасъ царство его къ паденію клониться начало. „Понеже,—сказалъ ему Богъ,— не сохранилъ еси заповѣдей Моихъ, яже заповѣдахъ тебѣ, раздирая

раздери царство твое изъ рукъ твоихъ“ (3 Царств., 11, 11). И для того нѣкоторый языческій философъ написалъ, что верховному начальнику должно быть богобоящемуся: понеже тогда его подданные боятся, когда видятъ его самого боящимся Бога.

Я сюда отношу и военныя дѣла, которыхъ окончаніе чѣмъ опаснѣе и безызвѣстнѣе, тѣмъ болѣе должно къ Богу прибѣгать, и никакого дѣйствія не начинать, не истребовавъ Его святой помощи. Ненадежно тамъ уповать на мечи, луки и стрѣлы, но на единого Господа Саваова, Бога ополченія Израилева. „Не спасается Царь многою силою и исполнѣнъ не спасется множествомъ крѣпости своея“ (Псал. 32, 16). „Не въ силѣ конствѣй восхоцетъ, ниже въ лыствѣхъ мужескихъ Вышній благовольтъ: благовольтъ Господь въ боящихся Его, и во уповаюцнхъ на милость Его“ (Псал. 146, 10—11). Есть страшнѣе тотъ вопнѣ, котораго десницу вооружаетъ Господь. Почему и благоспѣшествво браней зависитъ отъ благочестія, которое Божию помощь на свою страну привлекаетъ.

Знать, что довольно силу благочестія знали и самыя язычники; какъ-то: преславный Киръ, Великій Александръ, Сципiонъ, Юлій, Помпей и прочіе, которые, хотя знатнѣйшіе были въ свѣтѣ герои: однако, не вступали въ брань, не призывавъ на помощь мнимыхъ своихъ боговъ; и по побѣдѣ не начинали торжества, какъ токмо съ благодаренія тѣмъ же своимъ мнимымъ богамъ.

Но намъ, вмѣсто всѣхъ ихъ, довольно напомнить нынѣшняго вѣка преславнаго героя, Великаго Петра, отца нашего отечества, которому разные походы, жестокія брани, многотрудныя и неисчислимыя государственныя дѣла не токмо не воспрепятствовали благочестія дѣло отправлять со всякимъ благоговѣніемъ, такъ что иногда онъ самъ, своею Монаршею особою, не стыдился чтеніемъ и пѣніемъ церковь Божию увеселять; но и великое тщаніе прилагалъ завести ученія вездѣ, наиболѣе къ утверженію и распространенію благочестія, которое его пресправедливое тщаніе Господь Богъ и успѣхомъ желаемымъ благословилъ.

Такой дивной по благочестію ревности живою подражательницею есть наша благочестивѣйшая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссийская, которая усердность свою къ Богу и ревность по истинной вѣрѣ всему свѣту прясно доказала своимъ преславнымъ восшествіемъ на всероссійскій престоль. Не чести желаніе, ниже сокровища злата и сребра возбудили духъ ея на оное пречудное предпріятіе, какъ токмо, чтобы Церковь избавить отъ угрожаемыхъ ей золь и любезному отечеству спокойство и благополучіе даровать.

А сему благочестію, отъ младыхъ ногтей, не токмо неуспыннымъ попеченіемъ матернимъ, но и своимъ высокимъ примѣромъ научаетъ любезнѣйшаго сына своего, Государя Наслѣдника, Павла Петровича,

вождедѣннѣйшую всероссійскую надежду. Господь Вседержитель, облѣи на херувимѣхъ, неугасаемымъ къ Себѣ любви огнемъ возжегъ Твое, благочестивѣйшая Монархія, сердце, который огонь чтобы въ душѣ ея пылалъ, всеусердно молимъ мы со всею Церковію Тебе, Господи Боже духовъ и всякія плоти! Аминь.

Слово на освященіе храма*).

„Господи! Кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ“?
(Псал. 14, ст. 1).

Что Богъ по существу Своему никакимъ мѣстомъ объять быть не можетъ, о томъ ни мало не усомнится, кто явственное о Богѣ имѣеть понятіе, и вѣдаетъ, что Богъ вездѣ есть и вся исполняетъ. Премудрый Соломонъ хотя великолѣпный и пространнѣйшій Богу Израилеву создалъ храмъ, однако, посвящая оный высочайшему имени Его, такъ въ молитвѣ своей къ Нему говорилъ: „Господи Боже Израилевъ! аще небо и небо небесе не долѣютъ Тебѣ, кольми паче храмъ сей, его же создахъ имени Твоему“ (3 Царств., 8, 27). И для сего то Давидъ, снося малость свою отъ величествомъ Божиимъ, искалъ мѣста скрыться отъ Него; но, видя Его, всё мѣста наполняющаго, ужасаясь, возопилъ: „Камо пойду отъ духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу“ (Псал. 138, 7)? „Богъ есть во всёхъ вещахъ, хотя не включается въ нихъ; Онъ же есть вѣдѣ всёхъ вещей, хотя не исключается изъ нихъ“.—остроумно нѣгдѣ написалъ Августинъ. И въ такомъ же разумѣ нѣкто изъ мудрыхъ сказалъ, что „Божія присутствія центръ есть вездѣ, а окружіе нигдѣ“.

Но со всёмъ тѣмъ Божіе присутствие иногда къ извѣстному нѣкоторому привязуется мѣсту. Такъ поемъ во псалмахъ: „Господи въ Синаи во святѣмъ“; и индѣ: „Избра Господь Сіона и изволи его въ жилище Себѣ“; и въ другомъ мѣстѣ: „небо небесе Господеву“ (Пс. 67, 18; 131, 13; 113, 24). А сіе Божіе слово говоритъ въ разсужденіи особенныхъ нѣкинхъ, на тѣхъ мѣстахъ бывшихъ или бывающихъ, Божіихъ дѣйствій. Богъ на небеси есть ублаженіе праведныхъ, на Синаи былъ славнымъ Израильскому народу закона даяніемъ, въ Сіонѣ и во храмахъ, посвященныхъ имени Его, есть милостивое выслушаніе приносимыхъ Ему молитвъ и исполненіе прошенія молящихся.

А понеже храмы, не поелику каменные или деревянные зданія, но поелику суть мѣста, вмѣщающія въ себѣ правобѣрныхъ, безкровныхъ

*) Сказано при Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества присутствіи, въ приморской Сѣргіевой пустыни, 1763 года, мѣсяца августа, 10 дня.

молитвъ приносящихъ жертвы, особеннаго Божія сподобляются присутствія; то всегда ли приходящiе въ храмъ такого Божiя причастны бываютъ снисхожденiя, о томъ настоящая наша да предложится бесѣда; которую бесѣду, что благосклоннѣйшаго своего, Благочестивѣйшая Государыня, удостоите слушанiя, въ томъ увѣряеть меня проповѣдуемое всеми Твое благочестiе. Ты же, Который живешь во храмахъ нерукотворенныхъ, Боже, преклонися къ намъ съ небеси святаго Твоего, и чрезъ слово Твое Божественное вселися въ насъ!

Храмы поставляются для собранiя вѣрныхъ, чтобы приносить молитвы, прошенiя, благодаренiя и исповѣданiя. Тому, Который близъ есть всемъ призывающимъ Его, всемъ, призывающимъ Его во истинѣ. Почему Божiй храмъ есть мѣсто благодатнаго Божiя присутствiя, спокойствiе и радость совѣсти, тихое волнующихся въ океанѣ мiра сего пристанище. Сюда прибѣгаетъ отъ другаго обиженный, и жалобу свою пускаетъ во уши Господа Саваоа. На семъ мѣстѣ является грѣхами обремененный, получаетъ и скорое облегченiе отъ оныхъ: къ сей священной трапезѣ притекаетъ, который поспѣшаетъ къ будущей жизни, и жаждетъ насыщаться трапезы на небеси безсмертной. „Лучше убо есть намъ день единъ во дворѣхъ Твоихъ, Господи, паче тысящъ“ (Пс. 83, 11).

Но кому въ такое мѣсто приходитъ и съ какими мыслями, о томъ спросимъ блаженнаго Давида, или паче Самого Бога: „Господи! кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ?“ Онъ отвѣчаетъ намъ чрезъ своего Пророка: „ходяй непорочно и дѣлай правду“ (Пс. 14, 1). То есть, который чистѣйшему Богу служить чистотою духа, и правду въ чемъ ни есть и малѣйшемъ нарушить почитаетъ за великое преступленiе и отягощенiе совѣсти своей. Такой достойно входитъ въ домъ Господень, и въ то самое время, когда отворяются ему двери церковныя на землѣ, отверзаются ему райскiя врата на небеси. Ибо онъ, входя тѣломъ въ храмъ вещественный, мыслию проходитъ самыя небеса, и дерзновенно приступаетъ къ престолу благодати. Дерзновенно, говорю: ибо нѣтъ препятствiя въ соединенiи его съ Богомъ. Богъ есть Пресвятый, а онъ живетъ непорочно; Богъ есть самая правда, а онъ дѣлаетъ правду. Но когда совѣсть наша зазираетъ намъ, когда обиженные нами проливаютъ предъ Богомъ цѣлые источники слезъ, когда за большее почитаемъ прибытокъ и челоуѣкоугожденiе, нежели сохраненiе правды; то какъ дерзнемъ взойти въ священное мѣсто сіе и приступить къ трапезѣ, на которой мирная совершается жертва, и при которой молимся о мирѣ всего мiра? Койма очима воззримъ на общаго Владыку, Который насъ освятилъ кровiю Своею, да отъ грѣхъ избавше, правдою поживемъ. Мы говоримъ къ Отцу небесному: „Отче нашъ! остави намъ долги наша“; но обиженные съ другой стороны вопiютъ, чтобы долги наши намъ удержаны были,

пока мы не оставимъ своихъ должникомъ нашимъ. Авраамъ, когда хотѣлъ принести сына своего въ жертву, тогда сказалъ идущимъ за собою слугамъ своимъ: „сидите вы здѣ подъ горою со ослатемъ: азъ же и дѣтищъ пойдемъ до ондѣ на гору, и поклонившися возвратимся ко вамъ“ (Быт., 22, 5). Такъ и намъ, приходящимъ во храмъ, чтобы принести въ жертву духовную самихъ себя, должно худыя мысли и плотскія страсти, которымъ мы столь много раболѣпствуемъ, оставить за порогомъ церковнымъ, дабы словесное наше приношеніе благоугодно было Господеву. Для сего бо и Церковь Христова громогласно зываетъ, чтобы мы всякое житейское отложили попеченіе, „яко да Царя всѣхъ подыместъ“.

Но дерзнемъ спросить паки глаголющаго Пророкомъ Бога: „Господи! кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ? глаголай истину въ сердци своемъ: иже не ульсти языкомъ своимъ, и не сотвори искреннему своему зла, и поношенія не пріять на ближнія своя“ (Пс., 14, 3). Подлинно, тотъ напрасно льститъ себя, чтобы услышанъ былъ отъ Бога, который думаетъ обмануть Испытующаго сердца и утробы. Тѣмъ языкомъ, которымъ ближняго своего смертоносно уязвляемъ, хвалить Бога—есть безстыдно поносить Его. „Языкомъ—пшеть св. Іаковъ,—благословляемъ Бога и Отца, и тѣмъ кленемъ человекъ бывшія по подобію Божію. Отъ тѣхъ же устъ исходитъ благословеніе и клятва. Не подобаетъ,—продолжаетъ рѣчь свою Апостоль,—симъ тако бывати. Едали источникъ отъ единого устія источаетъ сладкое и горькое?“ (Іак., 3, 9—11). Почему, когда діаконъ выгоняетъ оглашенныхъ, то должно съ ними вмѣстѣ выгонять клеветническіе и лъстивые языки. Когда Каинъ нечистую свою Богу приносилъ жертву и убилъ неповиннаго брата своего Авеля, тогда спросилъ его Богъ: „гдѣ Авель братъ твой (Быт., 4, 9)? гдѣ тотъ, котораго сердце при жертвоприношеніи семъ должно быть соединено съ сердцемъ твоимъ, ибо жертва любовію услаждается? гдѣ тотъ, съ котораго устами при похвальномъ семъ имени моего пѣніи долженъ ты свои уста согласить?“ Ибо Богъ, яко Богъ мира всѣхъ, яко единими устами почитается. Такъ и насъ, когда съ злобнымъ сердцемъ и лъстивымъ языкомъ на хвалу Божію соберемся, спросить Богъ съ высоты святяги славы Своєю. „Человѣче? гдѣ—ближній братъ твой? гдѣ—тотъ, котораго ты яко неповиннаго Авеля клеветою своею убивашь; а однако безстыдно предъ лицемъ Моимъ являешься? гдѣ—тотъ, котораго ненависта, отъ Меня возлюбленъ быть не можешь. Аще бо кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, лжетъ“ (Іоан., 4, 20). Слушай же! „Аще принесени даръ твой ко олтарю, и помянеши ту, яко брата твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда приидеъ при-

неси даръ твой“ (Матѣ., 5, 23—24). Того ради и Церковь вопіетъ: „возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы единого Бога“.

Но да воспоетъ намъ наки богодухновенный Давидъ о достойномъ обитателѣ дома Божія. „Уничженъ есть предъ нимъ лукавнуй, боющійся же Господа славить“. Истинный Божій служитель непотребныхъ людей презираетъ, почитаетъ за удовольствіе, съ честными и добрыми людьми обращаться; всегда пользоваться и тѣми, слова которыхъ растворены солю мудрости и благодати. Ибо кто любитъ Бога, тому любезенъ и всякъ благочестивый; а напротивъ ненавистенъ и мерзокъ, который или о благочестіи презрительно говоритъ, или о Богѣ развращенно думаетъ. Кто Божіими благодѣяніями всякій часъ себя обязаннымъ почитаетъ, оный съ радостію снабжаетъ отъ благословеннаго сокровища своего того, который съ бѣдностію борется, у котораго неправедные все имѣніе похитили, или который въ прославленіи имени Божія при жертвенникѣ Его святомъ трудится, а напротивъ на бездѣльных и къ одному увеселенію служащихъ вещи богатство свое не расточаетъ, и оное на смѣхотворцевъ, то есть на людей, которые чужіе труды поядать обыкли, издерживать стыдится. Но какой тотъ будетъ поклонникъ, который въ увеселеніяхъ день и ночь провождаетъ, у котораго на языкѣ не слышно любезное имя Господне, но скверныя имена забавной Венеры и гремющаго Юпитера, которому благочестивый челсвѣкъ есть суетвѣръ, а пустые разговоры—ненавидящій лицемѣръ, которому всякая рѣчь пріятнѣе, нежели бесѣда душеспасительная; и я боюсь, не наступило ли оное время, Апостоломъ предвидѣнное, „егда здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ прихотямъ изберутъ себѣ учителя, чешемъ слухомъ, и отъ истины слухъ отвратятъ, и къ баснямъ уклонятся“ (2 Тим., 4, 3). Такихъ, хотя бы и пришли въ церковь, должно бичемъ Христовымъ изгонять, приговаривая Его же слова: „домъ Мой, домъ молитвы, вы же сотвористе его вертепъ разбойниковъ“ (Матѣ., 21, 13). Вы храмъ Мой, который не златомъ, но свѣтлостію добродѣтелей вашихъ блистать долженъ, своими пороками потемнили, и осквернили. А то извѣстно, что коимъ храма сего земнаго затворятся врата, тѣмъ заключенъ будетъ и входъ въ обители небесныя. Ибо земный сей храмъ есть образъ вѣчнаго онаго на небесахъ жилища, и въ немъ здѣсь будущаго нашего блаженства начинаемъ уже чувствовать сладость, когда на хвалу Божію и на размысленіе о Его величествѣ собираемся. И для сего то Израильскій Царь весьма веселился когда ему говорили: „въ домъ Господень поидемъ“.

Но приикнемъ еще во псалмопѣніе Давидово, и послушаемъ, кто къ достойнымъ богопочитателямъ причисляется?—тотъ, „кто клянется искреннему своему и не отменяется“. Двоудшные люди на семъ

мѣстѣ быть не годятся. Ежели бо кто жлетъ человѣку, то какъ во общаніи исправленія своего твердѣ будетъ предъ Богомъ? Клятва есть призываніе Бога во свидѣтельство съ тѣмъ, что нарушителю клятвы Онъ, яко вездѣущій, строгимъ имѣеть быть отмстителемъ. Почему клятвопреступникъ или не вѣрить быть Богу вездѣущу, или предъ всевидящимъ окомъ Его скрыться думаетъ: пускай же такой клятвы нарушитель взойдетъ въ церковь Божию помолится, гдѣ увидитъ благолѣпный православныхъ соборъ изливающихъ сердца свои предъ Богомъ, и единодушно Ему поющихъ: „услыши, Господи, правду мою; воими моленію моему, внуши молигву мою не во устахъ льстивыхъ. Искусилъ еси сердце мое, искусилъ мя еси, Господи, и не обрѣтесе во мнѣ неправда“ (Пс., 16, 1—3). Но какъ онъ къ сему пѣнію пристанетъ, когда сердце его съ языкомъ не согласно, и какъ онъ Бога склонитъ во умилостивленію, когда другой, обиженный имъ, склоняетъ Его къ праведному отмщенію.

Но уже окончи пѣснь свою, богоглаголивый Пророче, а мы вкупи окончимъ и свою бесѣду. Кто достойно входитъ въ посвященное на молитву Божию мѣсто? который „сребра своего не даде въ лихву, и мзды съ неповинныхъ не пріять“. Скупые и мздоимцы милости Божіей здѣсь ожидать не должны, и они тотъ же гласъ услышать, какой въ Евангеліи объявленъ одному жестокосердному человѣку: „злой раба! азъ весь тебѣ долгъ отпустихъ: не подобаше ли и тебѣ помилovati клеветна своего?“ (Матѣ., 18, 32—33).

Неправедные судьи! какъ вы къ Богу прострете руки свои, которыя или неповинною кровію замараны, или деньгами заняты? „аще прострете руки ваша ко Мнѣ, отвращу очи Мои отъ васъ, и аще умножите моленіе, не услышу васъ“; а за чѣмъ? „руки бо ваши исполнены кровю“ (Пс. 1, 15), глаголетъ Господь Вседержитель, Богъ Святой Израилевъ. Знаю, что такіе господа мздоимцы иногда создаютъ храмы каменные, но разоряють храмы душевные, снабжаютъ дарами храмы вещественные, но обдирають церкви Бога живаго. Всѣ такіе не будутъ имѣть мѣста въ жилищи Божіи. на мѣстѣ радости и успокоенія, пока самимъ дѣломъ не исполнять онаго слова: „милости хочу, а не жертвы“ (Мѣ., 9, 13). Скажи жъ намъ, Господи: кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ: понеже крайне желаетъ душа наша „вселитися во дворы Господни“. (Пс., 83, 3). Совѣтъ наша не спокойна, пока не придемъ къ жертвеннику Твоему, Боже, къ Тебѣ Богу, веселящему юность нашу, Онъ намъ уже объявилъ чрезъ Своего Пророска: мы только постараемся поступать такъ, чтобы не только достойно входить въ храмы сіи земные, но чтобы нѣкогда введеннымъ намъ быть и въ храмъ оный вѣчный, перукотворенный на небесѣхъ. Аминь.

Слово въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, о смертномъ снѣ *).

„Не умре дѣвица, но спитъ“.

(Мат., гл. 9, ст. 24).

Празднуемъ мы нынѣ, слушатели, со всею Христовою Церковію блаженное, преставленіе блаженныя Дѣвы, родившія Спасителя нашего. Преставленіе, говорю, и Успеніе, а не смерть; боюся бо назвать смертію то, чрезъ что преблагословенная оная Матерь и Дѣва прешла въ животъ, преселилась въ небесный чертогъ, которому Себя предуготовила: взошла Невѣста къ Жениху Своему, Котораго любовію сердце Ея всегда уязвлено было; взошла Матерь къ Сыну Своему; взошла и вѣрная раба къ Господу Своему; соединилась съ радостнѣйшимъ блаженныхъ душъ ликомъ, или паче съ Самимъ Богомъ, Который есть источникъ неотъемлемая радости; начала приобщаться безсмертныя трапезы и наслаждаться сладчайшаго вѣчныхъ увеселеній нектара въ невечернѣмъ днѣ царствія Христова. Почему благопристойно теперь преблаженную сію Дѣву и Матерь привѣтствовать можемъ оними Давидовыми словами: „Слыши, дщи, и виждь, и преклони ухо твое, и забуди люди твоя и домъ отца твоего: и возжелаетъ Царь доброты твоя“ (Псал. 44, 11—12); почему и предстала Ты, Царица, одесную Его въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна и преиснещрена.

А когда, увѣнчанная счастьемъ вѣчнымъ, Богоотроковица успеніемъ Своимъ святымъ отдала долгъ тлѣннѣю естества человѣческаго, то сіе возбуждаетъ и насъ на память себѣ привести, или лучше сказать, всегда въ памяти содержать наше, нѣкогда быть имѣющее, преставленіе и будущее прославленіе праведныхъ, что и мы, которые утверждены упованіемъ непостыднымъ (Рим., 5, 5) о полученіи живота вѣчнаго, къ сему пути предуготовлять себя должны. Того ради мало „о будущемъ нашемъ блаженномъ успеніи побесѣдуемъ, разсматривая великое оное сходство, какое есть между сномъ и смертію и что смерть праведныхъ больше покоя, нежели смущенія и страха въ себѣ заключаетъ, дабы чрезъ то спокойныя совѣсти увеселить, а страшливыя утѣшить“. Ты же, животъ нашъ и воскресеніе, Христе Спасителю, споспѣшествуй намъ Твоею благодатію, которая и неразумныхъ умудряетъ, и наши къ себѣ обращаетъ сердца.

Иныхъ, какъ кажется, малодушныхъ, не токмо самая смерть, но

*) Сказано при Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества присутствіи, въ Санктпетербургѣ, въ придворной церкви, августа 15 дня, 1763 г.

и одно воспоминаніе оныя смущаетъ и въ великій страхъ приводитъ. И такіе ежель есть христіане, то они чрезъ сіе подобятся язычникамъ, которые должны были бояться смерти, яко никакаго пзвѣстнаго не имѣющіе упованія (1 Сол., 4, 13). Но намъ истиннѣйшее Евангеліе сей страхъ разгоняетъ, и объявляетъ смерть быть желательную больше, нежели страшную. Пбо блаженнѣйшій Учитель нашъ, въ предложеніи нашемъ, о Іаировой дщери говоритъ, что „не умре дѣвида, но спитъ“, и въ другомъ мѣстѣ сказала, что „Лазарь другъ нашъ не умре, но усне“ (Іоанн. 11, 11). А симъ сну уподобленіемъ показала весьма ясно, что насъ смерть не смущаетъ, но какъ сладкій сонъ упокоиваетъ. Что бо сна пріятнѣе по трудахъ, и что сладчайше его же послѣ печали? Но разсмотримъ, каксе есть между сномъ и смертію сходство.

Яко же сонъ случается въ человѣкѣ отъ того, когда по принятіи пищи пары восходя къ мозгу, оный помрачаютъ, а тѣмъ останавливаютъ дѣйствіе чувствъ, такъ и смерть начало свое влечетъ отъ грѣха, содѣяннаго въ раю, когда прародители наши, отъ смертоноснаго плода, противъ запрещенія Божія, вкусили, а отъ того какъ бы нѣкій ядовитый паръ по тѣлу и всѣмъ членамъ разлившись, какъ ихъ, такъ и весь человѣческій родъ смерти подвергъ, по оному Апостола слову: „Единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть; и тако смерть во вся человѣки вниде, въ немъ же вся согрѣшиша“ (Рим. 5, 14).

Когда хотимъ ложиться спать, то одежду съ себя скидаемъ, и отъ сего бремени облегчаемъ насъ; такъ и смерть нагихъ насъ посылаетъ въ гробъ, какими мы изъ чрева материя произошли. Скидаетъ съ насъ всѣ гербы нашего достоинства, и принуждаетъ разстаться съ любезными пожитками: „ничто же внесохомъ въ міръ сей, явѣ, яко ниже изнести что можемъ“ (1 Тим., 6, 7), — какъ рассуждаетъ индѣ и божественный Павелъ: „О семь, говорить, воздыхаемъ, въ жилище наше небесное облещися желающе. Аще точію и облещися, не нази обрящемся. Пбо сущія въ тѣлѣ семь воздыхаемъ отягчаемъ: понеже не хотимъ совлещися, но пооблещися да пожерто будетъ мертвенное животомъ“ (2, Кор. 5, 2 - 4). То есть, когда здѣсь подъ бременемъ тѣла и житейскихъ сусть воздыхаемъ и стонемъ, то тѣмъ самымъ хотимъ, чтобы съ насъ сіе бремя снято было; однако, когда чрезъ смерть отъ сея тяжести тѣла избавимся, то не нагими останемся, но будемъ прикрыты одеждою безсмертія.

Яко же сонъ часто на насъ нечаянно находитъ, такъ что частицу ту времени, въ которую засыпаемъ, обстоятельно примѣтить не можемъ, такъ часто смертный человѣкъ въ то время умираетъ, въ которое ни мало о смерти не помышляетъ, и скорѣе, нежели какъ бы думалъ, душа его изъ тѣлеснаго жилища вылетаетъ, такъ что ни онъ самъ, ни пред-

стоящіе то примѣтить не могутъ. Вотъ слышимъ, что Псаакъ говоритъ: „Се, состарѣхся, и не вѣмъ дне скончанія моего“ (Быт., 27, 2). Ежели состарѣвшіеся и дряхлые часа смертнаго узнать не могутъ, то кольми паче тѣ, которые наподобіе неуывдаемыхъ цвѣтовъ цвѣсти себѣ кажутся? Смерть есть извѣстна, но ничего нѣтъ неизвѣстнѣе смертнаго часа: что имѣю умереть, о томъ я не сумнюся, а гдѣ, когда, и какимъ образомъ, о томъ ни мало не знаю

Какъ сонъ занимаетъ только тѣлесные члены и внѣшнія чувства, но, между тѣмъ, душа внутренняя свои дѣйствія отправляетъ безпрепятственно, какъ сіе довольно дознать можно изъ сновидѣній; да и совѣмъ нельзя, чтобы въ душѣ всякая погасла мысль, въ которой ея и существо состоитъ, такъ и въ смерти, тѣло разставшись съ душою, въ землю обращается, но душа пренесется въ иѣдро Авраамова (Лук., 16, 22), гдѣ не только дѣйствія ея не престають, но еще большую приемяютъ силу. Ибо душа блаженная не имѣетъ тѣхъ препятствій, какія имѣла въ тѣлѣ, а именно, различныя плотскія страсти и воображенія чувственныя, которыя понятіямъ разумнымъ въ настоящей силѣ своей дѣйствовать мѣшаютъ. Надобно отъ очесъ нашего ума отрясти тину вещественную, дабы ясно узрѣть непреступный свѣтъ Божества, а въ немъ—такъ, какъ въ свѣтлѣйшемъ зеркалѣ, усмотрѣть и прочія вещи въ своихъ совершенствахъ. И для того Спаситель нашъ, къ утѣшенію нашему, увѣщаетъ насъ, чтобы мы не боялись убивающихъ тѣло, ибо они вмѣстѣ съ тѣломъ душу убить не могутъ (Матѣ., 10, 28).

Яко же младенцы и несовершеннаго смысла отроки не разумѣютъ пользы и пріятности сна, и для того съ трудностью и со слезами ложатся спать: такъ тѣ, въ разсужденіи духовныя христіанскія мудрости, предъ Богомъ младенцы и твердой небеснаго ученія пици не вкусили, которые не разумѣютъ, сколь есть „честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его“ (Псал. 115, 6), и для того смерти крайне страшатся. Дражайшій Учитель нашъ, отходя къ испитію смертной чаши, о сей спасительной матеріи сладчайшую съ учениками Своими имѣлъ бесѣду; но какъ они еще были младенцы о Христѣ, и совершеннаго, о будущихъ по смерти благихъ, понятія не имѣли; то не токмо о семъ не радовались, но еще и совѣтовали Христу, чтобы Онъ отмѣнилъ то дѣйствіе, въ которомъ состояло спасеніе человѣческаго рода, почему Онъ—любезнѣйше ихъ обличая, такъ имъ говорилъ: „Яко сія глаголахъ вамъ, скорби исполнихъ сердца ваша. Но Азъ истину вамъ глаголю: лучше есть вамъ, да Азъ иду. Аще бо не иду Азъ, Утѣшитель не придетъ вамъ“ (Іоан. 16, 6).

Яко же послѣ сна тѣлесныя и душевныя силы какъ бы возобновляются, и человѣкъ поутру охотнѣе и веселѣе за свое принимается

дѣло, такъ и смерть праведныхъ есть нѣкое возобновеніе всѣхъ силъ. Почему воскресіе отъ мертвыхъ, нѣкогда, въ послѣдній день, предъ имѣющимъ возсіяť Солнцемъ правды—Христомъ, предстануть веселыми и радостными; очистятся ихъ чувства, просвѣтится умъ, всѣ душевныя и тѣлесныя силы прославятся: „еже бо сѣется, какъ мудрствуетъ высокое христіанское богословіе, въ немощи, то востаетъ въ силѣ, сѣется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи: сѣется не въ честь, возсѣетъ въ славу“ (1 Кор. 15, 42—43). И яко же сонъ не есть непрерывное нѣкое успокоеніе, но въ извѣстное время отъ сна пробуждаемся: такъ и мы не всегда пробудемъ въ смертномъ гробѣ, но „прійдетъ часъ, вонъже вси услышатъ гласъ Сына Божія; и изыдутъ сотворшии благая въ воскресеніе живота, а сотворшии злая, въ воскресеніе суда“ (Іоан., 5, 28—29).

Ико же сиящіе никакими болѣе тѣлесными не смущаются страстями—позабываютъ свои печали, оставляютъ свои заботы, не чувствуютъ болѣзней, не боятся страховъ, ибо всѣмъ такимъ смущеніямъ любезный сонъ самимъ собою преградилъ къ нимъ дорогу: такъ и праведные чрезъ смерть успокоиваются, гоненія терпѣть перестаютъ, гнѣва и зависти человѣческой болѣе не боятся, скучныя и досадныя мысли исчезаютъ, страстей волненіе утихаетъ, житейскія попеченія всѣ отходятъ, а вмѣсто того, блаженную и спокойную у Бога начинаютъ жизнь, и тѣлами во гробахъ, какъ въ спальняхъ, своимъ смерти наслаждаются, радостнаго воскресенія дня въ мирѣ ожидаютъ: „прійдутъ бо“, (Исаин, 35, 10), по предсказанію Исаину, „въ небесный Сіонъ съ радостію и съ веселіемъ вѣчнымъ: на главѣ бо ихъ и веселіе и хвала, и радость приметь я, отбѣже болѣзнь, печаль и въздыханіе“. Ежели бы мы такимъ блаженнымъ, будущаго нашего воскресенія и упокоенія, упованіемъ обнадежены не были, то намъ жизни нашей ничего бы не было тягостиѣ, и окаянные мы бы были паче всѣхъ животныхъ на землѣ. Что бо жизнь сія имѣетъ покоя? не печали ли и несносныхъ заботъ полна есть, и едва ли не проходятъ въ суетѣ всѣ дніе наши?

Какъ пробудившись отъ сна, обыкновенно одежду на себя надѣваемъ, и украшаемъ себя, чтобы предъ людьми явиться не гнусными; такъ и праведные, пробудившись отъ сна смертнаго трубою архангельскою, блистать будутъ всякими непомрачаемыми красотами, и украсятся ризою безсмертія, по оному великаго Церкви учителя слову: „подобаетъ тлѣвному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе“ (1 Кор., 15, 53). Въ такомъ нетлѣнномъ украшеніи примѣтилъ нѣкоторыхъ во Откровеніи возлюбленный Христовъ ученикъ: „видѣхъ“,—говорить,—„и се народъ много, его же пзчести никто же можетъ, отъ всякаго языка и колѣна и людей и

племень, стояще предъ престоломъ и предъ Агнцемъ, облечены въ ризы бѣлы, и финицы въ рукахъ ихъ“ (Апок., 7, 9).

Яко же спящіи легко и безъ всякаго затрудненія отъ сна пробуждаются другаго гласомъ: такъ и мертвые въ послѣдній день гласомъ Христовымъ весьма легко возбудятся. Никто изъ насъ не возбуждаетъ такъ легко лежащаго на ложѣ, какъ Христосъ лежащаго во гробѣ,—написалъ Августинъ. „Вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся: вскорѣ, во мгновеніи ока, въ послѣдней трубѣ: вострубитъ бо, и мертвіи востануть нетлѣнни, и мы измѣнимся“ (1 Кор., 15, 51—52). Песказанно будемъ удивляться внезапной нашей перемѣнѣ, увидя насъ самихъ выходящихъ изъ гробовъ и сѣни смертной, возносящихся на воздухъ въ срѣщеніе Господне, и Его божественною славою озаряемыхъ.

Какъ примѣтить не можемъ, какимъ мы образомъ отъ сна пробуждаемся, и какъ заключенныя наши отверзаются чувства и растворяются нервы; такъ не можемъ постигнуть, какимъ образомъ имѣть быти нашихъ истлѣвшихъ тѣлъ возстаніе, какъ согнившія и въ прахъ уже обратившіяся, части нашей плоти паки свой видъ примутъ, какъ разсыпанныя кости соберутся, какъ изорванныя жилы сошьются, какъ весь тѣлесный составъ попрежнему свяжется и кожею покроется: все сіе какимъ образомъ случится, скудная наша и въ тайны Божіи не проникающая мысль понять не можетъ, хотя, безъ сомнѣнія, чаемъ воскресенія мертвыхъ. Наше есть—вѣровать сему; а всемогущества Божія есть дѣло измысливать къ произведенію того способъ. Почему великій Павелъ и запрещаетъ человѣку входъ тѣ въ такое таинъ Божіихъ испытаніе. „Речеть нѣкто“,—пишетъ онъ къ коринѣянамъ,—„како мертвіи востануть? коимъ же тѣломъ придуть? безумне, ты, еже сѣши, не оживеть, аще не умреть: и еже сѣши, не тѣло будущее сѣши, но голое зернъ; Богъ же дасть ему тѣло, яко же восхоцеть“. (1 Кор., 15, 35—38).

Какъ пробудившись отъ сна, кажется, что мы очень краткое спали время, и хотя бы нѣсколько часовъ, или цѣлый день во снѣ нашемъ прошелъ, но намъ все сіе показалось бы мгновеніемъ, такъ и въ послѣдній день, пробудившимся отъ смертнаго сна, весьма краткое покажется то время, которое между смертію ихъ и воскресеніемъ прошло. Какъ безъ сна никто пробыть не можетъ, такъ и смерть необходимый всѣмъ конецъ; и какъ сонъ нѣкогда противъ воли нашей насъ спать склоняетъ, такъ неотмѣнно умремъ всѣ, хотя бы, можетъ, нѣкоторые умереть и не захотѣли.

Какъ напоследокъ не всѣ сладко и спокойно засыпаютъ, но тѣ только, которые, имѣя спокойный духъ и тѣло невоздержаніемъ не слягощенное, ложатся спать; а которые отъ заботъ сохнутъ, отъ не-

воздержанія расслабли, которыхъ совѣтъ беспокоить, тѣхъ сонъ не покоенъ, но мучителенъ: такъ неправеднымъ злодѣямъ и не раскаяннымъ грѣшникамъ смерть не есть сладкій сонъ, но паче начало смерти вѣчныя; выносятъ бо изъ жизни сей съ собою грызущій совѣтъ ихъ и неумирающій червь: а только праведные, которыхъ единственная утѣха былъ Господь, пріятно упокоиваются отъ трудовъ своихъ. Чрезъ истинное бо покаяніе и вѣру во Христа Іисуса слагаютъ съ себя бремя грѣховное; Христа, жизни Начальника и Побѣдителя смерти, твердымъ сердца упованіемъ объемлютъ, и жизнь свою такъ учреждаютъ, что приходящую смерть спокойнымъ и веселымъ ожидаютъ духомъ. Тотъ только человекъ смерть весело встрѣчаетъ, который давно себя къ ней пріуготовляетъ.

Толикое усмотря между сномъ и смертію сходство, не можемъ болѣе, слушатели, дивиться—для чего праведные и надеждою будущихъ благъ укрѣпленные люди, смерти, какъ нѣкогого сладчайшаго покоя, желали: „блаженн мертви“,—вопіеть Богословъ,—„умирающіи о Господѣ отъиди: ей, глаголетъ Духъ Святой, да почиють отъ трудовъ своихъ“. (Апок., 14, 13). Также не можемъ удивляться, для чего нѣкоторымъ жизнь сія столь скучна была, что ее, какъ нѣкое тягчайшее бремя, свергнуть съ себя хотѣли. „Увы мнѣ“,—съ плачемъ взываетъ Давидъ,—„яко прешельствіе мое, то есть, странствованіе въ жизни сей, продолжася“ (Псал., 119, 5). „Окаяненъ азъ человекъ“,—жалуется Павелъ:—„кто мя избавить отъ тѣла смерти сего“ (Рим., 7, 24)? Да и нѣкоторые изъ язычниковъ были подобныхъ о смерти мыслей. Цицеронъ, въ книгѣ о старости, написалъ: „смерть мнѣ такъ пріятна, что чѣмъ я болѣе къ ней приближаюсь, тѣмъ болѣе оказывается, что я съ волнующагося моря усматриваю землю, и нѣкогда къ пристанищу, по долгомъ плаваніи, пристану. Но сіе въ язычникѣ происходило отъ смѣлаго и хвастливаго болѣе, нежели отъ основательнаго увѣренія.

Почему и намъ, благословеннии христіане, осталось не бояться смерти, но съ радостію себя пріуготовлять къ оной. Когда смерть къ христіанину, давно себя къ ней пріуготовившему, придетъ: что ему сдѣлаетъ, какъ токмо закроетъ его очи, дабы онъ болѣе уже не видѣлъ суеты мірскія? Того ради и мать наша Церковь о насъ, чадахъ своихъ, вопіеть къ Жениху своему: „Нѣсть, Господи, рабомъ Твоимъ смерть, исходящимъ намъ отъ тѣла, и къ Тебѣ, Богу нашему, приходящимъ, но преставленіе на полезнѣйшая и сладостнѣйшая, и на упокоеніе и радость“. Которымъ блаженнымъ покоемъ, въ надеждѣ воскресенія праведныхъ, и насъ нѣкогда да обрадуетъ владѣній животомъ и смертію Господь, ходатайствомъ и молитвами нынѣ вшедшія со славою въ горній чертогъ, преблагословенныя Дѣвы Маріи. Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича *).

„Азь дамъ вамъ уста и премудрость“.

(Лук., гл. 21, ст. 15).

Чего намъ нѣтъ дражае, и что мы должны искать, хотя бы оно за послѣдними свѣта краями крылося, то намъ дражайшій Учитель нашъ дать общаетъ. Ибо можетъ ли быть что желательнѣе разумной твари, какъ украшенной быть премудростію, состоящею въ познаніи спасительной истины, да еще соединенною съ дерзновенными устами, съ такимъ, то есть, дарованіемъ, чтобы истину необязанно предъ всѣми проповѣдывать?

И какъ всякая милость наипаче дорога во время нужды, то и оную премудрость въ такое время общаетъ намъ Спаситель нашъ, въ которое она намъ наибольше будетъ потребна, а именно тогда, когда бы насъ представили предъ мучителями за свидѣтельство истины, когда другіе нашу вѣру поносить бы стали, когда нашему блаженному упованію удаленные отъ свѣта люди смѣяться начали бы, когда истиннѣйшаго Божія слова основаніе низвергать покусились бы, тогда-то общаетъ Своего подвижника противъ такихъ коварствъ вооружить устами и премудростію, да еще такую премудростію, которой не возмогутъ противиться каменнѣйшіе въ свѣтѣ люди, и самые тѣ, власть которыхъ всѣхъ молчать принуждаетъ. О, сладчайшаго общанія, и дара небесъ достойнаго!

Но понеже міръ противъ сей смиренной, евангельскою простотою украшаемой премудрости, выставляетъ свою высокоинментую философію и хитросплетенныя мудрованія, то *какое между ними есть различіе*, въ нынѣшнемъ моемъ словѣ показать, благочестіе ваше, слушатели, и усердная къ слышанію слова Божія ревность возбуждаетъ. Ты же, предвѣчная Премудросте, по общанію Своему, даждь миѣ уста и премудрость, чтобы дерзновенно проглаголатъ истину Твою среди Церкви Твоей!

Нѣтъ моего намѣренія касаться похвальной философіи, или такой мудрости, которая съ вротостію упражняется въ познаніи вещей и въ испытаніи дѣлъ Создателевыхъ, ибо сего требуетъ данное намъ отъ

*) Сказано 1763 года, мѣсяца сентября, 20 дня.

Бога дарованіе разума. Но когда она къ чувственнымъ вещамъ міра сего столь себя пригвождаетъ, что о прочемъ всемъ духовномъ съ презрѣніемъ нерадитъ, и въ самыхъ тайнахъ спасенія не плѣняется умъ свой въ послушаніе вѣры (2 Кор., 10, 5); тогда уже она подпадаетъ всей строгости слова Божія, и о ней исполняется тогда, что во Пророкахъ писано есть: „погублю премудрость и разумъ разумныхъ отвергну“ (1 Кор. 1, 19). Почему и непохвальныя въ святыхъ книгахъ заслуживаетъ себѣ имена. Называется бо мудрость человѣческая, мірская, земная и плотская (Іак., 3, 15): такъ какъ, напротивъ, премудрость, которая упражняется въ дѣлахъ спасенія нашего, называется Божественная, свыше сходящая и духовная. Я первую буду называть *плотскою*; а сію *духовною*. А вы, благословенные христіане, какое между ними есть различіе, прїидите послушайте.

Плотская мудрость во многихъ упражняется умствованіяхъ не полезныхъ, и въ нѣкоторыя входитъ тонкости, которыя настоящую истину только что потемняютъ обыкли. Свидѣтель тому, такъ называемая, древняя философія греческая, и которая отъ нея родилась схоластическая; которыя праздыми вопросами наполнены. Тамъ услышишь сіи важнѣйшіе запросы: есть ли пустое въ свѣтѣ? родъ или видъ вещей могутъ ли сами чрезъ себя стоять? Можетъ ли быть случайность безъ своего подлежащаго? въ раздѣленіи тѣла въ безконечное ли проходить надобно? Петровство можетъ ли отъ Петра быть раздѣлено? Такими и подобными, повидимому, громогласными вопросами уповшись, человѣческая мысль высоко о себѣ мечтать начинаетъ, и самую истину какъ простую, въ чемъ настоящее ея состоитъ украшеніе, презираетъ.

Но сколь бы такіе высоко о себѣ ни думали, они по истинѣ „осустишася помыслени своими, и омрачися неразумное ихъ сердце. Глаголюще себе мудрыхъ быти, объюродѣша“ (Рим., 1, 12). И для того божественный Павелъ увѣщаетъ насъ, чтобы мы блюлись, „да не кто прельститъ насъ философією и тщетною лестію, по стихіямъ міра, а не по Христѣ“ (Колос., 2, 8); также пишетъ онъ и къ Тимоѣю, чтобы мы не внимали всевозможнымъ баснямъ и родословіямъ безконечнымъ, „аже стязанія творять паче, нежели Божіе строеніе, еже въ вѣрѣ“ (1 Тим., 4).

Но премудрость духовная дѣлами, а не словами философствуетъ. Она тогда почитаетъ, что нѣтруднѣйшій рѣшила вопросъ, когда успокоитъ совѣсти нашей смущеніе, и покажетъ дорогу насъ выводящую изъ лабиринта (неудобно выходимый путь) страстей. Почему достойнѣйшій у нея считается ученикъ, который всѣ свои начинанія относитъ, чтобы сыскать совѣсть правую. Того ради Духъ Святой называетъ ее словомъ спасенія и глаголомъ жизни. Для лучшаго разсмо-

трьня истинны сей, поставимъ себя мысленно на Аѳинскомъ ареопагѣ, гдѣ увидимъ Павла, стязующагося съ знатнѣйшими философами, эпикурейцами и стоиками (Дѣян., 17, 18). Сн были вооружены логическими софизмами (хитросплетенный доводъ) и метафизическими тонкостями; Павелъ въ простотѣ слова защищалъ себя самою истиною. Сн, думая о себѣ, что знали все, но Бога не вѣдали; Павелъ ясно понималъ и свободно предъ ними проповѣдывалъ невѣдомаго имъ Бога. Сн, оставивъ полезныя знанія, упражнялись только въ томъ, чтобы говорить и слышать все новое; Павелъ, божественной мудрости будучи причастенъ, представлялъ имъ правосудіе Божіе, которое какъ добрыхъ безъ награжденія, такъ и злыхъ безъ наказанія оставить не можетъ; но сіе полезнѣйшее ученіе плотская мудрость называла суесловіемъ. А отсюда видите, сколь мало одна съ другою сходствуетъ.

Плотская мудрость твердаго не имѣетъ основанія, и на подобіе трости вѣтромъ движимая, колеблется. Сколько было въ древности философскихъ сектъ (толковъ), которыя не только были различны, но и одна другой были противны. Примѣчанія достойно, что почти ни одна изъ нихъ въ полной своей силѣ отъ нынѣшнихъ вѣковъ не принята, а чрезъ то слабость ихъ и суетное мудрованіе доказывается. Какими же странными мнѣніями такая мудрость бываетъ наполнена! Между прочими было и то, чтобы сумнѣться обо всемъ, и въ томъ, что есмь ли я, самому себѣ не довѣрять.

Но духовная премудрость есть тверда и несумнительна; и бываетъ закрѣплена внутреннимъ свидѣтельствомъ совѣсти Духомъ Святымъ оправданной (2 Кор., 3, 3), ибо она пишется „не черниломъ, но Духомъ Бога живаго, не на скрижаляхъ каменныхъ, но на скрижаляхъ сердца плотяныхъ“; сколько отъ начала міра до сего дня прошло вѣковъ, но спасительная истина всегда согласно проповѣдуема была. Какъ отъ начала содержали праотцы, такъ Божіимъ Духомъ движимый, написалъ Моисей; всѣ Пророки оное ученіе согласіемъ своимъ засвидѣтельствовали; Апостолы не иное проповѣдію своею всему свѣту сообщили; то же мученики кровію запечатлѣли, но и нынѣ тою же истиною Церковь Божія украшается. „Небо и земля мимо идутъ; а словеса Божія не имутъ пройти“ (Лук., 16, 17).

Плотская мудрость высокоумна и велерѣчива; но премудрость духовная смиренна и проста. Нѣтъ въ ней Цицероновой пышности, Демосеенова высокорѣчія, Платонова велемудрія; но токмо живая простота, тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ больше удалена отъ всякихъ ухищреній человѣческихъ.

Плотская мудрость имѣетъ уста, но и духовная свои уста имѣетъ; а высокорѣчіемъ гремящая, а сія кротчайшимъ глаголомъ Исусовымъ

истину дерзновенно проповѣдующія. Вотъ слышимъ, что великій Павелъ пишетъ къ коринѳянамъ, къ коринѳянамъ, говорю, которые плотскою премудростію паче другихъ возносились. (1 Кор. 2, 1—4). „И азъ пришедь къ вамъ, братіе, придохъ не по превосходному словеси или премудрости возвѣщая вамъ свидѣтельство Божіе. И слово мое и проповѣдь моя не въ препрѣтельныхъ (спорливыхъ) человѣческихіа премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы: да вѣра ваша не въ мудрости человѣчествій, но въ силѣ Божіей будетъ“. Можетъ ли лучше быть описано духовной и плотской мудрости различіе, какъ сими словами языковъ Учителя?

Плотская мудрость бываетъ надменна и презрительна; и сей ея знакъ, весьма необманчивый. Ибо если кто ею довольно напоенъ будетъ, а, между тѣмъ, внутрь сердца своего божественной мудрости не приметъ, то таковой простѣйшую братію свою презираеть, и высоко свою поднимаетъ бровь. Македонскій Александръ пришелъ нѣкогда къ бочкѣ Діогеновой и хотѣлъ съ симъ философомъ вступить въ разговоръ. Но онъ, отвергну сего монарха представленіе, просилъ, чтобы отъ него отошелъ прочь, и не мѣшалъ бы ему на солнцѣ грѣться. Какая надменная въ философѣ крылась мысль! Хотя онъ жилъ и въ бочкѣ, но сія бочка гремѣла другихъ презрѣніемъ, и хотя онъ былъ одѣтъ въ рубища, но сквозь сія рубища гордость была видна.

Но духовная премудрость кротка и человѣколюбива. Ибо хотя великій Учитель нашъ и приказываетъ, чтобы мы искали мудрость змінную, но притомъ, чтобы она растворена была простотою (Матѣ., 10, 16). И по сему кротчайшаго Учителя предписанію точно поступали смиренные Его ученики. Премудрый языковъ Учитель нѣкоторыми обстоятельствами приведенъ былъ, чтобы коринѳянамъ дать знать, сколь великіе подъялъ онъ подвиги ради другихъ и ихъ спасенія, и коликыхъ удостоился Божіихъ откровеній. Самую истину писалъ Апостолъ сей. Но послѣ, какъ будто въ нѣкоторой признаясь погрѣшности, извинялся сими кротостію исполненными словами: „быхъ несмысленъ хваляся, вы мя понудисте“ (2 Кор., 12, 11). О, Павле божественный! се ли твоя похвала, что ты всякій почти день отъ окружающихъ бѣдъ умиралъ? Но онъ тѣ же прекрасныя свои повторяеть слова: „быхъ несмысленъ хваляся, вы мя понудисте“. Вотъ, живое изображеніе духовной премудрости, которую надменный и высокоумный духъ вмѣстить не можетъ, какъ то Самъ Сынъ Божій сіе призналъ предъ Отцемъ Своимъ небеснымъ: „Исповѣдаются, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ“ (Матѣ., 11, 25). А изъ

сего ясно усмотрѣть можете, сколь малое сообщеніе плотской мудрости съ духовною.

Плотская мудрость малодушна и лицемѣрна. Она иногда очень высоко летаетъ разсужденіями; но какъ повѣтеръ вѣтеръ какой ни есть страсти, а именно, самолюбія, или пріобрѣтенія нѣкоторой пользы, или страхъ стыда и наказанія, то сжимаетъ свои крылья, въ подлюю приходитъ робость, и начинаетъ лицемѣрить, за большее почитая угождать своей страсти, нежели истину откровенно во всякомъ случаѣ проповѣдывать. Однако, безчестное сіе истины скрѣпительство обычай имѣетъ прикрывать честнымъ именемъ политики. Сократъ, который за самаго степеннаго изъ философовъ почитается, кажется, что не худо единаго Бога познавалъ. Но какъ предъ Аѳинскимъ судомъ донесено было, что онъ прочихъ поклоняемыхъ народомъ боговъ презираетъ, то столь испугался и столь въ великое пришелъ малодушіе, что совсѣмъ не признавалъ, акибы онъ когда училъ быть единому Богу, и въ истинѣ сей, какъ въ нѣкоторомъ злодѣяніи, предъ судомъ извинялся. Но и какъ осужденъ былъ на смерть, приказалъ богу Эскулапію пѣтуха принести въ жертву. Я догадываюсь—для того, чтобы по смерти его не пронесли, акибы Сократъ былъ презритель боговъ. О, слабость плотской мудрости! „Гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ, гдѣ совопросникъ вѣка сего? Не обуи ли Богъ премудрость міра сего?“ (1 Кор., 1, 20).

Но такое ли дѣйствіе премудрость духовная имѣла въ своихъ христіанахъ? лицемѣрили ли они, когда приводимы были предъ тирановъ? малодушествовали ли, когда показываемы имъ были острѣйшіе мечи, распаленные огни, разженные сковороды, клокочущіе оловомъ котлы, самыхъ лютейшихъ звѣрей зубы, и прочія мучительныя орудія, какія токмо лютость человѣческая выдумать можетъ? Убоялись ли они, чтобы умолчать истину, которая глубоко на сердца ихъ напечатана была? они единодушно до небесъ возносили сей гласъ: „Аще праведно есть предъ Богомъ, васъ послушати паче, нежели Бога, судите, а намъ умрети пріобрѣтеніе“ (Дѣян., 4, 19). Да еще многіе изъ такихъ истины свидѣтелей были простые, по мнѣнію мірскому; были жены и младенцы, были дѣвцы, самый немощный полъ. Примѣръ намъ готовый на нивѣ празднуемомъ великомученикѣ Евстаѳіи, который, духовною ободренъ мудростію, лучше избралъ въ разженномъ мѣдномъ волѣ (о, воспоминанія страшнаго!) сожженъ быть, нежели отступить отъ истины; котораго великодушному примѣру и жена его, съ происшедшими изъ утробы своей чадами, доблестно послѣдовали; а чрезъ то, самымъ дѣломъ, и плотскую мудрость посрамили, и доказали христіанской философіи силу. Почему и исполнилось на нихъ оное Спасителево обща-

ніе, которымъ общалъ дать имъ уста и премудрость. Дать уста, которыми глаголали истину предъ царями и не стыдились. Дать уста, которыми дерзновенно обличали суетное міра сего мудрованіе; дать и премудрость, которую не могла превозмочь ни злость, ни хитрость человѣческая.

Толькое усмотря между плотскою и духовною мудростію различіе, уже безъ сомнѣнія заключить можемъ, слушатели, во-первыхъ, сколь одна человѣку полезна и потребна; сколь же, напротивъ, другая суетна и вредна. Что бо пользуетъ человѣку, ежели будетъ прилежный натуры испытатель, искуснѣйшій наблюдатель теченій небесныхъ, и высоковитѣйствующій словесникъ; но со всеѣмъ тѣмъ—не почерпнетъ живой воды богопознанія изъ источниковъ Израилевыхъ, и не будетъ знать тѣхъ заповѣдей, которыя показываютъ путь къ вѣчному счастью, то оканчивнѣйшій таковой всеѣхъ человѣкъ, и вся мудрость его поглощена будетъ. Сего то бо ради какъ не позналъ міръ натуральною премудростію Бога, прогнѣвавшесъ—„Богъ благоволилъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ“. (1 Кор., 1, 21). Второе, сколь мы блаженны, что намъ, вѣрующимъ во Иисуса Христа, сія божественная мудрость всегда въ Евангеліи благовѣствуется и оную дражайшій нашъ Учитель намъ дать общаетъ.—„Азь дамъ вамъ уста и премудрость“ (Лук., 21, 5). Приступите убо къ Нему и просвѣтитесь и лица ваша не постыдятся“ (Исал. 33, 6).

Всеѣмъ намъ Спаситель нашъ общаетъ; но паче Тебѣ, Благовѣрный Государь Цесаревичъ, дражайшій всероссійскій Наслѣдникъ: ибо въ самый радостнѣйшій день рожденія Твоего, который мы нынѣ торжественно усердными Вышнему принося о здравіи Твоемъ молитвы, празднуемъ; въ самый, говорю, день рожденія Твоего, Прелатій Промыслитель, Богъ, Тебя въ міръ сей входящаго какъ бы привѣтствовалъ сими изъ Евангелія словами: „Азь дамъ Тебѣ уста и премудрость“. „Дамъ уста“, которыми угеселишь отечество Твое, „дамъ и премудрость“, которою всегданнее благополучіе сыщешь дому Петрову, которое обѣщаніе Божіе и, дѣйствительно, на Тебѣ видимъ исполняемое. Ибо усерднѣйшимъ попеченіемъ дражайшей Родительницы Твоей, Всеавгустнѣйшей нашей Монархини, объ общей пользѣ болѣе, нежели о собственной своей пекущейся, при прочихъ наукахъ, и закону Божію обучаетесь, и страхомъ Его младшическую свою непорочную душу наполняете, а чрезъ то восходите на степенъ духовной премудрости, которою да напоятъ Тебя Духъ Святой, къ неописанной радости дражайшей Родительницы Твоей, Благочестивнѣйшей Самодержицы нашей, Церкви же и всей Россіи во утвержденіе. Аминь.

Слово въ недѣлю 21 по сошествіи Святаго Духа *).

„Сѣмя есть слово Божіе“.

(Лук., гл. 8, ст. 2).

Нынѣшнее Евангеліе отверзаетъ намъ духовный вертоградъ, въ которомъ Небесный Святель свѣтъ сѣмя божественнаго слова Своего не на поляхъ, но на сердцахъ нашихъ, слушатели. И какъ домовитому мужу пристойно, началъ оное сѣяніе съ самаго утра, то есть, отъ самаго начала міра, сперва изустными откровеніи Своихъ преданіями, потомъ закономъ письменнымъ и Пророческими ученіями: а на послѣдокъ Евангеліемъ, которое начало принять отъ Самаго Господа, и доселѣ благодатию Божією черезъ пастырей и учителей въ Церкви Христовой не увядаетъ. А чтобы сѣяніе ученія его дѣйствительнѣе было, разными оное предлагаетъ человѣку способами; когда его то обѣщаніями склоняетъ, то страхомъ умягчаетъ, то притчами, какъ бы нѣкими подкопами, въ наши входитъ сердца. Горлому представляетъ смиренія высоту, скупому милосердія плоды, лѣнивому трудолюбія честность, грѣшника кающагося утѣшаетъ величествомъ милосердія Своего, а нераскаиннаго устрашаетъ строгостію Своей справедливости, праведника утверждаетъ обѣщаніями благъ, уготованныхъ любящимъ Его.

И въ разсужденіи сихъ—то различныхъ способовъ входитъ въ сердце человѣческое, слово Божіе удобляется сѣмени, съ которымъ какое есть подлинно сходство, нынѣшнею бесѣдою изслѣдовать, да не почтеть себѣ благосклонный слушатель во отягощеніе. А Ты, Святель благій, сотвори, чтобы сердце наше, яко благая земля, принявъ съ радостию божественное слово Твое, наполнилось росой Духа Твоего.

СѢМЯ ЕСТЬ СЛОВО БОЖІЕ.

Якоже сѣмя иное падаетъ при пути, на такомъ, то есть, мѣстѣ, гдѣ отъ мимоходящихъ легко попрано быть можетъ, или птицы поядаютъ; такъ и слово Божіе иные невнимательно слушаютъ, но съ небреженіемъ. А то потому, что къ слышанію проповѣди не возбуждаетъ ихъ чаемая оттуда польза, но или одно обыкновеніе, или любопытство. Почему такой слушатель подобенъ человѣку, смотрящему лице свое въ зеркалѣ, который какъ отойдетъ, то позабываетъ, какого онъ казался лица (Лук., 1, 23—14). Когда Спаситель нашъ въ смертномъ находился подвигѣ, неоднократно приходилъ къ ученикамъ Своимъ, но заставлялъ ихъ спящихъ; и какъ глаза ихъ столь были

*) Сказано 1763 года, мѣсяца октября, 5 дня.

сномъ отягощены, что зовущаго ихъ гласа не слышали, то на послѣдокъ сказали имъ: „спите прочее и почивайте“ (Матѣ., 26, 45). Такъ и всякъ изъ насъ опасаться долженъ, чтобы, ежели мы ученіе спасительное будемъ принимать сонливыми ушами, благодать Божія не сказала: „спи теперь и почивай, прошло ученія твоего время, заключились двери“.

Якоже сѣмя иное падаетъ на камень, гдѣ, понеже нѣтъ влаги, скоро засыхаетъ и желасмаго не приноситъ плода, такъ и слово Божіе въ тѣхъ бываетъ бесплодно, которые не утверждены въ вѣрѣ, и о законѣ Божіемъ имѣютъ малое попятіе, почему такіе, какъ совершенно не знаютъ, какое нашего христіанскаго закона предъ прочими есть превосходство, то на время вѣрують, а во время напасти отпадаютъ.

Якоже сѣмя иное упадетъ въ терніе, гдѣ, хотя бы и могло возрасти, но понеже густотою терновыхъ вѣтвей подавляется, созрѣть не можетъ: такъ и слову Божію самое великое препятствіе бываетъ отъ тернія; отъ тернія, разумію, житейскихъ суетъ, отъ тернія богатства, отъ тернія сладострастій мірскихъ. Понеже, за житейскими хлопотами, слышать ученіе нѣтъ времени: богатство наружными прибытками отводитъ отъ сего духовнаго училища; а сладострастія занимаютъ все сердце бѣднаго человѣка чтеніемъ соблазнительныхъ книжекъ, непристойными разговорами, развращенными компаніями. Такіе люди тѣмъ сожалительнѣе, что за малые прибытки, за краткое услажденіе продаютъ ту пользу, которая могла бы ихъ вѣчно сдѣлать счастливыми. О, окаянное терніе! Ты уязвленіемъ своимъ смертоносную намъ наносишь рану. Въ Ефесѣ Павелъ проповѣдывалъ, что тѣхъ за боговъ почитать нельзя, которыхъ руками человѣческими сдѣлать можно (Дѣян., 19, 24). Прослышавъ сіе, нѣкоторый Димитрій, который дѣлалъ идоловъ, созвалъ всѣхъ своихъ товарищей, и такъ имъ говорилъ: „Товарищи! вы знаете, что симъ мастерствомъ мы питаемся; почему ежели не удержимъ успѣхъ ученія Павлова, то можемъ остаться безъ пропитанія“. Послѣ сего столь великую подняли они молву, что принудили блаженнаго Павла выйти изъ того города. Вотъ—терніе тлѣннаго богатства подавило сѣмя ученія Павлова!

Якоже сѣмя иное падаетъ на добрую землю, которое и благополучно произрастаетъ и изобильный приноситъ плодъ: такъ и слово Божіе иные принимаютъ съ усерднымъ желаніемъ и съ радостнымъ сердцемъ, которое не имѣетъ ни камня жестокости грѣховной, ни тернія сладострастія, но, умягчаемо благодатію, украшается цвѣтами благихъ намѣреній и обогащается плодами добродѣтелей. И о такой-то благого сердца землѣ нѣгдѣ написано: „Земля, пившая сходящій на ню множицею дождь, и раждающая былія добрая онымъ, ими же и дѣлаема бываетъ, приемиетъ благословеніе отъ Бога“ (Евр., 6, 7).

Якоже сѣмя, хотя бы и на добрую пало землю, дабы могло созрѣть, надобно часто дождемъ напояему быть. Такъ и слово Божіе недовольно, чтобы мы одинъ разъ или другой охотно приняли, но должно, въ надеждѣ собранія благодатныхъ плодовъ, чаще къ чтенію и слышанію его прилежать и не преставать животворную изъ него сосать влажностъ. Такимъ дождемъ блаженный Давидъ наполялъ благословенную ниву свою, когда въ законѣ Божіемъ поучался день и ночь (Псал. 1).

Якоже сѣмя только доброе сѣется, но тутъ же нечаянно возрастаютъ и плевелы; и сколько бы бѣдный поселянинъ ни тѣдился оныя исторгать, но совершенно не можетъ: гдѣ ни есть и какимъ ни есть образомъ, но вредное оное быліе между пшеницею занимаетъ мѣсто. Такъ Церковь Христова тѣдится посѣять и сѣсть на нивахъ сердце христіанскихъ единое слово Божіе; но врагъ челоуѣка тутъ же скрытно всѣваетъ плевелы развращенныхъ мнѣній и соблазнительныхъ ученій. Христосъ наполняетъ житницу христіанской души блаженными Своими зѣменами; но врагъ нашъ незаконною лопатою своею оныя разиваетъ; Христосъ показываетъ намъ путь къ вѣчному счастью; но міръ на семь пути полагаетъ претыванія и соблазны; Христосъ учитъ чистотѣ и цѣломудрію; но страстная плоть наружными своими пріятностями прельщаетъ насъ. Здѣсь, въ храмѣ Божіемъ, предлагается ученіе нравовъ, а за порогомъ церковнымъ встрѣчаютъ насъ тысяча случаевъ къ поврежденію нравовъ. И сіе-то истинныхъ пастырей церковныхъ презрѣнно оскорбляетъ; сіе-то принуждаетъ ихъ со слезами произносить жалобныя сіи слова: „Господи! не доброе ли сѣмя сѣяхомъ; откуда убо суть плевелы“?

Якоже сѣмя, ежели хранится только въ житницѣ, пребываетъ безъ плода: такъ ежели кто силенъ въ книгахъ, то есть, довольное имѣетъ искусство въ снисканіи разума Божественнаго Писанія, но оное не употребляетъ бы къ наставленію простѣйшей братіи своей, хотя бы видѣлъ ихъ въ крайнемъ невѣжествѣ, такой, яко всеу пріемный талантъ благодати Божіей, не только никакой не приноситъ пользы, но еще дѣлаетъ и вредъ: что бо пользуется сокровище сокровенное? Было нѣкогда во Израилѣ такое несчастливое время, что неизвѣстно пропадала книга закона Божія; и какъ начали для возобновленія разбирать стѣны храма, то какъ-то нечаянно тутъ же нашли и оную книгу. Самъ великій священникъ, увидѣвъ надпись закона Божія, съ удивленіемъ сказалъ: „Книгу закона Божія обрѣтохъ въ дому Господни“ (4 Цар., 21, 8); но и нынѣ въ новомъ Израилѣ священная книга Евангелія едва ли не у многихъ также въ развалинахъ забвенія и лѣности погребена есть.

Яко же сѣмя, хотя бы нечистыми посѣяно было руками, но на доброй землѣ, не лишится плода своего: такъ и слово Божіе, хотя бы чрезъ недостойнаго проповѣдуемо было учителя, можетъ быть плодоносно, ежели зрѣлымъ разсужденіемъ будетъ утверждено слушательво сердце. И въ семь-то разумѣ Спаситель приказалъ слушать фарисеевъ. „На сѣдалищи Моисеевъ сѣдоша книжницы и фарисее: вся, елика глаголють вамъ творити, творите: по дѣломъ же ихъ не творите: глаголють бо, и не творятъ“ (Матѣ., 23, 2—3). Хотя подлинно признаться надобно, что учительство дѣйствительнѣе въ устахъ того пастыря, въ которомъ ученіе съ благочестіемъ соединено есть, и который не опасается, чтобы ему сказали: „врачу, исцѣлися самъ“.

Яко же сѣмя сѣетъ поселянинъ, но возраститъ Богъ: такъ и слово Божіе проповѣдуютъ пастыри и учителя, и тѣмъ касаются единыхъ токмо слушательвыхъ ушей; но сердце подвигнуть и обратить есть дѣйствіе единаго всецѣльнаго Бога: „Павель насадилъ, Аполлосъ наполнилъ, но возрастилъ Богъ“ (1 Кор., 3, 6). Такъ что же Павель, что Аполлосъ? тоію служители или орудія, чрезъ которыя вседѣйствующій Богъ благоволилъ въ другихъ вѣру насадить. Такое разсужденіе великое подаетъ учителямъ утѣшеніе, чтобы не ослабѣвали въ похвальномъ трудѣ своемъ и тогда, когда бы видѣли слушателей мало успѣвающихъ въ исправленіи.

Какъ къ сѣянію не всякое время способно, но усматривать способность онаго есть дѣло разумаго поселянина, такъ и мудрый учитель ловить удобнѣйшіе случаи, чтобы взойти въ сердце слушательво. Когда видить его или суетами занятаго, или о увеселеніяхъ токмо помышляющаго, или въ высокое о себѣ мнѣніе пришедшаго, тогда нѣкоторое таковой братней немощи дѣлаетъ снисхожденіе. „Надобно бо нѣкогда и предъ немощными быть, яко немощну“ (1 Кор., 18, 22). Но когда видить его отъ множества суетъ скорбящаго, отъ веселостей скучающаго, отъ разныхъ переменъ свою бѣдность признающаго; тогда уже, призвавъ Бога на помощь, исходитъ на дѣло свое радуясь. Такъ Павель, увидѣвъ въ Аѳинахъ надпись: „невѣдомому Богу“ (Дѣян., 17, 23), взялъ случай проповѣдывать невѣдомаго ими Иисуса Христа. Благовѣстникъ Филиппъ обратилъ къ вѣрѣ евнуха, увидѣвъ его читающимъ книгу Псаи пророка (Дѣян., 8, 30). А хотя и велѣно нѣгдѣ: „настоять ученіемъ благовременно и безвременно“ (2 Тим., 4, 2); но сіе относить надобно до учителя, а не до ученика; то есть, усмотря въ слушателѣ охоту, тотчасъ приниматься за дѣло, не разсуждая о своихъ недосугахъ.

Яко же сѣмя само собою есть мало, но когда возрастетъ, бываетъ древо великое, и птицы небесныя гнѣздятся между вѣтвями его. Такъ

и слово Божіе предъ очами непросвѣщенныхъ человѣкъ кажется мало и презрительно, но самую вещь есть сила Божія во спасеніе всякому вѣрующему. „Живо бо слово Божіе и дѣйственно, и острѣе паче всякаго меча обоюду остра“ (Евр., 4, 12). Симвъ слова Божія мечемъ вооружившись, богоносные апостолы нанжесточайшія сердца умягчили, симъ словомъ заградилн высоковитѣйствующія уста, посрамили вѣка сего мудрость, и всего свѣта сдѣлались преславными побѣдителями. Такъ какой же быть надобно оной душѣ, которая ниже симъ слова Божія пронзается мечемъ!

Яко же сѣмя, принесши плодъ, онымъ питаетъ тѣло, такъ и слово Божіе питаетъ душу, которое питаніе есть предначатіе вѣчныхъ, нѣкогда быть имѣющихъ, сладостей. Нѣкогда Господь Вседержитель единому изъ Своихъ пророковъ подаль свитокъ книжный, и сказалъ ему: „сыне человѣчъ! снѣждь свитокъ сей!“—и снѣдохъ его, говоритъ Пророкъ,—и бысть во устѣхъ моихъ, яко медъ сладокъ“ (Иезек. 3, 1—3); такъ и всякому изъ насъ невидимо Божественная благодать въ уши сердечныя вопіеть: „сыне человѣчъ! снѣждь свитокъ спасительнаго ученія алчными устами души твоей“; а когда снѣшь, то воспоешь съ Давидомъ: „коль сладка гортани моему словеса Твоя, Господи: паче меда устомъ моимъ“ (Псал. 118, 103). Яко же сѣмя ежели будетъ бесплодно, бываетъ голодъ. Такъ, ежели слово Божіе желаемого своего лишается плода, наступаетъ духовный голодъ, то есть, невѣдѣніе крайнее о Богѣ, презрѣніе добродѣтели, небреженіе о своей должности, чрезъ что лишаемся той жизни, которою оживотворяется наша душа. Опасный поистинѣ таковой гладъ! и онымъ наказанъ наше непокорство грозить Господь Саваовъ чрезъ одного изъ Своихъ пророковъ; „Се дніе грядуть“, глаголетъ Господь: и „послю гладъ на землю, не гладъ хлѣба, ни жажду воды, но гладъ слышанія слова Господня“ (Амоса, 8, 11). О, поистинно страшное угроженіе! ибо симъ голодомъ не тѣло, но самая умерщвляется душа.

Якоже напоследокъ бываетъ иногда жатва многа, но дѣлателей мало. Такъ иногда тщательные христіане жаждутъ слышать слово Божіе, но нѣтъ духовныхъ жателей, которые могли бы погасить блаженную оную жажду водою живою слова Божія. Многіе бо сидятъ при источникахъ духовныхъ, но не имѣютъ почерпала, то есть довольнаго ученія, чтобы онымъ, изъ кладезя того почерпнувъ, себя и другихъ напоили. Въ нынѣшнее время не безъ затрудненія можно узнать, въ комъ большая скудость—въ слушателяхъ ли или въ учителяхъ. Ибо тѣхъ за истинныхъ слушателей почесть нельзя, которые на подобіе песочныхъ часовъ, что однимъ ухомъ принимаютъ, то чрезъ другое выпускаютъ, и которые болѣе пріятности, нежели пользы, въ словѣ ищутъ. „Блажени слышати слово Божіе и творящи е“.

Толикое усмотрѣвъ между сѣменемъ и словомъ Божиимъ сходство, учителя да тщатся неусыпно пребывать въ семъ духовномъ сѣяніи, и въ вертоградѣ Христовѣ работать нѣлѣбною, а слушатели да тщатся быть благою землею, съ радостію приѣмлющею сѣмя слова Божія. „Имѣяй уши слышати, да слышитъ“. Аминь.

Слово въ недѣлю 25 по сошествіи Святаго Духа *).

И кто есть ближній мой?*

(Лук., гл. 10, ст. 29).

Который вопросъ предложилъ законникъ Спасителю, искушая его, тотъ мы предложимъ теперь себѣ, слушатели, съ усерднымъ и нелицемѣрнымъ желаніемъ узнать ближняго нашего, взаимно другъ друга вопрошая такъ: друже! „и кто есть ближній мой?“ кто есть тотъ, котораго самое естество со мною неразрывно связало? кто есть тотъ, о котораго благополучіи я не меньше, какъ о собственномъ своемъ, стараться долженъ? а напротивъ что, намъ, выключая училище священнаго сего мѣста за житейскими суетами, за частыми веселостями, едвали бываетъ досужно подумать когда о ближнемъ нашемъ, и принять въ разсужденіе тотъ долгъ, котораго отъ насъ другіе по справедливости требовать могутъ. Ибо, что тотъ-то мой недоброжелатель, что другой безъ отищенія моего остаться не долженъ, что третьяго имѣніемъ польза моя знатно пріумножится можетъ, о томъ мы часто да еще съ нѣкоторымъ услажденіемъ подумываемъ; но чтобы, подражая Самарянину, на требующаго нашей помощи человѣка, возливать масло милосердія и вино утѣшенія, о томъ помышляемъ рѣдко, а чрезъ то допускаемъ бѣдныхъ оныхъ произносить Богу жалобныя сіи слова: „Господи! и ближній мой отдалече мене сташа!“ прошли бо тѣ златыя времена, въ которыя не было во употребленіи сихъ словъ: „мое да твое“, но было все общее, да еще и единая душа оживотворяла всѣхъ. Изсякла любовь, которая есть союзъ совершенства! даруй же намъ, милосердный Владыко! чтобы мы, узнавъ, кто есть ближній нашъ, попеченіемъ и милосердіемъ своимъ отъ него не удалялись.

И КТО ЕСТЬ БЛИЖНІЙ МОЙ?

Ближній нашъ есть всякъ человѣкъ, нашей помощи требующій. Рабъ ли кто или свободный, знаемый или незнаемый, пріятель или соперникъ, всѣ, вообще, во время нужды нашимъ вспоможеніемъ снабдѣны, нашего милостиваго покровительства удостоены быть должны.

*) Сказано 1783 года, мѣсяца ноября, 2 дня.

Къ сему, во-первыхъ, склонить насъ можетъ то, что приближающіе къ намъ суть человѣки, то есть, одинаго съ нами естества, подобнаго тѣла, подобной души, отъ единой съ нами крови свое имѣютъ начало, и равнымъ съ нами подвержены страстямъ, равнымъ подлежатъ пере-мѣнамъ. Почему, ежели не знакомство, то, по крайней мѣрѣ, страдающее естество сильно возбудитъ въ насъ сожалѣніе къ ближнему. Кто бы такой былъ человѣкъ, говорить Евангеліе, „который бы видѣлъ овца, падшее въ яму, и не потщался бы оное оттуда извлечь“ (Мате., 12, 11). Такъ кто же бы былъ столь жестокосердъ, который бы самому человѣку въ яму несчастія впадшему не подаль руку помощи? и для того святой Іоаннъ такое сердца ожесточеніе называетъ затвореніемъ утробы: „иже имать“, пишетъ онъ, „богатство міра сего, и видитъ брата своего требующа, и затворитъ утробу свою отъ него, како любви Божія пребываетъ въ немъ“ (1 Іоан., 3, 17).

Но пускай мы будемъ столь каменнаго сердца, что насъ страдающее человѣчество подвигнуть неasilyно: по крайней мѣрѣ, возбудитъ насъ должно то разсужденіе, что мы и сами тѣмъ же нуждамъ подвержены быть можемъ, что и нашей жизни корабль, по морю міра сего плавающій, не весьма безопасенъ есть отъ волненія и отъ сокрушенія. Извѣстно бо, сколь частая и внезапная человѣческихъ вещей есть переменна. Что нынѣ миѣ, то завтра тебѣ; который нынѣ на высокой превозносился колесницѣ, того завтра увидимъ поверженнаго на землю; который нынѣ Крезовымъ изобиловалъ богатствомъ, тотъ въ кратчайшее время будетъ лежать съ Іовомъ на плачевномъ гронощи.

Навуходоносоръ видѣлъ во снѣ превеликое древо, листьями покрытое, цвѣтами украшенное, плодами обогащенное (Дан. 4, 7—9); но въ то же время Тотъ, Который не спитъ, и Который есть святъ, приказалъ оное дерево посѣчь, вѣтви обить, листья отрясти, и самый плодъ разсыпать; вотъ, ясное переменъ человѣческихъ изображеніе! на которое ежели мысленными очами наипаче будемъ взирать, нельзя стать, чтобы мы или неосторожнѣе свою жизнь препроводили, или другому страдающему такую счастья переменною подать помощь отrekliсь. Иначе опасаться должны, чтобы тою мѣрою, которою мы мѣрили ближнимъ нашимъ, не возмѣрилось и намъ.

Я уже то молчаніемъ прохожу, что мы всѣ Божіей требуемъ помощи, и отъ Его щедрой руки всякій часъ получаемъ тьмочисленные благодѣнія, за которыя ежели не будемъ неблагодарны (а благодарствіе наше наипаче состоятъ во взаимномъ другъ другу вспоможеніи), то сказано намъ будетъ изъ Евангелія: „Злой раба! азъ весь долгъ отпустихъ тебѣ; не подобаше ли и тебѣ помиловати клевету твоего“ (Мате., 18, 32—33)?

Такому разсужденію если бы мы самымъ дѣломъ послѣдовали, не были бы наполнены цѣлыя улицы стадами нищихъ, не было бы столько обидъ и гоненій, замолкли бы жалобы бѣдныхъ вдовицъ, не валялось бы столько предъ вратами нашими голодомъ истаявающихъ Лазарей, въ то самое время, въ которое издерживаемъ мы богатство на суетныя, а иногда и вредныя вещи.

Израильскій царь Ахавъ во время самаго лютаго глада послалъ правителя своего дома Авдія одною дорогою, а самъ пошелъ другою (3 Цар., 18, 5),—а зачѣмъ?—искать травы, чтобы было чѣмъ лошадей и скотъ пропитать. Вотъ, о скотѣ печется, но не видно, чтобы помышлялъ о множествѣ человѣковъ отъ глада умирающихъ. Но и нынѣ, можетъ, многіе, противъ Евангелія, отнимаютъ хлѣбъ отъ чадъ, и повергають тотъ псамъ. Вы обижаете, пишетъ Павелъ къ коринтянамъ, да еще братію: „почто не паче обидими есте? почто не паче лишени бываете? Аще другъ друга угрызаете и снѣдаете, блюдитесь, да не другъ отъ друга истребленн будете“ (1 Кор., 6, 7; Галат., 5, 15). Но да спросить наки всякъ себя: „и кто есть ближній мой?“

Ближній нашъ есть общество, въ которомъ мы родились, воспитались и правительству котораго мы препоручаемъ свое благополучіе и покой свой. Ежели бо всякаго человѣка почитать должны за ближняго своего, колымъ паче симъ именемъ требуетъ быть почтено отъ насъ общество, которое къ намъ такъ близко, какъ мы сами себѣ, поелику всѣ его намѣренія и дѣла кончатся на нашей пользѣ. Общество есть подобіе тѣла, которое, какъ нѣкоторые члены, составляемъ мы. Но члены другъ о другѣ пекутся, да такъ, что когда страдаетъ одинъ членъ, съ нимъ страдаютъ и всѣ; и когда радуется одинъ членъ, радуются съ нимъ и прочіе уды, а то потому, что не можетъ одно тѣло назваться здоровымъ, ежели нѣкоторые члены немоществуютъ, и члены не могутъ быть здоровыми, ежели не будетъ здоровъ весь тѣлесный составъ; такъ и благополучіе общества есть благополучіе всякаго особъ; и всякій особенно не можетъ назваться благополучнымъ, ежели его благополучіе не будетъ соединено съ благополучіемъ общества. Почему, ежели бы кто о цѣлости общества не имѣлъ попеченія, такой не только былъ бы вреденъ обществу, но и самому себѣ. А удовлѣтворимъ требованію общества тогда, когда въ томъ званіи, въ которое отъ Бога призванъ всякъ, будемъ съ вѣрностію исправны. А, именно, когда пастьеръ церковный словомъ Божиимъ питаетъ свое стадо, и усердныя молитвы приносить Богу о себѣ и о людскихъ невѣжествныхъ, когда судія не продаетъ справедливость, когда полководецъ въ защищеніи отечества пребываетъ неусыпно, когда купецъ, не нарушая правды, служить недостаткамъ нашимъ, или, да съ Павломъ скажу: „аще учай

пробываетъ во ученіи; аще утѣшаяй, во утѣшеніи; подаваяй, въ простотѣ; начальствуяй, со тщаніемъ; милуяй, съ добрымъ изволеніемъ: честію другъ друга больша творяще: тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе“ (Римл., 12, 7—11). Такимъ образомъ, цѣлость общества соблюдается, и платится тотъ долгъ, котораго оно отъ насъ, яко отъ своихъ членовъ, всегда требовать можетъ.

Но и то нашего разсужденія достойно, что члены въ тѣлѣ другъ о другѣ некутся, потому что одинъ членъ въ другомъ нужду имѣеть; такъ и всякъ изъ насъ особенно разсуждаемый не есть столь совершенъ, чтобы въ другомъ не имѣлъ нужды. И сей союзъ есть столь великъ, что онъ по справедливости общества душею долженъ назваться. Не иная бо причина составила общество, населила села, построила города, основала государства, какъ токмо та, что жизнь человѣческая не можетъ быть спокойною и благополучною, какъ токмо соединеніемъ многихъ во едино, добръ управляемое общество. Но сей священный союзъ скоро можетъ быть разорванъ, ежели не будемъ хранить сладчайшій покой общества; а онъ хранится токмо взаимнымъ другъ о другѣ попеченіемъ.

Древній философъ Анаксагоръ, видя себя въ старости мало призраема отъ Перикла, коему онъ былъ учитель, принялъ намѣреніе умереть съ голоду, и какъ увѣдомившись о томъ Периклъ, всячески просилъ его, чтобы онъ не отрицался жить еще на свѣтѣ; тогда Анаксагоръ сказалъ ему: „Периклъ! которые имѣютъ нужду въ свѣтѣ отъ лампы, тѣ не позабываютъ лить въ нее масло!“ Многія лампы погасаютъ, такимъ образомъ, отъ нерадѣнія тѣхъ людей, которымъ бы надлежало о нихъ имѣть стараніе. Но, опять, не самая ли правда требуетъ, чтобы мы имѣли попеченіе о томъ обществѣ, которое печется о нашемъ благополучіи. Правительства бо общаго труды снискиваютъ намъ покой, промысломъ его утверждается наша безопасность, и подъ его сѣнію мы сладко опочиваемъ.

Такое разсужденіе въ насъ произвести должно то, чтобы ничего намъ не было дражае благополучія общаго, чтобы не было столько гулянія съ великимъ ущербомъ добрыхъ нравовъ, вещей и времени, но жалѣли бы оное на совѣты, утверждающіе общество, на дѣла нашей должности, пропали бы вредныя приблѣдники, которые общей пользѣ предпочитаютъ собственную свою, вмѣсто того, чтобы пользу общую защищать, не только съ потерей пользы своей, но когда бы того нужда потребовала—и самой жизни, а чрезъ сіе дражайшее общество подобно было бы доброй и домостроительной фамиліи, подобно было бы любовному братству; слѣдовательно, такъ бы процвѣтало, что и оно, какъ мать, о насъ всеселилось бы, и мы подъ матернимъ его

покровительствомъ пребывали бы безопасны. Но терпѣливо снесите, слушатели, что я еще хочу спросить: „и кто есть ближній мой?“

Ближній нашъ или паче—матерь наша еще есть Христова Церковь, въ которой мы духовно родились, млекою слова Божія воспитались, и которая о нашемъ истинномъ счастьи, яко сердобольная матерь, печется. Вотъ, ея гласъ, который она въ свидѣтельство любви своей произноситъ устами Павловыми: „Уста наша отверзошася къ вамъ, о христіане, сердце наше распространися. Не тѣсно вмѣщается въ насъ? но только утѣсняется во утробахъ вашихъ“ (2 Кор., 6, 11—12). Надобно быть тому или чувству лишенному, или нечестіемъ весьма ожесточенному, который сію матернюю любовь Церкви не тился бы платить сыновнимъ къ ней усердіемъ.

А усердіе сіе требуетъ отъ насъ, чтобы мы святѣйшую вѣру нашу почитали выше всего, и не думали бы быть какой пользы изъ того обществу или намъ, что не соединено съ пользою благочестія, чтобы знаніе закона Божія имѣли за единственное основаніе всѣхъ дѣйствій нашихъ, а по его правиламъ поступать—за сущее благополучіе наше, чтобы усерднѣе старались всѣмъ вдыхать высокія мысли о благочестіи, а тѣхъ, которые бы презирали оное или объ ономъ не радѣли,—яко вредныхъ и мерзкихъ общества членовъ, отвращались бы. Ибо безъ сомнѣнія не можетъ тотъ быть и добрый гражданинъ, кто не будетъ добрый христіанинъ. Истинный христіанинъ, будучи побуждаемъ тою благодарностію, какою онъ обязанъ къ своему дражайшему Искупителю, поощряемъ надеждою будущихъ благъ, одоужаемъ онымъ соединеніемъ, какое имѣетъ въ таинственномъ тѣлѣ Церкви Христовой, почелъ бы себя за неблагоарійшее созданіе, ежели бы при всякомъ случаѣ не оказалъ себя горячимъ ревнителемъ благочестія.

А наипаче благочестивые государи за высочайшій верхъ славы своей всегда почитали быть усердными истинной вѣры покровителями и защитниками; и тѣмъ исполняли оное славное Исаіино пророчество, которымъ описано будущее Церкви Христовой благополучіе: „Свѣтися, свѣтися, Іерусалиме, приде бо твой свѣтъ, и слава Господня на тебѣ возсія. И будутъ царіе кормители твои, и княгини ихъ кормилицы твои“ (Ис., 49, 23; 60, 1). Сіе пророчество исполнилось и на Тебѣ, благочестивѣйшая Монархиня наша, когда вооружившись вѣрою, преславною благочестія показала еси защитницею, которая ревности въ награжденіе попечительное о насъ Божіе Провидѣніе, вручило Тебѣ, величествомъ и православіемъ сіяющей, престоль. И сему высокому Вашего Величества примѣру да подражаютъ и подчиненные Твои. Но ужели се сомнительно? вотъ, я вижу, что и на знаменахъ, и на кавалеріи, и на звѣздахъ — изображены сіи слова: „за вѣру, за вѣру“.

Очень зрядно и благочестиво. Да не довольно, чтобы сіе вышито было на матеріи; надобно, чтобы напечатано было и на глубинѣ сердца. Сіи наружные знаки должны быть свидѣтельствомъ внутренней ревности по вѣрѣ. А чтобы быть ревностному по вѣрѣ, надобно знать вѣру. Но нѣтъ ли въ христіанахъ и такихъ, которые обучаться закону почитаютъ или за неполезное, или за неприятное, или за непристойное, а, вмѣсто того, въ наученія странна и различна отдавшись, и наполнивши свою голову стихами и другими сочиненіями, дѣлаются совершенно плотскими, а плотской человѣкъ,—по Павлову слову,—„не приѣмлетъ, яже Духа Божія: юродство бо ему есть“ (1 Кор., 2, 14.) „Два зла сотвориша людіе Мои“,—глаголетъ у Іереміа Господь Богъ,—„Мене оставиша источника воды живы, и ископаша себѣ кладязи сокрушенныя, иже не возмощу воды содержать“ (Іер., 2, 13). Другіе, можетъ, сему смѣются и радуются: смѣются таковыхъ суетѣ; а радуются, что удобнѣе ихъ, яко неутвержденныхъ, могутъ склонить къ мнѣніямъ своимъ. А сіе весьма чувствительно прободаетъ сердце Церкви Христовой.

Господи! изъ слова Твоего мы узнали, „кто есть ближій нашъ“; только милостиво сотвори, чтобы мы, подражая самарянина, оное самымъ дѣломъ исполняли. Аминь.

Слово въ недѣлю 28 по сошествіи Святаго Духа *).

„Мнози суть звани, мало же избранныхъ“. (Лук., гл. 14, ст. 24).

Созываетъ насъ днесь Евангеліе на преславный духовный пиръ, на которомъ предлагается безсмертная пища—Самъ Агнецъ Божій, закланный прежде сложенія міра со всѣми оними плодами, которые Онъ страданіемъ Своимъ и дражайшею смертію пріобрѣлъ. Сего преславнаго пира величество, богатство, и оживляющее и услаждающее наши души дѣйствіе нѣтъ нужды описывать. Ибо вы, благословенные христіане, спасительною благодатию не токмо на оный призваны, но, дѣйствительно, видите очами вѣры славу его, и устами души своей вкусили отъ его сладостей. Вы просвѣщены и причастились Духа Святаго; вы чувствовали сладчайшій вкусъ Божія глагола, и силы грядущаго вѣка. Васъ привѣтствуетъ святой Петръ, что „вы родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія, яко да добродѣтели возвѣстите изъ тмы васъ призвавшаго въ чудный свой свѣтъ“ (1 Петр., 2, 9). А когда призваны и неизслѣдимаго богатства благодати Божіей сподобились, то, вотъ, тотъ же Петръ увѣщаваетъ

*) Сказано 1763 года, мѣсяца декабря, 14 дня.

насъ сію великую благодать содержать въ чистой совѣсти: „потщитесь“, говоритъ, „братіе, извѣстно ваше званіе и избраніе творити: сице бо обильно подастся вамъ входъ въ вѣчное царство“ (2 Петр. 1, 10).

Но какъ много и такихъ, которые не суть отъ двора сего, то есть, или званіе Божіе отвергають или, получивъ даръ сей, но оный употребляютъ во зло; а какъ благодать Божія никому не хочетъ погибнуть, то какимъ же образомъ она производитъ сіе спасительное дѣйствіе? Ты, милосердія неисчерпаемая бездна, Боже, вразуми насъ, и даждь нашему сердцу слышать внутренней гласъ зовущей благодати Твоей!

Различными образами зоветъ милосердный Богъ человѣка ко спасенію, и неизслѣдимыми намъ судьбами предуготовляетъ всякому путь къ добродѣтели. Зоветъ Онъ насъ чрезъ добрыхъ родителей, чрезъ разумныхъ учителей, чрезъ пристойное воспитаніе, чрезъ постоянныхъ товарищей и вѣрныхъ друзей, чрезъ похвальные примѣры, чрезъ чтеніе или слышаніе полезныхъ книгъ и ученія. Иного отводитъ отъ зла страхомъ, другаго приводитъ къ добру награжденіемъ; сего исправляетъ нищетою, того поощряетъ къ добродѣтели богатствомъ; одного смиряетъ несчастіями, другаго слабость и уныніе въ добрыхъ предпріятіяхъ ободряетъ честію. Но кто можетъ исчислить различные образы милосерднаго о насъ попеченія Божія? мы теперь, слушатели, за довольное почтемъ узнать хотя только важнѣйшіе пути званія Божія.

Зоветъ, во-первыхъ, насъ Богъ къ добродѣтели и къ истинному благополучію чрезъ законъ естественный. Извѣстно бо, думаю, всякому, что Богъ, созидая человѣка, вкупѣ вліялъ въ него вѣчный законъ Свой, то есть, способность къ различенію добра отъ зла, и посѣялъ въ сердцѣ его сѣмена добродѣтели. Всѣ народы, въ прочемъ дикіе и несогласные нравами, обыкновениями, языкомъ, законами, но безъ учителя и безъ книгъ довольно согласны въ томъ, что иное есть само чрезъ себя честно и похвально; другое безчестно и срамно. Сіе разсужденіе засвидѣтельствуетъ намъ великій Павелъ: „языцы“, говоритъ, „неимуща закона, естественномъ законная творить, сіи законное не имуща, сами себѣ суть законъ: иже являютъ дѣло закона написано въ сердцахъ своихъ, спослушавшей имъ совѣсти, и между собою помысловъ осуждающимъ или отвѣщающимъ“ (Римл., 2, 14—15).

А отсюда усматриваемъ спасительное намѣреніе Создателя, дабы симъ впечатлѣніемъ закона сдѣлать намъ добродѣтель любезною, а порокъ ненавистнымъ, котораго закона сила тѣмъ дѣйствительнѣе, что мы, сдѣлавъ какое добро, самое живое внутри себя чувствуемъ утѣшеніе; но, сдѣлавъ худое, хотя бы ни отъ кого никакого не опасались наказанія, жестокое внутри претерпѣваемъ отъ совѣсти обличеніе и

самыхъ себя стыдимся и срамляемся. А сіе, врожденное намъ, о добрѣ понятіе, сія, чувствуемая въ сердцѣ нашемъ по содѣланіи добра, радость, сіе совѣсти грызеніе, неразлучное наказаніе порока—не есть ли сильное къ добродѣтели ободреніе, и ясное званіа Божія знаменіе? да и подлинно, какимъ бы страстямъ и злодѣяніямъ мы ни подвергали себя, ежели бы насъ не обуздывала ни совѣсть, ни стыдъ; когда и совѣстію обличаемы и поражаемы стыдомъ, не престаемъ худыми обременять себя дѣлами?..

Однако, сіе Божіе званіе, сколь само по себѣ ни дѣйствительно, не приводитъ человѣка въ надлежащее совершенство, но только предуготовляетъ къ благодати Христовой: ибо самымъ искусомъ дознаемъ, что мы не можемъ быть безпорочными исполнителями закона естественнаго. И по сей-то причинѣ законъ естественный, или, что то же есть, неповрежденная философія называется служительницею благодати Евангельской: „законъ пѣстунъ намъ бысть во Христа, да отъ вѣры оправдимся“ (Гал., 3, 24), вопіеть учитель языковъ. А чтобы врожденный законъ совершенно исполнить, въ томъ препятствуютъ намъ недостатки нашего естества и воюющія внутри насъ страсти, которыя единого человѣка на двѣ противныя части раздирають такъ, что принуждены бываемъ съ Павломъ вопіть: „не еже хочу, сіе творю: не еже ненавижу, то содѣлываю: еже бо хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю“ (Римл., 7, 18—19).

Сія война, подлинно, препятствуетъ Божію званію, но и помогаетъ въ нѣкоторомъ разумѣ. Приводитъ бо насъ въ признаніе своей немощи и бѣдности, а черезъ то велитъ намъ искать цѣлителя и избавителя; „не требуютъ бо здравіи врача, но болящій“. И для того-то святыи Апостолъ написалъ, что „идѣже умножися грѣхъ, прензбыточествова благодать“ (Римл., 5, 20), то есть множество грѣховъ приводитъ человѣка къ признанію своего окаянства, а признаніе сіе сподобляется великаго милосердіа Божія отпущающаго множество грѣховъ. И сей есть первый путь званія Божія.

Второе, зоветъ насъ Богъ къ исправленію строгостію закона, который подвергаетъ нераскаяннаго грѣшника гнѣву Его и различнымъ наказаніямъ. Извѣстно бо, какимъ страшнымъ изреченіемъ запечатлѣлъ Богъ законъ Свой: „Проклятъ всякъ, иже не пребудеть во всемъ писанномъ въ книгѣ закона“ (Второз., 27, 26). Сіе проклятіе тѣмъ есть ужаснѣе, что оно удаляетъ насъ отъ Бога, въ которомъ состоитъ все наше блаженство, и ввергаетъ въ пропасть всякаго несчастія.

Но какъ сіе страшное Божіе опредѣленіе родъ человѣческій не весьма поразило, то посылалъ Богъ пророковъ, которые обличали бы нечестіе человѣческое, и устрашали бы наказаніями, какія они заслу-

жили. „Вотъ, Я на тебя о, нераскаянный грѣшникъ!—говорилъ черезъ пророковъ Богъ:—проведу тя чрезъ огонь напастей, уморю тебя голодомъ, умучу жаждою, разорю твердыя грады твои, и потопчу вождельнинныя нивы твои, предамъ тебя всякимъ болѣзнями, предамъ неприятелямъ, которые возьмутъ чадь твоихъ, возьмутъ самое любимое отъ тебя“. „Аще не обратитесь, оружіе Свое очиститъ, лукъ Свой напряже и уготова его“ (Псал. 7, 13). Да и, дѣйствительно, наказывалъ и наказываетъ болѣзнями, отнятіемъ любезныхъ дѣтей, несогласіями, войнами, пожарами, потопами, землетрясеніями, моромъ, голодомъ, скудностію, печаліями; но сіе наказаніе мы принимать должны не иначе, развѣ какъ отеческое, которымъ благодать Божія зоветъ насъ на покаяніе.

Однако, страшныя сіи Божіи угроженія и очевидныя отщепенія Его примѣры не весьма возбуждаютъ насъ отъ глубокаго сна нашего. Пророки вопили: „гнѣвъ Божій, гнѣвъ Божій“, но другіе, напротивъ, говорили: „миръ, миръ, и ничего не будетъ“. Мы или угрозамъ тѣмъ не вѣримъ, или случайностямъ нѣкоторымъ все приписываемъ, или отдаемъ необходимостямъ. Корабль, въ которомъ плылъ Іона въ Фарсисъ, отъ страшнаго морского волненія сокрушался, но въ самое сіе время Іона спокойно опочивалъ: „что ты храпlesi, Іона!—сказалъ ему кормчій, —востани и моли Бога твоего, яко да спасетъ ны Богъ, да не погибнемъ“ (Іон., 1, 6). Что ты, человѣче, скажетъ же и намъ Богъ, глубокимъ сномъ нерадѣнія и безопасности спишь, когда корабль жизни твоей, по морю міра сего плавающий, всякій часъ близокъ есть къ сокрушенію? не видишь ли, что міръ волнуется, „міръ во злѣ лежитъ (1 Іоан., 5, 19) и—бѣды вездѣ: бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды въ селахъ, бѣды во градѣхъ, бѣды и въ пустыняхъ, бѣды отъ лжебратій“ (2 Кор., 11, 26). Но, Господи, признаемся мы съ Твоимъ Іереміею, „очи Твои зрятъ на вѣру нашу: билъ еси насъ, и не поболѣхомъ: сокрушалъ еси насъ, и не восхотѣхомъ пріяти наказанія“ (Іерем., 5, 3). Такъ, ужели Богъ оставилъ насъ, ужели все истощилось богатство благодати Его? нѣтъ, нѣтъ, благословенные христіане! какъ законъ естественный сталъ неслепъ удержать единственно при добродѣтели, какъ угроженія и наказанія не сдѣлали насъ лучшими, то премудрость Божія избобрѣаетъ еще средство, но самое дѣйствительное, да и послѣднее; а оно есть благодать Евангельская.

Званіе благодати Евангельской потому сильнѣе, что оно уже не строгостію, но удивительною благодію и несказаннымъ снисхожденіемъ умягчаетъ наше ожесточеніе. Законъ проклинаятъ, а благодать благословляетъ; законъ говоритъ: „око за око и зубъ за зубъ“; но благодать сказываетъ: „аще кто не имать грѣха, да вержетъ на грѣшника

камень“; тотъ говоритъ: „отъидите отъ Мене проклятїи во огнь вѣчный“; сія сказываетъ: „прїидите ко Миѣ вси труждающїися и обремененнїи, и Азъ упокою вы“. Законъ представляетъ намъ Бога во образѣ строжайшаго Судїи и Мздовоздателя, во Евангелїе—подъ видомъ самаго благоутробіѣйшаго Отца.

Сей небесный Отецъ, призывая насъ къ вѣчному счастью, объявляетъ, что Онъ не помянетъ всѣхъ грѣховъ нашихъ, милостивъ будетъ къ самымъ неправдамъ нашимъ; обѣщаетъ блага, которыя намъ на мысль никогда не могли придти, царство небесное, сладость райскую, увеселенїя нескончаемая, показываетъ внутреннюю тишину, которою наслаждается любящїй Его, представляетъ раны Сына Своего, проліянную Его кровь, страданїя и поносную смерть, что все предпрїято, единственно, дабы сласти погибшаго челоуѣка. „Прїидите убо, прїидите ко Миѣ вси труждающїися и обремененнїи, Азъ упокою вы“ (Матѣ., 11, 28).

Сїе призыванїе столь сильно, что надобно быть твердѣйшу камня тому, который бы и сїмъ неподвиженъ былъ. Онъ говоритъ: „прїидите ко Миѣ“; ты долженъ говорить: „готово сердце мое, Боже! готово“. Я бы хотѣлъ, Христе мой, и прежде Твоего призванїя, въ Тебѣ одномъ искать себѣ покоя, а теперь ли не послушаю, когда ты Самъ, сладчайшїй Иисусе, Самъ къ рабу Твоему снисходишь“?.. Сїмъ гласомъ позваны разбойники, блудницы, мытари, сребролюбивые, радостно на подобїе жаждущаго еленя въ слѣдъ его бѣжали, и достигли тихаго въ небесномъ отечествѣ пристанища.

Почему вещь удивленїя или паче сожалѣнїя достойная, что иные величающїеся христіанскимъ именемъ, сей радостѣйшїй гласъ мимо ушей пускають, и желанїемъ будущихъ благъ не восхищаются. Сему причиною есть, или что не имѣють совершеннаго понятїя о высокихъ таинствахъ христіанскихъ, или и понимаютъ, но заботами мірскими, богатствомъ и сластями житейскими сія истина подавляема бываетъ. Въ вышнемъ Евангелїи читано, что званые на вечерю Господню, то есть, въ животъ вѣчный, за покунками воловъ и селъ, или за поятїемъ жены, какъ бы согласившїеся, всѣ отказались, и всякъ изъ нихъ особенно сказалъ: „не могу придти“. А эти краткія слова значать то, что, за прїятностями и за прибытками, я не хочу отпущенїя грѣховъ, ненавижу христіанство, гнушаюсь Евангелїемъ, не люблю миѣ небесное царство, отрицаюсь Христа, сочетаваюсь діаволу. О, страшное слышанїе, которое да не падеть на насъ, вѣрующїхъ въ Тя, Господи! Ты евангельскимъ Своимъ благословеннымъ голосомъ сподобилъ насъ быть въ числѣ Твоихъ званннхъ; сподоби же намъ быть и въ числѣ избранныхъ. Аминь.

Слово на Рождество Иисуса Христа, Спасителя нашего *).

„Не бойтесь: се бо благовѣствую вамъ радость велию“ (Лук., гл. 2, ст. 10).

Въ сей благословенный день празднуемъ мы вожделеннѣйшее Спасителя нашего на землю пришествіе, а тѣмъ самымъ совершаемъ важнѣйшую благочестія христіанскаго тайну. Ибо симъ несказаннымъ Сына Божія къ роду человѣческому снисхожденіемъ истина, прежде вѣкъ опредѣленная, исполнилась, древнѣйшія пророчества сбылись, явственнѣйшія проображенія окончились, неизслѣдимое богатство благодати Божіей открылось; пришло къ намъ чаяніе всѣхъ языковъ, самое блаженство къ намъ на землю пришло. „Явилась гора, Исаіею видѣнная; процвѣлъ жезлъ изъ корене Иессеова; отсѣкъся отъ горы камень безъ рукъ, Давидомъ предозначенный, который славою своею наполнилъ всю землю“ (Ис., 2, 2; 11, 10; Дан., 2, 34). Сей есть оный источникъ, изъ котораго иногда Давидъ пить восхотѣлъ, о семъ вѣлъ пророкъ Аввакумъ: „Господи! услышахъ слухъ Твой, и убояхся; Господи! разумѣхъ дѣла Твоя, и ужасохся“ (Аввак., 3, 1—2).

Трудно сказать, когда излился на насъ изобильнѣйшій источникъ благодѣяній Божіихъ, въ созданіи ли или въ искупленіи. По истинѣ, мы приобрѣли во Христѣ болѣе, нежели сколько погубили во Адамѣ. „Аще бо прегрѣшеніемъ единого“,—какъ богомудруетъ Павелъ,—„мнози умроша, множае наче благодать Божія и даръ благодатию единого чловѣка Иисуса Христа во многихъ превзлѣшествова“ (Римл., 5, 15). Но, дабы сія истинная радость болѣе наполнила сердца наши, кратко исчислимъ спасительные плоды пришествія Христова; а Ты, Который не возгнушался въ вертепѣ и во яслѣхъ положенъ быть, чрезъ слово Твое Божественное вселись и въ насъ!

Сколь было горестное состояніе рода человѣческаго прежде пришествія Спасителя нашего, было, говорю, но и нынѣ есть во всѣхъ тѣхъ, кои отвергаютъ пришествіе Его, и какой, напротивъ, возсіялъ Божественный свѣтъ чрезъ благовѣстіе Евангельское, о томъ вамъ, яко отъ Духа Святаго просвѣщеннымъ, напоминать было бы излишне. Но радость бываетъ многоглаголива.

Родъ человѣческій былъ крайне растлѣнъ, слушатели. Сіе ни мало не сомнительно изъ святыхъ книгъ, которыя хотя кратко, но явственно говорятъ, что „растлѣся земля предъ Богомъ, и наполнися земля неправды. И видѣ Господь Богъ землю, и бѣ растлѣнна“ (Быт., 6,

*) Сказано 1763 года, декабря, 25 дни.

11—12). Но то же самое во всёхъ почти языческихъ книгахъ найдемъ мы. Ибо самая употребительная у языческихъ писателей есть матерія охуждать человѣческіе права. Они въ своихъ сочиненіяхъ то и дѣлаютъ, что пересмѣхаютъ человѣческіе поступки, обличаютъ непристойныя склонности, оплакиваютъ человѣческую бѣдность, негодуютъ на непостоянство міра сего, вопіютъ противъ наглости и неправдъ человѣческихъ. Иные изъ нихъ сказываютъ, что правда и миръ, которыя прежде царствовали на землѣ, потомъ отъ несносныхъ беззаконій преселены на небо. Другой пишетъ, что уже миновалъ золотой вѣкъ, а наступилъ желѣзный, въ который изгнанная правда уступила мѣсто неправдѣ и своевольству. Что много? не стало у Демокрита силы смѣяться суетѣ человѣческой, а у Гераклита слезъ къ оплакиванію бѣдности человѣческаго рода. Сколько ни старалась философія исправить сіе поврежденіе, но не могла. Ибо не только рачители ея ни мало не были своими дѣлами лучше другихъ; но и сама она непристойнѣйшими мнѣніями наполнена была. „Обуи бо Богъ премудрость міра сего“.

Но что не могла философія, то исправила благодать Иисуса Христа: чрезъ своего Ходатая человѣчество преобразуется въ новый видъ. „Древняя мимо идоша, се быша вся нова“. Возсіяла новая философія не словами, но дѣлами любостраствующая, которая показываетъ нашу болѣзнь, да вмѣстѣ показываетъ и средство къ излѣченію оной. Симъ вдохновенные небеснымъ ученіемъ начали усмирять склонности плотскія, начали презирать самую смерть и, утрудившись суетою міра сего, искать постояннѣйшаго небеснаго жилища: „не имамы“, вопіютъ, „здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ“ (Евр., 3, 14). Вотъ, сладчайшій плодъ пришествія Христова!

Родъ человѣческій былъ идолопоклонникъ. Не можетъ быть ужаснѣе заблужденія, какъ то, чтобы Творцу быть отъ твари забыту; не можетъ же быть и большей слѣпоты человѣческаго ума, какъ та, чтобы честь, пристойную величеству Божества, отдать самымъ подлымъ вещамъ. Мы теперь хотѣли бы не вѣрить тому, что міръ весь нѣкогда столь глубокимъ мракомъ былъ покрытъ, что покланялся тлѣнному дереву, серебру и золоту, или изображеніямъ, но такихъ людей, коимъ шты всенародно приписывали наигнуснѣйшія мерзости, или хотя и не совсѣмъ худыхъ людей, но людей. Да что, говорю, изображеніямъ человѣческимъ? четвероногимъ и гадамъ, какъ то: крокодиламъ, воламъ, кошкамъ и ибисамъ отдаваема была божественная честь поставленіемъ жертвенниковъ и приношеніемъ пребогатыхъ жертвъ. И сего благоговѣйнаго служенія сподобились и лукъ и чеснокъ, такъ что можемъ съ однимъ языческимъ шитомъ возопить: „о, счастливы тѣ народы, у коихъ полны огороды боговъ“! Кратко сказать: у язычниковъ все было богъ, кромѣ

Самого Бога, да въ семь заблужденій находились не дикіе только народы, но самыя почитаемыя за просвѣщенныхъ, какъ-то: египтяне, греки и римляне. Сія смертоносная язва столь была сильна, что и самый Израиль, возлюбленный Богу народъ, заразила. За что на него жалуется Богъ истинный чрезъ пророка Іеремію, что „и царіе ихъ, и начальницы ихъ, и священники ихъ, и пророцы ихъ древу рекоша: яко отецъ мой еси ты, и камени: ты мя родишь еси, и обратиша ко мнѣ хребты, а не лица своя, глаголетъ Господь Саваоувъ, Святыи Израилевъ“ (Перем., 2, 26—27). Сею пагубною заразою повреждено было иѣкогда и наше любезное отечество, пока не блеснулъ на него Востокъ съ высоты. Но какъ пришелъ отъ всѣхъ вѣковъ ожидаемый Спаситель, какъ сей небесный Учитель разверзъ уста Свои, и какъ истина Его освѣтила вселенную,—падаютъ идолы, сокрушаются жертвенники, исчезаютъ богомерзкія куренія, посрамляются языческія тайны: открывается горнее богословіе, и показывается истинный путь богопознанія. На которомъ мѣстѣ нечестивому Сатурну убиваемы были младенцы, на томъ истинному Божеству приносится жертва истинная, духъ сокрушенный; гдѣ дымъ возносился на небо отъ сожженія множества скотовъ, тамъ Церковь Христова проливаетъ свои молитвы, восходящія до престола благодати. Кратко: „быхомъ иногда тьма, нынѣ же свѣтъ о Господѣ“. Сію чудесную перемѣну прозрительнымъ окомъ предвидѣвъ, Исаія восклицаетъ: „Свѣтися, свѣтися, Іерусалиме, приде бо твой свѣтъ, и слава Господня на тебѣ возсія. Се тьма покрыетъ землю, и мракъ на языки, на тебѣ же явится Господь, и слава Его на тебѣ узрится. И пойдутъ царіе свѣтомъ твоимъ, и языцы свѣтлостію твоею“ (Ис., 60, 1—3). Вотъ, возжелѣннѣйшій плодъ пришествія Христова!

Родъ человѣческой былъ всякими беззаконіями пренсполненный. „О, да не возлагаютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ“! Откуда произошли всякія неправды, блуды, лукавства и злобы?—отъ человѣка. Гдѣ зависти, клеветы, убійства?—между человѣками. Въ комъ гордость, пьянство, ненасытное сребролюбіе и немилосердіе?—въ человѣкѣ. Кто подымаетъ оружіе другъ на друга и тщится у ближняго своего свирѣпымъ образомъ животъ отнять?—никакое животное, какъ только человѣкъ. Кто бы могъ подумать, чтобы краснѣйшая тварь, созданная по образу Божию и по подобію, столь страшному безобразію подвергла себя!? Да все сіе и печальный опытъ доказалъ; и Святое Писаніе вопіетъ, что „вси согрѣшиша, и лишени суть славы Божія“ (Римл., 3, 23).

Но пришествіемъ отъ самой вѣчности опредѣленнаго Мессіи сей глубокой беззаконій мракъ разогнанъ, грѣхи наши заглажены, скверны омыты, и новая отворена дверь вѣры къ оправданію. Слышу я, что ты, божественный Павле, во уши мои вопіешь: „и вы, сказываешь,

такіе же были, то есть, какъ и всѣ язычники; но омыстеса, но освятитеса, но оправдитеса именемъ Господа нашего Иисуса Христа, и Духомъ Бога нашего“. „Да возрадуется убо душа наша о Господѣ: облече бо насъ въ ризу спасенія, и одеждою веселія одѣялъ насъ; яко на жениха, возложилъ на насъ вѣнецъ и, яко невѣсту, украсилъ насъ красотою“ (I Кор., 6, 11; Ис., 61, 10).

А чтобы не сказалъ кто, что тѣ же самыя беззаконія и донинѣ пребываютъ не въ язычникахъ токмо, но и во многихъ, именующихся христианами, тотъ пусть знаетъ, что такіе неисправные христиане не суть истинные христиане, но плевелы въ пшеницѣ Христовой. А мы еще послѣдуемъ пришествія Христова плоды.

Родъ человѣческой не зналъ пути ко спасенію. Ибо иные о томъ ни мало не думали, иные тому и не вѣрили; другіе, кои казались благо-разумнѣйшими, Бога старались умилостивить жертвами, которыя, впрочемъ, ихъ дѣлами осквернены были, и думали, что Бога умилостивить можно чрезъ самихъ себя. Но тѣмъ самымъ были преокаянные, что и свою немощь не усматривали, и о правдѣ Божіей весьма погрѣшительно рассуждали, и темное имѣли понятіе о милосердіи Божіемъ, которое будто бы въ Богѣ можетъ быть съ нарушеніемъ вѣчной правды Его.

Но евангеліе Иисуса Христа показало намъ совершенный путь, какимъ мы можемъ дойти до милосердія Божія и стать предъ судомъ Его не осужденными. А сей путь есть спасительная вѣра, по которой мы твердо содержимъ, что смерть Иисуса Христа умилостивила раздра-женнаго Бога, и дражайшія Его заслуги приобрѣли намъ великую любовь небеснаго Отца. „Не оправдится бо человѣкъ отъ дѣлъ закона, но токмо вѣрою Иисусъ Христовою, почему и мы во Христа Иисуса вѣро-ваемъ, да оправдимся отъ вѣры Христовой, а не отъ дѣлъ закона“ (Галат., 2, 16),—вопѣть премудрый Апостоль. Вотъ, паки видимъ дражайшій пришествія Христова плодъ.

Родъ человѣческой былъ подъ проклятіемъ, ибо что беззаконіями заслужить можетъ человѣкъ, какъ токмо, чтобы правосуднѣйшій Богъ отвергъ его отъ Своего милосердія? А за симъ слѣдуютъ всѣ несчастія: „Ярость и гнѣвъ, скорбь и тѣснота на всяку душу человѣка, творящаго злое“,—написалъ Апостоль (Римл., 2, 8, 9). Но Христосъ искупилъ насъ „отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва“ (Галат., 3, 13). Чрезъ сего божественнаго споручника исполнилось, что Богъ намъ чрезъ Исаію нѣкогда обѣщаль: „на время мало оставихъ тя, а тѣ милостію великою помилюю тя: во ярости малѣ отвратихъ лице Мое отъ тебе, но милостію вѣчною помилюю тя“ (Ис., 54, 7—8). И для гого-то, когда родился Спаситель нашъ, Ангели воспѣли миръ: „Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ“.

Родъ человѣческой былъ бѣденъ: ибо что жизнь человѣческая, развѣ горестъ и печаль, ежели надеждою будущаго лучшаго состоянія не будетъ услаждена? Но Христосъ благовѣствовалъ намъ вѣчную блаженную жизнь, которую мы здѣсь какъ бы уже вкусивши, радостно течемъ поприще нашей жизни: и всѣ наши труды, несчастія, всѣ наши искушенія ободряетъ непостыдная надежда вѣчнаго живота. „Легкое бо печали нашея“, по Апостолу слову, „по преумноженію въ преспѣваніе тяготу вѣчныя славы содѣлываетъ намъ“ (2 Кор., 4, 17).

Толикія получивъ благодѣянія, какою чистою радостію духъ нашъ выиграть долженъ, благословенные христіане, и какимъ мы благодареніемъ обязаны нашему дражайшему Спасителю, Который насъ призвалъ изъ тьмы въ чудный Свой свѣтъ? Что воздадимъ Господеву за вся, яже воздаде намъ? Потщимся съ волхвами всегда приносить Ему злато добродѣтели, ливанъ усердныхъ молитвъ и благовонную смирну неліцемерія вѣры. Аминь.

Слово въ недѣлю Мытаря и Фарисея *).

„Всякъ возносяйся смирится, смиряяи же себе вознесется“.

(Лук., гл. 18, ст. 14).

Не можно бы, кажется, повѣрить, чтобы человѣкъ, будучи земля и пчелъ, вздумалъ когда гордиться, человѣкъ слабый, недостаткамъ всякимъ подверженный, а къ тому же, ежели его дѣла разсуждать, и суду Божию повинный, началъ превозноситься, предъ Самимъ Богомъ, предъ Которымъ и весь міръ есть капля изъ океана. Однако сіе бѣдное животное возвышается выше кедровъ ливанскихъ: сія пылинка высоко о себѣ мечтаетъ, презираетъ другихъ, да еще и братію свою.

Подлинно, украсилъ Богъ человѣка въ созданіи превосходительными дарованіями и умалилъ его малымъ чимъ отъ ангель. Но человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ“. Но хотя бы и подлинно оныя, Богомъ дарованныя, совершенства всѣ и донныѣ въ цѣлости находились въ человѣкѣ, однако, они не надмѣвать насъ должны, а возбуждать больше благодарить Бога, и больше смирять себя, что мы, не заслуживъ ничего, имѣемъ все; а въ знакъ сей благодарности, тѣ дарованія употребляютъ въ пользу другихъ. Но какъ сію богосозданную человѣческаго естества красоту *гордость* разоряетъ, такъ, напро-

*) Сказано въ присутствіи Ея Величества въ придворной церкви, 1764 года, мѣсяца февраля, 1 дня.

тивъ, падшую паки возставляетъ *смирніе*. Почему, какое между ними есть различіе, въ нынѣшнемъ словѣ поучимся. А Ты, призвай на смиренный. Боже, предуготовь сердца наша къ принятію спасительнаго ученія Твоего!

Нѣтъ никакого согласія гордости со смиреніемъ.

Гордости отецъ есть діаволь, который первый вознесся противъ своего Создателя, да на то же искушеніемъ своимъ привелъ и первосозданнаго человѣка; онъ требовалъ поклоненія отъ Самого Сына Божія, и обѣщаль Ему дать все, хотя у себя не имѣлъ ничего. Такое свойство есть гордыхъ самохваловъ!

Но смиренія родитель есть Богъ, Который „обнищавъ богатъ сынъ, да мы обогатимся Его Божествомъ“. Онъ благоволилъ, „зракъ раба принявъ, въ подобіи человѣчествъ быти; смирилъ Себе, послушливъ бысть даже до смерти, смерти же крестныя“ (Филипп., 2, 7—8). Да и что долготерпѣть согрѣшеніямъ нашимъ, есть доказательство снисходительнаго смиренія Его. Отъ многихъ Онъ хулимъ бываетъ, отъ всѣхъ пороками прогнѣваемъ, но погасилъ ли для того солнце, усыпилъ ли луну?—никакъ. „Онъ возсіяваетъ солнце на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя“. А сему и намъ велитъ подражать, говоря: „научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ“ (Матѣ., 11, 29).

Гордость не унижаетъ себя, усматривая свои недостатки, или паче не усматриваетъ своихъ недостатковъ, и хвалится тѣмъ, чего не имѣеть. Нѣкоторый самохвалъ въ Апокалипсисѣ говоритъ: „богатъ есмь и обогатихся, и ничто же требую“; но Божественный гласъ въ тотъ же часъ противъ его возопилъ: „не вѣси, безумне, яко ты окаянень и бѣдень, и нищъ, и слѣпъ и нагъ“ (Апок., 3, 17).

Но смиреніе не превозносится и тѣмъ, что имѣеть, или для того, что наши добродѣтели смѣшаны бываютъ съ недостатками, или для того, что при благополучномъ плаваніи надобно памятовать непогоду. Смиреніе подобно плодоносному древу, которое чѣмъ болѣе отягощается плодами, тѣмъ болѣе къ землѣ преклоняется. Сказываютъ, что какъ Сократъ Аполлоновымъ отвѣтомъ объявленъ мудрѣйшимъ изъ всѣхъ человѣкъ, то недоумѣвалъ, для чего бы тотъ Богъ столь высокое о немъ имѣлъ мнѣніе; напоследокъ, по многомъ разсужденіи, заключилъ, что, несомнѣнно, для того Аполлонъ назвалъ его премудрымъ, что онъ, Сократъ, не усматривалъ въ себѣ никакой мудрости, и только знаетъ то, что не знаетъ ничего. Подлинно, всякъ слышитъ, что сія Сократова, повидимому, смиренная рѣчь гордостью пахнетъ; но какіе въ язычникахъ есть недостатки, тѣ исправить обязаны христіане.

Гордость все себѣ и своимъ заслугамъ приписываетъ; она не думаетъ чему-нибудь быть такому, которое превосходило бы силы ея.

Павуходоносорь, гордясь построеннымъ отъ себя великолѣпнымъ храмомъ и пространствомъ своего владѣнія, нѣкогда такъ сказала: „Иѣсть ли сей Вавилонъ великій, его же азъ соградихъ въ домъ царства, въ державѣ крѣпости моея, въ честь славы моея“ (Дан., 4, 27). Но, вотъ, уже уста его заграждаетъ слово: „что имашь, человѣче, еже нѣси пріяль? Аще же и пріяль еси, что хвалишися акн не пріемъ“ (1 Кор., 4, 7)?

Но смиреніе все отдаетъ Богу: знаетъ оно, что какъ всякое добро изъ сего источника пріистекаетъ, такъ въ него же чрезъ признаніе наше и возвращаться должно. Избранный Христовъ сосудъ сколько за благовѣстіе Христово имѣлъ подвиговъ, сколько оказаль Церкви заслугъ; однако, со всѣмъ тѣмъ, вмѣсто того, чтобы великаго себѣ требовать отъ коринянъ почтенія, такъ имъ говоритъ: „Кто есть Павелъ? кто же ли Аполлосъ? Но точію служителие“ или орудія (1 Кор., 3, 5), которыя Богъ употребилъ для приведенія васъ къ вѣрѣ.

Гордость думаетъ постигнуть все, и тайны Божія, и возносится выше разума Христова. Ей все то не вѣроятно и не возможно быть кажется, что съ слабымъ человѣческимъ не сходно разсужденіемъ. Премудрый Павелъ отъ философвъ осмѣянъ былъ, когда проповѣдываль воскресеніе мертвыхъ (Дѣян., 17, 32): ибо высота Божественныхъ тайнъ симъ мудрецамъ не вмѣстима была.

Но смиреніе плѣняетъ умъ свой въ послушаніе вѣры; оно утверждается на священномъ якорѣ, „яко не возможно солгати Богу“ (Евр., 6, 18), утверждается на основаніи Апостоль и Пророкъ; признаетъ оно, съ Соломономъ, свою слабость, что „едва разумѣваемъ, яже на земли, и яже въ рукахъ, обрѣтаемъ со трудомъ: а яже на небесѣхъ, кто изслѣди? Волю же Твою, Боже, кто позна? Аще бы не Ты далъ еси премудрость и послалъ еси Духа Святаго Твоего отъ высоты“ (Премудр. Сол., 9, 16—17).

Гордость наказующую руку Божию сносить не терпѣливо, но съ роптаніемъ; вотъ, негодныя свирѣпѣющаго Израиля слова, которыя въ лицѣ Моисея касалась Самого Бога: „Вскую,—говорилъ онъ,—введете сонмъ Господень въ пустыню сію, погубити ны и скоты наши? и вскую сіе? изведете ны изъ Египта, еже принти на мѣсто злое сіе“ (Числ., 20, 4—5). Такъ ли отеческое наказаніе принимать надобно дѣлать? Да многіе и изъ насъ, когда Промыслъ Божій попуститъ впасть въ нѣкое искушеніе, обыкли говорить: „о, когда бы я умеръ! да чѣмъ я согрѣшилъ? не мало ли хуже меня, которые, однако, благополучно живутъ?“ И такъ становимся мы судьями въ собственномъ дѣлѣ своемъ, а опровергаемъ Божій судъ.

Но смиреніе съ радостью пріемлетъ наказаніе Божіе. Ибо оно себя увѣряетъ, что чаша горести, отъ руки Божіей поднесенная, обра-

тятся нѣкогда въ сладость,—и которые вмалѣ наказаны были, великими облагодѣтельствованы будутъ. Смиреніе въ среднѣхъ напастей къ утѣшенію своему поетъ: „благо мнѣ, яко смирилъ мя еси“. „Господь даде, Господь и взятъ; буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка“ (Пс., 118, 71; Іов., 1, 21).

Гордость другихъ презираетъ, и по разуму своему и по дѣламъ своимъ подобнаго себѣ не находитъ. Тому самый ясный примѣръ—нынѣшній фарисей, который весь свѣтъ противъ себя поставилъ въ ничто: „нѣсмь яко же прочіи человекѣцы“; а чрезъ сіе—и что малое имѣлъ, потерялъ. Считаетъ окаянный у другихъ сучки, а своего и бревна не усматриваетъ; и потому наипаче бѣденъ, что мало имѣетъ надежды ко исправленію, ибо для исцѣленія надобно признать свою болѣзнь.

Но смиреніе со всѣми своими дарованіями себя ниже другихъ ставитъ. Ибо въ смиренномъ человекѣ много знаніе открываетъ, сколь много онъ еще не знаетъ; а добрыя дѣла показываютъ, сколь много добра еще не сдѣлано, что сдѣлать было надобно, а чрезъ сіе всегда у него въ памяти остается оное златое присловіе: „колико высокъ еси, толико смири я себе“.

Гордость къ немощамъ человѣческимъ не снисходительна: она другихъ всѣ поступки ругательно пересуждаетъ, всѣ слова немилосердно критикуетъ, смѣется паденію брата своего и строго за оное выговариваетъ, наказываетъ безъ сожалѣнія, жжетъ да рубитъ такъ, какъ бы самъ не былъ подверженъ слабостямъ, общимъ человѣческому роду.

Но смиреніе снисходительно и немощами другихъ не иначе, какъ собственными своими движется. Оно другихъ дѣла и слова старается толковать на добрую сторону. Видя брата согрѣшающаго, говоритъ: „онъ—человекъ, онъ не съ умысла сдѣлалъ, онъ исправиться можетъ; мы и сами тому же подвержены. А сею тихостью больше пользуется другой, нежели безразсудною иныхъ строгостію. Въ чемъ намъ дѣйствительнѣйшимъ примѣромъ есть Самъ Спаситель, о Которомъ Исаія предсказалъ, что „трости сокрушенны не преломить, и льна дымящагося не угаситъ“ (Мате., 12, 20), то есть, будетъ къ грѣшникамъ снисходителенъ.

Гордость бываетъ подозрчива: ей всѣ другихъ дѣла, слова и намѣренія нѣчто предзнаменуютъ; она на все дѣлаетъ примѣчаніе, и изъ всего выводитъ все. Говоритъ ли кто?—она прилагаетъ къ себѣ; предпринимаетъ ли кто что?—она опасна изъ того заключаетъ для себя слѣдствія; молчитъ ли кто?—она примѣчаетъ въ томъ сплетаемые для себя подлоги; и сама себя безпокоитъ, и другимъ спокойнымъ быть не попускаетъ.

Но смиреніе есть просто и не хитростно: оно на все младенческимъ зритъ окомъ, и все голубинцамъ принимаетъ сердцемъ. Такое

свойство, думаю, политикамъ не вмѣстительно, но сіе зрѣлище увеселяетъ очи Самого Бога.

Гордость бываетъ разборчива: это—не такъ, другое—не кстати, честь—не честь, должность—не должность, награжденіе —не награжденіе. Она другихъ опредѣленіями не довольна, и всякія награжденія почитаетъ ниже своихъ заслугъ. Кажется, что такимъ неблаговременнымъ упрямствомъ погрѣшилъ великій Моисей. Богъ велитъ ему „идти къ фараону для изведенія Израиля изъ Египта“; онъ говоритъ, что „не повѣрять“. Богъ увѣряетъ его обращеніемъ жезла въ змія; онъ говоритъ: „косноязыченъ есмь“. Богъ опредѣляетъ Аарону „говорить вмѣсто него“; онъ проситъ, чтобы Господь избралъ на сіе посольство „другаго“. (Исходъ, гл. 4).

Но смиреніе все за благо пріемлетъ, смиреніе всему послушно: въ счастіи не превозносится, въ несчастіи не унываетъ, и данный отъ Бога талантъ умножаетъ съ кротостію. „Отче небесный!“—взываетъ оно: „да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли“ (Мате., 6, 10).

Гордости неприступна Божія благодать: „Господь бо гордымъ противится“. Ибо надобно напередъ признать свою нищету, чтобы удостоиться принять богатство благодати. Итакъ, сколько бы человѣкъ ни возносился, но очи Господни гораздо выше, и будетъ время, что „смирится высота человѣческая, а вознесетъ Господь единъ въ день оный“ (Ис., 2, 17).

Но отъ смиренія неоступна благодать. „На кого воззрю?“—спрашиваетъ нѣгдѣ Богъ.—„Господи силь! воззри на сѣдящихъ на высокихъ колесницахъ, воззри на блестящихся золотыми одеждами, воззри на высокоумудрствующихъ словесниковъ“ (Ис., 66, 2). Нѣтъ, обходить сихъ всѣхъ Божественное Око, а „толькозираетъ на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словеса Его“.

Гордость всегда несчастлива, она пренебрегаетъ предусматривать будущіе случаи и уловляется сѣтями, которыхъ не предвидѣла. Гордые какъ будто нарочно затѣмъ высоко поднимаются, чтобы, упавши, сильнѣе разбиться. Но смиреніе всегда благополучно и безопасно, оно по землѣ ходитъ, и оттого упасть не умѣетъ.

Гордость всякому неприятна и мерзостна. Ежелибы кто сталъ самого себя предъ нами превозносить, хотя бы и правду говорилъ, духъ нашъ отъ себя отвращаетъ, да и самъ гордый гордаго ненавидитъ. Но можетъ ли быть пріятнѣе и увеселительнѣе зрѣлище, какъ видѣть человѣка, всякими дарованіями преукрашеннаго, но кротко и себя разсуждающаго?

Видѣли мы, возлюбленные слушатели, какое есть между гордостію и смиреніемъ различіе; а изъ того усмотрѣли два рода горделивыхъ

людей. Одни думаютъ, что они уже въ число святыхъ записаны и другихъ, яко грѣшниковъ, презираютъ. Но такихъ, думаю, не много: ибо, можетъ, большая часть не думаютъ о Богѣ, нежели тѣхъ, кои думали бы, что они своими дѣлами одолаютъ Бога. Другіе, коихъ побольше, превозносятся умомъ своимъ противъ истины хрстіанской и не принимаютъ, что съ ихъ суетнымъ разсужденіемъ не сходно,—съ разсужденіемъ, которое они почерпнули изъ глубины грамматикъ, изъ комедій и въ вольныхъ домахъ. Но сіи широкохвостные павлины опустятъ свои перья, когда разсудятъ оныя Духа Святаго слова, что „всякъ возносяйся смирится, смиряя же себе—вознесется“. Аминь.

Слово въ недѣлю Блуднаго сына *).

„Человѣкъ имѣлъ двѣ сына“.

(Лук., гл. 15, ст. 11).

Подъ именемъ двухъ сыновъ представляетъ намъ Евангеліе два различныя состоянія: праведныхъ и неправедныхъ, добрыхъ людей и худыхъ. Одни изъ нихъ—ревностнѣйшіе послѣдователи святаго закона Божія, другіе—упрямые онаго презрители; одни утѣшаются въ объятіяхъ у добродѣтели, другіе—подлые страстей своихъ невольники. Одни не думаютъ, чтобы ихъ желаніе сіи видимыя вещи совершенно могли удовольствовать, но простираютъ мысли свои далѣе, а, именно—къ блаженной вѣчности; другіе, яко безсловесныя животныя, думаютъ, что всѣ человѣческія радости съ сею жизнію окончатся должны, и надеждою будущихъ, лучшихъ, благъ себя не утѣшаютъ.

Правда, что въ мірѣ семъ, по Апостольскому слову: „нѣсть праведенъ никтоже“ (Римл., 3, 10), то есть, нѣтъ ни одного, который бы грѣха не имѣлъ и дерзнулъ бы предъ судомъ Божиимъ сказать: „я праведенъ“. Но свитое слово и тѣхъ почитаетъ титуломъ праведныхъ, которые не ожесточены въ неправдѣ, которые признаютъ свои предъ Богомъ недостатки, и въ подвигѣ добродѣтели по силѣ своей, при помощи Божіей, упражняются. Совершенные бо праведники суть на небѣ, куда никакая не входитъ скверна, и гдѣ Самъ Богъ „всяческая во всѣхъ“. Мы, слушатели, которые живемъ на землѣ, въ сей юдоли плачевной, мы, которые смертную сію влечемъ жизнь и непрестанно боремся со страстями, имѣемъ нужду поговорить о различномъ состояніи праведныхъ и неправедныхъ, какое есть въ мірѣ семъ. А Ты, Отче небесный, раствори благодатию Твоею бесѣду нашу.

*) Сказано въ придворной церкви, 1764 года, февраля, 8 дня.

Между добродѣтелию и порокомъ—вѣчная брань: „кое бо причастіе свѣту ко тьмѣ“ (2 Кор., 6, 14)?

Добрые люди всё свои дѣла управляютъ по закону и по разуму: знаютъ они, что послѣдовать склонностямъ есть то, что чрезъ краткое время увеселять себя; но поступокъ, основанный на разумѣ, всегдашнее совѣсти человѣческой есть утѣшеніе. Сказываютъ, что будто нѣкоторый человѣкъ нѣкогда нашелъ такой камень, который когда носилъ на рукѣ, то оный человѣкъ не видимъ былъ. Ежели бы сей камень нашелъ честный человѣкъ,—такъ пишетъ нѣкоторый язычникъ,—то онъ тотчасъ бы его бросилъ: ибо честный человѣкъ такъ поступаетъ, что хочеть отъ всего свѣта видимъ быть; а сіе сходно съ Евангельскимъ словомъ, которое хочеть, чтобы истинный христианинъ, былъ яко свѣтъ въ мірѣ (Мате., 5, 14).

Но худые люди устремительно несутся туда, куда ихъ влечеть собственная страсть, куда манять пріятности чувствъ и соблазны мірскіе; а чрезъ то опровергаютъ законъ разума, который намъ отъ Бога данъ вмѣсто свѣтильника, показывающаго путь къ благополучію. Вотъ, Блудный сынъ, который, соскочивъ съ благополучно плывущаго корабля отеческаго правительства, бросился въ бурю своевольства, не захотѣлъ жить при мудрыхъ отеческихъ глазахъ, но захотѣлъ въ другихъ странахъ погулять, или, какъ нынѣ говорятъ: „повидѣть свѣтъ“; а сей веселый свѣтъ, кромѣ, что развратилъ нравы, въ наибѣднѣйшее привелъ его состояніе.

Добрые люди спокойны: ибо веселятся чистотою совѣсти, которая внутренними обличеніями не терзается. Не полную ли радость чувствуютъ они, когда кто изъ нихъ воображаетъ себѣ, что „я въ такихъ-то случаяхъ не попустилъ себѣ отъ страстей моихъ побѣдиму быть“, „я человѣку тому сдѣлалъ благодѣяніе“, „я сего немощнаго исторгнулъ изъ руки сильнаго“; ибо побѣдить себя есть свѣтлѣйшая побѣда, нежели побѣдить тьмочисленные непріятельскіе полки! Такіе люди внутри сердца своего имѣютъ источникъ приснотекущей радости, покоя они съ Давидомъ: „азъ уснухъ и спяхъ, востахъ, яко Господь заступитъ мя“ (Пс., 3, 6). Но худые всегда безпокойны: днемъ они вредными для другихъ заботами и своевольными суетами мучатся, а ночью отходить сонъ отъ глазъ ихъ, и занимаетъ мысли черная меланхолія (задумчивость). Ибо, вмѣсто сладкаго послѣ трудовъ покоя, предстанеть съ своимъ судомъ совѣсть и представитъ всё обиды, другимъ отъ нихъ нанесенныя,—представить слезы, которыя ими обиженные проливають ко всевидцу Богу; представитъ всё тѣ опасности, которыя неминуемо за худыми поступками слѣдуютъ. Совѣсть бо всякаго есть неумолимый судія: безпристрастно разбираетъ дѣло, и осуждаетъ или оправды-

заетъ; а ежели кто и совѣсть совѣмъ потерялъ, чему кажется статья нельзя, тотъ тѣмъ окаяннѣе, что послѣднюю потерялъ надежду къ исправленію.

Добрые люди, правда, иногда смущаются; а напротивъ, когда или за добродѣтель свою не только не получаютъ достойнаго награжденія, но еще и гонимы бывають; или когда видятъ, что злые люди во всякомъ живутъ благополучіи. Но сіи привидѣнія Промыслъ Божій разгоняетъ, и сіе волненіе утихаетъ, когда они рассуждаютъ, что сама собою добродѣтель есть истинное человѣческое счастье, и что сіе видимое безпокойство на вѣчный перемѣнится покой. Одинъ святѣйшій пророкъ съ жалобой вопіетъ къ Богу: „Господи! что, яко путь нечестивыхъ спѣется“ (Перем., 12, 1)? Но тотчасъ утѣшаетъ себя сими отъ лица Божія словами: „близъ еси Ты, Господи, усть ихъ, далече же отъ утробъ ихъ“. То есть, Ты ихъ, въ надеждѣ исправленія, наружнымъ благополучіемъ утѣшаешь; но, какъ беззаконниковъ, внутренняго не удостоиваешь.

Почему, хотя худые люди и всякимъ счастьемъ иногда процвѣтатъ намъ кажутся, но сей цвѣтокъ скоро увядаетъ; и не все то, что блещетъ, злато есть. И для того-то блаженный Давидъ любилъ на божественныхъ своихъ гусляхъ припѣвать сію пѣснь: „Не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе. Зане, яко трава, скоро иссохнутъ, и, яко зеліе злака, скоро отпадутъ“ (Псал. 36, 1—2).

Добрые люди мыслями своими прилѣпляются къ Богу, и всѣхъ своихъ дѣлъ за основаніе полагають благочестіе. Они сію жизнь почитаютъ за временное жилище, а непрестанно очи сердца своего возводятъ къ горнему, блаженному отечеству. Послѣ нѣкоторой Спасителя нашего проповѣди, которая плотской мудрости не понравилась, многіе изъ учениковъ отстали отъ Него. Подвигшись сожалѣніемъ о нихъ, сострадательнѣйшій Учитель нашъ оставшимся при Немъ ученикамъ сказалъ: „еда и вы хотите ити?“ Тогда вмѣсто всѣхъ отвѣчалъ Ему Симонъ Петръ: „Господи! къ кому идемъ? глаголы живота вѣчнаго имамъ“ (Іоан., 6, 67). Ахъ! дражайшій Учитель, возможно ли, чтобы мы, мучимые жаждою, отъ Тебя—источника живаго отлучились? мы охотно Тебѣ послѣдуемъ; только Ты не скрой лица Твоего отъ насъ, грѣшныхъ, Свѣте незаходимый!

Но худые люди столь мало о благочестіи думаютъ, что, кажется, лютуютъ себя рожденными для сей токмо жизни. Они удаляются отъ Бога, въ соединеніи съ Которымъ сами язычники благополучіе человѣческое поставляли. Нынѣшнее евангеліе, говоря о Блудномъ сынѣ сіе отъ Бога удаленіе означаетъ сими словами: „отъиде на страну далече“. А вотъ, что Псалмопѣвецъ къ Богу говоритъ: „се, удаляющіи

себе отъ Тебе, погибнуть" (Ис., 72, 27). О такихъ людяхъ можно сказать, что имъ душа дана будто вмѣсто соли, чтобы не согнили.

Добрые люди съ прилежаніемъ и усердіемъ упражняются въ своемъ званіи, въ которое ихъ Богъ призвалъ. Рачительный земледѣлецъ учреждаетъ свою бразду, палимый жаромъ и потомъ обливаясь; усердный воинъ отечество кровію своею защищать не отрицается; купецъ ввѣряетъ себя морскимъ волнамъ и, яко пчела, для общества собираетъ медъ; пастырь церковный не спитъ о стадѣ своемъ и вверяетъ умъ свой во глубину Божественнаго закона; верховный начальникъ размышляетъ о благополучіи своихъ и нужды всѣхъ въ одной своей объемлетъ главѣ. Когда Блудный сынъ по чужимъ гулялъ странамъ, когда имѣніе отеческое расточалъ съ любодѣйцами, тогда старшій сынъ былъ на селѣ, то есть, въ трудахъ,—говоритъ исторія Евангельская.

Но худые люди всегда—въ гуляніи и въ роскоши: нынѣ — веселости, завтра—утѣхи, послѣ завтра—то же; днемъ гуляютъ, ночью гуляютъ, да и во снѣ гуляютъ. Да слышать таковыя Евангельское увѣщаніе: „блудитесь“, говоритъ оно, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и пьянствомъ и печальми житейскими, и найдетъ на вы внезапно часть той“ (Лук., 21, 34),—часть, въ который всякъ отъ своихъ дѣлъ осудится или оправдится.

Добрые люди употребляютъ свои дарованія въ пользу другихъ: разумъ—къ наставленію или словомъ, или писаніемъ, краснорѣчіе—на преклоненіе сердець къ послѣдованію добра, богатство—къ снабженію бѣдныхъ людей, честь и достоинство—къ защищенію обидимыхъ, къ подкрѣпленію изнемогающихъ; а употребляемые въ пользу другихъ таланты Богъ усугубляетъ. О, когда бы и мы могли сказать: „Господи! два таланта ми еси предалъ: се другая два таланта приобрѣтохъ има“ (Мате., 25, 22).

Но худые люди Божія данныя имъ дарованія употребляютъ во зло: разумъ—на ябеды и на хитростныя для ближняго своего подкормы; богатство—на роскошь, ученіе—на сочиненіе басенъ и соблазнительныхъ матерій; ученіе, которое было бы источникомъ истиннаго нравоученія, ежели бы на добрый конецъ употреблено было. Такіе, впрочемъ, сколько о себѣ ни думаютъ, но они должны почитаемы быть ниже человѣка съ наименьшими дарованіями, но другимъ не вредящаго.

Добрые люди искренно сердечны, и оттого и своихъ враговъ любятъ. Въ ихъ сладкихъ устахъ часто слышится она Давидова пѣснь: „съ ненавидящими мира бѣхъ миренъ“. Цѣломудренный Иосифъ, увидѣвъ своихъ братьевъ, отъ которыхъ иноплеменникамъ проданъ былъ, заплакалъ: а сими отъ нехитростнаго сердца текущими, слезами какъ бы угасилъ пламень гнѣва, который возгорѣлъ бы въ другомъ про-

тивъ предателей своихъ. Я въ такихъ душахъ, какъ въ чистѣйшихъ зеркалахъ, усматриваю сіяющую Божію святѣйшую простоту.

Но худые люди ненавидятъ добрыхъ, да еще, что удивительно, за самую ихъ доброту. Они хотя съ ними обходятся и ласково, но въ сердцѣ своемъ скрываютъ ядъ злобы. Повѣствуетъ исторія, что Аѳинскій Аристидъ, прозываемый праведнымъ, встрѣтился нѣкогда съ поселяниномъ, который просилъ его, чтобы онъ написалъ имя Аристидово на осужденіе. Знаетъ ли онъ Аристиду, и за что бы его осуждалъ,—спросилъ поселянина Аристидъ. „Я Аристиду не знаю“,—отвѣтствовалъ поселянинъ,—„и онъ мнѣ никакой обиды не сдѣлалъ, но мнѣ—де досадно слышать, что его все праведнымъ называютъ“. Такъ-то сіяющая добродѣтель праведнаго есть рожонъ въ глазахъ у злого человѣка; такъ-то „назираетъ грѣшный праведнаго, и ищетъ умертвить его“.

Добрые люди обществу полезны. Отъ нихъ процвѣтаютъ государства: ибо отъ нихъ происходятъ добрые совѣты, отъ нихъ—постоянныя дружбы, неразрушимые союзы, непритворные миры; ихъ упражненіе есть источникъ, а добрые поступки—школа нравоченія. Отъ нихъ не затрубитъ воинская труба, не загорится войны пламень. „Въ благословеніи правыхъ“,—по слову Соломонову,—„возвысится градъ, усты же нечестивыхъ раскопается“ (Притч., 11, 11).

Но худые люди суть вредительнѣйшая язва обществу. Кто продаетъ правду, кто бѣдныхъ грабитъ, кто завидуетъ, клеветаетъ, хитруетъ, чужихъ трудами роскошествуетъ, или собственную свою только смотреть пользу; кто, когда не тотъ, которому честность и совѣсть безъ пользы есть пустое имя? Ежели бы сіи плевелы исторгнуты были изъ общества человѣческаго рода,—не увидѣли ли бы мы возвратившіеся къ намъ золотыя вѣка?..

Добрые люди Богу любезны и добродѣтель ихъ не можетъ остаться безъ награжденія. Они, если не въ мірѣ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ, то неотмѣнно на небѣ за скорбь получать неопианную радость, за скудость—невсощаемое богатство, за чистосердечіе—блаженнѣйшее лицезрѣніе Божіе, вмѣсто сожитія съ худыми людьми приобщатся къ блаженнѣйшему лику ангеловъ, архангеловъ и всѣхъ праведныхъ духовъ.

Но худые люди и здѣсь наказываются, и тамъ на вѣчное наказаніе осудятся. Ибо здѣсь для кого—обличенія, выговоры, обезщеченія, тюрьмы, узы и кругія подобныя наказанія, какъ не для злыхъ людей? А въ будущемъ вѣкѣ для нихъ же приготовленъ скрежетъ зубовъ, неумирающіе черви, неугасающіе огни, тартаръ, сожитіе съ демонами и конечное отверженіе отъ Бога. „Нѣсть бо радоватися нечестивымъ“,—глаголетъ Господь (Ис., 57, 21).

Усмотрѣвъ различіе двухъ противныхъ состояній, имѣть трудности, слушатели, узнать, которое изъ нихъ одно другому предпочтено быть должно. Мы хотя не можемъ сказать предъ Богомъ, что мы-праведны, но можемъ сказать: Отче! „согрѣшихъ на небо и предъ Тобою“! А Богъ, яко чадолубивый Отецъ, предвидѣвъ благое намѣреніе наше, потечеть намъ въ срѣтенію, падеть на выю нашу и обლობызаетъ насъ лобзаніемъ святымъ, сладость котораго лобзанія здѣсь нѣсколько понимается, а совершенно чувствуется на небеси. Аминь.

Слово въ недѣлю первую Великаго поста *).

„Отселѣ узрите небо отверсто“.

(Іоанн., гл. 1, ст. 51).

Въ самомъ началѣ святыхъ книгъ находимъ мы, что рай, который для человѣка созданъ былъ, послѣ ему же самому за преступленіе былъ затворенъ: двери его заключились, входъ въ блаженное красоты жилище пресѣченъ, да и херувимъ съ пламеннымъ мечемъ приставленъ (Быт., 3, 23), дабы никто не смѣлъ приступить къ мѣсту тому. „Никто не можетъ то отворить, что затворилъ Богъ“! Рай сей былъ образомъ неба, которое есть истинное блаженства человѣческаго обиталище: когда изгоняемъ былъ изъ рая человѣкъ, въ то самое время пресѣ- клась ему надежда получить небо; когда затворились предъ нимъ райскія двери, тогда же для него заключились и небесныя врата, вводящія къ престолу благодати. Сверкающій пламенемъ херувимъ означалъ Божій гнѣвъ, который огнемъ ярости своей опаляетъ грѣшника, и входъ къ блаженству дѣлаетъ для него непрístupнымъ. О, печальнаго состоянія!

Но, вотъ—нечаянная и радостнѣйшая всего того переменна. Блаженнѣйшій Учитель нашъ въ нынѣшнемъ Евангелии увѣряетъ насъ, что небо по-прежнему будетъ отворено: „отселѣ“—говорить—„узрите небо отверсто“. Блаженство райское къ вамъ возвратится, свѣтъ небесный васъ осіяетъ, примутъ васъ въ вѣчныя небеснаго Отца обители, „возрадуется сердце ваше, радости вашей никтоже возьметъ отъ васъ“. Да уже и, дѣйствительно, небо отворено силою великаго „Архіерея, прошедшаго небеса—Иисуса, Сына Божія“ (Евр., 4, 14). Однако, со всѣмъ тѣмъ опасаться должны, чтобы оно паки отъ насъ затворено не было. Почему, *чѣмъ оно затворяется и отворяется*, нынѣшнею бесѣдою изслѣдуемъ. А Ты, Который дѣйствуешь вся во всѣхъ, отверзи умъ нашъ разумѣти силу спасительнаго слова Твоего!

*) Сказано въ присутствіи Ея Величества въ придворной церкви 1764 г., февраля, 29 дня.

Счастія и несчастія причиною, по большей части — сами мы. Всякъ для себя затворить можетъ небо и отворить. Затворяется, во-первыхъ, небо привычкою къ худому. Нѣтъ опаснѣйшаго препятствія теченію добродѣтели, какъ ежели кто частымъ въ худыхъ дѣлахъ пребываніемъ такъ къ нимъ привыкъ, что безъ нихъ, равно какъ безъ пищи и питія, пробыть не можетъ. И для того въ самомъ началѣ злу противиться надобно и не попускать, дабы оно укорениться могло. Ежели кто одинажды или дважды отъ дѣла отсталъ, тотъ на послѣдокъ приходитъ въ разслабленіе, и нѣчто въ себѣ уже чувствуетъ, что почти насильно отвлекаетъ его отъ честнаго упражненія. Нынѣ поползнулъ, завтра не всталъ, послѣ завтра не исправился; и такъ сей узелъ все больше запутывается; а, наконецъ, порокъ свергаетъ съ престола добродѣтель и садится на мѣстѣ ея. Сіе случается и въ тѣлесныхъ припадкахъ: ежели болѣзнь съ начала пренебрежена будетъ; на послѣдокъ столь усиливается, что остается неизлѣчимою. И такъ праведно святой Давидъ написалъ, что человѣкъ сперва начинаетъ болѣть неправдою, то есть, терзаться худыми склонностями, потомъ зачинаетъ сію болѣзнь, далѣе рождаетъ беззаконіе (Псал., 7, 15), а на послѣдокъ „пришедъ во глубину золъ, нерадитъ“.

А отсюда примѣтите вы можете, о родители! сколь великій на васъ долгъ лежитъ, чтобы дѣтей своихъ воспитывать въ страхѣ Божіи, и въ самой той младости удалять отъ нихъ всякіе къ худому случаи. Доброе бо воспитаніе есть твердое основаніе будущаго жизни нашей благополучія; и въ мягкихъ юношества лѣтахъ къ доброму или худому привычка удобно можетъ снискана быть. Что ежели малое дитя въ самомъ началѣ возраста своего приобученъ будетъ тоюмо къ забавамъ, да забавамъ не разума и добродѣтели, но къ наружнымъ и плотскимъ, оставивъ святѣйшее упражненіе закона и честности, что: такое дитя будетъ, наконецъ, развѣ трость, вѣтромъ страстей колеблема? Многіе, закоснѣвая во злѣ, ласкаютъ себя, что они могутъ при смерти покаяться. Но, кромѣ того, что сія надежда есть неизвѣстная, святыя отцы еще разсуждаютъ, что у человѣка, который всю жизнь прожилъ въ нераскаяніи, при смерти истинное покаяніе едва ли быть можетъ: „ибо тогда уже не онъ худыя дѣла, но худыя дѣла его оставляютъ“. Такъ, вотъ, чрезъ сіе и затворяется небо.

Но отворяется оно пребываніемъ въ добрѣ. Нельзя, чтобы смертный человѣкъ никакого предъ Богомъ порока не имѣлъ; но въ сей жизни есть велико и то, когда не далеко отъ истиннаго пути отступаемъ и, по малу, на высоту добродѣтели восходимъ; а чрезъ то, по малу, много пороковъ уменьшается. Славнаго древняго живописца Апеллеса спросили, какимъ бы онъ образомъ столь много въ своемъ искус-

ствѣ успѣли: „ни одного дня не прошло, отвѣчалъ онъ, въ который бы я что-нибудь не написалъ“. О, когда бы и мы ни одного дня не пропустили, не сдѣлавъ какого добра! Тогда бы могли съ великимъ Павломъ говорить: „задняя забываемъ, а въ предняя простираемъ“ (Филипп., 3, 13), пока не взойдемъ въ отверстое небо.

Затворяется небо безопасностію плотскою или распутнымъ житіемъ, когда кто не о радостяхъ будущихъ, но токмо о веселостяхъ житейскихъ помышляетъ. О такихъ святой Апостоль пишетъ, что когда они будутъ говорить: „миръ и утвержденіе, тогда внезапно нападетъ на нихъ всегубительство“ (1 Сол., 5, 3). А въ примѣръ сему представляетъ намъ Евангеліе пять безумныхъ дѣвъ, у которыхъ неусыпающихъ мыслей свѣча погасала, и съ уныніемъ кромѣшнымъ погребены были сномъ. Въ самую же полночь вопль бысть: „се, женихъ грядетъ, исходите въ срѣтеніе“ Но, между тѣмъ, какъ онѣ вставали, какъ продирали глаза, какъ убирались, какъ искали масла для возженія свѣтильниковъ, прошло желаемое время, и двери затворились. Сколько онѣ о томъ послѣ ни сожалѣли, сколько въ двери ни стучали, сколько ни вопили со слезами: „Господи, Господи, отверзи намъ“, но получили въ отвѣтъ: „не вѣмъ васъ“ (Матѣ., 25, 1—12). Ахъ, страшное приключеніе! А сіе сказано въ наставленію насъ, чтобы мы не дремали уныніемъ, чтобы вѣра наша всегда была, яко свѣтильникъ горящій: ибо и насъ Сынъ Человѣческій придетъ нѣкогда звать въ отверстое небо. Да когда? — Сіе то наипаче устрашать насъ должно. Въ день, въ который не думаемъ, и въ часъ, въ который не чаемъ. Ежели сей часъ застанетъ насъ неготовыми, то толкущимъ намъ въ небесныя двери сказано будетъ: „отыдите прочь, сія врата Господня: праведни видутъ въ ня“.

Но отворяется небо бдѣніемъ, то есть, когда не ослабѣваемъ въ подвигъ добродѣтели. Мысль трезвая и всегда размышляющая о Богѣ какъ бы приступомъ беретъ небо, по оному Евангельскому слову: „царствіе небесное нудится“, то есть, силою берется, „и нуждницы восхищаютъ е“ (Матѣ., 11, 12). А подтверждается сіе примѣромъ пяти же, но мудрыхъ дѣвъ, о которыхъ пишется, что онѣ, будучи готовы, „взыдоша на браки“. Притча сія благочестію вашему извѣстна. Ночь есть время вѣка сего; сонъ есть наша жизнь; свѣча, горящая въ ночи, есть вѣра; масло—добродѣтель; женихъ—Христосъ; невѣста дѣвица—душа; бракъ есть вѣчное блаженство; а отвореніе дверей есть полученіе сего благополучія несказаннаго. Такими оружіями вооруженный, христіанскій воинъ торжественно входитъ во врата небснаго Іерусалима.

Затворяется небо еще невоздержаніемъ. Ибо чрево, отягощенное пищею, чѣства, очарованныя лакомствомъ, мысль, потемненная пьян-

ственными парами, не только не может вознестись къ небу, но и не может усмотрѣть пути къ оному. Мы до сихъ поръ еще оплакиваемъ паденіе первосозданнаго человѣка, въ которомъ склонности тѣлесныя преодолѣли силу разума, и пріятности, ласкающія чувства, опровергли здравое разсужденіе. И для того Спаситель нашъ, предостерегая насъ, увѣщаваетъ: „Внемлите себѣ,“ — говорятъ, — „да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и пиянствомъ и печальми житейскими, и найдеть на вы внезапно день той“ (Лук., 21, 34).

Но отворяется воздержаніемъ. Постъ тѣла есть пища души, и чѣмъ меньше дается питанія страстямъ, чѣмъ болѣе облегчается душевное перо, и умное наше око потоплику болѣе усматриваетъ неприступный свѣтъ Божества, поелику бываетъ меньше потемнисо облакомъ чревоугожденія. Нынѣ наступило сіе благословенное время: „нощь прейде, а день приближися“; день спасительнаго поста, день христіанской философіи, день цѣломудрія и духовнаго пиршества. Ибо, воздержаніемъ очищенная, мысль ясенѣе размышляетъ о добродѣтели и о Богѣ; а размышленіе сіе привлекаетъ на себя свѣтъ небесный.

Затворяется небо высокоуміемъ. Царство бо небесное есть тѣхъ, кои суть „нищии духомъ“; тѣсенъ есть путь въ небо (Мѡ., 5, 3, 7, 14), — почему, чтобы въ оное взойти, надобно много пышности убавить. Высокомѣрный духъ, много о себѣ мечтая, ученіе спасенія пренебрегаетъ; а невѣдѣніе высокой истины сей есть причина худаго житія: житіе же несправное не можетъ имѣть мѣста въ небесныхъ обителяхъ.

Но отворяется оно простотою евангельскою и смиреніемъ. Святое смиреніе—чѣмъ болѣе себя унижаетъ, тѣмъ болѣе небеса къ нему преклоняются. Нѣкогда приступили ученики ко Христу и спрашивали Его: „кто—болѣе въ царствѣ небесномъ?“ и, какъ видно, они за достойныхъ себя почитали, чтобы отвѣтъ опредѣлилъ въ ихъ пользу. Но сей смиренія Учитель поставилъ въ срединѣ ихъ кроткое малое дитя, и сказалъ: „Ежели вы не стяжете такого смиреннаго духа, какой видите въ отрокѣ семъ, въ царство небесное взойти не можете“. Какой страшный и паче чаянія случившійся высокоумію человѣческому ударъ! И сія—то причина была, что смиренные Апостолы принимаемы были въ нѣдро Авраамово, а гордые фарисеи оттуда изгонялись; сія причина была, что мытарямъ, блудницамъ и разбойникамъ отворялись небесныя двери, а высокоумнымъ философамъ и надменнымъ властямъ вѣка сего оныя затворялись. Вещь удивленія достойная; но такое есть недомыслимой премудрости Божіей расположеніе. „Ей, Отче! яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою“ (Матѡ., 11, 26)!

Затворяется небо невѣдѣніемъ. Ибо—кто чего не знаетъ, того не желаетъ и не ищетъ. А за невѣдущихъ почитать должно невѣрныхъ,

еретиковъ и суетвѣрцевъ. Невѣріе совсѣмъ не знаетъ спасительнаго пути, ереси на семь пути полагаютъ претыканія, а суетвѣрство съ сеѣ дороги заблуждаетъ. Невѣріе не движется желаніемъ будущихъ благихъ, ересь не отдаетъ имъ достойнаго почтенія, а суетвѣрство не позволительнымъ образомъ оныя получить надѣется: разныя заблужденія, но всѣ равно лишаются благой надежды.

Но отворяется вѣроу. Святыя бо „всея вѣроу получиша обѣтованія“. Спасительная вѣра, вмѣсто ключа, употребляетъ тайну крещенія, которая отворяетъ намъ дверь царствія,—тайну покаянія, которая входъ сеѣ безопаснымъ дѣлаетъ,—и тайну причащенія, которая таинственно съ Самимъ Богомъ насъ соединяетъ.

Затворяется небо ожесточеніемъ и конечнымъ нераскаяніемъ. Объявляетъ Святое Евангеліе, что въ послѣдній день суда многимъ входъ въ небо будетъ отказанъ, и скажетъ Судія: „отъидите отъ Мене вси, дѣлающіи беззаконіе“. Вы, Ангелы, затворите отъ нихъ двери, дабы сюда не взошелъ никто, неимѣющій одѣянія брачна, то есть, одѣянія, свѣтлостію добродѣтели блистающаго.

Но отворяется благодатію Господа нашего Иисуса Христа. Вспомните лѣстницу, которую видѣлъ Іаковъ (Быт., гл. 28); она отъ земли досягала до небесъ, и Ангелы по ней ныне восходили къ небу, другіе сходили внизъ; а основаніемъ сеѣ лѣстницы былъ Самъ Господь. Лѣстница сія означаетъ безпрепятственный путь ко спасенію; Ангелы восходящіе представляютъ спасаемыхъ; сходящіе на землю даютъ знать, что сіи чистѣйшіе духи съ вѣрующими составляютъ одно общество; а Господь, на Которомъ утверждается лѣстница сія, есть Тотъ, Который въ Евангеліи Самъ о Себѣ говоритъ: „Азъ есмь путь и истина и животъ: нѣчтоже придетъ ко Отцу, токмо Мною (Іоанн., 14, 6).

Но сеѣ Господь вознесся отъ насъ на небо, слушатели, и мы остались безъ сего Божественнаго путеводителя; такъ кто же намъ отверзетъ двери царствія небеснаго? Но, вотъ—видимъ мы милосердый промыслъ Спасителя нашего. Онъ, возносясь отъ земли на небо, кромѣ того, что обѣщавъ съ нами всегда пребывать невидимо, оставилъ ключи небесныя въ Церкви Своей, ибо Онъ сказалъ Петру, а въ лицѣ его и всѣмъ служителямъ Новаго Завѣта: „и дамъ тебѣ ключи царствія небеснаго“ (Матт., 16, 19). О, даръ дражайшій! Дамъ ключи, коими разрѣшенныя на земли, разрѣшаются и на небеса; дамъ ключи, коими отверзается не токмо небо, но и самое благоутробіе небеснаго Отца; дамъ ключи, съ которыми человекъ дѣлается владѣтелемъ нестошаемыхъ райскихъ сокровищъ. Даетъ же не одинъ ключъ, но „ключи“; а сіе значитъ, что разные устроилъ Богъ пути ко спасенію. Такъ можетъ ли кто спасеніе почитать труднымъ, когда ключи небесныя въ

рукахъ нашихъ находятся? Почему—самымъ дѣломъ исполнилось то, что нынѣ въ Евангеліи слышали мы: „Отселе узрите небо отверсто“.

Идите убо, благословенные христіане, въ сіе радостное мѣсто, въ вѣчное наше обиталище; идите, насыщайтесь, ублажайтесь, царствуйте. Дверь небесная отворена, трапеза приготовлена, ангельскіе лики предстоятъ, всѣ праведные духи насъ ожидаютъ, Самъ Отецъ будущаго вѣка объятіями Своими насъ воспріять хочетъ; а Церковь воинствующая на землѣ восклицаніями своими и ученіемъ ободряетъ, чтобы мы не ослабѣвали въ семъ знатнѣйшемъ подвигѣ.

Нѣтъ никого, думаю, изъ насъ, который бы не пожелалъ сего блаженства быть причастнымъ, но, притомъ, памятовать надобно, что въ оное чистѣйшее мѣсто никакая скверна не входитъ. А какъ никто изъ человѣкъ отъ своихъ дѣлъ предъ Богомъ безъ благодати Его оправдаться не можетъ, то Ты Самъ, Господи, отворивъ намъ покаянія двери, отверзи двери и небеснаго царствія Своего. Аминь.

Слово въ недѣлю пятую Великаго поста *)

„Не вѣста, чесо просита“.

(Марк., гл. 10, ст. 38).

Два знатные Христовы ученика, Іаковъ и Іоаннъ, въ человѣческое впади искушеніе, которое тѣмъ удивительнѣе, что ихъ подстрекало честолюбіе въ то время, когда они неотступно пребывали при Томъ, Который Самъ не имѣлъ, гдѣ главы приклонить. Сей великій Учитель говоритъ имъ о страданіи, а они воображаютъ чести; Онъ объявляетъ о приближающейся Ему смерти, а они думаютъ о веселостяхъ; Онъ рѣчь свою имѣетъ о крестѣ, а они просятъ, чтобы сѣсть, не знаю, на какихъ престолахъ по правую и по лѣвую сторону; Онъ имъ представляетъ, что, которые болѣе власти и чести вѣка сего имѣютъ, тѣ то наипаче на Него нападутъ и предадутъ,—но они сами въ сію опасность охотно себя ввергаютъ.

Такъ-то всегда иное мудретствуетъ міръ, иное — Евангеліе. Такая-то есть слабость нашего ума, что мы, безъ благодати Божіей, ни пути, ни способа къ истинному благополучію изобрѣсти не можемъ. И для того по достоинству нынѣшніе просители получили неприятыи сей отвѣтъ: вы сами не знаете, чего просите; „не вѣста, чесо просита“. Васъ, Мои ученики, ослѣпляетъ блистательное мірской славы сіяніе; вы позабыли, что Я вамъ неоднократно говорилъ: „иже хочетъ въ

*) Сказано въ присутствіи Ея Величества въ придворной церкви, 1764 года, марта 28 дня.

вась быти большій, да будетъ всёмъ слуга“. Вы избраны отъ Меня для вѣчной славы, чтобы царствовать не на земли, но на небеси; и, чтобы получить сей безсмертія вѣнецъ, надобно побѣдить міръ со всёми прихотями его.

А дабы и мы снмъ не поползнулись искушеніемъ, должно всёхъ себя предать въ волю Божию, говоря Ему съ Давидомъ: „скажи мнѣ Ты Самъ, Господи, путь, въ оныя же пойду!“ Но какъ мною есть и такіе, кои или неполезнаю, или и полезнаю, но непристойнымъ образомъ ищутъ,—о томъ настоящею бесѣдою изслѣдуемъ. А Ты, мой Боже, даждь глаголь благовѣствующему, да не буду яко воздухъ біяі!

Разными человекъ мучить себя желаніями и, когда многого ищеть, самое драгоцѣнное свое теряетъ сокровище, то есть, спокойство душевное.

Иные ищутъ чести. Нѣтъ никакихъ трудностей, которыя бы они не претерпѣвали для снисканія сей льстивой вещи, и по самымъ опаснымъ лѣзутъ стремшинамъ, чтобы взойти на высокій верхъ достоинства; а какъ взойдутъ, то коловратное счастье съ сей горы ихъ внизъ нечаянно свергаетъ и разбиваетъ въ прахъ. Тамъ вотъ тогда Евангеліе надъ сими несчастливими искателями и поеть сію пѣснь: вы сами не знали, чего искали; „не вѣста, чесо просита“.

Подлинно, кажется, не худо и чести желать. Но надобно имѣть достоинство, имѣть дарованія, имѣть Духъ, трудами не отягчаемый и не побѣждаемый страстями: иначе должна быть и самому такому со стыдомъ смѣшанная трата, и другимъ вредъ. Лучше малое нести, съ какою ни есть пользою, нежели, великое взявъ на плеча, онымъ обремениться. Однако, со всёмъ тѣмъ сказать должно, о чемъ многіе, думаю, иначе разсуждаютъ; а именно, что никогда никому чести искать не надобно. Другіе честолюбіе похваляютъ, но Слово Божіе оуждаеть; оно учитъ дѣлать то, что честь заслуживаетъ, не думая о чести. Ибо, кто дѣлаетъ доброе не для самого добра, но только съ надеждою получить честь,—тотъ самъ свою опорочиваетъ добродѣтель. Пожалуй, не некисъ: добродѣтель сама есть великій и сильный за тебя ходатай. „Честь за бѣгущими отъ нея бѣжить, а отъ бѣгающихъ за нею сама убѣгаетъ“. Съ добродѣтелию не скрылся Іосифъ въ темницѣ, Лотъ—въ Содомѣ, Іовъ—на гнощи, Моисей—при стадѣ въ пустынь, апостолы—при рыбной ловлѣ, а великій Павелъ—въ скинотворной хижинкѣ. Послушаемъ, какъ всякаго изъ насъ блаженный Давидъ отечески увѣщаетъ: „открый,—говорить,—ко Господу путь твой и уповай на Него и Той сотворишь“. А что сотворишь?—„пзведеть яко свѣтъ правду твою, и судьбу твою яко полудне“ (Псал., 36, 5—6). „Скорѣе убо,—воистину скорѣе,—по Евангельскому слову,—можетъ укрыться градъ

вверху горы стоящій, нежели, чтобы добродѣтель осталась безъ своего награжденія. Но посмотримъ на другую суету міра сего.

Иные ищутъ патроновъ. Сія, видно, не памягуютъ оныя Духа Святаго слова: „не надѣйтесь на князи, на сыны человѣческія, въ нихъ же нѣсть спасенія“ (Псал., 145, 3). Такіе искатели всѣмъ не-пріятны: ибо они, во-первыхъ, сами о себѣ доказываютъ, что того недостойны, чего ищутъ; второе—обижаютъ добродѣтель, которая аки бы недовольна была сама рачителя своего сдѣлать благополучнымъ. Но что я говорю, обижаютъ добродѣтель? Ее обидѣть нельзя: ибо всѣ искатели, ежели не укрѣпляютъ себя добродѣтелию, со стыдомъ лишаются надежды своей. Понеже тѣ, на коихъ они свое полагаютъ упованіе, сами разнымъ подлежатъ перемѣнамъ, сами суть человѣки; слѣдовательно, когда не другое что, смерть, поистинѣ, всѣ ихъ чаянія опровержетъ. Такъ вотъ твоя и улетѣла надежда, твой столпъ упалъ, твое основаніе поколебалось; а ты остался посрамленъ, ты остался какъ корабль на мели. А сіе доказываетъ, что едина добродѣтель своего любителя никогда не оставляетъ, она съ нимъ въ морѣ плаваетъ, въ странствованіи путешествуетъ, въ темницѣ угѣшаетъ, ободряетъ въ напастяхъ. Когда другіе волнуются, сверху внизъ опровергаются, сокрушаются; добродѣтельный въ тихомъ своемъ пристанищѣ спокоенъ, и въ сладкихъ ея нѣдрахъ опочиваетъ безопасно.

Подлинно, какъ равному любовь, такъ высшимъ отдавать надобно почтеніе. Не противно же, опять, другимъ объявить свое несчастіе и отъ сильнѣйшей руки требовать помощи: ибо не есть сіе искать патроновъ. Но когда кто подло ласкаетъ, и сіе хитрое ласкательство употребляетъ, вмѣсто заслугъ, къ полученію того, чего не достоинъ; то сіе есть обидно добродѣтели, сіе противно Божію Промыслу, Который со временемъ имъ скажетъ: вы сами не знали, чего искали,—„не вѣста, чесо просита“. Но, вотъ, встрѣчаютъ насъ другіе искатели.

Иные ищутъ богатства. Сія великая жажда ничѣмъ погашена быть не можетъ, и она подобна огню, который, чѣмъ болѣе въ себя дровъ принимаетъ, тѣмъ болѣе разгорается. Мы знаемъ, за какое препятствіе ко спасенію сіе ненасытимое желаніе поставляетъ Евангеліе, сказывая, что „удобнѣе верблюду пройти сквозь иглиныя уши, нежели богатому взойти въ царство небесное“ (Мат., 19, 24). А учитель языковъ напередъ объявляетъ, что „хотящія богатиться, впадаютъ въ напасты и сѣтъ, и въ похоти многи несмысленны и вредныя“ (1 Тим., 6, 9).

Подлинно, не виновно богатство; да и богатиться не-грѣхъ, но во всемъ должна быть мѣра. При собраніи богатства, во-первыхъ, наблюдать надобно честность, то есть, не думать, чтобы всякій способъ позволителенъ былъ къ обогащенію себя; второе—богатству не отдавать всего

своего сердца, но притомъ, что напроче, стараться о богатствѣ добродѣтели: построить корабль вѣры, украсить парусами любви, утвердить якоремъ вѣчной надежды. Сіе богатство добродѣтели есть подпора и украшеніе онаго; при семъ богатствѣ и оное твердо и безопасно. Одна добродѣтель по справедливости можетъ сказать: „ниже со мною не собираетъ, расточаетъ“ (Мате., 12, 30). Былъ богатъ и Авраамъ, но, по объявленію Священнаго Писанія, сидѣлъ при дверяхъ шатра своего въ самый жаркій полуденный часъ, чтобы кого изъ путешествующихъ подъ сѣнь свою принять и успокоить, а за сіе страннлюбіе сподобился угостить Самого Бога. Былъ богатъ и Іовъ, но былъ же онъ и „око слѣпымъ, нога хромымъ, отецъ немощнымъ, отъ стриженія овецъ его согрѣвались плеча убогихъ, и дверь его всякому входящему отверста бѣ“. Сіе есть праведное употребленіе богатства.

А которые сами токмо въ себя, а не въ Бога, не въ пользу ближняго богатятся, тѣ напоследокъ услышатъ, что Іаковъ написалъ: „прійдите, богатіи, плачьтеся и рыдайте о лютыхъ скорбехъ грядущихъ на вы. Богатство ваше изгни, ризы ваша моіе поядоша. Злато ваше и серебро изоржавѣ, и ржа сія будетъ въ день суда свидѣтель вашей скупости“ (Іак., 5, 1—3). А мы, со святымъ Іаковомъ скажемъ: вы, богачи, не знали сами, чего искали, „не вѣста, чесо просита“. Но еще не всѣ человѣческія желанія изочли мы.

Иные ищутъ веселостей. Сіи люди, мнѣ кажется, подобны баснословному Танталу, о которомъ сказываютъ, что онъ стоялъ еругомъ въ водѣ, но жажду свою утолить не могъ. Всѣ бо мірскія веселости, съ скукою смѣшаны, всѣ радости слезами растворены, въ жизни сей совершеннаго покоя найти нельзя: ибо человѣкъ отъ Творца своего созданъ достойнѣйшимъ и высшимъ,—нежели чтобы его видимыя сіи текущія вещи могли удовольствовать. Соломонъ всѣ испыталъ роды веселія, и для успокоенія духа своего ничего не оставилъ, что бы только ни служило къ разогнанію скуки и къ угожденію плотскихъ склонностей; но со всѣмъ тѣмъ напоследокъ узналъ свое заблужденіе и сказалъ: „суета суетствій и всяческая суета“ (Еккл., 1, 2).

Правда, что и печалиться пользы нѣтъ, какъ то говоритъ златоголовый Іоаннь. Ибо, рассуждаетъ учитель сей, потерялъ ли кто деньги? — печалію оныи возвратитъ нельзя. Лишился ли кто сына? — печаль ко утѣшенію ни мало не пользуетъ. Страждетъ ли кто какою болѣзнію? — ежели будетъ притомъ печалиться, болѣзнь свою не облегчаетъ, но умножаетъ. Въ одномъ токмо тоѣ же учитель придаетъ, печаль свою имѣетъ пользу. а именно, „во грѣхѣ: ибо, какъ токмо за грѣхъ печалію сокрушитъ кто сердце свое, тѣмъ самымъ и истребилъ свой грѣхъ“ *Чувство бо печалиться для Бога, нежели веселиться съ міромъ.*

И потому всё, кои въ утѣхахъ житейскихъ своего ищутъ покоя, сами не знаютъ, чего ищутъ. „Не вѣста, чесо просита“.

Итакъ, видѣли мы неблагоуразумныхъ искателей. Но многіе еще есть, кои, зная, что ихъ всё тщанія будутъ напрасны, прибѣгаютъ къ Богу, и прошеніями своими стужаютъ Божеству: ибо часто просятъ того, что и имъ получить вредно, и Богу дать не пристойно. Иной, понеже самъ не можетъ, просить Бога, чтобы Онъ отменилъ соперникамъ его. Грабитель молить, чтобы Богъ ему помогъ, и, посредствомъ темноты и вѣтровъ, скрылъ бы злодѣйство его. Иной просить дождя, иной въ то же время—вѣдра. Но такія прошенія и по нашему разсужденію не похвальны. А слѣдующія кажутся быть не пристойны, а именно:

Иные просятъ у Бога, чтобы долго жить. Надобно сказать, въ великому стыду христіанства, что нѣкоторые такъ привязаны къ свѣту сему, что они, ежелибы возможно было, никогда бы умереть не захотѣли, аки бы ни мало не надѣялись лучшей по смерти жизни. Ты просишь долго жить, а другіе желаютъ разрѣшиться и со Христомъ быть; ты хотѣлъ бы вѣчно наслаждаться свѣтомъ симъ, а другіе жалуется, что странствованіе жизни ихъ весьма долго продолжается.

Правда, можно, да и надобно и долгой жизни желать, но въ какомъ разумѣ, въ томъ да будетъ намъ въ примѣръ святой Павелъ, который нѣгдѣ пишетъ, что онъ весьма былъ бы радъ отрѣшиться отъ бремени тѣлеснаго, и быть съ Богомъ, ежели бы только смотрѣлъ пользу свою (Филипп., 1, 23—24); но въ разсужденіи того, что другіе отъ продолженія жизни его могутъ пользоваться, не отрицается желать себѣ долгой жизни. О, высокая и Апостола достойная мысль! желаетъ долгой жизни, чтобы прибавленіе къ его житію лѣтъ было причиною прибавленія и большого успѣха въ добродѣтели другимъ. Ежели которые не на семъ основаніи многихъ себѣ лѣтъ просятъ, тѣ сами не знаютъ, чего просятъ. „Не вѣста, чесо просита“.

Иные просятъ отъ болѣзни избавиться, не разсуждая притомъ, что часто болѣзнь служитъ къ исправленію нашему, и приводитъ насъ въ познаніе самихъ себя. Не противно молить Бога объ избавленіи себя отъ болѣзни, но прибавляя притомъ: „ежели Его святой волъ угодно, и ежели Онъ всевидящимъ Своимъ окомъ предусматриваетъ, что здравіе для меня имѣетъ быть полезнѣе“. Иначе можетъ такимъ сказано быть: „не вѣста, чесо просита“.

Многіе многого отъ Бога просятъ, но не всегда получаютъ для того, что худо просятъ: нѣтъ въ нихъ исправленія, нѣтъ добраго намѣренія, нѣтъ честнаго употребленія. „Просите и не приѣмлете“,—святой Іаковъ говоритъ,—„зане злѣ просите, да въ сластехъ вашихъ иждивете“ (Іак., 4, 3).

И такъ, представляя себѣ всѣхъ, нынѣ помянутыхъ, искателей и просителей, а притомъ разсуждая и слабость понятія нашего, что мы не всегда можемъ совершенно узнать пользу нашу и вредъ, нельзя не похвалить древнюю иѣкоторую слѣдующую молитву: „Господи! дай намъ полезное, хотя бы мы того у Тебя не просили; не дай же намъ вредное, хотя бы мы то у Тебя и просили“.

А наконецъ всего сего надобно намятовать, что есть одна вещь, которую намъ, просящимъ, никогда Богъ не отказываетъ. А она есть „спасеніе наше“. Ищите Бога, и обрящете; толците въ двери милосердія его, и отверзутся; а прочая вся приложатся вамъ. Аминь.

Слово во святой и Великій Пятокъ *).

„Мы проповѣдуемъ Христа распята, іудеемъ убо соблазнь, еллиномъ же безуміе“.
(I Коринт., гл. I, ст. 23).

Предлежащая предъ очами нашими сія мертвая плоть, не знаю, есть источникъ словъ, или молчанія. Ибо, разсуждая столь странное и отъ вѣкъ неслыханное позорище, чтобы видѣть Сына Божія висящаго на крестѣ, а притомъ помрачаемо солнце и всѣ естества законы измѣняемы, надобно бы съ самымъ сильнымъ чувствіемъ сердечной горести молчаніемъ запечатать намъ уста свои, и только бить въ переплъ оными, у Луки поминаемыми, которые своими глазами видѣли позоръ сей (Лук., 23, 48). Но, съ другой стороны, вѣрный ученикъ сего небснаго Учителя и избранный сосудъ и самъ проповѣдуетъ, и намъ велитъ велегласно проповѣдывать распятаго Христа,—да и сего не сѣдящаго одесную Отца во свѣтлостяхъ святыхъ, не окружаемаго чины ангельскими, но висящаго на крестѣ, точащаго изъ ребръ Своихъ кровь и отягощаемаго руганіями „и сего распята“.

Но, о несчастливыхъ насъ проповѣдниковъ! Сія, которую мы болѣе всего проповѣдовать должны, спасительная міру смерть іудеямъ есть соблазнь; сія, во искупленіи нашемъ сокровенная, Божія премудрость еллинамъ кажется безуміемъ; сей претвердый вѣры камень другимъ есть претыканіе, сей пресвѣтлый истинны свѣтъ инымъ есть ослѣпленіе.

Но пускай соблазняется іудей, пускай смѣется язычникъ. Намъ: смерть Иисусова есть первая похвала, и мы паче египетскихъ сокровищъ почитаемъ поношеніе Христово. Но къ утвержденію благочестивой нашей вѣры кратко разсмотримъ, *что іудеевъ и еллиновъ столь много*

*) Сказано въ присутствіи Ея Величества въ придворной церкви, 1764 г., мѣсяца апрѣля 9 дня.

смущаетъ. А Ты Сыне и Слове Божій, простертыми Твоими на крестѣ руками наше намѣреніе благослови!

Когда воображаемъ порядокъ предвѣчныхъ Божіихъ совѣтовъ и разсуждаемъ слабость человѣческаго ума, тогда ясно усматриваемъ, что „яко же отстоять небо отъ земли, тако отстоять путь Божій отъ путей нашихъ, и помышленія человѣческая отъ мыслей Его“. Вотъ, іудеи о смерти Христовой соблазняются, и, Котораго въ пророчествахъ своихъ почитали, Того умирающаго за нихъ презирають; а то потому, что больше хотятъ вѣрить своимъ страстнымъ разсужденіямъ, нежели покорить себя глубинѣ премудрости Божіей. Но мы, благословенные христіане, въ смерти сей находимъ тайные судьбы Божіихъ пути, и очами вѣры усматриваемъ въ ней Божественную силу отъ высокоумныхъ скрытую, а младенцамъ открываемую.

Іудеи воображали себѣ, что ожидаемый ими Христосъ будетъ сильный и храбрый, да храбростью тѣлесною, какою, напримѣръ, имѣлъ Самсонъ или Македонскій Александръ; и какъ они тогда находились подъ владѣніемъ римскимъ, то ласкали себя, что Мессія воинскою рукою избавитъ ихъ отъ сего тяжкаго ига, и сдѣлаетъ ихъ въ свѣтѣ такъ славными, какіе были македоняне, а послѣ римляне. Но какъ сего въ Томъ, Который „не имѣлъ, гдѣ главы приклонить“ ни мало не усматривали, то соблазнялись. Вотъ—плотское разсужденіе! Они, видно, за ничто поставляли духовную силу и славу, которая состоитъ не въ пролитіи крови, не во взятіи городовъ, не въ опустошеніи земель, но въ перемѣненіи внутренняго человѣка, чтобы побѣдить страсти, потоптать плотскія склонности, и не радоваться тогда, когда духи намъ повинуются, но когда имена наша написана суть на небесѣхъ.

Но мы Сего, не имѣющаго, гдѣ главы приклонить, исповѣдуемъ, что Онъ „носитъ всяческая глаголомъ силы Своея“ (Евр., 1, 3). Мы сего мужа болѣзней и сего уязвленнаго признаемъ за Господа славы, и безчестіемъ Его превозносимся: „язвою бо Его мы вси исцѣлѣхомъ“ (Ис., 53, 5). Знаемъ мы, что Его мышца—съ силою, крѣпка рука Его и вознесена десница Его; но благоволилъ Онъ смирить Себя и симъ таинственнымъ истощаніемъ избавитъ насъ не отъ ига римскаго, но отъ ига грѣха, отъ ига гнѣва Божія и сдѣлать насъ славными во царствіи Своемъ, сдѣлать сынами воскресенія.

Іудеи думали, что Мессія будетъ богатъ, каковъ былъ Соломонъ, и удивить весь свѣтъ флотами и своими огромными зданіями. Плотскіе глаза ищутъ наружности, которая обыкновенно поражаетъ ихъ. Но мы въ сей нищетѣ находимъ сокровенное богатство благодати и съ Павломъ вошемъ, что „Господь нашъ обнища богатъ сый, да мы нищетою Его обогатимся“ (2 Коринѣ., 8, 9). Мы лобызаемъ Его пелены,

почитаемъ вертепъ, превозносимъ ясли и безчестіемъ креста хвалимся: ибо въ сихъ видимыхъ Спасителява снисхожденія знакахъ усматриваемъ невидимую красоту.

Иудей знаменія просить, то есть, желаютъ, чтобы Іисусъ Христосъ удивительнѣйшими чудесами доказалъ имъ Божество Свое. О, окаянный іудей! не видѣлъ ли ты столько чудесъ, сколько надобно для увѣренія жесточайшей души? не видѣлъ ли ты больныхъ, однимъ словомъ исцѣляемыхъ, выгоняемыхъ бѣсовъ, прозирающихъ слѣпыхъ и возстающихъ мертвыхъ? не слышалъ ли ты, что велегласно другіе вопили: „никогда явися тако во Израили?“ Однако, со всѣмъ тѣмъ іудей знаменія просить, а ожесточенія своего не отлагаютъ, и всѣ Божественныя Христовы чудеса приписываютъ непріязненной силѣ.

Но мы, вѣрующіе, находимъ въ Евангеліи неисчислимыя знаменія, которыя внутренно насъ увѣряютъ о Божественномъ Іисуса Христа посольствѣ. А притомъ, видимъ, что время пришествія Мессіива исполнилось, скипетръ или власть владѣнія отъ Іуды отнята, седмицы Давидовы окончились, проображенія совершились, и всѣ древнѣйшія пророчества сбылись, а сверхъ того, языки призваны къ Богу, и всѣ народы участники стали благословенія Авраамова. Могутъ ли быть сильнѣйшія сихъ увѣренія благодати Евангельской?

Иудей защищаютъ законъ и чрезъ него ищутъ оправдаться предъ Богомъ, а не разсуждаютъ, несчастливые, притомъ, что ежели человѣкъ хочетъ чрезъ законъ предъ судомъ Божиимъ стать праведнымъ, надобно, чтобы онъ ни въ маломъ преступленіи закона обличенъ быть не могъ. Но кто изъ человѣкъ такую святостію можетъ похвалиться, а не паче съ Давидомъ говорить: „не види, Господи, въ судъ съ рабомъ Твоимъ, яко не оправдится предъ Тобою всякъ живой“ (Псаломъ 142, 2)? Ежели бы іудей хотѣли выскунуть въ высокую христіанскую богословію, то узнали бы, что „законъ пѣстунъ намъ бысть во Христа“ (Галат., 3, 24), то есть, показываетъ токмо наши раны, а для исцѣленія отсылаетъ къ милосердію Избавителя.

Но мы держимся благодати и съ Павломъ восклицаемъ, яко „благодать и человѣколюбіе явися Спаса нашего Бога, не отъ дѣлъ праведныхъ, ихже сотворихомъ мы, но по Своей Его милости, спасе насъ“ (Тит., 3, 4). Не отвергаемъ законъ, но опять же не подвергаемъ закону благодать: не отвергаемъ законъ, понеже благодать подаетъ силы исполнять его; не подвергаемъ же закону благодать, ибо „отъ дѣлъ закона не оправдится предъ Богомъ всяка плоть“.

Иудей защищаютъ свои кровавыя жертвы, храмъ и алтари, хотя и храмъ ихъ разоренъ, и алтарь опроверженъ, и жертвы сами собою перестали. Да и „возможно ли крови козлей или тельчей очистить

грѣхи и приношеніемъ безсловесныхъ животныхъ умлостивить Божество“ (Евр., 1, 4)? Почему необходимо надобно было іудеямъ подумать, что была нѣкая сокровеннѣйшая причина, для которой Богъ установилъ приношеніе жертвъ.

Но что они оставили безъ испытанія, то Евангеліе намъ открыло. Мы проповѣдуемъ жертву Единороднаго Сына Божія, на алтарѣ крестномъ за насъ Богу принесенную, въ которой сдѣлалось чудное милосердія и правосудія Божія раствореніе. Возможно ли, что бы Ты, небесный Отець, на жертву сію не умиллся? чтобы сія пречистая Агнца Божія кровь не очистила наши грѣхи, и чтобы риза плоти Его не была намъ вмѣсто покрывала отъ Твоего праведнаго гнѣва? „Ибо, по ученію Павлову, „Христось пришедь Архіерей грядущихъ благъ, ни кровію козлею ниже тельчею, но Своєю кровію вниде единою во святая, вѣчное искупленіе обрѣтый“ (Евр., 9, 11—12).

Вотъ, видимъ мы причины, для которыхъ Иисусъ Христось іудеямъ есть соблазнъ. Но посмотримъ еще, для чего сія же Божія премудрость еллинамъ, то есть, язычникамъ, кажется безуміемъ.

„Еллини премудрости ищуть“. Они хотятъ, чтобы высокія спасенія нашего тайны утверждены были на основаніяхъ мірской философіи, слѣдовательно, хотятъ покорить Божію премудрость своимъ слабымъ, но пышнымъ разсужденіемъ. Непріятно имъ слышать о вѣрѣ, о правосудіи Божіемъ, о спасеніи, а паче о крестѣ. По ихъ разсужденію, крестъ есть безчестная смерть, вѣра—нѣчто несносное для вольныхъ и на все отважныхъ человѣческихъ мыслей, спасеніе—неупотребительная вещь, Христось—неслыханное имя, Апостоль—незнатный человѣкъ, проповѣдь его проста и съ витійственными правилами не сходна, не благородна, то есть, мірской политикѣ противна. Съ презрѣніемъ все сіе отвергали, и слышать о томъ не хотѣли; а искали тонкостей Аристотелевыхъ, Демосееновыхъ высокорѣчій, Архимедовыхъ умствованій; и жадно хотѣли слышать разсужденія о концахъ, о движеніяхъ, о родахъ, о видахъ, о качествахъ, о количествахъ, о существѣ, о случайностяхъ и о прочемъ, чѣмъ языческая философія надымалась. И въ сихъ мелкостяхъ столь запутался суетный язычникъ, что не только не искалъ способа умлостивить праведное Божество, но и во внутренность души своей мало когда заглядывалъ. Но, о, бѣдный язычникъ! ты ли, оставивъ большее, за сѣнію гонивъ, и, другихъ за худое осуждая, самъ избѣжишь ли суда Божія?

Но мы, смиренные христіане, съ священнымъ Павломъ удивляемся и сознаемъ, яко „буяя міра избра Богъ, да премудрѣя посрамитъ, и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая: и худородная міра и уничиженная избра Богъ, и не сущая, да сущая упразднить, яко да не

похвалится всяка плоть предъ Богомъ“. Слово же наше и проповѣдь наша состоитъ не въ спорливыхъ человѣческихъ мудрости словахъ, но „въ явленіи духа и силы, да вѣра наша не въ мудрости человѣчествѣй, но въ силѣ Божіей будетъ“ (1 Кор., 2, 4—5). Не могу я изъяснить Евангельскія истины превосходство лучше, какъ сими великаго Апостола словами

Еллины все испытывать предпринимали, и самыя тайныя стези совѣтовъ Божіихъ изслѣдовать покушались. И для того, послышавъ Павла о воскресеніи проповѣдующаго, смѣялись, и, чтобы Богъ въ воспріятой плоти за насъ умиралъ, не вѣрили.

Но мы плѣняемъ умъ свой въ послушаніе вѣры, „яко не испытаны суды Божіи, и не изслѣдованы путіе Его“. Не такъ, чтобы мы безъ всякаго основанія не знали, чему вѣрили, но слово Божіе подаетъ въ сердца наши твердое свидѣтельство Святаго Духа, Ему же внимаемъ, яко свѣтильнику, сіяющему въ темномъ мѣстѣ.

Еллины не хотѣли, чтобы въ принятой ими вѣрѣ какаया-нибудь была переменна, и для того философы учили, чтобы вѣру содержать такъ, какъ содержать простой народъ, и въ призванной совѣстью истинѣ не открываться. Въ разсужденіи сего въ сенатѣ римскомъ опредѣлено было, чтобы никого вновь за Бога не признавать, кого высокій сенатъ римскій въ семь достоинствѣ не подтвердить. А какъ Иисусъ Христосъ безъ ихъ высокаго подтвержденія за Бога признаемъ былъ, да еще за Бога, предъ Которымъ всѣ прочіе боги были только идолы и ничто; то до самой внутренности симъ прободались, и такое ученіе ненавидѣли, гнали и называли безумнымъ. Ибо—какъ римляне думали о себѣ, что они превосходиѣ всѣхъ во вселенной людей, такъ думали и о богахъ своихъ, что они превосходиѣ всѣхъ боговъ; и какъ побѣдили іудеевъ, то думали, что вмѣстѣ полонили и Іудейскаго Бога, и разсуждали, что ежели царствовать Іудейскому Богу, то надобно опровергнуть основаніе имперіи, и вознавидѣть побѣды и силу римскаго народа.

Но мы не только покоряемся зовущему Богу, но и усерднымъ духомъ благодаримъ Ему, что Онъ благоволилъ насъ призвать изъ тмы въ чудный Свой свѣтъ. Признаемъ мы свои недостатки, и въ истинѣ лицемѣрить не хотимъ.

Еллины страшились тѣснаго пути христіанской жизни. Евангеліе объявляло, что всѣ люди предъ Богомъ повинны и страстями мертвы, и учило, что во время гоненія за истину (а истина мало когда бываетъ безъ гоненія), вмѣсто всѣхъ утѣхъ, забавъ, увеселеній, вмѣсто всѣхъ прибытковъ надобно приниматься за крестъ, суровую жизнь, предуготовить себя на поношенія и гоненія. О, боги безсмертныя! кричали язычники, о, гремящій Юпитеръ и веселый Бахусъ, и ты, забавная

Венера! возможно ли, чтобы мы оставили васъ, и приняли ученіе, которое столь оказываетъ насъ, и столь жестокою проповѣдуетъ жизнь?— Нѣтъ, сіе противно нашему разсужденію, и нашимъ склонностямъ, а напротивъ, что-то будетъ по смерти, намъ не извѣстно. Такъ кричали суетные язычники.

Но истинные христіане вопіють: мы „есмы яко овцы закаленія; всѣмъ поправіе доселѣ. Все побѣждаемъ ради Возлюбившаго ны“. „Многими бо скорбями подобаетъ намъ внити въ царство небесное“.

Итакъ, видѣли мы причины соблазна іудейскаго и смѣха языческаго,—видѣли, какъ іудеи о камень въ рвы разбились, и какъ язычники осуетились помышленіями своими, и „омрачися неразумное ихъ сердце“. А мы, съ благоговѣніемъ гизрая въ высокое смерти Христовой таинство, съ Павломъ вопіемъ: „о, глубина богатства и премудрости и разума Божія! Слово крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть“. Мы почитаемъ Твои, Христе, страсти, лобызаемъ Твои раны, поклоняемся благоутробію Твоему. Хотя іудеи о Тебѣ и соблазняется, но Ты мнѣ—Богъ, и не стыжуся; хотя еллинъ и смѣется, но я не срамяюся; крестомъ Твоимъ хвалюся: смерть бо Твоя животъ мнѣ. Аминь.

Слово въ недѣлю Разслабленнаго *).

„Ей, Господи, человекъ не имамъ“.

(Іоанн., гл. 5, ст. 7).

О горькаго несчастія! Быть въ бѣдѣ, и не имѣть утѣшенія; быть въ заключеніи, и не имѣть отрады; быть въ болѣзни, и не надѣяться помощи. Одно рождаетъ печаль, другое приводитъ въ отчаяніе; одно наноситъ рану, другое дѣлаетъ ее смертоносною. Не знаю, чему здѣсь больше удивляться надобно, жестокости ли мученія, или терпѣнію мучимаго. Въ такомъ состояніи бѣдный находился расслабленный. Лежитъ несчастливый сей при спасительной купели чрезъ тридцать, какъ надобно думать, и осмь лѣтъ; лежитъ же, всѣ свои уды имѣя недугомъ расслабленія связанные, всего дѣйствія лишены; живой мертвецъ, которому собственное тѣло сдѣлалось гробомъ; и если бы что его оживляло, то была одна надежда, которую онъ на знаемыхъ, на пріятелей и на сродниковъ полагалъ, что отъ нихъ съ своего прилѣпившагося къ нему одра снять будетъ, и брошенъ въ воду, Ангеломъ чудесно возмущаемую. Жди, бѣдный расслабленный! не безъ того, чтобы

*) Сказано въ присутствіи Ея Величества въ придворной церкви 1764 г. мая 2 дня.

у тебя не было прежде пріятелей; такъ сію малую услугу въ такомъ печальномъ состояніи откажутъ ли? въ самое короткое время твои разслабленные члены поднять и бросить въ воду, за трудъ себѣ потчутъ ли? Но, „лживи сынове челоувѣчестин!“ Прошелъ годъ, прошелъ другой, прошелъ третій, прошло тридцать и осмь лѣтъ; но никто не могъ сыскаться, который бы ему хотя не по пріятству, такъ по челоувѣчеству сіе благодѣяніе оказалъ. И для того разслабленный нашъ изъ разслабленія тѣлеснаго впалъ уже, чрезъ отнятіе надежды, въ разслабленіе душевное, началъ воздыхать, стелать, вопить и жалобными сими словами наполнять воздухъ весь: „челоувѣка не имамъ, челоувѣка не имамъ“. Да и правда, что уже ему нечего осталось ожидать отъ челоувѣкъ, ежели бы Богочелоувѣкъ Господь Иисусъ, Который пришелъ спасти погибшаго, и „болѣзни наши на Себѣ понесъ“ (Ис., 53, 4), не умилосердился надъ нимъ.

Такъ здѣсь-то ясно оказалась суетность надежды, полагаемой на челоувѣка, и твердость надежды, полагаемой на Бога; здѣсь-то открылось, сколько далеко между собою разстоятъ сіи два пункта: „надѣяться на челоувѣка, и надѣяться на Бога“. По приличію убо кажется сказать теперь, что *надежда, полагаемая на челоувѣка, есть обманчива или, по крайней мѣрѣ, сомнительна, развъ токмо на единого Бога*. Ты же, Душе Святой, отверзи моя уста и, когда слова мои будутъ ударять слушателей ушеса, тогда Ты удариай Своимъ дѣствіемъ ихъ сердца!

Сладка сама по себѣ надежда, но презѣльно огорчаетъ, когда противное чаянію нашему представляетъ. Такого рода есть надежда, положенная на челоувѣка, а почему она столь слаба и опасна, то откроютъ намъ слѣдующія причины.

Во-первыхъ, извѣстно, сколь люди непостоянны и въ мысляхъ своихъ переменны. Чего нынѣ хотятъ, того завтра отвращаются,—чего нынѣ отвращаются, того завтра съ великимъ ищутъ желаніемъ. Обѣщаютъ намъ златыя горы, а дѣломъ-то исполнять лѣнятся, великолѣпными своими обѣщаніями столь нашъ умащаютъ слухъ, что уже мы себя заблаговременно въ числѣ блаженныхъ считаемъ, но какъ до дѣла дойдемъ, со стыдомъ обманываемся. Бѣдный челоувѣкъ по симъ блистательнымъ увѣреніямъ прибѣгаетъ къ нимъ, какъ къ священному якорю, и прежнею ихъ ласкою ищетъ пользоваться, но они холодный къ нему обращаютъ видъ. Пропала надежда, исчезли обѣщанія! И я, думаю, Давидъ въ разсужденіи сихъ обстоятельствъ возопилъ, что „всякъ челоувѣкъ ложъ“. А съ нимъ согласуясь, и великій Павелъ сказалъ, что „обѣды не токмо въ мори, но и во ажебрагѣи“, то есть, въ тѣхъ, которые, будучи нашими врагами, честнымъ братства именемъ прикрываются. Но что болѣе? Спаситель нашъ и самую на

сродниковъ полагаемую надежду объявляетъ быть опасною: „врази де чловѣку домашніи его“ (Мате., 10, 36). Такъ куда же намъ прибѣгнуть? на кого твердо положиться? нѣтъ никого. Почему всякій изъ насъ съ разслабленнымъ можетъ сказать: „чловѣка не имамъ, чловѣка не имамъ“.

Но пойдѣмъ мы далѣе и посмотримъ, какія-бъ были причины толкаго въ людяхъ непостоянства. Извѣстно, сколь многіе на собственные свои прибыли надки и алчны, и пользу свою предпочитаютъ всякой другихъ пользѣ. Они въ самой дружбѣ и общаніяхъ смотрятъ прилежно, есть ли имъ какая изъ того польза, чего когда не усматриваютъ, выдаютъ дружбу и общанія свои исполнять почитаютъ за бесполезное. Когда мы счастьемъ процвѣтаемъ, много кругъ себя пріятелей считаемъ; а какъ цвѣты нашего счастья опадутъ, то и други наши всѣ вдругъ пропадутъ. Всякъ знаетъ, что наипаче недостатки наши принуждаютъ насъ надѣяться на другихъ, и что ни есть отъ нихъ ожидать; но вотъ видимъ, что люди не очень охотно подъ покровъ надежды своєї насъ тогда принимаютъ, когда усматриваютъ скудость нашу и недостатки. Такіе люди хитры, они охотно въ море льютъ воду, то есть, охотно общаются тѣмъ, да можетъ и исполняютъ, которые всякимъ довольствомъ изобилуютъ, но чающе равное или еще и большее воспріять, а гдѣ чловѣкъ отъ скудости иссыхаетъ, тамъ ни капли милосердія своего не хотятъ пролить.

Такъ теперь, слушатели, положимъ, что мы-то—тѣ скудные и недостаточные, которымъ нужда велитъ въ другихъ помощи искать и на другихъ надѣяться. Прибѣгаемъ мы къ нимъ и умоленно просимъ о заступленіи. Что же они тутъ съ нами дѣлаютъ?—первѣе всего кругомъ насъ осматриваютъ, есть ли въ насъ имъ польза, богаты ли мы, высокою ли честію почтены мы. Мы клянемся, что въ насъ того ничего нѣтъ, иначе, ежели бы мы то имѣли, не было бы нужды прибѣгать къ вамъ. Но когда сіе услышатъ, нечаянно яко облакъ пропадаютъ, и нивжѣ милостиваго взгляда удостоиваютъ. Гдѣ же намъ искать чловѣка, на котораго бы надежда наша была тверда и неподвижна?—нигдѣ. „Чловѣка не имамъ“.

Апостолы, какъ еще онымъ великодушіемъ, которое чрезъ сошедшаго Святаго Духа получили, не утверждены были, бывши со Христомъ на горѣ Фаворстѣй и видѣвши Его небесною осіянна славою, сказывали: „Добро намъ здѣ быти“, а послѣ и чашу страданія съ Нимъ вмѣстѣ пить и никогда Его не оставитъ общались. А какъ повѣяла съ горы Голгофской смерти Христовой буря, то никто съ Нимъ не остался, но всѣ разсѣялись. Да и нашъ несчастливый разслабленный не безъ того, чтобы, прежде своєї болѣзни, не имѣлъ какого ни

есть непріятели. но теперь, когда ищеть скорбящаго, да вѣтъ, и утѣшающаго, но не обрѣтаеть, — почему, жалуясь, говорить: „человѣка не имамъ“.

Правда, что люди, пользу свою наблюдая, нашу надежду дѣлають тщетною, но часто же случается, что и не могутъ намъ того подать, чего бы мы отъ нихъ ожидали. Причина тому есть, что сами люди разнымъ переменамъ и несчастіямъ подлежатъ. Многіе съ престоловъ преселились на гноища, многіе, которыхъ слава по всему свѣту гремяла, въ плачевное пришли состояніе. Давидъ Святой многихъ видѣлъ, „превозносящихся и высшихся яко кедръ Ливанскія: и мимо иде, и се, не бѣша: взыскалъ ихъ, и не обрѣтесе мѣсто ихъ“. О, суетнаго человѣковъ упованія и предпріятія неизвѣстнаго! Чрезъ которыхъ думали обогатиться, тѣ сами обнищали; чрезъ которыхъ надѣялись вознестись, тѣ сами съ высоты своей упали; отъ которыхъ помощи просили, тѣ сами оной отъ другихъ теперь ожидаютъ. Такъ въ такихъ случаяхъ не научаетъ ли насъ разслабленный сію жалобную пѣснь повторять: „человѣка не имамъ, человѣка не имамъ?“

Но хотя бы люди и подлинно были къ намъ безъ лицемѣрія всякаго искренны, хотя бы и могли все то намъ подать, чего бы мы отъ нихъ ни ожидали, но всю сію нашу на нихъ надежду неотмѣнно смерть пресѣчетъ. Смерть—послѣдняя мета всѣхъ нашихъ замысловъ, смерть—конечная граница, чрезъ которую ни собственные человѣческія желанія, ни наши на нихъ надѣянія болѣе не переходять. „Не надѣйтесь на князи, на сыны человѣческія“,—глаголетъ Духъ Святой устами Давидовыми,—„въ нихъ же нѣсть спасенія. Изыдетъ духъ его, и возвратится въ землю свою: въ той день погибнуть вся помышленія его“ (Псал., 145, 3—4). Одною косою и однимъ взмахомъ смерть подѣбаетъ и жизньъ человѣка, и мое на него положенное упованіе. И такъ того, на кого наша надежда была, смерть отъ насъ взяла, восхитила, скрыла; а мы, бѣдные, остались надеждою обмануты и посмѣяны на подобіе корабля, который, по вольной плавая водѣ, вдругъ по стеченіи водъ остался бы на сушѣ, или на подобіе цвѣта, который, по захожденіи солнца его согрѣвшаго, нечаянно увялъ бы.

Посему суетны вы, сынове человѣчестія! мы на васъ, какъ на нѣкихъ боговъ, надѣялись; „а вы яко человѣцы умираете, и яко единъ отъ князей падаете“. Мы на васъ, какъ на твердыхъ столповъ, опирались; а вы, какъ слабыя трости, сокрушаетесь. Гдѣ же теперь—тотъ человѣкъ, на котораго была надежда наша? Ахъ, нѣтъ! его смерть отъ насъ на вѣки похитила, такъ пускай же всякъ изъ насъ скажетъ: „человѣка не имамъ“.

Но чтобы не остаться намъ вовсе въ отчаяніи, на кого надежду

положимъ, слушатели, и къ кому безопасно прибѣгнемъ? развѣ токмо къ Тебѣ, о, Боже, крѣпосте наша и хвала Израилева! „На Тя уповаша отцы наши, уповаша: и избавилъ еси ихъ: къ Тебѣ воззваша, и спасошася: на Тя уповаша, и не постыдѣшася“ (Псал., 21, 5—6). Богъ единъ есть несумнительная надежда человѣческая. „Не имамы человѣка“, да имѣемъ Бога. „Предрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся“. Онъ въ обѣщаніяхъ Своихъ твердъ и постояненъ, Онъ есть милосердъ: „яко же бо щедрить отецъ сыны, ущедри Господь боящихся Его“; а со всѣмъ тѣмъ Онъ есть безсмертенъ, Его жизнь не пресѣкается, убо и насъ надежда на Него никогда не посрамить, убо Онъ будетъ надежда и по смерти нашей: „аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы“. О, надежда наша непостыдная! мѣръ Тебя не разумѣть, и для того патроновъ ищеть, обходить Тебя, Источника воды живой, и надѣется жажду свою утолить изъ ямни, не имущихъ воды.

Охозія, Израильскій Царь, разболѣвшись жестоко, послалъ спросить у своего идола Ваала, что имѣеть ли онъ надежду освободиться отъ болѣзни? Попался навстрѣчу симъ посланникамъ ревности исполненный Плія, остановилъ ихъ и спросилъ: „или нѣсть Бога во Израили, яко грядете вопрошати Ваала, сквернаго бога во Аккаронѣ“ (4 Цар., 1, 3)? Симъ же вопросомъ должно останавливать всѣхъ тѣхъ, кои, мнивавъ Бога, въ суетныхъ вещахъ хотять свое полагать упованіе. Человѣче! или нѣсть Бога во Израили, что ты на смертнаго надѣшился, человѣче? или нѣсть Бога во Израили, что ты ввѣряешь себя тому, котораго и мысль непостоянна и сердце не извѣстно? „Благо есть надѣятися на Господа, нежели надѣятися на человѣка“. „Отъ стражи утреннія до нощи, отъ стражи утреннія да уповаетъ Израиль на Господа“.

Правда, что печетивые нашей на Бога надеждѣ ругаются. Сіе поношеніе претерпѣлъ кроткій Давидъ, который надеждѣ своей молпляся такъ: „да не постыдятся о мнѣ терпящій Тебе, Господи, Господи силъ: ниже да посрамятся о мнѣ ищущій Тебе, Боже Израилевъ. Яко Тебе ради претерпѣхъ поношеніе“. „Вси видящій мя поругашася ми, глаголаша устнми, покиваша главою: упова на Господа, да избавить его, да спасеть его, яко хочеть его“ (Псал., 21, 8—9; 68, 7—8). То же пострадалъ и Павелъ, который къ Тимоею пишетъ такъ: „вѣрлю слово и всякаго пріятія достойно. На сіе бо и труждаемся и поноша-еми есмы“ (1 Тим., 4, 9—10). А за что?—„яко уповахомъ на Бога жива“. Но отъ сихъ поношеній поколебались ли сіи священныя столпы?—никакъ, они до смерти не преставали къ Богу вопить: „Ты еси исторгій мя изъ чрева, упованіе мое отъ сосцу матере моея, къ Тебѣ приверженъ есмь отъ олжеснѣ, отъ чрева матере моея Богъ мой еси Ты“ (Псал., 21, 10—11).

Пускай поношаютъ нечестивые, но и́ногда „Живый на небесѣхъ по-смѣется имъ, и Господь поругается имъ“, а „надбющися на Господа, яко гора Сионъ: не подвижутся во вѣкъ“. Аминь.

Слово въ день тезоименитства Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника, Цесаревича и Великаго князя Павла Петровича *).

„Дамъ тебѣ ключи царства небеснаго“.
(Матт., гл. 16, ст. 19).

Стоящимъ намъ въ храмѣ семъ милосердая Божія рука подѣетъ невидимо ключи, которыми могли бы себѣ отворить врата небесныя, и взойти въ храмъ вѣчнаго блаженства. Пбо нынѣшнее Евангеліе въ уши всякому изъ насъ велегласно вопіетъ: „дамъ тебѣ, дамъ тебѣ ключи царства небеснаго“. Знаемъ мы, что сіи слова къ твоему, божественный Петръ, лицу произнесъ Спаситель нашъ; но знаемъ и то, что ты принявъ сіи ключи, чтобы оныя вручить намъ, то есть, Церкви вѣрующей во Христа, Сына Бога живаго; знаемъ же и то, что ключей сихъ есть столько, сколько есть разныхъ единому Богу извѣстныхъ путей ко спасенію. Сей драгоценный даръ принявъ, сколько радоваться, столь и опасаться должно, чтобы мы, имѣя въ рукахъ ключи, не остались виѣ дверей царствія Христова, и не случилось бы намъ и́ногда напрасно вопить: „Господи, Господи! отверзи намъ“ (Лук., 13, 25). Мы теперь имѣемъ сѣянiя время; должна убо насъ ободрять надежда благословенныя жатвы; мы носимъ висящiе на рукахъ нашихъ ключи: имѣемъ убо данную намъ силу и власть отворять райскія двери. Но, чтобы съ большимъ успѣхомъ симъ вождельнѣйшимъ пользоваться дарованіемъ, рассмотримъ, что намъ *подъ именемъ ключей разумѣть надобно*. А Ты, Спасителю Христе, ключемъ благодати Твоя отвори наши сердца къ принятію спасительнаго слова Твоего.

Подъ именемъ ключей разумѣется власть вязать и рѣшить. И хотя собственно, по разуму Евангелія, властію сею почтилъ Иисусъ Христосъ Церковь Свою, однако, понеже „и́сть власть, аще не отъ Бога“ (Римл., 13, 1), и всякая власть и́которымъ образомъ должна вязать и рѣшить; слѣдовательно, всякую власть *подъ именемъ ключей разумѣть не противно Евангелію*. А отсюда открывается

*) Сказано въ Царскомъ Селѣ, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества, 1764 г., іюня, 29-го дня.

явственно, что всё властелины предъ Богомъ суть только строители и эконоы, носящіе въ рукахъ своихъ ключи, чтобы отворять и затворять то, что имъ повелѣно, и во всемъ поступать по предписанному правилу; а единъ Богъ есть полный властелинъ всѣхъ вещей и верховный правитель всѣхъ дѣлъ. Предъ Нимъ падаетъ всякая высота человѣческая, и затмевается всякое блистаніе славы. Ему одному вся тварь вопіеть: „благословеніе и слава, премудрость и хвала; и честь, и сила и крѣпость Богу нашему во вѣки вѣковъ“ (Апок., 7, 12). „Слышите убо, царіе, и разумѣйте, судіи концевъ земли: внушите содержащія множества и гордящіяся о народѣхъ языкъ: яко дана есть отъ Господа держава вамъ и сила отъ Вышняго“ (Прем., 6, 1—3). Предъ Нимъ не тотъ—великъ, кто наружнимъ всѣхъ удивляетъ сіяніемъ, но кто порученную себѣ отъ Него должность исправляетъ вѣрно; опять не тотъ—малъ, кто не великія имѣетъ дарованія, но кто, великія получивъ, малые или никакихъ не приноситъ плодовъ. Не въ томъ—сила, какой кто получилъ ключъ, золотой или желѣзной; но въ томъ, чтобы знать, какъ его употреблять. Почему хотя разныя—должности, власти, чины, званія, правительства; однако, всѣми оными стезями до единого доходимъ пути: разными ключами, но единый отворяется благополучія храмъ. Но не въ пространствѣ слова разсмотримъ, кому именно вручены сіи ключи.

Во-первыхъ, ключи сіи вручалъ Исусъ Христосъ Церкви Своей, а особенно, вѣрнымъ Церкви Своея служителямъ и мудрымъ строителямъ священнаго дома Своего, яко драгоценный залогъ любви Своея: „ключъ вязать, и ключъ рѣшить или развязать“. Гдѣ человѣческое свѣршиваетъ упрямство и ожесточеніе, потребенъ ключъ вязанія; а чтобы сокрушаемому сердцу подать отраду, потребенъ ключъ рѣшенія. Ключъ рѣшенія употребляетъ Церковь, когда даетъ право къ полученію вѣчнаго живота: даетъ право, когда насъ отраждаетъ крещеніемъ, питаетъ Божиимъ словомъ, укрѣпляетъ тайнами, возвращаетъ благодатію; а чрезъ то дѣлаетъ насъ членами таинственнаго тѣла, то есть, преславнаго христіанскаго общества. Но великія потребны дарованія, чтобы умѣть употреблять ключъ сей. Для сего надобно дарованіе вѣрности Петровой, мудрости Павловой,—вѣрности, чтобы имѣть духъ, горящій ревностію ко спасенію душъ человѣческихъ; а мудрости, чтобы наблюдать всѣ случаи и употреблять всѣ способы для приобрѣтенія другаго. Безъ сихъ дарованій пастырь есть наемникъ, и служитель-предатель; и о таковыхъ-то говорить Евангеліе, что они сами въ царство небесное не входятъ, и другихъ не вводятъ: „Горе вамъ законникамъ, яко взяте ключъ разумѣнія: сами не видосте и входящимъ возбраняете“ (Лук., 11, 52).

Въ примѣръ мудрыхъ и вѣрныхъ Божіихъ строителей, предстоятъ

намъ нынѣ празднуемые Апостолы, божественный Петръ и священный Павелъ. Они, принявъ златый рѣшенія ключъ, онымъ отворили себѣ путь въ отдаленнѣйшія страны, царства, грады, и самыя ожесточенныя отворили сердца. Востокъ принялъ ихъ дверьми славы; западъ оглашень ихъ проповѣдію; сѣверъ и югъ обтекли ихъ красныя ноги. Уступило имъ могущество непобѣдимыхъ владѣтелей; скрылись предъ ними суетныя человѣческія мудрости хитрости, и всѣ роды мученій ихъ терпѣніемъ побѣждены были. Почему по справедливости могли они своему Пастыреначальнику говорить: „Христе! данными намъ отъ благодати Твоея ключами жестока отворили мы сердца; а тѣмъ самымъ отворили въ оныя входъ Тебѣ, отворили же и имъ входъ въ блаженное царство Твое“. Сей есть ключъ рѣшенія.

Но есть и ключъ вязанія, когда отъемзется право къ получению живота вѣчнаго, и неисправный христіанинъ, яко гвиллой членъ, отъ общества христіанскаго отсѣкается. „Елика бо аще свяжете на земли“, — сказалъ Христосъ слугителямъ Своимъ, — „будутъ связана на небеси“ (Матѣ., 18, 18). О, страшный ключъ! погрозилъ было Спаситель симъ ключемъ апостолу Петру, не попустившему свои омыть ноги, когда сказалъ: „не имаша части со Мною“, тогда съ великимъ смущеніемъ Петръ возопилъ: „не ноги токмо, Господи“, но и всего меня, „и руки и главу“ (Іоани., 13, 8). Только же слугители Христовы въ дѣлѣ семъ съ великою должны поступать осторожностію: „ладе бо Господь власть сію на созданіе, а не на разореніе“ (2 Коринѣ., 10, 8). Сіи духовные ключари должны больше дѣйствовать ключемъ рѣшенія, нежели ключемъ вязанія, и не тотчасъ громомъ анаемы ударять, но съ терпѣніемъ ожидать другихъ обращенія, и снисходить къ немощи души кающейся, опасаясь, чтобы не пало на нихъ оное слово: „не вѣста, когдо духа еста вы“ (Лук., 9, 55).

Кромѣ сихъ ключей церковныхъ, верховный Владыка твари вручилъ ключи Свои и великимъ государямъ, помазанникамъ Своимъ, ключъ вязанія и ключъ рѣшенія. Ключемъ рѣшенія отверзають они подданнымъ своимъ благополучія храмъ, и правительства своего трудами приобрѣтають намъ вождѣлнннй покой, когда нужды всѣхъ объемяють въ единой своей главѣ, и ко всякаго требованіямъ снисходять милостиво, а чрезъ то свое государство дѣлають подобнымъ оному, Навуходносоромъ видѣнному, древу, котораго подъ приятною тѣнію всѣ покоятся, всѣ радуются, и яко птенцы подъ крылами матерними любезно опочивають. Златый, воистинну, ключъ, котораго дѣйствіемъ толика обрѣтаемъ мы сокровища! Имѣють же они и ключъ вязанія, который ключъ Павелъ называетъ мечемъ: „не бо безъ ума“, говорить, „мечъ носятъ“ (Римл., 13, 4). Симъ мечемъ отсѣкаются гни-

лые члены отъ здраваго общества тѣла, и симъ ключемъ связывается своевольство развращенныхъ правовъ. „Хощеши ли не бояться власти?“ — вопрошаетъ Апостолъ, — „благое твори, и имѣти будеши похвалу отъ него. Аще ли злое твориши, бойся“ (Римл., 13, 3). Можно сказать, что государямъ Богъ вручилъ не токмо ключи царства земнаго, но и царства небеснаго: ибо государи, какъ о спокойномъ врученныхъ себѣ пребываніи, такъ не меньше и о вѣчномъ ихъ спасеніи попеченіе имѣть должны. Они своимъ высокимъ примѣромъ вдыхаютъ во всемъ любовь къ благочестію, снабжаютъ церковь достойными пастырями, распоряжаются и щедро содержатъ училища къ просвѣщенію всѣхъ познаніемъ спасительныя истины, и тѣмъ отворяютъ намъ дверь къ блаженству вѣчному.

Сии ключи, премудро всеуправляющая, Божія судьба вручила Благочестивѣйшей Государынѣ нашей, Самодержицѣ Всероссійской, которые принявъ Она въ Свои священныя руки, отверзаетъ намъ сокровища желанныхъ благъ, и, яко вѣрная Божія строительница, вся управляетъ тщательно, мудрость употребляя въ визаніи, но милосердную охоту въ рѣшеніи, и поя Ему съ Давидомъ „милость и судъ“ (Псал., 100, 1). Сии золотыя всея Россіи ключи да благословитъ верховный гваріи Правитель, и не престань на насъ изливать древнія милости Твоя, Господи! Да будетъ предъ Тобою отечество наше священный храмъ, который запирается и отпирается Твоими небесными ключами.

Даль же Господь Богъ и всякому челоуѣку ключи, ключъ вязать замога себя, и ключъ рѣшить: чрезъ сіе разумѣю я свободу челоуѣческую. Естество души нашей одарено отъ Создателя безпринужденнымъ произволеніемъ избирать доброе и отвращаться зла. Когда, смущаемые страстями, предпочитаемъ мы худое доброму: тогда сами себя связываемъ; развязываемъ же самихъ себя, когда охотно плѣняемся красотой добродѣтели. Сему не противно то, что Божія благодать управляетъ волю нашу ко всякому добру: ибо самое дѣйствіе благодати требуетъ согласія воли нашей. „Аще хощете и послушаете Мене, благая земля снѣсте: аще же не хощете и не послушаете Мене, мечъ вы поястъ: уста бо Господня глаголаша сія“ (Ис., 1, 20). Почему имѣемъ ли мы нужду въ удаленныя идти страны, или много претерпѣвать трудовъ къ снисканію спасенія, когда ключи въ рукахъ нашихъ находятся? да не ключи токмо, но и „самое царство небесное внутри насъ есть“, по свидѣтельству вѣчной Истины (Лук., 17, 21).

Разсуждая о разныхъ ключахъ и о тѣхъ, кому они поручены, не слышимъ ли мы, что наипаче Тебѣ, пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ, дражайшій нашъ именинникъ, наипаче Тебѣ Божественный гласъ вопіетъ: „дамъ тебѣ ключи царства небеснаго“! О, даръ вожде-

лѣннѣйшій и достойный Твоихъ высокихъ дарованій! дамъ ключи, съ которыми, при руководительствѣ дражайшей Родительницы Твоей, Всевъзвѣстнѣйшей Монархини Нашей, взойдешь въ храмъ премудрости, и отверзешь сокровища ученій; дамъ ключи, которыми уготоваешь себѣ невозбранный входъ въ сердца всѣхъ; дамъ ключи, которыми откроешь неиспытанныя тайны Божіихъ судьбы; дамъ ключи, которыми во свое время отверзешь Россіи врата къ славѣ, чтобы пройти ей во вся концы земли, и будешь виновникъ безчисленныхъ благодѣяній. И сего не ложнаго Божія обѣщанія довольное видимъ на Вашемъ Императорскомъ Высочествѣ исполненіе. Мы веселимся зрѣніемъ высокихъ Вашихъ дарованій, лобызаемъ охоту, съ какою ученія принимать позволите, восхищаемся на благодаренія Богу, видя въ Вашемъ Высочествѣ горячесть къ вѣрѣ, скромность нравовъ, свободную учтивость, пристойное молчаніе, и разумомъ украшаемые разговоры. Видимъ мы все сіе съ радостью, но несумнительная надежда намъ большее обѣщаетъ.

Принявъ убо, Благовѣрный Государь, сіи отъ руки Божіей даемые Тебѣ ключи, яко твердый залогъ Его къ Тебѣ милости, воспой Господеви благодарственная, и моли благость Его, чтобы Онъ младые персты Твои научилъ къ ношенію ключей сихъ. А мы усердными своими желаніями будемъ поспѣшествовать священному подвигу Твоему, котораго благополучнымъ совершеніемъ да обрадуетъ всеблагій Господь Всепресвѣтлѣйшую Самодержицу нашу и всѣхъ насъ. Аминь.

Слово въ недѣлю девятую по сошествіи Святаго Духа *).

„Держайте: Азъ есмь, не бойтесь“.

(Матѣ., гл. 14, ст. 27).

Хотя мы не находимся теперь въ такомъ страхѣ потопленія, въ какомъ,—по повѣствованію нижнѣшняго Евангелія,—были Апостолы, однако, подобная, но страшнѣйшая опасность всѣхъ насъ всегда сопрѣождаеть. Ибо въкъ сей есть нѣкій неизмѣримый океанъ; жизнь наша есть корабль, по безднѣ сей плавающій; волны суть напасти, вѣтры—искушенія, потопленіе—отчаяніе. Плаваніе сіе тѣмъ есть большей важности, что оно, ежели будетъ благополучно, приводитъ насъ къ блаженному вѣчности пристанищу; напротивъ, ежели несчастливо, въ неокончаемую опровергаетъ погибель. Христовы ученики, объаты будучи страхомъ потопленія, къ Тому, Который укрощаетъ море и усмиряетъ вѣтры, возопили: „Господи, спаси ны, погибаемъ“. Мы въ подобномъ бѣдствіи

* Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви, 1764 года, мѣсяца августа, 1 дня.

къ Его же всемогуществу прибѣгать должны и со слезами молить, дабы Онъ насъ, чрезъ воду напастей и огонь искушеній, благоволилъ ввести въ покой Свой. Но что именно жизнь нашу смущаетъ, и какую мы имѣемъ противъ того утѣшительную помощь,—о томъ изслѣдовать польза наша требуетъ. А Ты, препрославленный Боже, устами младенцевъ Твоихъ соверши хвалу Твою.

Не безъ основанія Апостоль Христовъ Іоаннъ написалъ, что „мѣръ сей во злѣ лежитъ“ (1 Іоанн., 5, 19). Что бо, по истинѣ, мѣръ сей есть, когда не груда печалей, которую мы, въ мѣрѣ живущіе люди, по малу разбираемъ? Молчаніемъ прохожу, откуда жизнь наша столь многими злыми стала быть обременена; довольно для настоящаго времени познать, что смущеніемъ и страхомъ наполняютъ насъ слѣдующія три причины: первое, „бѣды и напасти“; второе, „пороки и страсти“; третіе, „правосудіе Божіе“. Разсмотримъ всякое особь.

Жизнь свою человѣкъ начинаетъ отъ плача, а оканчивается она мучительнымъ разодраніемъ души отъ тѣла. Срединѣ ея полна скукъ, печалей, напастей и всякихъ несчастій многоразличныхъ; и для того всякій день слышимъ мы человѣческими жалобами оглашаемый воздухъ. Одинъ жалуется на нищету, другой на жестокость своихъ непріятелей, третій на невѣрность своихъ пріятелей; иной съ мучительными борется болѣзнями, или отъ печальной расслабляетъ старости; другой неутѣшно плачетъ о смерти дѣтей или сродниковъ своихъ; сей скучаетъ, будучи отягощаемъ повседневыми трудами, которымъ скорого не предвидитъ конца, тотъ рыдаетъ, что кровавыми трудами снисканное имѣніе похитили воры, или истребилъ огонь, или потопила вода,—или, что и того жалостнѣе, неправедный похитилъ судія, да еще его же и на судъ обвинилъ. Къ умноженію несчастія часто случается, что мы печалимся и о томъ, о чемъ не надлежитъ, или, по крайней мѣрѣ, сокрушаемся больше, нежели чего то стоитъ. По истинѣ, самыя человѣческія увеселенія съ скукою смѣшаны, самыя радости слезами растворены. Не успѣтъ возсіять благополучія ведро, какъ тотчасъ и помрачается оно страшными облаками несчастія и напастей бурею. Лучше бы кажется желать не родиться, нежели на таковыя родиться бѣдствія, или и родившись скоро смертнымъ мракомъ покрыту быть, нежели столь страдательную влечь жизнь.

Но да умолютъ уже человѣческія жалобы. Имѣя премудраго Создателя и благоутробнаго небеснаго Отца, можемъ ли мы подумать, чтобы Онъ въ самое то время, когда держитъ въ рукахъ Своихъ чашу правосудія, не растворялъ оную милосердіемъ? можемъ ли подумать, чтобы Онъ несчастіямъ быть попускалъ къ вѣчной нашей гибели, не имѣя притомъ благаго о пользѣ нашей намѣренія? Я не испы-

тываю, да и испытать не могу всёхъ тѣхъ причинъ, для которыхъ премудрость Божія попускаетъ намъ въ нѣкоторыя впадать злоключенія; но совсѣмъ тѣмъ не солнителенъ, „яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое“ (Римл., 8, 28). Премудрый Божій промыслъ бѣдствіями часто насъ руководствуетъ къ добродѣтели; посылаемыми несчастіями Господь понижаетъ нашу гордость, уменьшаетъ самолюбіе, пресѣкаетъ прихоти, не допускаетъ до душевнаго расслабленія; а притомъ, что иначе, убѣдительно увѣряетъ насъ, чтобы мы не на земли, но на небеси искали истиннаго своего блаженства.

Почему хотя мы сами себя въ бѣды ввергать не должны, однако, оныя, отъ руки Божіей посылаемыя, должны терпѣть съ великодушіемъ. Нельзя, чтобы въ напастяхъ ни мало не скорбѣть: ибо—человѣки мы, но надобно же, чтобы и самая печаль растворена была чувствованіемъ благія надежды, ибо не безъ Бога—мы. „Вечеръ водворится плачь, и завтра радость“. „Сбющія слезами, радостію пожнуть“ (Псал., 29, 6; Псал., 1 25, 5).

Не слышимъ ли мы, что постоянно хранящій насъ Господь къ ободренію нашему говоритъ: „Держайте, не бойтесь“!? Волненіе да не утрашаетъ: ибо Я Самъ—вашего корабля правитель, почему хотя волны напастей къ нему приразиться могутъ, но опровергнуть не могутъ; могутъ приразиться, чтобы вѣра ваша была откровениѣе и извѣстиѣе терпѣніе,—но не могутъ опровергнуть: „сія бо есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша“ (1 Іоани., 5, 4). Такъ сколько же тѣ бѣдны, которые самопроизвольно себя ослѣпляя, неувѣренными пребываютъ, что Вышній о всемъ промышляетъ и всё приключенія къ надлежащимъ управляетъ концамъ! Они остаются безъ утѣшенія, они впадаютъ въ отчаяніе; почему удивительно ли, что такой людей родъ въ счастьи неувѣрены, а въ несчастіи малодушны? ропщутъ, унываютъ, а иногда сами на себя налагаютъ убійственныя руки, и тѣмъ бѣднѣй свой животъ оканчиваютъ. Но рассмотримъ еще другую причину смущенія нашего.

Смущаютъ еще духъ нашъ и утомляютъ страсти и пороки. Я говорю о той внутренней войнѣ, которую мы сами въ себѣ чувствуемъ. Гдѣ „духъ возстаетъ на плоть, и плоть на духъ“ (Римл., 8, 5—8), то есть, склонности плотскія востаютъ на разумъ и противъ его совѣта устремляются. Духъ возводитъ къ горнему; но плоть низвлекаетъ къ землѣ, тотъ увлечетъ красотою духовныхъ неизблемыхъ вещей; сія прельщаетъ наружными пріятностями тлѣнныхъ красотъ, тотъ отворяетъ дорогу къ добродѣтели, но постилаетъ ее терніями; сія пространній къ порокамъ отворяетъ путь, но цвѣтами оной устилаетъ. Ахъ! въ какой я тѣснотѣ нахожусь. Себя самого на двѣ части раздираемаго чувствую. Понимаю я самъ въ себѣ, что безопаснѣе послѣдовать руко-

водству разума и, какъ возможно выше, вещества возносятся; но опять самъ въ себѣ нахожу нѣчто такое, которое добрыя расположенія мыслей моихъ разрушаетъ. „Соуслаждаюся закону Божию“, да съ Павломъ скажу, „по внутреннему человѣку: вижу же нѣтъ законъ во удѣхъ моихъ, противуяющъ закону ума моего“ (Римл., 7, 22, 23). Духомъ моимъ непорочное житіе лобызая; но нѣчто тираническое въ себѣ нахожу, что доброе мое желаніе въ теченіи своемъ останавливаетъ. „Еже бо хотѣти прилежити ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю“,— Апостоль говоритъ, и для того онъ же сей жалобный испускаетъ гласъ: „окаяненъ азъ человѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего“, то есть, отъ тѣла смертнаго сего? Такое состояніе не есть ли подобно нынѣшнимъ Евангеліемъ описанному волненію, въ которомъ былъ корабль Апостольскій, опровергаемый и сокрушаемый бурей?

Но какое же было бы противъ сей лютой заразы врачевство? Или мы Божиими судьбами оставлены такъ всегда мучиться, безъ великой надежды Его помощи? Справедливо понимающему пространство Божіей премудрости и величество Его благодати—такая мысль невмѣстительна. Въ самомъ семъ подвигѣ мы чувствительно осязаемъ крѣпкую Господню, подкрѣпляющую насъ, руку. Подкрѣпляетъ Онъ, когда показываетъ красоту добродѣтели и любезность, а отводитъ отъ порока, открывая вредъ его и гнусность,—представляетъ примѣры тѣхъ, которые, разуму послѣдуя, снокойствомъ совѣсти наслаждаются; и тѣхъ, которые, поработивъ себя страстямъ, бесполезнымъ мучатся раскаяніемъ,—увѣряетъ словомъ Своимъ, что добродѣтельные люди чрезъ всю вѣчность въ блаженномъ съ Богомъ будутъ соединеніи, а пороками плѣненные нескончаемымъ несчастіемъ накажутся. Но кромѣ сего,—о, сколь сильное благодати Божіей есть дѣйствіе внутри сердца нашего производимое! она оглашаетъ его своимъ неизглаголанымъ воплемъ, вливаетъ въ него благочестивыя склонности и къ будущей жизни желанія свои устремлять его управляетъ. Божіей благодати есть оный вождельный гласъ: „отъиму отъ васъ сердце каменное, и дамъ вамъ сердце плотное: дамъ законы Моя въ мысли ваши, и на сердцахъ вашихъ напишу ихъ“ (Евр., 8, 10). Надобно быть каменной душѣ, которая бы симъ дѣйствіемъ не подвижена была, и при такой Божественной помощи не усмиряла бы своихъ противныхъ склонностей. Не усмиряла бы, говорю, ибо совершенное пороковъ и страстей истребленіе будущей жизни предоставлено, когда Церковь Христова предстанетъ своему Жениху во всей славѣ своей, „не имущи скверны, или порока, или нѣчто отъ таковыхъ“ (Ефес., 5, 27). Но на послѣдокъ примемъ въ разсужденіе и третью причину боязни нашей.

Когда воображаемъ правосудіе Божіе и предъ нимъ поставляемъ

самихъ себя, иельзя, чтобы отъ страха не вострепетать духъ нашъ. Мы находимъ самихъ себя повсечасными преступниками вѣчнаго закона Его; а на преступниковъ гремитъ законъ проклятіемъ: „проклятъ всякъ, иже не пребудеть во всѣхъ писанныхъ въ книгѣ закона“ (Галат., 3, 10). „Правда Твоя, Господи, правда во вѣкъ, и слово Твое истина“ (Псал., 118, 142). Прежде, нежели судъ Божій осуждаетъ меня, осуждаюсь я отъ совѣсти своей. Ослѣпленъ есть, кто сей своей не усматриваетъ бѣдности; и ожесточенъ, кто не исповѣдуется, что „Богъ отмщениій Господь, Богъ отмщениій есть безъ лицепріятія всякаго“ (Псал., 93, 1).

Но Богъ, де, есть милосердъ и бездна благи непсчерпаемая. Нѣтъ несомнителинѣе, какъ то, что Богъ есть самое милосердіе. Но милосердіе Его всегда управляемо есть премудростію, а съ премудростію Божіею безконечною можетъ ли быть вмѣстимо—праведника и нечестиваго почитать за одно,—такъ любить беззаконника, какъ и добродѣтельнаго,—равно того и другаго блаженства Своего дѣлать участникомъ? Подлинно, Богъ милосердъ есть: „никто не можетъ доказать милосердія Его, не доказавъ напередъ правосудія Его“. Ибо ежели кто покажетъ, что человекъ самопроизвольный есть закона Божія преступникъ, и праведно Божимъ судомъ наказанъ быть долженъ; и, однако, со всѣмъ тѣмъ, увѣрить, что Богъ всё его прикрылъ беззаконія, вину оставилъ, наказаніе отпустилъ, и отеческою объялъ его любовью: то чрезъ сіе-то ясно откроется бездна благи и непостижимое величество милосердія Бога нашего.

Страшитъ насъ правосудіе Божіе. Но подъ какимъ щитомъ отъ ярости его скроемся? — подлинно, слабая мысль наша способна къ тому не изобрѣтаетъ. Но премудрость Божія не оскудѣваетъ: множество грѣховъ нашихъ противъ насъ вопіетъ, но „нѣсть грѣхъ побѣждающъ благоутробіе Божіе“. Выводитъ насъ Евангеліе изъ сего затрудненія: оно представляетъ дражайшія заслуги едиnorodнаго Сына Божія, Спасителя нашего, которыми удовлетворилъ Онъ правдѣ Божіей за наши грѣхи; оно проповѣдуетъ проліянную на крестѣ Искушительву кровь, которою погашенъ гнѣвъ велицепрїятнаго Судии. Ищетъ правосудіе Божіе въ насъ нашихъ грѣховъ, но оныя пренесены на Ходатая нашего; ищетъ оно ихъ въ Ходатаѣ, но перенесены они на крестъ, и пригвождены къ нему. „О, глубина богатства и премудрости и разума Божія“ (Римл., 11, 33)! Познаю я себя быть плѣнненъ грѣхомъ, но вижу и способъ избавленія; устрашаетъ меня законъ казнями за преступленія мои, но Евангеліе успокоиваетъ и не заслужившаго ничего, но истинно вѣрующаго, благи наполняетъ надеждами. Мы слышимъ, какимъ Божественный Ходатай нашъ ободряетъ насъ утѣшеніемъ, —

слышимъ, какимъ радостнымъ призываетъ насъ къ Себѣ гласомъ. Онъ въ нынѣшнемъ Евангеліи говоритъ: „держайте, не бойтесь, Азъ есмь“. Я есмь Тотъ, Которой съ небесъ сошелъ и обнищалъ, чтобы вы обогатились Моимъ Божествомъ; Я есмь Тотъ, Который на крестѣ Свои простеръ руки, чтобы васъ, разсѣянныхъ, собрать вседино; Я есмь Тотъ, Котораго въ прободенномъ копіемъ ребрѣ отъ гнѣва Божія безопасное вамъ есть убѣжище. „Азъ есмь: держате, не бойтесь“.

Сіе разсужденіе показываетъ, сколь высока и любезна есть Евангельская вѣра. Чтобы отвѣсть отъ душевнаго расслабленія, она учитъ, что мы сами чрезъ себя достойны гнѣва Божія; а чтобы не ввергнуть въ отчаяніе, проповѣдуетъ миръ съ Богомъ, чрезъ Христа всходатайствованный. Другихъ законовъ послѣдователи лишены утѣшенія сего: не имѣютъ они, чѣмъ успокоить свою совѣсть, страхомъ гнѣва Божія трепещущую,—почему остаются отчуждены надежды житія Пзраилева.

И такъ видѣли мы, благословенные христіане причины смущенія нашего, но видѣли и ободрительное утѣшеніе; страшили насъ бѣды и напасти, но сей страхъ Божій разогналъ промысль. Смущали страсти и пороки, но ободрило насъ противъ того дѣйствіе благодати Господни. Ужасало насъ Божіе правосудіе, но успокоили безцѣнныя Христовы заслуги. Держайте убо, не бойтесь. Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества, Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго князя Павла Петровича *).

„Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша“.
(Лук., гл. 21, ст. 19).

Хотя бы мы и не слышали ученія Евангельскаго, которымъ столь много похваляется терпѣніе, довольно отъ самыхъ дѣлъ тому научиться могли бы: ибо не успѣемъ произойти на свѣтъ сей, какъ и встрѣчаютъ насъ многоразличные труды, сопровождаемые добродѣтелию терпѣнія. Человѣкъ, впрочемъ, превосходиѣйшая тварь, созданная для вѣчнаго покоя, начало жизни своей имѣетъ началомъ скучной борьбы, которая чрезъ всю жизнь должна продолжаться. Много жалости нынѣшнему дню не приличной, рѣчь наша умножила бы, ежели говорить о терпѣніи, которое бываетъ правды ради, или по общему человѣческому предѣлу. Почему, оставивъ сіе, довольно принять въ рассу-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ придворной церкви, 1784 года, сентября 20 дня.

женіе одни труды, которые такъ привязаны къ жизни сей, что безъ помощи ихъ ничего мы получить не можемъ. Знаетъ всякъ, что для приобрѣтенія добродѣтели и познанія, также для довольства жизни, надобно много нести труда, много терпѣть нужды, потомъ обливать свое лицо, отрясти отъ очей пріятный сонъ и нѣжныя увеселенія перемѣнить на честныя упражненія.

И хотя сіе чувственнымъ нашимъ склонностямъ можетъ быть скучно, но увеселяетъ духъ нашъ. Сіи труды снискиваютъ покой, емъ потомъ наоявляется благорастущая добродѣтели вѣтвь, съ надеждою собранія изобильныхъ плодовъ. Того ради, *дабы мы съ трудахъ не ослабѣвали, но съ прилежаніемъ всякимъ упражнялись бы съ дѣлахъ своей должности*, — о томъ настоящую бесѣду имѣть почитаю за полезное. А Ты, терпѣнія нашего надежда, Боже, недостаточному слову подаждь силу Твою, и тѣмъ покажи, яко у Тебе „и нищія благоувѣствуютъ“ (Матѣ., 11, 5).

Всякъ бы, думаю, сказалъ, что мы жить начинаемъ тогда, когда рождаемся. Но справедливое разсужденіе, не отвергая сей, всѣмъ животнымъ общей, жизни, учить, что мы истинную жизнь начинаемъ тогда, когда самую душу оживляемъ добродѣтелию и внутреннюю ея силу не угашаемъ, возжигая всегдашнимъ честныхъ упражненій движеніемъ.

Когда рождаемся, тогда подлинно получаемъ жизнь, но какую? — жизнь слабую, члены немощные, защитить себя немогущіе, силы тѣлесныя и душевныя недѣйствительныя, жизнь истиннаго вещей различія не имѣющую. И се ли — человѣка, разумной твари, жизнь? не обща ли она и животнымъ всѣмъ, или еще въ нѣкоторыхъ и совершеннѣе?

Но когда возрастаемъ въ упражненіи добродѣтели и начинаемъ чрезъ труды снискивать свѣтъ познанія, тогда не токмо полученную жизнь сохраняемъ, но и приводимъ ее въ состояніе совершенства, пристойное человѣчеству. Тѣло безъ движенія, честными трудами возбуждаемаго, приходитъ въ расслабленіе и бываетъ подвержено мучительству болѣзней, ибо не текущая вода загниваетъ; а душа нѣкоторымъ образомъ лишается жизни своей, не имѣя пристойнаго питанія. Ибо не понимаемъ душу иначе, развѣ какъ существо непрестанно на добро движущееся, безъ чего она находится въ нѣкоторомъ состояніи смерти. И потому въ Евангеліи чадолюбивый отецъ, увидѣвъ сына, который въ безпутной праздности препровождалъ жизнь свою, сказалъ: „сей сынъ мой мертвъ бѣ, и оживе“ (Лук., 15, 24); и священный Павелъ о вдовицѣ, въ роскоши живущей, говорить, что она „жива умерла“ (1 Тим., 5, 6). Сходно съ симъ сдѣлалъ и оный старикъ, который, живъ семьдесятъ лѣтъ во всякомъ своевольномъ неводержаніи, семь токмо послѣднихъ лѣтъ препроводилъ въ исправленіи прежней жизни своей

почему, умирая, приказалъ надъ гробомъ своимъ положить слѣдующую надпись: „здѣсь лежитъ семидесятилѣтній старикъ, который жилъ токмо семь лѣтъ“. Вотъ, видимъ, что онъ дилъ, въ праздности изнуренные, не полагаетъ въ число жизни своей. Не въ томъ ли разумѣ, и ты, блаженный Давидъ, уподобляешь жизнь нашу суетѣ и сѣни? Ибо мы, впрочемъ, знаемъ, что добродѣтельнаго человѣка жизнь такими подобіями описать не можно; напротивъ, прилчествуетъ ему она похвала: „Скончався вмагъ, исполни лѣта долга“ (Премудр. Сол., 4, 13). По поступимъ далѣе.

Когда раждаемся, сіе есть благодѣяніе единаго Бога: ибо мы прежде бытія своего ничего у Бога заслужить не могли. „Кто бо прежде даде Ему, и воздастся Ему“?—вопсаетъ Апостоль (Римл., 11, 35). И для того сей же учитель разсуждаетъ, что ни единая тварь не можетъ сказать своему Творцу: „почто мя сотворилъ еси тако“ (Римл., 9, 20)?

Но чрезъ честныя упражненія и труды мы благодѣтельствуемъ Богу содѣйствуемъ. Ибо хотя то—самая правда, что Божій промыслъ во всѣ всѣхъ вещей дѣла входитъ, однако совсѣмъ тѣмъ не сомнительно, что какъ человѣкъ есть свободенъ, то самопроизвольно избираетъ дѣйствіе и безпринужденно стремится къ добродѣтели. А въ семъ не усматриваемъ ли мы благодѣяніе и премудрость Божию, что Онъ въ самыхъ Своихъ дарованіяхъ даетъ намъ мѣсто къ заслугѣ? Ибо что есть украшающая насъ свобода, что искра разума, когда не благодѣяніе милосердаго Бога? Да опять можемъ ли мы что нибудь и малѣйшее сдѣлать безъ вспомошествованія Его? Однако, совсѣмъ тѣмъ, наши дѣла почитаетъ Онъ такъ, какъ бы они единственно отъ насъ происходили, и какъ бы они же къ достойному награжденію Его обязывали. И по сей же причинѣ требуетъ Онъ, чтобы мы свои желанія и нужды Ему въ молитвахъ предлагали,—не для того, акибы не зналъ Богъ и прежде прошенія нуждъ нашихъ, но дабы мы оказали Ему свое усердіе, безпринужденный произволенія нашего плодъ, и тѣмъ желанія свои какъ бы за нѣкоторыя заслуги получили. О, благодѣяніе премудраго Бога! самое Свое милосердіе почитаетъ справедливымъ награжденіемъ ко утѣшенію и ободренію нашему, дабы мы Его дарованія употребляли въ свою пользу. Какія же дарованія?

Когда раждаемся, тогда получаемъ отъ Бога сѣмена добродѣтели и пристойныя способности, которыми Богъ какъ бы напутствуетъ насъ, входящихъ въ міръ сей. Ибо по естеству своему несемъ мы желаніемъ къ добру, и чувствуемъ въ себѣ нѣкую искру, требующую, чтобы она возжена была большимъ познанія пламенемъ. Мы не спокойны, пока сія естественная склонность не будетъ удовольствована. И потому человѣкъ, работающій порокамъ, или не имѣющій просвѣщенія, какъ бы

сквозь нѣкоторое густое облако усматривая лучъ истины, смущается, и другимъ, сихъ недостатковъ не имѣющимъ, завидуетъ. А сіе покаявается, что мы естественно ко всякому расположены добру.

Но что же требуется, чтобы сіи спасительныя сѣмена въ насъ произрасли и благословенный принесли плодъ?—требуется трудъ и прилежаніе. Симвъ средствомъ мы способность понятія обогащаемъ познаніемъ вещей, волю приобучаемъ къ дѣйствительному послѣдованію добра, память изощряемъ, уясняемъ языкъ и снискиваемъ какъ бы нѣкоторую привычку къ честности. Почему, кажется мнѣ, не всегда справедливы жалобы тѣхъ, которые не находятъ въ себѣ къ нѣкоторымъ дѣламъ способности. Правда, не всѣ способны ко всему, но не потому, аки бы они того отъ благаго Создателя не получили; но получивъ, или пристойнымъ воспитаніемъ не возрастили, или нерадѣніемъ и лѣнностію совсѣмъ сію Божественную погасили силу. А хотя бы и подлинно были въ комъ естественныя препятствія; но и тѣ самыя нерѣдко трудомъ побѣждаются. Когда пронеслась въ язычествѣ о добродѣтели Сократовой слава, нѣкоторый фізіогномъ подвиженъ былъ тѣмъ, чтобы повидѣть Сократа; и какъ черты лица Сократова усмотрѣлъ, нимало не сходными съ разсѣянною славою, тогда, увѣдавъ про то, Сократъ сказалъ: „Подлинно, по натурѣ чувствую я себя быть склонна къ порокамъ, но трудомъ и ученіемъ то побѣдилъ“. Да что много? мы трудомъ неукротимыхъ укрощаемъ звѣрей и птицъ человѣческимъ научаемъ словамъ: то колыми паче можемъ мы взойти на то, къ чему хотя трудная, но естественная лежить намъ дорога. Почему жалующіеся на свои неспособности и тѣмъ нѣкакъ ропщущіе на Бога, ежели не всѣ, по истинѣ многіе суть не извинительны, яко Божій талантъ скрывающіе въ землѣ нерадѣнія. Но, вотъ, приходитъ намъ и другое разсужденіе!

Рожденіемъ получаемая жизнь есть обща всѣмъ. Подлый и благородный, богатый и убогій, ученый и невѣжа, мужественный и боязливый, всѣ единымъ образомъ рождаются, и никакого тогда единъ отъ другаго не имѣетъ различія. „И азъ,—говоритъ царствующій Соломонъ,—рожденъ воспріяхъ общаго аера, и на подобострастную землю снадохъ, первый гласъ подобный всѣмъ испустихъ плача: въ пеленахъ вскармленъ есмь и съ великимъ прилѣжаніемъ: ни единъ бо царь ино имѣ рожденія начало“ (Премудр. Солом., 7, 3—5). Такъ что же насъ различаетъ?—правда, добродѣтель; но она безъ труда не получается. И для того трудолюбивый изобилуетъ богатствомъ, а праздный иставляетъ скудостію; рачительный мужъ снискиваетъ себѣ духъ благородный, а нерадивый потемняетъ сіяніе благородства своего; прилежный обогащаетъ ученіемъ свой разумъ, а лѣнивый возрастаетъ въ невѣжествѣ.

Почему, хотя бы и подлинно въ рожденіи нѣкоторое предъ другими получали мы преимущество, чрезъ нерадѣніе оное теряется: такъ какъ, напротивъ, низкость породы прославляется трудомъ. Ибо бодрый и лѣнностію неслабѣющій духъ есть плодъ высокой философіи и истинный достоинства человѣческаго характеръ. А какъ сносить труды, надобно имѣть терпѣніе: такъ вотъ и видимъ, для чего Евангеліе совѣтуетъ намъ въ терпѣніи стяжать свою душу, то есть, украшать оную добродѣтелями; а чрезъ то сыскать себѣ и здѣсь благополучную жизнь, и къ будущей безсмертной твердое положить основаніе.

И хотя подлинно горестны труды, но плоды ихъ сладки; скучно терпѣніе, но пріятно воздаяніе: „сѣюшіи слезами радостію пожинають“ (Псал., 125, 5). О, вы нѣжные и малодушные, которые по посланной цвѣтами дорогѣ всегда ходить хотите! Добродѣтель на мягкой постелѣ не опочиваетъ; и сія роза терніями есть ограждена. Посмотрите на тѣхъ, которые, отдавшись порокамъ, безчестныя свои стараются удовольствовать склонности: о, сколь много суетятся, и сколь многія сносятъ трудности! По истинѣ, для пріобрѣтенія добродѣтели половины ихъ трудовъ было бы довольно.

Все сіе разсужденіе касается наипаче младаго юношескаго возраста. Ихъ душа, яко мягкій воскъ, всякую вещь легко въ себѣ изображаетъ; ихъ, ничѣмъ не занятая, мысли весьма способны къ принятію истины; ихъ золотая весна—посѣянное сѣмя удобно возвращаетъ; ихъ лѣта не свирѣпствуютъ бурей страстей, чтобы въ сіе спокойное время научались побѣждать оныя. Истинная родительская любовь увѣщаніе сіе да употребить въ свою пользу.

А недостатокъ моего слова силенъ дополнить дѣйствительнѣйшій Вашего Императорскаго Величества примѣръ. Ибо нынѣшнимъ поученіемъ проповѣданная истины въ священной Вашей особѣ совершенное находимъ исполненіе. Ваша жорва отягощена многими попеченіями, Ваша порфира всегда омочена пѣтомъ неусыпнаго о всѣхъ насъ промысла; чѣмъ, Ваше Величество, яко священный нашъ атласъ, поддерживаете россійское небо. Нашъ покой есть плодъ трудовъ Вашихъ, наша безопасность есть произрашеніе трудолюбиваго и мудраго Вашего царствованія. Кто убо не исповѣсть, съ коликимъ терпѣніемъ все сіе сносить мужественная Ваша душа, единою на Бога укрѣпляя себя надеждою, и поя Ему съ Давидомъ: „Богъ препоясуяи мя силою, и положи непороченъ путь мой“ (Псал., 17, 33)?! И сія непостыдная надежда да сопровождаетъ всегда скипетръ Вашъ. Ибо верховный твари Правитель, великимъ государямъ поручивъ на землѣ награждать другихъ, награжденіе ихъ предоставилъ для Себя Самого.

А Вы, младый герой, дражайшій Всероссійскій наслѣдникъ, винов-

никъ нынѣшняго нашего торжества! не видите ли отворяемое вамъ странное къ преславнымъ подвигамъ поле? Ибо съ умноженіемъ теченія Вашихъ лѣтъ, больше и больше открываются высокія Ваши дарованія, съ тѣмъ, чтобы сія спасительная сѣмена, рукою Божіею посѣянная, Ваше Императорское Высочество престоиннымъ трудомъ возрастили; а, возрастивши, во свое время обогатили бы Россію сею благословенною жатвою. И смѣя да не устращается Ваше непорочное сердце. Ибо хотя предложить Вамъ подвигъ, но предложить и награжденіе, подвигъ превосходящее; предложить теченіе, но предложить и вѣнцы; предстоитъ же всегда готовая и Вышняго помощь. Да Вы уже и, дѣйствительно, проходите подвигъ сей: Ваше Высочество съ особенною охотою предписываемыя науки принимаете, и съ довольнѣйшимъ успѣхомъ продолжаете оныя, на которые зрѣлые Вашего Высочества плоды, хотя еще не въ зрѣлыхъ лѣтахъ, взирая радуемся, и напередъ лобызаемъ будущее наше благополучіе.

Всемогущій Боже! Сохраняй всегда подъ крылами святаго промысла Твоего Благочестивѣйшую Самодержицу нашу съ Сыномъ Ея, и сотвори, чтобы, сколько высочайшая Матерь сія радовалась о чадѣ Своемъ, столько бы мы радовались объ обонхъ. Аминь.

Слово въ недѣлю 19-ю по сошествіи Св. Духа *).

(О МИЛОСЕРДІИ).

„Будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть“.

(Лук., гл. 6, ст. 36).

Хотя бы намъ святое Евангеліе и не напоминало о милосердіи, довольно возбудили бы насъ о добродѣтели сей говорить нищія своими воплями, увѣчные воздыханіями, больные стенаніемъ, вдовицы слезами, обиженные своими жалобами. Ибо не знаю, по какимъ невѣдомымъ Божіимъ судьбамъ происходитъ, что человѣки, будучи всѣ равно отъ Бога созданы, равно почтены человѣчества правомъ, общій имъ я предуставленный себѣ блаженства конецъ, неравный получили въ сей жизни жребій,—да когда бы неравный токмо, а, впрочемъ, свободный и довольный; но, напротивъ, бѣдный и несчастливый. Одинъ алчетъ, другой пресыщается; тотъ въ пространнѣйшихъ опочиваетъ палатахъ, сей не имѣетъ, гдѣ главы преклонить; одинъ величается благородства

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви, 1764 года, октября, 10 дня.

титлами, другой стонетъ подъ тяжкимъ рабства игомъ; у сихъ, по словамъ Давидовымъ, „житицы исполнены, овцы многоплодны: волове ихъ толсти, и въ паденія оплоту ихъ, и въ вопля въ стогнахъ ихъ“ (Псал., 143, 13, 14), а тѣ ждуть со скорбящихъ, да и въ; ищутъ утѣшающихъ, но не обрѣтаютъ. Однако, какая бы ни была причина сего скучнаго состоянія неравенства, мы сильнѣи должны немощи немощныхъ носить (Римл., 15, 1), что хочу показать въ слѣдующемъ словѣ. Ты же, Отче небесный! сотвори, да слово наше будетъ подобно оному дождю, который Ты изливаешь на злыя и благія.

Милосердія дѣло есть въ недостаткахъ вспомошествовать другимъ. Алчный требуетъ пищи, нагій—одрѣянія, больной—утѣшенія, обиженный—защита, заступленія—беспомощный, наставленія—неразумный. Такъ вотъ вамъ, богатые и сильные міра сего, изобильная предлежитъ жатва; такъ напрасно жалуешься и ты, который говоришь: „не имамъ, гдѣ собрати плодовъ моихъ“ (Лук., 12, 17). Праздныя утробы бѣдныхъ суть безопасныя богатыхъ житицы, нужды требующихъ есть самая лучшая сильныхъ ловитва. Не то заслуживаетъ похвалу, чтобы богатство собрать, но чтобы знать, какъ его употребить. И въ который языческій философъ, бросая въ море деньги, сказалъ: „чтобы не погубили вы меня, погублю я васъ“. Погубило ли бы сего неразумнаго мудреца богатство его, ежели бы оно на честныя употребленія расточено было? Но въ семъ состояла языческая добродѣтель, а мы, Евангельскою высокою просвѣщенные истинною, можемъ ли еще требовать въ томъ наставленія, а наипаче, когда знаемъ, что, во-первыхъ, самая естественная насъ къ милосердію склоняетъ жалость? Не можемъ мы безъ внутренняго утробы нашей терзанія слышать бѣдныхъ крики, умиленными растворенные слезами. Не можемъ безъ слезъ смотрѣть на оную плачевную трагедію, въ которой представляются сродные намъ члены недугомъ разслабленія связанные, всего дѣйствія лишеныя, единъ токмо имѣющіе оставленный гласъ, чтобы тѣмъ насъ въ жалости склонить,—гдѣ усматриваемъ одинаго естества съ нами людей отъ стужи замерзающихъ, отъ глада истаявающихъ, и дряхлую старость ниже о жезлѣ стоять могущую,—гдѣ открывается намъ многое множество слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ, которыхъ бѣдный бѣдной жизни остатокъ состоитъ токмо въ единой на насъ надеждѣ. Должно ли еще прибавить, что сіи, несчастіемъ пораженные, люди, впрочемъ, суть братія наша, яко одинаго небеснаго Отца дѣти, въ единой крещенія купели рожденные, изъ единой таинственной чаши причащающіеся, единое съ нами имѣющіе блаженное упованіе?! Ахъ, вы несчастливцы, скройте стѣ очесъ нашихъ нашихъ умиленный позоръ сей. Мы знаемъ, что и въ который, въ Евангеліи упоминаемый, Судія неправедный, однихъ только бѣдныхъ вдовицы

частыхъ докукъ не могъ стерпѣть, чтобы неудовольствовать прошеніемъ, то какъ возможно, чтобы всёмъ тѣмъ не подвиглось къ милосердію жестокое наше сердце?

Но пускай бы, при всемъ томъ, остались мы окамененны: такъ не должно ли принять намъ въ разсужденіе—колесо міра сего, которое сто разъ жребій жизни нашей приобращаетъ, снизу вознося на высоту, а высокихъ опровергая на землю? Пока благополучно плывемъ, надобно памятовать непогоду, чтобы могущее случиться несчастіе великодушнѣе снести, надобно заблаговременно съ страждущими, милосердствуя о нихъ, страгать.

Да ты, высокоумствуя о себѣ, говоришь: „азъ рѣхъ во обилии моемъ: не подвижуся во вѣкъ“ (Псал., 29, 7). Но стой! ты еще изъ числа смертныхъ не выключенъ, твердѣйшіе дубы жестокой вихрь изъ корня исторгаетъ; и сіе пораженіе бываетъ тѣмъ большее, чѣмъ нечаяннѣе. Почему же еще большее?— потому, что о такихъ немилосердыхъ, въ несчастіе впадшихъ, мало кто и сожалѣтъ, тогда какъ, напротивъ, ежели бы случилось благодѣтельному человѣку по общей судьбѣ впасть въ неблагополучіе, тотчасъ всё мы произносимъ сожалѣтельныя о немъ слова и утѣшеніями своимъ оживляемъ скорбящую его душу.

Но положимъ, что мы въ своемъ изобилии будемъ вовѣкъ неподвижны; однако, со всёмъ тѣмъ богатства своего единымъ себѣ присвоить не можемъ. Мы не полновластные имѣній владѣтели, но токмо строители и экононы: единъ Богъ есть полный господинъ всёхъ вещей, слѣдовательно, не можемъ ихъ употребить, развѣ по волѣ Господина ихъ. Иначе будемъ хищники, яко чужое себѣ присвояющіе. И потому бѣдные имѣютъ право противъ немилосердыхъ вопить: „дайте наше намъ, дайте намъ часть, которую милосердый Создатель нашъ для насъ опредѣлилъ, а вамъ вручилъ, дабы оную сохранили для насъ; почто наше присвоите себѣ? почто въ нашемъ несчастіи веселитесь? „Тебѣ оставленъ есть нищій, сирѣ ты буди помощникъ“ (Псал., 9, 35).

Правда, не очень бы охотно было сундуки починать и жадныя руки нищихъ наполнять, ежели бы расточаемое нами богатство совсѣмъ пропадало, ежели бы изъ того никакого мы себѣ не ожидали прибытка. Но не слышимъ ли, что Духъ Святой о благодѣтельномъ мужѣ вопіетъ: „расточи, даде убогимъ: правда его пребываетъ во вѣки“ (Псал., 111, 9). Расточаетъ тлѣнное, а воспріемлетъ нетлѣнное; расточаетъ земное, а воспріемлетъ небесное; расточаетъ малое, а воспріемлетъ неисчетное; даетъ нищему, а воспріемлетъ Христа. О, чудное милостыни дѣйствіе! Христа подъ рубищами крыемаго находить, и тварь всю содержашаго благодѣтельствуетъ. Ибо Искупитель нашъ, испивъ иногда горчайшую страданій чашу, доселѣ еще въ членахъ Своихъ

страждешь. Онъ когда придетъ правосудія Его день, милосердымъ скажетъ: „взалкался, и дасте Ми ясти: възгдахся и напоисте Мя: страшенъ бѣхъ, и введосте Мене: нагъ, и одѣясте Мене: боленъ, и посвятите Мене: въ темницѣ бѣхъ, и придосте ко Ми“ (Матѣ., 25, 35, 36). И хотя они предъ цѣлымъ свѣтомъ будутъ признаваться, что въ такомъ бѣдномъ состояніи никогда не видѣли Его; однако, милосердый Спаситель объявитъ имъ что сдѣланное бѣднымъ благодѣяніе Онъ присвоитъ Самому Себѣ. „Понеже сотворите одному изъ сихъ братій Моихъ меньшихъ, Ми“ сотвористе“ „Подумай, говоритъ святой Златоустъ, куда сошелъ Господь твой, чтобы тебя склонить, дабы ты не былъ жестокъ и безчеловѣченъ“. И потому надобно вѣрить тѣмъ церковнымъ исторіямъ, которыя повѣствуютъ, что одинъ, увидѣвъ изнемогающаго, на землѣ лежащаго, человѣка, взялъ его на свои плеча; но въ ношеніи никакой не чувствовалъ тягости, а послѣ скоро сіе драгоцѣнное бремя стало быть не видимо. Другой, идучи въ церковь на служеніе и увидѣвъ отъ наготы трясущагося нищаго, снялъ съ себя послѣднюю ризу и прикрылъ наготу его; а самъ остался токмо въ свиткѣ одной, почему, когда священнодѣйствовалъ онъ, примѣтилъ на немъ предстоящій народъ, подъ церковными ризами, блистающую царскую порфиру. Итакъ, видимъ, что, отъ имѣнія своего убогихъ снабжая, оное не теряемъ мы, но ввѣряемъ Тому, Который и за чашу студеной воды награждать обѣщался.

Да куда же намъ дѣтъ и бѣдныхъ? Или уже имъ все съ нами сообщеніе пресѣчь? Да и подлинно мы ихъ нѣкоторымъ образомъ изъ свѣта сего выгоняемъ, когда имъ, просящимъ отъ насъ милостыни, обыкновенно говоримъ: „Богъ дастъ“. Отче небесный! „вся къ Тебѣ чають“ (Псал., 103, 27): отверзи щедрую руку Твою и сихъ отверженныхъ отъ насъ пріими обычнымъ Твоимъ благоутробіемъ. Подлинно, Богъ дастъ, „Который даетъ скотомъ пищу ихъ, и птенцемъ врановымъ призывающимъ Его (Псал., 146, 9); подлинно Богъ дастъ, „Который отверзаетъ щедрую руку Свою, и исполняетъ всяко животню благоволенія“ (Псал. 144, 16); подлинно Богъ дастъ, „Который даетъ пищу алчущимъ, умудряетъ слѣпцы, возводитъ низверженныхъ, хранитъ пришельцы, сира и вдову пріемлетъ“ (Псал., 145, 7, 8, 9). И потому, сколько бы ни презирали мы убогихъ, однако, совѣмъ тѣмъ они свою еще бѣдную влекуть жизнь; Богъ ихъ согрѣваетъ и изъ небесной житницы Своей посылаетъ имъ хлѣбъ насущный. Итакъ, Богъ даетъ; а ты, несчастливый, лишился дорогой ловитвы. „Зачѣмъ нищѣ“,—спрашиваетъ нѣгдѣ златословесный Іоаннъ? „Не могъ ли Богъ золотой дождь ни ихъ излить? Могъ, поистиннѣ, но чрезъ то бы ты, богатый, лишился случая къ благодѣтельству; слѣдовательно, лишился бы случая

ко очищенію грѣховъ твоихъ“. Зналъ сіе великій въ патриархахъ Авраамъ, который въ самый жаркій полуденный часъ сидѣлъ на пути, ожидая, чтобы поймать кого въ спасительныя страннолюбія сѣти (Быт., гл. 18). „Для чего Авраамъ,—донскивается преждедеченный вселенскій учитель,—не поручилъ сего дѣла своимъ слугамъ, но самъ, будучи великій господинъ, сидѣлъ при пути?—Зналъ, де, онъ, что слуги бываютъ обыкновенно сонливы; почему опасался, чтобы за лѣнностію ихъ не упустилъ изъ рукъ своихъ сей дрожайшей ловитвы“.

Но куда же намъ деньги дѣвать? Ибо самый подлый порокъ есть тѣхъ, которые собиранію богатства никакого не полагаютъ конца, и честнаго тому употребленія не знаютъ, денно и ночью думаютъ объ умноженіи прибытковъ, какимъ то ни было образомъ, но не вѣдаютъ сами, кому собираютъ, не плѣняя щедротою сердце, въ чемъ состоитъ истинное некрадомое человѣческое богатство. Но другіе скажутъ: „какъ некуда деньги дѣвать? А на строеніе домовъ? на уборы? на вина? на банкеты? на собакъ и на прочія забавы“? Ахъ! Сколько роскоши! Не говорю уже о томъ, что отсюда рождается праздность, отъ праздности—лѣнность, отъ лѣнности—разслабленіе, отъ разслабленія—нерадѣніе о должности, о добродѣтели, о благочестіи; а отсюда выходитъ страшное оное чудовище, называемое „эпикурство“, не говоря о семъ; такимъ то образомъ снѣдается часть имѣнія, должная бѣднымъ. Но сего, де, требуетъ благопристойность. Да развѣ снабжать убогихъ есть неблагопристойно? О, когда бы всякъ содержалъ себя внутри границъ благопристойности и не преступалъ бы сихъ священныхъ предѣловъ; тогда бы и веселіе наше было благословенное, и не страдала бы столько другая человѣчества часть! Наши благочестивые предки во дни праздничные и во дни поминовенія своихъ родителей дѣлали обѣды для нищихъ, и сію убогую братію авраамскою своею угощали трапезою; но нынѣ сіе святое обыкновеніе, за множествомъ новыхъ модъ, стало быть не вмѣстимо.

При разсужденіи семъ могутъ быть предложены два вопроса. Первый: „должно ли между бѣдными разборъ чинить“? Подлинно, должно: извѣстные моты-благодѣяніи сего недостойны, а притомъ, какъ мы весь свѣтъ снабдить не можемъ, немощной не больному, свой—чужому, благодѣтель—непріятелю предпочитаемъ быть долженъ; однако, гдѣ нѣтъ явнаго сомнѣнія, надобно разборъ оставить, опасаясь, чтобы, „разбирая недостойнаго, не миновать и достойнаго“,—какъ говоритъ Григорій Богословъ. Второй вопросъ: „должно ли, снабжая нищихъ, самого себя привести въ нищету?“, на что какъ бы другіе ни отвѣчали, кажется мнѣ, довольно для снабженія убогихъ отдѣлать излишество, и въ ихъ пользу посвятить то, что тля тлѣтъ, ржа ѣстъ, что ласкатели

похищаютъ, что смѣхотворны пожираютъ, и что служить къ одному увеселенію, то употребить къ отвращенію ихъ необходимыхъ нуждъ.

Впрочемъ, милостыня наша должна быть, во-первыхъ, не фарисейская, то есть, не тщеславная: „егда твориши милостыню, не воструби предъ собою, яко же лицемеры творять“ (Мате., 6, 2). Второе, не корыстолюбивая, какъ то дѣлаютъ тѣ, которые снабжаютъ другихъ, да воспримутъ равная или большая, но истинное милосердія дѣло должно происходить отъ разсужденія благодати Божіей, Который милосердно насъ создалъ, но съ большимъ милосердіемъ искупилъ, Который „солнце Свое возсіяваетъ и на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя“ (Мате., 5, 45). И сей же Отецъ щедротъ и Богъ великія утѣхи увѣщаетъ насъ быть милосердными, а чрезъ то быть подражателями Его Самого и назваться сынами Вышняго. Аминь.

Слово въ недѣлю двадцать вторую по пятидесятницѣ *).

(ОБЪ ИМѢЮЩЕМЪ ПО СМЕРТИ БЫТЬ ЗА ДОБРО И ЗЛО ВОЗДАЯНІИ).

„Чадо, помини, яко воспріялъ еси благая въ животѣ твоёмъ, и Лазарь такожде злая“.
(Лук., гл. 16, ст. 35).

Ежели, которые богатствомъ и прочими міра сего благами изобилуютъ, а другіе въ крайнемъ злополучіи страждутъ, то нынѣшнее священное Евангеліе напоминаетъ, чтобы первые не очень высокоумствовали, другіе не очень бы печалились. И дабы напоминаніе сіе было дѣйствительно, представляетъ предъ очи наши одного богача сластолюбца, другого нищаго злострадальца, изъ которыхъ тотъ описывается въ полномъ сіяніи видимаго блаженства, другой въ состояніи самомъ горестномъ.

Но какъ всякое дѣло изъ конца своего разсуждается, „и есть путь“, по слову Соломонову, который „мнится человѣкомъ прямъ быти, но послѣдняя его приходятъ во одно адово“ (Притч., 14, 12): то никого ни ублажать, ни оказывать прежде времени не надобно. И истина сія подтверждается тѣмъ же примѣромъ. Ибо сластолюбець оный, нечаянно пораженъ гнѣвомъ Божіимъ, подпалъ строгости нелицепріятнаго судіи, а злострадалецъ тотъ отнесенъ ангельскими руками на блаженное Авраамово лоно. Ахъ, внезапное превращеніе! гдѣ твои

*). Сказано ль присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви 1784 года, октября 21-го.

дѣлись, бѣдный богачъ! забавы, и гдѣ скрылись твои, радостный Лазарь, болѣзненные струны? Положены оба они на вѣсы правосудія Божія: одинъ отягощенный пороками опустился въ пропасть гибели, другой облегченный, яко крылами, добродѣтелию, вознесся на высоту небесную. Почему нѣтъ сомнѣнія, что *есть иная вѣчная жизнь, гдѣ добродѣтель, награжденіе, а порокъ достойное принимаетъ наказаніе*, и о семъ имѣеть быть моя съ благочестіемъ вашимъ бесѣда. Что сотворю въ моей на Тя надеждѣ, Боже! отверзу уста моя и да наполнятся духа Твоего.

Нѣтъ нималаго съ истинною сходства, чтобы мы отъ благого Создателя сотворены были съ тѣмъ, дабы, въ жизни сей всякое претерпѣвши зло, напоследокъ невозвратно и съ добродѣтелию погибли. Почему, не входя въ дальнее разсужденіе, полагаю уже за несомнительное, что душа наша есть одарена безсмертіемъ, которымъ преимуществомъ благоволилъ милосердный Творецъ отличить насъ отъ прочихъ всѣхъ животныхъ безсловесныхъ. Ежели бы кто дерзнулъ оснаривать сіе, мы его оставляемъ въ общемъ скотамъ состояніи. Положивъ убо за несомнительное души нашей безсмертіе, необходимо остается принять другую по смерти ненарушимую жизнь.

Но можемъ ли подумать, чтобы уже и въ самой вѣчности (такъ какъ иногда бываетъ въ жизни сей), добродѣтель и порокъ, честность и злодѣйство никакого справедливаго не получили различія? Можемъ ли подумать, чтобы и тогда Павелъ съ Іудею, Фараонъ съ Давидомъ въ равномъ остались блаженномъ состояніи? Ахъ, нѣтъ! „Кое бо причастіе правдѣ къ беззаконію? Или кое общеніе свѣту ко тмѣ“ (2 Кор., 6, 14)? Не попускаетъ намъ думать такъ.

Во-первыхъ, совершенная святость Божія. Съ Богомъ не можетъ соединиться противное Ему. Богъ есть свѣтъ, такъ не находятъ тутъ себѣ мѣста тьма; Богъ есть совершеннѣйшее добро, такъ зло священнѣйшій съ нимъ прерываетъ союзъ; Богъ есть чистѣйшій духъ, убо всякое беззаконіе удалено есть отъ Него. И потому надобно, чтобы одна добродѣтели струя къ сему всякаго блага Источнику возвратилась, чтобы одинъ лучъ непотемненнаго разума совокупился съ чистѣйшимъ Божественнымъ существомъ, дабы, по слову Павлову, „Богъ былъ всяческая во всѣхъ“ (1 Кор., 15, 28).

И въ семъ-то состоитъ правосудіе Божіе, что Богъ, не нарушая Своей премудрости, не можетъ допустить наслаждаться своими совершенствами человѣку, который сдѣлалъ себя не токмо того недостойнымъ, но и къ принятію неспособнымъ. И для того священнѣйшій Пророкъ предъ лицемъ Господнимъ поетъ: „Богъ не хотѣй беззаконія Ты еси: не приселится при Тебѣ лукавнуй, ниже пребудутъ беззаконницы

предъ очами Твоими: возненавидѣлъ еси вся дѣляющія беззаконіе“ (Псал., 5, 5—6).

Мы въ самихъ себѣ сего, ненарушимаго никогда, Божія правосудія носимъ образъ. Мы добрыхъ любимъ и съ ними духомъ нашимъ соединяемся, а отвращаемся злыхъ и всякому злодѣянью пристойное опредѣляемъ наказаніе. Откуда же сей у всѣхъ народовъ постоянный законъ?—по истинѣ отъ справедливаго признанія совѣсти, а совѣсть отъ кого?—по истинѣ отъ Того, Который „создалъ на единѣ сердца наши“. И потому сильно есть оное Апостольское обличеніе: „безотвѣтенъ еси“, говорить, „о, человѣче! всякъ судай“ (Римл., 2, 1), то есть, ты, человѣкъ, опредѣляя закономъ злу наказаніе, тѣмъ самымъ явно признаешь правосудіе Божіе и мщеніе беззаконія Ему присволяешь. Вотъ—неоспоримыя доказательства имѣющаго быть въ будущей жизни воздаяніи и состояннй различія! Но поступимъ далѣе.

Существо нашей души одарено есть свободностію. Почему мы, не яко машины, стремленіемъ управляемыя, но съ разсужденіемъ и совѣтомъ безиринужденно избираемъ доброе или злое. Ежели нѣсколько можно человѣческому уму проникать въ тайны совѣтовъ Божіихъ,—усматриваю я, что премудрый Творецъ дарованною свободностію предуготовлялъ для насъ нуть къ блаженству. Ибо извѣстно, что, гдѣ нѣтъ свободности, тамъ нѣтъ ни наказанію, ни награжденію мѣста. Оставивъ здѣсь удивляться премудрости Божіей, мы явственно усматриваемъ спасительное намѣреніе Создателя, чтобы не остаться ни добродѣтели безъ награжденія, ни злодѣйству безъ наказанія.

Сему Божіему намѣренію должно неотмѣнно быть исполнено. Но когда увидимъ сіе преславное событіе?—не можемъ сказать, чтобы оно совершалось въ жизни сей. Ибо вотъ—нынѣшній впрочемъ добродѣтельный Лазарь въ горестномъ злополучіи страждетъ до послѣдняго дыханія жизни своею, а сластолюбивый и немилосердный богачъ умираетъ между шумомъ весело пирующихъ. Повседневный искусъ насъ увѣряетъ, что добродѣтельные и благочестивые люди наиболѣе гонимы бывають; а, напротивъ, нечестивые не рѣдко во всякихъ веселостяхъ свои оканчивають дни. Вотъ—слышимъ святѣйшихъ мужей жалобныя слова: „Позоръ быхомъ міру и ангеломъ и человѣкомъ: до нынѣшняго часа и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ“ (I Коринѣян., 4, 9, 11); въ пустыняхъ скитались, въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастьяхъ земныхъ, которыхъ не былъ достоинъ весь міръ“ (Евр. 11. 38). Ежели бы послѣ всѣхъ сихъ злостраданій праведные не имѣли никакой блаженной надежды: повстинѣ, по разсужденію Павлову, не было бы въ свѣтѣ бѣднѣе, какъ добродѣтельный человѣкъ (I Кор., 15, 19).

Но, кромѣ сего, ежели бы допустить, чему, впрочемъ, не возможно быть, что по смерти ни для кого никакой не будетъ справедливости: то погибнуть всѣ законы, разрушатся всѣ общества, погаснетъ сила совѣсти, презрѣна будетъ добродѣтель, и подниметь главу свою порокъ и злодѣйство, уничтожится священная вѣра, и всѣ благочестія тайны въ басню должны будутъ превратиться. Яждь, пій, веселися; а когда не имѣешь чѣмъ, грабь, похищай, нарушай совѣсть; послѣ смерти ничего не будетъ. И такъ вы, симъ смертоноснымъ мнѣніемъ зараженные, люди, хотите, чтобы благочестивые государи разслабли въ своихъ святѣйшихъ подвигахъ,—судии не ободряли бы себя надеждою небеснаго за труды свои воздаяніа,—воины, вѣру и отечество кровію своею защищающіе, не ожидали бы вѣнцевъ неуядаемой славы,—пастыри церковные въ своихъ трудахъ и скорбяхъ не взирали бы къ ненарушиму покою; хотите вы, чтобы весь свѣтъ въ нѣкоторой первородной перемѣнился (смѣсь) хаосъ. Но „вѣсть Господь путь праведныхъ, и путь нечестивыхъ погибнетъ“ (Псал. I, 6).

Ежели такого развращеннаго мнѣнія суть люди: кажется мнѣ, что тому не можетъ быть иная причина, какъ только совѣсть, къ порокамъ пристрастившаяся. Во внутренности своей признавая всякое зло достойнымъ наказанія и чрезъ то смущаясь, она старается успокоить себя, и для того нѣкоторые вымышляетъ къ опроверженію истины сей резоны, дабы чрезъ то избавиться внутренняго мучительнаго страха. Подтверждается сіе тѣмъ, что для чего бы, напримѣръ, тебѣ, имѣя незазорную совѣсть, опровергать надежду будущаго воздаяніа?—никакъ: ты бы желалъ ей быть, хотя бы и пошлннно не было ея. Итакъ, сама, отвергающая будущую жизнь, совѣсть доказываетъ, что есть будущая жизнь. Ибо искра совѣсти можетъ быть нѣсколько потемчена, понеже она не есть Богъ, но не можетъ совсѣмъ погашена быть, понеже отъ Бога есть.

Самые язычники, сколько впрочемъ ни слѣпы были, не могли себя склонить къ тому, чтобы думать, акн бы добродѣтель должна остаться безъ награжденія. Почему за несомнительное содержали, что души добродѣтельныхъ людей переселяются на нѣкія веселыя Елисейскія поля и счастливые острова. А иные думали, что такія души преселяются въ тѣла другихъ людей и животныхъ: добродѣтельные—въ тѣла знатныхъ и добрыхъ; а порочные—въ злыхъ и подлыхъ, или и въ животныхъ четвероногихъ и гадъ. Такое, впрочемъ заблуждающее, мнѣніе есть доказательство внутренняго, отъ Бога вліяннаго, совѣсти признанія объ имѣющемъ быть по смерти воздаяніи.

И какъ истина откровенія непротивна есть истинѣ разума: то и Писаніе Святое всею своею силою утверждаетъ разсужденіе наше. Ве-

лнїи Павелъ, который въ своихъ бѣдахъ всякій день умиралъ, при близяясь къ блаженной кончинѣ жизни своей, радостную сію воспѣлъ пѣснь: „Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ“. Чтобы тебѣ болѣе, Павле, остается? Остается, говоритъ, „внѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день оный, праведный судія; не токможе мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его“ (2 Тим., 4, 7. 8). Да и Самъ Спаситель, исчисливъ нищихъ духомъ, плачущихъ, алчущихъ, жаждущихъ и гонимыхъ правды ради, заключаетъ все то симъ блаженнымъ гласомъ: „Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ“ (Матт., 5, 12).

И сіе-то человѣка добродѣтельнаго утѣшать должно въ напастьяхъ и услаждать горестъ жизни его, что его добродѣтель никогда забвена быть не можетъ, но въ свое время возсіяетъ яко солнце. Сіе утѣшало Іова на гноищѣ, Іосифа—во рву и въ темницѣ, Давида—въ гоненіи, трехъ отроковъ—въ разженной печи, Павла—въ позорищѣ предъ всѣмъ міромъ, мучениковъ — въ наплотѣйшихъ страданіяхъ, пустынниковъ—въ тѣснѣйшихъ подвигахъ и нуждахъ.

Такъ перестаньте же скорбѣть вы, мнимые злострадалцы, и успокойте рыданія свои. „Жена, егда раждаетъ, скорбь имать: егда же родить отроча, ктому не помнитъ скорби за радость, яко родился человѣкъ въ міръ“ (Іоанн., 16, 21 и 22). И вы печаль имѣете нынѣ, но узритъ васъ Господь, „и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто же возметъ отъ васъ“. „Вскую убо прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаси мя? уповай на Бога“ (Псал., 41, 6).

Можетъ, кто здѣсь спроситъ: „для чего въ жизни сей не всегда добрые награждаются, и не всегда наказываются злые“? На сіе, во-первыхъ, отвѣчаю, что и въ жизни сей никогда добродѣтель безъ награжденія и порокъ безъ наказанія не остается. Какъ? Всякаго добраго дѣла плодъ и награжденіе есть чистая радость совѣсти; и всякаго злаго дѣла плодъ и наказаніе есть мучительное совѣсти терзаніе. И сіе награжденіе и наказаніе столь велико, что незаслуженную совѣсть имѣющей человѣкъ радуется и тогда, когда бы противъ его возставалъ и весь міръ, а совѣстію облачаемый и тогда смущается, когда бы его весь міръ ублажалъ. Однако, понеже и оную добрыхъ радость несчастія подлинно смущаютъ, и оное злыхъ наказаніе мірское благополучіе уменьшаетъ, то причину, для чего бы такъ было, святой Златоустъ даетъ слѣдующую: „нѣтъ, де, столь добродѣтельнаго, чтобы притомъ не былъ подверженъ нѣкоторому пороку, и нѣтъ, де, столь злаго, чтобы нѣкоторой сокровенной не имѣлъ добродѣтели“. Почему правосудный Богъ нѣкогда и добродѣтельнаго наказываетъ и злomu благодѣтельствуеть, а чрезъ то и беззаконника и праведника исправляетъ: одного

отводя отъ зла легкимъ наказаніемъ, а другаго приводя къ добру щедрымъ благодѣтельствомъ.

„Сицева убо имуще обѣтованія, о возлюбленніи, очистимъ себе отъ всякія скверны, плоти и духа, творяще святыню въ страхѣ Божіи“. Аминь. (2 Кор., 7, 1).

Слово въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы *).

(О ВЕРХОВНОМЪ ДОБРѢ).

„Марія же благою часть избра, яже не отъимется отъ нея“.

(Лук., гл. 10, ст. 42).

Съ духовнымъ веселіемъ празднуя день Препоблагословенныя Дѣвы, родившей во плоти Спасителя нашего, не можемъ усумниться, что Она избрала благою часть, которая не подвержена опасности завистливаго негріятеля, ниже боится всеенствѣвающаго времени, которая не отъимется отъ Нея никогда. Ибо хотя блаженная Она Матерь и Дѣва по общему предѣлу и вкусила смерти, но безсмертною славою чрезъ толкіе вѣка память Ея украшается; хотя, отлагая одежду тѣла Своего, отложила съ нею вкупѣ и вся благая міра сего; но вмѣсто того радуется въ наслѣдіи вѣчныхъ несказанныхъ благъ и непрестаннаго шума празднующихъ; хотя, видимымъ присутвіемъ Ея болѣе мы не наслаждаемся, но въ любовномъ сердцѣ всегда сладчайшее имя Ея носимъ.

Но немного есть полезно другихъ воображать совершенства, а самимъ о снисканіи ихъ не стараться; да опять же, по разсужденію церковныхъ учителей, нѣтъ болѣшей чести и святымъ, какъ подражать богоугодному житію ихъ. Ежели кто, говорятъ они, святыхъ похвалить хочетъ, имъ да послѣдуетъ; ежели кто благочестія поборниковъ почитать прославленіями желаетъ, трудамъ оныхъ да поревнуетъ. Почему и нынѣ, Церковію празднуемую Пресвятую Богоотроковицу ежели достойно почитать хотимъ, настоящею бесѣдою *поищемъ оной благой части*, которою уже Она неотъемлемо насыщается. Ты же, Всеблагій Владыко! отверзи мысленныя очи наши, и уразумѣемъ чудеса отъ закона Твоего.

Благая она часть есть тоже, что обыкновенно называется „крайнее или верховное добро“. Врождено намъ искать себѣ удоволь-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви, 1764 года, ноября 21 дня.

ствія и стремиться до такого состоянія, въ которомъ бы мы совершенно были успокоены. Оное добро, которое всѣ желанія наши, конечно, удовлетворяло бы по справедливости, должно отъ насъ признано быть за верховное. Ибо уже мы выше его никуда болѣе стремиться не можемъ, да и не имѣемъ нужды. Самые язычники какъ не могли совсѣмъ погасить чувствіе естества человѣческаго, такъ не могли не воображать сіе превосходное блаженство. Но можемъ ли подумать, чтобъ въ оной глубокой тьмѣ, которымъ язычество покрывалось, истина сія ясно блетала? Разберемъ мы кратко ихъ знатнѣйшія мнѣнія, потому наипаче, что, можетъ, и изъ христіанъ суть нѣкоторые столь мало просвѣщенны, что о томъ лучшаго ихъ не имѣютъ понятія. Разность мнѣній о верховномъ добрѣ, которыми запутывали себя язычскіе философы, доказываетъ, сколько-то есть бѣдственно разсужденіе разума нашего, когда оно не подкрѣпляется просвѣщеніемъ Святаго Духа.

Одни возвоили человѣка на верхъ блаженства, ежели онъ изобилуетъ всякимъ богатствомъ и всѣми частей преимуществами возвеличенъ. Такое разсужденіе было очень низкое: ибо оно присвоило блаженство такимъ вещамъ, которыя можетъ имѣть человѣкъ, неимѣющій богатства непорочной совѣсти и достоинства истинной добродѣтели; а притомъ такимъ вещамъ, которыя по тлѣнню и непостоянству своему недостойны быть награжденіемъ вѣчной добродѣтели. Богатство, кромѣ того, что бываетъ оно почти всегда сопровождается множествомъ суеты и опасностей, тля тлеть, ржа ѣсть, и тати похищаютъ, и огонь сожигаетъ, и вода потопляетъ, а потомъ смерть, яко нѣкая буря, и самое оное листьями сими украшаемое древо исторгаетъ изъ борене. И такая ли ваша, высокіе мудрецы,—философія? Нѣтъ, мы научились высшему мудрованію, которое намъ напоминаетъ, говоря: „не убійся, егда разбогатѣеть человѣкъ, или егда умножится слава дому его“. Для чего?—„Яко внигда умрети ему, не возметъ вся“ съ собою во гробъ, „ниже сидеть съ нимъ слава его“ (Псал. 48, 17, 18).

Не такъ, чтобы мы оуждали богатство, или уничтожали чести. Подлинно, и они могутъ служить средствомъ въ полученію истиннаго блаженства, ежели богатство будетъ имѣть честное употребленіе, а чести будутъ клониться въ подкрѣпленію пользы ближняго. Но опять же не почитаемъ ихъ такими, чтобы въ нихъ поставляли все блаженство человѣческое.

Узнала сіе другая языческая секта, которая опредѣляла верховное добро не въ томъ, чтобы имѣть только чести и богатство, но въ нѣкоторомъ ихъ употребленіи; а именно: чтобы ничего тѣлеснымъ своимъ склонностямъ не отказывать, но всѣ дни въ веселостяхъ, всѣ ночи—въ покойныхъ снахъ, всѣ часы—въ изобрѣтеніи новыхъ пріят-

ностей препровождать. Кажется, нельзя бы не согласиться на такое предостереженіе. Но, вотъ, мы слышимъ совсѣмъ противное оному Евангельское опредѣленіе, которое не оныхъ эпикуровъ, но плачущихъ, алчущихъ, жаждущихъ и тѣсною житія шествующихъ дорогою въ числѣ блаженныхъ почитаетъ; а онымъ празднолюбамъ поеть сію печальную пѣснь: „Горе вамъ смѣющимся нынѣ: яко возрыдаете и восплачетесь“ (Лук., 6, 25).

Не безъ твердаго же основанія есть сіе Евангельское ученіе. Ибо, во-первыхъ, не можетъ назваться истиннымъ веселіемъ то, которое то и дѣло, что разными печалями пресѣкается и горящій радости нашей огонь погашаетъ. Легкая болѣзнь, завистливая клевета, нападеніе отъ сильнаго, внезапное оскудѣніе сильны въ одно мгновеніе покрыть насъ глубокимъ сѣтованія мракомъ. Второе, хотя бы и подлинно могли мы обѣщать себѣ всегда тихое жизни нашей теченіе; но чаяніе неизвѣстнаго никому смертнаго часа чье сердце не наполнить смущеніемъ и страхомъ? Юдеи дѣти веселились и пировали всѣ вкушѣ. Кто ихъ въ такое время не назвалъ бы блаженными? Но, вотъ, внезапная повѣяла буря и разрушила все. Вотъ—страшная поднялась волна и опровергла благотекущій счастья корабль.

Не такого мы мнѣнія, чтобы отвергали всякое и несповинное увеселеніе и совѣтовали бы всѣмъ избирать нѣкоторое меланхолическое житія состояніе,—но только предостерегаемъ отъ оной плотской безопасности, которой преданный человѣкъ не думаетъ, развѣ объ однихъ увеселеніяхъ, аки бы онъ весь былъ только плоть, не чувствуя въ себѣ безсмертнаго духа. Но посмотримъ и другія о разсуждаемой нами вещи мнѣнія.

Подлинно, не всѣ же были и языческіе философы, чтобы такъ о верховномъ добрѣ разсуждали. Были изъ нихъ нѣкоторые, кои основательнѣе блаженство человѣческое поставляли въ добродѣтели. Кажется, сіи самой истины коснулись. Но что?—когда гонять добродѣтель? Что? когда честность не находитъ ни гдѣ себѣ покоя? Былъ ли, наприкладъ, Павелъ тогда въ совершенномъ блаженствѣ, когда претерпѣвалъ смертныя бѣды во всякое почти время и во всякомъ мѣстѣ, хотя, впрочемъ, и добродѣтеленъ былъ?—Нѣтъ, по истинѣ: ибо самъ онъ признается, что почелъ бы себя окаяннѣе всѣхъ животныхъ, ежели бы не ободрялъ себя лучшею по смерти надеждою. Такъ не можемъ мы подтвердить и сіе мнѣніе. Но въ какомъ же числѣ положимъ добродѣтель? Не поставляемъ мы въ ней блаженства, но почитаемъ ее извѣстнымъ средствомъ къ полученію истиннаго блаженства.

Примѣтили и сіе другіе язычники,—почему блаженство человѣческое не въ добродѣтели единственно, но въ рождѣномъ отъ нея спо-

койствѣи совѣсти поставляли. Такое разсужденіе, кажется, еще ближе къ истинѣ. И мы бы должны были къ нему пристать, ежели бы въ жизни сей можно было надѣяться получить совершенное совѣсти спокойствіе. Но кто изъ смертныхъ взошелъ на сей верхъ совершенства? Не говоря о многоразличныхъ причинахъ, нарушающихъ покой нашей совѣсти, всѣ мы въ самихъ себѣ всегда чувствуемъ внутреннюю войну, страстями возбуждаемую, которая война имѣетъ продолжаться, пока не сложимъ съ себя тлѣнную сію и смертную ризу плоти нашей. И для того-то мы, по Апостольскимъ словамъ, „сущи въ тѣлѣ семъ въздыхаемъ отягчаеми, въ жилище наше небесное облещися желающе“ (2 Кор., 5, 4). Такъ въ чемъ же, —спросить благочестіе ваше, —поставлять надобно верховное добро?

„Въ полученіи Бога“, возлюбленные слушатели! Въ полученіи, говорю; то есть, въ совершенномъ съ нимъ соединеніи. Два союза, которые насъ неразлучно связываютъ съ Богомъ, или, ежели можно сказать, дѣлаютъ Бога нашимъ: „ясное Его познаніе и совершенная къ Нему любовь“. Сіи союзы въ жизни сей не имѣютъ настоящей твердости: ибо мы нынѣ еще въ зеркалѣ смотримъ на Божию несозданную красоту и въ гаданіяхъ только воображаемъ сіе превосходнѣйшее добро. Также и любовь къ Нему не есть еще столь совершенна, чтобы все сердце наше занималъ Онъ одинъ. „Совершенная любовь“, говоритъ возлюбленный ученикъ, „вонъ изгоняетъ страхъ“ (I Иоан., 4, 18). А мы, нынѣ любя Бога, боимся еще, чтобы не прогнѣвить любящаго насъ небеснаго Отца, работаемъ Господеви, но со страхомъ, и радуемся, но съ трепетомъ.

Но когда сіе облако темнаго понятія пройдетъ; когда бремя вещества тѣла нашего съ себя сложимъ; когда отворится намъ къ вѣчности дверь, тогда уже въ разумѣ нашемъ возсіяетъ полное познаніе Божества. „Узримъ бо Его лицемъ къ лицу, и якоже есть“ (I Кор., 13, 12), а въ Немъ, яко въ чистѣйшемъ зеркалѣ, и прочія вещи всѣ въ своихъ совершенствахъ. Тогда же и сердце наше все наполнится несозданной доброты сладостію: ибо тогда Богъ, по Апостольскому богословствованію, „будетъ всяческая во всѣхъ“ (I Кор., 15, 28). То есть, Онъ будетъ разуму свѣтъ, сердцу — веселіе и тишина, очамъ—радость, вкусу—сладость, пріятность—ушамъ; Онъ будетъ тѣлу красота, пища и одежда, Онъ будетъ „всяческая во всѣхъ“.

Такое состояніе, слушатели, называсмъ мы совершеннымъ чело-вѣческимъ блаженствомъ; въ семъ поставляемъ мы крайнее или верховное добро. Сія-то есть оная благая часть, которая временемъ не старѣется, печалами не смущается, зависти не боится, которая не огьимется никогда отъ того, кто сподобится единожды получить ее.

Сего язычники не знали: и мы бы въ семъ незнаніи пребывали, ежели бы не блеснулъ на насъ востокъ съ высоты Симъ познаниемъ просвѣщенный, Давидъ взывалъ ко Господу: „насышуся, насыщуся“. Но когда, скажи намъ, блаженный Давидъ?—„Егда явится мнѣ слава Твоя, Боже,—поеть онъ (Псал., 16, 15). Онъ же, будучи узвѣненъ любовію Божественнаго наслажденія радостотворный сей возносилъ гласъ: „что мнѣ есть на небеси? и кромѣ Тебе что восхотѣхъ на земли? Изчезе сердце мое и плоть моя, о, Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во вѣкъ“ (Псал., 72, 25—26)!

Въ семъ блаженномъ состояніи радуется теперь Преблагословенная Дѣва на небеси, Которую мы нынѣ съ Церковію воинствующею празднуемъ на земли, а съ Нею веселятся и чистѣйшіе ангелы, божественные пророки, преславный апостольскій ликъ, торжествующіе мученики, уѣвичаные преподобные и всѣ праведные души.

И какъ у Тебя, Отче небесный, обители многи суть, сотвори по благодсти Твоей, да и мы вселимся во дворѣхъ святыхъ Твоихъ со всѣми угодившими Тебѣ. Аминь.

Слово въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ *).

(О ДРЕВНОСТИ ИСТИННОЙ ВѢРЫ).

„Книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля“.

(Матѣ., гл. 1, ст. 1).

Самое начало Евангельской книги есть намъ начало радости. Ибо, вотъ, слышимъ мы, что родословіе Начальника благочестивой нашей вѣры и Совершителя Іисуса, по принятому Имъ челоѣчеству, относить благовѣстникъ Матѣей до знаменитаго въ благочестіи Давида и до древнѣйшаго Авраама, а божественный Лука не только до Ноя, возобновителя челоѣческаго рода, но и до самаго Адама, источника челоѣчества. А изъ сего открывается явственно, что мы въ вѣрѣ согласны съ древнѣйшими, прославленными въ благочестіи, мужами,—что святая вѣра наша не вчера явилась, но, началась тогда, когда начались люди быть;—что она есть одна и та же отъ самаго созданія міра. Такъ вѣровалъ Моисей и Давидъ, и всѣ бывшіе въ Ветхомъ Заѣтѣ: того же богопочтенія держался Авраамъ,—тѣмъ же путемъ ко спасенію шествовалъ и Адамъ со всѣми, прежде потопа бывшими, благочестивыми

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви, 1764 г., декабря 19 дня.

праотцами. По тѣмъ же слѣдамъ вѣры шествуемъ и мы. Такая вѣра соединяетъ всѣхъ древнихъ съ нами, и насъ дѣлаетъ древними. Такая вѣра, хотя и имѣетъ въ себѣ разныя состоянія, какъ бы, напримѣръ, младенчество, юношество и мужество, но всѣхъ воедино связуетъ православнаго общества тѣло. О, превосходство вѣры нашей! „Всякія кончины видѣхъ конецъ: широка заповѣдь Твоя, Боже, зѣло“ (Псал., 118, 96).

И понеже сіе разсужденіе не токмо само по себѣ важно есть, но и полезно къ утвержденію и утѣшенію нашему, въ оное болѣе взойти призываю благочестіе ваше духомъ кротости. А Ты, воплощенная Премудрость, предшествуя намъ свѣтомъ благодати Твоея, покажи, что, есть мудрованіе духа Твоего.

„Истинная вѣра есть вѣра самая древняя“. Ибо первый человѣкъ, чтобы онъ ни былъ, Бога почиталъ, и все то по возможности отправлялъ, что требуетъ Творецъ отъ твари, и что надобно къ достиженію блаженства, для котораго созданъ онъ. Такое богопочтеніе должно быть истинное, понеже первый человѣкъ не отъ кого другого, но отъ Самого Бога тому научиться долженъ; да оно же и древнее, понеже прежде его никого не было. И потому-то всякая новизна въ вѣрѣ есть не терпяма.

Но въ чемъ же оное древнее богопочтеніе состояло? По разсужденію Павлову,—въ томъ, дабы вѣровать, „что Богъ есть, и что Онъ взыскающимъ Его мздовоздатель бываетъ“ (Евр., 11, 6). Вотъ—существенная сила истиннаго богопочтенія! Но подъ краткими Павловыми словами много заключается. Ибо кто вѣруетъ, что Богъ есть, тотъ не можетъ усумниться, что Онъ есть всемогущъ, милосердъ вкупѣ и справедливъ. Всемогущество Божіе велитъ безопасно на Его защищеніе полагаться, милосердіе утверждаетъ надежду спасенія, правда требуетъ совершенной святости, сходной съ непорочною волею Его. Но какъ человѣкъ есть немощенъ, и всегда находитъ себя предъ лицемъ Божіимъ грѣшникомъ, слѣдуетъ, что онъ всегда имѣлъ нужду прибѣгать къ Его милосердію, и за основаніе вѣры Своей положить, что Богъ не по заслугамъ нашимъ, но по единому милосердію Своему спасаетъ насъ.

И понеже правдѣ Божіей нельзя быть нарушенной; а какимъ образомъ можетъ Богъ, не нарушивъ правосудія Своего, помиловать насъ, человѣкъ не силенъ разсужденіемъ своимъ постигнуть: то благоволилъ Богъ недостатокъ сей дополнить откровеніемъ Своимъ, и увѣрилъ всѣхъ древнихъ богопочтителей, что Онъ Самъ, въ свое время принявъ на Себя человѣчество, содѣлаетъ примиреніе правосудія съ милосердіемъ, и откроетъ сей способъ, столь мало человѣческому уму постижимый.

Сіи члены вѣры не суть ли совершенно тѣ же, на которыхъ утверждается благословенное христіанство? Но ихъ содержали и древніе всѣ. Первый человекъ былъ Адамъ, первому же ему было объявлено, что отъ сѣмени его имѣеть родиться Тотъ, Который сокрушитъ главу темной грѣховной власти (Быт., 3, 15). Сія радостная вѣсть сообщена была чрезъ него всему потомству. Послѣ неоднократно повторено сіе евангеліе Аврааму и послѣдователямъ вѣры его. Сіе же таинственное обѣщаніе Ветхій Завѣтъ проображалъ и жертвами, и таинствами, и обрядами. Видите вѣры нашея благоуханіе, разливающееся по всѣмъ вѣкамъ.

И хотя, подлинно свѣтъ вѣры сей въ разныя времена претерпѣвалъ нѣкоторые ущербы и затмѣнія. какъ то было во времена прежде потопа, во времена Авраамовы и Моисеевы и потомъ, когда всю почти землю тьма идолопоклонства покрывала: ибо всегда во вселенной свѣрѣпствовала, сила грѣха; однако, не приминула никогда благодѣнь Божія сіи исправлять недостатки и разгонять глубокий оный заблужденія мракъ. Служили къ сему Его щедрыя благодѣнія, которыми Онъ снабжалъ избранныхъ Своихъ, и тѣмъ утверждалъ ихъ въ благочестіи; служили же къ тому и казни, которыми наказывалъ нечестивыхъ, а чрезъ то и ихъ отводилъ отъ нечестія, и другихъ приводилъ въ познаніе Своей всемогущей руки. Но, кромѣ сего, употреблялъ Онъ и живые гласы великихъ и просвѣщенныхъ людей, какіе были во всякомъ родѣ и мѣстѣ и времени, яко орудія свои въ просвѣщеніи челоувѣческаго рода. Таковъ былъ Ной и Симъ, Авраамъ, Мелхиседекъ, Моисей, Давидъ, Зоровавель, пророки всѣ, и прочіе, ихъ же имена— въ книгахъ животныхъ.

Сіи средства, хотя впрочемъ сами чрезъ себя дѣйствительны, не могли совершенно удержать нагло текущій потокъ беззаконій и испѣлать тлѣніе естества челоувѣческаго. Всякъ стоналъ подъ игомъ грѣха: всякъ по правеоливости могъ со слезами произносить оныя Давидовы слова: „Нѣсть изцѣленія въ плоти моей, нѣсть мира въ костехъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ. Пострадахъ и слякохся до конца, озлобленъ быхъ и смирихся до зѣла“ (Псал., 37, 4, 7, 9). Почему нужда была повторять и оное часто Пророческое слово: „Аще не бы Господь Саваоѣ оставилъ намъ сѣмене, яко Содомъ убо были быхомъ, и яко Гоморру уподобилися быхомъ“ (Ис., 1, 9).

Сія оставшаяся надежда Израилева, сіе, говорю, благословенное сѣмя въ плачевной юдоли земли нашей произросло, когда, по ученію Апостольскому, „Богъ Самъ явился во плоти (1 Тим., 3, 16), и Тотъ, Который многократно и многообразно исправлялъ міръ чрезъ пророковъ и другихъ просвѣщенныхъ мужей, Тотъ напоследокъ Самъ

великое дѣло принять на Себя и бесѣдовать съ нами о тайнахъ вѣчнаго царствія, зракъ раба принявъ и бывъ въ подобіи чловѣчествъ.

Черезъ сего Божественнаго Ходатая и Спасителя и мы отъ глубокаго заблужденія пзбавились, и намъ, сѣдящимъ во тьмѣ и сѣни смерти иѣй, возсіяетъ свѣтъ истиннаго богопознанія. „Оправдившесе бо вѣрою миръ имамы къ Богу Господемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, Имъ же и приведеніе обрѣтохомъ въ благодать сію, въ пейже стоимъ и хвалимся упованіемъ славы Божія“ (Римл., 5, 1—2).

Къ чему же клонится все сіе наше разсужденіе?—Къ тому, дабы намъ представить предъ очи свои, что сія вѣра наша есть вѣра всѣхъ времянь, есть вѣра древнихъ всѣхъ, которое начало есть Божественное, происхожденіе удивительное, кончина же—жизнь вѣчная. Вѣра сія хотя имѣла, но различности обстоятельствъ, различныя состоянія: былъ въ пей какъ бы младенческій возрастъ, былъ юношескій, есть и мужескій; но всегда едино тѣло и единый оживляющій духъ. Перемѣнялись обряды, чиноположенія, таинства и другія окрестности, но существо вѣры пребывало неизмѣнно. Сею укрьшая себя вѣрою, странствуемъ мы съ Авраамомъ, искушеніи побѣждаемъ съ Давидомъ, на лѣствицу добродѣтелей восходимъ съ Иаковомъ, со всѣми древними святыми „то же брашно духовное ядимъ, и то же питіе духовное пьемъ: все бо они пили отъ духовнаго послѣдующаго Камене. Камень же бѣ Христосъ“ (1 Кор., 10, 3, 4).

Много бы времени надобно было, чтобы къ утвержденію истины ученія сего приводить изъ Святаго Писанія свидѣтельства. Почему вспоминаемъ хотя нѣкоторыя. Самъ Спаситель въ Евангеліи Своемъ о томъ увѣряетъ насъ: „не мните“, говоритъ, „яко придохъ разорити законъ или пророки“; никакъ: „не придохъ разорити, но исполнити“ (Мате., 5, 17). Также премудрый Апостоль неоднократно изъясняется, что ученіе его не иное что содержитъ, развѣ что содержалъ въ себѣ законъ и пророки. Свидѣтельствую“, сказываетъ, „малому же и великому, ничто же вѣщая, развѣ яже пророцы рекоша хотящая быти и Моисей“ (Дѣян., 26, 22). Еще разсуждая объ оправданіи вѣрою во Христа (который членъ вѣры въ христіанствѣ есть самый главный) онъ доказываетъ, что Авраамъ, прежде закона еще бывшій богопочитатель, не инымъ образомъ оправдался предъ Богомъ, развѣ вѣрою во грядущаго Христа; притомъ столь прославляетъ вѣру его, что и мы, когда хотимъ оправданы быти, должны въ томъ подражать вѣрѣ отца нашего Авраама. (Римл., гл. 4). Да и о всѣхъ, отъ самаго Адама бывшихъ, благочестивыхъ мужахъ сей же учитель подтверждаетъ, что они свидѣльствованы были въ вѣрѣ, которой вѣры, по его же изъясненію, былъ „Начальникъ и Совершитель Иисусъ“ (Евр., 12, 2).

И хотя сей же Апостоль объявляетъ, что „всѣ“ тѣ „святые“, впрочемъ, вѣрою украшенные „не пришла обѣтованія“ (Евр., 11, 39); но сіе разумѣть надобно такъ, что они Того, Который имъ обѣщанъ былъ Спаситель, очами тѣлесными не видѣли, по токмо очами вѣры на Него взирали, и лобызали Его, и радовались о Немъ, и спасались Имъ. А чрезъ то премудрый Господь честь предковъ нашихъ раздѣлилъ съ нами: имъ обѣщанъ Спаситель, а мы исполненіе того видѣть сподобились; они въ грядущаго вѣровали, а мы пришедшему поклоняемся,— „Богу лучшее что о насъ предзрѣвшу, да не безъ насъ совершенство пріимуть“ (Евр., 11, 40).

Но, опять, можетъ кто предложить оное Апостольское же слово: „древняя мимоидоша, се, быша вся нова“ (2 Кор., 5, 17). Подлинно, то прошло, что было ветхо; но не прошла вѣра, которая никогда обветшать не можетъ. Прошли разные обряды, разные чиноположенія, которыя по различности временъ служили вѣрѣ, но самое вѣры основаніе пребываетъ недвижимо. Прошла младенческая слабость, наступила мужеская крѣпость; но составъ тѣла всегда остался ненарушимъ.

Сего нашего, подлинно, важнаго поученія есть то намѣреніе, чтобы показать истину тѣмъ, кои, немного обращаясь въ писанія святыхъ, думаютъ, что православная вѣра наша началась только отъ пришествія въ міръ Иисуса Христа, и что, слѣдовательно, ея прежде того времени не было никакимъ образомъ. Такъ какое же, съ сладостію спросили бы мы такихъ, прежде того было богочтеніе? истинное или неистинное? Ежели бы сказать неистинное, то куда же дѣнемъ Авраамову вѣру, которой намъ велитъ подражать Евангеліе? куда—благочестіе пророковъ? куда—оную древнихъ пѣснь: „Вѣдомъ во Іудей Богъ: во Израили ведіе имя Его“ (Псал., 75, 2)? Ежели же было истинное, но, совѣмъ тѣмъ, вѣра наша была бы отъ того богочтенія отмѣнная по всему, то къ чему же бы вводить новую вѣру, когда бы и прѣжнее богочтеніе было истинное? Нѣтъ, благословенные христіане! „Иисусъ Христосъ вчера и днесь той же, и вѣкъи (Евр., 13, 8). Онъ есть краеугольный Камень, Который сънь законную и благодать Евангельскую соединяетъ въ единый составъ Церкви Своей.

Хотя, впрочемъ, не сомнительно, что чрезъ пришествіе Иисуса Христа вѣра въ большой возсіяла славѣ, отъ нѣкоторыхъ вредныхъ мнѣній очищена и, по разрушенія границъ Іудейскихъ, сообщена свѣту всему. Ибо вмѣсто того, что прежде только пѣли пѣснь Господню внутри стѣнъ Іерусалимскихъ, нынѣ мы всѣ языки воспѣваемъ Господеву пѣснь нову; поетъ Господеву вся земля, и не во Іерусалимѣ токмо, но вездѣ поклоняемся Отцу небесному „духомъ и истинною“ (Іоан., 4, 24).

Сихъ всѣхъ великихъ благодѣяній виновникъ намъ есть Божественный Спаситель нашъ, Котораго понеже приближается день, въ коемъ Онъ для спасенія нашего явился во плоти,—предуготовимъ къ принятію Его самихъ себя, дабы Онъ, яко Внелеемскій вертепъ, и нищету нашихъ душъ обогатилъ присутствіемъ Своего Божества. Аминь.

Слово въ недѣлю о Закхѣѣ *).

„И искаше Закхей, видѣти Іисуса“
(Лук., гл. 19, ст. 3).

Какъ, изъ лука пущенная, стрѣла прямо несется къ мѣтѣ, такъ человѣческій духъ естественно стремится къ Богу. Обходяще онъ всѣ вещи яко недостойныя себя, и углубляясь въ разсматриваніе красоты несозданнаго существа, находитъ тутъ все свое удовольствіе. Ибо Богъ создалъ человѣка ради Себя,—не въ томъ разумѣ, яко бы имѣлъ Онъ въ немъ для Себя какую пользу, но потому говоримъ: „ради себя“, чтобы человѣкъ не въ другой какой созданной вещи, но въ Немъ Самомъ искалъ своего блаженства, чтобы въ Немъ утопалъ, яко въ океанѣ сладостей. Сіе воображая, Давидъ радостнымъ духомъ воспѣлъ: „Возжада душа моя къ Тебѣ, Боже“ (Псал. 62, 1—2)! А къ Нему прибѣгая, нѣкоторый церковный учитель съ Богомъ такъ бесѣдуетъ: „Создалъ Ты насъ, Господи, ради Себя, и не спокоенъ духъ нашъ, пока не успокоится въ Тебѣ“!

Сіе духа нашего стремленіе иногда въ нѣкоторыхъ слабѣетъ, но совѣмъ истребиться не можетъ. Слабѣетъ оно, когда человѣкъ волю даетъ страстямъ, и, яко младенецъ, наружными вещами прельщается, но возбуждается паки, когда тотъ же человѣкъ, пришедъ въ самого себя, разсудитъ несовершенства свои, и усмотритъ, что всѣ мнимыя увеселенія или прошли, или пройдутъ, или еще и въ горесть обратятся.

Мы не можемъ отречься, чтобы не чувствовать въ себѣ сего сильнѣйшаго желанія наслаждаться умнымъ зрѣніемъ Бога. Почему изслѣдуемъ, „гдѣ мы можемъ видѣть Бога“. А Ты, несозданная красота, яви намъ Себя, да разумно видимъ Тя!

Въ трехъ зеркалахъ мы можемъ видѣть Бога: „въ зеркалѣ тварей, въ зеркалѣ вѣры и въ зеркалѣ славы“. Въ первое смотрятъ младенцы, во второе—возрастающіе, въ третіе—совершенные. Первое открылось при созданіи міра, второе—при искупленіи человѣческаго рода, третіе откроется при прославленіи избранныхъ Божіихъ. Посмотримъ мы во всякое особъ въ предшествіи несозданнаго свѣта Господня.

* Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ придворной церкви, 1765 года, января 16 дня.

Зерцало тварей ясно показывает намъ Творца своего. Изъ созданія ихъ дознаемъ мы бытіе несозданнаго существа: что онѣ всегда въ цѣлости своей сохраняются, доказывается изъ того неизглаголанная благость Его; что онѣ же порядочно управляются къ своимъ концамъ, открывается изъ того безконечная премудрость Его; а все увѣряетъ о Его неограниченномъ всемогуществѣ.

И какъ мы тварями со всѣхъ сторонъ ограждены, да и сами тутъ же включаемся, то нѣтъ вещи и нѣтъ мѣста, гдѣ бы мы не нашли изображенные слѣды Божества. Сію видимаго міра книгу, золотыми буквами написанную, всякъ читать можетъ — и мудрый и невѣжа, и младенецъ и возрастной, еллинъ и скиецъ, благородный и варварь. Народы, различествующіе языками, сей общій разумѣютъ языкъ. Любитель Божій, куда ни обратитъ очи свои, вездѣ находитъ любовную бесѣду съ Богомъ; вещи вмѣсто зеркала употребляетъ и отъ тварей къ своему Творцу возносится. Нѣкто сказалъ, что ему, вмѣсто учителей, были дубовыя и буковыя деревья, подъ сѣнію которыхъ размышлялъ онъ въ тайнѣ сердца своего о Создателѣ міра сего. О, Боже! „Въ мори путіе Твои, и стези Твоя въ водахъ многихъ: свидѣнія Твоя, Господи, увѣришася зѣло“ (Псал., 76, 20; 92, 6). Вся тварь намъ громогласнѣ трубы всякой вопіетъ: „Той сотвори насъ, Той, а не мы“ (Псал., 99, 3). Давидъ блаженный столь углубился въ размышленіе сіе, что ему міръ по красотѣ своей достойнымъ показался къ украшенію Самого Бога. Онъ себѣ представляетъ, что Царь царствующихъ облеченъ въ славу и препоясанъ; вмѣсто ризы одѣвается онъ свѣтомъ: царскій шатеръ у него — небо; золотанный коверъ — разсѣянные по землѣ цвѣты; увеселительныя фонтаны — скачущіе изъ нѣдръ земли источники, быстротечные кони — облака, великолѣпная колесница — распростертыя вѣтровъ крыла, а слуги его — пламень огненный.

И для того, подлинно, по ученію Павлову, будутъ предъ судомъ Божиимъ безотвѣтственны, которые истину столь ясную не признавали, дѣлая насильствіе совѣсти своей. Ибо сила, ведущая къ познанію Бога, вліяна въ сердца всякаго человѣка. Невидимая бо Божія, яко-то присносущная сила Его и Божество, изъ размышленія о тваряхъ становятся видимыми (Римл., 1, 20). Почему трудно и повѣрить, чтобы были такіе уроды, которые, отвергая бытіе Божіе, притомъ отъ собственной совѣсти и отъ всѣхъ вещей обличаемы не были.

И хотя, по примѣчанію Пророческому, нѣкоторый безумный „рече въ сердца своемъ“, то есть, силится мысль свою склонить на то, „аки бы не было Бога (Псал., 13, 1). Но для чего онъ сію нечестивую мысль содержитъ только въ сердца, а не произноситъ словами? спрашиваетъ святой Златоустъ. „Для того, де“, примѣчаетъ учитель

сей, „что въ самое то время, когда онъ отворилъ бы свои уста, вся тварь возопила бы противъ него, и дерзновенныя его уста заградила бы“.

При семъ случаѣ смотрѣнія нашего въ зеркало тварей, пришло мнѣ на мысль оное Апостольское слово: „Суетѣ тварь повинуся новолею“ (Римл., 8, 20). То есть, вся тварь подвержена стала суетѣ противъ воли и намѣренія Создателя. Такія слова кажутся противны тому, что мы утверждали, что твари не только не суть суетны, но и руководствуютъ къ Богу. Какую же здѣсь Апостоль разумѣеть суету? „Суета тварей есть употребленіе тварей во зло“. Кажется бы нельзя повѣрить, дабы злость человѣческая была столь сильна, чтобы самое намѣреніе Божіе превратить могла. Но есть то самымъ дѣломъ такъ. Язычники, напимѣръ, вмѣсто того, чтобы, смотря на солнце, луну и прочія небесныя свѣтила, доходить до Бога, обоготворяли ихъ самихъ: вмѣсто того, чтобы „отъ величества красоты созданий сравнительно родоѣлателя ихъ познавать“, имъ самимъ поклонялись. Всѣ Господни дѣла не своимъ путемъ пошли. Злодѣи употребляетъ воздухъ, чтобы удушить,—огонь, чтобы сожечь,—воду, чтобы утопить,—железо, чтобы убить человѣка неповиннаго. Благословенныя произращенія земли сдѣлались случаемъ обжорства и пьянства, красота тѣла—поводомъ къ безчестной похоти, золото—возбужденіемъ къ лихоимству и сребролюбію, честь—къ гордости и презорству, разумъ—къ изобрѣтенію хитростей, науки бываютъ матерією вѣчныхъ споровъ и, слѣдовательно, помраченія истины. Нѣтъ, по истинѣ, столь доброй вещи, которая чрезъ необузданное человѣческое своеволие не употреблена была бы во зло.

Итакъ, развращеніемъ нашимъ пресвѣтлое сіе тварей зеркало помрачилось: сія книга дѣлъ Божіихъ сдѣла ась намъ училищемъ всякаго зла; міръ, вмѣсто того, чтобы быть руководителемъ къ истинѣ и къ источнику ея—Богу, сдѣлался полнымъ соблазномъ. Почему пророки, апостолы, евангеліе и всѣ просвѣщенные люди принуждены увѣщавать насъ, чтобы береглись міра, чтобы бѣгали міра сего лукаваго. Ахъ, странное превращеніе! „Тебѣ, Господи, правда, а намъ стыдъ лица“ (Дан., 9, 7).

Не должно думать, аки бы міръ самъ чрезъ себя худъ былъ; вѣтъ, онъ есть дѣло рукъ премудраго Художника. Но мы благое Божіе сами себѣ обратили во вредъ: врачество спасительное, которое намъ дано въ животь, то употребили себѣ въ смерть, „да явится, сколь силень грѣхъ, благимъ мнѣ содѣвая смерть“ (Римл., 7, 13), какъ рассуждаетъ Апостоль премудрый.

Почему прямо отсюда слѣдуетъ, что мы зеркаломъ тварей къ полученію совершеннаго о Богѣ и блаженствѣ нашемъ познанія до-

вольны быть не можемъ, но имѣемъ нужду, чтобы сію божественную міра книгу, нашимъ нерадѣніемъ потемненную, протолковалъ. Однимъ словомъ, нужда намъ искать яснѣйшаго зеркала.

Такое есть зеркало вѣры, къ которому, подлинно, нѣсколько руководствуетъ и зеркало тварей, но свѣтлости сего уступаетъ. Оно общее есть людямъ всѣмъ и самымъ грубымъ: сіе есть собственно единымъ просвѣщеннымъ. За такое зеркало почитаемъ мы откровение вѣрою пріемлемое. Но что видимъ мы въ зеркалѣ семъ? Видимъ во-первыхъ, недостатки наши, и что мы весьма далеко отстоимъ отъ онаго конца, для котораго созданы мы. Послѣ сего вѣра возводитъ насъ на славнѣйшее зрѣлище, на которомъ усматриваемъ мы, что Самъ Богъ милосердіемъ будучи подвиженъ, одѣвается въ плоть нашу и славу Божества Своего сокрываетъ подъ покрываломъ смертнаго человѣческаго естества; а, въ семъ будучи состояніи, открываетъ Онъ намъ вѣчныя истины спасенія нашего и, смертію Своею удовлетворивъ правосудію, все богатство благодати Своей истощаетъ на насъ. Черезъ что не токмо успокаиваетъ Онъ совѣсть нашу отъ страха гнѣва Божія трепещущую, но и блаженными надеждами наполняетъ. Сей есть свѣтъ, который мы изъ зеркала вѣры почерпаемъ. О чемъ такъ восклицаетъ богогласный Павелъ: „Премудрость глаголемъ въ совершенныхъ, премудрость же не вѣка сего, ни князей вѣка сего престающихъ“, то есть, со смертію которыхъ вся наука исчезаетъ; „но глаголемъ премудрость Божию, въ тайнѣ сокровенную, юже никтоже отъ князей вѣка сего разумѣ“ (1 Кор., 2, 6—8). И на другомъ мѣстѣ: „Мы вси откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе, въ той же образъ преобразуемъ отъ славы въ славу, яко же отъ Господня духа“ (2 Кор., 3, 18).

Зерцало сіе божественное всѣмъ открыто. Ибо милосердый Избавитель нашъ ведегласно всѣхъ призываетъ къ Себѣ: „Прійдите ко Мнѣ и просвѣтитесь, и лица ваша не постыдятся“ (Псал., 33, 6). Онъ предвараеть о себѣ: „Явленъ быхъ не ищущимъ Мене, обрѣтохся не вопрошающимъ Мене“ (Ис., 65, 1). Свидѣтеля въ томъ имѣемъ мы нынѣшняго Закхея, трепетная душа котораго не дерзала приступить къ Проповѣднику спасенія.—почему, взлѣзши на дерево, издалека умиленныя очи св. и обращалъ на Него. Но милосердый Владыка, проникая во внутренность сердца его, объявилъ, что Онъ желаетъ его страннолюбіемъ угощенъ быть, и что Онъ хотя грѣха отвращается, но грѣшника кающагося пріемлетъ.

Такимъ свѣтомъ осіяваетъ насъ зеркало вѣры, но, совѣмъ тѣмъ, великій Павелъ и сей вѣры свѣтъ находитъ несовершеннымъ. Онъ объявляетъ, что мы въ жизни сей „вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ“

(2 Кор., 5, 7), какъ будто бы вѣрою мы ничего не видимъ; или хотя и видимъ, но „яко въ зеркалѣ и въ гаданіяхъ“ (I Кор., 13, 12), то есть, поверхность одну сокровенныхъ вещей, да и ту темно, „въ гаданіяхъ“. Кто убо не признается, что должно быть еще другое яснѣйшее зеркало, въ которомъ бы Богъ намъ познаніе Свое сообщилъ совершеннѣйшимъ образомъ? Да и подлинно мы, присносущнаго свѣта сіяніемъ, нѣкогда просвѣщеннымъ себѣ быть надѣемся. Ибо мы уже въ сердцѣ своемъ находимъ сея надежды основаніе, которому должно совершиться, и предвкусили уже сладость будущаго совершенства.

Третіе убо въ свое время откроется намъ, слушатели, зеркало славы, въ которомъ мы по Апостольскимъ словамъ „узримъ Бога лицомъ къ лицу“ (I Кор., 13, 12), а по ученію Іоаннову, „узримъ его, яко же есть“ (I Іоан., 3, 2), то есть, несозданная и непостижимая она красота такъ себя откроетъ, какова она сама въ себѣ есть, и сколько бранный нашъ умъ вмѣститъ возможетъ. О, состояніе, которое желаніе всякое превосходитъ! Но, чтобы о немъ обстоятельнѣе говорить, надобно особеннаго времени, а притомъ, понеже еще его „наше око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце наше не веходило“ (I Кор., 2, 9), то остается молить Тебя, Боже и Отче Господа нашего Ісуса Христа, да сподобимся и мы видѣть свѣтъ славы Твоея въ свѣтѣ блаженнаго лицезрѣнія Твоего. Аминь.

Слово въ недѣлю Мясопустную *).

„Придетъ Сынъ Человѣчскій въ славу Своей“.

(Мат., гл. 25, ст. 31).

Было пришествіе первое, будетъ же и второе: первое было смиренное, второе будетъ славное; первое подобно было дождю сходящему на руно и капли капающей на землю, второе подобно будетъ молніи, которая, освѣтивъ востокъ, вдругъ достигаетъ и до запада: „освѣтитъ молнія Его вселенную, увидятъ и подвижутся земля, горы яко воскъ растають отъ лица Господня, отъ лица Господа всея земли“ (Псал., 96, 4—5). Ибо въ первомъ Сынъ Человѣчскій пришелъ спасти міръ, во второмъ придетъ судить міръ.

И понеже сей судъ имѣетъ быть съ тѣмъ, чтобы воздать всякому по вѣрѣ его и по дѣламъ его, слѣдовательно, судъ сей страшенъ только будетъ невѣрнымъ и нераскаяннымъ грѣшникамъ; а вѣрнымъ и въ благочестіи до смерти пребывшимъ желателенъ и радостенъ. Тѣ вос-

* Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ придворной церкви, 1765 г., февраля 6 дня.

трепещуть, чувствуя изливаемую на себя чашу ярости гнѣва Божія, а сіи возвеселятся, приѣмля несказанное награжденіе за подвигъ вѣры и добродѣтели. Одни отъ горести духа будутъ кричать горамъ: „падите на ны“; и холмамъ: „покройте насъ“ (Апок., 6, 16); другіе въ веселомъ восторгѣ пѣть будутъ пѣснь, пристойную браку Агнчу. „Возвеселится праведникъ, егда увидитъ отмщеніе: рудѣ свои умыетъ въ крови грѣшника: И речеть человѣкъ: аще убо есть плодъ праведнику, убо есть Богъ судя имъ на земли“ (Псал. 57, 11—12).

Какое имѣеть быть страшнаго суда сего происшествіе; о томъ говорить я теперь не намѣренъ, ибо нынѣшнее Евангеліе хотя кратко, но ясно и живо то намъ описало. Мы, вмѣсто того, изслѣдуемъ, *какая для насъ есть польза утѣреннѣмъ быть, что будетъ челоуѣческимъ дѣламъ судъ*. А Ты, испытуай сердца и утробы, Боже, Ты, Который сказалъ, что самое слово Твое будетъ насъ судить въ послѣдній день, сотвори, дабы оно намъ теперь было во спасеніе!

Нѣтъ дѣйствительнѣйшей узды для удержанія челоуѣческихъ склонностей, какъ то, что надобно нѣкогда во всѣхъ своихъ дѣлахъ дать отчетъ Тому, отъ Котораго яко всевѣдущаго ничего скрыть нельзя,—Который, яко справедливый, не знаетъ пріятія лицъ, и Который, яко Пресвятый, равно гнушается нечестиваго и нечестія его,—однимъ словомъ, чтобы памятовать судъ.

Почему сія, кажется, и есть причина, что нѣкоторымъ непріятно, когда говоримъ о судѣ, или и совѣмъ тому вѣрить не хотять, не знаа, говорю, причина, какъ только, что напоминаніе сего не мало препятствуетъ исполненію ихъ склонностей: ибо челоуѣкъ обыкновенно, чего не любитъ, того и принять не хочетъ. Феликсъ все слушалъ хорошо Павла, но какъ помянулъ онъ ему о судѣ, смутившись Феликсъ Павлу сказалъ: „Теперь поди отъ меня, а когда время будетъ, я тебя призову“ (Дѣян., 24, 25). Но мы, въ противность словамъ вельможи сего, должны говорить: Душе Святый! прійди къ намъ. Мы теперь имѣемъ время, мы призываемъ Тебя: открой намъ пользу ожидаемаго нами суда!

Первая польза есть, что мы чрезъ то возбуждаемся къ добродѣтели, надѣясь, что она не останется безъ награжденія. Послѣдняя слеза, пролитая нами отъ сожалѣнія о неповинномъ челоуѣкѣ, не будетъ забыта: наималѣйшая милостыня заплатится, скрытое сострадательное о другомъ воздыханіе предъ всѣмъ свѣтомъ будетъ прославлено: за доброе слово сынами Вышняго будемъ названы, за чашу студеной воды прольются намъ источники безсмертія, будетъ почтена предъ очами Божиими супружеская любовь, дѣвическая чистота, любовное пріятелей обхожденіе, подчиненныхъ къ высшимъ повиновеніе, высшихъ о подчиненныхъ попеченіе, всякое доброе намѣреніе не постыдится, привле-

жаніе похвалится, трудъ наградится, вѣрность прославится, ревность облобызается, подвигъ вѣры и всякой добродѣтели увѣнчается. Чтобы ты ни сдѣлалъ доброе въ тайнѣ, то „Отець небесный, видяй въ тайнѣ, воздасть тебѣ явѣ“ (Матѣ., 6. 4).

Разсуждая сіе, Государь безъ унынія будетъ сносить свои великіе труды, тѣмъ напротивъ, что онъ ни отъ кого на земли награжденъ быть не можетъ; министръ будетъ хранить незасорную совѣсть, вѣдая, что нѣкогда откроются совѣты сердечные; церковный служитель симъ возбудится блюсти чистоту духа въ союзѣ вѣры; воинъ безъ страха свою будетъ проливать кровь; куонецъ въ простотѣ сердца своего будетъ служить нуждамъ общимъ; земледѣлецъ безъ отягощенія будетъ влечь свой плугъ, увеселяя себя надеждою плодовъ въ будущей на небесѣхъ жатвѣ.

И хотя должны мы любить добродѣтель для нея самой, однако, чтобы больше къ ней прилежали, благоволилъ Богъ ободрить насъ къ тому надеждою воздаянія. Когда говоримъ, что добродѣтель сама себѣ есть награжденіе, не въ томъ говоримъ разумѣ, аки бы она, кромѣ самой себя, другого награжденія не имѣла, но что она, хотя бы отъ человѣка и презрѣна была, съ другой стороны—имѣетъ великія надежды. Да притомъ смертные люди и не имѣютъ, чѣмъ могли бы довольно наградить никогда не умирающую заслугу добродѣтели.

И какъ чаяніе будущаго суда возбуждаетъ насъ къ добродѣтели, такъ удерживаетъ отъ зла. Ибо увѣрены мы, что за всякое праздное слово должны будемъ дать отвѣтъ,—что всякое помышленіе взято будетъ на разсужденіе, всякая слеза внесется въ число, всякая обида поставится на мѣру, всякое преступленіе положится на вѣсъ. И сіе тѣмъ будетъ удобнѣе, что сама совѣсть будетъ всему тому доноситель, свидѣтель, и нѣкоторымъ образомъ судія, да и она же сама будетъ, которая осудится или оправдается. О! что, ежели бы сего не было страха? И такъ всюду вламывается порокъ, превращаетъ государства, разоряетъ земли, истребляетъ города, такъ, что вопль его доходитъ до самаго неба. А что, ежели бы сей узды не было?

Но, о преблагого о насъ Божія промысла! какъ только надмится мысль наша разными своевольными предпріятіями, страхъ суда смиряетъ оную, и въ самомъ прихотей нашихъ стремленіи насъ останавливаетъ. Сей думаетъ, какъ бы, ограбивъ другого, себя обогатить; но, вотъ, уже его обнаженнаго несутъ во гробъ. Тотъ въ покоѣ ночномъ безпокоитъ себя, выдумывая способы, какъ другого неповинно обнести, но вотъ онъ самъ позванъ къ Божіему нелицепріятному суду. Много мы затѣваемъ, и весьма далеко бросаемъ мысли свои, но въ самое то время, въ которое казалось, что мы договоръ сдѣлали съ смертію, дабы она

къ намъ никогда не приходила, въ самое сіе время вотъ персть Божій предъ твоими, человѣче, очами пишетъ: Мани, Фекель, Фаресь, то есть „Богъ измѣрилъ жизнь твою, и сократилъ ее, положилъ на вѣсы Свои всѣ предпріятія твои, и показались предъ очами Его очень легки; разобралъ Онъ дѣла твои, и отбросилъ ихъ отъ лица своего“ (Дан., 5, 25). Охъ, какой страшный на пышность человѣческую ударъ! Послѣ Александра Македонскаго нашлись (вымыселъ) проекты, въ которыхъ сей властолюбивый Государь, не удовольствовавшись, что уже завоевалъ большую земли часть, хотѣлъ еще и въ другихъ вселенной углахъ оружіемъ своимъ смутить покой смертныхъ; но въ самомъ жару сихъ великихъ замысловъ холодная смерть поражаетъ его. Здѣсь язычникъ сказалъ бы ему: „теперь думай, Александръ, какъ тебѣ переѣхать черезъ Стиксово озеро“; а мы, христіане, сказали бы ему: „думай теперь, какъ тебѣ отвѣтъ дать имѣющему власть живота и смерти“.

По случаю разсужденія сего примѣтимъ мы, слушатели, что самая смерть намъ не мало благодѣтельствуетъ. Ибо, ежели бы никогда не умирали мы, никогда не перестали бы грѣшить, слѣдовательно, никогда не перестали бы беспокоиться. Такъ-то самое Божіе наказаніе есть намъ благодѣяніе!

Разсужденіе сіе есть сильное средство къ удержанію непристойныхъ склонностей. Оно злодѣянію есть мучительная язва, мздоимцу—бичъ, невоздержному—узда, своевольному—оковы, лѣнивому—возбужденіе, лжесловеснику—ограда. А ежели бы кто и симъ нимало не двигался, или по крайней мѣрѣ въ злодѣяніяхъ своихъ ни малаго признанія не имѣлъ, того почитать надо за солону, на сожженіе вѣчному огню уготованную.

Святое Писаніе отъ сего предостерегаетъ насъ, представляя въ примѣръ пять бунхъ дѣвъ, которыя, ожидая пришествія жениха своего, задремали, черезъ что у нихъ и масло оскудѣло и огонь погасъ (Матѣ., 25, 8). Ахъ, дѣвы, пошлите, безразсудныя! надобно было вамъ частымъ воспоминаніемъ суда возжигать свѣтъ трезвыхъ мыслей и непорочныхъ совѣти. И для того-то блаженный Иеронимъ обычай имѣлъ часто говорить: „ѣмъ ли я, пью ли я, или часто другое дѣлаю, всегда сей гласъ кажется звенить въ ушахъ моихъ: встаньте, мертвые, идите на судъ“!

При случаѣ сего христіанскаго ученія сказать надобно и то, что ежели бы люди не были увѣрены о будущихъ за добро и зло воздаяніяхъ: то никакое и общество стоять не могло бы. Ибо безъ сего чѣмъ государь удержать своихъ подданныхъ отъ зла? чѣмъ возбудить къ добродѣтели? Награжденіями, скажете вы, и наказаніями. Но много

бываетъ потаенныхъ злодѣйствъ, въ которыя проникнуть нельзя, много скрытыхъ добродѣтелей, которыя здѣсь безъ награжденія остаются. Такъ чѣмъ же, паки говорю, верховный начальникъ утвердить законы свои? Поистинѣ, напоминаямъ Божія правосудія, которое ни злыхъ безъ наказанія, ни добрыхъ безъ награжденія не оставитъ.

Многіе со всею своею доброю совѣстію отъ нападковъ сильныхъ не имѣютъ насущнаго хлѣба, многія святыя души отъ клеветъ, отъ гоненій проливаютъ слезы цѣлые источники. Отъими отъ нихъ еще послѣднюю надежду будущаго Божія воздаянія, ты однимъ разомъ и добродѣтель уничтожишь, и ихъ поразишь отчаяніемъ. Іовъ, лишившись всего, чѣмъ міръ увеселяетъ насъ, лютою страдалъ язвою. Послушайте же, чѣмъ утѣшалъ себя сей великодушный мужъ: „вѣмъ,—говорилъ онъ,—яко присносущенъ есть, иже имать искупити мя и на земли воскресити кожу мою терпящую сія“ (Іов., 19, 25).

Такъ успокойте же жалобы свои вы, мнимые несчастливцы, и слезы свои растворите радостію. „Се, придетъ Господь на облацѣхъ, и мзда Его съ нимъ (Апок., 1, 7; 22, 12). Онъ отретъ слезы ваши; „и тогда возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не возьметъ отъ васъ“ (Іоани., 16, 22).

Надобно признаться, впрочемъ, что мы не все-то напрасно терпимъ, но нѣкоторыя въ насъ суть грѣховныя раны, для исцѣленія которыхъ Врачъ душъ и тѣлесъ часто употребляетъ орудіе временныхъ наказаній и несчастій. Почему должны мы все сіе сносить съ благимъ терпѣніемъ, потому наипаче, что, по мудрствованію Апостолу, точно съ тѣмъ милосердный Господь намъ временно наказываетъ, „да не когда съ міромъ осудимся“ (1 Кор., 11, 32). Поражаетъ иногда плоть, „да духъ спасается въ день Господа нашего Іисуса Христа (1 Кор., 5, 5).

Наконецъ прибавимъ и то, что какъ смерть не рѣдко бываетъ нечаянна, такъ и судъ будетъ внезапный. Почему не надобно покаянія откладывать. Не знаемъ „въ какой часъ Господь нашъ придетъ. Да будутъ убо чресла наша препоясана, и свѣтильницы горящія“ (Лук., 12, 35). А что еще не постигъ насъ страшный часъ сей, то да не будетъ намъ случаемъ своевольной безопасности, но доказательствомъ благодати и долготерпѣнія Божія, которое насъ на покаяніе ведетъ. Молить Господа должно, чтобы въ грѣхи не впади мы, или, по крайній мѣрѣ, во грѣхахъ бы не закоснѣвали. Но когда памятовать станемъ послѣдняя наша, по истинѣ или несогрѣшимъ, или во грѣхѣ не закоснѣемъ. Аминь.

Слово въ недѣлю вторую Великаго поста *).

(О ГРѢХѢ, КАКЪ ВИНѢ БОЛѢЗНЕЙ).

„Чадо! отпускаются тебѣ грѣси твои“.

(Марк., гл. 2, ст. 5).

Вотъ—умиленное зрѣлище и доказательство слабости нашего естества! Принесенъ предъ глаза общаго нашего Спасителя одинъ расслабленный, котораго лютаѧ болѣзнь всего лишила движенія такъ, что онъ и той утѣхи не имѣлъ, чтобы могъ другому изъяснить свою болѣзнь. Однако, совсѣмъ тѣмъ сего расслабленнаго почитаю счастливецъ онаго, о которомъ упоминаетъ евангелистъ Иоаннъ (гл. 5). Тотъ тридцать восемь лѣтъ страдалъ сямъ мучительнымъ недугомъ; и во все сіе столь долгое, наипаче больному, время ни одного человѣка не имѣлъ, который бы его расслабленные члены поднялъ и бросилъ въ цѣлительныя воды. Но сей не одного, а и четырехъ нашелъ такихъ благодѣтелей, которые не только его и съ одромъ на свои плеча взяли, но и прокопали верхъ того дома, въ которомъ находился тогда посланный съ небесъ милосердый Цѣлитель, окружаемый множествомъ народа.

Надобно удивляться и благодарить сихъ добрыхъ людей сострадательной благосклонности, но я больше удивляюсь несказанной Христовой благодати, Который не только сего больного исцѣляетъ отъ болѣзни, но и отпускаетъ ему грѣхи. Спасителю Христе! расслабленный просить милосердіе Твое объ отнятіи только недуга: довольно было бы не презрѣть Тебѣ сего единаго прошенія. Но нѣтъ, чтобы истребить дѣло, напередъ истребляетъ Онъ того вину; надобно иссушить источникъ, чтобы удержать текущій оттуда потокъ беззаконія. А отсюда видно, „что болѣзней причиною есть грѣхъ“. Но какъ сіе предложеніе съ перваго вида кажется темно, оное обстоятельство разберемъ настоящею бесѣдою. А Ты, Врачу душъ и тѣлесъ, коснись брэннаго языка моего, и сотвори, да будетъ онъ просить книжника скорописца!

Нѣтъ сомнѣнія, что первый человѣкъ созданъ не больнымъ, но здравымъ и крѣпкимъ. Но не такимъ, скажете вы, чтобы онъ со временемъ не могъ болѣзнями подверженному быть. Подлинно, и я не спорю въ томъ, но опять же не созданъ точно съ тѣмъ, чтобы ему чрезъ всю жизнь разными родами болѣзней мучиться: ибо сіе ни съ благодію Божіею, ни съ правосудіемъ согласить бы было нельзя. Но зачѣмъ же, паки предложить кто, Богъ и далъ такое тѣло, которое болѣзнямъ могло быть подвержено? Да тѣло, какое бы оно ни было,

*.) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ придворной церкви, 1785 года, февраля, 27 дня.

должно быть тѣло, то есть, тлѣнно не противное. А чтобы самую вещь тѣло наше болѣзнямъ было неприступно, для сего довольныя милосердый Творецъ далъ предосторожности. Какія же именно, — для сего взойдемъ мы разсужденіемъ своимъ мало повыше.

Человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души, которыя оба существа имѣютъ свои склонности. Душа, яко чистое духовное существо, стремится до того, что ей предписываетъ разумъ, и единственное наслажденіе находить въ соединеніи съ Богомъ чрезъ добродѣтель. Но тѣлесныя склонности привязываютъ себя къ тому, что пріятно чувствамъ. Тѣлесныя склонности безгрѣшны и безвредны, ежели онѣ управляемы бываютъ разумомъ, и не производятся въ дѣйство, развѣ поколику онѣ не препятствуютъ успѣху добродѣтели. Въ семъ согласіи склонностей тѣлесныхъ съ душевными состоитъ и хранится ихъ благополучіе человѣческое какъ по душѣ, такъ и по тѣлу. Пока сіе согласіе пребываетъ ненарушимо, блаженство человѣческое остается въ своей цѣлости; но когда склонности тѣлесныя преодолѣютъ разума силу, то такой случай есть ударъ, которымъ хижина блаженства разрушается. Преодолѣвающія разумъ склонности называются страстями.

Всякъ теперь видитъ, что первому человѣку, яко разумной и свободной твари, для сохраненія своего блаженства надобно было, всё силы употреблять, не поустить себя побѣдѣмъ быть отъ склонностей чувствъ своихъ противъ закона разума. Ибо, если бы въ немъ сіе равновѣсіе не было нарушено, не было бы въ немъ мѣста страстямъ, слѣдовательно, не было бы приступа болѣзнямъ. Вотъ въ чемъ состояла спасительная и единственная противъ болѣзней предосторожность.

Но какъ въ первомъ человѣкѣ склонности тѣлесныя преодолѣли силу разума, и пріятности, ласкающія чувствамъ, опровергли здравое разсужденіе, чрезъ то тогда же спокойство души нарушено, — открытъ сталъ путь страстямъ, всегда противящимся разуму, и человѣкъ самъ сдѣлался плачевнымъ театромъ сей внутренней войны. вмѣстѣ съ страстями взошли пороки, а съ пороками различныя напасти и болѣзни, болѣзни приводятъ тѣло въ слабость, а скорби и напасти и совѣмъ сокрушаютъ. Такъ, вотъ, и видимъ печальное начало не токмо болѣзней, но и самой смерти.

Сіе разсужденіе есть непринужденное. Ибо и нынѣ чѣмъ больше кто противится страстямъ, тѣмъ меньше тернить болѣзней. Многіе пустыяники, которые всѣми силами поработали страсти свои, безъ дальнихъ болѣзней свою препровождали жизнь, и умирали такъ спокойно, какъ зрѣлое яблоко безъ всякаго принужденія и рванія само собою спадываетъ со стебля. Но чѣмъ больше кто отдаетъ себя порокамъ, тѣмъ множайшими страждетъ недугами. Не самый ли повсе-

дневный опыт доказываетъ, сколько пропадаетъ отъ пьянства, какими болѣзнями поражаетъ блудоуѣйственная страсть,—сколько случается припадковъ отъ неумѣреннаго гнѣва или отъ зависти,—сколько расслабляетъ праздность,—сколько вредятъ здравію человѣческому неумѣренныя труды, излишнія заботы, печали, клеветы и обиды другихъ; сколько поядаетъ людей война, которая съ одной стороны всегда бываетъ несправедная? Какъ есть неисчислимое множество страстей: такъ столько же есть и причинъ болѣзней. Кто убо не признается, что изъ сего источника простекли различныя болѣзни, расслабленія, подагры, эпилепсін, горячки, трясотицы, чахотки и прочія, которыхъ всѣхъ только исчислить еще до сихъ поръ лекари не могутъ.

И сіе-то сократило и сокращаетъ нашъ вѣкъ такъ, что многія животныя въ томъ берутъ у насъ преимущество. Ахъ, какимъ слабостямъ подвергъ себя человѣкъ! Боже праведный! на сей ли конецъ Ты создалъ сію бѣдную тварь? Никакъ, „Тебѣ, Господи, правда, а намъ стыдъ лица“ (Варух. 1, 15). „Прииде кротость на ны, и накажемся“ (Псал., 89, 10). Когда воображаю всѣхъ въ свѣтѣ больныхъ, тогда представляется мнѣ пространнѣйшее поле убиенныхъ или еще убиваемыхъ отъ междоусобной войны, какая есть между разумомъ и страстями.

Но можетъ кто, въ противность разсужденію сему, предложить оное Христово слово, которое сказалъ Онъ о слѣдпорожденномъ: „Ни сей согрѣши, ни родителя его, яко слѣвъ родися“ (Іоан., 9, 13). Или, когда, напримѣръ, слуга, стоя у кареты, отзнобитъ себѣ руки и ноги, чѣмъ бѣдный слуга согрѣшилъ? На сіе отвѣтствовать надлежитъ, что не изыскиваемъ мы здѣсь партикулярныхъ (особенныхъ) причинъ всякой болѣзни: ибо и очень можетъ статься, что одинъ будетъ имѣть болѣзнь, а другой будетъ виноватъ въ томъ: какъ, напр., причиною болѣзни помянутаго слуги есть немилосердый поступокъ господина его. Не изыскиваемъ мы здѣсь сего, не говоримъ о первоначальной и общей всѣхъ болѣзней причинѣ, за какую, безъ сомнѣнія, поставляемъ свирѣпствующую силу страстей. Такъ перестань же въ болѣзняхъ роптать ты, человѣкъ; почти съ благоговѣніемъ Создателяво правосудіе и признай, что „кійждо плѣнницами своихъ грѣховъ связуется“. Почему основательно христіанское богословіе учитъ, что, ежели бы человѣкъ же подвергъ себя страстямъ, не былъ бы подверженъ болѣзнямъ, слѣдовательно, не былъ бы плѣненъ смертію. Ибо причиною разрушенія не можетъ быть, развѣ противныхъ брань, какая брань внутри насъ есть между страстями и разумомъ.

При семъ не оставимъ безъ примѣчанія и то, что, по разсужденію церковныхъ учителей, Богъ не попускаетъ быть злу, развѣ съ намѣреніемъ нѣкое отсюда произвести добро, не такъ, чтобы зло

мог. о быть причиною добра; никакъ, но премудрость Божія, и самый случай зла обращаетъ въ добро. Болѣзней, напримѣръ, самихъ чрезъ себя не можно назвать добромъ; но и чрезъ нихъ Богъ приводитъ человѣка въ признаніе слабости своей, умирятъ его гордыя мысли, разрушаетъ дерзкіе замыслы, возбуждаетъ въ немъ размышленіе о будущей безболѣзненной жизни, и увѣряетъ о безсмертіи души, которая въ средія самихъ болѣзней нѣкое отъ сокровенныя благія надежды чувствуетъ утѣшеніе. А притомъ нѣкогда болѣзни служатъ, „да явятся дѣла Божія чрезъ нихъ“ (Іоан., 9, 3), какъ и дѣйствительно оказалось на всѣхъ чудесно исцѣленныхъ больныхъ въ Евангеліи упоминаемыхъ и на разлабленномъ нынѣшнемъ.

Открыли мы настоящею бесѣдою раны свои; не оставимъ же присемъ случая изыскать и средства къ излѣченію оныхъ. Лѣкари много изыскиваютъ способовъ къ уменьшенію болѣзней, хотя не безъ того, что нѣкогда и они сами умножаютъ болѣзни. Намъ въ то входитъ нужды нѣтъ. Одинъ изъ прочихъ къ предохраненію отъ болѣзней способъ весьма у лѣкарей есть употребителенъ и дѣйствителенъ, „діета“, то есть, воздержаніе отъ нѣкотораго рода пищей. Сей способъ никогда неоспоримъ, когда предписываютъ его лѣкари; но много спорятъ, когда предписываетъ его Церковь. Лѣкарямъ вѣрятъ, но Церкви не вѣрятъ въ одной и той же матеріи: ибо Церковь, опредѣляя посты, тоже или очень сходное имѣла намѣреніе, какое имѣютъ лѣкари, предписывая діету. А ежели есть какое различіе, то сіе, что лекари больше смотрятъ отнятіе болѣзни, Церковь—усмиреніе страстей. Но поелику сказано, что страсти суть причина болѣзней, то лѣченіе болѣзней надобно начать отъ лѣченія страстей.

Не почитаю же я за постъ, чтобы не ѣсть яствъ сихъ, а объѣдаться другими; но чрезъ постъ разумѣю воздержаніе отъ всякихъ яствъ растворенное духовнымъ Богомыслия брашномъ и услажденное солюю благодати. И для того имѣть бы всегдашнее воздержаніе; но, понеже сіе по слабости нашей не возможно, Церковь опредѣлила воздержаться хотя въ нѣкоторые пристойные къ тому дни отъ яствъ, кои наипаче пріятны нашимъ чувствамъ. Тогда торжествуетъ разумъ, когда не жертвуемъ страстямъ; тогда чистится мысль, когда не утучняется плоть. И смотри притомъ снисхожденіе Церкви: не всѣ отъ насъ въ постъ отнимаетъ яства, но только кровавыя, которыя и безъ поста ѣсть ли или не ѣсть, о томъ многіе на обѣ стороны разсуждали, и еще разсуждаютъ.

Сіе неяденіе само чрезъ себя было бы ничто, ежели бы оно къ чему лучшему не приводило насъ. „Ниже бо аще ямы, избыточествуемъ, ниже аще не ямы, лишаемся (I Кор., 8, 8), то есть, когда

Видимъ, ничего добродѣтели чрезъ то намъ не прибудеть; и когда не будемъ, ничего не убудеть. Почему, дабы неядѣніе имѣло свою пользу, надобно, чтобы оно соединено было въ молитвою. Чрезъ молитву и разумію отведеніе себя отъ многихъ заботъ, отъ унынія, происходящее изъ того спокойство мыслей, и возношеніе внутренняго ока къ несозданному свѣту. Такимъ образомъ расположенная мысль въ тайнѣ бесѣдуетъ съ Богомъ, и наслаждается понятіемъ чистыхъ истинъ, Ежели постъ нашъ съ симъ соединенъ будетъ, тогда самимъ дѣломъ исполнится на насъ Христово слово: „сей родъ“, то есть, родъ различныхъ страстей и болѣзней, „ничимже изгонится, развѣ токмо молитвою и постомъ (Мате., 17, 21).

Но со всемъ нашимъ старательствомъ и осторожностію не можемъ мы здѣсь быть безъ всякихъ страстей: такъ не можемъ же быть и безъ всякихъ болѣзней. Всякъ изъ насъ имѣетъ нужду съ Давидомъ говорить: „немогъ есмь: изцѣли мя Господи, яко смятошася кости моя, и душа моя смятеса зѣло: и Ты, Господи, доколѣ“ (Псал., 6, 3—4)? Почему надобно часто взирать къ нестарѣющей вѣчности и къ неболѣзненному животу, и памятовать оныя Павловы утѣшительныя слова: „сѣтеса“, то есть, повергается во гробъ тѣло наше „въ тлѣніи, востае въ нетлѣніи: сѣтеса не въ честь, востае въ славѣ: сѣтеса въ немощи, востае въ силѣ“ (I Кор., 15, 42—43). То есть, въ воскресеніе праведныхъ тѣла наши уже никакимъ не будутъ подлежать страстямъ, никакими не будутъ страдать болѣзнями, не будутъ подвержены младенческимъ слабостямъ, будутъ же удалены и отъ дряхлой старости; но всегда—крѣпки, здравы, и въ полномъ цвѣтѣ неувядаемой красоты—и тамъ-то уже, въ будущей, говорю, жизни совершенно будетъ доказано, что гдѣ нѣтъ грѣха, тамъ нѣтъ и болѣзней. Аминь.

Слово въ недѣлю четвертую Великаго поста *).

(О МОЛНТВѢ).

„Сей родъ ничимже можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ“.

(Марк., гл. 9, ст., 29).

Нынѣ чтенная Евангельская исторія описываетъ ужасное страданіе одного бѣснуемаго человѣка, который, кромѣ того, что глухотою и нѣмотою былъ связанъ, разбивалъ себя на всякомъ мѣстѣ, изо рта точилъ пѣну, скрежеталъ зубами, вдругъ окаменѣвалъ много, разъ

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ придворной церкви, 1765 года, марта 13 дня.

бросался въ огонь, много разъ въ воду. Какая лютая болѣзнь! Боже мой! гдѣ—оная красота, которую Ты вліялъ въ разумную тварь Твою? Гдѣ—оний блаженный конецъ, для котораго созданъ человекъ? Кто въ священную пшеницу Твою всѣялъ такіе плевелы? Но „судьбы Твоя, Господи, „бездна многа“ (Псал., 35, 7). Мы почитаемъ молчаніемъ пути тайныхъ Твоихъ премудрыхъ дѣйствій. Легче взвѣсить огня тягость, или измѣрить дыханіе вѣтра, или возвратить прошедшій день, нежели проникнуть въ оную бездну Божіихъ судьбъ, опредѣленныхъ отъ самой вѣчности. Да и нужды нѣтъ въ такихъ вещахъ давать волю стремительному любопытству нашему. Довольно намъ увѣреннымъ быть, что Вышній всѣ Свои дѣла располагаетъ „числомъ и вѣсомъ и мѣрою“, все управляетъ премудро. Притомъ, видя болѣзнь, видя страданіе то на другихъ, то на самихъ себѣ, довольно признать слабость свою и повинность свою, довольно для насъ сего. А когда еще хотимъ знать, какъ предохранять себя или избавляться отъ такихъ печальныхъ случаевъ, вотъ милосердый Спаситель, предваряя желаніе наше, встрѣчаетъ насъ съ дѣйствительнымъ врачевствомъ: „сей родъ“,—говорить Онъ,—знайте, что „ничимже можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ“. О постѣ прежде нѣсколько говорили мы: теперь побесѣдуемъ о *молитвѣ* и объ околичностяхъ ея. А Ты, просящихъ надежда, Боже, исцѣли языкъ и уши наши, чтобы слышать и возвѣщать истину Твою среди священнаго храма Твоего.

Въ Христовомъ словѣ подъ именемъ молитвы заключается все то, что надлежитъ до богослуженія, а именно, всякія прошенія, благодаренія, славословія, богомыслія и всякое честное упражненіе, ведущее насъ къ добродѣтели, слѣдовательно, и къ Богу. Много надобно бы было времени, ежели бы о всемъ томъ говорить обстоятельно. И для того возьмемъ мы теперь молитву въ семь только разсужденій, поелику она есть возношеніе мысли нашей къ Богу съ прошеніемъ отъ него душеполезныхъ благъ.

Сія молитва есть или внутренняя, или внѣшняя. Но дѣйствительна есть одна только внутренняя, ибо внѣшняя или наружная безъ внутренней не такъ есть молитва, какъ богомерзкое лицемѣрство. Внутренняя можетъ быть безъ внѣшней, но не можетъ быть внѣшняя безъ внутренней; при внутренней молитвѣ не должно пренебрегать и внѣшнюю. Ибо, кромѣ того, что не возможно, чтобы внутренняя горячесть духа не оказала себя чрезъ нѣкіе наружные знаки, какъ, напримѣръ, почти нельзя, чтобы отъ крѣпкаго сокрушенія сердца не потекли слезы, или не открылось бы дыханіе; кромѣ сего, говорю, наружные знаки благочестиваго моленія много полезны быть могутъ къ возбужденію другихъ, а иначе, когда молитва отправляется въ собраніи общемъ. Однако, со-

всѣмъ тѣмъ сердце прежде, нежели тѣло да преклоняетъ колѣна свои; сердце прежде, нежели руки да возносятся къ Богу; сердце прежде, нежели очи да точатъ слезы; сердце прежде, нежели одежда да раздирается; сердце прежде, нежели языкъ да бесѣдуетъ.

„Но Богъ и прежде прошенія нашего знаетъ нужды наши, такъ не для чего и просить Его о томъ“—можетъ, скажетъ кто. На что надлежитъ отвѣтствовать, что для того-то и надобно просить Бога, что знаетъ Онъ всѣ нужды наши. Подлинно, вѣдаетъ Отецъ небесный и прежде прошеній нашихъ, чего мы требуемъ (Матѣ., 6, 8), но, притомъ, вѣдаетъ и то, кому что надлежитъ дать. А въ разсужденіи сего часто человѣкъ не получаетъ того, что онъ получилъ бы, ежели бы усердною молитвою предварилъ всегда склонную къ благодѣтельству волю Создателя. Богу равно желательно,—какъ дать тебѣ вещь просимую, такъ и видѣть твое сердце, склонное къ принятію. И Онъ даетъ, яко премудрый, и ты долженъ принять, яко тварь разумная.

Но, притомъ, знать надлежитъ, чего намъ надобно отъ Бога просить: ибо, по словамъ Апостольскимъ, „о чемомъ помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы“ (Римл., 8, 26). Столь недостаточны сами чрезъ себя понятія наши, что мы часто полезнаго для насъ не узнаемъ. Суть такія вещи, которыя всегда насъ пользуютъ; какъ, на примѣръ, любовь и страхъ Божій, добродѣтель, спасеніе наше. Такихъ благъ должны мы просить отъ Бога безъ всякаго сомнѣнія и со дерзновеніемъ приступать къ престолу благодати. Но суть же и такія вещи, которыя намъ не всегда полезны быть могутъ, за какія должно почестъ: богатство, честь, здравіе, долговременную жизнь; не такъ, чтобы онѣ сами чрезъ себя были вредны; никакъ; но бываютъ такими, когда на зло употреблены будутъ. Почему, какъ Богъ благая сія даетъ часто и злымъ людямъ, слѣдуетъ, чтобы мы не излишне къ нимъ себя привязывали; дать же и добрымъ людямъ, чтобы мы ихъ не презирали.

Сихъ благъ не можемъ мы отъ Бога просить иначе, развѣ и самое прошеніе наше отдавая въ Его святую волю. Пускай такъ будетъ, какъ видятъ премудрость Его, и какъ угодно Ему; хотя бы то казалось и тягостно желаніямъ нашимъ. Мы какъ не можемъ проникнуть въ темноту союза вещей, такъ же не можемъ узнать, что изъ сего послѣдовать имѣетъ. Неплодная Рахиль съ горячію желала имѣть сына; вначѣ хотѣла умереть, а не предвидѣла бѣдная, что рожденіе сына будетъ причиною смерти ея (Быт., гл. 30). Голодные ученики Елисеѣвы сѣли за столъ, и вмѣсто того, чтобы насытить себя, примѣтили въ поставленномъ сосудѣ вредную пищу и поэтому къ Пророку возопили: „Смерть въ конобѣ, человѣче Божій“ (4 Царств., 4, 40). Такъ часто и мы просимъ того, что и намъ получить не полезно и Богу дать не пристойно.

Мы предъ Богомъ - младенцы. А младенецъ часто просить ножа, часто горячаго угля, но милосердая родительская утроба сіе отъ него удаляетъ, несмотря на младенческія бесполезныя слезы. Неотмѣнно получимъ мы отъ Бога или доброе, котораго часто не просимъ, или не получимъ худое, чего нерѣдко просимъ. И оттого, какъ о полученіи первыхъ благихъ, то есть, добродѣтели и спасенія, сомнѣваться мы не можемъ, такъ не должны роптать, ежели не получимъ другихъ. Въ первомъ случаѣ будемъ мы прославлять благость Его, а во второмъ—премудрость Его. Когда получимъ что, будемъ проповѣдывать милосердіе Его; а когда не получимъ, съ благоговѣніемъ почтимъ Его правосудіе. Такимъ образомъ, и полученіе благъ и лишеніе—оныхъ равно насъ пользуетъ будутъ.

А отсюда видимъ спасительное дѣйствіе молитвы. Руководствомъ ся мы находимъ въ Богѣ удовлетвореніе всѣхъ своихъ требованій, что сего можетъ быть полезнѣе? Мы чрезъ нее бесѣдуемъ съ Богомъ; что сего пріятнѣе? Мы чрезъ нее связуемся съ совершеннѣйшимъ добромъ; что сего для блаженства человѣческаго нужнѣе? Какъ скоро гласомъ молитвы нашей ко Господу воззовемъ—и Онъ съ высоты жилища Своего къ моленію нашему Свое преклоняетъ уху. „Гласомъ моимъ ко Господу возвахъ, и услыша мя отъ горы святыя Своея“ (Псал., 3, 5). Ничѣмъ мы за то благодарителю Сему заплатить не можемъ, да и не требуетъ Онъ отъ насъ ничего, кромѣ благодарности. „Рѣхъ Господеви: Господь мой еси Ты, благихъ моихъ не требуещи“ (Псал., 15, 2). „Благослови убо, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя: и не забывая всѣхъ воздаяній Его, исполняющаго во благихъ желаніе Твое“ (Псал., 102, 1, 2, 5).

Но какъ не всѣ получаютъ прошенія свои, поэтому надобно разсудить, какимъ образомъ намъ молиться надобно. Молиться надобно, во-первыхъ, со вниманіемъ и сердцемъ больше, нежели языкомъ, чтобы не было, какъ сказано, и о насъ оное непріятное слово: „сіи люди устами Мя чтуть, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене; всуе же чтуть Мя“ (Матѣ., 15, 8—9). Знать, что такую сердечную молитву имѣлъ Моисей. Онъ молчалъ, устами ничего не произнося, но въ самое сіе время Богъ ему говоритъ: „Моисее! что вопіеши ко Мнѣ“ (Исх., 14, 15)? Боже духовъ! Моисей молчитъ; но Тебѣ единому открытъ сокровенный вопль человѣческаго сердца.

Подобной сердечной молитвы, славнѣйшій примѣръ показываетъ намъ Святое Писаніе на Аннѣ, Самуила пророка матери (1 Цар., гл. 1). Святая жена сія, будучи бесплодна, горькое за то отъ всѣхъ терпѣла поношеніе. Этого чтобы избѣить, прибѣгаетъ къ Тому, Который бесплодныя разверзаетъ утробы и дѣлаетъ матерью, о чадѣхъ веселя-

щеюся. Прибѣгаетъ, говорю, Анна въ сокрушенномъ сердцѣ и во умилениомъ духѣ въ храмъ Господень; очи свои устремляетъ на алтарь, сердце же свое пускаетъ на небо, или и выше неба—къ Богу. Что же потомъ? Сердцу своему отдаетъ и гласъ и языкъ, чтобы такъ съ Самимъ бесѣдовать Богомъ; вопіетъ Анна, а гласа не слышно; бесѣдуетъ Анна, а языкъ не движется. „И та глаголаше, де, въ сердцѣ своемъ; устѣ Аннины,—говорить похваляя слово Божіе,—движастеся, а гласъ ея не слышашесе“. Что это за вопль съ молчаніемъ? Что это за молитва съ такою чудною тихостію? А это—то, что Анна молилась не такъ языкомъ, какъ сердцемъ. Говоритъ она сама: „изливаю предъ Господомъ душу мою“ (1 Цар., гл. 1). Сердце у нея вопіетъ, и этотъ вопль чувствуетъ Анна, а слышитъ Богъ. О, сердце, жаръ котораго Анну въ такой восторгъ приводилъ! О, молитва, которая такъ тѣсно связываетъ съ Богомъ! Вотъ, живой молитвы примѣръ! Надобно намъ стыдомъ и срамотою пораженнымъ быть, когда подумаемъ о молитвахъ своихъ. Сколько предъ собою раскладемъ мы книгъ, сколько наговоримъ словъ, сколько лицемѣрныхъ воздыханій, сколько проворныхъ поклоновъ, а при всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ никакого не чувствуемъ въ себѣ сокрушеннаго удара. Читаемъ много молитвъ, да такъ, какъ бы бездушное тѣло, или какъ бы на нѣсколько часовъ заведенный языкъ. Хотемъ, чтобы Богъ видалъ молитвъ нашей, когда ей не внимаемъ сами мы. Ежели какая, то, по истинѣ, сія молитва обращается въ грѣхъ. И такъ надобно молиться сердцемъ больше, нежели языкомъ.

Но, притомъ, молиться надобно съ признаніемъ недостатковъ своихъ, съ признаніемъ грѣховъ своихъ, и съ намѣреніемъ исправленія своего. Надобно напередъ признать свою скудость, чтобы получить благодати богатство. Нельзя тому ожидать грѣховъ прощенія, который притомъ думаетъ, чтобы ему отъ грѣховъ не отстать никогда. „Взыщите Господа,—вопіетъ Исаія пророкъ,—и егда обряцете Его, призовите: егда же приблизится къ вамъ, да оставитъ нечестивый пути своя, и мужъ беззаконенъ совѣты своя, и да обратится ко Господу и помилуванъ будетъ“ (Ис., 55, 6—7). Недостатокъ же признанія и намѣренія сего былъ причиною, что принесенный отъ Израильтянъ въ жертву семидаль, то есть, самую чистую муку, почиталъ Богъ суетнымъ, кадило—мерзостію, и самаго тучнаго тельца—псомъ. Но скажетъ кто, что мы грѣшны всѣ, и „грѣшниковъ Богъ не послушаетъ“ (Іоан., 9, 31). Подлинно такъ, ежели въ грѣхахъ своихъ ни признанія, ни исправленія, ни отвращенія, ни стыда имѣть не будемъ. Богъ не послушаетъ; не такъ, что бы Онъ не готовъ былъ всегда помиловать тебя, но въ сердцѣ твоемъ, въ которомъ царствуетъ, съ нераскаяніемъ, порокъ,—не можетъ имѣть мѣста благодать.

Впрочемъ, не оставимъ безъ разсужденія и то, когда и гдѣ молиться надобно. Что касается до времени, Апостоль говоритъ: „непрестанно молитесь“ (1 Сол., 5, 17). А непрестанно молиться—это всегда готовое къ молитвѣ имѣть сердце, всегда къ молитвѣ быть расположенному. Расположеніе сіе зависитъ отъ того, чтобы всегда въ честныхъ себя содержать упражненія. „Аще ясте, аще пиете, аще ино что творите, вся во славу Божию творите“ (1 Кор., 10, 31).

Но особенное молитвѣ время, когда какое-либо Божіе къ себѣ благодѣяніе чувствуемъ, или прежде полученное воспоминаемъ, или усматриваемъ слабости и скудости наши, или неправедныя претерпѣваемъ гоненія; въ такихъ случаяхъ всякъ имѣеть нужду съ Давидомъ говорить: „возведохъ очи мои въ горы, отнюдуже придетъ помощь моя. Помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю“ (Псал., 120, 1—2).

Когда святое Евангеліе не похваляетъ долгихъ молитвъ, то не потому, чтобы они сами чрезъ себя были порочны, не буди то (Матѣ., 6); но когда употребляются лицемерно, и когда кто думаетъ, что онъ уже тѣмъ Бога много одолжилъ, что нѣсколько прочелъ молитвъ, хотя бы, притомъ, внутри себя не чувствовалъ ни единого сокрушеннаго удара.

Что же надлежитъ до мѣста молитвы, о томъ Апостоль учитъ такъ: „хочу, да молитвы творять мужіе на всякомъ мѣстѣ, воздѣюще преподобныя руки“ (1 Тим., 2, 8). Почему, хотя и дома, да и на всякомъ мѣстѣ можно молиться Богу, но съ большею пользою и пристойностію можно молиться во храмѣ, гдѣ общее всѣхъ собраніе бываетъ, гдѣ совершаются тайны, и всѣхъ, яко едиными, устами общій Владыка прославляется.

И поэтому божественный Давидъ обыкновенно пѣвалъ: „Возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдѣмъ“ (Псал., 121, 1). Для чего бы тебѣ, Давиде святой, такъ радостно было домъ Господень посѣщать? Понеже, говоритъ, „тамо взыдоша“, то есть собираются, „колѣна колѣна Господня, свидѣніе Израилево, исповѣдатися имени Господню“ (Псал., 121, 1—4).

Разсуждая все сіе, чье сердце къ молитвѣ не будетъ возбуждено, а иначе, когда къ тому присоединимъ благодѣянія Божія, которыми мы всякій день наслаждаемся? Божія, вотъ, милосердія дѣло, что мы симъ свѣтомъ дня просвѣщаемся, ходимъ, другъ съ другомъ бесѣдуемъ, привѣтствуемъ, пришедши въ домъ, видимъ, что благодать Его уготовала дать намъ нищу во благовременіи. Сіе не дѣйствительно-ли возбудить, чтобы мы въ самый тотъ часъ, какъ освѣтились бы днемъ, спѣшили поклониться Солнцу правды?

Однако, со всёмъ тѣмъ, чтобы нынѣшнее разсужденіе наше имѣло свою силу, надобно внутреннее Духа Святаго дѣйствіе: и для того молимся Тебѣ, Отче небесный! Ты Самъ научи насъ молиться, имъ же вси судьбамъ. Аминь.

Слово во святой и Великій пятокъ *).

(ОБЪ ИСТИНѢ).

„Азъ на сіе родихся и на сіе приидохъ
въ міръ, да свидѣтельствую истину“.

(Іоанн., гл. 18, ст. 37).

Слыша сіи слова, которыя произноситъ Сама Истина, долженъ міръ неслышанно возрадоваться, предуготовить сердце свое къ принятію столь неоцѣннаго сокровища и благодарить неизреченное Божіе милосердіе, „яко не по беззаконіемъ нашимъ сотворилъ есть намъ, ниже по грѣхомъ нашимъ воздалъ есть намъ“ (Псал., 102, 10). Но— о, нечаяннаго и ужаснаго случая! Какъ только родилась Истина, тогдаже Иродъ смутился и весь Іерусалимъ съ нимъ (Матѣ., 2, 3). Пришла въ міръ Истина; и міръ Ее не позналъ. Вознесла любезный Свой гласъ Истина; и всѣ начали, затыкая уши, говорить: „что сей тако глаголетъ хулы“ (Марк., 2, 7)? И для того жалуется Истина: „Господи! кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся (Ис., 53, 1)? Почему и не знаю я, чему здѣсь больше удивляться надобно? Божіему ли крайнему снисхожденію, или человѣческому неслышанному ослѣпленію? Истинѣ ли, гонимой даже до смерти, или человѣку, гонящему даже до потери послѣдняго чувствія? Ахъ, міръ неблагодарный! И такъ ли ты принимаешь Истину? вмѣсто того, чтобы скрыть Ее во внутренности души своей, скрываешь ты Ее въ темнотѣ подземнаго гроба. Напрасно же Ты и приходила въ міръ, любезная Истина! Сидѣть было Тебѣ при молніелучномъ престолѣ славы несозданная, а сойти было въ міръ Божіему величепрїятному правосудію, и обличить его, всею строгостію, во ослѣпленіи и жестокосердіи. Но—„ей, Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою“ (Лук., 10, 21). Больше есть милосердіе Твое, нежели злоба наша. Выше есть премудрость Твоя, нежели сколько слабая мысль наша понять можетъ!

Сошла съ небесъ Истина и, сотканную отъ премудрости Божіей плоть на Себя надѣвъ, міръ сей посѣтитъ благоволила. Посмотримъ же,

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви, 1865 года, апрѣля, 1 дня.

какъ міръ истину принялъ и принимаетъ? А Ты, сошедшая съ небесъ и умолкшая на крестѣ Истина, оживи теперь во устахъ нашихъ, да видить міръ, что гласъ пролитыя крове Твоея не умолкаетъ никогда!

АЗЪ НА СІЕ РОДИХСЯ, И НА СІЕ ПРИДОХЪ ВЪ МІРЪ, ДА
СВИДѢТЕЛЬСТВУЮ ИСТИНУ.

Когда надобно міру засвидѣтельствовать истину, слѣдуетъ, что міръ или не зналъ истины, или отвергалъ истину, или содержалъ истину въ неправдѣ, то есть, лицемѣрилъ. Самъ, нынѣ нами проповѣдуемый, истины Страдалецъ говоритъ, что Онъ имѣетъ духъ, которымъ отличить міръ, „о грѣхѣ и о правдѣ и о судѣ“ (Іоанн., 16, 8). Сей міра грѣхъ былъ крайнее міра развращеніе.

Подлинно, человѣкъ созданъ по образу Божию и по подобію; но напослѣдокъ—въ сей, по образу Божию созданной, твари не можно было усмотрѣть ни слѣдовъ образа Божія, но нѣкоторый страшный мракъ, которымъ покрывшись, блудила по стезямъ непроходимымъ. Истинное богопочтеніе было опровергаемо или безбожіемъ, или многобожіемъ, или суевѣріемъ, или лицемѣріемъ. Порокъ преодолѣвалъ добродѣтель: пріятное предпочитаемо было полезному, а полезное нужному; прибытокъ ругался честности, и наружная красота за ничто ставила внутреннюю доброту; искренность ласкательствомъ была уничтожаема, и безразсудная смѣлость имѣла верхъ надъ истиннымъ великодушіемъ. О настоящей пользѣ было нерадѣніе; а о томъ, что кидалось въ глаза, излишнія заботы; въ судахъ присутствовала несправедливость, а дружескія обхожденія опорочены были хитростями; въ пріобрѣтеніи собственной чести и славы доходили до свирѣпостей безчеловѣчныхъ, а общее блаженство почиталъ всякъ для себя ненадобнымъ. Кратко: всѣмъ управляли чувства, а разумъ былъ опроверженъ и совѣтъ насильствована. Сіе рода человѣческаго развращеніе было причиною, что преславныя имперіи, цвѣтуція республики и знаменитыя правительства разорились и погибли. Сколько ни было издаваемо законовъ, сколько ни было употреблено строгостей, но не могли удержать нагло текущій потокъ беззаконій; и скорѣе сами законы чрезъ злость человѣческую истребились, нежели, чтобы она чрезъ законы истребиться могла.

Разсужденіе сіе тѣмъ меньше сомнительно, что оно повселеннымъ опытомъ доказывается. А ежели бы кто сего не усматривалъ, то сіе было бы новымъ доказательствомъ развращенія человѣка, который, со всѣми своими недостатками, думаетъ, что онъ совершенъ.

Оставимъ мы теперь изыскивать, откуда сіе поврежденіе взяло свое начало, а только непосредственно отсюда заключимъ *первое*

что Богъ, яко преблагій, всего сего причиною быть не можетъ. Второе, что Онъ же, яко премилосердый, въ семь заблужденіи насъ оставить не хочетъ. Къ отвращенію сего, кажется, даровалъ Онъ самый свѣтъ разума и здравую философію; но разума свѣтъ, какъ видѣли мы, былъ потемнень, и философія непристойнѣйшими мнѣніями была опорочена. А хотя и промелькала въ вѣкоторыхъ свѣтлый лучъ разума; но онъ не доволенъ былъ преодолѣть оную тьму, которая покрывала всю вселенную. Были, подлинно, отъ начала міра богодухновенные мужи, были пророки, были и въ самомъ язычествѣ просвѣщенные люди, но сіи капли животной воды пожирала бездна пороковъ. Почему самая бѣдность рода человѣческаго, казалось, вопіяла къ Богу, чтобы Онъ Самъ ту тварь, которую создалъ, какъ она была ничто, помиловалъ, какъ она же предъ Нимъ по добродѣтели стала ничто.

Дошелъ вопль до небесъ, подвиглась милосердая Божія утроба, и посредствомъ безконечной премудрости самая предвѣчная Истина сходитъ на землю, принявъ на Себя покрывало человѣческаго естества, дабы предъ самыя наши чувства путь спасенія представить. Сынъ Божій Августѣйшую сію, чтобы быть избавителемъ человѣческаго рода, на Себя пріемлетъ должность. Міръ никогда не можетъ видѣть великолѣпнѣйшаго и милосерднѣйшаго Божіаго дѣйствія, какъ есть сіе Сына Божія на землю посольство.

Сей истинный Проповѣдникъ, Который пришелъ въ міръ, чтобы засвидѣтельствовать истину, открылъ на землѣ Свою небесную философію и чистѣйшее ученіе, какого родъ человѣческой никогда ни отъ кого слышать не могъ. Показалъ, въ чемъ состоитъ истинное человѣческое блаженство, и оное поставилъ въ ничетѣ духовной, въ слезахъ и смиреніи, въ кротости и милости, въ гоненіи и поношеніи, что со всѣмъ противно было мудрствованіямъ міра сего. Изъяснилъ понятіе о добродѣтели и порокахъ, и ихъ подлинности повелѣлъ искать не въ наружныхъ дѣлахъ, но въ самыхъ намѣреніяхъ и мысляхъ внутреннихъ, протолковалъ, какая противность между Богомъ и міромъ, между истинною и ложью, между добромъ и зломъ, опровергъ богомерскія суевѣрства и лицемѣрія, обличилъ человѣческой родъ въ жестокосердіи и въ безмѣстнѣйшихъ заблужденіяхъ, увѣрилъ о несказанныхъ будущей жизни благахъ, и объявилъ, что Онъ есть посланный, для избавленія міра, Спаситель. Кто бы могъ подумать, чтобы сіе столь высокое и непорочное ученіе міръ презрѣлъ и отвергъ? Однако, со всѣмъ тѣмъ небесный Посланникъ и великаго совѣта Ангелъ „во своя приде, и свои Его не пріяша“ (Іоанн., I, 11).

Іудей, коихъ предкамъ и потомству неоднократно обѣщанъ Мессія, избавитель міра, Его пришедшаго не познали, не приняли, отвергли

почли за лъстеца и гнали даже до смерти. Напоследокъ, просьбами своими, оклеветаніями и угроженіями склонили Понтійскаго Пилата, чтобы онъ неповиннаго Иисуса осудилъ на безчестнѣйшую крестную смерть. Ходатай Бога и человѣковъ, призвавъ въ свидѣтели небо и землю, по принесеніи небесному Отцу самыхъ горячихъ молитвъ, которыми вручалъ Ему вѣрующахъ, по претерпѣніи всякихъ ругательствъ и по изліяніи всея крове, вознесенъ на крестъ и пригвожденъ на немъ. Вотъ, видимъ перваго за истину Мученика! видимъ и ужасаемся. Ибо самой Истинѣ заграждены уста, и умолкла Та, Которая есть веселіе Ангеловъ. Ужаснися небо, и вострепещи земле! благовременно ты, солнце, померкаешь, и ты, луна, прелагаешься въ кровь. Да и Ты, Отче небесный, оставилъ Истину безъ защищенія! Она къ Тебѣ съ креста вопіеть: „Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ“ (Матт., 27, 46)? Но судьбы Твоя, Господи, бездна многа. Осужденная Истина сколь много осуждаетъ насъ, столь больше прославляетъ милосердіе Твое.

Видимъ мы теперь, слушатели, окончаніе происшествія, какъ истина принята отъ Иудейскаго рода, отъ возлюбленнаго Израиля, отъ первороднаго Сына. Мы не можемъ ихъ осудать, чтобы вмѣстѣ не осудить и самихъ себя. Ихъ печальному примѣру подражаетъ міръ. Какъ тамъ Иуда Истину продалъ, архіереи Ее предали, народъ кричалъ: „распи, распи“ (Лук., 23, 21), воины, ругаясь, сплетали Ей терновъ вѣнецъ; Пилатъ самый разбой предпочель Ей. Такъ, а не иначе и вездѣ истину принимаютъ. Изъ алтаря выгоняетъ ее неблагочиніе и скверный священниковъ прибитокъ; а изъ храма безстрашіе христіанъ и холодная молитва, до великихъ домовъ не допускаетъ ее ласкательство; а вшущенную презираетъ гордость, или пренебрегаетъ невѣжество; до судебныхъ мѣстъ не даетъ ей приступу мздоимство; отъ купеческихъ лавокъ отгоняетъ обманъ, а простые дома давно уже заняты ссорами, грабительствомъ и пьянствомъ. Нѣтъ нигдѣ истинѣ мѣста, или и есть, но въ темницахъ, въ изгнаніяхъ, на крестахъ, во гробѣ. Когда такимъ образомъ міръ гонитъ истину, не должно думать, что онъ гонитъ только пустое имя; нѣтъ, гонитъ онъ Бога, Который есть самая истина; онъ паки распинаетъ Христа, главнѣйшаго истиннаго проповѣдника. И потому надобно опасаться грѣшной душѣ, что, праздноя теперь смерть Христову, она не есть ли сама причина смерти сея?

Но понеже міръ своего права и доселѣ не перемѣнилъ, всегда одинаковъ или, можетъ, и хуже становится; такъ, кажется, напрасно въ міръ и приходила Истина. О, да не будетъ сіе! Кровь пролитой Истины во многихъ душахъ изобильный произрастила плодъ. Свидѣтельствуеть то Сама о Себѣ Истина: „Аминь, аминь глаголю вамъ: аще зерно пшенично падъ на земли не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ,

многъ плодъ сотворить“ (Іоанн., 12, 24). Отъ сего благословеннаго сѣмени сколько возрастъ благочестивыхъ на ей, сколько просвѣщенныхъ пастырей, сколько добродѣтельныхъ мужей, сколько воздержныхъ праведниковъ, сколько мужественныхъ истины поборниковъ! Но и нынѣ сила пришедшей на землю Истины дѣйствуетъ во многихъ благочестивыхъ душахъ. Оставимъ мы дальніе примѣры. Ваше благочестивое собраніе — тому свидѣтель. Это дѣйствіе истины, что вы съ усердіемъ притекли въ сей священный храмъ, вы празднуете смерть неповинности, вы оплакиваете человѣческую слѣпоту, признаете свою бѣдность, проповѣдуете Божіе милосердіе. А наипаче Ты, всевгустѣйшая Матерь наша, подражая блаженной Іисусовой Матери, мыслию Своею возносишься къ распятой Истинѣ; несоціенною непорочнаго Агнца кровію Ты обгаряешь благочестивую душу Свою, а чрезъ то причастицею бываешь страданій Христовыхъ и подаешь намъ дѣйствительный къ благочестію примѣръ.

Но въ самое сіе время, какъ вы, благочестивые слушатели, въ столь богоугодномъ упражняетесь дѣлѣ, другіе заботятся о мірскихъ вещахъ, думаютъ о приближающихся веселыхъ дняхъ, чтобы въ оныя воскресить страсти свои, а иные, чего безъ воздыханія нельзя сказать, ругаются сему таинству вѣры, и всю истину христіанства смѣшною представить стараются. Не знаю, коіе ли, проходящее до сердца, было болѣзненнѣе Христу, или такіа ложныхъ христіанъ мысли? желчь ли, которою наполни Христа, горчае была Ему, или такіа беззаконныя слова (Іоанн., 19, 29, 34)? Стоять при крестѣ возлюбленный Іоаннъ, стоять же и болѣзненная Мать. Умирающій Спаситель, указывая на ученика, сказалъ Матери: „се сынъ Твой!“ указывая же на Мать, сказалъ ученику: „се Мати твоя“. Блаженная сія Матерь была образомъ Церкви, которая отъ умирающей Главы своей принимала послѣдній завѣтъ, а возлюбленный ученикъ представлялъ тебя, христіанинъ, что ты долженъ повиноваться спасительнымъ совѣтамъ Церкви. Какъ Іоанну, такъ и тебѣ, Истина, указывая на Церковь съ креста, вопіетъ: „се Мати твоя“. Ея нѣдра да будутъ тебѣ, христіанинъ, упокоеніемъ, Ея животворныя сосцы — питаніемъ, Ея лице — утѣшеніемъ, Ея гласъ — наставленіемъ.

Но опять, при семъ о гоненіи истины разсужденіи, можетъ сказать кто: какъ не знать истины? она сама чрезъ себя свѣтла; какъ гнать истину? она властію своею всякаго поразить должна. Но смотри хитрость міра. Онъ это знаетъ, но какъ страсть сильнѣе въ немъ дѣйствуетъ, нежели признаніе совѣсти, то шцетъ онъ для сего наружныхъ видовъ. Посмотримъ, какъ воплощенная Истина осуждается. Архіереи Ее предають, яко бы ревнуя по закону; народъ тоже; Пилать, яко бы

наблюдая покой общества. Если со стороны посмотрѣть, кажется—всѣ святые, всѣ праведные. Но—о, міръ лукавый! ежели усматриваешь истину, почто ее гонишь? Ежели хочешь гнать, почто прикрывательствъ ищешь? Міръ своего права не перемѣняетъ. И вынѣ, когда кто хочетъ кого съѣсть, выдумываетъ какія-нибудь прикрывательства. И такъ благочестивый пропадаетъ подѣ видомъ суетѣра, справедливый—подѣ видомъ упорнаго, разумный—подѣ видомъ высокоума, смиренный—подѣ видомъ лукаваго, искренносердечный презирается подѣ видомъ глупаго. Но кто можетъ исчислить всѣхъ хитростей человѣческихъ виды? Праведно евангельское слово: „сынове вѣка сего мудрѣйши суть паче сыновъ вѣка онаго“ (Лу., 16, 8). То есть, добрый человѣкъ не можетъ столько выдумать способовъ къ достиженію справедливаго благополучія, сколько хитрый человѣкъ къ исполненію своихъ несовѣтныхъ намѣреній. Однако, и изъ самыхъ сихъ хитростей міра усматриваю я, сколь глубоко запечатлѣлъ Творецъ истину въ сердца всякаго, что почти не можетъ человѣкъ гнать истину, развѣ противъ совѣсти.

Но перестаньте уже истину гнать вы, лицемеры,—вы, вѣры презрители, ласкатели и грабители. Вы уже Истину вогнали во гробъ. Посмотрите на плоть сію, какъ она вся уязвлена, вся растерзана, вся сдѣлалась одною язвою. Вы, ласкатели, сіи сладчайшія уста заградили. Вы, клеветники, Его уши растерзали. Вы, грабители, послѣднюю ризу на Немъ изодрали. Вы, лицемеры, копіемъ прободли сердце Его. Вы, презрители вѣры, источили изъ Него всю кровь. Не слышите ли, что сей Мужъ болѣзней къ вамъ говорить? Я вознесенъ на крестъ, чтобы васъ, падшихъ, поднять. Я распростеръ руки, чтобы васъ, разсѣянныхъ несогласіями, собрать во-едино. Я жажду, жажду спасенія вашего. Я васъ призываю искренно. Свидѣтельствуемъ сіе сердце, копіемъ открытое. Кровь Моя да омыеетъ скверны ваши: жертва Моя да очиститъ беззаконія ваши. А ежели, со всѣмъ тѣмъ, до конца будете нераскаянны, не думайте, чтобы Я остался всегда въ семъ видѣ истощанія Моего. Нѣтъ: будетъ время, когда сія кровь воскипитъ гнѣвомъ, сей крестъ будетъ на обличеніе; сіи раны—на посрамленіе. Слова сіи милосердаго Избавителя слыша, ты, грѣшная душа, вострепещи!

А вы, которыхъ гонитъ міръ истины ради, вы, лишенные всякой человѣческой помощи, примѣромъ симъ утѣшайтесь. Вы проливаете слезы, а Глава ваша—кровь. Вы терпите скудость, а Онъ виситъ со-всѣмъ нагъ на крестѣ. Вы въ гоненіи, а Онъ—во гробѣ. „Помыслите убо таковое пострадавшаго отъ грѣшникъ на себе прекословіе, да не стужаете, душами своими ослабляемъ“ (Евр., 12, 3). Подумайте, печалиться ли вамъ больше недобно, что страждете, или радоваться, что сообразуетесь столь великому Страдальцу? Плакать ли вамъ, гони-

мымъ отъ людей, или играть, утѣшамымъ отъ небеснаго Отца? Божественный Подвижникъ вашъ, какъ на крестѣ о грѣшныхъ молился, чтобы оставлены имъ были грѣхи, такъ всякому изъ васъ говорить: „днесъ со Мною будешь въ раи“ (Лук., 23, 43). А страданій Его подражатель—Павель и подтверждаетъ то: „аще“, говорить, „съ Нимъ страждемъ, съ Нимъ и прославимся“ (Римл., 8, 17).

Спасителю Христе! Ты на крестѣ обь однихъ молился; а другихъ утѣшалъ. Что же, Радосте наша, скажешьъ вамъ? Скажи и вамъ, Милосерде: „Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ“ (Иоан., 14, 27). Аминь.

Слово въ день рожденія Ея Императорскаго Величества, Екатерины II, Самодержицы Всероссийской *).

(ОБЪ ИСТИННОМЪ СОКРОВИЩѢ).

„Идѣже сокровище ваше, тамо и сердце ваше будетъ“.

(Лук., гл. 12, ст. 34).

Сердце наше, само по себѣ, есть только простая часть тѣла; но, притомъ, оно есть вмѣстлище желаній, хотѣнй и избранй безсмертной души. Такъ, вотъ—и видимъ, что мы, надѣвая на себя смертное естество, стремимся уже къ безсмертiю. Первый входъ въ мiръ сей есть первая ступень къ вѣчности. „Самый Духъ свидѣтельствуемъ духу нашему, яко есмы чада Божия“ (Римл., 8, 16). Плачъ раждаемаго младенца будто доказываетъ тлѣнность нашу: но во внутренности души зажженный огонь не можетъ надлежать, развѣ до невечернаго и несозданнаго свѣта. И для того надобно, по свидѣтельству Соломонову, „да возвратится персть въ землю, якоже бѣ, и духъ возвратится къ Богу, Иже даде его“ (Еккл., 12, 7). Почему жизнь сія по справедливости называется гостинница, странствованіе, поприще, путь и проч. Въ разсужденіи сего св. Павель о всѣхъ древнихъ, знаменитыхъ благочестіемъ мужахъ написалъ, что они, де, сами признавались, „яко страннйя и пришельцы суть на земли“ (Евр., 11, 13). А изъ сихъ словъ ихъ заключаетъ Апостоль, что они въ жизни сей отечествія искали: слѣдовательно, прибавимъ мы, не сыскали они въ мiрѣ семъ „онаго сокровища“, о коемъ нынѣшнее поминаетъ Евангеліе; то есть, къ которому все сердце наше должно быть привязано.

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Высочества, мѣсяца апрѣля, 21 дня, 1765 года.

Поищемъ же мы его настоящею бесѣдою. А Ты, Сокровище благихъ, Боже! излей на насъ лучъ несозданнаго свѣта Твоего, и чрезъ то привяжи къ Себѣ сердце наше!

ИДЪЖЕ СОКРОВИЩЕ ВАШЕ, ТАМО И СЕРДЦЕ ВАШЕ БУДЕТЬ.

Сердце значить здѣсь желаніе вещи, попеченіе, радость, удовольствіе. Почему сокровищемъ для всякаго изъ насъ будетъ та вещь, которой мы единственно желаемъ, о снисканіи которой наибольше печемся; получивъ несказанно удовольствіе, которою наслаждались, совершенно успокаиваемся, и чтобы какъ же не потерять, безопасности не имѣемъ. Такая вещь была бы для насъ сокровище. Мы теперь можемъ оставить изъяснять, какъ люди въ избраніи истиннаго сокровища обманываются, когда иной къ сему, другой къ другому все свое желаніе привязываетъ. Ибо о семъ прежде нѣсколько разъ говорили мы. Почему, оставивъ сіе, войдемъ мы въ краткую, но пріятную бесѣду, что *единъ Богъ есть истинное человеческое сокровище*. Сіе можемъ узнать изъ слѣдующаго разсужденія.

Желаніе наше всегда къ чему-нибудь простирается; но, притомъ, столь далеко, что ничѣмъ въ мірѣ уд. вольствовано быть не можетъ, и столь нѣжно, что оно всѣхъ вещей одну только поверхность будто прикушываетъ, но ничѣмъ совершенно не насыщается. Перебираетъ сердце человеческое одну вещь за другой и, мало нѣсколько ими любовавшись, оставляетъ; но, между тѣмъ непрестанно къ чему-нибудь большему устремляется. Пускай протекають предъ нами рѣки богатства, пускай оглушаетъ уши наши громъ честей; но рѣки богатства чсыхаютъ, и громъ честей пресѣкается, наконецъ, нѣкимъ пустымъ и неприятнымъ шумомъ. Они прошли; да чрезъ то не только не проходить желаніе наше, но паче раздражается. Ибо свойственно есть нашему желанію, что оно тѣмъ болѣе усиливается, чѣмъ меньше получаетъ.

Но надобно же, чтобы непрестанно движимое сердце наше имѣло желанія свои предѣль. Сія души нашей сила есть вліяна отъ Бога: такъ она не напрасна; такъ должна она чѣмъ-нибудь удовлетворена быть; да не услажденіемъ сего міра. Ибо душа есть бессмертна. Потому ищетъ она такого добра, которое съ нею и по смерти пребывало бы. Пускай бы насъ міръ здѣсь совершенно удовлетворялъ, но понеже онъ насъ и мы его должны нѣбогда оставить, то какая изъ того польза, чтобы мы благополучны были, когда временны были, то есть, когда для насъ сносно было быть благополучными; а лишились бы всего того, когда бы вступили въ нескончаемую вѣчность.

Однако, со всѣмъ тѣмъ—многіе не узнаютъ сего, что когда душа ничѣмъ здѣсь удовлетворять себя не можетъ, то надобно бы поду-

мать о совершенномъ ея добръ; но многіе сего не узнають. А какъ, между тѣмъ, желаніе ихъ ни на какой одной вещи не останавливается, то они, чтобы убѣжать безпокойства сего, то-и-дѣло, что веселости перемѣняютъ. О, суета, не знаю,—смѣха или сожалѣнія достойная! Тѣмъ думаютъ утолить жажду свою, что больше ее умножаютъ.

Не къ тому я говорю, что человѣкъ долженъ быть всегда скупченъ, и всякихъ и неповинныхъ увеселеній бѣгать; нѣтъ; но рѣчь мою склоняю къ тому, чтобы и самыя наши веселости не оставались безъ своей пользы. А самая лучшая изъ нихъ польза для насъ есть та, чтобы, усматривая, что никакая вещь здѣсь для нашего желанія недовольна, оттуда заключить: такъ міру сему всего своего сердца отдавать не долженъ я, такъ я созданъ не для міра сего, такъ надобно мнѣ думать о безсмертіи, о вѣчности, о Богѣ. Сей путь, по которому духъ нашъ идти стремится, есть не новый. По немъ шествовали уже всѣ просвѣщенные мужи, которые, отводя очи свои отъ временной красоты, обращали оныя къ красотѣ вѣчной. Со сладостію чувствуется въ ухахъ нашихъ Давидово пѣніе: „имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже“ (Псал., 41, 1). Вотъ—сокровище наше! такъ можетъ ли тамъ не быть и сердце наше? Но посмотримъ еще превосходство сокровища сего, и чрезъ то болѣе къ нему возгорится духъ нашъ.

Сокровище сіе Евангеліе называетъ неоскудѣваемъ,—то есть, такимъ, въ которомъ всѣ совершенства заключаются. Ибо Богъ есть источникъ неисчерпаемый всѣхъ добротъ. Въ Немъ—красота несозданная, премудрость безконечная, благость неизглаголанная, всемогущество неограниченное, изобиліе неисгощаемое, услажденіе безсмертное, тишина несмуцаемая, величество непостижимое; Онъ есть—весь желаніе, весь сладость, весь любовь. Свидѣтелемъ тому суть самыя твари, которыя столь прекрасны, что чувства наши до удивленія восхищаютъ. Когда же красотой ихъ услаждаемся, koliko паче Владыка ихъ долженъ быть лучшій! понеже они не могли проистечь, развѣ изъ Источника красоты. Почему—духъ нашъ ничего болѣе желать не можетъ, ибо нѣтъ совершенства, котораго въ Богѣ не находилъ бы онъ. „Вся кости моя рекутъ: Господи, Господи! кто подобенъ Тебѣ (Псал., 34, 10)?“

Когда дражайшій Спаситель приутоплялся къ подвигу смертному, тогда сладчайшую съ учениками Своими имѣлъ бесѣду. И какъ помянулъ Онъ имъ о зрѣніи небеснаго Отца, когда спросилъ его апостоль Филиппъ: „Господи! покажи намъ Отца, и довлѣетъ намъ“ (Іоанн., 14, 8). Въ какомъ бы разумѣ сей вопросъ отъ Апостола предложенъ ни былъ, только содержитъ онъ въ себѣ истину высокую и неоспори-

мую; а именно, что когда бы мы совершенно съ Богомъ соединились, то ничего бы намъ не осталось больше желать; тѣмъ бы самымъ все желаніе наше было удовлетворено. „Господи! покажи намъ Отца, и довлѣетъ намъ“. Теперь намъ блистаетъ только малый иѣкій лучъ онаго несозданнаго свѣта, и мы нѣкоторымъ образомъ предвкушаемъ, а не насыщаемся нетлѣвнѣйшій сладости, а когда сподобимся приняты быть въ незаходимыя небеснаго Отца обители, тогда увѣнчаемся совершенства вѣнцемъ. Тогда исполнятся радости уста наши и языкъ нашъ—веселія. „Господи! покажи намъ Отца, и довлѣетъ намъ“. Но просимъ мы, чтобы небесный Отецъ показалъ намъ Себя тѣлеснымъ образомъ; какъ-то, можетъ, просилъ Филиппъ: мы желаемъ и надѣемся, чтобы духъ нашъ былъ единъ духъ съ Господомъ. „У Тебе источникъ живота, во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ“ (Псал., 35, 10). Но возможно ли совершенно описать то, что ни на сердце человѣческое никогда не всходило? Почему, мало нѣчто еще сказать, бесѣду нашу окончимъ.

Сокровище сіе Евангеліе называетъ еще нетлѣемымъ и неветшающимъ. Сколько бы какое добро насъ ни услаждало, да ежели надобно когда-нибудь его лишиться, то оная сладость сею опасностію всегда будетъ огорчена, слѣдовательно, не совершенна. Но сокровище небесное когда одинажды получимъ, никогда его не потеряемъ. Не боится оно завистливаго непріятели, не опасается все истребляющаго времени, не смущается печалію, не пресѣкается болѣзнію, не знаетъ безпокойства страстей. Не наскучитъ оно, что будетъ чрезъ всю продолжаться вѣчность, ибо къ чему бы лучшему желаніе наше могло устремиться,—ничего не будетъ.

Симъ-то утѣшалъ Спаситель нашъ Своихъ учениковъ, когда послалъ ихъ въ міръ, яко агнцевъ посреди волковъ. „Не бойся, говорилъ Онъ, малое стадо, яко благоизволи Отецъ вашъ дати вамъ царство“ (Лук., 12, 32). Не смущайтесь, Мои ученики, что міръ на васъ нападетъ всею своею свирѣпностію. Утѣшайте себя тѣмъ, что вы имѣете наследовать такое состояніе, въ которомъ васъ обезпокоитъ не сильна никакая человѣческая злость. Не бойся же и ты, христіанинъ, мірскихъ превращеній, гоненій, несчастій. Отецъ небесный тебя усыновилъ Себѣ, ежели же ты—сынъ, то и наследникъ, и неопѣвненнаго наследства сего не отыметъ отъ тебя никто.

Но при семъ нашемъ разсужденіи пришло мнѣ на память оное неудобъ-вразумительное для насъ слово, которое сказалъ Богъ Моисею, что нельзя, дес, человѣку видѣть лица Моего, чтобы онъ отъ того не умеръ. „Не бо узритъ человѣкъ лице Мою, и живъ будетъ“ (Исх., 33, 20). Возможно ли, чтобы умиралъ человѣкъ отъ лицезрѣнія Божія, въ чемъ состоятъ истинная человѣческая жизнь? „Да пускай бы я

умеръ, — говорилъ Августинъ, — только бы видѣлъ Тебя, Господи*. Потому оныя слова значать только, что человѣкъ въ жизни сей, пока еще бременемъ тѣла отягощенъ, пока со страстями борется, пока рабъ есть грѣха, не можетъ вмѣстить вѣчнаго спокойствія и быть въ состояніи, удаленномъ отъ всякаго несовершенства. Того ради изъ всего сказаннаго нами заключить надобно: первое, чтобы о снисканіи помянутаго сокровища помышляли мы единственно, не такъ, что бы уже о другихъ вещахъ мірскихъ стараться намъ нельзя было; но чтобы и самыя здѣшнія попеченія нѣкоторымъ образомъ къ полученію онаго сокровища руководствовали. Второе, чтобы заблаговременно начинали умирять силу страстей. Ибо какъ будущее блаженство здѣсь начинается, а совершается оно на небесахъ, такъ здѣсь надобно же начать и страсти умирять.

Въ жизни сей началомъ будущаго блаженства почитаю я любовь добродѣтели, чистую радость, раждаемую отъ благихъ дѣлъ и спокойствіе совѣсти. Сіе благословенное начало усматриваемъ мы въ непорочной жизни Ея Императорскаго Величества, что тѣмъ пристойнѣе теперь помянуть должны, что мы празднуемъ благочестивыя жизни Ея Величества благополучное начало: день, въ который добродѣтель Ея потекла въ путь свой. Ея Величество все Свое сердце посвятила оному неоскудѣмому и нетлѣмому сокровищу—Богу, Ея душа уловлена есть красотою добродѣтели, которой всю силу относить до общей пользы, общую пользу утверждаетъ на благочестіи, а все управляетъ къ славѣ Божіей. Украшаетъ Ея Величество высокая Монаршая честь не иначе, развѣ поелику она есть возвышеніе Ея подданныхъ. Не плѣняетъ Ее сокровище богатствъ, развѣ поелику они суть средство ко удовольствованію бѣдности и заслугъ. Ея Величество почитаетъ тогда Себя совершенно блаженною, когда съ блаженствомъ Своимъ соединяетъ и благополучіе наше. Въ священномъ Ея Величества лицѣ мы изображасмъ себѣ Мать благоутробную, Которая, восходя на высоту блаженства, обѣими руками вкупѣ съ Собою ведетъ и чадь Своихъ. Церковь и отечество вседушно хотѣли бы Ея наградить заслуги, но не могутъ ничего достойнаго принести, кромѣ благодарности. Сіе признаніе нашей скудости умножаетъ славу Ея. Имѣешь ты, благословенная Россія, живой, отъ Божества данный тебѣ, примѣръ къ добродѣтели, къ благочестію и къ снисканію небснаго сокровища. Имѣешь и Ты, пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ, въ дражайшей Родительницѣ Твоей, домашнее къ добродѣтели побужденіе. Ты, будучи оживляемъ благородною Ея кровію, вкупѣ оживляй себя духомъ Ея. А мы, подданные Ея Императорскаго Величества, чувствуя себя обязанными долгомъ благодарности, будемъ молить Бога, чтобы Онъ увѣнчалъ долгоденствіемъ, здравіемъ и благо-

получимъ дражайшую для насъ жизнь Ея; чтобы Онъ Самъ горящему къ Нему сердцу Ея былъ и награжденіе и сокровище: награжденіе за услуги къ отечеству, а сокровище—за любовь Ея къ Нему. Аминь.

Слово въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ *).

(О ПРАЗДНОВАНИИ СВЯТЫМЪ).

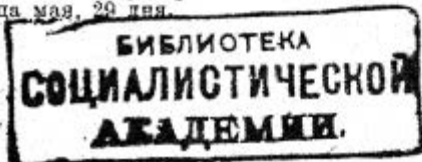
„Всякъ иже исповѣсть Мя предъ челоѣки, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ. Иже на небесѣхъ“.

(Матѣ., гл. 10, ст. 32).

Въ нынѣшній день Церковь прославляетъ добродѣтели всѣхъ святыхъ, которые просіяли на востокѣ и западѣ, и сѣверѣ и югѣ во градахъ и селахъ, въ пустыняхъ и въ горахъ, въ вертепахъ и въ пропастьяхъ земныхъ, во всякое время, начавъ отъ самаго созданія міра до настоящаго часа. И понеже всѣхъ ихъ исчесть нельзя: „изочту бо ихъ, и паче песка умножатся“ (Псал., 138, 18); для того Церковь всѣхъ ихъ праздничественную память въ нынѣшнемъ днѣ заключила, дабы тѣ, которые соединены были добродѣтелию, не раздѣльны были и торжествомъ. Потому празднуемъ мы нынѣ и древнѣйшихъ святыхъ протцевъ и ревностныхъ пророковъ, и славныхъ апостоловъ и непобѣдимыхъ мучениковъ, и честныхъ воздержниковъ, и благочестивыхъ царей, и трудолюбивыхъ пастырей, и справедливаго судію, и вѣрнаго воина и рачительнаго домостроителя, и добросовѣтнаго купца, и простосердечнаго земледѣльца, и всякій праведный духъ.

И хотя нынѣшнее Евангеліе поминаетъ только тѣхъ, которые исповѣдаютъ имя Христова предъ челоѣки, то есть, о мученикахъ, но не противно будетъ подъ именемъ исповѣдниковъ Христовыхъ разумѣть и всѣхъ тѣхъ, кои добродѣтелию своею прославили небеснаго Отца. Нѣтъ теперь мучениковъ, ибо царствуетъ въ Церкви миръ подъ покровительствомъ благочестивыхъ монарховъ; такъ ужели имя Христова остается безъ исповѣданія? Нѣтъ гоненія, нельзя быть мучениками; такъ можемъ подражать мученикамъ. Для сего бо и празднуемъ память святыхъ, чтобы ихъ воспоминаніе было наше наставленіе, о чемъ и бесѣду мою благочестію вашему предложить намѣренъ. А для сего въ помощь призываю Твою, Боже, благодать.

* Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ придворной церкви, 1765 года, мѣсяца мая, 29 дня.

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ПЛАТОНА

(ЛЕВШИНА)

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

ТОМЪ I.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Спб. Стремянная, 12, собств. д.

Платонъ Левшинъ, митрополитъ Московскій, и его сочиненія.

29-го іюня 1737-го года, въ день первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, въ селѣ Чашниковѣ (что на большой Петербургской дорогѣ), въ 40 верстахъ отъ Москвы, въ домѣ скромнаго причетника Георгія Данилова родился сынъ, нареченный Петромъ: то былъ впоследствии „Русскій Златоустъ“, Платонъ, митрополитъ Московскій.

Обычная для бѣднаго дьячковскаго сына суровая школа тяжелаго труда предстояла ребенку. На шестомъ году отъ роду Петра стали учить русской грамотѣ, т. е., по тогдашнему заведенію, азбуку, часослову и псалтири, а потомъ писать; на восьмомъ году онъ уже читалъ и ибѣлъ повседневные церковные стихи и по навыку могъ одинъ на клиросѣ отправлять все пѣніе божественной литургіи. Вскорѣ настало время Петру оставить домъ родительскій и вступить въ училище, такъ какъ духовное начальство требовало, чтобы всѣ священнослужители приводили дѣтей своихъ въ Коломенскую семинарію; и Петръ Даниловъ былъ отданъ въ эту семинарію, а оттуда, по просьбѣ отца, ставшаго уже Московскимъ священникомъ, вмѣстѣ съ братомъ Александромъ (впоследствии протоіереемъ Московскаго Успенскаго собора), былъ переведенъ изъ епархіи Коломенской въ Московскую славяно-греко-латинскую академію (въ Заиконоспасскій монастырь), гдѣ принялъ фамилію Левшинова, а поздиѣ Левшина. Петръ и Александръ Левшины жили у старшаго брата своего Тимоея (иономаря при храмѣ Св. Софіи-Премудрости Божіей, что въ Среднихъ Набережныхъ Садовникахъ), а потомъ у родственника ихъ, дьякона при церкви Спаса въ Спасской, при коей и отецъ ихъ, Георгій, впоследствии былъ викарнымъ священникомъ.

Ходя босикомъ въ училище, съ грошомъ на обѣдъ, по своей бережливости и по скудости родителей, Петръ Левшинъ посылъ въ

рукахъ свои сапоги, чтобы не истаскать ихъ, и надѣвалъ ихъ только при входѣ въ Академію. Однако, нужда не угнетала бодрого духа способнаго мальчика, и онъ, путемъ неусыпнаго труда, достигалъ просвѣщенія и славы. Все преподававшееся въ то время въ Академіи Левшинъ изучилъ въ совершенствѣ и, пристрастившись къ наукамъ, онъ всюду и всемѣрно искалъ средствъ къ образованію себя. Не имѣя у себя даже многихъ необходимыхъ книгъ, онъ услугою и ласкою доставалъ ихъ у товарищей для списыванія, или прочтенія. Такъ, выпросивъ у товарища греческую грамматику Лашевскаго и тщательно переписавъ всю ее, Левшинъ началъ самъ учиться по этой грамматикѣ, а въ затруднительныхъ мѣстахъ спрашивалъ изъясненія у знатоковъ; помимо того, ходилъ въ сосѣдній греческій монастырь къ церковнымъ службамъ, во время коихъ и слушивался и научался чтенію, пѣнію и разумѣнію греческихъ словъ и выраженій, и мало по малу достигъ того, что могъ понимать греческихъ писателей и объясняться на греческомъ языкѣ. Потомъ, ставши въ Академію учителемъ греческаго языка, Левшинъ приводилъ самого себя въ примѣръ ученикамъ своимъ, называя себя „самоучкою“,—каковымъ самоучкою онъ былъ и во французскомъ языкѣ и географіи. Исторіи Петръ Левшинъ также не учился въ Академіи, но, какъ самъ свидѣтельствуетъ,—„знаніе исторіи приобрѣлъ всегдашнимъ чтаніемъ историческихъ книгъ, къ чему принадлежалъ чрезъ всю жизнь свою, и не было для него пріятнѣе упражненія, какъ чтеніе исторіи всей вообще и своей отечественной“.

Склонный къ духовному, Платонъ Левшинъ чуждался всего мірскаго и свѣтскаго, даже отказался вступить въ открытый (въ 1755 г., по близости къ Академіи) Московскій университетъ, куда былъ назначенъ въ студенты съ другими академистами. Но за два года до окончанія четырехлѣтняго курса богословія онъ былъ оставленъ при Академіи въ качествѣ учителя пѣтики и греческаго языка; а вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено было вести въ Академіи катехизическія бесѣды (въ катехизическомъ порядкѣ пояснять церковно-библейскія книги). На этой должности открылся необычайный ораторскій талантъ молодого Левшина. Обладая виѣшними и внутренними качествами витія, онъ успѣлъ заслужить всеобщее удивленіе и любовь: слушать молодого проповѣдника собиралась едва-ли не вся Москва, гдѣ называли его то вторымъ „Златоустомъ“, то Московскимъ „апостоломъ“. Къ его проповѣднической кафедрѣ матери приводили дѣтей своихъ, чтобы они слушали и помнили такого учителя; многіе почитали за счастье знакомство съ Левшинымъ, стараясь наперерывъ оказать ему свое усердіе и уваженіе.

Уже оканчивался годъ толкованію Левшинымъ катехизиса, какъ неожиданно онъ получилъ изъ Петербурга, отъ придворнаго проповѣд-

ника—знаменитаго Гедеона Криновскаго, архимандрита Троице-Сергiевской лавры, приглашенiе въ учителя риторики въ Троицкую семинарiю (основани. въ 1742 г. и подчиненную лаврскому архимандриту). Вслѣдъ за симъ послѣдовалъ и указъ Св. Синода, утверждающiй Петра Егоровича Левшина въ этой должности; и онъ, вынужденный разстаться съ Москвою, 19 iюня 1758 г. отправился въ Троице-Сергiеву лавру. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ отъ Гедеона письмо, въ коемъ тотъ писалъ, между прочимъ: „Я очень радъ, что вы—у насъ, въ лаврѣ; но еще больше радость моя умножится, когда услышу, что вы и монашескiй въ ней приняли образъ“. Не взирая на свою склонность и подготовленность къ монашеству, Петръ Егоровичъ поколебался духомъ, взволнованнымъ мыслію о трудности и важности принимаемыхъ имъ на себя обѣтовъ; даже любимая имъ мать не совѣтовала ему принимать на себя такіе обѣты. Ему во цвѣтъ лѣтъ предстояло умереть для міра, и онъ, проведши всю ночь въ борьбѣ съ самимъ собою, наконецъ, рѣшился принять иноческiй образъ. Наканунѣ праздника Успенiя Божiей Матери, въ 1758 г., на 21 году отъ рожденiя своего, Петръ Егоровичъ Левшинъ былъ постриженъ въ монашество, съ именемъ Платона,—своимъ прежнимъ товарищемъ, намѣстникомъ лавры Гаврилломъ Петровымъ, впоследствии митрополитомъ Новгородскимъ. Спокойный духомъ, довольный своимъ состояніемъ, юный инокъ жилъ въ любимомъ уединенiи, проходя учительскую и катехизаторскую должность. Въ томъ же году онъ былъ посвященъ во іеродіакона въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, а въ 1759 г. въ іеромонаха въ крестовой церкви на Петербургскомъ Троицкомъ подворьѣ и, вмѣстѣ съ принятiемъ сана, сдѣланъ префектомъ Троицкой семинарiи, а въ 1761 г. занялъ мѣсто ректора ея.

Еще быстрѣе пошло возвышенiе Платона съ возаренiемъ императрицы Екатерины II. Когда послѣ коронаціи, въ маѣ 1763 г., эта императрица прибыла въ обитель преподобнаго Сергiя, то ее встрѣтилъ въ лаврѣ Платонъ (тогда уже намѣстникъ лавры) торжественнымъ словомъ, окруженный воспитанниками семинарiи, съ вѣнками на головахъ и пальмами въ рукахъ, съ пѣніемъ нарочито сочиненной Платономъ оды. На другой день, за литургiею, въ присутствiи Императрицы и членовъ Св. Синода, Платонъ сказалъ проповѣдь: „О пользѣ благочестiя“, представивъ саму Императрицу примѣромъ основы всѣхъ добродѣтелей. И проповѣдь и проповѣдникъ такъ понравились Государынѣ, что она изъявила ему свое благоволенiе въ самыхъ милостивыхъ выраженiяхъ, слово его тогда же велѣла напечатать, а его удостоила пригласить къ обѣденному столу своему. По возвращенiи изъ Ростова въ лавру, Императрица посѣтила Троицкую семинарiю, гдѣ питомцы оной произнесли, въ честь ея, стихи и рѣчи, а ректоръ привѣтствовалъ Государыню торже-

ственнымъ словомъ. Тогда же происходили диспуты, причѣмъ любознательная Императрица предложила Платону изъяснить нѣкоторыя важныя положенія изъ богословія и состязаться объ оныхъ на латинскомъ языкѣ. Между прочимъ, Государыня спрашивала Платона: „Почему онъ избралъ монашескую жизнь?“ — „По особой любви къ просвѣщенію“,—отвѣчалъ Платонъ. На это Императрица возразила: „Да развѣ въ мірской жизни нельзя пещись о просвѣщеніи своемъ?“ На сей внезапный искусительный вопросъ Императрицы, хорошо знавшей сердце человѣческое, не безъ смущенія отвѣчалъ юный, цвѣтушій здоровьемъ и красотою, инокъ: „можно, но не столь удобно, имѣя жену и дѣтей и другія суеты мірскаго, сколько въ монашеской жизни, гдѣ онъ по всему свободенъ“... Государыня осталась довольною и объясненіями на предложенные ею вопросы и состязаніями учащихъ, и изъяснила свое благоволеніе Платону, удостоивъ его благосклонной бесѣды и обѣденнаго стола, послѣ коего Платону было объявлено о назначеніи его въ учителя богословія наслѣднику престола, великому князю Павлу Петровичу. Тогда Платону минуло лишь 26 лѣтъ, онъ былъ въ полнотѣ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

Простившись съ Сергіевою лаврою, Платонъ, въ іюль 1763 года, отправился въ Петербургъ на новое, противоположное монастырскому и школьному, поприще. Вполнѣ сознавая всю трудность своего положенія, Платонъ пользовался опытностью благорасположенныхъ къ нему царедворцевъ и, самъ наблюдая за собою, умѣлъ оправдать свое высокое назначеніе. Свои уроки Паслѣднику престола, тогда бывшему 9 лѣтъ отъ роду, Платонъ началъ въ присутствіи Государыни своею рѣчью „О пользѣ и важности сего ученія“. И послѣ, когда юный Цесаревичъ обнаруживалъ нетерпѣливость, оберъ-гофмейстеръ, графъ Панинъ, оставивъ его напоминаямъ поправившейся ему проповѣди Платоновой на текстъ: „Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши“. Занимаясь воспитаніемъ и обученіемъ своего питомца въ духѣ благочестія, Платонъ, въ то же время, постоянно проповѣдывалъ въ придворной церкви, ежегодно самъ преподавалъ Св. Тайны Августѣйшему питомцу, причѣмъ привѣтственное его слово было всегда назидательнымъ для причастника и умилительнымъ для матери, которая раздѣляла съ сыномъ благочестивыя слезы. Однажды, внимая поученію законоучителя въ день рожденія и причащенія Великаго Князя, Императрица растрогалась до слезъ и выразилась такъ: „Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ: хочетъ онъ, чтобы мы плакали, мы плачемъ“. Въ другой разъ, въ проповѣди о милосердіи, Платонъ сильно вооружался противъ тѣхъ, кои, расточая свое имѣніе на суетныя вещи, оставляютъ бѣдныхъ безъ всякой помощи. Императрица на сей разъ сказала

окужавшимъ ее: „Отецъ Платонъ сегодня былъ сердитъ; однако же очень хорошо сказывалъ—удивительный даръ слова имѣеть“. На это одинъ изъ вельможъ замѣтилъ Государынѣ, что проповѣдникъ при Дворѣ всегда покажется сердитымъ, когда будетъ говорить прямо истину... И при другихъ случаяхъ законоучитель проповѣдывалъ въ придворной церкви въ Петербургѣ, а иногда въ Сергіевской пустыни, близъ Петергофа, удивляя всѣхъ талантомъ своего краснорѣчія. Особенное благоволеніе Государыни и удивленіе всѣхъ слушателей вызвало слово Платона, сказанное имъ (послѣ блистательной побѣды надъ турецкимъ флотомъ) въ Петропавловскомъ соборѣ, при гробѣ основателя русскаго флота, императора Петра Великаго. Исчисливъ труды и побѣды преобразователя Россіи, ораторъ вдругъ сошелъ съ кафедры, приблизился къ его гробницѣ и, коснувшись покрыва ея, воскликнулъ: „Возстань теперь, великій монархъ, отецъ отечества нашего, возстань и возри на любезное изобрѣтеніе твое: оно не истреблено отъ времени и слава его не померкла. Возстань и насладись плодами трудовъ твоихъ! флотъ, тобою устроенный, уже не на морѣ Черномъ, не на океанѣ Сѣверномъ, но гдѣ?—Онъ на морѣ Средиземномъ, въ странахъ восточныхъ, въ Архипелагѣ, близъ стѣнъ константинопольскихъ, въ тѣхъ т. е. мѣстахъ, куда ты нерѣдко обращалъ око свое. Слыши: мы вѣщаемъ тебѣ, какъ живому. Слыши: флотъ твой въ Архипелагѣ близъ береговъ азійскихъ, истребилъ оттоманскій флотъ. Россійскіе высокопарные орлы, торжествуя, именемъ твоимъ наполняютъ весь востокъ и стремятся предстать предъ стѣны византійскія“. Такой внезапный переходъ рѣчи проповѣдника, такое смѣлое и необыкновенное ораторское движеніе поразили слушателей изумленіемъ и даже невольнымъ страхомъ; стоявшій возлѣ гробницы Петра Великаго его правнукъ, цесаревичъ Павелъ Петровичъ, испугался, какъ онъ самъ послѣ высказался Платону, что „прадѣдушка встанетъ“. Извѣстный своею добродушною острою графъ К. Гр. Разумовскій, услыжавъ воззваніе Платона къ Петру I, тихою сказавъ окружающимъ: „Чего винъ его кличе? Якъ встанетъ, то всѣмъ достанется“. Эта проповѣдь Платонова во французскомъ переводѣ была отправлена Императрицею къ Вольтеру, который отвѣчалъ Государынѣ: „Сія рѣчь, обращенная къ основателю Петербурга и вашихъ флотовъ, есть, по моему мнѣнію, знаменитѣйшій въ свѣтѣ памятникъ; я думаю, что никогда и ни одинъ ораторъ не имѣлъ столь счастливаго предмета для слова своего, не исключая и греческаго Платона“.

Дворъ императрицы Екатерины II былъ для Платона новою школою, гдѣ онъ почерпнулъ важныя для проповѣдника познанія о свѣтѣ, замѣтныя въ его проповѣдяхъ: тамъ онъ былъ окруженъ разными людьми, особенно учеными иностранцами, съ коими любилъ бесѣ-

довать для пользы пытливаго ума своего. Въ то время общественнымъ мнѣніемъ завладѣли западные энциклопедисты: подъ оболстительнымъ видомъ моды, путемъ просвѣщенія и воспитанія благороднаго юношества, проникли и въ Россію ихъ нечестивыя мысли, кои разсѣивали французскіе гувернеры и собесѣдники въ знатныхъ домахъ. Платонъ, ополченный св. вѣрою, при чистотѣ ума своего, легко понялъ весь вредъ лжеученія энциклопедистовъ и въ письмѣ къ графу Остерману, между прочимъ, писалъ: „Вновь проникшія философскія правила, угрожающія не только религіи, но и политической основательной связи, требуютъ всепрілежной остроты““. При Дворѣ Платону нерѣдко приходилось лицомъ къ лицу встрѣчаться съ приверженцами лжеименной философіи, которые, подъ видомъ невѣдѣнія и сомнѣнія, искушали юнаго инока; но силою правды и убѣдительностію слова онъ поражалъ ихъ лжемудрованія; такъ что заграждалъ имъ уста. Такъ, союзникъ Вольтеровъ и глава якобинцевъ, Дидро, коего предназначали было уже воспитателемъ Наслѣдника російскаго престола, увидѣвшись съ его законоучителемъ, Платономъ, хотѣлъ приставить къ замѣшательству и высмѣять юнаго еще инока—такимъ дерзкимъ воззваніемъ: „Знаете ли, святой отецъ, философы говорятъ, что нѣтъ Бога“... „Это прежде ихъ сказано“,—скромно отвѣчалъ законоучитель. „Когда и кѣмъ“—съ нетерпѣніемъ спросилъ Дидро. — „Пророкомъ Давидомъ“,—подтвердилъ Платонъ: „рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ, а ты устами произносишь““. Пристыженный такимъ отвѣтомъ, Дидро умолкъ, вынужденъ былъ отказаться отъ предложенія воспитывать Наслѣдника всероссійскаго престола и отправился во Францію, не посѣявъ у насъ тѣхъ плевелъ, кои тамъ породили революцію со всѣми ея бѣдствіями и ужасами.

На законоучителя цесаревича Павла Петровича возлагались императрицею Екатериною II разныя нелегкія обязанности, кои онъ всегда исполнялъ съ честію. Такъ, вмѣстѣ съ двумя іерархами—Иннокентіемъ Пензенскимъ и Гаврииломъ Тверскимъ, онъ просматривалъ сочиненный Императрицею (въ 1766 г.) „Наказъ для комиссіи“. Въ 1766 г. Платонъ (по случаю самовольно сожегшихся въ Зеленецкомъ монастырѣ изступленныхъ суевѣровъ) написалъ: „Отъ православно-каеолическія восточныя Христовы Церкви увѣщаніе бывшимъ своимъ чадомъ, имнѣ недугомъ раскола немоществующимъ“, тогда же изданное при Св. Синодѣ вмѣстѣ съ чиноположеніемъ, какъ принимать обращающихся къ православнои церкви. Платоново „Увѣщаніе раскольникамъ“, въ самоубійствѣ искавшимъ мнимой славы мученичества,—увѣщаніе, выражающее болѣе скорбь о заблудшихъ, чѣмъ судъ надъ упорными, — болѣе дышущее любовію, чѣмъ неумолимою правдою, нашло себѣ доступъ къ серд-

цамъ многихъ, желавшихъ познать истину. За успѣшное и ревностное исполненіе возложенныхъ порученій, іеромонахъ Платонъ, по именованію повелѣнію, былъ посвященъ въ архимандрита Троице-Сергіевой лавры (1776 г. іюля 16-го) въ Петергофѣ, и въ этомъ званіи занялъ Троицкое подворье въ Петербургѣ, вступивъ въ управленіе многосложными дѣлами того монастыря, гдѣ онъ былъ постриженъ въ монашество, священнодѣйствовалъ, проповѣдывалъ и училъ. Когда въ 1767 г. Императрица со всѣмъ Дворомъ своимъ собралась въ Москву, то новый архимандритъ Троице-Сергіевой лавры былъ отпущенъ во вѣренную ему паству, ожидавшую многого отъ попеченій своего настоятеля. По прибытіи Двора въ Москву, прибылъ туда и Платонъ для исполненія обязанностей законоучителя и придворнаго проповѣдника. Тогда же онъ занялся окончаніемъ построекъ на Троицкомъ подворьѣ (что на Самотекѣ): крестовая церковь при подворьѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ была готова, и 18-го августа освящена въ присутствіи Августѣйшаго ученика, цесаревича Павла Петровича, который на новосельѣ у Платона имѣлъ обѣденный столъ. Между тѣмъ, Екатерина II пѣшкомъ со свитою направилась на праздникъ препод. Сергія 5-го іюля въ лавру Сергіеву, и тамъ архимандритъ Платонъ привѣтствовалъ ее, какъ „матеръ господа своего“ (по выраженію самого Платона). Довольная порядками въ монастырѣ и семинаріи, Императрица изъявила ему свое благоволеніе и пожаловала значительную сумму денегъ на окончаніе огромной и, въ своемъ родѣ, единственной колокольни, которая строеніемъ начата была еще при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ.

По возвращеніи въ Петербургъ, Платонъ, на 30-мъ году жизни своей, былъ наименованъ членомъ Св. Синода, а въ 1770 году посвященъ, въ присутствіи Государыни, въ архіепископа Тверского и оставленъ архимандритомъ столь любимой имъ Троице-Сергіевой лавры. Въ то время Платону было только 33 года. Возблагодаривъ императрицу рѣчью за ея милости, новый Тверской архіепископъ отправилъ къ новой паствѣ своей печатное пастырское посланіе, которое и было читано тамъ во всѣхъ церквахъ, а вскорѣ затѣмъ и самъ Платонъ отправился въ свою епархію, гдѣ и провелъ шесть мѣсяцевъ въ ревностномъ исполненіи дѣлъ высокаго званія своего. Занявъ Тверскую кафедру, Платонъ показалъ, что онъ обладаетъ громадными дарованіями администратора: образованіе духовенства, матеріальная обезпеченность его, благолѣпіе церквей, благоустройство обитателей—все было приведено трудами сего архипастыря въ цвѣтущее состояніе. Попеченіемъ Платона, между прочимъ, былъ разобранъ и вновь построенъ Тверской кафедральный соборъ, стѣны его благолѣпно расписаны, иконостасъ и престолъ обновлены и устроены двое хорозъ; увидѣвъ этотъ соборъ, импера-

трица Екатерина II сказала Платону: „Вы такъ украсили соборъ, что я подобно красиваго мало видала“.

Между тѣмъ, въ Петербургъ прибыла невѣста цесаревича, великаго князя Павла Петровича, принцесса Гессенъ-Дармштадтская Вильгельмина и архіепископъ Тверской Платонъ, по желанію принцессы и ея матери, читавшихъ въ переводѣ Платоново богословіе, былъ избранъ въ законоучители будущей супругѣ Августѣйшаго ученика. Ея мати говорила архіепископу, что „не польстилась бы на всѣ царства міра, когда бы не была увѣрена, что дочь ея спасется и въ этомъ законѣ, какъ христіанскомъ, если только пребудеть добродѣтельною“. Объ этомъ событіи писала Вольтеру письмо императрица Екатерина II: „Обращеніе Гессенъ-Дармштадтской принцессы произведено стараніемъ и убѣжденіемъ архіепископа Платона, который принялъ ее въ нѣдра греко-каѳолической соборной Церкви, единой православной, на востокѣ основанной“. Приготовивъ принцессу Вильгельмину къ принятію исповѣданія греко-россійской Церкви, архіеп. Платонъ торжественно присоединилъ ее къ Церкви, съ именемъ Наталіи, приобщилъ Св. Таинъ, привѣтствовалъ назидательнымъ словомъ. Впрочемъ, сей великой княгинѣ—Наталіи Алексѣевнѣ вскорѣ суждено было промѣнять брачный вѣнецъ на смертный (въ 1776 г.), а Платону — произнести надгробное слово при погребеніи ея, и его слово свидѣтельствовало о тѣхъ чувствахъ, коими исполнено было сердце духовнаго витѣи—ея законоучителя, духовнаго отца и друга. Совершеніе брака цесаревича Павла Петровича съ великою княжною Наталіею Алексѣевною (въ 1773 г.) было окончаніемъ его богословскаго ученія, и архіепископъ Платонъ за уроки въ теченіе десяти лѣтъ былъ награжденъ пожизненною пенсіею въ тысячу рублей и вскорѣ возвратился на свою паству Тверскую.

Въ то время, какъ архіепископъ Платонъ устраивалъ Тверскую паству, въ Москвѣ боролся съ закоренѣлыми предразсудками, суевѣріями и злоупотребленіями архіепископъ Московскій Амвросій (Зертисъ-Каменскій). Наступилъ роковой годъ для сего ревностнаго архипастыря Московскаго, годъ 1771-й. Въ день Богоявленія онъ служилъ въ Успенскомъ соборѣ, и, при вознесеніи его имени, протодіаконъ по ошибкѣ вмѣсто „Амвросія“ возгласилъ „Платона“. Такая обмолвка была предвѣстіемъ. Архіепископъ Амвросій не могъ скрыть своего неудовольствія и сказалъ протодіакону: „Сбывается что ли меня?“ Въ сентябрѣ того же года въ Москвѣ открылась чума, за ней слѣдовалъ бунтъ и убіеніе архіепископа Амвросія разъяренною чернію. Послѣ мученической кончины его, Московская паства оставалась безъ архипастыря: Государыня, какъ бы въ наказаніе, богѣ трехъ лѣтъ не назначала въ Москву епархіальнаго архіерея и сама не посѣщала ея.

Въ началѣ 1775 г. Императрица направилась въ Москву чрезъ Тверь, и здѣсь встрѣчаемому ея архіепископу Платону собственноручно вручила указъ о переводѣ его въ архіепископы Московскіе, съ удержаніемъ за нимъ и мѣста архимандрита Троице-Сергіевой лавры *). Тяжело было Платону разстаться съ Тверскою епархією, составлявшею предметъ его попеченій. Къ сожалѣнію его объ этой разлукѣ присоединился страхъ вступить на іераршескій престолъ, обгагранный кровію Амвросія, ставшаго жертвою своей ревности по истинѣ; извѣстны были также запутанность и разстройство дѣлъ епархіальныхъ въ многолюдной столицѣ. Все это заставило Платона просить Императрицу объ увольненіи его отъ Московской епархіи, но Государыня возвратила эту просьбу съ собственноручною надписью: „держусь моего указа“; и архіепископъ Платонъ, прибывъ въ Москву въ праздниѣ Срътенія Господня, вступилъ въ Архангельскій кафедральный соборъ, гдѣ и встрѣченъ былъ Московскимъ духовенствомъ.

Въ Московской епархіи архіепископу Платону снова пришлось проявить свой администраторскій талантъ и положить много труда на пользу дѣлъ ея. И немного прошло времени, какъ епархіа Московская стала неузнаваема: священническія и діаконскія мѣста были заняты людьми достойными, образованными; уничтоженъ былъ извѣстный „крестецъ“ у Спасскихъ воротъ, на которомъ собирались запрещенные священники („крестцовые“) и занимались служить обѣдни и молебны; взданы были многія распоряженія, касавшіяся нравственнаго улучшенія духовенства и его быта; дотолѣ дарившее въ духовенствѣ издоимство было уничтожено. Сравнивая прежнее состояніе духовенства съ современнымъ себѣ, Платонъ просто говорилъ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ: „Я засталъ духовенство въ лаптяхъ, а обулъ его въ сапоги, изъ прихожихъ ввелъ въ залы къ господамъ“. Не мало времени и труда удѣлялъ архіеп. Платонъ на приведеніе въ порядокъ и сильно разстроенной хозяйственной экономической стороны своей кафедрѣ. Архіерейскій домъ въ Кремлѣ былъ разграбленъ и разоренъ во время народнаго бунта и убіенія преосвященнаго Амвросія. Получивъ, безъ просьбы своей, отъ Монаршихъ щедротъ 40.000 р. на построеніе новаго дома, Платонъ соорудилъ грандіозное зданіе, обращенное потомъ въ Николаевскій дворецъ, гдѣ въ 1818 г. увидѣлъ свѣтъ государь императоръ Александръ II; возобновилъ и украсилъ Чудовскія церкви, возобновилъ и благоустроилъ заброшенный домъ митрополита Тимофея (Щербатцаго) въ с. Черкизовѣ, любимомъ лѣтнемъ пріютѣ Московскихъ

*) Съ этого времени, т. е. съ архіепископа Платона Лавшина, архіепископы и митрополиты Московскіе стали именоваться „священно-архимандритами Свято-Троицкія Сергіева лавры“.

свитителей. Хозяйственная дѣятельность митр. Платона проявлена была имъ и въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ, и при другихъ случаяхъ.

Въ день тезоименитства своего, 18-го ноября 1775 г., архіепископъ Платонъ получилъ указъ о назначеніи его въ директоры Московской духовной академіи, и со всѣмъ рвеніемъ занялся преобразованиемъ ея, какого она требовала, для пользы духовенства, во внѣшнемъ ея бытѣ и во внутреннемъ развитіи. При Платонѣ Левшинѣ Академія оправдала свое названіе „славяно-греко-латинской“, ибо давала совершенное знаніе всѣхъ трехъ языковъ. Но одно учебное образованіе безъ нравственнаго Платонъ признавалъ несовершеннымъ и часто спрашивалъ кончалыхъ богослововъ: „Вы вѣдь прошли всѣ школы: Христову-то школу прошли ли?“... „Наблюдайте сей долгъ предъ Богомъ всепрілежно, — внушалъ онъ начальству академическому, — чтобы не только учительствомъ, но еще болѣе честнымъ житіемъ юношество наставляли, такъ же и объ ученикахъ, чтобы не только въ наукахъ, но еще болѣе въ добродѣтели преуспѣвали“. „Наблюдайте, чтобы болѣе моральными, нежели физическими наказаніями ученики къ своей должности были приводимы“; „Ученіе, дабы было дѣйствительно, зависеть не столько отъ остроумія и краснорѣчія, сколько отъ чистоты и непорочности сердца учителей“... Такъ высоко смотрѣлъ архіепископъ Платонъ на учено-нравственное образованіе будущихъ пастырей и учителей Церкви!

Троицкая семинарія при Платонѣ также была приведена въ цвѣтущее состояніе, и въ похвалу ея довольно сказать то, что изъ нея вышли сряду три преемника Платона—Московскіе архипастыри: Августинъ, Серафимъ и Филаретъ, Новгородскіе митрополиты: Амвросій и Михаилъ и многіе другіе іерархи... Такъ какъ, въ концѣ 18-го вѣка, Платонъ пребывалъ чаще въ Виваніи, то Виванская семинарія составляла особенный предметъ попеченій и заботъ его. Рѣдкій вечеръ Платонъ не посѣщалъ ея, почти каждую субботу приходилъ въ аудиторію семинаріи слушать проповѣди семинаристовъ, предварительно имъ просмотрѣнныя, поправлялъ юныхъ ораторовъ въ произношеніи и движеніи съ живымъ участіемъ и снисхожденіемъ, такъ что талантъ былъ возвышаемъ и посредственность не унижалась. Этотъ ревнитель духовнаго просвѣщенія и покровитель дарованій радовался всякому проблеску таланта, всякому успѣху въ наукахъ; достаточно вспомнить объ отношеніяхъ Платона къ воспитанникамъ: Виноградскому, Глаголевскому, Дроздову, Клементьевскому (впослѣдствіи архіепископу Августину, митрополитамъ: Серафиму, Филарету, Никанору). Въ пособіе Московской академіи директоромъ ея было устроено въ подмосковномъ Перервинскомъ монастырѣ духовное училище; по его же мысли было открыто нѣсколько другихъ духовныхъ училищъ: въ Калугѣ, Звениго-

родѣ, Дмитровѣ. Впослѣдствіи времени (въ 1789 г.), желая „подать помощь бѣднымъ, но благоуспѣшнымъ и благонравнымъ ученикамъ, а Церковь снабдить хорошими служителями“, Платонъ положилъ въ Опекуинскій Совѣтъ капиталъ съ тѣмъ, чтобы на проценты его содержались по пяти студентовъ въ Московской академіи, Троицкой семинаріи и Перервинскомъ училищѣ. Эти питомцы, давашіе обязательство по окончаніи курса ученія оставаться въ духовномъ званіи, именовались „платониками“ и фамилію „Платоновыхъ“ удерживали по выходѣ изъ училища для сохраненія благодарной памяти о своемъ воспитателѣ и покровителѣ.

Съ такою ревностью по вѣрѣ православной и просвѣщенію, съ такою же попечительностью о внѣшнемъ и внутреннемъ устройствѣ Московской паствы, началось и потомъ продолжалось управленіе Платоново, такъ что первый годъ его служенія удостоенъ былъ особеннаго благоволенія Императрицы и ознаменованъ многими ему наградами и милостями, каковыя всѣ записаны въ его памятной книжкѣ. Исчисливъ всѣ Монаршія награды (числомъ 20 въ одномъ 1775 г.) и преимущества, коими не пользовались его предшественники (Платонъ Малиновскій, Тимошей Щербацкій и Амвросій Зертисъ-Каменскій), Платонъ заключаетъ это исчисленіе смиреннымъ воззваніемъ: „что есмь, Господи, яко помниши мене“... Попрежнему Платонъ исполнялъ и разныя порученія Императрицы. Такъ, по Высочайшему повелѣнію, онъ пересматривалъ напечатанныя въ типографіи извѣстнаго масона Повпкова и въ вольныхъ—книги сомнительнаго содержанія и далъ о нихъ Государынѣ свой отзывъ. Безъ его цензуры и «аппробаціи» не печаталось ни одно сочиненіе Вольтера. По порученію императрицы Екатерины II, занимавшейся составленіемъ „Записокъ“, Московскій архипастырь составилъ списокъ великихъ и удѣльныхъ князей россійскихъ, ихъ предковъ, женъ, дѣтей и потомковъ, погребенныхъ въ Московскихъ церквахъ съ обозначеніемъ ихъ рожденія и кончины... Когда наслѣдникъ, великій князь Павелъ Петровичъ, обручилъ себѣ невѣсту принцессу Вюртембергъ - Штутгартскую Софію - Доротею, которая, съ именемъ Маріи и въ санѣ императрицы, увѣковѣчила себя благодѣяніями страждущему человѣчеству, Платонъ былъ определенъ къ ней законоучителемъ для того, чтобы приготовить ее къ соединенію съ православною нашею Церковію. По исполненіи своей обязанности, архіеписк. Платонъ, при бракосочетаніи, привѣтствовалъ новобрачныхъ словомъ, и послѣ того, отправившись въ Калугу для открытія памѣтниковъ, возвратился въ Москву въ началѣ 1777 г. на дѣло своего званія. Этотъ подвигъ Платона Императрица признала „новымъ свидѣтельствомъ его усердія къ себѣ и любви къ отечеству“.

Утомленный дѣлами, Платонъ неоднократно просилъ Императрицу и Великаго Князя уволить его отъ епархіи, дозволивъ жить въ Троицкой лаврѣ на покой, но Императрица отвѣтила на просьбу Платона, что онъ и безъ увольненія можетъ быть свободнымъ, и предоставила его волѣ пребываніе въ Троицкой лаврѣ, съ дозволеніемъ (въ 1782 г.) поручить епархіальное управленіе, данному ему въ помощь, викарію. Съ тѣхъ поръ Платонъ болѣе уединялся въ Троицкую лавру, но посѣщаль и Перервинскій монастырь, куда въ 1785 и 1786 г. лѣтомъ ходилъ пѣшкомъ изъ села Коломенскаго Великій князь Александръ Павловичъ къ божественной службѣ. Съ 1783-го года Платонъ занялся устройствомъ себѣ пріюта для уединенія, для коего онъ приобрѣлъ въ трехъ верстахъ отъ лавры среди рощъ, луговъ и прудовъ живописное мѣсто, и тамъ желалъ кончить дни свои въ безмятежной тишинѣ. Въ этой пустыни было устроено кладбище для погребенія лаврскихъ монаховъ, согласно съ указомъ, запрещающимъ погребеніе въ знаменитыхъ мѣстахъ, и „по причинѣ погребаемыхъ здѣсь братій въ надеждѣ воскресенія, по примѣру Лазаря воскресшаго, эта пустыня названа была Виванією“. По замыслу Платона и на его иждивеніе, въ Виваніи, послѣ переименованной монастыремъ, была сооружена, на подобіе Фавора, церковь, въ коей одинъ престолъ на горѣ—во имя Преображенія Господня, а подъ нимъ—вертепный храмъ Лазарева воскресенія, возобновляющій въ памяти палестинскую Виванію. Здѣсь, въ пещерѣ, приготовивъ себѣ мѣсто для погребенія, храмоздатель впоследствии поставилъ дубовый гробъ, вмѣщавшій въ себѣ святыя мощи преподобн. Сергія. Разставивъ по хорамъ въ Виванской церкви изображенія святыхъ отцовъ, великихъ учителей Церкви и подъ ними икону Спасителя, Платонъ говаривалъ: „Вотъ—Христова Академія и съ Ректоромъ своимъ“. Присоединивъ къ Виванской обители благочестія семинарію и богадѣльню, Платонъ тѣмъ выразилъ свою любовь къ просвѣщенію и истинному благотворенію.

Между тѣмъ, какъ Платонъ былъ озабоченъ устройствомъ себѣ временнаго и вѣчнаго пріюта, императрица Екатерина II въ 1787 г. прибыла въ Москву. Архіепископу Платону минуло тогда полвѣка жизни. Наступилъ день его рожденія и мірскаго тезоименитства, общаго съ Августѣйшимъ его ученикомъ, великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Въ присутствіи Государыни, двухъ ея порфирородныхъ шуковъ, архіепископъ Платонъ въ день апостоловъ Петра и Павла совершалъ литургію въ Успенскомъ соборѣ. Послѣ „задостойника“ служившій вмѣстѣ съ нимъ духовникъ Государыни о. І. Памфиловъ въ установленной молитвѣ провозглашаетъ Платона митрополитомъ Московскимъ, и то же велегласно повторяетъ придворный протоіаковъ въ царскихъ

вратахъ. Предполагая въ этой ошибкѣ умыселъ, Платонъ замѣтилъ Памфилову, что „сего не должно дѣлать при совершении Святыхъ Тайнъ“; но тотъ отвѣчалъ, что такъ велѣно. Какъ оказалось, все это предварительно такъ устроено было по распоряженію Императрицы, дабы неожиданностью и торжественностью придать болѣе важности наградѣ. Увѣрившись въ неожиданной милости Государыни, митрополитъ Платонъ изъ царскихъ дверей благодарилъ ее поклономъ, а послѣ литургіи словомъ и при выходѣ изъ собора въ бѣломъ клобукѣ, въ свою очередь, былъ привѣтствованъ съ восхищеніемъ народомъ.

Въ 1796-мъ году, 5-го ноября, императрицы Екаторины II не стало, и на престолъ вступилъ сынъ ея, ученикъ Платона, великій князь Павелъ Петровичъ. Свое вступленіе на престолъ императоръ Павелъ I ознаменовалъ, между прочимъ, дарованіемъ свѣтскихъ отличій русскому духовенству. Московскому митрополиту, 6 ноября 1797 г., пожалованъ былъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Но столь высокая награда не ослѣпила Платона. Держась словъ Духовнаго Регламента, что „дѣло епископовъ велико, но честь ниваковая“, съ искренностью „вѣрнаго друга“, какимъ именовалъ его въ теченіе многихъ лѣтъ самъ Павелъ Петровичъ, и съ усердіемъ подданнаго, написалъ онъ письмо къ Государю противъ этого новаго установленія свѣтскихъ отличій для духовенства.

Въ мартѣ 1797-го года происходилъ торжественный въѣздъ императора Павла I въ Москву для священнаго коронаванія. Участвуя при этой коронаціи вмѣстѣ съ Новгородскимъ митрополитомъ Гаврииломъ, митроп. Московскій Платонъ подносилъ Государю одѣяніе русскихъ царей, а потомъ порфиру. И когда митропомазанный Государь хотѣлъ войти въ царскія врата къ престолу, для принятія Св. Тайнъ, имѣя у себя шпагу при бедрѣ, то митроп. Платонъ остановилъ его слѣдующими словами: „Здѣсь приносится безкровная жертва, отъими, благочестивѣйшій государь, мечъ отъ бедра твоего“. Павелъ, съ издѣтства благочестивый, смиренно сложилъ съ себя оружіе и вступилъ въ алтарь. Послѣ коронаціи императоръ Павелъ Петровичъ, по примѣру предковъ своихъ, посѣтилъ Троице-Сергіевскую лавру. Митрополитъ Платонъ, не взирая на свой тяжелый недугъ, торжественно встрѣтилъ царственную чету привѣтственной рѣчью, будучи облаченъ самъ въ убогую ризу преподоба. Сергія и имѣя въ рукахъ посохъ Преподобнаго, какъ преемникъ его въ санѣ архимандрита Лавры. Удивленный и довольный такою встрѣчею, напоминаяшею древнюю простоту и благочестіе въ убожествѣ великаго смиреніемъ мужа, Императоръ облобызалъ ветхую одежду, орошенную потомъ труда и слезами молитвы. Переночевавъ въ Лаврѣ, на другой день Императоръ и Императрица по-

сѣтили Визанію и здѣсь, съ подобающей торжественностью, были встрѣчены основателемъ обители. Въ ознаменованіе такого радостнаго для Визаніи дня посѣщенія Императорскаго Дома, митроп. Платонъ около своихъ келій соорудилъ скромный памятникъ, существующій донинѣ зъ надписью: „1797 года, апрѣля 24. Почто, Визанія, сей годъ и день прославляеши? Яко державный Великій государь, императоръ Павелъ I и съ Государыней Императрицею и со всею Августѣйшей фамиліею благоволи посѣтити мя и вкусити здѣ трапезу“. „Почто ты, пустыня, тако ликовствуеши? Яко того же года, мая 1 дня, Онь, Великій государь, во второклассный монастырь преобрази мя и еще при мнѣ устроилъ быть училищу просвѣщенія“. Эта надпись находится подъ аллегорической картиной, изображающей видъ Визанской обители.

Ополчаясь противъ жеманной философіи, противъ гнѣздившихся въ паствѣ расколовъ, митрополитъ Платонъ неопустительно внушалъ православнымъ россіянамъ „имѣть сіе святое честолюбіе, чтобы намъ тщательно хранили святую древность и св. ея законы; дабы иноплемennые престали намъ быть наставниками, а паче отъ насъ научились вѣрѣ къ Богу и благимъ дѣламъ“. Полагая также, что „ничѣмъ столько не унижается истина вѣры, какъ примѣсью лжей суевѣрныхъ“, и возставая противъ гнѣздившихся въ паствѣ расколовъ, митрополитъ Платонъ силою убѣжденія, духомъ кротости и снисхожденія успѣлъ многихъ отпадшихъ отъ вѣры отеческой возвратити въ нѣдра православной Церкви и память свою тѣмъ увѣковѣчить въ ихъ семействахъ, донинѣ вспоминающихъ съ благословеніемъ имя его. Между прочимъ, въ 1800 году къ Московскому митрополиту поступила просьба отъ 250 московскихъ старообрядцевъ о дозволеніи построить имъ церковь, имѣть по согласію прихожанъ рукоположенныхъ отъ арміерея священниковъ и отправлять богослуженіе по старымъ книгамъ. Эту просьбу старообрядцевъ митр. Платонъ препроводилъ въ Св. Синодъ при своемъ мнѣніи, въ коемъ полагалъ, чтобы присоединенныхъ къ православной Церкви не называть болѣе ни раскольниками, ни старообрядцами, а именовать „единовѣрцами или соединенцами“ и церковь ихъ — „единовѣрческою“. Мнѣніе и правила Платона объ единовѣрціи были утверждены указомъ Государя, и первая единовѣрческая или, такъ называемая, „благословенная церковь“ въ Москвѣ на Введенскомъ кладбищѣ, въ честь Введенія Божіей Матери, была освящена по благословенію митрополита Платона.

Между тѣмъ, англійскіе пытливые богословы, чрезъ полномочнаго министра при дворѣ Великобританскомъ, графа С. Р. Воронцова, отнесли съ вопросами къ митрополиту Московскому о раздѣленіи и разности восточной церкви отъ западной, о св. крещеніи и поклоненіи св. иконамъ. Поводомъ къ тому было сочиненіе Дютенса о православной

греко-россійской церкви, которое доставилъ преосвященному при писемъ гвардіи-капитанъ П. А. Яковлевъ. Митрополитъ, сообщивъ англійскимъ богословамъ замѣчанія свои объ этомъ важномъ и любопытномъ предметѣ (какъ говорятъ, писанныя подь его руководствомъ Меодіемъ Смирновымъ), послалъ имъ и свое сочиненіе о „Христіанской Богословіи“ въ латинскомъ переводѣ, съ тою цѣлю, какъ выразился онъ въ посланіи своемъ, — „дабы изъ него лучше могли понять силу того ученія, коему слѣдуетъ греко-россійская церковь, и убѣдились бы, что люди чрезъ мѣру мудрствующіе, всегда покушаются смѣшивать древнее съ новымъ и неизвѣстное съ извѣстнымъ“. Замѣчанія и книга Платона приняты были въ Англии съ уваженіемъ и переведены на англійскій языкъ; богословіе его употреблялось при богословскихъ лекціяхъ въ оксфордскомъ и Глазговскомъ университетахъ. И другіе иностранные ученые въ Германіи, Италіи, Швейцаріи и Франціи, для распространенія своихъ познаній о духовномъ состояніи Россіи, старались заводить переписку съ Платономъ, имя котораго славилось въ Европѣ, что доказываютъ ихъ письма и отзывы о немъ въ сочиненіяхъ. — Сколько ни вызывалъ митр. Платона на сближеніе съ собою Римскій папа, самъ и чрезъ своихъ агентовъ, однако же—Платонъ, не терпѣвшій системы папизма, уклонился отъ сношеній съ римскимъ первосвященникомъ.

Въ сентябрѣ 1801 г. митрополиту Платону суждено было помазать на царство императора Александра I. При коронаціи этого государя Платонъ сказалъ знаменитую рѣчь, которая, по Высочайшему повелѣнію, была переведена на языки: латинскій, греческій, итальянскій, французскій и нѣмецкій, и которая навсегда останется назиданіемъ для государей и блестящимъ памятникомъ русскаго витійства. Въ напослѣдствіе священныя обязанности повелителя народа митр. Платонъ, между прочимъ, говорилъ со дерзновеніемъ: „Предстанеть лицу Твоему пространнѣйшая въ свѣтѣ имперія, и будетъ отъ мудрости Твоей ожидать во всѣхъ членахъ своихъ и во всемъ тѣлѣ совершеннаго согласія и благоустройства. Узриши сходящіе съ небесъ вѣсы правосудія, со гласомъ отъ Судіи неба и земли: „да судиши судъ правый, и вѣсы Его да не уклониши ни на шее, ни на десное“. Узриши, въ лицѣ благаго Бога, сходящее къ Тебѣ милосердіе, требующее, да милостивъ будеши ко вручаемымъ Тебѣ народамъ. Достигнуть престола Твоего вдовицы и сироты и бѣдные утѣсняемые во зло употребленною властію, да защитиши ихъ, да отреси ихъ слезы, и да устроиши ихъ вездѣ проповѣдывать Твою промыслительную державу. Предстанеть и самое человѣчество въ первородной своей и нагой простотѣ безъ всякаго отличія порожденій и происхожденій: взирай, вопіеть, общій Отець, на права человѣчества! Мы равно всѣ чада Твои! Наконецъ, благочестію Твоему

предстанеть и Церковь, сія мать, возродившая насъ духомъ, и къ Тебѣ, яко къ первородному Сыну своему, простретъ руки свои, и ими объяви Твою любезнѣйшую выю, умолять не престанеть: да сохраниши не для себя токмо, но паче да явиши собою примѣръ благочестія, и тѣмъ да заградиши нечестивыя уста вольнодумства и невѣрія“...

Живя, съ соизволенія еще императрицы Екатерины II, въ Сергіевой лаврѣ и поручивъ управленіе викарію своему, митроп. Платонъ не переставалъ заниматься важнѣйшими дѣлами по епархіи: не пропускалъ случая и проповѣдывать, словомъ своимъ поражая буйное невѣріе и своеволие, тогда заражавшія умы французовъ и поляковъ, не оставлялъ безъ вниманія и хозяйственной части, какъ благопопечительный хозяинъ и строитель. Для сего Платонъ нерѣдко пріѣзжалъ въ Москву, въ Перервинскую, Махрищекую и другія обители и пустыни Московской епархіи, обновленныя и украшенныя имъ, также посѣщалъ и любимыя свои разсадники ученія, навѣдываясь объ уснѣхахъ питомцевъ, кои привлекали на себя его зоркое вниманіе отличными дарованіями, примѣрнымъ прилежаніемъ къ наукамъ и хорошимъ поведеніемъ. Остатокъ жизни своей митроп. Платонъ провелъ отчасти въ путешествіи по Россіи, отчасти въ келейной жизни на Перервѣ. Еще въ августѣ 1792 г. съ благочестивою и любознательною цѣлью, было совершено Платономъ путешествіе въ Переяславль, Ростовъ, Ярославль, Кострому, Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ и Александровъ; но у него было давнее желаніе побывать еще въ Кіевѣ, въ Россійскомъ Іерусалимѣ, для поклоненія святымъ угодникамъ. Черезъ это путешествіе Платонъ надѣялся также укрѣпить свое разстроенное здоровье и найти новыя матеріалы для русской церковной исторіи въ колыбели отечественнаго христіанства, гдѣ митрополитомъ былъ тогда прежній викарій и другъ его Серапіонъ (Александровскій), неоднократно и убѣдительно приглашавшій къ себѣ Платона. Съ такою цѣлью Платонъ отправился въ Кіевъ изъ Москвы 28-го мая 1804 года чрезъ Можайскъ, Гжатскъ, Вязьму, Смоленскъ, Могилевъ и Черниговъ (обратно чрезъ Батуринъ, Глуховъ, Орель, Тулу) и, во все время путешествія своего, отовсюду видѣлъ знаки любви и уваженія къ себѣ: жители городовъ и селеній,—по собственному его замѣчанію,—„ездѣ жадно тѣснились окрестъ его, яко свойственно добрымъ христіанамъ, увидѣвъ служителя Церкви Христовой и, съ любовію взирая, добродушно испрашивали отъ него благословеніе Божіе“.

Передавъ управленіе епархіей Московской викарію своему, епископу Августину, престарѣлый митроп. Платонъ проводилъ остатки дней своихъ келейно, въ Виенахъ. Разныя тѣлесныя недуги напоминали ему о кончинѣ; и окружавшіе митр. Платона часто слыхали слова его: „Время отшествія моего наста“. Въ успокоеніе свое святитель говаривалъ: „Со

смертію надобно нѣсколько подружиться, дабы съ меньшимъ страхомъ встрѣтить ее“. Такъ свикался съ мыслию о концинѣ своей и готовилъ себя къ вѣчности сей архипастырь. При всемъ томъ онъ не переставалъ заботиться о благѣ отечества, скорбѣлъ душою о постигшемъ Россію несчастіи, велъ съ Государемъ переписку, въ коей съ честною смѣлостію высказывалъ свои взгляды на Тильзитскій миръ съ Франціей и находилъ нужнымъ войну съ французами. „Не вѣрьте,—писалъ знаменитый митрополитъ къ своему Государю...—не вѣрьте ложному миру; и коль скоро будемъ вѣрить, то падемъ, падемъ бѣдственно, и слава наша затмится такъ, какъ затмилась слава несчастной Трои“. Между прочимъ, Платонъ не только слышалъ о Наполеонѣ, а и находился съ нимъ въ перепискѣ; правда, косвенной. Почти наканунѣ войны съ Россією Наполеонъ обратился черезъ сенатора, графа Грегуара, съ письмомъ къ митроп. Платону, которое заканчивалось надеждою на соединеніе восточной и западной церкви. Въ отвѣтномъ письмѣ къ повѣренному Наполеона, митроп. Платонъ говорилъ: „Съ царствованія Петра І дѣланныя покушенія касательно сближенія двухъ церквей остаются безуспѣшными, потому что надобно убѣдиться, что подобная мысль совершенно противна духу народа русскаго. Народъ нашъ столько привязанъ къ своей вѣрѣ, что всякая въ ней перемѣна можетъ сдѣлаться для русскихъ оскорбительною и пагубною“... Но вскорѣ прекратились переговоры Наполеона съ Россією,—наступилъ 1812 годъ, тяжелый для всей Россіи и послѣдній годъ жизни святителя Платона. Скорбя сердечно объ отечествѣ, попираемомъ врагами, Платонъ еще болѣе разстроилъ свое здоровье. „Боже мой! Боже! до чего я дожилъ?“—часто повторялъ митроп. Платонъ и горько плакалъ, такъ что никто изъ окружавшихъ его не могъ и не смѣлъ утѣшить его. Подобно препод. Сергію, нѣкогда благословившему Дмитрія Донскаго на брань съ Мамаемъ, митроп. Платонъ изъ Визаніи послалъ государю Александру І икону преп. Сергія, древняго ревнителя о благѣ Россіи, съ прочувствованнымъ письмомъ, въ коемъ, между прочимъ, какъ бы въ пророческомъ духѣ, онъ предсказалъ сему императору величіе и побѣду, а Наполеону—позоръ и погибель: „Пусть дерзкій и наглый Голиафъ отъ предѣловъ Франціи обноситъ на краяхъ Россіи смертоносные ужасы, но кроткая вѣра, сія праца Россійскаго Давида, сразитъ внезапно главу кровожадущей его гордыни“. Въ другомъ письмѣ святитель говоритъ о Наполеонѣ: „И этотъ фараонъ погрязнетъ здѣсь съ полчищемъ своимъ, яко въ Черномъ морѣ. Онъ пришелъ къ берегамъ Двины и Днѣпра провести третью новую рѣку—страшно выговорить—рѣку крови человѣческой. О, каждая капли крови воззоветъ отъ земли къ небу. Крови брата твоего взышу отъ руки твоея. Франція познаетъ въ Богѣ Господа отмщенія, а Россія восчувствуетъ, испо-

вѣдуетъ, возопіетъ къ Нему: Авва! Отче! Царю небесный! Ты изведеша яко свѣтъ, правду Монарха и судьбу Россіи, яко полудне“...

Московское оцолченіе выступило въ походъ съ благословеніемъ митроп. Платона и съ хоругвями изъ церкви Спаса въ Спасской, при коей почивалъ прахъ отца его. Услышавъ объ этомъ, Платонъ со слезами воскликнулъ: „Съ нами Богъ!“ Въ день Преображенія Господня, въ храмовой праздникъ въ Виоаніи, святитель Платонъ за литургіей въ нижней церкви Лазарева воскресенія возносилъ со слезами трепещущія длани, поддерживаемыя, какъ нѣкогда у Моисея, сослужившими съ нимъ. Послѣ обѣдни онъ вдругъ остановился и, обращаясь на всѣ четыре стороны, какъ будто вѣлушиваясь въ чьи-либо слова, нѣсколько разъ повторилъ: „Ключъ къ Москвѣ взять: злодѣй въ Смоленскѣ“. Окружавшіе не знали, что подумать, и лишь на третій день послѣ того достигло къ Виоанію извѣстіе, что не устояли и стѣны Смоленскія, о коихъ, восемь лѣтъ тому назадъ, заботился митр. Платонъ съ какимъ-то предчувствіемъ, что и „онѣ будутъ пужны и полезны Россіи“. Несмотря на свою болѣзнь, митроп. Платонъ въ самый день великой Бородинской битвы прибылъ въ Москву. Въ Кремлѣ, близъ Ивановской колокольни, было устроено возвышеніе, народу собралось великое множество, послѣ молебствія митрополитъ обратился къ жителямъ Первопрестольной чрезъ діакона, умоляя ихъ покориться волѣ Божіей и обѣщаясь молиться за нихъ. По свидѣтельству очевидца, почтенный видъ святителя, его слезы, его рѣчь, хотя и передаваемая устами другого, сильно дѣйствовали на народъ: рыданія слышались со всѣхъ сторонъ, всѣ стояли на колѣняхъ. Не взирая на то, что Москвѣ угрожалъ Наполеонъ, митроп. Платонъ никакъ не соглашался оставлять своей паствы въ опасности и покинуть унылую столицу, и лишь за два дня до вступленія въ Москву французовъ, епископу Августину удалось убѣдить митрополита ѣхать въ Виоанію. Покидая навсегда Первопрестольную, тяжело больной архипастырь опустился на колѣни предъ образомъ Спасителя въ своей келіи на Троицкомъ подворьѣ и, рыдая, долго молился за спасеніе родины, за царя, за Москву.

Скорбя сердечно о бѣдствіи своего отечества, митроп. Платонъ, казалось, не хотѣлъ умирать прежде рѣшенія судьбы его. Богословъ и философъ, святитель и витія, другъ вельможъ и царей, онъ больше всего—больше учености и власти, больше почести и славы любилъ свою родину, и только ее одну. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что непріатели не будутъ въ обители Сергіевой и часто повторялъ окружавшимъ его, что если нечестивцы прикоснутся въ Москвѣ къ образамъ Божиимъ, то погубить, что Преподобный постоять за себя и не допустить врага къ себѣ. Въ тотъ самый день, когда непріатели

оставили Москву, Платонъ, сидя за обѣдомъ, вздремнулъ, что подѣ старость съ нимъ случалось нерѣдко; но вдругъ, проснувшись, сказалъ довольно громко: „вышелъ, вышелъ“, и снова впалъ въ забытіе; окружавшіе не поняли значенія этихъ словъ, а на другой день узнали, что непріятель вышелъ изъ Москвы. И когда митроп. Платону было сообщено извѣстіе объ оставленіи французами Первопрестольной, то онъ перекрестился и съ сіяющимъ лицомъ воскликнулъ: „Слава Богу! Москва освобождена, и я теперь умру спокойно“.

Кончина святителя Платона была кончиною праведника: переходъ изъ временной жизни въ вѣчную не страшилъ его. За нѣсколько времени до смерти онъ каждодневно причащался Свв. Таявъ. Наступило 11-е ноября: роковая развязка была близка, но ея никто не подозрѣвалъ, хотя митрополитъ Платонъ и сказалъ своимъ приближеннымъ: „теперь все рѣшится“, а наканунѣ велѣлъ вынуть кипарисовый гробъ, заготовленный имъ около девяти лѣтъ назадъ. Въ 12 часовъ дня святитель Платонъ съѣлъ за обычную скромную трапезу и, по окончаніи ея, почувствовалъ себя дурно; а въ два часа дня великаго іерарха церкви Московскои и печальника всей русской земли не стало. Отпѣваніе митр. Платона было совершено въ Троицкомъ соборѣ Сергіевой лавры 16 ноября, епископомъ Августинномъ, соборнѣ съ архимандритами и іеромонахами. Не смотря на тревожное время, народу на отпѣваніе собралось множество; горькій плачь и рыданія сливались вмѣстѣ съ погребальнымъ пѣніемъ. И въ правѣ былъ сподвижникъ скончавшагося іерарха, архимандр. Евгений, въ надгробномъ словѣ своемъ воскликнуть: „Закатилось солнце, свѣтило церкви, украшеніе и образецъ пастырей, примѣръ и утѣшеніе русскаго народа“... По отпѣваніи, гробъ съ тѣломъ скончавшагося святителя, съ печальной процессіей, растанувшейся болѣе, чѣмъ на версту, былъ несомъ священнослужителями въ Спасо-Виеанскій монастырь и опущенъ въ могилу, приготовленную въ церкви Воскрешенія праведн. Лазаря. Надпись, которую мы видимъ на скромномъ памятникѣ митроп. Платона, сочинена имъ самимъ и гласитъ: „Здѣсь погребенъ тѣломъ преосвящ. Платонъ, митр. Московскій, архимандритъ Троицкой лавры и сея Виеанскія обители и при ней Семиаріи основатель“. А внизу—стихи:

„Читатель, вспомни всѣхъ судьбу,
Прсей о немъ свою мольбу,
Да въ Богъ духъ его опочиваетъ,
Воставъ и тѣло его съ нимъ да возсіяетъ.
На землѣ суть временна и тлѣнна,
Непостоянна вся и тлѣнна
Единъ покой на небесахъ.
Лети въ нихъ, вѣра, на крылахъ!“

Сочиненія митроп. Московскаго Платона Левшина являются драгоценным вкладомъ въ сокровищницу русской богословской мысли и составляютъ славу не только русской церкви, а и русскаго общества.

Талантъ митроп. Платона проявился особенно въ блестящихъ его проповѣдяхъ на воскресные и праздничные дни, въ привѣтственныхъ и надгробныхъ словахъ. Несомнѣнно, митропол. Платонъ, — проповѣдникъ по призванію и, притомъ, идеаль православнаго церковнаго проповѣдника, — имѣлъ огромное вліяніе на послѣдующихъ представителей русскаго проповѣдничества, среди коихъ были знаменитые: Филаретъ, митроп. Московскій, Евгений, архіеп. Ярославскій, Амвросій, архіеп. Тверской. Хотя не всё поучительныя слова святителя Платона — одинаковаго достоинства, однако, всё они представляютъ собою назидательное чтеніе, какъ училище благочестія и добродѣтелей; и самъ Св. Синодъ, признавая достоинство сихъ проповѣдей Платоновыхъ, включилъ многія изъ нихъ въ число годовичныхъ поученій для всѣхъ церквей.

Въ области исторической науки митр. Платонъ Левшинъ знаменитъ, какъ ученый труженикъ, въ своей „Церковной Россійской Исторіи“ (окончен. XVII вѣкомъ), давшей первый опытъ систематической разработки отечественной исторіи Церкви. Этотъ трудъ Платона, по отзыву Филарета, архіеп. Черниговскаго, — „въ отношеніи безпристрастія могущій служить образцомъ для историка русской церкви“, по взгляду проф. П. В. Знаменскаго — трудъ „рѣдкій по талантливости, полный обиліемъ фактовъ, мѣткихъ замѣчаній и серьезной критики“, по мнѣнію С. М. Соловьева — „трудъ запечатлѣнный печатью могучаго юнаго таланта“. Къ историческимъ трудамъ митр. Платона относятся также: его автобіографія, доведенная имъ самимъ до 1807 г., историческія надписи на разныхъ памятникахъ, историческое описаніе Сергіевой лавры, его путевыя записки, веденныя въ 1772 и 1804 г.г.

Какъ педагогъ и канонистъ, митр. Платонъ извѣстенъ своими трудами: „Катехизисъ, толкованный всенародно“ въ 1757 и 1758 г.г., Катехизисы для малолѣтнихъ, для обученія отроковъ, для священнослужителей, „Православное ученіе или сокращенная христіанская богословія“, „Инструкція благочиннымъ священникамъ“, вполнѣдствіи принятая Св. Синодомъ за общее правило, „Увѣщаніе раскольниковъ“ съ чиноположеніемъ, какъ принимать обращающихся изъ нихъ къ православной Церкви. „Катехизисы“ Платоновы, бывшіе до появленія Катехизиса митр. Филарета единственными курсами богословія на русскомъ языкѣ, не утратили своего воспитательнаго значенія и понятія, особенно его образцовый „Катехизисъ, въ бесѣдахъ начально въ академіи преподаанный народу“ и „Сокращенная христіанская богословія“, пріобрѣтшая широкую извѣстность даже за границей, чрезъ переводъ на языки:

латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій, англійскій, голландскій, грузинскій, армянскій...

Митрополиту Платону принадлежать также: Акаенсты преподобному Сергію и благовѣрному князю Данилу, многочисленныя письма его и разныя другія его сочиненія, *) изданію коихъ предпосылаемъ слѣдующее „Предисловіе отъ сочинителя“ ихъ:

„При изданіи въ свѣтъ всѣхъ моихъ сочиненій, я предвижу, что они должны предстать, яко на судъ разнаго рода и состоянія читателей, изъ которыхъ всякъ свое, по мѣрѣ своего понятія, или просвѣщенія, а иногда, можетъ быть, и страсти, дѣлать будетъ заключеніе. Предупреждая строгость такового суда, уповаю оную смягчить чистосердечнымъ признаніемъ моихъ недостатковъ. Сохрани Богъ! чтобы когда-либо предпріялъ я велемудрствовать о своихъ сочиненіяхъ, и оныя бы почиталъ въ своемъ родѣ совершенными. Знаю, koliko изъ нашихъ соотечественниковъ было и есть даромъ витійства прославившихся, коимъ по ихъ достоинствамъ всякую отдаю честь и справедливость, не меньше самъ какъ и другіе, услаждаясь ихъ поученіями. Но при всей томъ, если каковой малѣйшій стязалъ я даръ слова, оный восписую единому Раздаятелю даровъ—Духу Святому: почитая за неизвинительное предъ совѣстію моею, дабы оный не употребить въ созиданіе Церкви Божіей и въ пользу другихъ и собственную мою, съ кротостію присвоая себѣ оное Соломоново слово: „Нелестнѣ научихся, безъ зависти преподаю, и богатства премудрости не сокрываю“.

Всякъ изъ читающихъ можетъ видѣть содержаніе моихъ писаній, но не всякъ намѣреніе мое, которое открытъ почитаю я за нужное, не только для того, чтобы извинить мои недостатки, если бы какіе противъ правилъ витійственнаго слога были примѣчены, но и съ тѣмъ притомъ, не послужить ли сіе открытіе моего намѣренія и для другихъ, въ проповѣданіи слова Божія труждающихся, нѣкоторымъ примѣромъ. Признаюсь, что о витійственномъ и ищещренномъ слогѣ я никогда много не заботился. Таковой словами играющій и надменный слогъ можетъ быть для свѣтскихъ сочиненій когда-либо пристоеенъ и нуженъ: но на священномъ мѣстѣ, гдѣ устами проповѣдника бесѣдуетъ вѣчная истина, почиталъ я, что оный есть излишенъ, разсуждая, что

*) Наибольше известныя сочиненія о самомъ митр. Платонѣ—слѣдующія: А. Надежкинъ: „Митрополитъ Московскій Платонъ Левшинъ, какъ проповѣдникъ“. Казань 1883 г.; П. Лысогорскій: „Московскій митр. Платонъ, какъ противораскольническій дѣятель“. 1905 г. Ростовъ на Дону; С. К. Смирновъ: „Автобіографія Платона, митр. Московскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями“. М. 1887 г.; А. Вѣднень: „Митрополитъ Платонъ въ отношеніяхъ къ Византской Семинаріи“. М. 1897 г.; И. М. Снегиревъ: „Жизнь Моск. митр. Платона“. Изд. 1891 г.; „Объ изученіи жизни и трудовъ митроп. Платона“ („Всесоюзск. Вѣстн.“ май, 1913 г.).

слово Божіе есть подобно сановитой женѣ, которая сама собою заставляетъ себя почтаться, не требуя прикрасъ жены нецѣломудренной. Притомъ, церковный проповѣдникъ долженъ бесѣдовать къ людямъ различнаго состоянія и понятія; а потому—необходимость требуетъ, дабы духовная бесѣда была всякому удобопонятна; удаляя отъ себя, сколько возможно, то подозрѣніе, что будто проповѣдникъ болѣе ищетъ хвалы слушателей за свое краснорѣчивое слово, нежели ревнуетъ о насажденіи добродѣтели и страха Божія въ сердцахъ слушателей.

По симъ причинамъ о витійственномъ и испещренномъ слоgѣ я никогда много не заботился: а все мое вниманіе и стараніе обращалъ на то, дабы въ словѣ моемъ ничего не было темнаго, невразумительнаго, или сомнительнаго, или обоюдный разумъ имѣющаго; чтобы притомъ все было поставлено въ своемъ мѣстѣ, сходственно съ порядкомъ естественнымъ: доказательства на всякое предложеніе были бы приличныя, убѣдительныя, неоспоримыя, и ничего бы таковаго между ними не было, что слушателю показалось бы сомнительнымъ, или на что онъ могъ бы сдѣлать возраженіе. Къ сему единственно простиралось всегда все мое вниманіе, и притомъ—я увѣрялъ себя, что если слово съ такимъ духомъ будетъ сочинено и произнесено, болѣе можетъ подѣйствовать на сердце слушателя, и больше къ его пользѣ послужить, нежели то, которое подымается одною пестротою разнообразныхъ выраженій, и токмо производить одинъ громкій словъ шумъ, ни силы, ни духа не имѣющій.

Если же я и въ семъ не успѣлъ, не для того, чтобы не доставало моего къ тому намѣренія и тщанія, но не доставало силъ и возможности. Не всякъ всѣ дары стяжати можетъ. „Комуждо бо,—да со Апостоломъ скажу,—дается явленіе духа на пользу, овому дается слово премудрости, иному слово разума, иному реди языковъ, другому же сказанія языковъ. Вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо, якоже хошетъ (1 Кор., 12, 11). Почему извинитъ меня читатель, если каковыя въ чемъ-либо усмотритъ въ моихъ сочиненіяхъ недостатки, только удостоилось бы его одобренія мое намѣреніе, впрочемъ, по Апостолу, много погрѣшаемъ вси.

Въ заключеніе же сердечно желаю, и усердно Господа молю, да чтеніе сихъ сочиненій дѣйствіемъ благодати Его принесетъ какую-либо малѣйшую внимательно читающимъ пользу, и сія пріобрѣтѣнная польза да будетъ мнѣ заступленіемъ въ день праведнаго, каждому по дѣламъ его, воздаянія“.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ СЛОВА.

Слово о пользѣ благочестія *).

„Тѣлесное обученіе вмагъ есть по
лезно, а благочестіе на все полезно
есть“.

(1 Тимоѳ., гл. 4, ст. 8).

Разсуждающему о приходѣ Вашего Императорскаго Величества въ обитель сію, не трудно найти движущую причину онаго, что, единымъ п.буждаемы благочестіемъ и усердною къ Богу и угодникамъ Его восплаемы вѣрою, сей трудъ принять благоволили, въ сокровенности души своей, по оный Давидовъ стихъ: „Мнѣ же зѣло чести быша друзи Твои, Боже“ (Псал. 138, 17). Признаемъ мы не малое въ предпріятіи семъ Твое снисхожденіе, но и исповѣдуемъ, что снисхожденіемъ симъ Величество Твое болѣе возносится и прославляется. Подражаешь Ты, Великая Монархиня, въ дѣлѣ семъ, какъ и во всемъ прочемъ, высочайшимъ и благочестивымъ предкамъ своимъ, которые по себѣ сумнѣніе оставили, благочестіемъ ли болѣе, или мужествомъ, мужествомъ ли болѣе внѣ отечества, или мудрымъ внутрь отечества правленіемъ, безсмертную себѣ приобрѣли память. Ихъ въ полѣ мужество не мѣшало имъ дома мудрое и смотрительное имѣть правленіе, а и то и другое—не препятствовало имъ и благочестія дѣло отиравать со всякимъ благоговѣніемъ. Все они сіе мѣсто своими священными стопами освятили. Да умолчу дальнѣйшихъ Вашего Величества предшественниковъ (сіе бо многаго требуетъ труда), довольно напомнить, что Великій, безсмертно жить достойный, Петръ, дражайшій Вашего Величества дѣдъ, особенный былъ мѣста сего покровитель. Преславныя монархини Анна и Елисавета, любезнѣйшія Вашего Величества тетки, рачительнѣйшія были обители сея украсительницы, ко-

*) Сказано при Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества присутствіи, въ Святотроицкой Сергіевой лаврѣ, въ храмѣ Святыя Троицы, 1763 года, Мая 19 дня.

горя изобильно источником щедротъ своихъ струю Радонежскую нанюжи. Которыхъ благочестію ревнуя и Ваше Императорское Величество, Монаршимъ своимъ посѣщеніемъ лавру сію, се уже второе, удостоить благоизволили: за что да посѣтитъ Тя Востокъ съ высоты

А мы, слушатели, имѣя Монархию намъ примѣръ благочестія, краткую бесѣду предложимъ: „сколько всякому человѣку приносить пользы, ежели онъ будетъ не лѣнливо упражняться въ благочестивомъ дѣлѣ богопочитанія?“ которое слово высочайшимъ своимъ, Благочестивѣйшая Государыня, дозволеніемъ подтвердить вселмиренно молю.

Благочестіе требуетъ, не токмо чтобы истинное о Богѣ имѣть познаніе, но чтобы и лицемѣрное и боголѣнное воздавать Ему почитеніе, любя Его всѣмъ сердцемъ, какъ благоутробнѣйшаго Отца; боясь, какъ строгаго и пороками гнушающагося Судии и, всю надежду во всемъ на Него возлагая, какъ на попечительнаго Промыслителя. Почему никакого нѣтъ сомнѣнія, что ни благодать Божію получить, ни помощи Его ожидать, ни царствія небеснаго надѣяться—безъ благочестія не возможно: „нечестивіи бо не узрятъ славы Господни“,—поетъ Пророкъ (Исаиѣ, 26, 10). Оставивши убо сіе, какъ само чрезъ себя очень ясное и всѣмъ извѣстное, болѣе къ тому рѣчь нашу склонимъ, что ниже до сего жизни надлежащія дѣла, безъ благочестія, могутъ люди проходить благополучно и съ успѣхомъ.

Всѣ, вообще, дѣла раздѣлены быть могутъ на „общенародныя, духовныя и гражданскія“. Разсмотримъ же, во-первыхъ, общенародныя, Общенародныя дѣла суть слѣдующія: напримѣръ, землю орать, продать, купить, нанять, работать, помочь, одолжить и прочія. Для совершеннаго сихъ дѣлъ исправленія надобна охота безпринужденная, вѣрность лицемѣрная, искренность открытая, трудъ и прилежаніе: надобно, чтобы не было праздности, пьянства, хитрости, обмана, нерадѣнія. Но не имѣющій въ сердцѣ страха Божія, человѣкъ оныя дѣла благополучно и совѣстно совершить не можетъ. Онъ будетъ въ ораніи лѣнивъ, или излишне и язычески заботливъ, въ продажѣ лукавъ; въ куплѣ не осмотрителенъ, или безразсудно щедръ, въ наемѣ обидливъ, въ работѣ нерадивъ, въ вспомогательствѣ бѣдности другаго жестокъ и не сожалителенъ, въ одолженіи другаго скупъ, и къ нуждамъ его нечувствителенъ; и для сего мы тому, кто насъ обижаетъ, или помочь въ бѣдности нашей намъ отказывается, или работаетъ нерадиво, или поступаетъ лукаво, обыкли говорить: „что ты Бога не боишься“. Чѣмъ даемъ знать, что ежели бы онъ боялся Бога, такимъ бы незаконнымъ образомъ съ нами не поступалъ: понеже обманы, обиды, несогласія, праздность, пьянство, и прочія безчинія наипаче отъ кеимѣнія страха Божія происходятъ. Благочестивый, напротивъ, и Бога боящейся человѣкъ, въ

земледѣльствѣ будетъ прилеженъ, но безъ заботливости языческой, то есть, болѣе на промыслъ Божій полагаясь, въ продажѣ справедливъ безъ хитрости, въ куплѣ разсмотрителенъ, не имѣя худаго расточительнаго права, въ наемѣ не обидливъ, къ бѣдности другаго сожалителенъ и щедръ, ко вспомогательству другому въ нуждахъ скоръ и милосердъ, благочестивый бо мужъ милуетъ и скоты свои, къ дѣлу охотенъ безъ принужденія, вѣренъ безъ лицемерія, искрененъ безъ закрытія, прилеженъ и снискателенъ своего добра безъ зависти. Почему удивительно ли, что усердный къ Богу человекъ будетъ благополученъ; а Бога не боящійся—несчастливъ; тотъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ благопоспѣшенъ, сей ни въ чемъ неудачливъ; тотъ всѣмъ любезенъ и приятенъ, сего всѣ отвращаются и гнушаются? Удивительно ли, что благочестивый человекъ всѣмъ изобилуетъ, всѣмъ доволенъ, да еще весь день милуетъ и въ займъ даетъ; а не де, жашійся благочестія человекъ—во всемъ скуденъ, недостаточенъ, и принужденъ бываетъ часто просить насущнаго хлѣба? „Клятва бо Господня въ домѣхъ нечестивыхъ, двори же праведныхъ благословляются“ (Притч., 3, 33): „имѣніе, поспѣшаемо съ беззаконіемъ, умалено бываетъ, собираи же себѣ съ благочестіемъ изобильствовати будеть; праведный щедритъ и даетъ“, пишетъ мудростію славный Соломонъ. А святой Давидъ, сію истину самимъ собою дознавъ, вопіеть: „Юнѣйшій бѣхъ, нбо состарѣхся: но не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмени его просяща хлѣба“, и далѣе припѣваетъ: „богатіи обнищаша и взалкаша, взыскающіи же Господа не лишатся всякаго блага“ (Пс. 36, 25; 33, 11). Таковыхъ намъ богочитателей Божіе слово представляетъ въ примѣрѣ Авраама, Исаака, Іакова, Іова, которыхъ столь благословилъ Богъ всякимъ богатствомъ, что они для множества скота своего принуждены были свои жилища съ однихъ мѣстъ переносить на другія. А чтобы мы сіе праведныхъ праведное обогащеніе какому не причли случаю, въ томъ насъ Священное Писаніе предостерегаетъ, которое, именно, и тѣлесное всякое довольство сказуеть быть благословеніемъ Божіимъ, и награжденіемъ за соблюденіе святаго зкона Его. „Аще“, глаголетъ Господь Богъ, „въ повелѣніихъ Моихъ ходите, и заповѣди Моя сохраняете, и сотворите я: и дамъ дождь вамъ во время свое, и земля дастъ плоды своя и дрѣвеса сельная отдадутъ плодъ свой: и постигнетъ вамъ мзаченіе (жить), обраніе вина, и обраніе вина постигнетъ сѣяту, и снѣте хлѣбъ вашъ въ сытость“ (Лев., 26, 3—5).

Правда, что и нечестивые нѣкогда богатѣють, и воспріемлютъ блага въ животѣ своемъ; но лучше малое праведнику паче грѣшныхъ богатства многа. Не тотъ богатъ, кто много имѣеть; но кто малымъ доволенъ: тотъ богатъ, что и съ нищетою дружно живетъ. Когда

нищета соединена съ безопасностію и спокойствіемъ, то она должна быть почитаема выше богатства, смущаемаго безпокойствомъ и ежечаснымъ страхомъ. Неправедные иногда, нерѣдко, бываютъ и одарены богатствомъ, но безпокойнымъ, наичастѣе же скудость всякую претерпѣваютъ: напротивъ, благочестивые рѣдко скудостію страждутъ; а хотя иногда, по неизвѣстнымъ намъ Божиимъ судьбамъ, нищетою и искушаются, но между тѣмъ утѣшаются и довольствуются тишиною спокойнаго духа. И такъ видимъ, что благочестіе, полезное на все, полезно во всякихъ и общенародныхъ дѣлахъ. Разсмотримъ же и духовныя дѣла.

Духовныя дѣла суть: учить, проповѣдывать слово, заблуждающихъ обращать, немощныхъ подкрѣплять, утѣшать унывающихъ, быть житіемъ примѣромъ другимъ, со страхомъ и благоговѣніемъ божественную отправлять службу, и дѣло Божіе творить не съ небреженіемъ. По какъ бы все сіе безъ благочестиваго и благобоязливаго духа благополучно возможно было совершить, то и понять не можно. Безъ благочестія ученіе будетъ недействительно, проповѣдь бесполезна, Божія дѣла служеніе соблазнительно, вмѣсто наставника бываетъ развратникъ, вмѣсто пастыря наемникъ, вмѣсто свѣтила церковнаго становится вождемъ слѣпымъ. Когда духовенство истиннымъ благочестіемъ украшаетъ себя; когда мы въ лучшемъ и церковь видимъ состояніи, тогда церковный пастырь водить овецъ, куда хочетъ, и овцы за нимъ съ охотою всюду слѣдуютъ; и такъ исполняютъ законъ Христовъ. Ежели сожалѣть можемъ, что нѣкоторые пастыри ученіемъ не довольно просвѣщены: колыми паче жалѣть надобно, ежели иные и къ Богу мало усердны, и ихъ жестокою душою страхъ Божій не весьма пронзаеть. Благочестивый пастырь и безъ дальняго ученія примѣромъ воспользуется, а ученый, но безъ благочестія, ни мало, или что ученіемъ созиждетъ, то худымъ своимъ житіемъ разорить. Да еще Богъ и запрашаетъ таковымъ въ свои уста Свое пречистое слово принимать. „Грѣшнику рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя, и воспріемлеша законъ Мой усты твоими нечестивыми? ты же возненавидѣлъ еси наказаніе“, и прочая (Псал. 49, 16—17). Израильтяне, хотя имѣли въ Вавилонѣ гусли и органы, однако не дерзали на оныхъ играть для того только, что въ чужой были землѣ; колыми паче пастырю непристойно воспѣвать посреди церкви Божіе слово, когда органъ языка его не согласенъ съ гуслими добродѣтелей души его. Примѣры имѣемъ довольные. Многіе были, по мнѣнію міра сего, неученые, но просіяли великими церковными свѣтилами. Блаженный Августинъ, услышавши, что египетскій Антоній, будучи простой, но житіемъ столь прославился, что славы его вся Африка не вмѣщала, да еще отъ Бога сподобился и чудотворенія силы. Услышавъ сіе Августинъ и расудивши самого

себя, какъ человѣка преученаго, но житіемъ тогда еще недостаточнаго, возопилъ: „Встають де неученые и небо похищаютъ, а мы съ своимъ ученіемъ до ада ниспадаемъ“. А для чего? — для того, что хотя ученія много, да совѣсти мало. Почему также многіе были, по мнѣнію мірскому, а не Божьему, преученые; но жизнь свою скончали къ великому Церкви соблазну. Хотя, впрочемъ, то не сомнительно, что ничто не можетъ быть драгоцѣннѣе, ничто любезнѣе, ничто пристойнѣе, какъ пастырь, въ которомъ ученіе съ благочестіемъ соединено есть: „иже бо сотворить и научить, той велий наречется въ царствіи небеснѣмъ“ (Матѣ., 5, 19). Вотъ, видимъ и въ духовныхъ дѣлахъ благочестія превелию пользу! Но посмотримъ и на гражданскія дѣла.

Дѣла гражданскія суть: судить, защищать неповиннаго, повиннаго осуждать, править другими, разбирая всякія дѣла ко всякому удовольствію, и во всемъ крѣпко наблюдая правду, стараться о всякомъ благополучіи. Но не знаю, какъ можетъ все сіе, безъ обиды другаго, исполнить, который имѣеть душу благочестіемъ и страхомъ Божиимъ необузданную. Его очи серебромъ скоро ослѣплятся, чтобы не видѣть правду; его сердце златомъ отягчится, чтобы нечувствительнымъ быть къ просьбѣ неповиннаго; его руки съ трудностію удержатся отъ похищенія чужаго добра. Напротивъ, сколько бы кто много къ неправдѣ ни склоненъ былъ: но когда на мысль приведетъ онаго нелицепріятнаго Судію Бога, Который строгій есть нарушенной правды отмститель, содрогнется, и въ нѣкоторое придетъ чувствіе. И для того Евангеліе онаго судію, который бѣдныя вдовицы прошеніе мало слушалъ, называетъ „Бога не боящимся“.

А наипаче благочестіе и страхъ Божій, превосходную силу и премоноую пользу имѣеть во многотрудномъ и великомъ государственномъ правленіи; гдѣ надобно сто очей къ усмотрѣнію всякаго дѣла обстоятельствъ, сто ушей къ выслушанію просьбы всякаго; гдѣ тысяча неудоборѣшимыхъ узловъ, тьмы едва преодолимыхъ трудностей. Какъ же все сіе рѣшить? Какъ все оныя труды, безъ отягченія, снести, безъ особенной Божіей помощи, и ежели Онъ Самъ невидимо не подкрѣпляетъ и не умудряетъ? — никакъ невозможно. Но сія милостивая Царя царствующихъ и верховнаго свѣта Правителя помощь благочестіемъ, страхомъ, любовію и особеннымъ къ Нему усердіемъ снискивается. А безъ того все дѣла и правительство къ своему паденію клонятся будутъ и цвѣтъ государства скоро увядаетъ. Соломонъ, когда съ благочестіемъ почиталъ Бога, все дѣла его текли по его желанію, но какъ только совратился съ сего святаго пути, то тотчасъ царство его къ паденію клониться начало. „Понеже, — сказалъ ему Богъ, — не сохранилъ еси заповѣдей Моихъ, яже заповѣдахъ тебѣ, раздирая

раздери царство твое изъ рукъ твоихъ“ (3 Царств., 11, 11). И для того нѣкоторый языческій философъ написалъ, что верховному начальнику должно быть богобоящемуся: понеже тогда его подданные боятся, когда видятъ его самого боящимся Бога.

Я сюда отношу и военныя дѣла, которыхъ окончаніе чѣмъ опаснѣе и безызвѣстнѣе, тѣмъ болѣе должно къ Богу прибѣгать, и никакого дѣйствія не начинать, не истребовавъ Его святой помощи. Ненадежно тамъ уповать на мечи, луки и стрѣлы, но на единого Господа Саваова, Бога ополченія Израилева. „Не спасается Царь многою силою и исполнѣнъ не спасется множествомъ крѣпости своея“ (Псал. 32, 16). „Не въ силѣ конствѣй восхоцетъ, ниже въ лыствѣхъ мужескихъ Вышній благовольтъ: благовольтъ Господь въ боящихся Его, и во уповающихъ на милость Его“ (Псал. 146, 10—11). Есть страшнѣе тотъ вопиѣ, котораго десницу вооружаетъ Господь. Почему и благоспѣшество браней зависитъ отъ благочестія, которое Божию помощь на свою страну привлекаетъ.

Знать, что довольно силу благочестія знали и самые язычники; какъ-то: преславный Киръ, Великій Александръ, Сципiонъ, Юлій, Помпей и прочіе, которые, хотя знатнѣйшіе были въ свѣтѣ герои: однако, не вступали въ брань, не призывавъ на помощь мнимыхъ своихъ боговъ; и по побѣдѣ не начинали торжества, какъ токмо съ благодаренія тѣмъ же своимъ мнимымъ богамъ.

Но намъ, вмѣсто всѣхъ ихъ, довольно напомнить нынѣшняго вѣка преславнаго героя, Великаго Петра, отца нашего отечества, которому разные походы, жестокія брани, многотрудныя и неисчислимыя государственныя дѣла не токмо не воспрепятствовали благочестія дѣло отправлять со всякимъ благоговѣніемъ, такъ что иногда онъ самъ, своею Монаршею особою, не стыдился чтеніемъ и пѣніемъ церковь. Божию увеселять; но и великое тщаніе прилагалъ завести ученія вездѣ, наиболѣе къ утверженію и распространенію благочестія, которое его пресправедливое тщаніе Господь Богъ и успѣхомъ желаемымъ благословилъ.

Такой дивной по благочестію ревности живою подражательницею есть наша благочестивѣйшая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссийская, которая усердность свою къ Богу и ревность по истинной вѣрѣ всему свѣту прясно доказала своимъ преславнымъ восшествіемъ на всероссійскій престолъ. Не чести: желаніе, ниже сокровища злата и сребра возбудили духъ ея на оное пречудное предпріятіе, какъ токмо, чтобы Церковь избавить отъ угрожаемыхъ ей золь и любезному отечеству спокойство и благополучіе даровать.

А сему благочестію, отъ молодыхъ ногтей, не токмо неуспыннымъ попеченіемъ матернимъ, но и своимъ высокимъ примѣромъ научаетъ любезнѣйшаго сына своего, Государя Наслѣдника, Павла Петровича,

вождедѣннѣйшую всероссійскую надежду. Господь Вседержитель, свѣдѣи на херувимѣхъ, неугасаемымъ къ Себѣ любви огнемъ возжегъ Твое, благочестивѣйшая Монархія, сердце, который огонь чтобы въ душѣ ея пылалъ, всеусердно молимъ мы со всею Церковію Тебе, Господи Боже духовъ и всякія плоти! Аминь.

Слово на освященіе храма*).

„Господи! Кто обитаетъ въ жилищи
Твоемъ“? (Псал. 14, ст. 1).

Что Богъ по существу Своему никакимъ мѣстомъ объять быть не можетъ, о томъ ни мало не усомнится, кто явственное о Богѣ имѣеть понятіе, и вѣдаетъ, что Богъ вездѣ есть и вся исполняетъ. Премудрый Соломонъ хотя великолѣпный и пространнѣйшій Богу Израилеву создалъ храмъ, однако, посвящая оный высочайшему имени Его, такъ въ молитвѣ своей къ Нему говорилъ: „Господи Боже Израилевъ! аще небо и небо небесе не долѣютъ Тебѣ, кольми паче храмъ сей, его же создахъ имени Твоему“ (3 Царств., 8, 27). И для сего то Давидъ, снося малость свою отъ величествомъ Божиимъ, искалъ мѣста скрыться отъ Него; но, видя Его, всѣ мѣста наполняющаго, ужасаясь, возопилъ: „Камо пойду отъ духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу“ (Псал. 138, 7)? „Богъ есть во всѣхъ вещахъ, хотя не включается въ нихъ; Онъ же есть внѣ всѣхъ вещей, хотя не исключается изъ нихъ“.—остроумно нѣгдѣ написалъ Августинъ. И въ такомъ же разумѣ нѣкто изъ мудрыхъ сказалъ, что „Божія присутствія центръ есть вездѣ, а окружіе нигдѣ“.

Но со всѣмъ тѣмъ Божіе присутствие иногда къ извѣстному нѣкоторому привязуется мѣсту. Такъ поемъ во псалмахъ: „Господи въ Синаи во святѣмъ“; и индѣ: „Избра Господь Сіона и изволи его въ жилище Себѣ“; и въ другомъ мѣстѣ: „небо небесе Господеви“ (Пс. 67, 18; 131, 13; 113, 24). А сіе Божіе слово говоритъ въ разсужденіи особенныхъ нѣкинхъ, на тѣхъ мѣстахъ бывшихъ или бывающихъ, Божіихъ дѣйствій. Богъ на небеси есть ублаженіе праведныхъ, на Синаи былъ славнымъ Израильскому народу закона даяніемъ, въ Сіонѣ и во храмахъ, посвященныхъ имени Его, есть милостивое выслушаніе приносимыхъ Ему молитвъ и исполненіе прошенія молящихся.

А понеже храмы, не поелику каменные или деревянные зданія, но поелику суть мѣста, вмѣщающія въ себѣ правовѣрныхъ, безкровныхъ

*) Сказано при Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества присутствіи, въ приморской Сѣргіевой пустыни, 1763 года, мѣсяца августа, 10 дня.

молитвъ приносящихъ жертвы, особеннаго Божія сподобляются присутствія; то всегда ли приходящiе въ храмъ такого Божія причастны бываютъ снисхожденiя, о томъ настоящая наша да предложится бесѣда; которую бесѣду, что благосклоннѣйшаго своего, Благочестивѣйшая Государыня, удостоите слушанiя, въ томъ увѣряеть меня проповѣдуемое всеми Твое благочестiе. Ты же, Который живешь во храмахъ нерукотворенныхъ, Боже, преклонися къ намъ съ небеси святаго Твоего, и чрезъ слово Твое Божественное вселися въ насъ!

Храмы поставляются для собранiя вѣрныхъ, чтобы приносить молитвы, прошенiя, благодаренiя и исповѣданiя. Тому, Который близъ есть всемъ призывающимъ Его, всемъ, призывающимъ Его во истинѣ. Почему Божiй храмъ есть мѣсто благодатнаго Божiя присутствiя, спокойствiе и радость совѣсти, тихое волнующихся въ океанѣ мiра сего пристанище. Сюда прибѣгаетъ отъ другаго обиженный, и жалобу свою пускаетъ во уши Господа Саваоа. На семъ мѣстѣ является грѣхами обремененный, получаетъ и скорое облегченiе отъ оныхъ: къ сей священной трапезѣ притекаетъ, который поспѣшаетъ къ будущей жизни, и жаждетъ насыщаться трапезы на небеси безсмертной. „Лучше убо есть намъ день единъ во дворѣхъ Твоихъ, Господи, паче тысящъ“ (Пс. 83, 11).

Но кому въ такое мѣсто приходитъ и съ какими мыслями, о томъ спросимъ блаженнаго Давида, или паче Самого Бога: „Господи! кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ?“ Онъ отвѣчаетъ намъ чрезъ своего Пророка: „ходяй непорочно и дѣлай правду“ (Пс. 14, 1). То есть, который чистѣйшему Богу служить чистотою духа, и правду въ чемъ ни есть и малѣйшемъ нарушить почитаетъ за великое преступленiе и отягощенiе совѣсти своей. Такой достойно входитъ въ домъ Господень, и въ то самое время, когда отворяются ему двери церковныя на землѣ, отверзаются ему райскiя врата на небеси. Ибо онъ, входя тѣломъ въ храмъ вещественный, мыслию проходитъ самыя небеса, и дерзновенно приступаетъ къ престолу благодати. Дерзновенно, говорю: ибо нѣтъ препятствiя въ соединенiи его съ Богомъ. Богъ есть Пресвятый, а онъ живетъ непорочно; Богъ есть самая правда, а онъ дѣлаетъ правду. Но когда совѣсть наша зазираетъ намъ, когда обиженные нами проливаютъ предъ Богомъ цѣлые источники слезъ, когда за большее почитаемъ прибытокъ и челоуѣкоугожденiе, нежели сохраненiе правды; то какъ дерзнемъ взойти въ священное мѣсто сіе и приступить къ трапезѣ, на которой мирная совершается жертва, и при которой молимся о мирѣ всего мiра? Койма очима воззримъ на общаго Владыку, Который насъ освятилъ кровiю Своею, да отъ грѣхъ избавше, правдою поживемъ. Мы говоримъ къ Отцу небесному: „Отче нашъ! остави намъ долги наша“; но обиженные съ другой стороны вопiютъ, чтобы долги наши намъ удержаны были,

пока мы не оставимъ своихъ должникомъ нашимъ. Авраамъ, когда хотѣлъ принести сына своего въ жертву, тогда сказалъ идущимъ за собою слугамъ своимъ: „сядите вы здѣ подъ горою со ослатемъ: азъ же и дѣтищъ пойдемъ до ондѣ на гору, и поклонившися возвратимся ко вамъ“ (Быт., 22, 5). Такъ и намъ, приходящимъ во храмъ, чтобы принести въ жертву духовную самихъ себя, должно худыя мысли и плотскія страсти, которымъ мы столь много раболѣпствуемъ, оставить за порогомъ церковнымъ, дабы словесное наше приношеніе благоугодно было Господеву. Для сего бо и Церковь Христова громогласно зываетъ, чтобы мы всякое житейское отложили попеченіе, „яко да Царя всѣхъ подыместъ“.

Но дерзнемъ спросить паки глаголющаго Пророкомъ Бога: „Господи! кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ? глаголай истину въ сердци своемъ: иже не ульсти языкомъ своимъ, и не сотвори искреннему своему зла, и поношенія не пріять на ближнія своя“ (Пс., 14, 3). Подлинно, тотъ напрасно льститъ себя, чтобы услышанъ былъ отъ Бога, который думаетъ обмануть Испытующаго сердца и утробы. Тѣмъ языкомъ, которымъ ближняго своего смертоносно уязвляемъ, хвалить Бога—есть безстыдно поносить Его. „Языкомъ—пшеть св. Іаковъ,—благословляемъ Бога и Отца, и тѣмъ кленемъ человекъ бывшія по подобію Божію. Отъ тѣхъ же устъ исходитъ благословеніе и клятва. Не подобаетъ,—продолжаетъ рѣчь свою Апостоль,—симъ тако бывати. Едали источникъ отъ единого устія источаетъ сладкое и горькое?“ (Іак., 3, 9—11). Почему, когда діаконъ выгоняетъ оглашенныхъ, то должно съ ними вмѣстѣ выгонять клеветническіе и лъстивые языки. Когда Каинъ нечистую свою Богу приносилъ жертву и убилъ неповиннаго брата своего Авеля, тогда спросилъ его Богъ: „гдѣ Авель братъ твой (Быт., 4, 9)? гдѣ тотъ, котораго сердце при жертвоприношеніи семъ должно быть соединено съ сердцемъ твоимъ, ибо жертва любовію услаждается? гдѣ тотъ, съ котораго устами при похвальномъ семъ имени моего пѣніи долженъ ты свои уста согласить?“ Ибо Богъ, яко Богъ мира всѣхъ, яко единими устами почитается. Такъ и насъ, когда съ злобнымъ сердцемъ и лъстивымъ языкомъ на хвалу Божію соберемся, спросить Богъ съ высоты святяги славы Своєю. „Человѣче? гдѣ—ближній братъ твой? гдѣ—тотъ, котораго ты яко неповиннаго Авеля клеветою своею убивашь; а однако безстыдно предъ лицемъ Моимъ являешься? гдѣ—тотъ, котораго ненависта, отъ Меня возлюбленъ быть не можешь. Аще бо кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, лжетъ“ (Іоан., 4, 20). Слушай же! „Аще принесени даръ твой ко олтарю, и помянеши ту, яко брата твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедь при-

неси даръ твой“ (Матѣ., 5, 23—24). Того ради и Церковь вопіетъ: „возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы единого Бога“.

Но да воспоетъ намъ наки богодухновенный Давидъ о достойномъ обитателѣ дома Божія. „Уничженъ есть предъ нимъ лукавнуй, боющійся же Господа славить“. Истинный Божій служитель непотребныхъ людей презираеть, почитаетъ за удовольствіе, съ честными и добрыми людьми обращаться; всегда пользоваться и тѣми, слова которыхъ растворены солю мудрости и благодати. Ибо кто любитъ Бога, тому любезенъ и всякъ благочестивый; а напротивъ ненавиденъ и мерзокъ, который или о благочестіи презрительно говоритъ, или о Богѣ развращенно думаетъ. Кто Божіими благодѣянїями всякій часъ себя обязаннымъ почитаетъ, оный съ радостію снабжаетъ отъ благословеннаго сокровища своего того, который съ бѣдностію борется, у котораго неправедные все имѣніе похитили, или который въ прославленіи имени Божія при жертвенникѣ Его святомъ трудится, а напротивъ на бездѣльные и къ одному увеселенію служащія вещи богатство свое не расточаетъ, и оное на смѣхотворцевъ, то есть на людей, которые чужіе труды поядать обыкли, издерживать стыдится. Но какой тотъ будетъ поклонникъ, который въ увеселенїяхъ день и ночь провождаетъ, у котораго на языкѣ не слышно любезное имя Господне, но скверныя имена забавной Венеры и гремѣщаго Юпитера, которому благочестивый челсвѣкъ есть суетвѣръ, а пустые разговоры—ненавидящій лицемѣръ, которому всякая рѣчь прїятнѣе, нежели бесѣда душеспасительная; и я боюсь, не наступило ли оное время, Апостоломъ предвидѣнное, „егда здраваго ученїа не послушаютъ, но по своимъ прихотямъ изберутъ себѣ учителя, чешемъ слухомъ, и отъ истины слухъ отвратятъ, и къ баснямъ уклонятся“ (2 Тим., 4, 3). Такнхъ, хотя бы и пришли въ церковь, должно бичемъ Христовымъ изгонять, приговаривая Его же слова: „домъ Мой, домъ молитвы, вы же сотвористе его вертепъ разбойниковъ“ (Матѣ., 21, 13). Вы храмъ Мой, который не златомъ, но свѣтлостію добродѣтелей вашихъ блистать долженъ, своими пороками потемнили, и осквернили. А то извѣстно, что коимъ храма сего земнаго затворятся врата, тѣмъ заключенъ будетъ и входъ въ обители небесныя. Ибо земный сей храмъ есть образъ вѣчнаго онаго на небесахъ жилища, и въ немъ здѣсь будущаго нашего блаженства начинаемъ уже чувствовать сладость, когда на хвалу Божію и на размышленіе о Его величествѣ собираемся. И для сего то Израильскій Царь весьма веселился когда ему говорили: „въ домъ Господень поидемъ“.

Но приникнемъ еще во псалмопѣніе Давидово, и послушаемъ, кто къ достойнымъ богочтитателямъ причисляется?—тотъ, „кто клянется искреннему своему и не отменяется“. Двоудшные люди на семъ

мѣстѣ быть не годятся. Ежели бо кто жлетъ человѣку, то какъ во общаніи исправленія своего твердѣ будетъ предъ Богомъ? Клятва есть призываніе Бога во свидѣтельство съ тѣмъ, что нарушителю клятвы Онъ, яко вездѣущій, строгимъ имѣетъ быть отмстителемъ. Почему клятвопреступникъ или не вѣрить быть Богу вездѣущу, или предъ всевидящимъ окомъ Его скрыться думаетъ: пускай же такой клятвы нарушитель взойдетъ въ церковь Божию помолится, гдѣ увидитъ благолѣпный православныхъ соборъ изливающихъ сердца свои предъ Богомъ, и единодушно Ему поющихъ: „услыши, Господи, правду мою; воими моленію моему, внуши молигву мою не во устахъ льстивыхъ. Испу-силъ еси сердце мое, испустилъ мя еси, Господи, и не обрѣтесе во мнѣ неправда“ (Пс., 16, 1—3). Но какъ онъ къ сему пѣнію пристанетъ, когда сердце его съ языкомъ не согласно, и какъ онъ Бога склонитъ во умилостивленію, когда другой, обиженный имъ, склоняетъ Его къ праведному отмщенію.

Но уже окончи пѣснь свою, богоглаголивый Пророче, а мы вкупи́ окончимъ и свою бесѣду. Кто достойно входитъ въ посвященное на молитву Божию мѣсто? который „сребра своего не даде въ лихву, и мзды съ неповинныхъ не пріять“. Скупые и мздоимцы милости Божіей здѣсь ожидать не должны, и они тотъ же гласъ услышать, каковой въ Евангеліи объявленъ одному жестокосердному человѣку: „займъ раба! азъ весь тебѣ долгъ отпустихъ: не подобаше ли и тебѣ помилovati клеветы своего?“ (Матѣ., 18, 32—33).

Неправедные судьи! какъ вы къ Богу прострете руки свои, которыя или неповинною кровію замараны, или деньгами заняты? „аще прострете руки ваша ко Мнѣ, отвращу очи Мои отъ васъ, и аще умножите моленіе, не услышу васъ“; а за чѣмъ? „руки бо ваши исполнены кровю“ (Пс. 1, 15), глаголетъ Господь Вседержитель, Богъ Святыи Израилевъ. Знаю, что такіе господа мздоимцы иногда создаютъ храмы каменные, но разоряютъ храмы душевные, снабжаютъ дарами храмы вещественные, но обдираютъ церкви Бога живаго. Всѣ такіе не будутъ имѣть мѣста въ жилищи Божіи. на мѣстѣ радости и успокоенія, пока самимъ дѣломъ не исполнять онаго слова: „милости хочу, а не жертвы“ (Мѣ., 9, 13). Скажи жъ намъ, Господи: кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ: понеже крайне желаетъ душа наша „вселитися во двory Господни“. (Пс., 83, 3). Совѣтъ наша не спокойна, пока не придемъ къ жертвеннику Твоему, Боже, къ Тебѣ Богу, веселящему юность нашу, Онъ намъ уже объявилъ чрезъ Своего Пророска: мы только постараемся поступать такъ, чтобы не только достойно входить въ храмы сіи земные, но чтобы нѣкогда введеннымъ намъ быть и въ храмъ оный вѣчный, перукотворенный на небесѣхъ. Аминь.

Слово въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, о смертномъ снѣ *).

„Не умре дѣвица, но спитъ“.

(Мат., гл. 9, ст. 24).

Празднуемъ мы нынѣ, слушатели, со всею Христовою Церковію блаженное, преставленіе блаженныя Дѣвы, родившія Спасителя нашего. Преставленіе, говорю, и Успеніе, а не смерть; боюся бо назвать смертію то, чрезъ что преблагословенная оная Матерь и Дѣва прешла въ животъ, преселилась въ небесный чертогъ, которому Себя предуготовила: взошла Невѣста къ Жениху Своему, Котораго любовію сердце Ея всегда уязвлено было; взошла Матерь къ Сыну Своему; взошла и вѣрная раба къ Господу Своему; соединилась съ радостнѣйшимъ блаженныхъ душъ ликомъ, или паче съ Самимъ Богомъ, Который есть источникъ неотъемлемая радости; начала приобщаться безсмертныя трапезы и наслаждаться сладчайшаго вѣчныхъ увеселеній нектара въ невечернѣмъ днѣ царствія Христова. Почему благопристойно теперь преблаженную сію Дѣву и Матерь привѣтствовать можемъ оними Давидовыми словами: „Слыши, дщи, и виждь, и преклони ухо твое, и забуди люди твоя и домъ отца твоего: и возжелаетъ Царь доброты твоя“ (Псал. 44, 11—12); почему и предстала Ты, Царица, одесную Его въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна и преиснещрена.

А когда, увѣнчанная счастьемъ вѣчнымъ, Богоотроковица успеніемъ Своимъ святымъ отдала долгъ тлѣннѣю естества человѣческаго, то сіе возбуждаетъ и насъ на память себѣ привести, или лучше сказать, всегда въ памяти содержать наше, нѣкогда быть имѣющее, преставленіе и будущее прославленіе праведныхъ, что и мы, которые утверждены упованіемъ непостыднымъ (Рим., 5, 5) о полученіи живота вѣчнаго, къ сему пути предуготовлять себя должны. Того ради мало „о будущемъ нашемъ блаженномъ успеніи побесѣдуемъ, разсматривая великое оное сходство, какое есть между сномъ и смертію и что смерть праведныхъ больше покоя, нежели смущенія и страха въ себѣ заключаетъ, дабы чрезъ то спокойныя совѣсти увеселить, а страшливыя утѣшить“. Ты же, животъ нашъ и воскресеніе, Христе Спасителю, споспѣшествуй намъ Твоею благодатію, которая и неразумныхъ умудряетъ, и наши къ себѣ обращаетъ сердца.

Иныхъ, какъ кажется, малодушныхъ, не токмо самая смерть, но

*) Сказано при Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества присутствіи, въ Санктпетербургѣ, въ придворной церкви, августа 15 дня, 1763 г.

и одно воспоминаніе оныя смущаетъ и въ великій страхъ приводитъ. И такіе ежель есть христіане, то они чрезъ сіе подобиетъ язычникамъ, которые должны были бояться смерти, яко никакаго пзвѣстнаго не имѣющіе упованія (1 Сол., 4, 13). Но намъ истиннѣйшее Евангеліе сей страхъ разгоняетъ, и объявляетъ смерть быть желательную больше, нежели страшную. Пбо блаженнѣйшій Учитель нашъ, въ предложеніи нашемъ, о Іаировой дщери говоритъ, что „не умре дѣвида, но спитъ“, и въ другомъ мѣстѣ сказала, что „Лазарь другъ нашъ не умре, но усне“ (Іоанн. 11, 11). А симъ сну уподобленіемъ показала весьма ясно, что насъ смерть не смущаетъ, но какъ сладкій сонъ упокоиваетъ. Что бо сна пріятнѣе по трудахъ, и что сладчайше его же послѣ печали? Но разсмотримъ, каксе есть между сномъ и смертію сходство.

Яко же сонъ случается въ человѣкѣ отъ того, когда по принятіи пищи пары восходя къ мозгу, оный помрачаютъ, а тѣмъ останавливаютъ дѣйствіе чувствъ, такъ и смерть начало свое влечетъ отъ грѣха, содѣяннаго въ раю, когда прародители наши, отъ смертоноснаго плода, противъ запрещенія Божія, вкусили, а отъ того какъ бы ивѣкій ядовитый паръ по тѣлу и всѣмъ членамъ разлившись, какъ ихъ, такъ и весь человѣческій родъ смерти подвергъ, по оному Апостола слову: „Единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть; и тако смерть во вся человѣки вниде, въ немъ же вся согрѣшиша“ (Рим. 5, 14).

Когда хотимъ ложиться спать, то одежду съ себя скидаемъ, и отъ сего бремени облегчаемъ насъ; такъ и смерть нагихъ насъ посылаетъ въ гробъ, какими мы изъ чрева материя произошли. Скидаетъ съ насъ всѣ гербы нашего достоинства, и принуждаетъ разстаться съ любезными пожитками: „ничто же внесохомъ въ міръ сей, явѣ, яко ниже изнести что можемъ“ (1 Тим., 6, 7),—какъ разсуждаетъ иудѣ и божественный Павелъ: „О семь, говорить, воздыхаемъ, въ жилище наше небесное облещися желающе. Аще точію и облещешя, не нази обрящемся. Пбо сущія въ тѣлѣ семь воздыхаемъ отягчаемъ: понеже не хотимъ совлещися, но пооблещися да пожерто будетъ мертвенное животомъ“ (2, Кор. 5, 2 - 4). То есть, когда здѣсь подъ бременемъ тѣла и житейскихъ сусть воздыхаемъ и стонемъ, то тѣмъ самымъ хотимъ, чтобы съ насъ сіе бремя снято было; однако, когда чрезъ смерть отъ сея тяжести тѣла избавимся, то не нагими останемся, но будемъ прикрыты одеждою безсмертія.

Яко же сонъ часто на насъ нечаянно находитъ, такъ что частицу ту времени, въ которую засыпаемъ, обстоятельно примѣтить не можемъ, такъ часто смертный человѣкъ въ то время умираетъ, въ которое ни мало о смерти не помышляетъ, и скорѣе, нежели какъ бы думалъ, душа его изъ тѣлеснаго жилища вылетаетъ, такъ что ни онъ самъ, ни пред-

стоящіе то примѣтить не могутъ. Вотъ слышимъ, что Псаакъ говоритъ: „Се, состарѣхся, и не вѣмъ дне скончанія моего“ (Быт., 27, 2). Ежели состарѣвшіеся и дряхлые часа смертнаго узнать не могутъ, то кольми паче тѣ, которые наподобіе неуываеваемыхъ цвѣтовъ цвѣсти себѣ кажутся? Смерть есть извѣстна, но ничего нѣтъ неизвѣстнѣе смертнаго часа: что имѣю умереть, о томъ я не сумнюся, а гдѣ, когда, и какимъ образомъ, о томъ ни мало не знаю

Какъ сонъ занимаетъ только тѣлесные члены и внѣшнія чувства, но, между тѣмъ, душа внутренняя свои дѣйствія отправляетъ безпрепятственно, какъ сіе довольно дознать можно изъ сновидѣній; да и совѣмъ нельзя, чтобы въ душѣ всякая погасла мысль, въ которой ея и существо состоитъ, такъ и въ смерти, тѣло разставшись съ душою, въ землю обращается, но душа пренесется въ иѣдро Авраамова (Лук., 16, 22), гдѣ не только дѣйствія ея не престають, но еще большую приемяютъ силу. Ибо душа блаженная не имѣетъ тѣхъ препятствій, какія имѣла въ тѣлѣ, а именно, различныя плотскія страсти и воображенія чувственныя, которыя понятіямъ разумнымъ въ настоящей силѣ своей дѣйствовать мѣшаютъ. Надобно отъ очесъ нашего ума отрясти тину вещественную, дабы ясно узрѣть непреступный свѣтъ Божества, а въ немъ—такъ, какъ въ свѣтлѣйшемъ зеркалѣ, усмотрѣть и прочія вещи въ своихъ совершенствахъ. И для того Спаситель нашъ, къ утѣшенію нашему, увѣщаетъ насъ, чтобы мы не боялись убивающихъ тѣло, ибо они вмѣстѣ съ тѣломъ душу убить не могутъ (Матѣ., 10, 28).

Яко же младенцы и несовершеннаго смысла отроки не разумѣютъ пользы и пріятности сна, и для того съ трудностію и со слезами ложатся спать: такъ тѣ, въ разсужденіи духовныя христіанскія мудрости, предъ Богомъ младенцы и твердой небеснаго ученія пици не вкусили, которые не разумѣютъ, сколь есть „честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его“ (Псал. 115, 6), и для того смерти крайне страшатся. Дражайшій Учитель нашъ, отходя къ испитію смертной чаши, о сей спасительной матеріи сладчайшую съ учениками Своими имѣлъ бесѣду; но какъ они еще были младенцы о Христѣ, и совершеннаго, о будущихъ по смерти благихъ, понятія не имѣли; то не токмо о семъ не радовались, но еще и совѣтовали Христу, чтобы Онъ отмѣнилъ то дѣйствіе, въ которомъ состояло спасеніе человѣческаго рода, почему Онъ—любезнѣйше ихъ обличая, такъ имъ говорилъ: „Яко сія глаголахъ вамъ, скорби исполнихъ сердца ваша. Но Азъ истину вамъ глаголю: лучше есть вамъ, да Азъ иду. Аще бо не иду Азъ, Утѣшитель не придетъ вамъ“ (Іоан. 16, 6).

Яко же послѣ сна тѣлесныя и душевныя силы какъ бы возобновляются, и человѣкъ поутру охотнѣе и веселѣе за свое принимается

дѣло, такъ и смерть праведныхъ есть нѣкое возобновеніе всѣхъ силъ. Почему воскресіе отъ мертвыхъ, нѣкогда, въ послѣдній день, предъ имѣющимъ возсіяť Солнцемъ правды—Христомъ, предстануть веселыми и радостными; очистятся ихъ чувства, просвѣтится умъ, всѣ душевныя и тѣлесныя силы прославятся: „еже бо сѣется, какъ мудрствуетъ высокое христіанское богословіе, въ немощи, то востаетъ въ силѣ, сѣется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи: сѣется не въ честь, возсѣетъ въ славу“ (1 Кор. 15, 42—43). И яко же сонъ не есть непрерывное нѣкое успокоеніе, но въ извѣстное время отъ сна пробуждаемся: такъ и мы не всегда пробудемъ въ смертномъ гробѣ, но „прійдетъ часъ, вонъже вси услышатъ гласъ Сына Божія; и изыдутъ сотворшии благая въ воскресеніе живота, а сотворшии злая, въ воскресеніе суда“ (Іоан., 5, 28—29).

Ико же сиящіе никакими болѣе тѣлесными не смущаются страстями—позабываютъ свои печали, оставляютъ свои заботы, не чувствуютъ болѣзней, не боятся страховъ, ибо всѣмъ такимъ смущеніямъ любезный сонъ самимъ собою преградилъ къ нимъ дорогу: такъ и праведные чрезъ смерть успокоиваются, гоненія терпѣть перестаютъ, гнѣва и зависти человѣческой болѣе не боятся, скучныя и досадныя мысли исчезаютъ, страстей волненіе утихаетъ, житейскія попеченія всѣ отходятъ, а вмѣсто того, блаженную и спокойную у Бога начинаютъ жизнь, и тѣлами во гробахъ, какъ въ спальняхъ, своимъ смерти наслаждаются, радостнаго воскресенія дня въ мирѣ ожидаютъ: „прійдутъ бо“, (Исаин, 35, 10), по предсказанію Исаину, „въ небесный Сіонъ съ радостію и съ веселіемъ вѣчнымъ: на главѣ бо ихъ и веселіе и хвала, и радость приметь я, отбѣже болѣзнь, печаль и воздыханіе“. Ежели бы мы такимъ блаженнымъ, будущаго нашего воскресенія и упокоенія, упованіемъ обнадежены не были, то намъ жизни нашей ничего бы не было тягостиѣ, и окаянные мы бы были паче всѣхъ животныхъ на землѣ. Что бо жизнь сія имѣетъ покоя? не печали ли и несносныхъ заботъ полна есть, и едва ли не проходятъ въ суетѣ всѣ дніе наши?

Какъ пробудившись отъ сна, обыкновенно одежду на себя надѣваемъ, и украшаемъ себя, чтобы предъ людьми явиться не гнусными; такъ и праведные, пробудившись отъ сна смертнаго трубою архангельскою, блистать будутъ всякими непомрачаемыми красотами, и украсятся ризою безсмертія, по оному великаго Церкви учителя слову: „подобаетъ тлѣвному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе“ (1 Кор., 15, 53). Въ такомъ нетлѣнномъ украшеніи примѣтилъ нѣкоторыхъ во Откровеніи возлюбленный Христовъ ученикъ: „видѣхъ“,—говорить,—„и се народъ много, его же пзчести никто же можетъ, отъ всякаго языка и колѣна и людей и

племень, стояще предъ престоломъ и предъ Агнцемъ, облечены въ ризы бѣлы, и финицы въ рукахъ ихъ“ (Апок., 7, 9).

Яко же спящіи легко и безъ всякаго затрудненія отъ сна пробуждаются другаго гласомъ: такъ и мертвые въ послѣдній день гласомъ Христовымъ весьма легко возбудятся. Никто изъ насъ не возбуждаетъ такъ легко лежащаго на ложѣ, какъ Христосъ лежащаго во гробѣ,—написалъ Августинъ. „Вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся: вскорѣ, во мгновеніи ока, въ послѣдней трубѣ: вострубитъ бо, и мертвіи востануть нетлѣнни, и мы измѣнимся“ (1 Кор., 15, 51—52). Песказанно будемъ удивляться внезапной нашей переменѣ, увидя насъ самихъ выходящихъ изъ гробовъ и сѣни смертной, возносящихся на воздухъ въ срѣщеніе Господне, и Его божественною славою озаряемыхъ.

Какъ примѣтить не можемъ, какимъ мы образомъ отъ сна пробуждаемся, и какъ заключенныя наши отверзаются чувства и растворяются нервы; такъ не можемъ постигнуть, какимъ образомъ имѣть быти нашихъ истлѣвшихъ тѣлъ возстаніе, какъ согнившія и въ прахъ уже обратившіяся, части нашей плоти паки свой видъ примутъ, какъ разсыпанныя кости соберутся, какъ изорванныя жилы сошьются, какъ весь тѣлесный составъ попрежнему свяжется и кожею покроется: все сіе какимъ образомъ случится, скудная наша и въ тайны Божіи не проникающая мысль понять не можетъ, хотя, безъ сомнѣнія, чаемъ воскресенія мертвыхъ. Наше есть—вѣровать сему; а всемогущества Божія есть дѣло измысливать къ произведенію того способъ. Почему великій Павелъ и запрещаетъ человѣку входъ въ такое таинъ Божіихъ испытаніе. „Речеть нѣкто“,—пишетъ онъ къ коринѣянамъ,—„како мертвіи востануть? коимъ же тѣломъ придуть? безумне, ты, еже сѣши, не оживеть, аще не умреть: и еже сѣши, не тѣло будущее сѣши, но голое зернъ; Богъ же дастъ ему тѣло, яко же восхоцеть“. (1 Кор., 15, 35—38).

Какъ пробудившись отъ сна, кажется, что мы очень краткое спали время, и хотя бы нѣсколько часовъ, или цѣлый день во снѣ нашемъ прошелъ, но намъ все сіе показалось бы мгновеніемъ, такъ и въ послѣдній день, пробудившимся отъ смертнаго сна, весьма краткое покажется то время, которое между смертію ихъ и воскресеніемъ прошло. Какъ безъ сна никто пробыть не можетъ, такъ и смерть необходимый всѣмъ конецъ; и какъ сонъ нѣкогда противъ воли нашей насъ спать склоняетъ, такъ неотмѣнно умремъ всѣ, хотя бы, можетъ, нѣкоторые умереть и не захотѣли.

Какъ напоследокъ не всѣ сладко и спокойно засыпаютъ, но тѣ только, которые, имѣя спокойный духъ и тѣло невоздержаніемъ не слягощенное, ложатся спать; а которые отъ заботъ сохнутъ, отъ не-

воздержанія расслабли, которыхъ совѣтъ беспокоить, тѣхъ сонъ не покоенъ, но мучителенъ: такъ неправеднымъ злодѣямъ и не раскаяннымъ грѣшникамъ смерть не есть сладкій сонъ, но паче начало смерти вѣчныя; выносятъ бо изъ жизни сей съ собою грызущій совѣтъ ихъ и неумирающій червь: а только праведные, которыхъ единственная утѣха былъ Господь, пріятно упокоиваются отъ трудовъ своихъ. Чрезъ истинное бо покаяніе и вѣру во Христа Іисуса слагаютъ съ себя бремя грѣховное; Христа, жизни Начальника и Побѣдителя смерти, твердымъ сердца упованіемъ объемлютъ, и жизнь свою такъ учреждаютъ, что приходящую смерть спокойнымъ и веселымъ ожидаютъ духомъ. Тотъ только человекъ смерть весело встрѣчаетъ, который давно себя къ ней пріуготовляетъ.

Толикое усмотря между сномъ и смертію сходство, не можемъ болѣе, слушатели, дивиться—для чего праведные и надеждою будущихъ благъ укрѣпленные люди, смерти, какъ нѣкогого сладчайшаго покоя, желали: „блаженн мертви“,—вопіеть Богословъ,—„умирающіи о Господѣ отъиди: ей, глаголетъ Духъ Святой, да почиють отъ трудовъ своихъ“. (Апок., 14, 13). Также не можемъ удивляться, для чего нѣкоторымъ жизнь сія столь скучна была, что ее, какъ нѣкое тягчайшее бремя, свергнуть съ себя хотѣли. „Увы мнѣ“,—съ плачемъ взываетъ Давидъ,—„яко прешельствіе мое, то есть, странствованіе въ жизни сей, продолжася“ (Псал., 119, 5). „Окаяненъ азъ человекъ“,—жалуется Павелъ:—„кто мя избавить отъ тѣла смерти сего“ (Рим., 7, 24)? Да и нѣкоторые изъ язычниковъ были подобныхъ о смерти мыслей. Цицеронъ, въ книгѣ о старости, написалъ: „смерть мнѣ такъ пріятна, что чѣмъ я болѣе къ ней приближаюсь, тѣмъ болѣе оказывается, что я съ волнующагося моря усматриваю землю, и нѣкогда къ пристанищу, по долгомъ плаваніи, пристану. Но сіе въ язычникѣ происходило отъ смѣлаго и хвастливаго болѣе, нежели отъ основательнаго увѣренія.

Почему и намъ, благословеннии христіане, осталось не бояться смерти, но съ радостію себя пріуготовлять къ оной. Когда смерть къ христіанину, давно себя къ ней пріуготовившему, придетъ: что ему сдѣлаетъ, какъ токмо закроетъ его очи, дабы онъ болѣе уже не видѣлъ суеты мірскія? Того ради и мать наша Церковь о насъ, чадахъ своихъ, вопіеть къ Жениху своему: „Нѣсть, Господи, рабомъ Твоимъ смерть, исходящимъ намъ отъ тѣла, и къ Тебѣ, Богу нашему, приходящимъ, но преставленіе на полезнѣйшая и сладостнѣйшая, и на упокоеніе и радость“. Которымъ блаженнымъ покоемъ, въ надеждѣ воскресенія праведныхъ, и насъ нѣкогда да обрадуетъ владѣній животомъ и смертію Господь, ходатайствомъ и молитвами нынѣ вшедшія со славою въ горній чертогъ, преблагословенныя Дѣвы Маріи. Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича *).

„Азь дамъ вамъ уста и премудрость“.

(Лук., гл. 21, ст. 15).

Чего намъ нѣтъ дражае, и что мы должны искать, хотя бы оно за послѣдними свѣта краями крылося, то намъ дражайшій Учитель нашъ дать обѣщаетъ. Ибо можетъ ли быть что желательнѣе разумной твари, какъ украшенной быть премудростію, состоящею въ познаніи спасительной истины, да еще соединенною съ дерзновенными устами, съ такимъ, то есть, дарованіемъ, чтобы истину необязанно предъ всѣми проповѣдывать?

И какъ всякая милость наипаче дорога во время нужды, то и оную премудрость въ такое время обѣщаетъ намъ Спаситель нашъ, въ которое она намъ наибольше будетъ потребна, а именно тогда, когда бы насъ представили предъ мучителями за свидѣтельство истины, когда другіе нашу вѣру поносить бы стали, когда нашему блаженному упованію удаленные отъ свѣта люди смѣяться начали бы, когда истиннѣйшаго Божія слова основаніе низвергать покусились бы, тогда-то обѣщаетъ Своего подвижника противъ такихъ коварствъ вооружить устами и премудростію, да еще такую премудростію, которой не возмогутъ противиться каменнѣйшіе въ свѣтѣ люди, и самые тѣ, власть которыхъ всѣхъ молчать принуждаетъ. О, сладчайшаго обѣщанія, и дара небесъ достойнаго!

Но понеже міръ противъ сей смиренной, евангельскою простотою украшаемой премудрости, выставляетъ свою высокоинментную философію и хитросплетенныя мудрованія, то *какое между ними есть различіе*, въ нынѣшнемъ моемъ словѣ показать, благочестіе ваше, слушатели, и усердная къ слышанію слова Божія ревность возбуждаетъ. Ты же, предвѣчная Премудросте, по обѣщанію Своему, даждь миѣ уста и премудрость, чтобы дерзновенно проглаголатъ истину Твою среди Церкви Твоей!

Нѣтъ моего намѣренія касаться похвальной философіи, или такой мудрости, которая съ кротостію упражняется въ познаніи вещей и въ испытаніи дѣлъ Создателевыхъ, ибо сего требуетъ данное намъ отъ

*) Сказано 1763 года, мѣсяца сентября, 20 дня.

Бога дарованіе разума. Но когда она къ чувственнымъ вещамъ міра сего столь себя пригвождаетъ, что о прочемъ всемъ духовномъ съ презрѣніемъ нерадитъ, и въ самыхъ тайнахъ спасенія не плѣняется умъ свой въ послушаніе вѣры (2 Кор., 10, 5); тогда уже она подпадаетъ всей строгости слова Божія, и о ней исполняется тогда, что во Пророкахъ писано есть: „погублю премудрость и разумъ разумныхъ отвергну“ (1 Кор. 1, 19). Почему и непохвальныя въ святыхъ книгахъ заслуживаетъ себѣ имена. Называется бо мудрость человѣческая, мірская, земная и плотская (Іак., 3, 15): такъ какъ, напротивъ, премудрость, которая упражняется въ дѣлахъ спасенія нашего, называется Божественная, свыше сходящая и духовная. Я первую буду называть *плотскою*; а сію *духовною*. А вы, благословенные христіане, какое между ними есть различіе, придите послушайте.

Плотская мудрость во многихъ упражняется умствованіяхъ не полезныхъ, и въ нѣкоторыя входитъ тонкости, которыя настоящую истину только что потемняютъ обыкли. Свидѣтель тому, такъ называемая, древняя философія греческая, и которая отъ нея родилась схоластическая; которыя праздыми вопросами наполнены. Тамъ услышишь сіи важнѣйшіе запросы: есть ли пустое въ свѣтѣ? родъ или видъ вещей могутъ ли сами чрезъ себя стоять? Можетъ ли быть случайность безъ своего подлежащаго? въ раздѣленіи тѣла въ безконечное ли проходить надобно? Петровство можетъ ли отъ Петра быть раздѣлено? Такими и подобными, повидимому, громогласными вопросами уповшись, человѣческая мысль высоко о себѣ мечтать начинаетъ, и самую истину какъ простую, въ чемъ настоящее ея состоитъ украшеніе, презираетъ.

Но сколь бы такіе высоко о себѣ ни думали, они по истинѣ „осустишася помыслени своими, и омрачися неразумное ихъ сердце. Глаголюще себе мудрыхъ быти, объюродѣша“ (Рим., 1, 12). И для того божественный Павелъ увѣщаетъ насъ, чтобы мы блюлись, „да не кто прельститъ насъ философією и тщетною лестію, по стихіямъ міра, а не по Христѣ“ (Колос., 2, 8); также пишетъ онъ и къ Тимоѳею, чтобы мы не внимали всевозможнымъ баснямъ и родословіямъ безконечнымъ, „аже стязанія творять паче, нежели Божіе строеніе, еже въ вѣрѣ“ (1 Тим., 4).

Но премудрость духовная дѣлами, а не словами философствуетъ. Она тогда почитаетъ, что нѣтруднѣйшій рѣшила вопросъ, когда успокоитъ совѣсти нашей смущеніе, и покажетъ дорогу насъ выводящую изъ лабиринта (неудобно выходимый путь) страстей. Почему достоинѣйшій у нея считается ученикъ, который всѣ свои начинанія относитъ, чтобы сыскать совѣсть правую. Того ради Духъ Святой называетъ ее словомъ спасенія и глаголомъ жизни. Для лучшаго разсмо-

трьня истинны сей, поставимъ себя мысленно на Аѳинскомъ ареопагѣ, гдѣ увидимъ Павла, стязующагося съ знатнѣйшими философами, эпикурейцами и стоиками (Дѣян., 17, 18). Сн были вооружены логическими софизмами (хитросплетенный доводъ) и метафизическими тонкостями; Павелъ въ простотѣ слова защищалъ себя самою истиною. Сн, думая о себѣ, что знали все, но Бога не вѣдали; Павелъ ясно понималъ и свободно предъ ними проповѣдывалъ невѣдомаго имъ Бога. Сн, оставивъ полезныя знанія, упражнялись только въ томъ, чтобы говорить и слышать все новое; Павелъ, божественной мудрости будучи причастенъ, представлялъ имъ правосудіе Божіе, которое какъ добрыхъ безъ награжденія, такъ и злыхъ безъ наказанія оставить не можетъ; но сіе полезнѣйшее ученіе плотская мудрость называла суесловіемъ. А отсюда видите, сколь мало одна съ другою сходствуетъ.

Плотская мудрость твердаго не имѣетъ основанія, и на подобіе трости вѣтромъ движимая, колеблется. Сколько было въ древности философскихъ сектъ (толковъ), которыя не только были различны, но и одна другой были противны. Примѣчанія достойно, что почти ни одна изъ нихъ въ полной своей силѣ отъ нынѣшнихъ вѣковъ не принята, а чрезъ то слабость ихъ и суетное мудрованіе доказывается. Какими же странными мнѣніями такая мудрость бываетъ наполнена! Между прочими было и то, чтобы сумнѣться обо всемъ, и въ томъ, что есмь ли я, самому себѣ не довѣрять.

Но духовная премудрость есть тверда и несумнительна; и бываетъ закрѣплена внутреннимъ свидѣтельствомъ совѣсти Духомъ Святымъ оправданной (2 Кор., 3, 3), ибо она пишется „не черниломъ, но Духомъ Бога живаго, не на скрижаляхъ каменныхъ, но на скрижаляхъ сердца плотяныхъ“; сколько отъ начала міра до сего дня прошло вѣковъ, но спасительная истина всегда согласно проповѣдуема была. Какъ отъ начала содержали праотцы, такъ Божіимъ Духомъ движимый, написалъ Моисей; всѣ Пророки оное ученіе согласіемъ своимъ засвидѣтельствовали; Апостолы не иное проповѣдію своею всему свѣту сообщили; тоже мученики кровію запечатлѣли, но и нынѣ тою же истиною Церковь Божія украшается. „Небо и земля мимо идутъ; а словеса Божія не имутъ пройти“ (Лук., 16, 17).

Плотская мудрость высокоумна и велерѣчива; но премудрость духовная смиренна и проста. Нѣтъ въ ней Цицероновой пышности, Демосеенова высокорѣчія, Платонова велемудрія; но токмо живая простота, тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ больше удалена отъ всякихъ ухищреній человѣческихъ.

Плотская мудрость имѣетъ уста, но и духовная свои уста имѣетъ; а высокорѣчіемъ гремящія, а сія кротчайшимъ глаголомъ Исусовымъ

истину дерзновенно проповѣдующія. Вотъ слышимъ, что великій Павелъ пишетъ къ коринтянамъ, къ коринтянамъ, говорю, которые плотскою премудростію паче другихъ возносились. (1 Кор. 2, 1—4). „И азъ пришедь къ вамъ, братіе, придохъ не по превосходному словеси или премудрости возвѣщая вамъ свидѣтельство Божіе. И слово мое и проповѣдь моя не въ препрѣтельныхъ (спорливыхъ) человѣческихіа премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы: да вѣра ваша не въ мудрости человѣчествій, но въ силѣ Божіей будетъ“. Можетъ ли лучше быть описано духовной и плотской мудрости различіе, какъ сими словами языковъ Учителя?

Плотская мудрость бываетъ надменна и презрительна; и сей ея знакъ, весьма необманчивый. Ибо если кто ею довольно напоенъ будетъ, а, между тѣмъ, внутрь сердца своего божественной мудрости не приметъ, то таковой простѣйшую братію свою презираеть, и высоко свою поднимаетъ бровь. Македонскій Александръ пришелъ нѣкогда къ бочкѣ Діогеновой и хотѣлъ съ симъ философомъ вступить въ разговоръ. Но онъ, отвергну сего монарха представленіе, просилъ, чтобы отъ него отошелъ прочь, и не мѣшалъ бы ему на солнцѣ грѣться. Какая надменная въ философѣ крылась мысль! Хотя онъ жилъ и въ бочкѣ, но сія бочка гремѣла другихъ презрѣніемъ, и хотя онъ былъ одѣтъ въ рубища, но сквозь сія рубища гордость была видна.

Но духовная премудрость кротка и человѣколюбива. Ибо хотя великій Учитель нашъ и приказываетъ, чтобы мы искали мудрость змійную, но притомъ, чтобы она растворена была простотою (Матѣ., 10, 16). И по сему кротчайшаго Учителя предписанію точно поступали смиренные Его ученики. Премудрый языковъ Учитель нѣкоторыми обстоятельствами приведенъ былъ, чтобы коринтянамъ дать знать, сколь великіе подъялъ онъ подвиги ради другихъ и ихъ спасенія, и коликыхъ удостоился Божіихъ откровеній. Самую истину писалъ Апостолъ сей. Но послѣ, какъ будто въ нѣкоторой признаясь погрѣшности, извинялся сими кротостію исполненными словами: „быхъ несмысленъ хваляся, вы мя понудите“ (2 Кор., 12, 11). О, Павле божественный! се ли твоя похвала, что ты всякій почти день отъ окружающихъ бѣдъ умиралъ? Но онъ тѣ же прекрасныя свои повторяеть слова: „быхъ несмысленъ хваляся, вы мя понудите“. Вотъ, живое изображеніе духовной премудрости, которую надменный и высокоумный духъ вмѣстить не можетъ, какъ то Самъ Сынъ Божій сіе призналъ предъ Отцемъ Своимъ небеснымъ: „Исповѣдаются, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ“ (Матѣ., 11, 25). А изъ

сего ясно усмотрѣть можете, сколь малое сообщеніе плотской мудрости съ духовною.

Плотская мудрость малодушна и лицемѣрна. Она иногда очень высоко летаетъ разсужденіями; но какъ повѣтеръ вѣтеръ какой ни есть страсти, а именно, самолюбія, или пріобрѣтенія нѣкоторой пользы, или страхъ стыда и наказанія, то сжимаетъ свои крылья, въ подлую приходитъ робость, и начинаетъ лицемѣрить, за большее почитая угождать своей страсти, нежели истину откровенно во всякомъ случаѣ проповѣдывать. Однако, безчестное сіе истины скрываетельство обычай имѣеть прикрывать честнымъ именемъ политики. Сократъ, который за самаго степеннаго изъ философовъ почитается, кажется, что не худо единаго Бога познавалъ. Но какъ предъ Аѳинскимъ судомъ донесено было, что онъ прочихъ поклоняемыхъ народомъ боговъ презираетъ, то столь испугался и столь въ великое пришелъ малодушіе, что совсѣмъ не признавалъ, акибы онъ когда училъ быть единому Богу, и въ истинѣ сей, какъ въ нѣкоторомъ злодѣяніи, предъ судомъ извинялся. Но и какъ осужденъ былъ на смерть, приказалъ богу Эскулапію пѣтуха принести въ жертву. Я догадываюсь—для того, чтобы по смерти его не пронесли, акибы Сократъ былъ презритель боговъ. О, слабость плотской мудрости! „Гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ, гдѣ совопросникъ вѣка сего? Не обуи ли Богъ премудрость міра сего?“ (1 Кор., 1, 20).

Но такое ли дѣйствіе премудрость духовная имѣла въ своихъ христіанахъ? лицемѣрили ли они, когда приводимы были предъ тирановъ? малодушествовали ли, когда показываемы имъ были острѣйшіе мечи, распаленные огни, разженные сковороды, клокочущіе оловомъ котлы, самыхъ лютейшихъ звѣрей зубы, и прочія мучительныя орудія, какія токмо лютость человѣческая выдумать можетъ? Убоялись ли они, чтобы умолчать истину, которая глубоко на сердца ихъ напечатана была? они единодушно до небесъ возносили сей гласъ: „Аще праведно есть предъ Богомъ, васъ послушати паче, нежели Бога, судите, а намъ умерети пріобрѣтеніе“ (Дѣян., 4, 19). Да еще многіе изъ такихъ истины свидѣтелей были простые, по мнѣнію мірскому; были жены и младенцы, были дѣвицы, самый немощный полъ. Примѣръ намъ готовый на нивѣ празднуемомъ великомученикѣ Евстаѳіи, который, духовною ободренъ мудростію, лучше избралъ въ разженномъ мѣдномъ волѣ (о, воспоминанія страшнаго!) сожженъ быть, нежели отступить отъ истины; котораго великодушному примѣру и жена его, съ происшедшими изъ утробы своей чадами, доблестно послѣдовали; а чрезъ то, самымъ дѣломъ, и плотскую мудрость посрамили, и доказали христіанской философіи силу. Почему и исполнилось на нихъ оное Спасителево обща-

ніе, которымъ общалъ дать имъ уста и премудрость. Дать уста, которыми глаголали истину предъ царями и не стыдились. Дать уста, которыми дерзновенно обличали суетное міра сего мудрованіе; дать и премудрость, которую не могла превозмочь ни злость, ни хитрость человѣческая.

Толькое усмотря между плотскою и духовною мудростію различіе, уже безъ сомнѣнія заключить можемъ, слушатели, во-первыхъ, сколь одна человѣку полезна и потребна; сколь же, напротивъ, другая суетна и вредна. Что бо пользуетъ человѣку, ежели будетъ прилежный натуры испытатель, искуснѣйшій наблюдатель теченій небосныхъ, и высоковитѣйствующій словесникъ; но со всеѣмъ тѣмъ—не почерпнетъ живой воды богопознанія изъ источниковъ Израилевыхъ, и не будетъ знать тѣхъ заповѣдей, которыя показываютъ путь къ вѣчному счастью, то окаяннѣйшій таковой всеѣхъ человѣкъ, и вся мудрость его поглощена будетъ. Сего то бо ради какъ не позналъ міръ натуральною премудростію Бога, прогнѣвавшесъ—„Богъ благоволилъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ“. (1 Кор., 1, 21). Второе, сколь мы блаженны, что намъ, вѣрующимъ во Іисуса Христа, сія божественная мудрость всегда въ Евангеліи благовѣстствуется и оную дражайшій нашъ Учитель намъ дать общаетъ.—„Азь дамъ вамъ уста и премудрость“ (Лук., 21, 5). Приступите убо къ Нему и просвѣтитесь и лица ваша не постыдятся“ (Псал. 33, 6).

Всеѣмъ намъ Спаситель нашъ общаетъ; но паче Тебѣ, Благовѣрный Государь Цесаревичъ, дражайшій всероссійскій Наслѣдникъ: ибо въ самый радостнѣйшій день рожденія Твоего, который мы нынѣ торжественно усердныя Вышнему приносимъ о здравіи Твоемъ молитвы, празднуемъ; въ самый, говорю, день рожденія Твоего, Прелатій Промыслитель, Богъ, Тебя въ міръ сей входящаго какъ бы привѣтствовалъ сими изъ Евангелія словами: „Азь дамъ Тебѣ уста и премудрость“. „Дамъ уста“, которыми угеселишь отечество Твое, „дамъ и премудрость“, которою всегдашнее благополучіе сыщешь дому Петрову, которое обѣщаніе Божіе и, дѣйствительно, на Тебѣ видимъ исполняемое. Ибо усерднѣйшимъ попеченіемъ дражайшей Родительницы Твоей, Всеавгустнѣйшей нашей Монархини, объ общей пользѣ болѣе, нежели о собственной своей пекущейся, при прочихъ наукахъ, и закону Божію обучаетесь, и страхомъ Его младшеческую свою непорочную душу наполняете, а чрезъ то восходите на степенъ духовной премудрости, которою да напоятъ Тебя Духъ Святой, къ неописанной радости дражайшей Родительницы Твоей, Благочестивнѣйшей Самодержицы нашей, Церкви же и всей Россіи во утвержденіе. Амшь.

Слово въ недѣлю 21 по сошествіи Святаго Духа *).

„Сѣмя есть слово Божіе“.

(Лук., гл. 8, ст. 2).

Нынѣшнее Евангеліе отверзаетъ намъ духовный вертоградъ, въ которомъ Небесный Святель свѣтъ сѣмя божественнаго слова Своего не на поляхъ, но на сердцахъ нашихъ, слушатели. И какъ домовитому мужу пристойно, началъ оное сѣяніе съ самаго утра, то есть, отъ самаго начала міра, сперва изустными откровеніи Своихъ преданіями, потомъ закономъ письменнымъ и Пророческими ученіями: а на послѣдокъ Евангеліемъ, которое начало принять отъ Самаго Господа, и доселѣ благодатию Божією черезъ пастырей и учителей въ Церкви Христовой не увядаетъ. А чтобы сѣяніе ученія его дѣйствительнѣе было, разными оное предлагаетъ человѣку способами; когда его то обѣщаніями склоняетъ, то страхомъ умягчаетъ, то притчами, какъ бы нѣкими подкопами, въ наши входитъ сердца. Горлому представляетъ смиренія высоту, скупому милосердія плоды, лѣнивому трудолюбія честность, грѣшника кающагося утѣшаетъ величествомъ милосердія Своего, а нераскальнаго устрашаетъ строгостію Своей справедливости, праведника утверждаетъ обѣщаніями благи, уготованныхъ любящимъ Его.

И въ разсужденіи сихъ—то различныхъ способовъ входитъ въ сердце человѣческое, слово Божіе удобляется сѣмени, съ которымъ какое есть подлинно сходство, нынѣшнею бесѣдою изслѣдовать, да не почтеть себѣ благосклонный слушатель во отягощеніе. А Ты, Святель благій, сотвори, чтобы сердце наше, яко благая земля, принявъ съ радостию божественное слово Твое, наполнилось росой Духа Твоего.

СѢМЯ ЕСТЬ СЛОВО БОЖІЕ.

Якоже сѣмя иное падаетъ при пути, на такомъ, то есть, мѣстѣ, гдѣ отъ мимоходящихъ легко попрано быть можетъ, или птицы поядаютъ; такъ и слово Божіе иные невнимательно слушаютъ, но съ небреженіемъ. А то потому, что къ слышанію проповѣди не возбуждаетъ ихъ чаемая оттуда польза, но или одно обыкновеніе, или любопытство. Почему такой слушатель подобенъ человѣку, смотрящему лице свое въ зеркалѣ, который какъ отойдетъ, то позабываетъ, какого онъ казался лица (Лук., 1, 23—14). Когда Спаситель нашъ въ смертномъ находился подвигѣ, неоднократно приходилъ къ ученикамъ Своимъ, но заставлялъ ихъ спящихъ; и какъ глаза ихъ столь были

*) Сказано 1763 года, мѣсяца октября, 5 дня.

сномъ отягощены, что зовущаго ихъ гласа не слышали, то на послѣдокъ сказали имъ: „спите прочее и почивайте“ (Матѣ., 26, 45). Такъ и всякъ изъ насъ опасаться долженъ, чтобы, ежели мы ученіе спасительное будемъ принимать сонливыми ушами, благодать Божія не сказала: „спи теперь и почивай, прошло ученія твоего время, заключились двери“.

Якоже сѣмя иное падаетъ на камень, гдѣ, понеже нѣтъ влаги, скоро засыхаетъ и желасмаго не приноситъ плода, такъ и слово Божіе въ тѣхъ бываетъ бесплодно, которые не утверждены въ вѣрѣ, и о законѣ Божіемъ имѣютъ малое попятіе, почему такіе, какъ совершенно не знаютъ, какое нашего христіанскаго закона предъ прочими есть превосходство, то на время вѣрують, а во время напасти отпадаютъ.

Якоже сѣмя иное упадетъ въ терніе, гдѣ, хотя бы и могло возрасти, но понеже густотою терновыхъ вѣтвей подавляется, созрѣть не можетъ: такъ и слову Божію самое великое препятствіе бываетъ отъ тернія; отъ тернія, разумію, житейскихъ суетъ, отъ тернія богатства, отъ тернія сладострастій мірскихъ. Понеже, за житейскими хлопотами, слышать ученіе нѣтъ времени: богатство наружными прибытками отводитъ отъ сего духовнаго училища; а сладострастія занимаютъ все сердце бѣднаго человѣка чтеніемъ соблазнительныхъ книжекъ, непристойными разговорами, развращенными компаніями. Такіе люди тѣмъ сожалительнѣе, что за малые прибытки, за краткое услажденіе продаютъ ту пользу, которая могла бы ихъ вѣчно сдѣлать счастливыми. О, окаянное терніе! Ты уязвленіемъ своимъ смертоносную намъ наносишь рану. Въ Ефесѣ Павелъ проповѣдывалъ, что тѣхъ за боговъ почитать нельзя, которыхъ руками человѣческими сдѣлать можно (Дѣян., 19, 24). Прослышавъ сіе, нѣкоторый Димитрій, который дѣлалъ идоловъ, созвалъ всѣхъ своихъ товарищей, и такъ имъ говорилъ: „Товарищи! вы знаете, что симъ мастерствомъ мы питаемся; почему ежели не удержимъ успѣхъ ученія Павлова, то можемъ остаться безъ пропитанія“. Послѣ сего столь великую подняли они молву, что принудили блаженнаго Павла выйти изъ того города. Вотъ—терніе тлѣннаго богатства подавило сѣмя ученія Павлова!

Якоже сѣмя иное падаетъ на добрую землю, которое и благополучно произрастаетъ и изобильный приноситъ плодъ: такъ и слово Божіе иные принимаютъ съ усерднымъ желаніемъ и съ радостнымъ сердцемъ, которое не имѣетъ ни камня жестокости грѣховной, ни тернія сладострастія, но, умягчаемо благодатію, украшается цвѣтами благихъ намѣреній и обогащается плодами добродѣтелей. И о такой-то благого сердца землѣ нѣгдѣ написано: „Земля, пившая сходящій на ню множицею дождь, и раждающая былія добрая онымъ, ими же и дѣлаема бываетъ, приемятъ благословеніе отъ Бога“ (Евр., 6, 7).

Якоже сѣмя, хотя бы и на добрую пало землю, дабы могло созрѣть, надобно часто дождемъ напояему быть. Такъ и слово Божіе недовольно, чтобы мы одинъ разъ или другой охотно приняли, но должно, въ надеждѣ собранія благодатныхъ плодовъ, наипаче къ чтенію и слышанію его прилежать и не преставать животворную изъ него сосать влажность. Такимъ дождемъ блаженный Давидъ наполялъ благословенную ниву свою, когда въ законѣ Божіемъ поучался день и ночь (Псал. 1).

Якоже сѣмя только доброе сѣется, но тутъ же нечаянно возрастаютъ и плевелы; и сколько бы бѣдный поселянинъ ни тщился оныя исторгать, но совершенно не можетъ: гдѣ ни есть и какимъ ни есть образомъ, но вредное оное быліе между пшеницею занимаетъ мѣсто. Такъ Церковь Христова тщится посѣять и сѣсть на нивахъ сердце христіанскихъ единое слово Божіе; но врагъ человѣка тутъ же скрытно всѣваетъ плевелы развращенныхъ мнѣній и соблазнительныхъ ученій. Христосъ наполняетъ житницу христіанской души блаженными Своими зѣменами; но врагъ нашъ незаконною лопатою своею оныя разиваетъ; Христосъ показываетъ намъ путь къ вѣчному счастью; но міръ на семь путей полагаетъ претыванія и соблазны; Христосъ учитъ чистотѣ и цѣломудрію; но страстная плоть наружными своими пріятностями прельщаетъ насъ. Здѣсь, въ храмѣ Божіемъ, предлагается ученіе нравовъ, а за порогомъ церковнымъ встрѣчаютъ насъ тысяча случаевъ къ поврежденію нравовъ. И сіе-то истинныхъ пастырей церковныхъ презрѣнно оскорбляетъ; сіе-то принуждаетъ ихъ со слезами произносить жалобныя сіи слова: „Господи! не доброе ли сѣмя сѣяхомъ; откуда убо суть плевелы“?

Якоже сѣмя, ежели хранится только въ житницѣ, пребываетъ безъ плода: такъ ежели кто силенъ въ книгахъ, то есть, довольное имѣетъ искусство въ сисканіи разума Божественнаго Писанія, но оное не употребляетъ бы къ наставленію простѣйшей братіи своей, хотя бы видѣлъ ихъ въ крайнемъ невѣжествѣ, такой, яко всеу пріемный талантъ благодати Божіей, не только никакой не приноситъ пользы, но еще дѣлаетъ и вредъ: что бо пользуется сокровище сокровенное? Было нѣкогда во Израилѣ такое несчастливое время, что неизвѣстно пропадала книга закона Божія; и какъ начали для возобновленія разбирать стѣны храма, то какъ-то нечаянно тутъ же нашли и оную книгу. Самъ великій священникъ, увидѣвъ надпись закона Божія, съ удивленіемъ сказалъ: „Книгу закона Божія обрѣтохъ въ дому Господни“ (4 Цар., 21, 8); но и нынѣ въ новомъ Израилѣ священная книга Евангелія едва ли не у многихъ также въ развалинахъ забвенія и лѣности погребена есть.

Яко же сѣмя, хотя бы нечистыми посѣяно было руками, но на доброй землѣ, не лишится плода своего: такъ и слово Божіе, хотя бы чрезъ недостойнаго проповѣдуемо было учителя, можетъ быть плодоносно, ежели зрѣлымъ разсужденіемъ будетъ утверждено слушательво сердце. И въ семь-то разумѣ Спаситель приказалъ слушать фарисеевъ. „На сѣдалищи Моисеевъ сѣдоша книжницы и фарисее: вся, елика глаголють вамъ творити, творите: по дѣломъ же ихъ не творите: глаголють бо, и не творятъ“ (Матѣ., 23, 2—3). Хотя подлинно признаться надобно, что учительство дѣйствительнѣе въ устахъ того пастыря, въ которомъ ученіе съ благочестіемъ соединено есть, и который не опасается, чтобы ему сказали: „врачу, исцѣлися самъ“.

Яко же сѣмя сѣетъ поселянинъ, но возраститъ Богъ: такъ и слово Божіе проповѣдуютъ пастыри и учителя, и тѣмъ касаются единыхъ токмо слушательвыхъ ушесъ; но сердце подвигнуть и обратить есть дѣйствіе единаго всецѣльнаго Бога: „Павель насадилъ, Аполлосъ наполнилъ, но возрастилъ Богъ“ (1 Кор., 3, 6). Такъ что же Павель, что Аполлосъ? тоію служители или орудія, чрезъ которыя вседѣйствующій Богъ благоволилъ въ другихъ вѣру насадить. Такое разсужденіе великое подаетъ учителямъ утѣшеніе, чтобы не ослабѣвали въ похвальномъ трудѣ своемъ и тогда, когда бы видѣли слушателей мало успѣвающихъ въ исправленіи.

Какъ къ сѣянію не всякое время способно, но усматривать способность онаго есть дѣло разумнаго поселянина, такъ и мудрый учитель ловить удобнѣйшіе случаи, чтобы взойти въ сердце слушательво. Когда видитъ его или суетами занятаго, или о увеселеніяхъ токмо помышляющаго, или въ высокое о себѣ мнѣніе пришедшаго, тогда нѣкоторое таковой братней немощи дѣлаетъ снисхожденіе. „Надобно бо нѣкогда и предъ немощными быть, яко немощну“ (1 Кор., 18, 22). Но когда видитъ его отъ множества суетъ скорбящаго, отъ веселостей скучающаго, отъ разныхъ переменъ свою бѣдность признающаго; тогда уже, призвавъ Бога на помощь, исходитъ на дѣло свое радуясь. Такъ Павель, увидѣвъ въ Аѳинахъ надпись: „невѣдомому Богу“ (Дѣян., 17, 23), взялъ случай проповѣдывать невѣдомаго ими Иисуса Христа. Благовѣстникъ Филиппъ обратилъ къ вѣрѣ евнуха, увидѣвъ его читающимъ книгу Псаи пророка (Дѣян., 8, 30). А хотя и велѣно нѣгдѣ: „настоять ученіемъ благовременно и безвременно“ (2 Тим., 4, 2); но сіе относится надобно до учителя, а не до ученика; то есть, усмотря въ слушателѣ охоту, тотчасъ приниматься за дѣло, не разсуждая о своихъ недосугахъ.

Яко же сѣмя само собою есть мало, но когда возрастетъ, бываетъ древо великое, и птицы небесныя гнѣздятся между вѣтвями его. Такъ

и слово Божіе предъ очами непросвѣщенныхъ человѣкъ кажется мало и презрительно, но самую вещь есть сила Божія во спасеніе всякому вѣрующему. „Живо бо слово Божіе и дѣйственно, и острѣе паче всякаго меча обоюду остра“ (Евр., 4, 12). Симвъ слова Божія мечемъ вооружившись, богоносные апостолы нанжесточайшія сердца умягчили, симъ словомъ заградилн высоковитѣйствующія уста, посрамили вѣка сего мудрость, и всего свѣта сдѣлались преславными побѣдителями. Такъ какой же быть надобно оной душѣ, которая ниже симъ слова Божія пронзается мечемъ!

Яко же сѣмя, принесши плодъ, онымъ питаетъ тѣло, такъ и слово Божіе питаетъ душу, которое питаніе есть предначатіе вѣчныхъ, нѣкогда быть имѣющихъ, сладостей. Нѣкогда Господь Вседержитель единому изъ Своихъ пророковъ подаль свитокъ книжный, и сказалъ ему: „сыне человѣчъ! снѣждь свитокъ сей!“—и снѣдохъ его, говоритъ Пророкъ,—„и бысть во устѣхъ моихъ, яко медъ сладокъ“ (Иезек. 3, 1—3); такъ и всякому изъ насъ невидимо Божественная благодать въ уши сердечныя вопіеть: „сыне человѣчъ! снѣждь свитокъ спасительнаго ученія алчными устами души твоей“; а когда снѣшь, то воспоешь съ Давидомъ: „коль сладка гортани моему словеса Твоя, Господи: паче меда устомъ моимъ“ (Псал. 118, 103). Яко же сѣмя ежели будетъ бесплодно, бываетъ голодъ. Такъ, ежели слово Божіе желаемого своего лишается плода, наступаетъ духовный голодъ, то есть, невѣдѣніе крайнее о Богѣ, презрѣніе добродѣтели, небреженіе о своей должности, чрезъ что лишаемся той жизни, которою оживотворяется наша душа. Опасный поистинѣ таковой гладъ! и онымъ наказанъ наше непокорство грозить Господь Саваоѣ чрезъ одного изъ Своихъ пророковъ; „Се дніе грядуть“, глаголетъ Господь: и „послю гладъ на землю, не гладъ хлѣба, ни жажду воды, но гладъ слышанія слова Господня“ (Амоса, 8, 11). О, поистинно страшное угроженіе! ибо симъ голодомъ не тѣло, но самая умерщвляется душа.

Якоже напослѣдокъ бываетъ иногда жатва многа, но дѣлателей мало. Такъ иногда тщательные христіане жаждутъ слышать слово Божіе, но нѣтъ духовныхъ жателей, которые могли бы погасить блаженную оную жажду водою живою слова Божія. Многіе бо сидятъ при источникахъ духовныхъ, но не имѣютъ почерпала, то есть довольнаго ученія, чтобы онымъ, изъ кладезя того почерпнувъ, себя и другихъ напоили. Въ нынѣшнее время не безъ затрудненія можно узнать, въ комъ большая скудость—въ слушателяхъ ли или въ учителяхъ. Ибо тѣхъ за истинныхъ слушателей почесть нельзя, которые на подобіе песочныхъ часовъ, что однимъ ухомъ принимаютъ, то чрезъ другое выпускаютъ, и которые болѣе пріятности, нежели пользы, въ словѣ ищутъ. „Блажени слышашіи слово Божіе и творящіи е“.

Толикое усмотрѣвъ между сѣменемъ и словомъ Божиимъ сходство, учителя да тщатся неусыпно пребывать въ семъ духовномъ сѣяніи, и въ вертоградѣ Христовѣ работать нѣлѣбною, а слушатели да тщатся быть благою землею, съ радостію приѣмлющею сѣмя слова Божія. „Имѣяй уши слышати, да слышитъ“. Аминь.

Слово въ недѣлю 25 по сошествіи Святаго Духа *).

И кто есть ближній мой?*

(Лук., гл. 10, ст. 29).

Который вопросъ предложилъ законникъ Спасителю, искушая его, тотъ мы предложимъ теперь себѣ, слушатели, съ усерднымъ и нелицемѣрнымъ желаніемъ узнать ближняго нашего, взаимно другъ друга вопрошая такъ: друже! „и кто есть ближній мой?“ кто есть тотъ, котораго самое естество со мною неразрывно связало? кто есть тотъ, о котораго благополучіи я не меньше, какъ о собственномъ своемъ, стараться долженъ? а напротивъ что, намъ, выключая училище священнаго сего мѣста за житейскими суетами, за частыми веселостями, едвали бываетъ досужно подумать когда о ближнемъ нашемъ, и принять въ разсужденіе тотъ долгъ, котораго отъ насъ другіе по справедливости требовать могутъ. Ибо, что тотъ-то мой недоброжелатель, что другой безъ отмищенія моего остаться не долженъ, что третьяго имѣніемъ польза моя знатно пріумножится можетъ, о томъ мы часто да еще съ нѣкоторымъ услажденіемъ подумываемъ; но чтобы, подражая Самарянину, на требующаго нашей помощи человѣка, возливать масло милосердія и вино утѣшенія, о томъ помышляемъ рѣдко, а чрезъ то допускаемъ бѣдныхъ оныхъ произносить Богу жалобныя сіи слова: „Господи! и ближній мой отдалече мене сташа!“ прошли бо тѣ златыя времена, въ которыя не было во употребленіи сихъ словъ: „мое да твое“, но было все общее, да еще и единая душа оживотворяла всѣхъ. Изсякла любовь, которая есть союзъ совершенства! даруй же намъ, милосердный Владыко! чтобы мы, узнавъ, кто есть ближній нашъ, попеченіемъ и милосердіемъ своимъ отъ него не удалялись.

И КТО ЕСТЬ БЛИЖНІЙ МОЙ?

Ближній нашъ есть всякъ человѣкъ, нашей помощи требующій. Рабъ ли кто или свободный, знаемый или незнаемый, пріятель или соперникъ, всѣ, вообще, во время нужды нашимъ вспоможеніемъ снабдѣны, нашего милостиваго покровительства удостоены быть должны.

*) Сказано 1783 года, мѣсяца ноября, 2 дня.

Къ сему, во-первыхъ, склонить насъ можетъ то, что приближающіе къ намъ суть человѣки, то есть, одинаго съ нами естества, подобнаго тѣла, подобной души, отъ единой съ нами крови свое имѣютъ начало, и равнымъ съ нами подвержены страстямъ, равнымъ подлежатъ пере-мѣнамъ. Почему, ежели не знакомство, то, по крайней мѣрѣ, страдающее естество сильно возбудитъ въ насъ сожалѣніе къ ближнему. Кто бы такой былъ человѣкъ, говорить Евангеліе, „который бы видѣлъ овча, падшее въ яму, и не потщался бы оное оттуда извлечь“ (Мате., 12, 11). Такъ кто же бы былъ столь жестокосердъ, который бы самому человѣку въ яму несчастія впадшему не подалъ руку помощи? и для того святой Іоаннъ такое сердца ожесточеніе называетъ затвореніемъ утробы: „иже имать“, пишетъ онъ, „богатство міра сего, и видитъ брата своего требующа, и затворитъ утробу свою отъ него, како любви Божія пребываетъ въ немъ“ (1 Іоан., 3, 17).

Но пускай мы будемъ столь каменнаго сердца, что насъ страдающее человѣчество подвигнуть неasilyно: по крайней мѣрѣ, возбудитъ насъ должно то разсужденіе, что мы и сами тѣмъ же нуждамъ подвержены быть можемъ, что и нашей жизни корабль, по морю міра сего плавающій, не весьма безопасенъ есть отъ волненія и отъ сокрушенія. Извѣстно бо, сколь частая и внезапная человѣческихъ вещей есть переменна. Что нынѣ миѣ, то завтра тебѣ; который нынѣ на высокой превозносился колесницѣ, того завтра увидимъ поверженнаго на землю; который нынѣ Крезовымъ изобиловалъ богатствомъ, тотъ въ кратчайшее время будетъ лежать съ Іовомъ на плачевномъ гронощи.

Навуходоносоръ видѣлъ во снѣ превеликое древо, листьями покрытое, цвѣтами украшенное, плодами обогащенное (Дан. 4, 7—9); но въ то же время Тотъ, Который не спитъ, и Который есть святъ, приказалъ оное дерево посѣчь, вѣтви обить, листья отрясти, и самый плодъ разсыпать; вотъ, ясное переменъ человѣческихъ изображеніе! на которое ежели мысленными очами наипаче будемъ взирать, нельзя стать, чтобы мы или неосторожнѣе свою жизнь препроводили, или другому страдающему такую счастья переменною подать помощь отrekliсь. Иначе опасаться должны, чтобы тою мѣрою, которою мы мѣрили ближнимъ нашимъ, не возмѣрилось и намъ.

Я уже то молчаніемъ прохожу, что мы всѣ Божіей требуемъ помощи, и отъ Его щедрой руки всякій часъ получаемъ тьмочисленные благодѣянія, за которыя ежели не будемъ неблагодарны (а благодарствіе наше наипаче состоятъ во взаимномъ другъ другу вспоможеніи), то сказано намъ будетъ изъ Евангелія: „Злой рабе! азъ весь долгъ отпустихъ тебѣ; не подобаше ли и тебѣ помиловати клевету твоего“ (Мате., 18, 32—33)?

Такому разсужденію если бы мы самымъ дѣломъ послѣдовали, не были бы наполнены цѣлыя улицы стадами нищихъ, не было бы столько обидъ и гоненій, замолкли бы жалобы бѣдныхъ вдовицъ, не валялось бы столько предъ вратами нашими гладомъ истаявающихъ Лазарей, въ то самое время, въ которое издерживаемъ мы богатство на суетныя, а иногда и вредныя вещи.

Израильскій царь Ахавъ во время самаго лютаго глада послалъ правителя своего дома Авдія одною дорогою, а самъ пошелъ другою (3 Цар., 18, 5),—а зачѣмъ?—искать травы, чтобы было чѣмъ лошадей и скотъ пропитать. Вотъ, о скотѣ печется, но не видно, чтобы помышлялъ о множествѣ человѣковъ отъ глада умирающихъ. Но и нынѣ, можетъ, многіе, противъ Евангелія, отнимаютъ хлѣбъ отъ чадъ, и повергаютъ тотъ псамъ. Вы обижаете, пишетъ Павелъ къ коринтянамъ, да еще братію: „почто не паче обидими есте? почто не паче лишени бываете? Аще другъ друга угрызаете и снѣдаете, блюдитесь, да не другъ отъ друга истребленн будете“ (1 Кор., 6, 7; Галат., 5, 15). Но да спросить наки всякъ себя: „и кто есть ближній мой?“

Ближній нашъ есть общество, въ которомъ мы родились, воспитались и правительству котораго мы препоручаемъ свое благополучіе и покой свой. Ежели бо всякаго человѣка почитать должны за ближняго своего, колымъ паче симъ именемъ требуетъ быть почтено отъ насъ общество, которое къ намъ такъ близко, какъ мы сами себѣ, поелику всѣ его намѣренія и дѣла кончатся на нашей пользѣ. Общество есть подобіе тѣла, которое, какъ нѣкоторые члены, составляемъ мы. Но члены другъ о другѣ пекутся, да такъ, что когда страдаетъ одинъ членъ, съ нимъ страдаютъ и всѣ; и когда радуется одинъ членъ, радуются съ нимъ и прочіе уды, а то потому, что не можетъ одно тѣло назваться здоровымъ, ежели нѣкоторые члены немоществуютъ, и члены не могутъ быть здоровыми, ежели не будетъ здоровъ весь тѣлесный составъ; такъ и благополучіе общества есть благополучіе всякаго особъ; и всякій особенно не можетъ назваться благополучнымъ, ежели его благополучіе не будетъ соединено съ благополучіемъ общества. Почему, ежели бы кто о цѣлости общества не имѣлъ попеченія, такой не только былъ бы вреденъ обществу, но и самому себѣ. А удовлѣворимъ требованію общества тогда, когда въ томъ званіи, въ которое отъ Бога призванъ всякъ, будемъ съ вѣрностію исправны. А, именно, когда пастьеръ церковный словомъ Божиимъ питаетъ свое стадо, и усердныя молитвы приносить Богу о себѣ и о людскихъ невѣжествныхъ, когда судія не продаетъ справедливость, когда полководецъ въ защищеніи отечества пребываетъ неусыпно, когда купецъ, не нарушая правды, служить недостаткамъ нашимъ, или, да съ Павломъ скажу: „аще учай

пробываетъ во ученіи; аще утѣшаяй, во утѣшеніи; подаваяй, въ простотѣ; начальствуяй, со тщаніемъ; милуяй, съ добрымъ изволеніемъ: честію другъ друга больша творяще: тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе“ (Римл., 12, 7—11). Такимъ образомъ, цѣлость общества соблюдается, и платится тотъ долгъ, котораго оно отъ насъ, яко отъ своихъ членовъ, всегда требовать можетъ.

Но и то нашего разсужденія достойно, что члены въ тѣлѣ другъ о другѣ некутся, потому что одинъ членъ въ другомъ нужду имѣеть; такъ и всякъ изъ насъ особенно разсуждаемый не есть столь совершенъ, чтобы въ другомъ не имѣлъ нужды. И сей союзъ есть столь великъ, что онъ по справедливости общества душею долженъ назваться. Не иная бо причина составила общество, населила села, построила города, основала государства, какъ токмо та, что жизнь человѣческая не можетъ быть спокойною и благополучною, какъ токмо соединеніемъ многихъ во едино, добръ управляемое общество. Но сей священный союзъ скоро можетъ быть разорванъ, ежели не будемъ хранить сладчайшій покой общества; а онъ хранится токмо взаимнымъ другъ о другѣ попеченіемъ.

Древній философъ Анаксагоръ, видя себя въ старости мало призраема отъ Перикла, коему онъ былъ учитель, принялъ намѣреніе умереть съ голоду, и какъ увѣдомившись о томъ Периклъ, всячески просилъ его, чтобы онъ не отрицался жить еще на свѣтѣ; тогда Анаксагоръ сказалъ ему: „Периклъ! которые имѣютъ нужду въ свѣтѣ отъ лампы, тѣ не позабываютъ лить въ нее масло!“ Многія лампы погасаютъ, такимъ образомъ, отъ нерадѣнія тѣхъ людей, которымъ бы надлежало о нихъ имѣть стараніе. Но, опять, не самая ли правда требуетъ, чтобы мы имѣли попеченіе о томъ обществѣ, которое печется о нашемъ благополучіи. Правительства бо общаго труды снискиваютъ намъ покой, промысломъ его утверждается наша безопасность, и подъ его сѣнію мы сладко опочиваемъ.

Такое разсужденіе въ насъ произвести должно то, чтобы ничего намъ не было дражае благополучія общаго, чтобы не было столько гулянія съ великимъ ущербомъ добрыхъ нравовъ, вещей и времени, но жалѣли бы оное на совѣты, утверждающіе общество, на дѣла нашей должности, пропали бы вредныя прибывальщики, которые общей пользѣ предпочитаютъ собственную свою, вмѣсто того, чтобы пользу общую защищать, не только съ потерей пользы своей, но когда бы того нужда потребовала—и самой жизни, а чрезъ сіе дражайшее общество подобно было бы доброй и домостроительной фамиліи, подобно было бы любовному братству; слѣдовательно, такъ бы процвѣтало, что и оно, какъ мать, о насъ всеселилось бы, и мы подъ матернимъ его

покровительствомъ пребывали бы безопасны. Но терпѣливо снесите, слушатели, что я еще хочу спросить: „и кто есть ближій мой?“

Ближній нашъ или паче—мать наша еще есть Христова Церковь, въ которой мы духовно родились, млекою слова Божія воспитались, и которая о нашемъ истинномъ счастьи, яко сердобольная мать, печется. Вотъ, ея гласъ, который она въ свидѣтельство любви своей произноситъ устами Павловыми: „Уста наша отверзошася къ вамъ, о христіане, сердце наше распространися. Не тѣсно вмѣщается въ насъ? но только утѣсняется во утробахъ вашихъ“ (2 Кор., 6, 11—12). Надобно быть тому или чувству лишенному, или нечестіемъ весьма ожесточенному, который сію матернюю любовь Церкви не тщился бы платить сыновнимъ къ ней усердіемъ.

А усердіе сіе требуетъ отъ насъ, чтобы мы святѣйшую вѣру нашу почитали выше всего, и не думали бы быть какой пользы изъ того обществу или намъ, что не соединено съ пользою благочестія, чтобы знаніе закона Божія имѣли за единственное основаніе всѣхъ дѣйствій нашихъ, а по его правиламъ поступать—за сущее благополучіе наше, чтобы усерднѣе старались всѣмъ вдыхать высокія мысли о благочестіи, а тѣхъ, которые бы презирали оное или объ ономъ не радѣли,—яко вредныхъ и мерзкихъ общества членовъ, отвращались бы. Ибо безъ сомнѣнія не можетъ тотъ быть и добрый гражданинъ, кто не будетъ добрый христіанинъ. Истинный христіанинъ, будучи побуждаемъ тою благодарностію, какою онъ обязанъ къ своему дражайшему Искупителю, поощряемъ надеждою будущихъ благъ, одоужаемъ онымъ соединеніемъ, какое имѣетъ въ таинственномъ тѣлѣ Церкви Христовой, почелъ бы себя за неблагоарійшее созданіе, ежели бы при всякомъ случаѣ не оказалъ себя горячимъ ревнителемъ благочестія.

А наипаче благочестивые государи за высочайшій верхъ славы своей всегда почитали быть усердными истинной вѣры покровителями и защитниками; и тѣмъ исполняли оное славное Исаіино пророчество, которымъ описано будущее Церкви Христовой благополучіе: „Свѣтися, свѣтися, Іерусалиме, приде бо твой свѣтъ, и слава Господня на тебѣ возсія. И будутъ царіе кормители твои, и княгини ихъ кормилицы твои“ (Ис., 49, 23; 60, 1). Сіе пророчество исполнилось и на Тебѣ, благочестивѣйшая Монархиня наша, когда вооружившись вѣрою, преславною благочестія показала еси защитницею, которая ревности въ награжденіе попечительное о насъ Божіе Провидѣніе, вручило Тебѣ, величествомъ и православіемъ сіяющей, престоль. И сему высокому Вашего Величества примѣру да подражаютъ и подчиненные Твои. Но ужели се сомнительно? вотъ, я вижу, что и на знаменахъ, и на кавалеріи, и на звѣздахъ — изображены сіи слова: „за вѣру, за вѣру“.

Очень зрядно и благочестиво. Да не довольно, чтобы сіе вышито было на матеріи; надобно, чтобы напечатано было и на глубинѣ сердца. Сіи наружные знаки должны быть свидѣтельствомъ внутренней ревности по вѣрѣ. А чтобы быть ревностному по вѣрѣ, надобно знать вѣру. Но нѣтъ ли въ христіанахъ и такихъ, которые обучаться закону почитаютъ или за неполезное, или за неприятное, или за непристойное, а, вмѣсто того, въ наученія странна и различна отдавшись, и наполнивши свою голову стихами и другими сочиненіями, дѣлаются совершенно плотскими, а плотской человѣкъ,—по Павлову слову,—„не приѣмлетъ, яже Духа Божія: юродство бо ему есть“ (1 Кор., 2, 14.) „Два зла сотвориша людіе Мои“,—глаголетъ у Іереміа Господь Богъ,—„Мене оставиша источника воды живы, и ископаша себѣ кладязи сокрушенныя, иже не возмощу воды содержать“ (Іер., 2, 13). Другіе, можетъ, сему смѣются и радуются: смѣются таковыхъ суетѣ; а радуются, что удобіе ихъ, яко неутвержденныхъ, могутъ склонить къ мнѣніямъ своимъ. А сіе весьма чувствительно прободаетъ сердце Церкви Христовой.

Господи! изъ слова Твоего мы узнали, „кто есть ближій нашъ“; только милостиво сотвори, чтобы мы, подражая самарянина, оное самымъ дѣломъ исполняли. Аминь.

Слово въ недѣлю 28 по сошествіи Святаго Духа *).

„Мнози суть звани, мало же избранныхъ“. (Лук., гл. 14, ст. 24).

Созываетъ насъ днесь Евангеліе на преславный духовный пиръ, на которомъ предлагается безсмертная пища—Самъ Агнецъ Божій, закланный прежде сложенія міра со всѣми оными плодами, которые Онъ страданіемъ Своимъ и дражайшею смертію пріобрѣлъ. Сего преславнаго пира величество, богатство, и оживляющее и услаждающее наши души дѣйствіе нѣтъ нужды описывать. Ибо вы, благословенные христіане, спасительною благодатию не токмо на оный призваны, но, дѣйствительно, видите очами вѣры славу его, и устами души своей вкусили отъ его сладостей. Вы просвѣщены и причастились Духа Святаго; вы чувствовали сладчайшій вкусъ Божія глагола, и силы грядущаго вѣка. Васъ привѣтствуетъ святой Петръ, что „вы родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія, яко да добродѣтели возвѣстите изъ тмы васъ призвавшаго въ чудный свой свѣтъ“ (1 Петр., 2, 9). А когда призваны и неизслѣдимаго богатства благодати Божіей сподобились, то, вотъ, тотъ же Петръ увѣщаетъ

*) Сказано 1763 года, мѣсяца декабря, 14 дня.

насъ сію великую благодать содержать въ чистой совѣсти: „потщитесь“, говоритъ, „братіе, извѣстно ваше званіе и избраніе творити: сице бо обильно подастся вамъ входъ въ вѣчное царство“ (2 Петр. 1, 10).

Но какъ много и такихъ, которые не суть отъ двора сего, то есть, или званіе Божіе отвергають или, получивъ даръ сей, но оный употребляютъ во зло; а какъ благодать Божія никому не хочетъ погибнуть, то какимъ же образомъ она производитъ сіе спасительное дѣйствіе? Ты, милосердія неисчерпаемая бездна, Боже, вразуми насъ, и даждь нашему сердцу слышать внутренней гласъ зовущей благодати Твоей!

Различными образами зоветъ милосердный Богъ человѣка ко спасенію, и неизслѣдимыми намъ судьбами предуготовляетъ всякому путь къ добродѣтели. Зоветъ Онъ насъ чрезъ добрыхъ родителей, чрезъ разумныхъ учителей, чрезъ пристойное воспитаніе, чрезъ постоянныхъ товарищей и вѣрныхъ друзей, чрезъ похвальныя примѣры, чрезъ чтеніе или слышаніе полезныхъ книгъ и ученія. Иного отводитъ отъ зла страхомъ, другаго приводитъ къ добру награжденіемъ; сего исправляетъ нищетою, того поощряетъ къ добродѣтели богатствомъ; одного смиряетъ несчастіями, другаго слабость и уныніе въ добрыхъ предпріятіяхъ ободряетъ честію. Но кто можетъ исчислить различные образы милосерднаго о насъ попеченія Божія? мы теперь, слушатели, за довольное почтемъ узнать хотя только важнѣйшіе пути званія Божія.

Зоветъ, во-первыхъ, насъ Богъ къ добродѣтели и къ истинному благополучію чрезъ законъ естественный. Извѣстно бо, думаю, всякому, что Богъ, созидая человѣка, вкупѣ вліялъ въ него вѣчный законъ Свой, то есть, способность къ различенію добра отъ зла, и посѣялъ въ сердцѣ его сѣмена добродѣтели. Всѣ народы, въ прочемъ дикіе и несогласныя нравами, обыкновеніями, языкомъ, законами, но безъ учителя и безъ книгъ довольно согласны въ томъ, что иное есть само чрезъ себя честно и похвально; другое безчестно и срамно. Сіе разсужденіе засвидѣтельствуетъ намъ великій Павелъ: „языцы“, говоритъ, „неимуща закона, естественномъ законная творить, сіи законное не имуща, сами себѣ суть законъ: иже являютъ дѣло закона написано въ сердцахъ своихъ, спослушавшующей имъ совѣсти, и между собою помысловъ осуждающимъ или отвѣщающимъ“ (Римл., 2, 14—15).

А отсюда усматриваемъ спасительное намѣреніе Создателя, дабы симъ впечатлѣніемъ закона сдѣлать намъ добродѣтель любезною, а порокъ ненавистнымъ, котораго закона сила тѣмъ дѣйствительнѣе, что мы, сдѣлавъ какое добро, самое живое внутри себя чувствуемъ утѣшеніе; но, сдѣлавъ худое, хотя бы ни отъ кого никакого не опасались наказанія, жестокое внутри претерпѣваемъ отъ совѣсти обличеніе и

самыхъ себя стыдимся и срамляемся. А сіе, врожденное намъ, о добрѣ понятіе, сія, чувствуемая въ сердцѣ нашемъ по содѣланіи добра, радость, сіе совѣсти грызеніе, неразлучное наказаніе порока—не есть ли сильное къ добродѣтели ободреніе, и ясное званіа Божія знаменіе? да и подлинно, какимъ бы страстямъ и злодѣяніямъ мы ни подвергали себя, ежели бы насъ не обуздывала ни совѣсть, ни стыдъ; когда и совѣстію обличаемы и поражаемы стыдомъ, не престаемъ худыми обременять себя дѣлами?..

Однако, сіе Божіе званіе, сколь само по себѣ ни дѣйствительно, не приводитъ человѣка въ надлежащее совершенство, но только предуготовляетъ къ благодати Христовой: ибо самымъ искусомъ дознаемъ, что мы не можемъ быть безпорочными исполнителями закона естественнаго. И по сей-то причинѣ законъ естественный, или, что то же есть, неповрежденная философія называется служительницею благодати Евангельской: „законъ пѣстунъ намъ бысть во Христа, да отъ вѣры оправдимся“ (Гал., 3, 24), вопіеть учитель языковъ. А чтобы врожденный законъ совершенно исполнить, въ томъ препятствуютъ намъ недостатки нашего естества и воюющія внутри насъ страсти, которыя единого человѣка на двѣ противныя части раздирають такъ, что принуждены бываемъ съ Павломъ вопіть: „не еже хочу, сіе творю; не еже ненавижу, то содѣлываю: еже бо хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю“ (Римл., 7, 18—19).

Сія война, подлинно, препятствуетъ Божію званію, но и помогаетъ въ нѣкоторомъ разумѣ. Приводитъ бо насъ въ признаніе своей немощи и бѣдности, а черезъ то велитъ намъ искать цѣлителя и избавителя; „не требуютъ бо здравіи врача, но болящій“. И для того-то святыи Апостолъ написалъ, что „идѣже умножися грѣхъ, прензбыточествова благодать“ (Римл., 5, 20), то есть множество грѣховъ приводитъ человѣка къ признанію своего окаянства, а признаніе сіе сподобляется великаго милосердіа Божія отпущающаго множество грѣховъ. И сей есть первый путь званія Божія.

Второе, зоветъ насъ Богъ къ исправленію строгостію закона, который подвергаетъ нераскаяннаго грѣшника гнѣву Его и различнымъ наказаніямъ. Извѣстно бо, какимъ страшнымъ изреченіемъ запечатлѣлъ Богъ законъ Свой: „Проклятъ всякъ, иже не пребудеть во всемъ писанномъ въ книгѣ закона“ (Второз., 27, 26). Сіе проклятіе тѣмъ есть ужаснѣе, что оно удаляетъ насъ отъ Бога, въ которомъ состоитъ все наше блаженство, и ввергаетъ въ пропасть всякаго несчастія.

Но какъ сіе страшное Божіе опредѣленіе родъ человѣческій не весьма поразило, то посылалъ Богъ пророковъ, которые обличали бы нечестіе человѣческое, и устрашали бы наказаніями, какія они заслу-

жили. „Вотъ, Я на тебя о, нераскаянный грѣшникъ!—говорилъ черезъ пророковъ Богъ:—проведу тя чрезъ огонь напастей, уморю тебя голодомъ, умучу жаждою, разорю твердыя грады твои, и потопчу вождельнинныя нивы твои, предамъ тебя всякимъ болѣзнями, предамъ неприятелямъ, которые возьмутъ чадь твоихъ, возьмутъ самое любимое отъ тебя“. „Аще не обратитесь, оружіе Свое очиститъ, лукъ Свой напряже и уготова его“ (Псал. 7, 13). Да и, дѣйствительно, наказывалъ и наказываетъ болѣзнями, отнятіемъ любезныхъ дѣтей, несогласіями, войнами, пожарами, потопами, землетрясеніями, моромъ, голодомъ, скудностію, печаліями; но сіе наказаніе мы принимать должны не иначе, развѣ какъ отеческое, которымъ благодать Божія зоветъ насъ на покаяніе.

Однако, страшныя сіи Божіи угроженія и очевидныя отщепенія Его примѣры не весьма возбуждаютъ насъ отъ глубокаго сна нашего. Пророки вопили: „гнѣвъ Божій, гнѣвъ Божій“, но другіе, напротивъ, говорили: „миръ, миръ, и ничего не будетъ“. Мы или угрозамъ тѣмъ не вѣримъ, или случайностямъ нѣкоторымъ все приписываемъ, или отдаемъ необходимостямъ. Корабль, въ которомъ плылъ Іона въ Фарсисъ, отъ страшнаго морского волненія сокрушался, но въ самое сіе время Іона спокойно опочивалъ: „что ты храпlesi, Іона!—сказалъ ему кормчій, —востани и моли Бога твоего, яко да спасетъ ны Богъ, да не погибнемъ“ (Іон., 1, 6). Что ты, человѣче, скажетъ же и намъ Богъ, глубокимъ сномъ нерадѣнія и безопасности спишь, когда корабль жизни твоей, по морю міра сего плавающий, всякій часъ близокъ есть къ сокрушенію? не видишь ли, что міръ волнуется, „міръ во злѣ лежитъ (1 Іоан., 5, 19) и—бѣды вездѣ: бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды въ селахъ, бѣды во градѣхъ, бѣды и въ пустыняхъ, бѣды отъ лжебратій“ (2 Кор., 11, 26). Но, Господи, признаемся мы съ Твоимъ Іереміею, „очи Твои зрятъ на вѣру нашу: билъ еси насъ, и не поболѣхомъ: сокрушалъ еси насъ, и не восхотѣхомъ пріяти наказанія“ (Іерем., 5, 3). Такъ, ужели Богъ оставилъ насъ, ужели все истощилось богатство благодати Его? нѣтъ, нѣтъ, благословенные христіане! какъ законъ естественный сталъ неслепъ удержать единственно при добродѣтели, какъ угроженія и наказанія не сдѣлали насъ лучшими, то премудрость Божія избобрѣаетъ еще средство, но самое дѣйствительное, да и послѣднее; а оно есть благодать Евангельская.

Званіе благодати Евангельской потому сильнѣе, что оно уже не строгостію, но удивительною благодію и несказаннымъ снисхожденіемъ умягчаетъ наше ожесточеніе. Законъ проклинаятъ, а благодать благословляетъ; законъ говоритъ: „око за око и зубъ за зубъ“; но благодать сказываетъ: „аще кто не имать грѣха, да вержетъ на грѣшника

камень“; тотъ говоритъ: „отъидите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный“; сія сказываетъ: „пріидите ко Миѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы“. Законъ представляетъ намъ Бога во образѣ строжайшаго Судіи и Мздовоздателя, во Евангеліе—подъ видомъ самаго благоутробіѣйшаго Отца.

Сей небесный Отець, призывая насъ къ вѣчному счастью, объявляетъ, что Онъ не помянетъ всѣхъ грѣховъ нашихъ, милостивъ будетъ къ самымъ неправдамъ нашимъ; обѣщаетъ блага, которыя намъ на мысль никогда не могли придти, царство небесное, сладость райскую, увеселенія нескончаемая, показываетъ внутреннюю тишину, которою наслаждается любящій Его, представляетъ раны Сына Своего, проліянную Его кровь, страданія и поносную смерть, что все предпріято, единственно, дабы сласти погибшаго челоуѣка. „Пріидите убо, пріидите ко Миѣ вси труждающіися и обремененніи, Азъ упокою вы“ (Матѣ., 11, 28).

Сіе призываніе столь сильно, что надобно быть твердѣйшу камня тому, который бы и сімъ неподвиженъ былъ. Онъ говоритъ: „пріидите ко Миѣ“; ты долженъ говорить: „готово сердце мое, Боже! готово“. Я бы хотѣлъ, Христе мой, и прежде Твоего призванія, въ Тебѣ одномъ искать себѣ покоя, а теперь ли не послушаю, когда ты Самъ, сладчайшій Иисусе, Самъ къ рабу Твоему снисходишь“?.. Сіимъ гласомъ позваны разбойники, блудницы, мытари, сребролюбивые, радостно на подобіе жаждущаго еленя въ слѣдъ его бѣжали, и достигли тихаго въ небесномъ отечествѣ пристанища.

Почему вещь удивленія или паче сожалѣнія достойная, что иные величающіеся христіанскимъ именемъ, сей радостѣйшій гласъ мимо ушей пускаютъ, и желаніемъ будущихъ благъ не восхищаются. Сему причиною есть, или что не имѣютъ совершеннаго понятія о высокихъ таинствахъ христіанскихъ, или и понимаютъ, но заботами мірскими, богатствомъ и сластями житейскими сія истина подавляема бываетъ. Въ вышнемъ Евангеліи читано, что званые на вечерю Господню, то есть, въ животъ вѣчный, за покунками воловъ и селъ, или за поятіемъ жены, какъ бы согласившись, всѣ отказались, и всякъ изъ нихъ особенно сказалъ: „не могу придти“. А эти краткія слова значать то, что, за пріятностями и за прибытками, я не хочу отпущенія грѣховъ, ненавижу христіанство, гнушаюсь Евангеліемъ, не люблю миѣ небесное царство, отрицаюсь Христа, сочетаваюсь діаволу. О, страшное слышаніе, которое да не падеть на насъ, вѣрующихъ въ Тя, Господи! Ты евангельскимъ Своимъ благословеннымъ голосомъ сподобилъ насъ быть въ числѣ Твоихъ званыхъ; сподоби же намъ быть и въ числѣ избранныхъ. Аминь.

Слово на Рождество Иисуса Христа, Спасителя нашего *).

„Не бойтесь: се бо благовѣствую вамъ радость велию“ (Лук., гл. 2, ст. 10).

Въ сей благословенный день празднуемъ мы вожделеннѣйшее Спасителя нашего на землю пришествіе, а тѣмъ самымъ совершаемъ важнѣйшую благочестія христіанскаго тайну. Ибо симъ несказаннымъ Сына Божія къ роду человѣческому снисхожденіемъ истина, прежде вѣкъ опредѣленная, исполнилась, древнѣйшія пророчества сбылись, явственнѣйшія проображенія окончились, неизслѣдимое богатство благодати Божіей открылось; пришло къ намъ чаяніе всѣхъ языковъ, самое блаженство къ намъ на землю пришло. „Явилась гора, Исаіею видѣнная; процвѣлъ жезлъ изъ корене Иессеова; отсѣкъся отъ горы камень безъ рукъ, Давидомъ предозначенный, который славою своею наполнилъ всю землю“ (Ис., 2, 2; 11, 10; Дан., 2, 34). Сей есть оный источникъ, изъ котораго иногда Давидъ пить восхотѣлъ, о семъ вѣлъ пророкъ Аввакумъ: „Господи! услышахъ слухъ Твой, и убояхся; Господи! разумѣхъ дѣла Твоя, и ужасохся“ (Аввак., 3, 1—2).

Трудно сказать, когда излился на насъ изобильнѣйшій источникъ благодѣяній Божіихъ, въ созданіи ли или въ искупленіи. По истинѣ, мы приобрѣли во Христѣ болѣе, нежели сколько погубили во Адамѣ. „Аще бо прегрѣшеніемъ единого“,—какъ богомудруетъ Павелъ,—„мнози умроша, множае наче благодать Божія и даръ благодатию единого чловѣка Иисуса Христа во многихъ превзлѣшествова“ (Римл., 5, 15). Но, дабы сія истинная радость болѣе наполнила сердца наши, кратко исчислимъ спасительные плоды пришествія Христова; а Ты, Который не возгнушался въ вертепѣ и во яслѣхъ положенъ быть, чрезъ слово Твое Божественное вселись и въ насъ!

Сколь было горестное состояніе рода человѣческаго прежде пришествія Спасителя нашего, было, говорю, но и нынѣ есть во всѣхъ тѣхъ, кои отвергаютъ пришествіе Его, и какой, напротивъ, возсіялъ Божественный свѣтъ чрезъ благовѣстіе Евангельское, о томъ вамъ, яко отъ Духа Святаго просвѣщеннымъ, напоминать было бы излишне. Но радость бываетъ многоглаголива.

Родъ человѣческій былъ крайне растлѣнъ, слушатели. Сіе ни мало не сомнительно изъ святыхъ книгъ, которыя хотя кратко, но явственно говорятъ, что „растлѣся земля предъ Богомъ, и наполнися земля неправды. И видѣ Господь Богъ землю, и бѣ растлѣнна“ (Быт., 6,

*) Сказано 1763 года, декабря, 25 дни.

11—12). Но то же самое во всѣхъ почти языческихъ книгахъ найдемъ мы. Ибо самая употребительная у языческихъ писателей есть матерія охуждать человѣческіе права. Они въ своихъ сочиненіяхъ то и дѣлаютъ, что пересмѣхаютъ человѣческіе поступки, обличаютъ непристойныя склонности, оплакиваютъ человѣческую бѣдность, негодуютъ на непостоянство міра сего, вопіютъ противъ наглости и неправды человѣческихъ. Иные изъ нихъ сказываютъ, что правда и миръ, которыя прежде царствовали на землѣ, потомъ отъ несносныхъ беззаконій преселены на небо. Другой пишетъ, что уже миновалъ золотой вѣкъ, а наступилъ желѣзный, въ который изгнанная правда уступила мѣсто неправдѣ и своевольству. Что много? не стало у Демокрита силы смѣяться суетѣ человѣческой, а у Гераклита слезъ къ оплакиванію бѣдности человѣческаго рода. Сколько ни старалась философія исправить сіе поврежденіе, но не могла. Ибо не только рачители ея ни мало не были своими дѣлами лучше другихъ; но и сама она непристойнѣйшими мнѣніями наполнена была. „Обуи бо Богъ премудрость міра сего“.

Но что не могла философія, то исправила благодать Іисуса Христа: чрезъ своего Ходатая человѣчество преобразуется въ новый видъ. „Древняя мимо идоша, се быша вся нова“. Возсіяла новая философія не словами, но дѣлами любострадующая, которая показываетъ нашу болѣзнь, да вмѣстѣ показываетъ и средство къ излѣченію оной. Симъ вдохновенные небеснымъ ученіемъ начали усмирять склонности плотскія, начали презирать самую смерть и, утрудившись суетою міра сего, искать постояннѣйшаго небеснаго жилища: „не имамы“, вопіютъ, „здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ“ (Евр., 3, 14). Вотъ, сладчайшій плодъ пришествія Христова!

Родъ человѣческій былъ идолопоклонникъ. Не можетъ быть ужаснѣе заблужденія, какъ то, чтобы Творцу быть отъ твари забыту; не можетъ же быть и большей слѣпоты человѣческаго ума, какъ та, чтобы честь, пристойную величеству Божества, отдать самымъ подлымъ вещамъ. Мы теперь хотѣли бы не вѣрить тому, что міръ весь нѣкогда столь глубокимъ мракомъ былъ покрытъ, что покланялся тлѣнному дереву, серебру и золоту, или изображеніямъ, но такихъ людей, конемъ пшты всенародно приписывали наигнуснѣйшія мерзости, или хотя и не совсѣмъ худыхъ людей, но людей. Да что, говорю, изображеніямъ человѣческимъ? четвероногимъ и гадамъ, какъ то: крокодиламъ, воламъ, кошкамъ и ибисамъ отдаваема была божественная честь поставленіемъ жертвенниковъ и приношеніемъ пребогатыхъ жертвъ. И сего благоговѣйнаго служенія сподобились и лукъ и чеснокъ, такъ что можемъ съ однимъ языческимъ пштомъ возопить: „о, счастливы тѣ народы, у коихъ полны огороды боговъ“! Кратко сказать: у язычниковъ все было богъ, кромѣ

Самого Бога, да въ семь заблужденій находились не дикіе только народы, но самыя почитаемыя за просвѣщенныхъ, какъ-то: египтяне, греки и римляне. Сія смертоносная язва столь была сильна, что и самый Израиль, возлюбленный Богу народъ, заразила. За что на него жалуется Богъ истинный чрезъ пророка Іеремію, что „и царіе ихъ, и начальницы ихъ, и священники ихъ, и пророцы ихъ древу рекоша: яко отецъ мой еси ты, и камени: ты мя родишь еси, и обратиша ко мнѣ хребты, а не лица своя, глаголетъ Господь Саваоувъ, Святыи Израилевъ“ (Перем., 2, 26—27). Сею пагубною заразою повреждено было иѣкогда и наше любезное отечество, пока не блеснулъ на него Востокъ съ высоты. Но какъ пришелъ отъ всѣхъ вѣковъ ожидаемый Спаситель, какъ сей небесный Учитель разверзъ уста Свои, и какъ истина Его освѣтила вселенную,—падаютъ идолы, сокрушаются жертвенники, исчезаютъ богомерзкія куренія, посрамляются языческія тайны: открывается горнее богословіе, и показывается истинный путь богопознанія. На которомъ мѣстѣ нечестивому Сатурну убиваемы были младенцы, на томъ истинному Божеству приносится жертва истинная, духъ сокрушенный; гдѣ дымъ возносился на небо отъ сожженія множества скотовъ, тамъ Церковь Христова проливаетъ свои молитвы, восходящія до престола благодати. Кратко: „быхомъ иногда тьма, нынѣ же свѣтъ о Господѣ“. Сію чудесную перемѣну прозрительнымъ окомъ предвидѣвъ, Исаія восклицаетъ: „Свѣтися, свѣтися, Іерусалиме, приде бо твой свѣтъ, и слава Господня на тебѣ возсія. Се тьма покрыетъ землю, и мракъ на языки, на тебѣ же явится Господь, и слава Его на тебѣ узрится. И пойдутъ царіе свѣтомъ твоимъ, и языцы свѣтлостію твоею“ (Ис., 60, 1—3). Вотъ, возжелѣннѣйшій плодъ пришествія Христова!

Родъ человѣческой былъ всякими беззаконіями пренсполненный. „О, да не возлагаютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ“! Откуда произошли всякія неправды, блуды, лукавства и злобы?—отъ человѣка. Гдѣ зависти, клеветы, убійства?—между человѣками. Въ комъ гордость, пьянство, ненасытное сребролюбіе и немилосердіе?—въ человѣкѣ. Кто подымаетъ оружіе другъ на друга и тщится у ближняго своего свирѣпымъ образомъ животъ отнять?—никакое животное, какъ только человѣкъ. Кто бы могъ подумать, чтобы краснѣйшая тварь, созданная по образу Божию и по подобію, столь страшному безобразію подвергла себя!? Да все сіе и печальный опытъ доказалъ; и Святое Писаніе вопіетъ, что „вси согрѣшиша, и лишени суть славы Божія“ (Римл., 3, 23).

Но пришествіемъ отъ самой вѣчности опредѣленнаго Мессіи сей глубокой беззаконій мракъ разогнанъ, грѣхи наши заглажены, скверны омыты, и новая отворена дверь вѣры къ оправданію. Слышу я, что ты, божественный Павле, во уши мои вопіешь: „и вы, сказываешь,

такіе же были, то есть, какъ и всѣ язычники; но омыстеса, но освятитеса, но оправдитеса именемъ Господа нашего Иисуса Христа, и Духомъ Бога нашего“. „Да возрадуется убо душа наша о Господѣ: облече бо насъ въ ризу спасенія, и одеждою веселія одѣялъ насъ; яко на жениха, возложилъ на насъ вѣнецъ и, яко невѣсту, украсилъ насъ красотою“ (I Кор., 6, 11; Ис., 61, 10).

А чтобы не сказалъ кто, что тѣ же самыя беззаконія и донинѣ пребываютъ не въ язычникахъ токмо, но и во многихъ, именующихся христианами, тотъ пусть знаетъ, что такіе неисправные христиане не суть истинные христиане, но плевелы въ пшеницѣ Христовой. А мы еще послѣдуемъ пришествія Христова плоды.

Родъ человѣческой не зналъ пути ко спасенію. Ибо иные о томъ ни мало не думали, иные тому и не вѣрили; другіе, кои казались благо-разумнѣйшими, Бога старались умиловить жертвами, которыя, впрочемъ, ихъ дѣлами осквернены были, и думали, что Бога умиловить можно чрезъ самихъ себя. Но тѣмъ самымъ были преокаянные, что и свою немощь не усматривали, и о правдѣ Божіей весьма погрѣшительно рассуждали, и темное имѣли понятіе о милосердіи Божіемъ, которое будто бы въ Богѣ можетъ быть съ нарушеніемъ вѣчной правды Его.

Но евангеліе Иисуса Христа показало намъ совершенный путь, какимъ мы можемъ дойти до милосердія Божія и стать предъ судомъ Его не осужденными. А сей путь есть спасительная вѣра, по которой мы твердо содержимъ, что смерть Иисуса Христа умиловила раздра-женнаго Бога, и дражайшія Его заслуги приобрѣли намъ великую любовь небеснаго Отца. „Не оправдится бо человѣкъ отъ дѣлъ закона, но токмо вѣрою Иисусъ Христовою, почему и мы во Христа Иисуса вѣро-ваемъ, да оправдимся отъ вѣры Христовой, а не отъ дѣлъ закона“ (Галат., 2, 16),—вопѣть премудрый Апостоль. Вотъ, паки видимъ дражайшій пришествія Христова плодъ.

Родъ человѣческой былъ подъ проклятіемъ, ибо что беззаконіями заслужить можетъ человѣкъ, какъ токмо, чтобы правосуднѣйшій Богъ отвергъ его отъ Своего милосердія? А за симъ слѣдуютъ всѣ несчастія: „Ярость и гнѣвъ, скорбь и тѣснота на всяку душу человѣка, творящаго злое“,—написалъ Апостоль (Римл., 2, 8, 9). Но Христосъ искупилъ насъ „отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва“ (Галат., 3, 13). Чрезъ сего божественнаго споручника исполнилось, что Богъ намъ чрезъ Исаію нѣкогда обѣщалъ: „на время мало оставихъ тя, а тѣ милостію великою помилюю тя: во ярости малѣ отвратихъ лице Мое отъ тебе, но милостію вѣчною помилюю тя“ (Ис., 54, 7—8). И для гого-то, когда родился Спаситель нашъ, Ангели воспѣли миръ: „Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ“.

Родъ человѣческой былъ бѣденъ: ибо что жизнь человѣческая, развѣ горестъ и печаль, ежели надеждою будущаго лучшаго состоянія не будетъ услаждена? Но Христосъ благовѣствовалъ намъ вѣчную блаженную жизнь, которую мы здѣсь какъ бы уже вкусивши, радостно течемъ поприще нашей жизни: и всѣ наши труды, несчастія, всѣ наши искушенія ободряетъ непостыдная надежда вѣчнаго живота. „Легкое бо печали нашея“, по Апостолу слову, „по преумноженію въ преспѣваніе тяготу вѣчныя славы содѣлываетъ намъ“ (2 Кор., 4, 17).

Толикія получивъ благодѣянія, какою чистою радостію духъ нашъ выиграть долженъ, благословенные христіане, и какимъ мы благодареніемъ обязаны нашему дражайшему Спасителю, Который насъ призвалъ изъ тьмы въ чудный Свой свѣтъ? Что воздадимъ Господеву за вся, яже воздаде намъ? Потщимся съ волхвами всегда приносить Ему злато добродѣтели, ливанъ усердныхъ молитвъ и благовонную смирну неліцемерія вѣры. Аминь.

Слово въ недѣлю Мытаря и Фарисея *).

„Всякъ возносяйся смирится, смиряяи же себе вознесется“.

(Лук., гл. 18, ст. 14).

Не можно бы, кажется, повѣрить, чтобы человѣкъ, будучи земля и пчелъ, вздумалъ когда гордиться, человѣкъ слабый, недостаткамъ всякимъ подверженный, а къ тому же, ежели его дѣла разсуждать, и суду Божию повинный, началъ превозноситься, предъ Самимъ Богомъ, предъ Которымъ и весь міръ есть капля изъ океана. Однако сіе бѣдное животное возвышается выше кедровъ ливанскихъ: сія пылинка высоко о себѣ мечтаетъ, презираетъ другихъ, да еще и братію свою.

Подлинно, украсилъ Богъ человѣка въ созданіи превосходительными дарованіями и умалилъ его малымъ чимъ отъ ангель. Но человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ“. Но хотя бы и подлинно оныя, Богомъ дарованныя, совершенства всѣ и донныѣ въ цѣлости находились въ человѣкѣ, однако, они не надмѣвать насъ должны, а возбуждать больше благодарить Бога, и больше смирять себя, что мы, не заслуживъ ничего, имѣемъ все; а въ знакъ сей благодарности, тѣ дарованія употреблять въ пользу другихъ. Но какъ сію богосозданную человѣческаго естества красоту *гордость* разоряетъ, такъ, напро-

*) Сказано въ присутствіи Ея Величества въ придворной церкви, 1764 года, мѣсяца февраля, 1 дня.

тивъ, падшую паки возставляетъ *смирніе*. Почему, какое между ними есть различіе, въ нынѣшнемъ словѣ поучимся. А Ты, призвай на смиренный. Боже, предуготовь сердца наша къ принятію спасительнаго ученія Твоего!

Нѣтъ никакого согласія гордости со смиреніемъ.

Гордости отецъ есть діаволь, который первый вознесся противъ своего Создателя, да на то же искушеніемъ своимъ привелъ и первосозданнаго человѣка; онъ требовалъ поклоненія отъ Самого Сына Божія, и обѣщаль Ему дать все, хотя у себя не имѣлъ ничего. Такое свойство есть гордыхъ самохваловъ!

Но смиренія родитель есть Богъ, Который „обнищавъ богатъ сынъ, да мы обогатимся Его Божествомъ“. Онъ благоволилъ, „зракъ раба принявъ, въ подобіи человѣчествъ быти; смирилъ Себе, послушливъ бысть даже до смерти, смерти же крестныя“ (Филипп., 2, 7—8). Да и что долготерпѣть согрѣшеніямъ нашимъ, есть доказательство снисходительнаго смиренія Его. Отъ многихъ Онъ хулимъ бываетъ, отъ всѣхъ пороками прогнѣваемъ, но погасилъ ли для того солнце, усыпилъ ли луну?—никакъ. „Онъ возсіяваетъ солнце на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя“. А сему и намъ велитъ подражать, говоря: „научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ“ (Матѣ., 11, 29).

Гордость не унижаетъ себя, усматривая свои недостатки, или паче не усматриваетъ своихъ недостатковъ, и хвалится тѣмъ, чего не имѣеть. Нѣкоторый самохвалъ въ Апокалипсисѣ говоритъ: „богатъ есмь и обогатихся, и ничто же требую“; но Божественный гласъ въ тотъ же часъ противъ его возопилъ: „не вѣси, безумне, яко ты окаянень и бѣдень, и нищъ, и слѣпъ и нагъ“ (Апок., 3, 17).

Но смиреніе не превозносится и тѣмъ, что имѣеть, или для того, что наши добродѣтели смѣшаны бываютъ съ недостатками, или для того, что при благополучномъ плаваніи надобно памятовать непогоду. Смиреніе подобно плодоносному древу, которое чѣмъ болѣе отягощается плодами, тѣмъ болѣе къ землѣ преклоняется. Сказываютъ, что какъ Сократъ Аполлоновымъ отвѣтомъ объявленъ мудрѣйшимъ изъ всѣхъ человѣкъ, то недоумѣвалъ, для чего бы тотъ Богъ столь высокое о немъ имѣлъ мнѣніе; напоследокъ, по многомъ разсужденіи, заключилъ, что, несомнѣнно, для того Аполлонъ назвалъ его премудрымъ, что онъ, Сократъ, не усматривалъ въ себѣ никакой мудрости, и только знаетъ то, что не знаетъ ничего. Подлинно, всякъ слышитъ, что сія Сократова, повидимому, смиренная рѣчь гордостью пахнетъ; но какіе въ язычникахъ есть недостатки, тѣ исправить обязаны христіане.

Гордость все себѣ и своимъ заслугамъ приписываетъ; она не думаетъ чему-нибудь быть такому, которое превосходило бы силы ея.

Павуходоносорь, гордясь построеннымъ отъ себя великолѣпнымъ храмомъ и пространствомъ своего владѣнія, нѣкогда такъ сказала: „Иѣсть ли сей Вавилонъ великій, его же азъ соградихъ въ домъ царства, въ державѣ крѣпости моея, въ честь славы моея“ (Дан., 4, 27). Но, вотъ, уже уста его заграждаетъ слово: „что имашь, человѣче, еже нѣси пріяль? Аще же и пріяль еси, что хвалишися акн не пріемъ“ (1 Кор., 4, 7)?

Но смиреніе все отдаетъ Богу: знаетъ оно, что какъ всякое добро изъ сего источника пріистекаетъ, такъ въ него же чрезъ признаніе наше и возвращаться должно. Избранный Христовъ сосудъ сколько за благовѣстіе Христово имѣлъ подвиговъ, сколько оказала Церкви заслугъ; однако, со всѣмъ тѣмъ, вмѣсто того, чтобы великаго себѣ требовать отъ коринянъ почтенія, такъ имъ говоритъ: „Кто есть Павелъ? кто же ли Аполлосъ? Но точію служителие“ или орудія (1 Кор., 3, 5), которыя Богъ употребилъ для приведенія васъ къ вѣрѣ.

Гордость думаетъ постигнуть все, и тайны Божія, и возносится выше разума Христова. Ей все то не вѣроятно и не возможно быть кажется, что съ слабымъ человѣческимъ не сходно разсужденіемъ. Премудрый Павелъ отъ философовъ осмѣянъ былъ, когда проповѣдывалъ воскресеніе мертвыхъ (Дѣян., 17, 32): ибо высота Божественныхъ тайнъ симъ мудрецамъ не вмѣстима была.

Но смиреніе плѣняетъ умъ свой въ послушаніе вѣры; оно утверждается на священномъ якорѣ, „яко не возможно солгати Богу“ (Евр., 6, 18), утверждается на основаніи Апостоль и Пророкъ; признаетъ оно, съ Соломономъ, свою слабость, что „едва разумѣваемъ, яже на земли, и яже въ рукахъ, обрѣтаемъ со трудомъ: а яже на небесѣхъ, кто изслѣди? Волю же Твою, Боже, кто позна? Аще бы не Ты далъ еси премудрость и послалъ еси Духа Святаго Твоего отъ высоты“ (Премудр. Сол., 9, 16—17).

Гордость наказующую руку Божию сносить не терпѣливо, но съ роптаніемъ; вотъ, негодныя свирѣпѣющаго Израиля слова, которыя въ лицѣ Моисея касалась Самого Бога: „Вскую,—говорилъ онъ,—введете сонмъ Господень въ пустыню сію, погубити ны и скоты наши? и вскую сіе? изведете ны изъ Египта, еже принти на мѣсто злое сіе“ (Числ., 20, 4—5). Такъ ли отеческое наказаніе принимать надобно дѣлать? Да многіе и изъ насъ, когда Промыслъ Божій попуститъ впасть въ нѣкое искушеніе, обыкли говорить: „о, когда бы я умеръ! да чѣмъ я согрѣшилъ? не мало ли хуже меня, которые, однако, благополучно живутъ?“ И такъ становимся мы судьями въ собственномъ дѣлѣ своемъ, а опровергаемъ Божій судъ.

Но смиреніе съ радостью пріемлетъ наказаніе Божіе. Ибо оно себя увѣряетъ, что чаша горести, отъ руки Божіей поднесенная, обра-

тятся нѣкогда въ сладость,—и которые вмалѣ наказаны были, великими облагодѣтельствованы будутъ. Смиреніе въ среднѣхъ напастей къ утѣшенію своему поетъ: „благо мнѣ, яко смирилъ мя еси“. „Господь даде, Господь и взятъ; буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка“ (Пс., 118, 71; Іов., 1, 21).

Гордость другихъ презираетъ, и по разуму своему и по дѣламъ своимъ подобнаго себѣ не находитъ. Тому самый ясный примѣръ—нынѣшній фарисей, который весь свѣтъ противъ себя поставилъ въ ничто: „нѣсмь яко же прочіи человекѣцы“; а чрезъ сіе—и что малое имѣлъ, потерялъ. Считаетъ окаянный у другихъ сучки, а своего и бревна не усматриваетъ; и потому наипаче бѣденъ, что мало имѣетъ надежды ко исправленію, ибо для исцѣленія надобно признать свою болѣзнь.

Но смиреніе со всѣми своими дарованіями себя ниже другихъ ставитъ. Ибо въ смиренномъ человекѣ много знаніе открываетъ, сколь много онъ еще не знаетъ; а добрыя дѣла показываютъ, сколь много добра еще не сдѣлано, что сдѣлать было надобно, а чрезъ сіе всегда у него въ памяти остается оное златое присловіе: „колико высокъ еси, толико смири я себе“.

Гордость къ немощамъ человѣческимъ не снисходительна: она другихъ всѣ поступки ругательно пересуждаетъ, всѣ слова немилосердно критикуетъ, смѣется паденію брата своего и строго за оное выговариваетъ, наказываетъ безъ сожалѣнія, жжетъ да рубитъ такъ, какъ бы самъ не былъ подверженъ слабостямъ, общимъ человѣческому роду.

Но смиреніе снисходительно и немощами другихъ не иначе, какъ собственными своими движется. Оно другихъ дѣла и слова старается толковать на добрую сторону. Видя брата согрѣшающаго, говоритъ: „онъ—человекъ, онъ не съ умысла сдѣлалъ, онъ исправиться можетъ; мы и сами тому же подвержены. А сею тихостью больше пользуется другой, нежели безразсудною иныхъ строгостію. Въ чемъ намъ дѣйствительнѣйшимъ примѣромъ есть Самъ Спаситель, о Которомъ Исаія предсказалъ, что „трости сокрушенны не преломить, и льна дымящагося не угаситъ“ (Мате., 12, 20), то есть, будетъ къ грѣшникамъ снисходителенъ.

Гордость бываетъ подозрчива: ей всѣ другихъ дѣла, слова и намѣренія нѣчто предзнаменуютъ; она на все дѣлаетъ примѣчаніе, и изъ всего выводитъ все. Говоритъ ли кто?—она прилагаетъ къ себѣ; предпринимаетъ ли кто что?—она опасна изъ того заключаетъ для себя слѣдствія; молчитъ ли кто?—она примѣчаетъ въ томъ сплетаемые для себя подлоги; и сама себя безпокоитъ, и другимъ спокойнымъ быть не попускаетъ.

Но смиреніе есть просто и не хитроуто: оно на все младенческимъ зритъ окомъ, и все голубинцамъ принимаетъ сердцемъ. Такое

свойство, думаю, политикамъ не вмѣстительно, но сіе зрѣлище увеселяетъ очи Самого Бога.

Гордость бываетъ разборчива: это—не такъ, другое—не кстати, честь—не честь, должность—не должность, награжденіе —не награжденіе. Она другихъ опредѣленіями не довольна, и всякія награжденія почитаетъ ниже своихъ заслугъ. Кажется, что такимъ неблаговременнымъ упрямствомъ погрѣшилъ великій Моисей. Богъ велитъ ему „идти къ фараону для изведенія Израиля изъ Египта“; онъ говоритъ, что „не повѣрять“. Богъ увѣряетъ его обращеніемъ жезла въ змія; онъ говоритъ: „косноязыченъ есмь“. Богъ опредѣляетъ Аарону „говорить вмѣсто него“; онъ проситъ, чтобы Господь избралъ на сіе посольство „другаго“. (Исходъ, гл. 4).

Но смиреніе все за благо пріемлетъ, смиреніе всему послушно: въ счастья не превозносится, въ несчастія не унываетъ, и данный отъ Бога талантъ умножаетъ съ кротостію. „Отче небесный!“—взываетъ оно: „да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли“ (Мате., 6, 10).

Гордости неприступна Божія благодать: „Господь бо гордымъ противится“. Ибо надобно напередъ признать свою нищету, чтобы удостоиться принять богатство благодати. Итакъ, сколько бы человѣкъ ни возносился, но очи Господни гораздо выше, и будетъ время, что „смирится высота человѣческая, а вознесетъ Господь единъ въ день оный“ (Ис., 2, 17).

Но отъ смиренія неоступна благодать. „На кого воззрю?“—спрашиваетъ нѣгдѣ Богъ.—„Господи силь! воззри на сѣдящихъ на высокихъ колесницахъ, воззри на блестящихся золотыми одеждами, воззри на высокоумудрствующихъ словесниковъ“ (Ис., 66, 2). Нѣтъ, обходить сихъ всѣхъ Божественное Око, а „толькозираетъ на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словеса Его“.

Гордость всегда несчастлива, она пренебрегаетъ предусматривать будущіе случаи и уловляется сѣтями, которыхъ не предвидѣла. Гордые какъ будто нарочно затѣмъ высоко поднимаются, чтобы, упавши, сильнѣе разбиться. Но смиреніе всегда благополучно и безопасно, оно по землѣ ходитъ, и оттого упасть не умѣетъ.

Гордость всякому неприятна и мерзостна. Ежелибы кто сталъ самого себя предъ нами превозносить, хотя бы и правду говорилъ, духъ нашъ отъ себя отвращаетъ, да и самъ гордый гордаго ненавидитъ. Но можетъ ли быть пріятнѣе и увеселительнѣе зрѣлище, какъ видѣть человѣка, всякими дарованіями преукрашеннаго, но кротко и себя разсуждающаго?

Видѣли мы, возлюбленные слушатели, какое есть между гордостію и смиреніемъ различіе; а изъ того усмотрѣли два рода горделивыхъ

людей. Одни думаютъ, что они уже въ число святыхъ записаны и другихъ, яко грѣшниковъ, презираютъ. Но такихъ, думаю, не много: ибо, можетъ, большая часть не думаютъ о Богѣ, нежели тѣхъ, кои думали бы, что они своими дѣлами одолаютъ Бога. Другіе, коихъ побольше, превозносятся умомъ своимъ противъ истины хрстіанской и не принимаютъ, что съ ихъ суетнымъ разсужденіемъ не сходно,—съ разсужденіемъ, которое они почерпнули изъ глубины грамматикъ, изъ комедій и въ вольныхъ домахъ. Но сіи широкохвостные павлины опустятъ свои перья, когда разсудятъ оныя Духа Святаго слова, что „всякъ возносяйся смирится, смиряя же себе—вознесется“. Аминь.

Слово въ недѣлю Блуднаго сына *).

„Человѣкъ имѣлъ двѣ сына“.

(Лук., гл. 15, ст. 11).

Подъ именемъ двухъ сыновъ представляетъ намъ Евангеліе два различныя состоянія: праведныхъ и неправедныхъ, добрыхъ людей и худыхъ. Одни изъ нихъ—ревностнѣйшіе послѣдователи святаго закона Божія, другіе—упрямые онаго презрители; одни утѣшаются въ объятіяхъ у добродѣтели, другіе—подлые страстей своихъ невольники. Одни не думаютъ, чтобы ихъ желаніе сіи видимыя вещи совершенно могли удовольствовать, но простираютъ мысли свои далѣе, а, именно—къ блаженной вѣчности; другіе, яко безсловесныя животныя, думаютъ, что всѣ человѣческія радости съ сею жизнію окончатся должны, и надеждою будущихъ, лучшихъ, благъ себя не утѣшаютъ.

Правда, что въ мірѣ семъ, по Апостольскому слову: „нѣсть праведенъ никтоже“ (Римл., 3, 10), то есть, нѣтъ ни одного, который бы грѣха не имѣлъ и дерзнулъ бы предъ судомъ Божиимъ сказать: „я праведенъ“. Но святое слово и тѣхъ почитаетъ титуломъ праведныхъ, которые не ожесточены въ неправдѣ, которые признаютъ свои предъ Богомъ недостатки, и въ подвигъ добродѣтели по силѣ своей, при помощи Божіей, упражняются. Совершенные бо праведники суть на небѣ, куда никакая не входитъ скверна, и гдѣ Самъ Богъ „всяческая во всѣхъ“. Мы, слушатели, которые живемъ на землѣ, въ сей юдоли плачевной, мы, которые смертную сію влечемъ жизнь и непрестанно боремся со страстями, имѣемъ нужду поговорить о различномъ состояніи праведныхъ и неправедныхъ, какое есть въ мірѣ семъ. А Ты, Отче небесный, раствори благодатию Твоею бесѣду нашу.

*) Сказано въ придворной церкви, 1764 года, февраля, 8 дня.

Между добродѣтелию и порокомъ—вѣчная брань: „кое бо причастіе свѣту ко тьмѣ“ (2 Кор., 6, 14)?

Добрые люди всё свои дѣла управляютъ по закону и по разуму: знаютъ они, что послѣдовать склонностямъ есть то, что чрезъ краткое время увеселять себя; но поступокъ, основанный на разумѣ, всегдашнее совѣсти человѣческой есть утѣшеніе. Сказываютъ, что будто нѣкоторый человѣкъ нѣкогда нашелъ такой камень, который когда носилъ на рукѣ, то оный человѣкъ не видимъ былъ. Ежели бы сей камень нашелъ честный человѣкъ,—такъ пишетъ нѣкоторый язычникъ,—то онъ тотчасъ бы его бросилъ: ибо честный человѣкъ такъ поступаетъ, что хочеть отъ всего свѣта видимъ быть; а сіе сходно съ Евангельскимъ словомъ, которое хочеть, чтобы истинный христианинъ, былъ яко свѣтъ въ мірѣ (Мате., 5, 14).

Но худые люди устремительно несутся туда, куда ихъ влечеть собственная страсть, куда манять пріятности чувствъ и соблазны мірскіе; а чрезъ то опровергаютъ законъ разума, который намъ отъ Бога данъ вмѣсто свѣтильника, показывающаго путь къ благополучію. Вотъ, Блудный сынъ, который, соскочивъ съ благополучно плывущаго корабля отеческаго правительства, бросился въ бурю своевольства, не захотѣлъ жить при мудрыхъ отеческихъ глазахъ, но захотѣлъ въ другихъ странахъ погулять, или, какъ нынѣ говорятъ: „повидѣть свѣтъ“; а сей веселый свѣтъ, кромѣ, что развратилъ нравы, въ наибѣднѣйшее привелъ его состояніе.

Добрые люди спокойны: ибо веселятся чистотою совѣсти, которая внутренними обличеніями не терзается. Не полную ли радость чувствуютъ они, когда кто изъ нихъ воображаетъ себѣ, что „я въ такихъ-то случаяхъ не попустилъ себѣ отъ страстей моихъ побѣдиму быть“, „я человѣку тому сдѣлалъ благодѣяніе“, „я сего немощнаго исторгнулъ изъ руки сильнаго“; ибо побѣдить себя есть свѣтлѣйшая побѣда, нежели побѣдить тьмочисленные непріятельскіе полки! Такіе люди внутри сердца своего имѣютъ источникъ приснотекущей радости, покоя они съ Давидомъ: „азъ уснухъ и спяхъ, востахъ, яко Господь заступитъ мя“ (Пс., 3, 6). Но худые всегда безпокойны: днемъ они вредными для другихъ заботами и своевольными суетами мучатся, а ночью отходить сонъ отъ глазъ ихъ, и занимаетъ мысли черная меланхолія (задумчивость). Ибо, вмѣсто сладкаго послѣ трудовъ покоя, предстанеть съ своимъ судомъ совѣсть и представитъ всё обиды, другимъ отъ нихъ нанесенныя,—представить слезы, которыя ими обиженные проливають ко всевидцу Богу; представитъ всё тѣ опасности, которыя неминуемо за худыми поступками слѣдуютъ. Совѣсть бо всякаго есть неумолимый судія: безпристрастно разбираетъ дѣло, и осуждаетъ или оправды-

взаетъ; а ежели кто и совѣсть совѣсьмъ потерялъ, чему кажется статья нельзя, тотъ тѣмъ окаяннѣе, что послѣднюю потерялъ надежду къ исправленію.

Добрые люди, правда, иногда смущаются; а напротивъ, когда или за добродѣтель свою не только не получаютъ достойнаго награжденія, но еще и гонимы бываютъ; или когда видятъ, что злые люди во всякомъ живутъ благополучіи. Но сіи привидѣнія Промыслъ Божій разгоняетъ, и сіе волненіе утихаетъ, когда они рассуждаютъ, что сама собою добродѣтель есть истинное человѣческое счастье, и что сіе видимое безпокойство на вѣчный перемѣнится покой. Одинъ святѣйшій пророкъ съ жалобой вопіетъ къ Богу: „Господи! что, яко путь нечестивыхъ спѣется“ (Перем., 12, 1)? Но тотчасъ утѣшаетъ себя сами отъ лица Божія словами: „близъ еси Ты, Господи, усть ихъ, далече же отъ утробъ ихъ“. То есть, Ты ихъ, въ надеждѣ исправленія, наружнымъ благополучіемъ утѣшаешь; но, какъ беззаконниковъ, внутренняго не удостоиваешь.

Почему, хотя худые люди и всякимъ счастьемъ иногда процвѣтатъ намъ кажутся, но сей цвѣтокъ скоро увядаетъ; и не все то, что блещетъ, злато есть. И для того-то блаженный Давидъ любилъ на божественныхъ своихъ гусляхъ припѣвать сію пѣснь: „Не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе. Зане, яко трава, скоро иссохнутъ, и, яко зеліе злака, скоро отпадутъ“ (Псал. 36, 1—2).

Добрые люди мыслями своими прилѣпляются къ Богу, и всѣхъ своихъ дѣлъ за основаніе полагаютъ благочестіе. Они сію жизнь почитаютъ за временное жилище, а непрестанно очи сердца своего возводятъ къ горнему, блаженному отечеству. Послѣ нѣкоторой Спасителя нашего проповѣди, которая плотской мудрости не понравилась, многіе изъ учениковъ отстали отъ Него. Подвигшись сожалѣніемъ о нихъ, сострадательнѣйшій Учитель нашъ оставшимся при Немъ ученикамъ сказалъ: „еда и вы хотите ити?“ Тогда вмѣсто всѣхъ отвѣчалъ Ему Симонъ Петръ: „Господи! къ кому идемъ? глаголы живота вѣчнаго имамъ“ (Іоан., 6, 67). Ахъ! дражайшій Учитель, возможно ли, чтобы мы, мучимые жаждою, отъ Тебя—источника живаго отлучились? мы охотно Тебѣ послѣдуемъ; только Ты не скрой лица Твоего отъ насъ, грѣшныхъ, Свѣте незаходимый!

Но худые люди столь мало о благочестіи думаютъ, что, кажется, лютуютъ себя рожденными для сей токмо жизни. Они удаляются отъ Бога, въ соединеніи съ Которымъ сами язычники благополучіе человѣческое поставляли. Нынѣшнее евангеліе, говоря о Блудномъ сынѣ сіе отъ Бога удаленіе означаетъ сими словами: „отъиде на страну далече“. А вотъ, что Псалмопѣвецъ къ Богу говоритъ: „се, удаляющіи

себе отъ Тебе, погибнуть" (Ис., 72, 27). О такихъ людяхъ можно сказать, что имъ душа дана будто вмѣсто соли, чтобы не согнили.

Добрые люди съ прилежаніемъ и усердіемъ упражняются въ своемъ званіи, въ которое ихъ Богъ призвалъ. Рачительный земледѣлецъ учреждаетъ свою бразду, палимый жаромъ и потомъ обливаясь; усердный воинъ отечество кровію своею защищать не отрицается; купецъ ввѣряетъ себя морскимъ волнамъ и, яко пчела, для общества собираетъ медъ; пастырь церковный не ешитъ о стадѣ своемъ и вверяетъ умъ свой во глубину Божественнаго закона; верховный начальникъ размышляетъ о благополучіи своихъ и нужды всѣхъ въ одной своей объемлетъ главѣ. Когда Блудный сынъ по чужимъ гулялъ странамъ, когда имѣніе отеческое расточалъ съ любодѣйцами, тогда старшій сынъ былъ на селѣ, то есть, въ трудахъ,—говоритъ исторія Евангельская.

Но худые люди всегда—въ гуляніи и въ роскоши: нынѣ — веселости, завтра—утѣхи, послѣ завтра—то же; днемъ гуляютъ, ночью гуляютъ, да и во снѣ гуляютъ. Да слышать таковыя Евангельское увѣщаніе: „блудитесь“, говоритъ оно, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и пьянствомъ и печальми житейскими, и найдетъ на вы внезапно часть той“ (Лук., 21, 34),—часть, въ который всякъ отъ своихъ дѣлъ осудится или оправдится.

Добрые люди употребляютъ свои дарованія въ пользу другихъ: разумъ—къ наставленію или словомъ, или писаніемъ, краснорѣчіе—на преклоненіе сердець къ послѣдованію добра, богатство—къ снабженію бѣдныхъ людей, честь и достоинство—къ защищенію обидимыхъ, къ подкрѣпленію изнемогающихъ; а употребляемые въ пользу другихъ таланты Богъ усугубляетъ. О, когда бы и мы могли сказать: „Господи! два таланта ми еси предалъ: се другая два таланта приобрѣтохъ има“ (Мате., 25, 22).

Но худые люди Божія данныя имъ дарованія употребляютъ во зло: разумъ—на ябеды и на хитростныя для ближняго своего подкормы; богатство—на роскошь, ученіе—на сочиненіе басенъ и соблазнительныхъ матерій; ученіе, которое было бы источникомъ истиннаго нравоученія, ежели бы на добрый конецъ употреблено было. Такіе, впрочемъ, сколько о себѣ ни думаютъ, но они должны почитаемы быть ниже человѣка съ наименьшими дарованіями, но другимъ не вредящаго.

Добрые люди искренно сердечны, и оттого и своихъ враговъ любятъ. Въ ихъ сладкихъ устахъ часто слышится она Давидова пѣснь: „съ ненавидящими мира бѣхъ миренъ“. Цѣломудренный Иосифъ, увидѣвъ своихъ братьевъ, отъ которыхъ иноплеменникамъ проданъ былъ, заплакалъ: а сими отъ нехитростнаго сердца текущими, слезами какъ бы угасилъ пламень гнѣва, который возгорѣлъ бы въ другомъ про-

тивъ предателей своихъ. Я въ такихъ душахъ, какъ въ чистѣйшихъ зеркалахъ, усматриваю сіяющую Божію святѣйшую простоту.

Но худые люди ненавидятъ добрыхъ, да еще, что удивительно, за самую ихъ доброту. Они хотя съ ними обходятся и ласково, но въ сердцѣ своемъ скрываютъ ядъ злобы. Повѣствуетъ исторія, что Афинскій Аристидъ, прозываемый праведнымъ, встрѣтился нѣкогда съ поселяниномъ, который просилъ его, чтобы онъ написалъ имя Аристидово на осужденіе. Знаетъ ли онъ Аристиду, и за что бы его осуждалъ,—спросилъ поселянина Аристидъ. „Я Аристиду не знаю“,—отвѣтствовалъ поселянинъ,—„и онъ мнѣ никакой обиды не сдѣлалъ, но мнѣ—де досадно слышать, что его все праведнымъ называютъ“. Такъ-то сіяющая добродѣтель праведнаго есть рожонъ въ глазахъ у злого человѣка; такъ-то „назираетъ грѣшный праведнаго, и ищетъ умертвить его“.

Добрые люди обществу полезны. Отъ нихъ процвѣтаютъ государства: ибо отъ нихъ происходятъ добрые совѣты, отъ нихъ—постоянныя дружбы, неразрушимые союзы, непритворные миры; ихъ упражненіе есть источникъ, а добрые поступки—школа нравоученія. Отъ нихъ не затрубитъ воинская труба, не загорится войны пламень. „Въ благословеніи правыхъ“,—по слову Соломонову,—„возвысится градъ, усты же нечестивыхъ раскопается“ (Притч., 11, 11).

Но худые люди суть вредительнѣйшая язва обществу. Кто продаетъ правду, кто бѣдныхъ грабитъ, кто завидуетъ, клеветаетъ, хитруетъ, чужихъ трудами роскошествуетъ, или собственную свою только смотреть пользу; кто, когда не тотъ, которому честность и совѣсть безъ пользы есть пустое имя? Ежели бы сіи плевелы исторгнуты были изъ общества человѣческаго рода,—не увидѣли ли бы мы возвратившіеся къ намъ золотыя вѣка?..

Добрые люди Богу любезны и добродѣтель ихъ не можетъ остаться безъ награжденія. Они, если не въ мірѣ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ, то неостѣнно на небѣ за скорбь получать неописанную радость, за скудость—невсѣщаемое богатство, за чистосердечіе—блаженнѣйшее лицезрѣніе Божіе, вмѣсто сожитія съ худыми людьми приобщатся къ блаженнѣйшему лику ангеловъ, архангеловъ и всѣхъ праведныхъ духовъ.

Но худые люди и здѣсь наказываются, и тамъ на вѣчное наказаніе осудятся. Ибо здѣсь для кого—обличенія, выговоры, обезщеченія, тюрьмы, узы и кругія подобныя наказанія, какъ не для злыхъ людей? А въ будущемъ вѣкѣ для нихъ же приготовленъ скрежетъ зубовъ, неумирающіе черви, неугасающіе огни, тартаръ, сожитіе съ демонами и конечное отверженіе отъ Бога. „Нѣсть бо радоватися нечестивымъ“,—глаголетъ Господь (Ис., 57, 21).

Усмотрѣвъ различіе двухъ противныхъ состояній, имѣть трудности, слушатели, узнать, которое изъ нихъ одно другому предпочтено быть должно. Мы хотя не можемъ сказать предъ Богомъ, что мы-праведны, но можемъ сказать: Отче! „согрѣшихъ на небо и предъ Тобою“! А Богъ, яко чадолубивый Отецъ, предвидѣвъ благое намѣреніе наше, потечеть намъ въ срѣтенію, падеть на выю нашу и обლობызаетъ насъ лобзаніемъ святымъ, сладость котораго лобзанія здѣсь нѣсколько понимается, а совершенно чувствуется на небеси. Аминь.

Слово въ недѣлю первую Великаго поста *).

„Отселѣ узрите небо отверсто“.

(Іоанн., гл. 1, ст. 51).

Въ самомъ началѣ святыхъ книгъ находимъ мы, что рай, который для человѣка созданъ былъ, послѣ ему же самому за преступленіе былъ затворенъ: двери его заключились, входъ въ блаженное красоты жилище пресѣченъ, да и херувимъ съ пламеннымъ мечемъ приставленъ (Быт., 3, 23), дабы никто не смѣлъ приступить къ мѣсту тому. „Никто не можетъ то отворить, что затворилъ Богъ“! Рай сей былъ образомъ неба, которое есть истинное блаженства человѣческаго обиталище: когда изгоняемъ былъ изъ рая человѣкъ, въ то самое время пресѣ- клась ему надежда получить небо; когда затворились предъ нимъ райскія двери, тогда же для него заключились и небесныя врата, вводящія къ престолу благодати. Сверкающій пламенемъ херувимъ означалъ Божій гнѣвъ, который огнемъ ярости своей опаляетъ грѣшника, и входъ къ блаженству дѣлаетъ для него непрístupнымъ. О, печальнаго состоянія!

Но, вотъ—нечаянная и радостнѣйшая всего того переменна. Блаженнѣйшій Учитель нашъ въ нынѣшнемъ Евангелии увѣряетъ насъ, что небо по-прежнему будетъ отворено: „отселѣ“—говорить—„узрите небо отверсто“. Блаженство райское къ вамъ возвратится, свѣтъ небесный васъ осіяетъ, примутъ васъ въ вѣчныя небеснаго Отца обители, „возрадуется сердце ваше, радости вашей никтоже возьметъ отъ васъ“. Да уже и, дѣйствительно, небо отворено силою великаго „Архіерея, прошедшаго небеса—Иисуса, Сына Божія“ (Евр., 4, 14). Однако, со всѣмъ тѣмъ опасаться должны, чтобы оно паки отъ насъ затворено не было. Почему, чѣмъ оно затворяется и отворяется, нынѣшнею бесѣдою изслѣдуемъ. А Ты, Который дѣйствуешь вся во всѣхъ, отверзи умъ нашъ разумѣти силу спасительнаго слова Твоего!

*) Сказано въ присутствіи Ея Величества въ придворной церкви 1764 г., февраля, 29 дня.

Счастія и несчастія причиною, по большей части — сами мы. Всякъ для себя затворить можетъ небо и отворить. Затворяется, во-первыхъ, небо привычкою къ худому. Нѣтъ опаснѣйшаго препятствія теченію добродѣтели, какъ ежели кто частымъ въ худыхъ дѣлахъ пребываніемъ такъ къ нимъ привыкъ, что безъ нихъ, равно какъ безъ пищи и питія, пробыть не можетъ. И для того въ самомъ началѣ злу противиться надобно и не попускать, дабы оно укорениться могло. Ежели кто одинажды или дважды отъ дѣла отсталъ, тотъ на послѣдокъ приходитъ въ разслабленіе, и нѣчто въ себѣ уже чувствуетъ, что почти насильно отвлекаетъ его отъ честнаго упражненія. Нынѣ поползнулъ, завтра не всталъ, послѣ завтра не исправился; и такъ сей узелъ все больше запутывается; а, наконецъ, порокъ свергаетъ съ престола добродѣтель и садится на мѣстѣ ея. Сіе случается и въ тѣлесныхъ припадкахъ: ежели болѣзнь съ начала пренебрежена будетъ; на послѣдокъ столь усиливается, что остается неизлѣчимою. И такъ праведно святой Давидъ написалъ, что человѣкъ сперва начинаетъ болѣть неправдою, то есть, терзаться худыми склонностями, потомъ зачинаетъ сію болѣзнь, далѣе рождаетъ беззаконіе (Псал., 7, 15), а на послѣдокъ „пришедъ во глубину золъ, нерадитъ“.

А отсюда примѣтите вы можете, о родители! сколь великій на васъ долгъ лежитъ, чтобы дѣтей своихъ воспитывать въ страхѣ Божіи, и въ самой той младости удалять отъ нихъ всякіе къ худому случаи. Доброе бо воспитаніе есть твердое основаніе будущаго жизни нашей благополучія; и въ мягкихъ юношества лѣтахъ къ доброму или худому привычка удобно можетъ снискана быть. Что ежели малое дитя въ самомъ началѣ возраста своего приобученъ будетъ тоюмо къ забавамъ, да забавамъ не разума и добродѣтели, но къ наружнымъ и плотскимъ, оставивъ святѣйшее упражненіе закона и честности, что: такое дитя будетъ, наконецъ, развѣ трость, вѣтромъ страстей колеблема? Многіе, закоснѣвая во злѣ, ласкаютъ себя, что они могутъ при смерти покаяться. Но, кромѣ того, что сія надежда есть неизвѣстная, святыя отцы еще разсуждаютъ, что у человѣка, который всю жизнь прожилъ въ нераскаяніи, при смерти истинное покаянiе едва ли быть можетъ: „ибо тогда уже не онъ худыя дѣла, но худыя дѣла его оставляютъ“. Такъ, вотъ, чрезъ сіе и затворяется небо.

Но отворяется оно пребываніемъ въ добрѣ. Нельзя, чтобы смертный человѣкъ никакого предъ Богомъ порока не имѣлъ; но въ сей жизни есть велико и то, когда не далеко отъ истиннаго пути отступаемъ и, по малу, на высоту добродѣтели восходимъ; а чрезъ то, по малу, много пороковъ уменьшается. Славнаго древняго живописца Апеллеса спросили, какимъ бы онъ образомъ столь много въ своемъ искус-

ствѣ успѣли: „ни одного дня не прошло, отвѣчалъ онъ, въ который бы я что-нибудь не написалъ“. О, когда бы и мы ни одного дня не пропустили, не сдѣлавъ какого добра! Тогда бы могли съ великимъ Павломъ говорить: „задняя забываемъ, а въ предняя простираемъ“ (Филипп., 3, 13), пока не взойдемъ въ отверстое небо.

Затворяется небо безопасностію плотскою или распутнымъ житіемъ, когда кто не о радостяхъ будущихъ, но токмо о веселостяхъ житейскихъ помышляетъ. О такихъ святой Апостоль пишетъ, что когда они будутъ говорить: „миръ и утвержденіе, тогда внезапно нападетъ на нихъ всегубительство“ (1 Сол., 5, 3). А въ примѣръ сему представляетъ намъ Евангеліе пять безумныхъ дѣвъ, у которыхъ неусыпающихъ мыслей свѣча погасала, и съ уныніемъ кромѣшнымъ погребены были сномъ. Въ самую же полночь вопль бысть: „се, женихъ грядетъ, исходите въ срѣтеніе“ Но, между тѣмъ, какъ онѣ вставали, какъ продирали глаза, какъ убирались, какъ искали масла для возженія свѣтильниковъ, прошло желаемое время, и двери затворились. Сколько онѣ о томъ послѣ ни сожалѣли, сколько въ двери ни стучали, сколько ни вопили со слезами: „Господи, Господи, отверзи намъ“, но получили въ отвѣтъ: „не вѣмъ васъ“ (Матѣ., 25, 1—12). Ахъ, страшное приключеніе! А сіе сказано въ наставленію насъ, чтобы мы не дремали уныніемъ, чтобы вѣра наша всегда была, яко свѣтильникъ горящій: ибо и насъ Сынъ Человѣческій придетъ нѣкогда звать въ отверстое небо. Да когда? — Сіе то наипаче устрашать насъ должно. Въ день, въ который не думаемъ, и въ часъ, въ который не чаемъ. Ежели сей часъ застанетъ насъ неготовыми, то толкущимъ намъ въ небесныя двери сказано будетъ: „отыдите прочь, сія врата Господня: праведни видутъ въ ня“.

Но отвояется небо бдѣніемъ, то есть, когда не ослабѣваемъ въ подвигъ добродѣтели. Мысль трезвая и всегда размышляющая о Богѣ какъ бы приступомъ беретъ небо, по оному Евангельскому слову: „царствіе небесное нудится“, то есть, силою берется, „и нуждницы восхищаютъ е“ (Матѣ., 11, 12). А подтверждается сіе примѣромъ пяти же, но мудрыхъ дѣвъ, о которыхъ пишется, что онѣ, будучи готовы, „взыдоша на браки“. Притча сія благочестію вашему извѣстна. Ночь есть время вѣка сего; сонъ есть наша жизнь; свѣча, горящая въ ночи, есть вѣра; масло—добродѣтель; женихъ—Христось; невѣста дѣвица—душа; бракъ есть вѣчное блаженство; а отвореніе дверей есть полученіе сего благополучія несказаннаго. Такими оружіями вооруженный, христіанскій воинъ торжественно входитъ во врата небснаго Іерусалима.

Затворяется небо еще невоздержаніемъ. Ибо чрево, отягощенное пищею, чѣства, очарованныя лакомствомъ, мысль, потемненная пьян-

ственными парами, не только не может вознестись къ небу, но и не может усмотрѣть пути къ оному. Мы до сихъ поръ еще оплакиваемъ паденіе первосозданнаго человѣка, въ которомъ склонности тѣлесныя преодолѣли силу разума, и пріятности, ласкающія чувства, опровергли здравое разсужденіе. И для того Спаситель нашъ, предостерегая насъ, увѣщаваетъ: „Внемлите себѣ,“ — говорятъ, — „да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и пиянствомъ и печальми житейскими, и найдеть на вы внезапно день той“ (Лук., 21, 34).

Но отворяется воздержаніемъ. Постъ тѣла есть пища души, и чѣмъ меньше дается питанія страстямъ, чѣмъ болѣе облегчается душевное перо, и умное наше око потопику болѣе усматриваетъ неприступный свѣтъ Божества, поелику бываетъ меньше потемнисо облакомъ чревоугожденія. Нынѣ наступило сіе благословенное время: „нощь прейде, а день приближися“; день спасительнаго поста, день христіанской философіи, день цѣломудрія и духовнаго пиршества. Ибо, воздержаніемъ очищенная, мысль ясенѣе размышляетъ о добродѣтели и о Богѣ; а размышленіе сіе привлекаетъ на себя свѣтъ небесный.

Затворяется небо высокоуміемъ. Царство бо небесное есть тѣхъ, кои суть „нищии духомъ“; тѣсенъ есть путь въ небо (Мѡ., 5, 3, 7, 14), — почему, чтобы въ оное взойти, надобно много пышности убавить. Высокомѣрный духъ, много о себѣ мечтая, ученіе спасенія пренебрегаетъ; а невѣдѣніе высокой истины сей есть причина худаго житія: житіе же несправное не можетъ имѣть мѣста въ небесныхъ обителяхъ.

Но отворяется оно простотою евангельскою и смиреніемъ. Святое смиреніе—чѣмъ болѣе себя унижаетъ, тѣмъ болѣе небеса къ нему преклоняются. Нѣкогда приступили ученики ко Христу и спрашивали Его: „кто—болѣе въ царствѣ небесномъ?“ и, какъ видно, они за достойныхъ себя почитали, чтобы отвѣтъ опредѣлилъ въ ихъ пользу. Но сей смиренія Учитель поставилъ въ среданиѣ ихъ кроткое малое дитя, и сказалъ: „Ежели вы не стяжете такого смиреннаго духа, какой видите въ отрокѣ семъ, въ царство небесное взойти не можете“. Какой страшный и паче чаянія случившійся высокоумію человѣческому ударъ! И сія—то причина была, что смиренные Апостолы принимаемы были въ нѣдро Авраамово, а гордые фарисеи оттуда изгонялись; сія причина была, что мытарямъ, блудницамъ и разбойникамъ отворялись небесныя двери, а высокоумнымъ философамъ и надменнымъ властямъ вѣка сего оныя затворялись. Вещь удивленія достойная; но такое есть недомыслимой премудрости Божіей расположеніе. „Ей, Отче! яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою“ (Матѡ., 11, 26)!

Затворяется небо невѣдѣніемъ. Ибо—кто чего не знаетъ, того не желаетъ и не ищетъ. А за невѣдущихъ почитать должно невѣрныхъ,

еретиковъ и суетвѣрцевъ. Невѣріе совсѣмъ не знаетъ спасительнаго пути, ереси на семь пути полагаютъ претыканія, а суетвѣрство съ сеѣ дороги заблуждаетъ. Невѣріе не движется желаніемъ будущихъ благихъ, ересь не отдаетъ имъ достойнаго почтенія, а суетвѣрство не позволительнымъ образомъ оныя получить надѣется: разныя заблужденія, но всѣ равно лишаются благой надежды.

Но отворяется вѣроу. Святыя бо „всея вѣроу получиша обѣтованія“. Спасительная вѣра, вмѣсто ключа, употребляетъ тайну крещенія, которая отворяетъ намъ дверь царствія,—тайну покаянія, которая входъ сеѣ безопаснымъ дѣлаетъ,—и тайну причащенія, которая таинственно съ Самимъ Богомъ насъ соединяетъ.

Затворяется небо ожесточеніемъ и конечнымъ нераскаяніемъ. Объявляетъ Святое Евангеліе, что въ послѣдній день суда многимъ входъ въ небо будетъ отказанъ, и скажетъ Судія: „отъидите отъ Мене вси, дѣлающіи беззаконіе“. Вы, Ангелы, затворите отъ нихъ двери, дабы сюда не взошелъ никто, неимѣющій одѣянія брачна, то есть, одѣянія, свѣтлостію добродѣтели блистающаго.

Но отворяется благодатію Господа нашего Иисуса Христа. Вспомните лѣстницу, которую видѣлъ Іаковъ (Быт., гл. 28); она отъ земли досягала до небесъ, и Ангелы по ней ныне восходили къ небу, другіе сходили внизъ; а основаніемъ сеѣ лѣстницы былъ Самъ Господь. Лѣстница сія означаетъ безпрепятственный путь ко спасенію; Ангелы восходящіе представляютъ спасаемыхъ; сходящіе на землю даютъ знать, что сіи чистѣйшіе духи съ вѣрующими составляютъ одно общество; а Господь, на Которомъ утверждается лѣстница сія, есть Тотъ, Который въ Евангеліи Самъ о Себѣ говоритъ: „Азъ есмь путь и истина и животъ: нѣчтоже придетъ ко Отцу, токмо Мною (Іоанн., 14, 6).

Но сеѣ Господь вознесся отъ насъ на небо, слушатели, и мы остались безъ сего Божественнаго путеводителя; такъ кто же намъ отверзетъ двери царствія небеснаго? Но, вотъ—видимъ мы милосердый промыслъ Спасителя нашего. Онъ, возносясь отъ земли на небо, кромѣ того, что обѣщавъ съ нами всегда пребывать невидимо, оставилъ ключи небесныя въ Церкви Своей, ибо Онъ сказалъ Петру, а въ лицѣ его и всѣмъ служителямъ Новаго Завѣта: „и дамъ тебѣ ключи царствія небеснаго“ (Матт., 16, 19). О, даръ дражайшій! Дамъ ключи, коими разрѣшенныя на земли, разрѣшаются и на небеса; дамъ ключи, коими отверзается не токмо небо, но и самое благоутробіе небеснаго Отца; дамъ ключи, съ которыми человекъ дѣлается владѣтелемъ нестопаемыхъ райскихъ сокровищъ. Даетъ же не одинъ ключъ, но „ключи“; а сіе значитъ, что разные устроилъ Богъ пути ко спасенію. Такъ можетъ ли кто спасеніе почитать труднымъ, когда ключи небесныя въ

рукахъ нашихъ находятся? Почему—самымъ дѣломъ исполнилось то, что нынѣ въ Евангеліи слышали мы: „Отселе узрите небо отверсто“.

Идите убо, благословенные христіане, въ сіе радостное мѣсто, въ вѣчное наше обиталище; идите, насыщайтесь, ублажайтесь, царствуйте. Дверь небесная отворена, трапеза приготовлена, ангельскіе лики предстоятъ, всѣ праведные духи насъ ожидаютъ, Самъ Отецъ будущаго вѣка объятіями Своими насъ воспріять хочетъ; а Церковь воинствующая на землѣ восклицаніями своими и ученіемъ ободряетъ, чтобы мы не ослабѣвали въ семъ знатнѣйшемъ подвигѣ.

Нѣтъ никого, думаю, изъ насъ, который бы не пожелалъ сего блаженства быть причастнымъ, но, притомъ, памятовать надобно, что въ оное чистѣйшее мѣсто никакая скверна не входитъ. А какъ никто изъ человѣкъ отъ своихъ дѣлъ предъ Богомъ безъ благодати Его оправдаться не можетъ, то Ты Самъ, Господи, отворивъ намъ покаянія двери, отверзи двери и небеснаго царствія Своего. Аминь.

Слово въ недѣлю пятую Великаго поста *)

„Не вѣста, чесо просита“.

(Марк., гл. 10, ст. 38).

Два знатные Христовы ученика, Іаковъ и Іоаннъ, въ человѣческое впади искушеніе, которое тѣмъ удивительнѣе, что ихъ подстрекало честолюбіе въ то время, когда они неотступно пребывали при Томъ, Который Самъ не имѣлъ, гдѣ главы приклонить. Сей великій Учитель говоритъ имъ о страданіи, а они воображаютъ чести; Онъ объявляетъ о приближающейся Ему смерти, а они думаютъ о веселостяхъ; Онъ рѣчь свою имѣетъ о крестѣ, а они просятъ, чтобы сѣсть, не знаю, на какихъ престолахъ по правую и по лѣвую сторону; Онъ имъ представляетъ, что, которые болѣе власти и чести вѣка сего имѣютъ, тѣ то наипаче на Него нападутъ и предадутъ,—но они сами въ сію опасность охотно себя ввергаютъ.

Такъ-то всегда иное мудретствуетъ міръ, иное — Евангеліе. Такая-то есть слабость нашего ума, что мы, безъ благодати Божіей, ни пути, ни способа къ истинному благополучію изобрѣсти не можемъ. И для того по достоинству нынѣшніе просители получили неприятный сей отвѣтъ: вы сами не знаете, чего просите; „не вѣста, чесо просита“. Васъ, Мои ученики, ослѣпляетъ блистательное мірской славы сіяніе; вы позабыли, что Я вамъ неоднократно говорилъ: „иже хочетъ въ

*) Сказано въ присутствіи Ея Величества въ придворной церкви, 1764 года, марта 28 дня.

вась быти большій, да будетъ всёмъ слуга“. Вы избраны отъ Меня для вѣчной славы, чтобы царствовать не на земли, но на небеси; и, чтобы получить сей безсмертія вѣнецъ, надобно побѣдить міръ со всёми прихотями его.

А дабы и мы снмъ не поползнулись искушеніемъ, должно всёхъ себя предать въ волю Божию, говоря Ему съ Давидомъ: „скажи мнѣ Ты Самъ, Господи, путь, въ оныя же пойду!“ Но какъ мною есть и такіе, кои или неполезнаю, или и полезнаю, но непристойнымъ образомъ ищутъ,—о томъ настоящею бесѣдою изслѣдуемъ. А Ты, мой Боже, даждь глаголь благовѣствующему, да не буду яко воздухъ біяі!

Разными человекъ мучить себя желаніями и, когда многого ищеть, самое драгоцѣнное свое теряетъ сокровище, то есть, спокойство душевное.

Иные ищутъ чести. Нѣтъ никакихъ трудностей, которыя бы они не претерпѣвали для снисканія сей льстивой вещи, и по самымъ опаснымъ лѣзутъ стремшинамъ, чтобы взойти на высокій верхъ достоинства; а какъ взойдутъ, то коловратное счастье съ сей горы ихъ внизъ нечаянно свергаетъ и разбиваетъ въ прахъ. Тамъ вотъ тогда Евангеліе надъ сими несчастливими искателями и поеть сію пѣснь: вы сами не знали, чего искали; „не вѣста, чесо просита“.

Подлинно, кажется, не худо и чести желать. Но надобно имѣть достоинство, имѣть дарованія, имѣть Духъ, трудами не отягчаемый и не побѣждаемый страстями: иначе должна быть и самому такому со стыдомъ смѣшанная трата, и другимъ вредъ. Лучше малое нести, съ какою ни есть пользою, нежели, великое взявъ на плеча, онымъ обремениться. Однако, со всёмъ тѣмъ сказать должно, о чемъ многіе, думаю, иначе разсуждаютъ; а именно, что никогда никому чести искать не надобно. Другіе честолюбіе похваляютъ, но Слово Божіе оуждаеть; оно учитъ дѣлать то, что честь заслуживаетъ, не думая о чести. Ибо, кто дѣлаетъ доброе не для самого добра, но только съ надеждою получить честь,—тотъ самъ свою опорочиваетъ добродѣтель. Пожалуй, не некисъ: добродѣтель сама есть великій и сильный за тебя ходатай. „Честь за бѣгущими отъ нея бѣжить, а отъ бѣгающихъ за нею сама убѣгаетъ“. Съ добродѣтелию не скрылся Іосифъ въ темницѣ, Лотъ—въ Содомѣ, Іовъ—на гнощи, Моисей—при стадѣ въ пустынь, апостолы—при рыбной ловлѣ, а великій Павелъ—въ скинотворной хижинѣ. Послушаемъ, какъ всякаго изъ насъ блаженный Давидъ отечески увѣщаетъ: „открый,—говорить,—ко Господу путь твой и уповай на Него и Той сотворишь“. А что сотворишь?—„пзведетъ яко свѣтъ правду твою, и судьбу твою яко полудне“ (Псал., 36, 5—6). „Скорѣе убо,—воспетію скорѣе,—по Евангельскому слову,—можетъ укрыться градъ

вверху горы стоящій, нежели, чтобы добродѣтель осталась безъ своего награжденія. Но посмотримъ на другую суету міра сего.

Иные ищутъ патроновъ. Сіи, видно, не памягуютъ оныя Духа Святаго слова: „не надѣйтесь на князи, на сыны человѣческія, въ нихъ же нѣсть спасенія“ (Псал., 145, 3). Такіе искатели всѣмъ не-пріятны: ибо они, во-первыхъ, сами о себѣ доказываютъ, что того недостойны, чего ищутъ; второе—обижаютъ добродѣтель, которая аки бы недовольна была сама рачителя своего сдѣлать благополучнымъ. Но что я говорю, обижаютъ добродѣтель? Ее обидѣть нельзя: ибо всѣ искатели, ежели не укрѣпляютъ себя добродѣтелию, со стыдомъ лишаются надежды своей. Понеже тѣ, на коихъ они свое полагаютъ упованіе, сами разнымъ подлежатъ перемѣнамъ, сами суть человѣки; слѣдовательно, когда не другое что, смерть, поистинѣ, всѣ ихъ чаянія опровержетъ. Такъ вотъ твоя и улетѣла надежда, твой столпъ упалъ, твое основаніе поколебалось; а ты остался посрамленъ, ты остался какъ корабль на мели. А сіе доказываетъ, что едина добродѣтель своего любителя никогда не оставляетъ, она съ нимъ въ морѣ плаваетъ, въ странствованіи путешествуетъ, въ темницѣ угѣшаетъ, ободряетъ въ напастяхъ. Когда другіе волнуются, сверху внизъ опровергаются, сокрушаются; добродѣтельный въ тихомъ своемъ пристанищѣ спокоенъ, и въ сладкихъ ея нѣдрахъ опочиваетъ безопасно.

Подлинно, какъ равному любовь, такъ высшимъ отдавать надобно почтеніе. Не противно же, опять, другимъ объявить свое несчастіе и отъ сильнѣйшей руки требовать помощи: ибо не есть сіе искать патроновъ. Но когда кто подло ласкаетъ, и сіе хитрое ласкательство употребляетъ, вмѣсто заслугъ, къ полученію того, чего не достоинъ; то сіе есть обидно добродѣтели, сіе противно Божію Промыслу, Который со временемъ имъ скажетъ: вы сами не знали, чего искали,—„не вѣста, чего просита“. Но, вотъ, встрѣчаютъ насъ другіе искатели.

Иные ищутъ богатства. Сія великая жажда ничѣмъ погашена быть не можетъ, и она подобна огню, который, чѣмъ болѣе въ себя дровъ принимаетъ, тѣмъ болѣе разгорается. Мы знаемъ, за какое препятствіе ко спасенію сіе ненасытимое желаніе поставляетъ Евангеліе, сказывая, что „удобнѣе верблюду пройти сквозь иглиныя уши, нежели богатому взойти въ царство небесное“ (Мат., 19, 24). А учитель языковъ напередъ объявляетъ, что „хотящія богатиться, впадаютъ въ напасты и сѣтъ, и въ похоти многи несмысленны и вредныя“ (1 Тим., 6, 9).

Подлинно, не виновно богатство; да и богатиться не-грѣхъ, но во всемъ должна быть мѣра. При собраніи богатства, во-первыхъ, наблюдать надобно честность, то есть, не думать, чтобы всякій способъ позволителенъ былъ къ обогащенію себя; второе—богатству не отдавать всего

своего сердца, но притомъ, что наипаче, стараться о богатствѣ добродѣтели: построить корабль вѣры, украсить парусами любви, утвердить якоремъ вѣчной надежды. Сіе богатство добродѣтели есть подпора и украшеніе онаго; при семъ богатствѣ и оное твердо и безопасно. Одна добродѣтель по справедливости можетъ сказать: „ниже со мною не собираетъ, расточаетъ“ (Мате., 12, 30). Былъ богатъ и Авраамъ, но, по объявленію Священнаго Писанія, сидѣлъ при дверяхъ шатра своего въ самый жаркій полуденный часъ, чтобы кого изъ путешествующихъ подъ сѣнь свою принять и успокоить, а за сіе страннлюбіе сподобился угостить Самого Бога. Былъ богатъ и Іовъ, но былъ же онъ и „око слѣпымъ, нога хромымъ, отецъ немощнымъ, отъ стриженія овецъ его согрѣвались плеча убогихъ, и дверь его всякому входящему отверста бѣ“. Сіе есть праведное употребленіе богатства.

А которые сами токмо въ себя, а не въ Бога, не въ пользу ближняго богатятся, тѣ напоследокъ услышатъ, что Іаковъ написалъ: „прійдите, богатіи, плачьтеся и рыдайте о лютыхъ скорбехъ грядущихъ на вы. Богатство ваше изгни, ризы ваша моіе поядоша. Злато ваше и серебро изоржавѣ, и ржа сія будетъ въ день суда свидѣтель вашей скупости“ (Іак., 5, 1—3). А мы, со святымъ Іаковомъ скажемъ: вы, богачи, не знали сами, чего искали, „не вѣста, чесо просита“. Но еще не всѣ человѣческія желанія изочли мы.

Иные ищутъ веселостей. Сіи люди, мнѣ кажется, подобны баснословному Танталу, о которомъ сказываютъ, что онъ стоялъ еругомъ въ водѣ, но жажду свою утолить не могъ. Всѣ бо мірскія веселости, съ скукою смѣшаны, всѣ радости слезами растворены, въ жизни сей совершеннаго покоя найти нельзя: ибо человѣкъ отъ Творца своего созданъ достойнѣйшимъ и высшимъ,—нежели чтобы его видимыя сіи текущія вещи могли удовольствовать. Соломонъ всѣ испыталъ роды веселія, и для успокоенія духа своего ничего не оставилъ, что бы только ни служило къ разогнанію скуки и къ угожденію плотскихъ склонностей; но со всѣмъ тѣмъ напоследокъ узналъ свое заблужденіе и сказалъ: „суета суетствій и всяческая суета“ (Еккл., 1, 2).

Правда, что и печалиться пользы нѣтъ, какъ то говоритъ златоголовый Іоаннь. Ибо, рассуждаетъ учитель сей, потерялъ ли кто деньги? — печалію оныи возвратити нельзя. Лишился ли кто сына? — печаль ко утѣшенію ни мало не пользуетъ. Страждетъ ли кто какою болѣзнію? — ежели будетъ притомъ печалиться, болѣзнь свою не облегчаетъ, но умножаетъ. Въ одномъ токмо тоѣ же учитель придаетъ, печаль свою имѣетъ пользу. а именно, „во грѣхѣ: ибо, какъ токмо за грѣхъ печалію сокрушитъ кто сердце свое, тѣмъ самымъ и истребилъ свой грѣхъ“ *Чувство бо печалиться для Бога, нежели веселиться съ міромъ.*

И потому всё, кои въ утѣхахъ житейскихъ своего ищутъ покоя, сами не знаютъ, чего ищутъ. „Не вѣста, чесо просита“.

Итакъ, видѣли мы неблагоуразумныхъ искателей. Но многіе еще есть, кои, зная, что ихъ всё тщанія будутъ напрасны, прибѣгаютъ къ Богу, и прошеніями своими стужаютъ Божеству: ибо часто просятъ того, что и имъ получить вредно, и Богу дать не пристойно. Иной, понеже самъ не можетъ, просить Бога, чтобы Онъ отменилъ соперникамъ его. Грабитель молить, чтобы Богъ ему помогъ, и, посредствомъ темноты и вѣтровъ, скрылъ бы злодѣйство его. Иной просить дождя, иной въ то же время—вѣдра. Но такія прошенія и по нашему разсужденію не похвальны. А слѣдующія кажутся быть не пристойны, а именно:

Иные просятъ у Бога, чтобы долго жить. Надобно сказать, въ великому стыду христіанства, что нѣкоторые такъ привязаны къ свѣту сему, что они, ежелибы возможно было, никогда бы умереть не захотѣли, аки бы ни мало не надѣялись лучшей по смерти жизни. Ты просишь долго жить, а другіе желаютъ разрѣшиться и со Христомъ быть; ты хотѣлъ бы вѣчно наслаждаться свѣтомъ симъ, а другіе жалуется, что странствованіе жизни ихъ весьма долго продолжается.

Правда, можно, да и надобно и долгой жизни желать, но въ какомъ разумѣ, въ томъ да будетъ намъ въ примѣръ святой Павелъ, который нѣгдѣ пишетъ, что онъ весьма былъ бы радъ отрѣшиться отъ бремени тѣлеснаго, и быть съ Богомъ, ежели бы только смотрѣлъ пользу свою (Филипп., 1, 23—24); но въ разсужденіи того, что другіе отъ продолженія жизни его могутъ пользоваться, не отрицается желать себѣ долгой жизни. О, высокая и Апостола достойная мысль! желаетъ долгой жизни, чтобы прибавленіе къ его житію лѣтъ было причиною прибавленія и большого успѣха въ добродѣтели другимъ. Ежели которые не на семъ основаніи многихъ себѣ лѣтъ просятъ, тѣ сами не знаютъ, чего просятъ. „Не вѣста, чесо просита“.

Иные просятъ отъ болѣзни избавиться, не разсуждая притомъ, что часто болѣзнь служитъ къ исправленію нашему, и приводитъ насъ въ познаніе самихъ себя. Не противно молить Бога объ избавленіи себя отъ болѣзни, но прибавляя притомъ: „ежели Его святой волъ угодно, и ежели Онъ всевидящимъ Своимъ окомъ предусматриваетъ, что здравіе для меня имѣетъ быть полезнѣе“. Иначе можетъ такимъ сказано быть: „не вѣста, чесо просита“.

Многіе многого отъ Бога просятъ, но не всегда получаютъ для того, что худо просятъ: нѣтъ въ нихъ исправленія, нѣтъ добраго намѣренія, нѣтъ честнаго употребленія. „Просите и не приѣмлете“,—святой Іаковъ говоритъ,—„зае заѣ просите, да въ сластехъ вашихъ иждивете“ (Іак., 4, 3).

И такъ, представляя себѣ всѣхъ, нынѣ помянутыхъ, искателей и просителей, а притомъ разсуждая и слабость понятія нашего, что мы не всегда можемъ совершенно узнать пользу нашу и вредъ, нельзя не похвалить древнюю иѣкоторую слѣдующую молитву: „Господи! дай намъ полезное, хотя бы мы того у Тебя не просили; не дай же намъ вредное, хотя бы мы то у Тебя и просили“.

А наконецъ всего сего надобно намятовать, что есть одна вещь, которую намъ, просящимъ, никогда Богъ не отказываетъ. А она есть „спасеніе наше“. Ищите Бога, и обрящете; толците въ двери милосердія его, и отверзутся; а прочая вся приложатся вамъ. Аминь.

Слово во святой и Великій Пятокъ *).

„Мы проповѣдуемъ Христа распята, іудеемъ убо соблазнь, еллиномъ же безуміе“.
(I Коринт., гл. I, ст. 23).

Предлежащая предъ очами нашими сія мертвая плоть, не знаю, есть источникъ словъ, или молчанія. Ибо, разсуждая столь странное и отъ вѣкъ неслыханное позорище, чтобы видѣть Сына Божія висящаго на крестѣ, а притомъ помрачаемо солнце и всѣ естества законы измѣняемы, надобно бы съ самымъ сильнымъ чувствіемъ сердечной горести молчаніемъ запечатать намъ уста свои, и только бить въ переплъ оными, у Луки поминаемыми, которые своими глазами видѣли позоръ сей (Лук., 23, 48). Но, съ другой стороны, вѣрный ученикъ сего небснаго Учителя и избранный сосудъ и самъ проповѣдуетъ, и намъ велитъ велегласно проповѣдывать распятаго Христа,—да и сего не сѣдящаго одесную Отца во свѣтлостяхъ святыхъ, не окружаемаго чины ангельскими, но висящаго на крестѣ, точащаго изъ ребръ Своихъ кровь и отягощаемаго руганіями „и сего распята“.

Но, о несчастливыхъ насъ проповѣдниковъ! Сія, которую мы болѣе всего проповѣдовать должны, спасительная міру смерть іудеемъ есть соблазнь; сія, во искупленіи нашемъ сокровенная, Божія премудрость еллинамъ кажется безуміемъ; сей претвердый вѣры камень другимъ есть претыканіе, сей пресвѣтлый истинны свѣтъ инымъ есть ослѣпленіе.

Но пускай соблазняется іудей, пускай смѣется язычникъ. Намъ: смерть Исусова есть первая похвала, и мы паче египетскихъ сокровищъ почитаемъ поношеніе Христово. Но къ утвержденію благочестивой нашей вѣры кратко разсмотримъ, *что іудеевъ и еллиновъ столь много*

*) Сказано въ присутствіи Ея Величества въ придворной церкви, 1764 г., мѣсяца апрѣля 9 дня.

смущаетъ. А Ты Сыне и Слове Божій, простертыми Твоими на крестѣ руками наше намѣреніе благослови!

Когда воображаемъ порядокъ предвѣчныхъ Божіихъ совѣтовъ и разсуждаемъ слабость человѣческаго ума, тогда ясно усматриваемъ, что „яко же отстоять небо отъ земли, тако отстоять путь Божій отъ путей нашихъ, и помышленія человѣческая отъ мыслей Его“. Вотъ, іудеи о смерти Христовой соблазняются, и, Котораго въ пророчествахъ своихъ почитали, Того умирающаго за нихъ презирають; а то потому, что больше хотятъ вѣрить своимъ страстнымъ разсужденіямъ, нежели покорить себя глубинѣ премудрости Божіей. Но мы, благословенные христіане, въ смерти сей находимъ тайные судьбы Божіихъ пути, и очами вѣры усматриваемъ въ ней Божественную силу отъ высокоумныхъ скрытую, а младенцамъ открываемую.

Іудеи воображали себѣ, что ожидаемый ими Христосъ будетъ сильный и храбрый, да храбростью тѣлесною, какою, напримѣръ, имѣлъ Самсонъ или Македонскій Александръ; и какъ они тогда находились подъ владѣніемъ римскимъ, то ласкали себя, что Мессія воинскою рукою избавитъ ихъ отъ сего тяжкаго ига, и сдѣлаетъ ихъ въ свѣтѣ такъ славными, какіе были македоняне, а послѣ римляне. Но какъ сего въ Томъ, Который „не имѣлъ, гдѣ главы приклонить“ ни мало не усматривали, то соблазнялись. Вотъ—плотское разсужденіе! Они, видно, за ничто поставляли духовную силу и славу, которая состоитъ не въ пролитіи крови, не во взятіи городовъ, не въ опустошеніи земель, но въ перемѣненіи внутренняго человѣка, чтобы побѣдить страсти, потоптать плотскія склонности, и не радоваться тогда, когда духи намъ повинуются, но когда имена наша написана суть на небесѣхъ.

Но мы Сего, не имѣющаго, гдѣ главы приклонить, исповѣдуемъ, что Онъ „носитъ всяческая глаголомъ силы Своея“ (Евр., 1, 3). Мы сего мужа болѣзней и сего уязвленнаго признаемъ за Господа славы, и безчестіемъ Его превозносимся: „язвою бо Его мы вси исцѣлѣхомъ“ (Ис., 53, 5). Знаемъ мы, что Его мышца—съ силою, крѣпка рука Его и вознесена десница Его; но благоволилъ Онъ смирить Себя и симъ таинственнымъ истощаніемъ избавитъ насъ не отъ ига римскаго, но отъ ига грѣха, отъ ига гнѣва Божія и сдѣлать насъ славными во царствіи Своемъ, сдѣлать сынами воскресенія.

Іудеи думали, что Мессія будетъ богатъ, каковъ былъ Соломонъ, и удивить весь свѣтъ флотами и своими огромными зданіями. Плотскіе глаза ищутъ наружности, которая обыкновенно поражаетъ ихъ. Но мы въ сей нищетѣ находимъ сокровенное богатство благодати и съ Павломъ вошемъ, что „Господь нашъ обнища богатъ сый, да мы нищетою Его обогатимся“ (2 Коринѣ., 8, 9). Мы лобызаемъ Его пелены,

почитаемъ вертепъ, превозносимъ ясли и безчестіемъ креста хвалимся: ибо въ сихъ видимыхъ Спасителява снисхожденія знакахъ усматриваемъ невидимую красоту.

Иудей знаменія просить, то есть, желаютъ, чтобы Іисусъ Христосъ удивительнѣйшими чудесами доказалъ имъ Божество Свое. О, окаянный іудей! не видѣлъ ли ты столько чудесъ, сколько надобно для увѣренія жесточайшей души? не видѣлъ ли ты больныхъ, однимъ словомъ исцѣляемыхъ, выгоняемыхъ бѣсовъ, прозирающихъ слѣпыхъ и возстающихъ мертвыхъ? не слышалъ ли ты, что велегласно другіе вопили: „никогда явися тако во Израили?“ Однако, со всѣмъ тѣмъ іудей знаменія просить, а ожесточенія своего не отлагаютъ, и всѣ Божественныя Христовы чудеса приписываютъ непріязненной силѣ.

Но мы, вѣрующіе, находимъ въ Евангеліи неисчислимыя знаменія, которыя внутренно насъ увѣряютъ о Божественномъ Іисуса Христа посольствѣ. А притомъ, видимъ, что время пришествія Мессіива исполнилось, скипетръ или власть владѣнія отъ Іуды отнята, седмицы Давидовы окончились, проображенія совершились, и всѣ древнѣйшія пророчества сбылись, а сверхъ того, языки призваны къ Богу, и всѣ народы участники стали благословенія Авраамова. Могутъ ли быть сильнѣйшія сихъ увѣренія благодати Евангельской?

Иудей защищаютъ законъ и чрезъ него ищутъ оправдаться предъ Богомъ, а не разсуждаютъ, несчастливые, притомъ, что ежели человѣкъ хочетъ чрезъ законъ предъ судомъ Божиимъ стать праведнымъ, надобно, чтобы онъ ни въ маломъ преступленіи закона обличенъ быть не могъ. Но кто изъ человѣкъ такую святостію можетъ похвалиться, а не паче съ Давидомъ говорить: „не види, Господи, въ судъ съ рабомъ Твоимъ, яко не оправдится предъ Тобою всякъ живой“ (Псаломъ 142, 2)? Ежели бы іудей хотѣли выскнуть въ высокую христіанскую богословію, то узнали бы, что „законъ пѣстунъ намъ бысть во Христа“ (Галат., 3, 24), то есть, показываетъ токмо наши раны, а для исцѣленія отсылаетъ къ милосердію Избавителя.

Но мы держимся благодати и съ Павломъ восклицаемъ, яко „благодать и человѣколюбіе явися Спаса нашего Бога, не отъ дѣлъ праведныхъ, ихже сотворихомъ мы, но по Своей Его милости, спасе насъ“ (Тит., 3, 4). Не отвергаемъ законъ, но опять же не подвергаемъ закону благодать: не отвергаемъ законъ, понеже благодать подаетъ силы исполнять его; не подвергаемъ же закону благодать, ибо „отъ дѣлъ закона не оправдится предъ Богомъ всяка плоть“.

Иудей защищаютъ свои кровавыя жертвы, храмъ и алтари, хотя и храмъ ихъ разоренъ, и алтарь опроверженъ, и жертвы сами собою перестали. Да и „возможно ли крови козлей или тельчей очистить

грѣхи и приношеніемъ безсловесныхъ животныхъ умилостивить Божество“ (Евр., 1, 4)? Почему необходимо надобно было іудеямъ подумать, что была нѣкая сокровеннѣйшая причина, для которой Богъ установилъ приношеніе жертвъ.

Но что они оставили безъ испытанія, то Евангеліе намъ открыло. Мы проповѣдуемъ жертву Единороднаго Сына Божія, на алтарѣ крестномъ за насъ Богу принесенную, въ которой сдѣлалось чудное милосердія и правосудія Божія раствореніе. Возможно ли, что бы Ты, небесный Отець, на жертву сію не умилался? чтобы сія пречистая Агнца Божія кровь не очистила наши грѣхи, и чтобы риза плоти Его не была намъ вмѣсто покрывала отъ Твоего праведнаго гнѣва? „Ибо, по ученію Павлову, „Христось пришедь Архіерей грядущихъ благъ, ни кровію козлею ниже тельчею, но Своєю кровію вниде единою во святая, вѣчное искупленіе обрѣтый“ (Евр., 9, 11—12).

Вотъ, видимъ мы причины, для которыхъ Іисусъ Христось іудеямъ есть соблазнъ. Но посмотримъ еще, для чего сія же Божія премудрость еллинамъ, то есть, язычникамъ, кажется безуміемъ.

„Еллини премудрости ищуть“. Они хотятъ, чтобы высокія спасенія нашего тайны утверждены были на основаніяхъ мірской философіи, слѣдовательно, хотятъ покорить Божію премудрость своимъ слабымъ, но пышнымъ разсужденіемъ. Непріятно имъ слышать о вѣрѣ, о правосудіи Божіемъ, о спасеніи, а паче о крестѣ. По ихъ разсужденію, крестъ есть безчестная смерть, вѣра—нѣчто несносное для вольныхъ и на все отважныхъ человѣческихъ мыслей, спасеніе—неупотребительная вещь, Христось—неслыханное имя, Апостоль—незнатный человѣкъ, проповѣдь его проста и съ витійственными правилами не сходна, не благородна, то есть, мірской политикѣ противна. Съ презрѣніемъ все сіе отвергали, и слышать о томъ не хотѣли; а искали тонкостей Аристотелевыхъ, Демосееновыхъ высокорѣчій, Архимедовыхъ умствованій; и жадно хотѣли слышать разсужденія о концахъ, о движеніяхъ, о родахъ, о видахъ, о качествахъ, о количествахъ, о существѣ, о случайностяхъ и о прочемъ, чѣмъ языческая философія надымалась. И въ сихъ мелкостяхъ столь запутался суетный язычникъ, что не только не искалъ способа умилостивить праведное Божество, но и во внутренность души своей мало когда заглядывалъ. Но, о, бѣдный язычникъ! ты ли, оставивъ большее, за сѣнію гонивъ, и, другихъ за худое осуждая, самъ избѣжишь ли суда Божія?

Но мы, смиренные христіане, съ священнымъ Павломъ удивляемся и сознаемъ, яко „буяя міра избра Богъ, да премудрѣя посрамитъ, и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая: и худородная міра и уничиженная избра Богъ, и не суцая, да суцая упразднить, яко да не

похвалится всяка плоть предъ Богомъ“. Слово же наше и проповѣдь наша состоитъ не въ спорливыхъ человѣческихъ мудрости словахъ, но „въ явленіи духа и силы, да вѣра наша не въ мудрости человѣчествѣй, но въ силѣ Божіей будетъ“ (1 Кор., 2, 4—5). Не могу я изъяснить Евангельскія истины превосходство лучше, какъ сими великаго Апостола словами

Еллины все испытывать предпринимали, и самыя тайныя стези совѣтовъ Божіихъ изслѣдовать покушались. И для того, послышавъ Павла о воскресеніи проповѣдующаго, смѣялись, и, чтобы Богъ въ воспріятой плоти за насъ умиралъ, не вѣрили.

Но мы плѣняемъ умъ свой въ послушаніе вѣры, „яко не испытаны суды Божіи, и не изслѣдованы путіе Его“. Не такъ, чтобы мы безъ всякаго основанія не знали, чему вѣрили, но слово Божіе подаетъ въ сердца наши твердое свидѣтельство Святаго Духа, Ему же внимаемъ, яко свѣтильнику, сіяющему въ темномъ мѣстѣ.

Еллины не хотѣли, чтобы въ принятой ими вѣрѣ кака-нибудь была переменна, и для того философы учили, чтобы вѣру содержать такъ, какъ содержать простой народъ, и въ призванной совѣстью истинѣ не открываться. Въ разсужденіи сего въ сенатѣ римскомъ опредѣлено было, чтобы никого вновь за Бога не признавать, кого высокій сенатъ римскій въ семь достоинствѣ не подтвердить. А какъ Иисусъ Христосъ безъ ихъ высокаго подтвержденія за Бога признаемъ былъ, да еще за Бога, предъ Которымъ всѣ прочіе боги были только идолы и ничто; то до самой внутренности симъ прободались, и такое ученіе ненавидѣли, гнали и называли безумнымъ. Ибо—какъ римляне думали о себѣ, что они превосходиѣ всѣхъ во вселенной людей, такъ думали и о богахъ своихъ, что они превосходиѣ всѣхъ боговъ; и какъ побѣдили іудеевъ, то думали, что вмѣстѣ полонили и Іудейскаго Бога, и разсуждали, что ежели царствовать Іудейскому Богу, то надобно опровергнуть основаніе имперіи, и вознавидѣть побѣды и силу римскаго народа.

Но мы не только покоряемся зовущему Богу, но и усерднымъ духомъ благодаримъ Ему, что Онъ благоволилъ насъ призвать изъ тмы въ чудный Свой свѣтъ. Признаемъ мы свои недостатки, и въ истинѣ лицемѣрить не хотимъ.

Еллины страшились тѣснаго пути христіанской жизни. Евангеліе объявляло, что всѣ люди предъ Богомъ повинны и страстями мертвы, и учило, что во время гоненія за истину (а истина мало когда бываетъ безъ гоненія), вмѣсто всѣхъ утѣхъ, забавъ, увеселеній, вмѣсто всѣхъ прибытковъ надобно приниматься за крестъ, суровую жизнь, предуготовить себя на поношенія и гоненія. О, боги безсмертныя! кричали язычники, о, гремящій Юпитеръ и веселый Бахусъ, и ты, забавная

Венера! возможно ли, чтобы мы оставили васъ, и приняли ученіе, которое столь оказываетъ насъ, и столь жестокою проповѣдуетъ жизнь?— Нѣтъ, сіе противно нашему разсужденію, и нашимъ склонностямъ, а напротивъ, что-то будетъ по смерти, намъ не извѣстно. Такъ кричали суетные язычники.

Но истинные христіане вопіють: мы „есмы яко овцы закаленія; всѣмъ поправіе доселѣ. Все побѣждаемъ ради Возлюбившаго ны“. „Многими бо скорбями подобаетъ намъ внити въ царство небесное“.

Итакъ, видѣли мы причины соблазна іудейскаго и смѣха языческаго,—видѣли, какъ іудеи о камень въ рвы разбились, и какъ язычники осуетились помышленіями своими, и „омрачися неразумное ихъ сердце“. А мы, съ благоговѣніемъ гзирая въ высокое смерти Христовой таинство, съ Павломъ вопіемъ: „о, глубина богатства и премудрости и разума Божія! Слово крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть“. Мы почитаемъ Твои, Христе, страсти, лобызаемъ Твои раны, поклоняемся благоутробію Твоему. Хотя іудеи о Тебѣ и соблазняется, но Ты мнѣ—Богъ, и не стыжуся; хотя еллины и смѣются, но я не срамяюся; крестомъ Твоимъ хвалюся: смерть бо Твоя животъ мнѣ. Аминь.

Слово въ недѣлю Разслабленнаго *).

„Ей, Господи, человекъ не имамъ“.

(Іоанн., гл. 5, ст. 7).

О горькаго несчастія! Быть въ бѣдѣ, и не имѣть утѣшенія; быть въ заключеніи, и не имѣть отрады; быть въ болѣзни, и не надѣяться помощи. Одно рождаетъ печаль, другое приводитъ въ отчаяніе; одно наноситъ рану, другое дѣлаетъ ее смертоносною. Не знаю, чему здѣсь больше удивляться надобно, жестокости ли мученія, или терпѣнію мучимаго. Въ такомъ состояніи бѣдный находился расслабленный. Лежитъ несчастливый сей при спасительной купели чрезъ тридцать, какъ надобно думать, и осмь лѣтъ; лежитъ же, всѣ свои уды имѣя недугомъ расслабленія связанные, всего дѣйствія лишены; живой мертвецъ, которому собственное тѣло сдѣлалось гробомъ; и сжели что его оживляло, то была одна надежда, которую онъ на знаемыхъ, на пріятелей и на сродниковъ полагалъ, что отъ нихъ съ своего прилѣпившагося къ нему одра снять будетъ, и брошенъ въ воду, Ангеломъ чудесно возмущаемую. Жди, бѣдный расслабленный! не безъ того, чтобы

*) Сказано въ присутствіи Ея Величества въ придворной церкви 1764 г. мая 2 дня.

у тебя не было прежде пріятелей; такъ сію малую услугу въ такомъ печальномъ состояніи откажутъ ли? въ самое короткое время твои разслабленные члены поднять и бросить въ воду, за трудъ себѣ потчутъ ли? Но, „лживи сынове челоувѣчестин!“ Прошелъ годъ, прошелъ другой, прошелъ третій, прошло тридцать и осмь лѣтъ; но никто не могъ сыскаться, который бы ему хотя не по пріятству, такъ по челоувѣчеству сіе благодѣяніе оказалъ. И для того разслабленный нашъ изъ разслабленія тѣлеснаго впалъ уже, чрезъ отнятіе надежды, въ разслабленіе душевное, началъ воздыхать, стелать, вопить и жалобными сими словами наполнять воздухъ весъ: „челоувѣка не имамъ, челоувѣка не имамъ“. Да и правда, что уже ему нечего осталось ожидать отъ челоувѣкъ, ежели бы Богочелоувѣкъ Господь Иисусъ, Который пришелъ спасти погибшаго, и „болѣзни наши на Себѣ понесъ“ (Ис., 53, 4), не умилосердился надъ нимъ.

Такъ здѣсь-то ясно оказалась суетность надежды, полагаемой на челоувѣка, и твердость надежды, полагаемой на Бога; здѣсь-то открылось, сколько далеко между собою разстоятъ сіи два пункта: „надѣяться на челоувѣка, и надѣяться на Бога“. По приличію убо кажется сказать теперь, что *надежда, полагаемая на челоувѣка, есть обманчива или, по крайней мѣрѣ, сомнительна, развъ токмо на единого Бога*. Ты же, Душе Святой, отверзи моя уста и, когда слова мои будутъ ударять слушателей ушеса, тогда Ты удариай Своимъ дѣйствіемъ ихъ сердца!

Сладка сама по себѣ надежда, но презрѣльно огорчаетъ, когда противное чаянію нашему представляетъ. Такого рода есть надежда, положенная на челоувѣка, а почему она столь слаба и опасна, то откроютъ намъ слѣдующія причины.

Во-первыхъ, извѣстно, сколь люди непостоянны и въ мысляхъ своихъ переменны. Чего нынѣ хотятъ, того завтра отвращаются,—чего нынѣ отвращаются, того завтра съ великимъ ищутъ желаніемъ. Обѣщаютъ намъ златыя горы, а дѣломъ-то исполнять лѣнятся, великолѣпными своими обѣщаніями столь нашъ умащаютъ слухъ, что уже мы себя заблаговременно въ числѣ блаженныхъ считаемъ, но какъ до дѣла дойдемъ, со стыдомъ обманываемся. Бѣдный челоувѣкъ по симъ блистательнымъ увѣреніямъ прибѣгаетъ къ нимъ, какъ къ священному якорю, и прежнюю ихъ ласкою ищетъ пользоваться, но они холодный къ нему обращаютъ видъ. Пропала надежда, исчезли обѣщанія! И я, думаю, Давидъ въ разсужденіи сихъ обстоятельствъ возопилъ, что „всякъ челоувѣкъ ложъ“. А съ нимъ согласуясь, и великій Павелъ сказалъ, что „бѣды не токмо въ мори, но и во ажебрагѣ“, то есть, въ тѣхъ, которые, будучи нашими врагами, честнымъ братства именемъ прикрываются. Но что болѣе? Спаситель нашъ и самую на

сродниковъ полагаемую надежду объявляетъ быть опасною: „врази де чловѣку домашніи его“ (Мате., 10, 36). Такъ куда же намъ прибѣгнуть? на кого твердо положиться? нѣтъ никого. Почему всякій изъ насъ съ разслабленнымъ можетъ сказать: „чловѣка не имамъ, чловѣка не имамъ“.

Но пойдѣмъ мы далѣе и посмотримъ, какія-бъ были причины толкаго въ людяхъ непостоянства. Извѣстно, сколь многіе на собственные свои прибыли надки и алчны, и пользу свою предпочитаютъ всякой другихъ пользѣ. Они въ самой дружбѣ и общаніяхъ смотрятъ прилежно, есть ли имъ какая изъ того польза, чего когда не усматриваютъ, выдаютъ дружбу и общанія свои исполнять почитаютъ за бесполезное. Когда мы счастьемъ процвѣтаемъ, много кругъ себя пріятелей считаемъ; а какъ цвѣты нашего счастья опадутъ, то и други наши всѣ вдругъ пропадутъ. Всякъ знаетъ, что наипаче недостатки наши принуждаютъ насъ надѣяться на другихъ, и что ни есть отъ нихъ ожидать; но вотъ видимъ, что люди не очень охотно подъ покровъ надежды своєї насъ тогда принимаютъ, когда усматриваютъ скудость нашу и недостатки. Такіе люди хитры, они охотно въ море льютъ воду, то есть, охотно общаются тѣмъ, да можетъ и исполняютъ, которые всякимъ довольствомъ изобилуютъ, но чающе равное или еще и большее воспріять, а гдѣ чловѣкъ отъ скудости иссыхаетъ, тамъ ни капли милосердія своего не хотятъ пролить.

Такъ теперь, слушатели, положимъ, что мы-то—тѣ скудные и недостаточные, которымъ нужда велитъ въ другихъ помощи искать и на другихъ надѣяться. Прибѣгаемъ мы къ нимъ и умоленно просимъ о заступленіи. Что же они тутъ съ нами дѣлаютъ?—первѣе всего кругомъ насъ осматриваютъ, есть ли въ насъ имъ польза, богаты ли мы, высокою ли честію почтены мы. Мы клянемся, что въ насъ того ничего нѣтъ, иначе, ежели бы мы то имѣли, не было бы нужды прибѣгать къ вамъ. Но когда сіе услышатъ, нечаянно яко облакъ пропадаютъ, и нивжѣ милостиваго взгляда удостоиваютъ. Гдѣ же намъ искать чловѣка, на котораго бы надежда наша была тверда и неподвижна?—нигдѣ. „Чловѣка не имамъ“.

Апостолы, какъ еще онымъ великодушіемъ, которое чрезъ сошедшаго Святаго Духа получили, не утверждены были, бывши со Христомъ на горѣ Фаворстѣй и видѣвши Его небесною осіянна славою, сказывали: „Добро намъ здѣ быти“, а послѣ и чашу страданія съ Нимъ вмѣстѣ пить и никогда Его не оставитъ общались. А какъ повѣяла съ горы Голгофской смерти Христовой буря, то никто съ Нимъ не остался, но всѣ разсѣялись. Да и нашъ несчастливый разслабленный не безъ того, чтобы, прежде своєї болѣзни, не имѣлъ какого ни

есть непріятели. но теперь, когда ищеть скорбящаго, да вѣтъ, и утѣшающаго, но не обрѣтаеть, — почему, жалуясь, говорить: „человѣка не имамъ“.

Правда, что люди, пользу свою наблюдая, нашу надежду дѣлають тщетною, но часто же случается, что и не могутъ намъ того подать, чего бы мы отъ нихъ ожидали. Причина тому есть, что сами люди разнымъ переменамъ и несчастіямъ подлежатъ. Многіе съ престоловъ преселились на гноища, многіе, которыхъ слава по всему свѣту гремяла, въ плачевное пришли состояніе. Давидъ Святой многихъ видѣлъ, „превозносящихся и высшихся яко кедръ Ливанскія: и мимо иде, и се, не бѣша: взыскалъ ихъ, и не обрѣтесе мѣсто ихъ“. О, суетнаго человѣковъ упованія и предпріятія незвѣстнаго! Чрезъ которыхъ думали обогатиться, тѣ сами обнищали; чрезъ которыхъ надѣялись вознестись, тѣ сами съ высоты своей упали; отъ которыхъ помощи просили, тѣ сами оной отъ другихъ теперь ожидаютъ. Такъ въ такихъ случаяхъ не научаетъ ли насъ разслабленный сію жалобную пѣснь повторять: „человѣка не имамъ, человѣка не имамъ?“

Но хотя бы люди и подлинно были къ намъ безъ лицемѣрія всякаго искренны, хотя бы и могли все то намъ подать, чего бы мы отъ нихъ ни ожидали, но всю сію нашу на нихъ надежду неотмѣнно смерть пресѣчетъ. Смерть—последняя мета всѣхъ нашихъ замысловъ, смерть—конечная граница, чрезъ которую ни собственныя человѣческія желанія, ни наши на нихъ надѣянія болѣе не переходять. „Не надѣйтесь на князи, на сыны человѣческія“,—глаголетъ Духъ Святой устами Давидовыми,—„въ нихъ же нѣсть спасенія. Изыдетъ духъ его, и возвратится въ землю свою: въ той день погибнуть вся помышленія его“ (Псал., 145, 3—4). Одною косою и однимъ взмахомъ смерть подсекаетъ и жизнь человѣка, и мое на него положенное упованіе. И такъ того, на кого наша надежда была, смерть отъ насъ взяла, восхитила, скрыла; а мы, бѣдные, остались надеждою обмануты и посмѣяны на подобіе корабля, который, по вольной плавая водѣ, вдругъ по стеченіи водъ остался бы на сушѣ, или на подобіе цвѣта, который, по захожденіи солнца его согрѣвающего, нечаянно увялъ бы.

Посему суетны вы, сынове человѣчестія! мы на васъ, какъ на нѣкихъ боговъ, надѣялись; „а вы яко человѣцы умираете, и яко единъ отъ князей падаете“. Мы на васъ, какъ на твердыхъ столповъ, опирались; а вы, какъ слабыя трости, сокрушаетесь. Гдѣ же теперь—тотъ человѣкъ, на котораго была надежда наша? Ахъ, нѣтъ! его смерть отъ насъ на вѣки похитила, такъ пускай же всякъ изъ насъ скажетъ: „человѣка не имамъ“.

Но чтобы не остаться намъ вовсе въ отчаяніи, на кого надежду

положимъ, слушатели, и къ кому безопасно прибѣгнемъ? развѣ токмо къ Тебѣ, о, Боже, крѣпосте наша и хвала Израилева! „На Тя уповаша отцы наши, уповаша: и избавилъ еси ихъ: къ Тебѣ воззваша, и спасошася: на Тя уповаша, и не постыдѣшася“ (Псал., 21, 5—6). Богъ единъ есть несумнительная надежда человѣческая. „Не имамы человѣка“, да имѣемъ Бога. „Предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся“. Онъ въ обѣщаніяхъ Своихъ твердъ и постояненъ, Онъ есть милосердъ: „яко же бо щедрить отецъ сыны, ущедри Господь боящихся Его“; а со всѣмъ тѣмъ Онъ есть безсмертенъ, Его жизнь не пресѣкается, убо и насъ надежда на Него никогда не посрамить, убо Онъ будетъ надежда и по смерти нашей: „аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы“. О, надежда наша непостыдная! мѣръ Тебя не разумѣть, и для того патроновъ ищеть, обходить Тебя, Источника воды живой, и надѣется жажду свою утолить изъ ямни, не имущихъ воды.

Охозія, Израильскій Царь, разболѣвшись жестоко, послалъ спросить у своего идола Ваала, что имѣеть ли онъ надежду освободиться отъ болѣзни? Попался навстрѣчу симъ посланникамъ ревности исполненный Плія, остановилъ ихъ и спросилъ: „или нѣсть Бога во Израили, яко грядете вопрошати Ваала, сквернаго бога во Аккаронѣ“ (4 Цар., 1, 3)? Симъ же вопросомъ должно останавливать всѣхъ тѣхъ, кои, мнивавъ Бога, въ суетныхъ вещахъ хотять свое полагать упованіе. Человѣче! или нѣсть Бога во Израили, что ты на смертнаго надѣшился, человѣче? или нѣсть Бога во Израили, что ты ввѣряешь себя тому, котораго и мысль непостоянна и сердце не извѣстно? „Благо есть надѣятися на Господа, нежели надѣятися на человѣка“. „Отъ стражи утреннія до нощи, отъ стражи утреннія да уповаеть Израиль на Господа“.

Правда, что печестивые нашей на Бога надеждѣ ругаются. Сіе поношеніе претерпѣлъ кроткій Давидъ, который надеждѣ своей молпляся такъ: „да не постыдятся о мнѣ терпящій Тебе, Господи, Господи силъ: ниже да посрамятся о мнѣ ищущій Тебе, Боже Израилевъ. Яко Тебе ради претерпѣхъ поношеніе“. „Вси видящій мя поругашася ми, глаголаша устнми, покиваша главою: упова на Господа, да избавить его, да спасеть его, яко хочеть его“ (Псал., 21, 8—9; 68, 7—8). То же пострадалъ и Павелъ, который къ Тимоею пишетъ такъ: „вѣрлю слово и всякаго пріятія достойно. На сіе бо и труждаемся и поноша-еми есмы“ (1 Тим., 4, 9—10). А за что?—„яко уповахомъ на Бога жива“. Но отъ сихъ поношеній поколебались ли сіи священныя столцы?—никакъ, они до смерти не преставали къ Богу вопить: „Ты еси исторгій мя изъ чрева, упованіе мое отъ сосцу матере моея, къ Тебѣ приверженъ есмь отъ олжеснѣ, отъ чрева матере моея Богъ мой еси Ты“ (Псал., 21, 10—11).

Пускай поношаютъ нечестивые, но и́ногда „Живый на небесѣхъ по-смѣется имъ, и Господь поругается имъ“, а „надбющися на Господа, яко гора Сионъ: не подвижутся во вѣкъ“. Аминь.

Слово въ день тезоименитства Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника, Цесаревича и Великаго князя Павла Петровича *).

„Дамъ тебѣ ключи царства небеснаго“.
(Матт., гл. 16, ст. 19).

Стоящимъ намъ въ храмѣ семъ милосердая Божія рука подѣетъ невидимо ключи, которыми могли бы себѣ отворить врата небесныя, и взойти въ храмъ вѣчнаго блаженства. Пбо нынѣшнее Евангеліе въ уши всякому изъ насъ велегласно вопіетъ: „дамъ тебѣ, дамъ тебѣ ключи царства небеснаго“. Знаемъ мы, что сіи слова къ твоему, божественный Петръ, лицу произнесъ Спаситель нашъ; но знаемъ и то, что ты принявъ сіи ключи, чтобы оныя вручить намъ, то есть, Церкви вѣрующей во Христа, Сына Бога живаго; знаемъ же и то, что ключей сихъ есть столько, сколько есть разныхъ единому Богу извѣстныхъ путей ко спасенію. Сей драгоценный даръ принявъ, сколько радоваться, столь и опасаться должно, чтобы мы, имѣя въ рукахъ ключи, не остались виѣ дверей царствія Христова, и не случилось бы намъ и́ногда напрасно вопить: „Господи, Господи! отверзи намъ“ (Лук., 13, 25). Мы теперь имѣемъ сѣянiя время; должна убо насъ ободрять надежда благословенныя жатвы; мы носимъ висящiе на рукахъ нашихъ ключи: имѣемъ убо данную намъ силу и власть отворять райскія двери. Но, чтобы съ большимъ успѣхомъ симъ вождельнѣйшимъ пользоваться дарованіемъ, рассмотримъ, что намъ *подъ именемъ ключей разумѣть надобно*. А Ты, Спасителю Христе, ключемъ благодати Твоя отвори наши сердца къ принятію спасительнаго слова Твоего.

Подъ именемъ ключей разумѣется власть вязать и рѣшить. И хотя собственно, по разуму Евангелiя, властію сею почтилъ Иисусъ Христосъ Церковь Свою, однако, понеже „и́сть власть, аще не отъ Бога“ (Римл., 13, 1), и всякая власть и́которымъ образомъ должна вязать и рѣшить; слѣдовательно, всякую власть *подъ именемъ ключей разумѣть не противно Евангелію*. А отсюда открывается

*) Сказано въ Царскомъ Селѣ, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества, 1764 г., іюня, 29-го дня.

явственно, что всё властелины предъ Богомъ суть только строители и эконоы, носящіе въ рукахъ своихъ ключи, чтобы отворять и затворять то, что имъ повелѣно, и во всемъ поступать по предписанному правилу; а единъ Богъ есть полный властелинъ всѣхъ вещей и верховный правитель всѣхъ дѣлъ. Предъ Нимъ падаетъ всякая высота человѣческая, и затмевается всякое блистаніе славы. Ему одному вся тварь вопіеть: „благословеніе и слава, премудрость и хвала; и честь, и сила и крѣпость Богу нашему во вѣки вѣковъ“ (Апок., 7, 12). „Слышите убо, царіе, и разумѣйте, судіи концевъ земли: внушите содержащія множества и гордящіяся о народѣхъ языкъ: яко дана есть отъ Господа держава вамъ и сила отъ Вышняго“ (Прем., 6, 1—3). Предъ Нимъ не тотъ—великъ, кто наружнимъ всѣхъ удивляетъ сіяніемъ, но кто порученную себѣ отъ Него должность исправляетъ вѣрно; опять не тотъ—малъ, кто не великія имѣетъ дарованія, но кто, великія получивъ, малые или никакихъ не приноситъ плодовъ. Не въ томъ—сила, какой кто получилъ ключъ, золотой или желѣзной; но въ томъ, чтобы знать, какъ его употреблять. Почему хотя разныя—должности, власти, чины, званія, правительства; однако, всѣми оными стезями до единого доходимъ пути: разными ключами, но единый отворяется благополучія храмъ. Но не въ пространствѣ слова разсмотримъ, кому именно вручены сіи ключи.

Во-первыхъ, ключи сіи вручалъ Исусъ Христосъ Церкви Своей, а особенно, вѣрнымъ Церкви Своея служителямъ и мудрымъ строителямъ священнаго дома Своего, яко драгоценный залогъ любви Своея: „ключъ вязать, и ключъ рѣшить или развязать“. Гдѣ человѣческое свѣршиваетъ упрямство и ожесточеніе, потребенъ ключъ вязанія; а чтобы сокрушаемому сердцу подать отраду, потребенъ ключъ рѣшенія. Ключъ рѣшенія употребляетъ Церковь, когда даетъ право къ полученію вѣчнаго живота: даетъ право, когда насъ отраждаетъ крещеніемъ, питаетъ Божиимъ словомъ, укрѣпляетъ тайнами, возвращаетъ благодатію; а чрезъ то дѣлаетъ насъ членами таинственнаго тѣла, то есть, преславнаго христіанскаго общества. Но великія потребны дарованія, чтобы умѣть употреблять ключъ сей. Для сего надобно дарованіе вѣрности Петровой, мудрости Павловой,—вѣрности, чтобы имѣть духъ, горящій ревностію ко спасенію душъ человѣческихъ; а мудрости, чтобы наблюдать всѣ случаи и употреблять всѣ способы для приобрѣтенія другаго. Безъ сихъ дарованій пастырь есть наемникъ, и служитель-предатель; и о таковыхъ-то говорить Евангеліе, что они сами въ царство небесное не входятъ, и другихъ не вводятъ: „Горе вамъ законникамъ, яко взяте ключъ разумѣнія: сами не видосте и входящимъ возбраняете“ (Лук., 11, 52).

Въ примѣръ мудрыхъ и вѣрныхъ Божіихъ строителей, предстоятъ

намъ нынѣ празднуемые Апостолы, божественный Петръ и священный Павелъ. Они, принявъ златый рѣшенія ключъ, онымъ отворили себѣ путь въ отдаленнѣйшія страны, царства, грады, и самыя ожесточенныя отворили сердца. Востокъ принялъ ихъ дверьми славы; западъ оглашень ихъ проповѣдію; сѣверъ и югъ обтекли ихъ красныя ноги. Уступило имъ могущество непобѣдимыхъ владѣтелей; скрылись предъ ними суетныя человѣческія мудрости хитрости, и всѣ роды мученій ихъ терпѣніемъ побѣждены были. Почему по справедливости могли они своему Пастыреначальнику говорить: „Христе! данными намъ отъ благодати Твоея ключами жестока отворили мы сердца; а тѣмъ самымъ отворили въ оныя входъ Тебѣ, отворили же и имъ входъ въ блаженное царство Твое“. Сей есть ключъ рѣшенія.

Но есть и ключъ вязанія, когда отъемзется право къ получению живота вѣчнаго, и неисправный христіанинъ, яко гвиллой членъ, отъ общества христіанскаго отсѣкается. „Елика бо аще свяжете на земли“, — сказалъ Христосъ служителямъ Своимъ, — „будутъ связана на небеси“ (Матѣ., 18, 18). О, страшный ключъ! погрозилъ было Спаситель симъ ключемъ апостолу Петру, не попустившему свои омыть ноги, когда сказалъ: „не имаша части со Мною“, тогда съ великимъ смущеніемъ Петръ возопилъ: „не ноги токмо, Господи“, но и всего меня, „и руки и главу“ (Іоани., 13, 8). Только же служители Христовы въ дѣлѣ семъ съ великою должны поступать осторожностію: „ладе бо Господь власть сію на созданіе, а не на разореніе“ (2 Коринѣ., 10, 8). Сіи духовные ключари должны больше дѣйствовать ключемъ рѣшенія, нежели ключемъ вязанія, и не тотчасъ громомъ анаемы ударять, но съ терпѣніемъ ожидать другихъ обращенія, и снисходить къ немощи души кающейся, опасаясь, чтобы не пало на нихъ оное слово: „не вѣста, когдо духа еста вы“ (Лук., 9, 55).

Кромѣ сихъ ключей церковныхъ, верховный Владыка твари вручилъ ключи Свои и великимъ государямъ, помазанникамъ Своимъ, ключъ вязанія и ключъ рѣшенія. Ключемъ рѣшенія отверзаютъ они подданнымъ своимъ благополучія храмъ, и правительства своего трудами приобрѣтаютъ намъ вождѣлнннй покой, когда нужды всѣхъ объемлютъ въ единой своей главѣ, и ко всякаго требованіямъ снисходятъ милостиво, а чрезъ то свое государство дѣлаютъ подобнымъ оному, Навуходносоромъ видѣнному, древу, котораго подъ приятною тѣнію всѣ покоятся, всѣ радуются, и яко птенцы подъ крылами матерними любезно опочиваютъ. Златый, воистинну, ключъ, котораго дѣйствіемъ толика обрѣтаемъ мы сокровища! Имѣютъ же они и ключъ вязанія, который ключъ Павелъ называетъ мечемъ: „не бо безъ ума“, говорить, „мечъ носятъ“ (Римл., 13, 4). Симъ мечемъ отсѣкаются гни-

лые члены отъ здраваго общества тѣла, и симъ ключемъ связывается своевольство развращенныхъ правовъ. „Хощеши ли не бояться власти?“ — вопрошаетъ Апостолъ, — „благое твори, и имѣти будеши похвалу отъ него. Аще ли злое твориши, бойся“ (Римл., 13, 3). Можно сказать, что государямъ Богъ вручилъ не токмо ключи царства земнаго, но и царства небеснаго: ибо государи, какъ о спокойномъ врученныхъ себѣ пребываніи, такъ не меньше и о вѣчномъ ихъ спасеніи попеченіе имѣть должны. Они своимъ высокимъ примѣромъ вдыхаютъ во всемъ любовь къ благочестію, снабжаютъ церковь достойными пастырями, распоряжаются и щедро содержатъ училища къ просвѣщенію всѣхъ познаніемъ спасительныя истины, и тѣмъ отворяютъ намъ дверь къ блаженству вѣчному.

Сии ключи, премудро всеуправляющая, Божія судьба вручила Благочестивѣйшей Государынѣ нашей, Самодержицѣ Всероссійской, которые принявъ Она въ Свои священныя руки, отверзаетъ намъ сокровища желанныхъ благъ, и, яко вѣрная Божія строительница, вся управляетъ тщательно, мудрость употребляя въ визаніи, но милосердную охоту въ рѣшеніи, и поя Ему съ Давидомъ „милость и судъ“ (Псал., 100, 1). Сии золотыя всея Россіи ключи да благословитъ верховный гвари Правитель, и не престань на насъ изливать древнія милости Твоя, Господи! Да будетъ предъ Тобою отечество наше священный храмъ, который запирается и отпирается Твоими небесными ключами.

Даль же Господь Богъ и всякому челоѣку ключи, ключъ вязать замога себя, и ключъ рѣшить: чрезъ сіе разумѣю я свободу челоѣческую. Естество души нашей одарено отъ Создателя безпринужденнымъ произволеніемъ избирать доброе и отвращаться зла. Когда, смущаемые страстями, предпочитаемъ мы худое доброму: тогда сами себя связываемъ; развязываемъ же самихъ себя, когда охотно плѣняемся красотой добродѣтели. Сему не противно то, что Божія благодать управляетъ волю нашу ко всякому добру: ибо самое дѣйствіе благодати требуетъ согласія воли нашей. „Аще хощете и послушаете Мене, благая земля снѣсте: аще же не хощете и не послушаете Мене, мечъ вы поястъ: уста бо Господня глаголаша сія“ (Ис., 1, 20). Почему имѣемъ ли мы нужду въ удаленныя идти страны, или много претерпѣвать трудовъ къ снисканію спасенія, когда ключи въ рукахъ нашихъ находятся? да не ключи токмо, но и „самое царство небесное внутри насъ есть“, по свидѣтельству вѣчной Истины (Лук., 17, 21).

Разсуждая о разныхъ ключахъ и о тѣхъ, кому они поручены, не слышимъ ли мы, что наипаче Тебѣ, пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ, дражайшій нашъ именинникъ, наипаче Тебѣ Божественный гласъ вопіетъ: „дамъ тебѣ ключи царства небеснаго“! О, даръ вожде-

лѣннѣйшій и достойный Твоихъ высокихъ дарованій! дамъ ключи, съ которыми, при руководительствѣ дражайшей Родительницы Твоей, Всевъгустѣйшей Монархини Нашей, взойдешь въ храмъ премудрости, и отверзешь сокровища ученій; дамъ ключи, которыми уготоваешь себѣ невозбранный входъ въ сердца всѣхъ; дамъ ключи, которыми откроешь неиспытанныя тайны Божіихъ судьбы; дамъ ключи, которыми во свое время отверзешь Россіи врата къ славѣ, чтобы пройти ей во вся концы земли, и будешь виновникъ безчисленныхъ благодѣяній. И сего не ложнаго Божія обѣщанія довольное видимъ на Вашемъ Императорскомъ Высочествѣ исполненіе. Мы веселимся зрѣніемъ высокихъ Вашихъ дарованій, лобызаемъ охоту, съ какою ученія принимать позволите, восхищаемся на благодаренія Богу, видя въ Вашемъ Высочествѣ горячесть къ вѣрѣ, скромность нравовъ, свободную учтивость, пристойное молчаніе, и разумомъ украшаемые разговоры. Видимъ мы все сіе съ радостью, но несумнительная надежда намъ большее обѣщаетъ.

Принявъ убо, Благовѣрный Государь, сіи отъ руки Божіей даемые Тебѣ ключи, яко твердый залогъ Его къ Тебѣ милости, воспой Господеви благодарственная, и моли благость Его, чтобы Онъ младые персты Твои научилъ къ ношенію ключей сихъ. А мы усердными своими желаніями будемъ поспѣшествовать священному подвигу Твоему, котораго благополучнымъ совершеніемъ да обрадуетъ всеблагій Господь Всепресвѣтѣйшую Самодержицу нашу и всѣхъ насъ. Аминь.

Слово въ недѣлю девятую по сошествіи Святаго Духа *).

„Держайте: Азъ есмь, не бойтесь“.

(Матѣ., гл. 14, ст. 27).

Хотя мы не находимся теперь въ такомъ страхѣ потопленія, въ какомъ,—по повѣствованію нижнѣшняго Евангелія,—были Апостолы, однако, подобная, но страшнѣйшая опасность всѣхъ насъ всегда сопрѣождаеть. Ибо въкъ сей есть нѣкій неизмѣримый океанъ; жизнь наша есть корабль, по безднѣ сей плавающій; волны суть напасти, вѣтры—искушенія, потопленіе—отчаяніе. Плаваніе сіе тѣмъ есть большей важности, что оно, ежели будетъ благополучно, приводитъ насъ къ блаженному вѣчности пристанищу; напротивъ, ежели несчастливо, въ неокончаемую опровергаетъ погибель. Христовы ученики, объаты будучи страхомъ потопленія, къ Тому, Который укрощаетъ море и усмиряетъ вѣтры, возопили: „Господи, спаси ны, погибаетъ“. Мы въ подобномъ бѣдствіи

* Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви, 1764 года, мѣсяца августа, 1 дня.

къ Его же всемогуществу прибѣгать должны и со слезами молить, дабы Онъ насъ, чрезъ воду напастей и огонь искушеній, благоволилъ ввести въ покой Свой. Но что именно жизнь нашу смущаетъ, и какую мы имѣемъ противъ того утѣшительную помощь,—о томъ изслѣдовать польза наша требуетъ. А Ты, препрославленный Боже, устами младенцевъ Твоихъ соверши хвалу Твою.

Не безъ основанія Апостоль Христовъ Іоаннъ написалъ, что „мѣръ сей во злѣ лежитъ“ (1 Іоанн., 5, 19). Что бо, по истинѣ, мѣръ сей есть, когда не груда печалей, которую мы, въ мѣрѣ живущіе люди, по малу разбираемъ? Молчаніемъ прохожу, откуда жизнь наша столь многими злыми стала быть обременена; довольно для настоящаго времени познать, что смущеніемъ и страхомъ наполняютъ насъ слѣдующія три причины: первое, „бѣды и напасти“; второе, „пороки и страсти“; третіе, „правосудіе Божіе“. Разсмотримъ всякое особь.

Жизнь свою человѣкъ начинаетъ отъ плача, а оканчивается она мучительнымъ разодраніемъ души отъ тѣла. Средина ея полна скукъ, печалей, напастей и всякихъ несчастій многоразличныхъ; и для того всякій день слышимъ мы человѣческими жалобами оглашаемый воздухъ. Одинъ жалуется на нищету, другой на жестокость своихъ непріятелей, третій на невѣрность своихъ пріятелей; иной съ мучительными борется болѣзнями, или отъ печальной расслабляетъ старости; другой неутѣшно плачетъ о смерти дѣтей или сродниковъ своихъ; сей скучаетъ, будучи отягощаемъ повседневыми трудами, которымъ скорого не предвидитъ конца, тотъ рыдаетъ, что кровавыми трудами снисканное имѣніе похитили воры, или истребилъ огонь, или потопила вода,—или, что и того жалостнѣе, неправедный похитилъ судія, да еще его же и на судъ обвинилъ. Къ умноженію несчастія часто случается, что мы печалимся и о томъ, о чемъ не надлежитъ, или, по крайней мѣрѣ, сокрушаемся больше, нежели чего то стоитъ. По истинѣ, самая человѣческія увеселенія съ скукою смѣшаны, самая радости слезами растворены. Не успѣетъ возсіять благополучія ведро, какъ тотчасъ и помрачается оно страшными облаками несчастія и напастей бурею. Лучше бы кажется желать не родиться, нежели на таковыя родиться бѣдствія, или и родившись скоро смертнымъ мракомъ покрыту быть, нежели столь страдательную влечь жизнь.

Но да умолютъ уже человѣческія жалобы. Имѣя премудраго Создателя и благоутробнаго небеснаго Отца, можемъ ли мы подумать, чтобы Онъ въ самое то время, когда держитъ въ рукахъ Своихъ чашу правосудія, не растворялъ оную милосердіемъ? можемъ ли подумать, чтобы Онъ несчастіямъ быть попускалъ къ вѣчной нашей гибели, не имѣя притомъ благаго о пользѣ нашей намѣренія? Я не испы-

тываю, да и испытать не могу всёхъ тѣхъ причинъ, для которыхъ премудрость Божія попускаетъ намъ въ нѣкоторыя впадать злоключенія; но совсѣмъ тѣмъ не солнителенъ, „яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое“ (Римл., 8, 28). Премудрый Божій промыслъ бѣдствіями часто насъ руководствуетъ къ добродѣтели; посылаемыми несчастіями Господь понижаетъ нашу гордость, уменьшаетъ самолюбіе, пресѣкаетъ прихоти, не допускаетъ до душевнаго расслабленія; а притомъ, что иначе, убѣдительно увѣряетъ насъ, чтобы мы не на земли, но на небеси искали истиннаго своего блаженства.

Почему хотя мы сами себя въ бѣды ввергать не должны, однако, оныя, отъ руки Божіей посылаемыя, должны терпѣть съ великодушіемъ. Нельзя, чтобы въ напастяхъ ни мало не скорбѣть: ибо—человѣки мы, но надобно же, чтобы и самая печаль растворена была чувствованіемъ благія надежды, ибо не безъ Бога—мы. „Вечеръ водворится плачь, и завтра радость“. „Сбющія слезами, радостію пожнуть“ (Псал., 29, 6; Псал., 1 25, 5).

Не слышимъ ли мы, что постоянно хранящій насъ Господь къ ободренію нашему говоритъ: „Держайте, не бойтесь“!? Волненіе да не утрашаетъ: ибо Я Самъ—вашего корабля правитель, почему хотя волны напастей къ нему приразиться могутъ, но опровергнуть не могутъ; могутъ приразиться, чтобы вѣра ваша была откровениѣе и извѣстиѣе терпѣніе,—но не могутъ опровергнуть: „сія бо есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша“ (1 Іоани., 5, 4). Такъ сколько же тѣ бѣдны, которые самопроизвольно себя ослѣпляя, неувѣренными пребываютъ, что Вышній о всемъ промышляетъ и всё приключенія къ надлежащимъ управляетъ концамъ! Они остаются безъ утѣшенія, они впадаютъ въ отчаяніе; почему удивительно ли, что такой людей родъ въ счастьи неумѣренъ, а въ несчастіи малодушенъ? ропщутъ, унываютъ, а иногда сами на себя налагаютъ убійственныя руки, и тѣмъ бѣднѣй свой животъ оканчиваютъ. Но рассмотримъ еще другую причину смущенія нашего.

Смущаютъ еще духъ нашъ и утомляютъ страсти и пороки. Я говорю о той внутренней войнѣ, которую мы сами въ себѣ чувствуемъ. Гдѣ „духъ возстаеъ на плоть, и плоть на духъ“ (Римл., 8, 5—8), то есть, склонности плотскія востають на разумъ и противъ его совѣта устремляются. Духъ возводитъ къ горнему; но плоть низвлекаетъ къ землѣ, тотъ увлечаетъ красотою духовныхъ неизблемыхъ вещей; сія прельщаетъ наружными пріятностями тлѣнныхъ красотъ, тотъ отвораеъ дорогу къ добродѣтели, но постилаетъ ее терніями; сія пространній къ порокамъ отвораеъ путь, но цвѣтами оной устилаетъ. Ахъ! въ какой я тѣснотѣ нахожусь. Себя самого на двѣ части раздираемаго чувствую. Понимаю я самъ въ себѣ, что безопаснѣе послѣдовать руко-

водству разума и, какъ возможно выше, вещества возносятся; но опять самъ въ себѣ нахожу нѣчто такое, которое добрыя расположенія мыслей моихъ разрушаетъ. „Соуслаждаюся закону Божию“, да съ Павломъ скажу, „по внутреннему человѣку: вижу же нитъ законъ во удѣхъ моихъ, противуяющъ закону ума моего“ (Римл., 7, 22, 23). Духомъ моимъ непорочное житіе лобызая; но нѣчто тираническое въ себѣ нахожу, что доброе мое желаніе въ теченіи своемъ останавливаетъ. „Еже бо хотѣти прилежити ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю“,— Апостоль говоритъ, и для того онъ же сей жалобный испускаетъ гласъ: „окаяненъ азъ человѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего“, то есть, отъ тѣла смертнаго сего? Такое состояніе не есть ли подобно нынѣшнимъ Евангеліемъ описанному волненію, въ которомъ былъ корабль Апостольскій, опровергаемый и сокрушаемый бурей?

Но какое же было бы противъ сей лютой заразы врачество? Или мы Божиими судьбами оставлены такъ всегда мучиться, безъ великой надежды Его помощи? Справедливо понимающему пространство Божіей премудрости и величество Его благодати—такая мысль невмѣстительна. Въ самомъ семъ подвигѣ мы чувствительно осязаемъ крѣпкую Господню, подкрѣпляющую насъ, руку. Подкрѣпляетъ Онъ, когда показываетъ красоту добродѣтели и любезность, а отводитъ отъ порока, открывая вредъ его и гнусность,—представляетъ примѣры тѣхъ, которые, разуму послѣдуя, снокойствомъ совѣсти наслаждаются; и тѣхъ, которые, поработивъ себя страстямъ, бесполезнымъ мучатся раскаяніемъ,—увѣряетъ словомъ Своимъ, что добродѣтельные люди чрезъ всю вѣчность въ блаженномъ съ Богомъ будутъ соединеніи, а пороками плѣненные нескончаемымъ несчастіемъ накажутся. Но кромѣ сего,—о, сколь сильное благодати Божіей есть дѣйствіе внутри сердца нашего производимое! она оглашаетъ его своимъ неизглаголанымъ воплемъ, вливаетъ въ него благочестивыя склонности и къ будущей жизни желанія свои устремлять его управляетъ. Божіей благодати есть оный вождельный гласъ: „отъиму отъ васъ сердце каменное, и дамъ вамъ сердце плотное: дамъ законы Моя въ мысли ваши, и на сердцахъ вашихъ напишу ихъ“ (Евр., 8, 10). Надобно быть каменной душѣ, которая бы симъ дѣйствіемъ не подвижена была, и при такой Божественной помощи не усмиряла бы своихъ противныхъ склонностей. Не усмиряла бы, говорю, ибо совершенное пороковъ и страстей истребленіе будущей жизни предоставлено, когда Церковь Христова предстанетъ своему Жениху во всей славѣ своей, „не имущи скверны, или порока, или нѣчто отъ таковыхъ“ (Ефес., 5, 27). Но напослѣдокъ примемъ въ разсужденіе и третью причину боязни нашей.

Когда воображаемъ правосудіе Божіе и предъ нимъ поставляемъ

самихъ себя, иельзя, чтобы отъ страха не вострепетать духъ нашъ. Мы находимъ самихъ себя повсечасными преступниками вѣчнаго закона Его; а на преступниковъ гремитъ законъ проклятіемъ: „проклятъ всякъ, иже не пребудеть во всѣхъ писанныхъ въ книгѣ закона“ (Галат., 3, 10). „Правда Твоя, Господи, правда во вѣкъ, и слово Твое истина“ (Псал., 118, 142). Прежде, нежели судъ Божій осуждаетъ меня, осуждаюсь я отъ совѣсти своей. Ослѣвленъ есть, кто сей своей не усматриваетъ бѣдности; и ожесточенъ, кто не исповѣдуется, что „Богъ отмщениій Господь, Богъ отмщениій есть безъ лицепріятія всякаго“ (Псал., 93, 1).

Но Богъ, де, есть милосердъ и бездна благи непсчерпаемая. Нѣтъ несомнѣтельнаго, какъ то, что Богъ есть самое милосердіе. Но милосердіе Его всегда управляемо есть премудростію, а съ премудростію Божіею безконечною можетъ ли быть вмѣстимо—праведника и нечестиваго почитать за одно,—такъ любить беззаконника, какъ и добродѣтельнаго,—равно того и другаго блаженства Своего дѣлать участникомъ? Подлинно, Богъ милосердъ есть: „никто не можетъ доказать милосердія Его, не доказавъ напередъ правосудія Его“. Ибо ежели кто покажетъ, что человекъ самопроизвольный есть закона Божія преступникъ, и праведно Божіимъ судомъ наказанъ быть долженъ; и, однако, со всѣмъ тѣмъ, увѣрить, что Богъ всё его прикрылъ беззаконія, вину оставилъ, наказаніе отпустилъ, и отеческою объялъ его любовью: то чрезъ сіе-то ясно откроется бездна благи и непостижимое величество милосердія Бога нашего.

Страшитъ насъ правосудіе Божіе. Но подъ какимъ щитомъ отъ ярости его скроемся? — подлинно, слабая мысль наша способна къ тому не изобрѣтаетъ. Но премудрость Божія не оскудѣваетъ: множество грѣховъ нашихъ противъ насъ вопіетъ, но „нѣсть грѣхъ побѣждающъ благоутробіе Божіе“. Выводитъ насъ Евангеліе изъ сего затрудненія: оно представляетъ дражайшія заслуги едиnorodнаго Сына Божія, Спасителя нашего, которыми удовлетворилъ Онъ правдѣ Божіей за наши грѣхи; оно проповѣдуетъ проліянную на крестѣ Искушительву кровь, которою погашенъ гнѣвъ величепрїятнаго Судии. Ищетъ правосудіе Божіе въ насъ нашихъ грѣховъ, но оныя пренесены на Ходатая нашего; ищетъ оно ихъ въ Ходатаѣ, но перенесены они на крестъ, и пригвождены къ нему. „О, глубина богатства и премудрости и разума Божія“ (Римл., 11, 33)! Познаю я себя быть плѣненна грѣхомъ, но вижу и способъ избавленія; устрашаетъ меня законъ казнями за преступленія мои, но Евангеліе успокоиваетъ и не заслужившаго ничего, но истинно вѣрующаго, благи наполняетъ надеждами. Мы слышимъ, какимъ Божественный Ходатай нашъ ободряетъ насъ утѣшеніемъ, —

слышимъ, какимъ радостнымъ призываетъ насъ къ Себѣ гласомъ. Онъ въ нынѣшнемъ Евангеліи говоритъ: „держайте, не бойтесь, Азъ есмь“. Я есмь Тотъ, Которой съ небесъ сошелъ и обнищалъ, чтобы вы обогатились Моимъ Божествомъ; Я есмь Тотъ, Который на крестѣ Свои простеръ руки, чтобы васъ, разсѣянныхъ, собрать вседино; Я есмь Тотъ, Котораго въ прободенномъ копіемъ ребрѣ отъ гнѣва Божія безопасное вамъ есть убѣжище. „Азъ есмь: держате, не бойтесь“.

Сіе разсужденіе показываетъ, сколь высока и любезна есть Евангельская вѣра. Чтобы отвѣсть отъ душевнаго расслабленія, она учитъ, что мы сами чрезъ себя достойны гнѣва Божія; а чтобы не ввергнуть въ отчаяніе, проповѣдуетъ миръ съ Богомъ, чрезъ Христа всходатайствованный. Другихъ законовъ послѣдователи лишены утѣшенія сего: не имѣютъ они, чѣмъ успокоить свою совѣсть, страхомъ гнѣва Божія трепещущую,—почему остаются отчуждены надежды житія Пзраилева.

И такъ видѣли мы, благословенные христіане причины смущенія нашего, но видѣли и ободрительное утѣшеніе; страшили насъ бѣды и напасти, но сей страхъ Божій разогналъ промысль. Смущали страсти и пороки, но ободрило насъ противъ того дѣйствіе благодати Господни. Ужасало насъ Божіе правосудіе, но успокоили безцѣнныя Христовы заслуги. Держайте убо, не бойтесь. Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества, Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго князя Павла Петровича *).

„Въ терпѣніи вашемъ стяжете души ваша“.
(Лук., гл. 21, ст. 19).

Хотя бы мы и не слышали ученія Евангельскаго, которымъ столь много похваляется терпѣніе, довольно отъ самыхъ дѣлъ тому научиться могли бы: ибо не успѣемъ произойти на свѣтъ сей, какъ и встрѣчаютъ насъ многоразличные труды, сопровождаемые добродѣтелию терпѣнія. Человѣкъ, впрочемъ, превосходиѣйшая тварь, созданная для вѣчнаго покоя, начало жизни своей имѣетъ началомъ скучной борьбы, которая чрезъ всю жизнь должна продолжаться. Много жалости нынѣшнему дню не приличной, рѣчь наша умножила бы, ежели говорить о терпѣніи, которое бываетъ правды ради, или по общему человѣческому предѣлу. Почему, оставивъ сіе, довольно принять въ рассу-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ придворной церкви, 1784 года, сентября 20 дня.

женіе одни труды, которые такъ привязаны къ жизни сей, что безъ помощи ихъ ничего мы получить не можемъ. Знаетъ всякъ, что для приобрѣтенія добродѣтели и познанія, также для довольства жизни, надобно много нести труда, много терпѣть нужды, потомъ обливать свое лицо, отрясти отъ очей пріятный сонъ и нѣжныя увеселенія перемѣнить на честныя упражненія.

И хотя сіе чувственнымъ нашимъ склонностямъ можетъ быть скучно, но увеселяетъ духъ нашъ. Сіи труды снискиваютъ покой, емъ потомъ наоявляется благорастущая добродѣтели вѣтвь, съ надеждою собранія изобильныхъ плодовъ. Того ради, *дабы мы съ трудахъ не ослабѣвали, но съ прилежаніемъ всякимъ упражнялись бы съ дѣлахъ своей должности*, — о томъ настоящую бесѣду имѣть почитаю за полезное. А Ты, терпѣнія нашего надежда, Боже, недостаточному слову подаждь силу Твою, и тѣмъ покажи, яко у Тебе „и нищія благоувѣствуютъ“ (Матѣ., 11, 5).

Всякъ бы, думаю, сказалъ, что мы жить начинаемъ тогда, когда рождаемся. Но справедливое разсужденіе, не отвергая сей, всѣмъ животнымъ общей, жизни, учить, что мы истинную жизнь начинаемъ тогда, когда самую душу оживляемъ добродѣтелию и внутреннюю ея силу не угашаемъ, возжигая всегдашнимъ честныхъ упражненій движеніемъ.

Когда рождаемся, тогда подлинно получаемъ жизнь, но какую? — жизнь слабую, члены немощные, защитить себя немогущіе, силы тѣлесныя и душевныя недѣйствительныя, жизнь истиннаго вещей различія не имѣющую. И се ли — человѣка, разумной твари, жизнь? не обща ли она и животнымъ всѣмъ, или еще въ нѣкоторыхъ и совершеннѣе?

Но когда возрастаемъ въ упражненіи добродѣтели и начинаемъ чрезъ труды снискивать свѣтъ познанія, тогда не токмо полученную жизнь сохраняемъ, но и приводимъ ее въ состояніе совершенства, пристойное человѣчеству. Тѣло безъ движенія, честными трудами возбуждаемаго, приходитъ въ расслабленіе и бываетъ подвержено мучительству болѣзней, ибо не текущая вода загниваетъ; а душа нѣкоторымъ образомъ лишается жизни своей, не имѣя пристойнаго питанія. Ибо не понимаемъ душу иначе, развѣ какъ существо непрестанно на добро движущееся, безъ чего она находится въ нѣкоторомъ состояніи смерти. И потому въ Евангеліи чадолюбивый отецъ, увидѣвъ сына, который въ безпутной праздности препровождалъ жизнь свою, сказалъ: „сей сынъ мой мертвъ бѣ, и оживе“ (Лук., 15, 24); и священный Павелъ о вдовицѣ, въ роскоши живущей, говорить, что она „жива умерла“ (1 Тим., 5, 6). Сходно съ симъ сдѣлалъ и оный старикъ, который, живъ семьдесятъ лѣтъ во всякомъ своевольномъ неводержаніи, семь токмо послѣднихъ лѣтъ препроводилъ въ исправленіи прежней жизни своей

почему, умирая, приказалъ надъ гробомъ своимъ положить слѣдующую надпись: „здѣсь лежитъ семидесятилѣтній старикъ, который жилъ токмо семь лѣтъ“. Вотъ, видимъ, что онъ дилъ, въ праздности изнуренные, не полагаетъ въ число жизни своей. Не въ томъ ли разумѣ, и ты, блаженный Давидъ, уподобляешь жизнь нашу суетѣ и сѣни? Ибо мы, впрочемъ, знаемъ, что добродѣтельнаго человѣка жизнь такими подобіями описать не можно; напротивъ, прилчествуетъ ему она похвала: „Скончався вмагъ, исполни лѣта долга“ (Премудр. Сол., 4, 13). По поступимъ далѣе.

Когда раждаемся, сіе есть благодѣяніе единаго Бога: ибо мы прежде бытія своего ничего у Бога заслужить не могли. „Кто бо прежде даде Ему, и воздастся Ему“?—вопсаетъ Апостоль (Римл., 11, 35). И для того сей же учитель разсуждаетъ, что ни единая тварь не можетъ сказать своему Творцу: „почто мя сотворилъ еси тако“ (Римл., 9, 20)?

Но чрезъ честныя упражненія и труды мы благодѣтельствуемъ Богу содѣйствуемъ. Ибо хотя то—самая правда, что Божій промыслъ во всѣ всѣхъ вещей дѣла входитъ, однако совсѣмъ тѣмъ не сомнительно, что какъ человѣкъ есть свободенъ, то самопроизвольно избираетъ дѣйствіе и безпринужденно стремится къ добродѣтели. А въ семъ не усматриваемъ ли мы благодѣяніе и премудрость Божию, что Онъ въ самыхъ Своихъ дарованіяхъ даетъ намъ мѣсто къ заслугѣ? Ибо что есть украшающая насъ свобода, что искра разума, когда не благодѣяніе милосердаго Бога? Да опять можемъ ли мы что нибудь и малѣйшее сдѣлать безъ вспомошествованія Его? Однако, совсѣмъ тѣмъ, наши дѣла почитаетъ Онъ такъ, какъ бы они единственно отъ насъ происходили, и какъ бы они же къ достойному награжденію Его обязывали. И по сей же причинѣ требуетъ Онъ, чтобы мы свои желанія и нужды Ему въ молитвахъ предлагали,—не для того, акибы не зналъ Богъ и прежде прошенія нуждъ нашихъ, но дабы мы оказали Ему свое усердіе, безпринужденный произволенія нашего плодъ, и тѣмъ желанія свои какъ бы за нѣкоторыя заслуги получили. О, благодѣяніе премудраго Бога! самое Свое милосердіе почитаетъ справедливымъ награжденіемъ ко утѣшенію и ободренію нашему, дабы мы Его дарованія употребляли въ свою пользу. Какія же дарованія?

Когда раждаемся, тогда получаемъ отъ Бога сѣмена добродѣтели и пристойныя способности, которыми Богъ какъ бы напутствуетъ насъ, входящихъ въ міръ сей. Ибо по естеству своему несемъ мы желаніемъ къ добру, и чувствуемъ въ себѣ нѣкую искру, требующую, чтобы она возжена была большимъ познанія пламенемъ. Мы не спокойны, пока сія естественная склонность не будетъ удовольствована. И потому человѣкъ, работающій порокамъ, или не имѣющій просвѣщенія, какъ бы

сквозь нѣкоторое густое облако усматривая лучъ истины, смущается, и другимъ, сихъ недостатковъ не имѣющимъ, завидуетъ. А сіе покаявается, что мы естественно ко всякому расположены добру.

Но что же требуется, чтобы сіи спасительныя сѣмена въ насъ произрасли и благословенный принесли плодъ?—требуется трудъ и прилежаніе. Силь средствомъ мы способность понятія обогащаемъ познаніемъ вещей, волю приобучаемъ къ дѣйствительному послѣдованію добра, память изощряемъ, уясняемъ языкъ и снискиваемъ какъ бы нѣкоторую привычку къ честности. Почему, кажется мнѣ, не всегда справедливы жалобы тѣхъ, которые не находятъ въ себѣ къ нѣкоторымъ дѣламъ способности. Правда, не все способны ко всему, но не потому, аки бы они того отъ благаго Создателя не получили; но получивъ, или пристойнымъ воспитаніемъ не возрастили, или нерадѣніемъ и лѣнностію совсѣмъ сію Божественную погасили силу. А хотя бы и подлинно были въ комъ естественныя препятствія; но и тѣ самыя нерѣдко трудомъ побѣждаются. Когда пронеслась въ язычествѣ о добродѣтели Сократовой слава, нѣкоторый фізіогномъ подвиженъ былъ тѣмъ, чтобы повидѣть Сократа; и какъ черты лица Сократова усмотрѣлъ, нимало не сходными съ разсѣянною славою, тогда, увѣдавъ про то, Сократъ сказалъ: „Подлинно, по натурѣ чувствую я себя быть склонна къ порокамъ, но трудомъ и ученіемъ то побѣдилъ“. Да что много? мы трудомъ неукротимыхъ укрощаемъ звѣрей и птицъ человѣческимъ научаемъ словамъ: то колыми паче можемъ мы взойти на то, къ чему хотя трудная, но естественная лежить намъ дорога. Почему жалующіеся на свои неспособности и тѣмъ нѣкакъ ропщущіе на Бога, ежели не все, по истинѣ многіе суть не извинительны, яко Божій талантъ скрывающіе въ землѣ нерадѣнія. Но, вотъ, приходитъ намъ и другое разсужденіе!

Рожденіемъ получаемая жизнь есть обща всемъ. Подлый и благородный, богатый и убогій, ученый и невѣжа, мужественный и боязливый, все единымъ образомъ рождаются, и никакого тогда единъ отъ другаго не имѣетъ различія. „И азъ,—говоритъ царствующій Соломонъ,—рожденъ воспріяхъ общаго аера, и на подобострастную землю снадохъ, первый гласъ подобный всемъ испустихъ плача: въ пеленахъ вскармленъ есмь и съ великимъ прилѣжаніемъ: ни единъ бо царь ино имѣ рожденія начало“ (Премудр. Солом., 7, 3—5). Такъ что же насъ различаетъ?—правда, добродѣтель; но она безъ труда не получается. И для того трудолюбивый изобилуетъ богатствомъ, а праздный истощаетъ скудостію; рачительный мужъ снискиваетъ себѣ духъ благородный, а нерадивый потемняетъ сіяніе благородства своего; прилежный обогащаетъ ученіемъ свой разумъ, а лѣнливый возрастаетъ въ невѣжествѣ.

Почему, хотя бы и подлинно въ рожденіи нѣкоторое предъ другими получали мы преимущество, чрезъ нерадѣніе оное теряется: такъ какъ, напротивъ, низкость породы прославляется трудомъ. Ибо бодрый и лѣнностію неслабѣющій духъ есть плодъ высокой философіи и истинный достоинства человѣческаго характеръ. А какъ сносить труды, надобно имѣть терпѣніе: такъ вотъ и видимъ, для чего Евангеліе совѣтуетъ намъ въ терпѣніи стяжать свою душу, то есть, украшать оную добродѣтелями; а чрезъ то сыскать себѣ и здѣсь благополучную жизнь, и къ будущей безсмертной твердое положить основаніе.

И хотя подлинно горестны труды, но плоды ихъ сладки; скучно терпѣніе, но пріятно воздаяніе: „сѣюшіи слезами радостію пожинають“ (Псал., 125, 5). О, вы нѣжные и малодушные, которые по посланной цвѣтами дорогѣ всегда ходить хотите! Добродѣтель на мягкой постелѣ не опочиваетъ; и сія роза терніями есть ограждена. Посмотрите на тѣхъ, которые, отдавшись порокамъ, безчестныя свои стараются удовольствовать склонности: о, сколь много суетятся, и сколь многія сносятъ трудности! По истинѣ, для пріобрѣтенія добродѣтели половины ихъ трудовъ было бы довольно.

Все сіе разсужденіе касается наипаче младаго юношескаго возраста. Ихъ душа, яко мягкій воскъ, всякую вещь легко въ себѣ изображаетъ; ихъ, ничѣмъ не занятая, мысли весьма способны къ принятію истины; ихъ золотая весна—посѣянное сѣмя удобно возвращаетъ; ихъ лѣта не свирѣпствуютъ бурей страстей, чтобы въ сіе спокойное время научались побѣждать оныя. Истинная родительская любовь увѣщаніе сіе да употребить въ свою пользу.

А недостатокъ моего слова силенъ дополнить дѣйствительнѣйшій Вашего Императорскаго Величества примѣръ. Ибо нынѣшнимъ поученіемъ проповѣданная истины въ священной Вашей особѣ совершенное находимъ исполненіе. Ваша жорва отягощена многими попеченіями, Ваша порфира всегда омочена потокомъ неусыпнаго о всѣхъ насъ промысла; чѣмъ, Ваше Величество, яко священный нашъ атласъ, поддерживаете россійское небо. Нашъ покой есть плодъ трудовъ Вашихъ, наша безопасность есть произраженіе трудолюбиваго и мудраго Вашего царствованія. Кто убо не исповѣсть, съ коликимъ терпѣніемъ все сіе сносить мужественная Ваша душа, единою на Бога укрѣпляя себя надеждою, и поя Ему съ Давидомъ: „Богъ препоясуяи мя силою, и положи непороченъ путь мой“ (Псал., 17, 33)?! И сія непостыдная надежда да сопровождаетъ всегда скипетръ Вашъ. Ибо верховный твари Правитель, великимъ государямъ поручивъ на землѣ награждать другихъ, награжденіе ихъ предоставилъ для Себя Самого.

А Вы, младый герой, дражайшій Всероссійскій наслѣдникъ, винов-

никъ нынѣшняго нашего торжества! не видите ли отворяемое вамъ странное къ преславнымъ подвигамъ поле? Ибо съ умноженіемъ теченія Вашихъ лѣтъ, больше и больше открываются высокія Ваши дарованія, съ тѣмъ, чтобы сія спасительная сѣмена, рукою Божіею посѣянная, Ваше Императорское Высочество престоиннымъ трудомъ возрастили; а, возрастивши, во свое время обогатили бы Россію сею благословенною жатвою. И смѣя да не устращается Ваше непорочное сердце. Ибо хотя предложить Вамъ подвигъ, но предложить и награжденіе, подвигъ превосходящее; предложить теченіе, но предложить и вѣнцы; предстоитъ же всегда готовая и Вышняго помощь. Да Вы уже и, дѣйствительно, проходите подвигъ сей: Ваше Высочество съ особенною охотою предписываемыя науки принимаете, и съ довольнѣйшимъ успѣхомъ продолжаете оныя, на которые зрѣлые Вашего Высочества плоды, хотя еще не въ зрѣлыхъ лѣтахъ, взирая радуемся, и напередъ лобызаемъ будущее наше благополучіе.

Всемогущій Боже! Сохраняй всегда подъ крылами сятаго промысла Твоего Благочестивѣйшую Самодержицу нашу съ Сыномъ Ея, и сотвори, чтобы, сколько высочайшая Матерь сія радовалась о чадѣ Своемъ, столько бы мы радовались объ обонхъ. Аминь.

Слово въ недѣлю 19-ю по сошествіи Св. Духа *).

(О МИЛОСЕРДІИ).

„Будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть“.

(Лук., гл. 6, ст. 36).

Хотя бы намъ святое Евангеліе и не напоминало о милосердіи, довольно возбудили бы насъ о добродѣтели сей говорить нищія своими воплями, увѣчные воздыханіями, больные стенаніемъ, вдовицы слезами, обиженные своими жалобами. Ибо не знаю, по какимъ невѣдомымъ Божіимъ судьбамъ происходитъ, что человѣки, будучи всѣ равно отъ Бога созданы, равно почтены человѣчества правомъ, общій имъ я предуставленный себѣ блаженства конецъ, неравный получили въ сей жизни жребій,—да когда бы неравный токмо, а, впрочемъ, свободный и довольный; но, напротивъ, бѣдный и несчастливый. Одинъ алчетъ, другой пресыщается; тотъ въ пространнѣйшихъ опочиваетъ палатахъ, сей не имѣетъ, гдѣ главы преклонить; одинъ величается благородства

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви, 1764 года, октября, 10 дня.

титлами, другой стонетъ подъ тяжкимъ рабства игомъ; у сихъ, по словамъ Давидовымъ, „житицы исполнены, овцы многоплодны: волове ихъ толсти, и въ паденія оплоту ихъ, и въ вопля въ стогнахъ ихъ“ (Псал., 143, 13, 14), а тѣ ждуть со скорбящихъ, да и въ; ищутъ утѣшающихъ, но не обрѣтаютъ. Однако, какая бы ни была причина сего скучнаго состоянія неравенства, мы сильнѣи должны немощи немощныхъ носить (Римл., 15, 1), что хочу показать въ слѣдующемъ словѣ. Ты же, Отче небесный! сотвори, да слово наше будетъ подобно оному дождю, который Ты изливаешь на злыя и благія.

Милосердія дѣло есть въ недостаткахъ вспомошествовать другимъ. Алчный требуетъ пищи, нагій—одрѣянія, больной—утѣшенія, обиженный—защиты, заступленія—беспомощный, наставленія—неразумный. Такъ вотъ вамъ, богатые и сильные міра сего, изобильная предлежитъ жатва; такъ напрасно жалуешься и ты, который говоришь: „не имамъ, гдѣ собрати плодовъ моихъ“ (Лук., 12, 17). Праздныя утробы бѣдныхъ суть безопасныя богатыхъ житицы, нужды требующихъ есть самая лучшая сильныхъ ловитва. Не то заслуживаетъ похвалу, чтобы богатство собрать, но чтобы знать, какъ его употребить. И въ который языческій философъ, бросая въ море деньги, сказалъ: „чтобы не погубили вы меня, погублю я васъ“. Погубило ли бы сего неразумнаго мудреца богатство его, ежели бы оно на честныя употребленія расточено было? Но въ семъ состояла языческая добродѣтель, а мы, Евангельскою высокою просвѣщенные истинною, можемъ ли еще требовать въ томъ наставленія, а напротивъ, когда знаемъ, что, во-первыхъ, самая естественная насъ къ милосердію склоняетъ жалость? Не можемъ мы безъ внутренняго утробы нашей терзанія слышать бѣдныхъ крики, умиленными растворенные слезами. Не можемъ безъ слезъ смотрѣть на оную плачевную трагедію, въ которой представляются сродные намъ члены недугомъ разслабленія связанные, всего дѣйствія лишеныя, единъ токмо имѣющіе оставленный гласъ, чтобы тѣмъ насъ въ жалости склонить,—гдѣ усматриваемъ одинаго естества съ нами людей отъ стужи замерзающихъ, отъ глада истаявающихъ, и дряхлую старость ниже о жезлѣ стоять могущую,—гдѣ открывается намъ многое множество слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ, которыхъ бѣдный бѣдной жизни остатокъ состоитъ токмо въ единой на насъ надеждѣ. Должно ли еще прибавить, что сіи, несчастіемъ пораженные, люди, впрочемъ, суть братія наша, яко одинаго небеснаго Отца дѣти, въ единой крещенія купели рожденные, изъ единой таинственной чаши причащающіеся, единое съ нами имѣющіе блаженное упованіе?! Ахъ, вы несчастливцы, скройте стъ очесъ нашихъ нашихъ умиленный позоръ сей. Мы знаемъ, что и въ который, въ Евангеліи упоминаемый, Судія неправедный, однихъ только бѣдныхъ вдовицы

частыхъ докукъ не могъ стерпѣть, чтобы неудовольствовать прошеніи ся, то какъ возможно, чтобы всёмъ тѣмъ не подвиглось къ милосердію жестокое наше сердце?

Но пускай бы, при всемъ томъ, остались мы окамененны: такъ не должно ли принять намъ въ разсужденіе—колесо міра сего, которое сто разъ жребій жизни нашей приобращаетъ, снизу вознося на высоту, а высокихъ опровергая на землю? Пока благополучно плывемъ, надобно памятовать непогоду, чтобы могущее случиться несчастіе великодушнѣе снести, надобно заблаговременно съ страждущими, милосердствуя о нихъ, страгать.

Да ты, высокоумствуя о себѣ, говоришь: „азъ рѣхъ во обилии моемъ: не подвижуся во вѣкъ“ (Псал., 29, 7). Но постой! ты еще изъ числа смертныхъ не выключенъ, твердѣйшіе дубы жестокой вихрь изъ корня исторгаетъ; и сіе пораженіе бываетъ тѣмъ большее, чѣмъ нечаяннѣе. Почему же еще большее?— потому, что о такихъ немилосердыхъ, въ несчастіе впадшихъ, мало кто и сожалѣтъ, тогда какъ, напротивъ, ежели бы случилось благодѣтельному человѣку по общей судьбѣ впасть въ неблагополучіе, тотчасъ всё мы произносимъ сожалѣтельныя о немъ слова и утѣшеніями своимъ оживляемъ скорбящую его душу.

Но положимъ, что мы въ своемъ изобилии будемъ вовѣкъ неподвижны; однако, со всёмъ тѣмъ богатства своего единымъ себѣ присвоить не можемъ. Мы не полновластные имѣній владѣтели, но токмо строители и экононы: единъ Богъ есть полный господинъ всёхъ вещей, слѣдовательно, не можемъ ихъ употребить, развѣ по волѣ Господина ихъ. Иначе будемъ хищники, яко чужое себѣ присвояющіе. И потому бѣдные имѣютъ право противъ немилосердыхъ вопить: „дайте наше намъ, дайте намъ часть, которую милосердый Создатель нашъ для насъ опредѣлилъ, а вамъ вручилъ, дабы оную сохранили для насъ; почто наше присвоите себѣ? почто въ нашемъ несчастіи веселитесь? „Тебѣ оставленъ есть нищій, сиру ты буди помощникъ“ (Псал., 9, 35).

Правда, не очень бы охотно было сундуки починать и жадныя руки нищихъ наполнять, ежели бы расточаемое нами богатство совсѣмъ пропадало, ежели бы изъ того никакого мы себѣ не ожидали прибытка. Но не слышимъ ли, что Духъ Святой о благодѣтельномъ мужѣ вопіетъ: „расточи, даде убогимъ: правда его пребываетъ во вѣки“ (Псал., 111, 9). Расточаетъ тлѣнное, а воспріемлетъ нетлѣнное; расточаетъ земное, а воспріемлетъ небесное; расточаетъ малое, а воспріемлетъ неисчетное; даетъ нищему, а воспріемлетъ Христа. О, чудное милостыни дѣйствиіе! Христа подъ рубищами крыемаго находить, и тварь всю содержашаго благодѣтельствуетъ. Ибо Искупитель нашъ, испивъ иногда горчайшую страданій чашу, доселѣ еще въ членахъ Своихъ

страждешь. Онъ когда придетъ правосудія Его день, милосердымъ скажетъ: „взалкался, и дасте Ми ясти: възгдахся и напоисте Мя: страшенъ бѣхъ, и введосте Мене: нагъ, и одѣясте Мене: боленъ, и посвятите Мене: въ темницѣ бѣхъ, и придосте ко Ми“ (Матѣ., 25, 35, 36). И хотя они предъ цѣлымъ свѣтомъ будутъ признаваться, что въ такомъ бѣдномъ состояніи никогда не видѣли Его; однако, милосердый Спаситель объявитъ имъ что сдѣланное бѣднымъ благодѣяніе Онъ присвоитъ Самому Себѣ. „Понеже сотвористе одному изъ сихъ братій Моихъ меньшихъ, Ми“ сотвористе“ „Подумай, говоритъ святой Златоустъ, куда сошелъ Господь твой, чтобы тебя склонить, дабы ты не былъ жестокъ и безчеловѣченъ“. И потому надобно вѣрить тѣмъ церковнымъ исторіямъ, которыя повѣствуютъ, что одинъ, увидѣвъ изнемогающаго, на землѣ лежащаго, человѣка, взялъ его на свои плеча; но въ ношеніи никакой не чувствовалъ тягости, а послѣ скоро сіе драгоцѣнное бремя стало быть не видимо. Другой, идучи въ церковь на служеніе и увидѣвъ отъ наготы трясущагося нищаго, снялъ съ себя послѣднюю ризу и прикрылъ наготу его; а самъ остался токмо въ свиткѣ одной, почему, когда священнодѣйствовалъ онъ, примѣтилъ на немъ предстоящій народъ, подъ церковными ризами, блистающую царскую порфиру. Итакъ, видимъ, что, отъ имѣнія своего убогихъ снабжая, оное не теряемъ мы, но ввѣряемъ Тому, Который и за чашу студеной воды награждать обѣщался.

Да куда же намъ дѣтъ и бѣдныхъ? Или уже имъ все съ нами сообщеніе пресѣчь? Да и подлинно мы ихъ нѣкоторымъ образомъ изъ свѣта сего выгоняемъ, когда имъ, просящимъ отъ насъ милостыни, обыкновенно говоримъ: „Богъ дастъ“. Отче небесный! „вся къ Тебѣ чають“ (Псал., 103, 27): отверзи щедрую руку Твою и сихъ отверженныхъ отъ насъ пріими обычнымъ Твоимъ благоутробіемъ. Подлинно, Богъ дастъ, „Который даетъ скотомъ пищу ихъ, и птенцемъ врановымъ призывающимъ Его (Псал., 146, 9); подлинно Богъ дастъ, „Который отверзаетъ щедрую руку Свою, и исполняетъ всяко животню благоволенія“ (Псал. 144, 16); подлинно Богъ дастъ, „Который даетъ пищу алчущимъ, умудряетъ слѣпцы, возводитъ низверженныхъ, хранитъ пришельцы, сира и вдову пріемлетъ“ (Псал., 145, 7, 8, 9). И потому, сколько бы ни презирали мы убогихъ, однако, совѣмъ тѣмъ они свою еще бѣдную влекуть жизнь; Богъ ихъ согрѣваетъ и изъ небесной житницы Своей посылаетъ имъ хлѣбъ насущный. Итакъ, Богъ даетъ; а ты, несчастливый, лишился дорогой ловитвы. „Зачѣмъ нищѣ“,—спрашиваетъ нѣгдѣ златословесный Іоаннъ? „Не могъ ли Богъ золотой дождь ни ихъ излить? Могъ, поистиннѣ, но чрезъ то бы ты, богатый, лишился случая къ благодѣтельству; слѣдовательно, лишился бы случая

ко очищенію грѣховъ твоихъ“. Зналъ сіе великій въ патриархахъ Авраамъ, который въ самый жаркій полуденный часъ сидѣлъ на пути, ожидая, чтобы поймать кого въ спасительныя страннолюбія сѣти (Быт., гл. 18). „Для чего Авраамъ,—донскивается преждедеченный вселенскій учитель,—не поручилъ сего дѣла своимъ слугамъ, но самъ, будучи великій господинъ, сидѣлъ при пути?—Зналъ, де, онъ, что слуги бываютъ обыкновенно сонливы; почему опасался, чтобы за лѣнностію ихъ не упустилъ изъ рукъ своихъ сей дрожайшей ловитвы“.

Но куда же намъ деньги дѣвать? Ибо самый подлый порокъ есть тѣхъ, которые собиранію богатства никакого не полагаютъ конца, и честнаго тому употребленія не знаютъ, денно и ночью думаютъ объ умноженіи прибытковъ, какимъ то ни было образомъ, но не вѣдаютъ сами, кому собираютъ, не плѣняя щедротою сердце, въ чемъ состоитъ истинное некрадомое человѣческое богатство. Но другіе скажутъ: „какъ некуда деньги дѣвать? А на строеніе домовъ? на уборы? на вина? на банкеты? на собакъ и на прочія забавы“? Ахъ! Сколько роскоши! Не говорю уже о томъ, что отсюда рождается праздность, отъ праздности—лѣнность, отъ лѣнности—разслабленіе, отъ разслабленія—нерадѣніе о должности, о добродѣтели, о благочестіи; а отсюда выходитъ страшное оное чудовище, называемое „эпикурство“, не говоря о семь; такимъ то образомъ снѣдается часть имѣнія, должная бѣднымъ. Но сего, де, требуетъ благопристойность. Да развѣ снабжать убогихъ есть неблагопристойно? О, когда бы всякъ содержалъ себя внутри границъ благопристойности и не преступалъ бы сихъ священныхъ предѣловъ; тогда бы и веселіе наше было благословенное, и не страдала бы столько другая человѣчества часть! Наши благочестивые предки во дни праздничные и во дни поминовенія своихъ родителей дѣлали обѣды для нищихъ, и сію убогую братію авраамскою своею угощали трапезою; но нынѣ сіе святое обыкновеніе, за множествомъ новыхъ модъ, стало быть не вмѣстимо.

При разсужденіи семь могутъ быть предложены два вопроса. Первый: „должно ли между бѣдными разборъ чинить“? Подлинно, должно: извѣстные моты-благодѣяніи сего недостойны, а притомъ, какъ мы весь свѣтъ снабдить не можемъ, немощной не больному, свой—чужому, благодѣтель—непріятелю предпочитаемъ быть долженъ; однако, гдѣ нѣтъ явнаго сомнѣнія, надобно разборъ оставить, опасаясь, чтобы, „разбирая недостойнаго, не миновать и достойнаго“,—какъ говоритъ Григорій Богословъ. Второй вопросъ: „должно ли, снабжая нищихъ, самого себя привести въ нищету?“, на что какъ бы другіе ни отвѣчали, кажется мнѣ, довольно для снабженія убогихъ отдѣлать излишество, и въ ихъ пользу посвятить то, что тля тлѣтъ, ржа ѣстъ, что ласкатели

похищаютъ, что смѣхотворны пожирають, и что служить къ одному увеселенію, то употребить къ отвращенію ихъ необходимыхъ нуждъ.

Впрочемъ, милостыня наша должна быть, во-первыхъ, не фарисейская, то есть, не тщеславная: „егда твориши милостыню, не воструби предъ собою, яко же лицемеры творять“ (Мате., 6, 2). Второе, не корыстолюбивая, какъ то дѣлають тѣ, которые снабжаютъ другихъ, да воспримуть равная или большая, но истинное милосердія дѣло должно происходить отъ разсужденія благодати Божіей, Который милосердно насъ создалъ, но съ большимъ милосердіемъ искупилъ, Который „солнце Свое возсіяваетъ и на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя“ (Мате., 5, 45). И сей же Отецъ щедротъ и Богъ великія утѣхи увѣщаетъ насъ быть милосердными, а чрезъ то быть подражателями Его Самого и назваться сынами Вышняго. Аминь.

Слово въ недѣлю двадцать вторую по пятидесятницѣ *).

(ОБЪ ИМѢЮЩЕМЪ ПО СМЕРТИ БЫТЬ ЗА ДОБРО И ЗЛО ВОЗДАЯНІИ).

„Чадо, помини, яко воспріялъ еси благая въ животѣ твоємъ, и Лазарь такожде злая“.
(Лук., гл. 16, ст. 35).

Ежели, которые богатствомъ и прочими міра сего благами изобилуютъ, а другіе въ крайнемъ злополучіи страждутъ, то нынѣшнее священное Евангеліе напоминаетъ, чтобы первые не очень высокоумствовали, другіе не очень бы печалились. И дабы напоминаніе сіе было дѣйствительно, представляетъ предъ очи наши одного богача сластолюбца, другого нищаго злострадальца, изъ которыхъ тотъ описывается въ полномъ сіяніи видимаго блаженства, другой въ состояніи самомъ горестномъ.

Но какъ всякое дѣло изъ конца своего разсуждается, „и есть путь“, по слову Соломонову, который „мнится человѣкомъ прямъ быти, но послѣдняя его приходятъ во одно адово“ (Притч., 14, 12): то никого ни ублажать, ни оказывать прежде времени не надобно. И истина сія подтверждается тѣмъ же примѣромъ. Ибо сластолюбець оный, нечаянно пораженъ гнѣвомъ Божіимъ, подпалъ строгости нелицепріятнаго судіи, а злострадалецъ тотъ отнесенъ ангельскими руками на блаженное Авраамово лоно. Ахъ, внезапное превращеніе! гдѣ твои

* Сказано ль присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви 1784 года, октября 21-го.

дѣлись, бѣдный богачъ! забавы, и гдѣ скрылись твои, радостный Лазарь, болѣзненные струны? Положены оба они на вѣсы правосудія Божія: одинъ отягощенный пороками опустился въ пропасть гибели, другой облегченный, яко крылами, добродѣтелию, вознесся на высоту небесную. Почему нѣтъ сомнѣнія, что *есть иная вѣчная жизнь, гдѣ добродѣтель, награжденіе, а порокъ достойное принимаетъ наказаніе*, и о семъ имѣеть быть моя съ благочестіемъ вашимъ бесѣда. Что сотворю въ моей на Тя надеждѣ, Боже! отверзу уста моя и да наполнятся духа Твоего.

Нѣтъ нималаго съ истинною сходства, чтобы мы отъ благого Создателя сотворены были съ тѣмъ, дабы, въ жизни сей всякое претрѣвшивъ зло, напоследокъ невозвратно и съ добродѣтелию погибли. Почему, не входя въ дальнее разсужденіе, полагаю уже за несомнительное, что душа наша есть одарена безсмертіемъ, которымъ преимуществомъ благоволилъ милосердный Творецъ отличить насъ отъ прочихъ всѣхъ животныхъ безсловесныхъ. Ежели бы кто дерзнулъ оснаривать сіе, мы его оставляемъ въ общемъ скотамъ состояніи. Положивъ убо за несомнительное души нашей безсмертіе, необходимо остается принять другую по смерти ненарушимую жизнь.

Но можемъ ли подумать, чтобы уже и въ самой вѣчности (такъ какъ иногда бываетъ въ жизни сей), добродѣтель и порокъ, честность и злодѣйство никакого справедливаго не получили различія? Можемъ ли подумать, чтобы и тогда Павелъ съ Іудею, Фараонъ съ Давидомъ въ равномъ остались блаженномъ состояніи? Ахъ, нѣтъ! „Кое бо причастіе правдѣ къ беззаконію? Или кое общеніе свѣту ко тмѣ“ (2 Кор., 6, 14)? Не попускаетъ намъ думать такъ.

Во-первыхъ, совершенная святость Божія. Съ Богомъ не можетъ соединиться противное Ему. Богъ есть свѣтъ, такъ не находятъ тутъ себѣ мѣста тьма; Богъ есть совершеннѣйшее добро, такъ зло священнѣйшій съ нимъ прерываетъ союзъ; Богъ есть чистѣйшій духъ, убо всякое беззаконіе удалено есть отъ Него. И потому надобно, чтобы одна добродѣтели струя къ сему всякаго блага Источнику возвратилась, чтобы одинъ лучъ непотемненнаго разума совокупился съ чистѣйшимъ Божественнымъ существомъ, дабы, по слову Павлову, „Богъ былъ всяческая во всѣхъ“ (1 Кор., 15, 28).

И въ семъ-то состоитъ правосудіе Божіе, что Богъ, не нарушая Своей премудрости, не можетъ допустить наслаждаться своими совершенствами человѣку, который сдѣлалъ себя не токмо того недостойнымъ, но и къ принятію неспособнымъ. И для того священнѣйшій Пророкъ предъ лицемъ Господнимъ поетъ: „Богъ не хотѣй беззаконія Ты еси: не приселится при Тебѣ лукавнуй, ниже пребудутъ беззаконницы

предъ очами Твоими: возненавидѣлъ еси вся дѣляющія беззаконіе“ (Псал., 5, 5—6).

Мы въ самихъ себѣ сего, ненарушимаго никогда, Божія правосудія носимъ образъ. Мы добрыхъ любимъ и съ ними духомъ нашимъ соединяемся, а отвращаемся злыхъ и всякому злодѣянью пристойное опредѣляемъ наказаніе. Откуда же сей у всѣхъ народовъ постоянный законъ?—по истинѣ отъ справедливаго признанія совѣсти, а совѣсть отъ кого?—по истинѣ отъ Того, Который „создалъ на единѣ сердца наши“. И потому сильно есть оное Апостольское обличеніе: „безотвѣтенъ еси“, говорить, „о, человѣче! всякъ судай“ (Римл., 2, 1), то есть, ты, человѣкъ, опредѣляя закономъ злу наказаніе, тѣмъ самымъ явно признаешь правосудіе Божіе и мщеніе беззаконія Ему присволяешь. Вотъ—неоспоримыя доказательства имѣющаго быть въ будущей жизни воздаяніи и состояннй различія! Но поступимъ далѣе.

Существо нашей души одарено есть свободностію. Почему мы, не яко машины, стремленіемъ управляемыя, но съ разсужденіемъ и совѣтомъ безиринужденно избираемъ доброе или злое. Ежели нѣсколько можно человѣческому уму проникать въ тайны совѣтовъ Божіихъ,—усматриваю я, что премудрый Творецъ дарованною свободностію предуготовлялъ для насъ нуть къ блаженству. Ибо извѣстно, что, гдѣ нѣтъ свободности, тамъ нѣтъ ни наказанію, ни награжденію мѣста. Оставивъ здѣсь удивляться премудрости Божіей, мы явственно усматриваемъ спасительное намѣреніе Создателя, чтобы не остаться ни добродѣтели безъ награжденія, ни злодѣйству безъ наказанія.

Сему Божіему намѣренію должно неотмѣнно быть исполнено. Но когда увидимъ сіе преславное событіе?—не можемъ сказать, чтобы оно совершалось въ жизни сей. Ибо вотъ—нынѣшній впрочемъ добродѣтельный Лазарь въ горестномъ злополучіи страждетъ до послѣдняго дыханія жизни своею, а сластолюбивый и немилосердный богачъ умираетъ между шумомъ весело пирующихъ. Повседневный искусъ насъ увѣряетъ, что добродѣтельные и благочестивые люди наиболѣе гонимы бывають; а, напротивъ, нечестивые не рѣдко во всякихъ веселостяхъ свои оканчивають дни. Вотъ—слышимъ святѣйшихъ мужей жалобныя слова: „Позоръ быхомъ міру и ангеломъ и человѣкомъ: до нынѣшняго часа и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ“ (I Коринѣян., 4, 9, 11); въ пустыняхъ скитались, въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастьяхъ земныхъ, которыхъ не былъ достоинъ весь міръ“ (Евр. 11. 38). Ежели бы послѣ всѣхъ сихъ злостраданій праведные не имѣли никакой блаженной надежды: повстинѣ, по разсужденію Павлову, не было бы въ свѣтѣ бѣднѣе, какъ добродѣтельный человѣкъ (I Кор., 15, 19).

Но, кромѣ сего, ежели бы допустить, чему, впрочемъ, не возможно быть, что по смерти ни для кого никакой не будетъ справедливости: то погибнуть всѣ законы, разрушатся всѣ общества, погаснетъ сила совѣсти, презрѣна будетъ добродѣтель, и подниметь главу свою порокъ и злодѣйство, уничтожится священная вѣра, и всѣ благочестія тайны въ басню должны будутъ превратиться. Яждь, пій, веселися; а когда не имѣешь чѣмъ, грабь, похищай, нарушай совѣсть; послѣ смерти ничего не будетъ. И такъ вы, симъ смертоноснымъ мнѣніемъ зараженные, люди, хотите, чтобы благочестивые государи разслабли въ своихъ святѣйшихъ подвигахъ,—судии не ободряли бы себя надеждою небеснаго за труды свои воздаянія,—воины, вѣру и отечество кровію своею защищающіе, не ожидали бы вѣнцевъ неуядаемой славы,—пастыри церковные въ своихъ трудахъ и скорбяхъ не взирали бы къ ненарушиму покою; хотите вы, чтобы весь свѣтъ въ нѣкоторой первородной перемѣнился (смѣсь) хаосъ. Но „вѣсть Господь путь праведныхъ, и путь нечестивыхъ погибнетъ“ (Псал. I, 6).

Ежели такого развращеннаго мнѣнія суть люди: кажется мнѣ, что тому не можетъ быть иная причина, какъ только совѣсть, къ порокамъ пристрастившаяся. Во внутренности своей признавая всякое зло достойнымъ наказанія и чрезъ то смущаясь, она старается успокоить себя, и для того нѣкоторые вымышляетъ къ опроверженію истины сей резоны, дабы чрезъ то избавиться внутренняго мучительнаго страха. Подтверждается сіе тѣмъ, что для чего бы, напримѣръ, тебѣ, имѣя незазорную совѣсть, опровергать надежду будущаго воздаянія?—никакъ: ты бы желалъ ей быть, хотя бы и пошлннно не было ея. Итакъ, сама, отвергающая будущую жизнь, совѣсть доказываетъ, что есть будущая жизнь. Ибо искра совѣсти можетъ быть нѣсколько потемчена, понеже она не есть Богъ, но не можетъ совсѣмъ погашена быть, понеже отъ Бога есть.

Самые язычники, сколько впрочемъ ни слѣпы были, не могли себя склонить къ тому, чтобы думать, аки бы добродѣтель должна остаться безъ награжденія. Почему за несомнительное содержали, что души добродѣтельныхъ людей переселяются на нѣкія веселыя Елисейскія поля и счастливые острова. А иные думали, что такія души преселяются въ тѣла другихъ людей и животныхъ: добродѣтельные—въ тѣла знатныхъ и добрыхъ; а порочные—въ злыхъ и подлыхъ, или въ животныхъ четвероногихъ и гадъ. Такое, впрочемъ заблуждающее, мнѣніе есть доказательство внутренняго, отъ Бога вліяннаго, совѣсти признанія объ имѣющемъ быть по смерти воздаяніи.

И какъ истина откровенія непротивна есть истинѣ разума: то и Писаніе Святое всею своею силою утверждаетъ разсужденіе наше. Ве-

лнїи Павелъ, который въ своихъ бѣдахъ всякій день умиралъ, при близяясь къ блаженной кончинѣ жизни своей, радостную сію воспѣлъ пѣснь: „Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ“. Чтобы тебѣ болѣе, Павле, остается? Остается, говоритъ, „вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день оный, праведный судія; не токможе мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его“ (2 Тим., 4, 7. 8). Да и Самъ Спаситель, исчисливъ нищихъ духомъ, плачущихъ, алчущихъ, жаждущихъ и гонимыхъ правды ради, заключаетъ все то симъ блаженнымъ гласомъ: „Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ“ (Матт., 5, 12).

И сіе-то человѣка добродѣтельнаго утѣшать должно въ напастьяхъ и услаждать горестъ жизни его, что его добродѣтель никогда забвена быть не можетъ, но въ свое время возсіяетъ яко солнце. Сіе утѣшало Іова на гноищѣ, Іосифа—во рву и въ темницѣ, Давида—въ гоненіи, трехъ отроковъ—въ разженной печи, Павла—въ позорищѣ предъ всѣмъ міромъ, мучениковъ — въ наплотѣйшихъ страданіяхъ, пустынниковъ—въ тѣснѣйшихъ подвигахъ и нуждахъ.

Такъ перестаньте же скорбѣть вы, мнимые злострадалцы, и успокойте рыданія свои. „Жена, егда раждаетъ, скорбь имать: егда же родить отроча, ктому не помнитъ скорби за радость, яко родился человѣкъ въ міръ“ (Іоанн., 16, 21 и 22). И вы печаль имѣете нынѣ, но узритъ васъ Господь, „и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто же возметъ отъ васъ“. „Вскую убо прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаси мя? уповай на Бога“ (Псал., 41, 6).

Можетъ, кто здѣсь спроситъ: „для чего въ жизни сей не всегда добрые награждаются, и не всегда наказываются злые“? На сіе, во-первыхъ, отвѣчаю, что и въ жизни сей никогда добродѣтель безъ награжденія и порокъ безъ наказанія не остается. Какъ? Всякаго добраго дѣла плодъ и награжденіе есть чистая радость совѣсти; и всякаго злаго дѣла плодъ и наказаніе есть мучительное совѣсти терзаніе. И сіе награжденіе и наказаніе столь велико, что незаслуженную совѣсть имѣющей человѣкъ радуется и тогда, когда бы противъ его возставалъ и весь міръ, а совѣстію облачаемый и тогда смущается, когда бы его весь міръ ублажалъ. Однако, понеже и оную добрыхъ радость несчастія подлинно смущаютъ, и оное злыхъ наказаніе мірское благополучіе уменьшаетъ, то причину, для чего бы такъ было, святой Златоустъ даетъ слѣдующую: „нѣтъ, де, столь добродѣтельнаго, чтобы притомъ не былъ подверженъ нѣкоторому пороку, и нѣтъ, де, столь злаго, чтобы нѣкоторой сокровенной не имѣлъ добродѣтели“. Почему правосудный Богъ нѣкогда и добродѣтельнаго наказываетъ и злomu благодѣтельствуетъ, а чрезъ то и беззаконника и праведника исправляетъ: одного

отводя отъ зла легкимъ наказаніемъ, а другаго приводя къ добру щедрымъ благодѣтельствомъ.

„Сицева убо имуще обѣтованія, о возлюбленніи, очистимъ себе отъ всякія скверны, плоти и духа, творяще святыню въ страхѣ Божіи“. Аминь. (2 Кор., 7, 1).

Слово въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы *).

(О ВЕРХОВНОМЪ ДОБРѢ).

„Марія же благою часть избра, яже не отъимется отъ нея“.

(Лук., гл. 10, ст. 42).

Съ духовнымъ веселіемъ празднуя день Препоблагословенныя Дѣвы, родившей во плоти Спасителя нашего, не можемъ усумниться, что Она избрала благою часть, которая не подвержена опасности завистливаго негріятеля, ниже боится всеенствѣвающаго времени, которая не отъимется отъ Нея никогда. Ибо хотя блаженная Она Матерь и Дѣва по общему предѣлу и вкусила смерти, но безсмертною славою чрезъ толкіе вѣка память Ея украшается; хотя, отлагая одежду тѣла Своего, отложила съ нею вкупѣ и вся благая міра сего; но вмѣсто того радуется въ наслѣдіи вѣчныхъ несказанныхъ благъ и непрестаннаго шума празднующихъ; хотя, видимымъ присутвіемъ Ея болѣе мы не наслаждаемся, но въ любовномъ сердцѣ всегда сладчайшее имя Ея носимъ.

Но немного есть полезно другихъ воображать совершенства, а самимъ о снисканіи ихъ не стараться; да опять же, по разсужденію церковныхъ учителей, нѣтъ болѣшей чести и святымъ, какъ подражать богоугодному житію ихъ. Ежели кто, говорятъ они, святыхъ похвалить хочетъ, имъ да послѣдуетъ; ежели кто благочестія поборниковъ почитать прославленіями желаетъ, трудамъ оныхъ да поревнуетъ. Почему и нынѣ, Церковію празднуемую Пресвятую Богоотроковицу ежели достойно почитать хотимъ, настоящею бесѣдою *поищемъ оной благой части*, которою уже Она неотъемлемо насыщается. Ты же, Всеблагій Владыко! отверзи мысленныя очи наши, и уразумѣемъ чудеса отъ закона Твоего.

Благая она часть есть тоже, что обыкновенно называется „крайнее или верховное добро“. Врождено намъ искать себѣ удоволь-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви, 1764 года, ноября 21 дня.

ствія и стремиться до такого состоянія, въ которомъ бы мы совершенно были успокоены. Оное добро, которое всѣ желанія наши, конечно, удовлетворяло бы по справедливости, должно отъ насъ признано быть за верховное. Ибо уже мы выше его никуда болѣе стремиться не можемъ, да и не имѣемъ нужды. Самые язычники какъ не могли совсѣмъ погасить чувствіе естества человѣческаго, такъ не могли не воображать сіе превосходное блаженство. Но можемъ ли подумать, чтобъ въ оной глубокой тьмѣ, которымъ язычество покрывалось, истина сія ясно блетала? Разберемъ мы кратко ихъ знатнѣйшія мнѣнія, потому наипаче, что, можетъ, и изъ христіанъ суть нѣкоторые столь мало просвѣщенны, что о томъ лучшаго ихъ не имѣютъ понятія. Разность мнѣній о верховномъ добрѣ, которыми запутывали себя язычскіе философы, доказываетъ, сколько-то есть бѣдственно разсужденіе разума нашего, когда оно не подкрѣпляется просвѣщеніемъ Святаго Духа.

Одни возвоили человѣка на верхъ блаженства, ежели онъ избилуетъ всякимъ богатствомъ и всѣми частей преимуществами возвеличенъ. Такое разсужденіе было очень низкое: ибо оно присвоило блаженство такимъ вещамъ, которыя можетъ имѣть человѣкъ, неимѣющій богатства непорочной совѣсти и достоинства истинной добродѣтели; а притомъ такимъ вещамъ, которыя по тлѣнню и непостоянству своему недостойны быть награжденіемъ вѣчной добродѣтели. Богатство, кромѣ того, что бываетъ оно почти всегда сопровождается множествомъ суеты и опасностей, тля тлеть, ржа ѣсть, и тати похищаютъ, и огонь сожигаетъ, и вода потопляетъ, а потомъ смерть, яко нѣкая буря, и самое оное листьями сими украшаемое древо исторгаетъ изъ борене. И такая ли ваша, высокіе мудрецы,—философія? Нѣтъ, мы научились высшему мудрованію, которое намъ напоминаетъ, говоря: „не убійся, егда разбогатѣеть человѣкъ, или егда умножится слава дому его“. Для чего?—„Яко внигда умрети ему, не возметъ вся“ съ собою во гробъ, „ниже сидеть съ нимъ слава его“ (Псал. 48, 17, 18).

Не такъ, чтобы мы оуждали богатство, или уничтожали чести. Подлинно, и они могутъ служить средствомъ въ полученію истиннаго блаженства, ежели богатство будетъ имѣть честное употребленіе, а чести будутъ клониться въ подкрѣпленію пользы ближняго. Но опять же не почитаемъ ихъ такими, чтобы въ нихъ поставляли все блаженство человѣческое.

Узнала сіе другая языческая секта, которая опредѣляла верховное добро не въ томъ, чтобы имѣть только чести и богатство, но въ нѣкоторомъ ихъ употребленіи; а именно: чтобы ничего тѣлеснымъ своимъ склонностямъ не отказывать, но всѣ дни въ веселостяхъ, всѣ ночи—въ покойныхъ снахъ, всѣ часы—въ изобрѣтеніи новыхъ пріят-

ностей препровождать. Кажется, нельзя бы не согласиться на такое предостереженіе. Но, вотъ, мы слышимъ совсѣмъ противное оному Евангельское опредѣленіе, которое не оныхъ эпикуровъ, но плачущихъ, алчущихъ, жаждущихъ и тѣсною житія шествующихъ дорогою въ числѣ блаженныхъ почитаетъ; а онымъ празднолюбцамъ поеть сію печальную пѣснь: „Горе вамъ смѣющимся нынѣ: яко возрыдаете и восплачетесь“ (Лук., 6, 25).

Не безъ твердаго же основанія есть сіе Евангельское ученіе. Ибо, во-первыхъ, не можетъ назваться истиннымъ веселіемъ то, которое то и дѣло, что разными печалями пресѣкается и горящій радости нашей огонь погашаетъ. Легкая болѣзнь, завистливая клевета, нападеніе отъ сильнаго, внезапное оскудѣніе сильны въ одно мгновеніе покрыть насъ глубокимъ сѣтованія мракомъ. Второе, хотя бы и подлинно могли мы обѣщать себѣ всегда тихое жизни нашей теченіе; но чаяніе неизвѣстнаго никому смертнаго часа чье сердце не наполнить смущеніемъ и страхомъ? Юдеи дѣти веселились и пировали всѣ вкушѣ. Кто ихъ въ такое время не назвалъ бы блаженными? Но, вотъ, внезапная повѣяла буря и разрушила все. Вотъ—страшная поднялась волна и опровергла благотекущій счастья корабль.

Не такого мы мнѣнія, чтобы отвергали всякое и несповинное увеселеніе и совѣтовали бы всѣмъ избирать нѣкоторое меланхолическое житія состояніе,—но только предостерегаемъ отъ оной плотской безопасности, которой преданный человѣкъ не думаетъ, развѣ объ однихъ увеселеніяхъ, аки бы онъ весь былъ только плоть, не чувствуя въ себѣ безсмертнаго духа. Но посмотримъ и другія о разсуждаемой нами вещи мнѣнія.

Подлинно, не всѣ же были и языческіе философы, чтобы такъ о верховномъ добрѣ разсуждали. Были изъ нихъ нѣкоторые, кои основательнѣе блаженство человѣческое поставляли въ добродѣтели. Кажется, сіи самой истины коснулись. Но что?—когда гонять добродѣтель? Что? когда честность не находитъ ни гдѣ себѣ покоя? Былъ ли, наприкладъ, Павелъ тогда въ совершенномъ блаженствѣ, когда претерпѣвалъ смертныя бѣды во всякое почти время и во всякомъ мѣстѣ, хотя, впрочемъ, и добродѣтеленъ былъ?—Нѣтъ, по истинѣ: ибо самъ онъ признается, что почелъ бы себя окаяннѣе всѣхъ животныхъ, ежели бы не ободрялъ себя лучшею по смерти надеждою. Такъ не можемъ мы подтвердить и сіе мнѣніе. Но въ какомъ же числѣ положимъ добродѣтель? Не поставляемъ мы въ ней блаженства, но почитаемъ ее извѣстнымъ средствомъ къ полученію истиннаго блаженства.

Примѣтили и сіе другіе язычники,—почему блаженство человѣческое не въ добродѣтели единственно, но въ рождѣнномъ отъ нея спо-

койствѣи совѣсти поставляли. Такое разсужденіе, кажется, еще ближе къ истинѣ. И мы бы должны были къ нему пристать, ежели бы въ жизни сей можно было надѣяться получить совершенное совѣсти спокойствіе. Но кто изъ смертныхъ взошелъ на сей верхъ совершенства? Не говоря о многоразличныхъ причинахъ, нарушающихъ покой нашей совѣсти, всѣ мы въ самихъ себѣ всегда чувствуемъ внутреннюю войну, страстями возбуждаемую, которая война имѣетъ продолжаться, пока не сложимъ съ себя тлѣнную сію и смертную ризу плоти нашей. И для того-то мы, по Апостольскимъ словамъ, „сущи въ тѣлѣ семъ въздыхаемъ отягчаеми, въ жилище наше небесное облещися желающе“ (2 Кор., 5, 4). Такъ въ чемъ же, —спросить благочестіе ваше, —поставлять надобно верховное добро?

„Въ полученіи Бога“, возлюбленные слушатели! Въ полученіи, говорю; то есть, въ совершенномъ съ нимъ соединеніи. Два союза, которые насъ неразлучно связываютъ съ Богомъ, или, ежели можно сказать, дѣлаютъ Бога нашимъ: „ясное Его познаніе и совершенная къ Нему любовь“. Сія союзы въ жизни сей не имѣютъ настоящей твердости: ибо мы нынѣ еще въ зеркалѣ смотримъ на Божию несозданную красоту и въ гаданіяхъ только воображаемъ сіе превосходнѣйшее добро. Также и любовь къ Нему не есть еще столь совершенна, чтобы все сердце наше занималъ Онъ одинъ. „Совершенная любовь“, говоритъ возлюбленный ученикъ, „вонъ изгоняетъ страхъ“ (I Иоан., 4, 18). А мы, нынѣ любя Бога, боимся еще, чтобы не прогнѣвить любящаго насъ небеснаго Отца, работаемъ Господеви, но со страхомъ, и радуемся, но съ трепетомъ.

Но когда сіе облако темнаго понятія пройдетъ; когда бремя вещества тѣла нашего съ себя сложимъ; когда отворится намъ къ вѣчности дверь, тогда уже въ разумѣ нашемъ возсіяетъ полное познаніе Божества. „Узримъ бо Его лицемъ къ лицу, и якоже есть“ (I Кор., 13, 12), а въ Немъ, яко въ чистѣйшемъ зеркалѣ, и прочія вещи всѣ въ своихъ совершенствахъ. Тогда же и сердце наше все наполнится несозданной доброты сладостію: ибо тогда Богъ, по Апостольскому богословствованію, „будетъ всяческая во всѣхъ“ (I Кор., 15, 28). То есть, Онъ будетъ разуму свѣтъ, сердцу — веселіе и тишина, очамъ—радость, вкусу—сладость, пріятность—ушамъ; Онъ будетъ тѣлу красота, пища и одежда, Онъ будетъ „всяческая во всѣхъ“.

Такое состояніе, слушатели, называсмъ мы совершеннымъ чело-вѣческимъ блаженствомъ; въ семъ поставляемъ мы крайнее или верховное добро. Сія-то есть оная благая часть, которая временемъ не старѣется, печалами не смущается, зависти не боится, которая не огьимется никогда отъ того, кто сподобится единожды получить ее.

Сего язычники не знали: и мы бы въ семъ незнаніи пребывали, ежели бы не блеснулъ на насъ востокъ съ высоты Симъ познаниемъ просвѣщенный, Давидъ взывалъ ко Господу: „насышуся, насыщуся“. Но когда, скажи намъ, блаженный Давидъ?—„Егда явится мнѣ слава Твоя, Боже,—поеть онъ (Псал., 16, 15). Онъ же, будучи узвѣненъ любовію Божественнаго наслажденія радостотворный сей возносилъ гласъ: „что мнѣ есть на небеси? и кромѣ Тебе что восхотѣхъ на земли? Изчезе сердце мое и плоть моя, о, Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во вѣкъ“ (Псал., 72, 25—26)!

Въ семъ блаженномъ состояніи радуется теперь Преблагословенная Дѣва на небеси, Которую мы нынѣ съ Церковію воинствующею празднуемъ на земли, а съ Нею веселятся и чистѣйшіе ангелы, божественные пророки, преславный апостольскій ликъ, торжествующіе мученики, уѣвичаные преподобные и всѣ праведные души.

И какъ у Тебя, Отче небесный, обители многи суть, сотвори по благодсти Твоей, да и мы вселимся во дворѣхъ святыхъ Твоихъ со всѣми угодившими Тебѣ. Аминь.

Слово въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ *).

(О ДРЕВНОСТИ ИСТИННОЙ ВѢРЫ).

„Книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля“.

(Матѣ., гл. 1, ст. 1).

Самое начало Евангельской книги есть намъ начало радости. Ибо, вотъ, слышимъ мы, что родословіе Начальника благочестивой нашей вѣры и Совершителя Іисуса, по принятому Имъ челоѣчеству, относить благовѣстникъ Матѣей до знаменитаго въ благочестіи Давида и до древнѣйшаго Авраама, а божественный Лука не только до Ноя, возобновителя челоѣческаго рода, но и до самаго Адама, источника челоѣчества. А изъ сего открывается явственно, что мы въ вѣрѣ согласны съ древнѣйшими, прославленными въ благочестіи, мужами,—что святая вѣра наша не вчера явилась, но, началась тогда, когда начались люди быть;—что она есть одна и та же отъ самаго созданія міра. Такъ вѣровалъ Моисей и Давидъ, и всѣ бывшіе въ Ветхомъ Заѣтѣ: того же богопочтенія держался Авраамъ,—тѣмъ же путемъ ко спасенію шествовалъ и Адамъ со всѣми, прежде потопа бывшими, благочестивыми

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви, 1764 г., декабря 19 дня.

праотцами. По тѣмъ же слѣдамъ вѣры шествуемъ и мы. Такая вѣра соединяетъ всѣхъ древнихъ съ нами, и насъ дѣлаетъ древними. Такая вѣра, хотя и имѣетъ въ себѣ разныя состоянія, какъ бы, напримѣръ, младенчество, юношество и мужество, но всѣхъ воедино связуетъ православнаго общества тѣло. О, превосходство вѣры нашей! „Всякія кончины видѣхъ конецъ: широка заповѣдь Твоя, Боже, зѣло“ (Псал., 118, 96).

И понеже сіе разсужденіе не токмо само по себѣ важно есть, но и полезно къ утвержденію и утѣшенію нашему, въ оное болѣе взойти призываю благочестіе ваше духомъ кротости. А Ты, воплощенная Премудрость, предшествуя намъ свѣтомъ благодати Твоея, покажи, что, есть мудрованіе духа Твоего.

„Истинная вѣра есть вѣра самая древняя“. Ибо первый человѣкъ, чтобы онъ ни былъ, Бога почиталъ, и все то по возможности отправлялъ, что требуетъ Творецъ отъ твари, и что надобно къ достиженію блаженства, для котораго созданъ онъ. Такое богопочтеніе должно быть истинное, понеже первый человѣкъ не отъ кого другого, но отъ Самого Бога тому научиться долженъ; да оно же и древнее, понеже прежде его никого не было. И потому-то всякая новизна въ вѣрѣ есть не терпяма.

Но въ чемъ же оное древнее богопочтеніе состояло? По разсужденію Павлову,—въ томъ, дабы вѣровать, „что Богъ есть, и что Онъ взыскающимъ Его мздовоздатель бываетъ“ (Евр., 11, 6). Вотъ—существенная сила истиннаго богопочтенія! Но подъ краткими Павловыми словами много заключается. Ибо кто вѣруетъ, что Богъ есть, тотъ не можетъ усумниться, что Онъ есть всемогущъ, милосердъ вкупѣ и справедливъ. Всемогущество Божіе велитъ безопасно на Его защищеніе полагаться, милосердіе утверждаетъ надежду спасенія, правда требуетъ совершенной святости, сходной съ непорочною волею Его. Но какъ человѣкъ есть немощенъ, и всегда находитъ себя предъ лицемъ Божіимъ грѣшникомъ, слѣдуетъ, что онъ всегда имѣлъ нужду прибѣгать къ Его милосердію, и за основаніе вѣры Своей положить, что Богъ не по заслугамъ нашимъ, но по единому милосердію Своему спасаетъ насъ.

И понеже правдѣ Божіей нельзя быть нарушенной; а какимъ образомъ можетъ Богъ, не нарушивъ правосудія Своего, помиловать насъ, человѣкъ не силенъ разсужденіемъ своимъ постигнуть: то благоволилъ Богъ недостатокъ сей дополнить откровеніемъ Своимъ, и увѣрилъ всѣхъ древнихъ богопочтителей, что Онъ Самъ, въ свое время принявъ на Себя человѣчество, содѣлаетъ примиреніе правосудія съ милосердіемъ, и откроетъ сей способъ, столь мало человѣческому уму постижимый.

Сіи члены вѣры не суть ли совершенно тѣ же, на которыхъ утверждается благословенное христіанство? Но ихъ содержали и древніе всѣ. Первый человекъ былъ Адамъ, первому же ему было объявлено, что отъ сѣмени его имѣеть родиться Тотъ, Который сокрушитъ главу темной грѣховной власти (Быт., 3, 15). Сія радостная вѣсть сообщена была чрезъ него всему потомству. Послѣ неоднократно повторено сіе евангеліе Аврааму и послѣдователямъ вѣры его. Сіе же таинственное обѣщаніе Ветхій Завѣтъ проображалъ и жертвами, и таинствами, и обрядами. Видите вѣры нашея благоуханіе, разливающееся по всѣмъ вѣкамъ.

И хотя, подлинно свѣтъ вѣры сей въ разныя времена претерпѣвалъ нѣкоторые ущербы и затмѣнія. какъ то было во времена прежде потопа, во времена Авраамовы и Моисеевы и потомъ, когда всю почти землю тьма идолопоклонства покрывала: ибо всегда во вселенной свѣрѣпствовала, сила грѣха; однако, не приминула никогда благодѣтельность Божія сіи исправлять недостатки и разгонять глубокій оный заблужденія мракъ. Служили къ сему Его щедрыя благодѣянія, которыми Онъ снабжалъ избранныхъ Своихъ, и тѣмъ утверждалъ ихъ въ благочестіи; служили же къ тому и казни, которыми наказывалъ нечестивыхъ, а чрезъ то и ихъ отводилъ отъ нечестія, и другихъ приводилъ въ познаніе Своей всемогущей руки. Но, кромѣ сего, употреблялъ Онъ и живые гласы великихъ и просвѣщенныхъ людей, какіе были во всякомъ родѣ и мѣстѣ и времени, яко орудія свои въ просвѣщеніи челоувѣческаго рода. Таковъ былъ Ной и Симъ, Авраамъ, Мелхиседекъ, Моисей, Давидъ, Зоровавель, пророки всѣ, и прочіе, ихъ же имена— въ книгахъ животныхъ.

Сіи средства, хотя впрочемъ сами чрезъ себя дѣйствительны, не могли совершенно удержать нагло текущій потокъ беззаконій и испѣлать тлѣніе естества челоувѣческаго. Всякъ стоналъ подъ игомъ грѣха: всякъ по правдолюбости могъ со слезами произносить оныя Давидовы слова: „Нѣсть изцѣленія въ плоти моей, нѣсть мира въ костехъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ. Пострадахъ и слякохся до конца, озлобленъ быхъ и смирихся до зѣла“ (Псал., 37, 4, 7, 9). Почему нужда была повторять и оное часто Пророческое слово: „Аще не бы Господь Саваоѣ оставилъ намъ сѣмене, яко Содомъ убо были быхомъ, и яко Гоморру уподобилися быхомъ“ (Ис., 1, 9).

Сія оставшаяся надежда Израилева, сіе, говорю, благословенное сѣмя въ плачевной юдоли земли нашей произрасло, когда, по ученію Апостольскому, „Богъ Самъ явился во плоти (1 Тим., 3, 16), и Тотъ, Который многократно и многообразно исправлялъ міръ чрезъ пророковъ и другихъ просвѣщенныхъ мужей, Тотъ напоследокъ Самъ

великое дѣло принять на Себя и бесѣдовать съ нами о тайнахъ вѣчнаго царствія, зракъ раба принявъ и бывъ въ подобіи чловѣчествъ.

Черезъ сего Божественнаго Ходатая и Спасителя и мы отъ глубокаго заблужденія пзбавились, и намъ, сѣдящимъ во тьмѣ и сѣни смерти и нѣй, возсіяетъ свѣтъ истиннаго богопознанія. „Оправдившесе бо вѣрою миръ имамы къ Богу Господемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, Имъ же и приведеніе обрѣтохомъ въ благодать сію, въ пейже стоимъ и хвалимся упованіемъ славы Божія“ (Римл., 5, 1—2).

Къ чему же клонится все сіе наше разсужденіе?—Къ тому, дабы намъ представить предъ очи свои, что сія вѣра наша есть вѣра всѣхъ времянь, есть вѣра древнихъ всѣхъ, которое начало есть Божественное, происхожденіе удивительное, кончина же—жизнь вѣчная. Вѣра сія хотя имѣла, но различности обстоятельствъ, различныя состоянія: былъ въ пей какъ бы младенческій возрастъ, былъ юношескій, есть и мужескій; но всегда едино тѣло и единый оживляющій духъ. Перемѣнялись обряды, чиноположенія, таинства и другія окрестности, но существо вѣры пребывало неизмѣнно. Сею укрьшая себя вѣрою, странствуемъ мы съ Авраамомъ, искушеніи побѣждаемъ съ Давидомъ, на лѣствиду добродѣтелей восходимъ съ Иаковомъ, со всѣми древними святыми „то же брашно духовное ядимъ, и то же питіе духовное пиемъ: все бо они пили отъ духовнаго послѣдующаго Камене. Камень же бѣ Христосъ“ (1 Кор., 10, 3, 4).

Много бы времени надобно было, чтобы къ утвержденію истины ученія сего приводить изъ Святаго Писанія свидѣтельства. Почему вспоминаемъ хотя нѣкоторыя. Самъ Спаситель въ Евангеліи Своемъ о томъ увѣряетъ насъ: „не мните“, говоритъ, „яко придохъ разорити законъ или пророки“; никакъ: „не придохъ разорити, но исполнити“ (Мате., 5, 17). Также премудрый Апостоль неоднократно изъясняется, что ученіе его не иное что содержитъ, развѣ что содержалъ въ себѣ законъ и пророки. Свидѣтельствую“, сказываетъ, „малому же и великому, ничто же вѣщая, развѣ яже пророцы рекоша хотящая быти и Моисей“ (Дѣян., 26, 22). Еще разсуждая объ оправданіи вѣрою во Христа (который членъ вѣры въ христіанствѣ есть самый главный) онъ доказываетъ, что Авраамъ, прежде закона еще бывшій богопочитатель, не инымъ образомъ оправдался предъ Богомъ, развѣ вѣрою во грядущаго Христа; притомъ столь прославляетъ вѣру его, что и мы, когда хотимъ оправданы быти, должны въ томъ подражать вѣрѣ отца нашего Авраама. (Римл., гл. 4). Да и о всѣхъ, отъ самаго Адама бывшихъ, благочестивыхъ мужахъ сей же учитель подтверждаетъ, что они свидѣльствованы были въ вѣрѣ, которой вѣры, по его же изъясненію, былъ „Начальникъ и Совершитель Иисусъ“ (Евр., 12, 2).

И хотя сей же Апостоль объявляетъ, что „всѣ“ тѣ „святые“, впрочемъ, вѣрою украшенные „не пришла обѣтованія“ (Евр., 11, 39); но сіе разумѣть надобно такъ, что они Того, Который имъ обѣщанъ былъ Спаситель, очами тѣлесными не видѣли, по токмо очами вѣры на Него взирали, и лобызали Его, и радовались о Немъ, и спасались Имъ. А чрезъ то премудрый Господь честь предковъ нашихъ раздѣлилъ съ нами: имъ обѣщанъ Спаситель, а мы исполненіе того видѣть сподобились; они въ грядущаго вѣровали, а мы пришедшему поклоняемся,— „Богу лучшее что о насъ предзрѣвшу, да не безъ насъ совершенство пріимутъ“ (Евр., 11, 40).

Но, опять, можетъ кто предложить оное Апостольское же слово: „древняя мимоидоша, се, быша вся нова“ (2 Кор., 5, 17). Подлинно, то прошло, что было ветхо; но не прошла вѣра, которая никогда обветшать не можетъ. Прошли разные обряды, разные чиноположенія, которыя по различности временъ служили вѣрѣ, но самое вѣры основаніе пребываетъ недвижимо. Прошла младенческая слабость, наступила мужеская крѣпость; но составъ тѣла всегда остался ненарушимъ.

Сего нашего, подлинно, важнаго поученія есть то намѣреніе, чтобы показать истину тѣмъ, кои, немного обращаясь въ писаніяхъ святыхъ, думаютъ, что православная вѣра наша началась только отъ пришествія въ міръ Иисуса Христа, и что, слѣдовательно, ея прежде того времени не было никакимъ образомъ. Такъ какое же, съ сладостію спросили бы мы такихъ, прежде того было богочтеніе? истинное или неистинное? Ежели бы сказать неистинное, то куда же дѣнемъ Авраамову вѣру, которой намъ велитъ подражать Евангеліе? куда—благочестіе пророковъ? куда—оную древнихъ пѣснь: „Вѣдомъ во Іудей Богъ: во Израили ведіе имя Его“ (Псал., 75, 2)? Ежели же было истинное, но, совѣмъ тѣмъ, вѣра наша была бы отъ того богочтенія отмѣнная по всему, то къ чему же бы вводить новую вѣру, когда бы и преемное богочтеніе было истинное? Нѣтъ, благословенные христіане! „Иисусъ Христосъ вчера и днесь той же, и вѣкъи (Евр., 13, 8). Онъ есть краеугольный Камень, Который сѣнь законную и благодать Евангельскую соединяетъ въ единый составъ Церкви Своей.

Хотя, впрочемъ, не сомнительно, что чрезъ пришествіе Иисуса Христа вѣра въ большой возсіяла славѣ, отъ нѣкоторыхъ вредныхъ мнѣній очищена и, по разрушенія границъ Іудейскихъ, сообщена свѣту всему. Ибо вмѣсто того, что прежде только пѣли пѣснь Господню внутри стѣнъ Іерусалимскихъ, нынѣ мы всѣ языки воспѣваемъ Господеву пѣснь нову; поетъ Господеву вся земля, и не во Іерусалимѣ токмо, но вездѣ поклоняемся Отцу небесному „духомъ и истинною“ (Іоан., 4, 24).

Сихъ всѣхъ великихъ благодѣяній виновникъ намъ есть Божественный Спаситель нашъ, Котораго понеже приближается день, въ коемъ Онъ для спасенія нашего явился во плоти,—предуготовимъ къ принятію Его самихъ себя, дабы Онъ, яко Внелеемскій вертепъ, и нищету нашихъ душъ обогатилъ присутствіемъ Своего Божества. Аминь.

Слово въ недѣлю о Закхѣѣ *).

„И искаше Закхей, видѣти Іисуса“
(Лук., гл. 19, ст. 3).

Какъ, изъ лука пущенная, стрѣла прямо несется къ мѣтѣ, такъ человѣческій духъ естественно стремится къ Богу. Обходяще онъ всѣ вещи яко недостойныя себя, и углубляясь въ разсматриваніе красоты несозданнаго существа, находитъ тутъ все свое удовольствіе. Ибо Богъ создалъ человѣка ради Себя,—не въ томъ разумѣ, яко бы имѣлъ Онъ въ немъ для Себя какую пользу, но потому говоримъ: „ради себя“, чтобы человѣкъ не въ другой какой созданной вещи, но въ Немъ Самомъ искалъ своего блаженства, чтобы въ Немъ утопалъ, яко въ океанѣ сладостей. Сіе воображая, Давидъ радостнымъ духомъ воспѣлъ: „Возжада душа моя къ Тебѣ, Боже“ (Псал. 62, 1—2)! А къ Нему прибѣгая, нѣкоторый церковный учитель съ Богомъ такъ бесѣдуетъ: „Создалъ Ты насъ, Господи, ради Себя, и не спокоенъ духъ нашъ, пока не успокоится въ Тебѣ“!

Сіе духа нашего стремленіе иногда въ нѣкоторыхъ слабѣетъ, но совѣмъ истребиться не можетъ. Слабѣетъ оно, когда человѣкъ волю даетъ страстямъ, и, яко младенецъ, наружными вещами прельщается, но возбуждается паки, когда тотъ же человѣкъ, пришедъ въ самого себя, разсудитъ несовершенства свои, и усмотритъ, что всѣ мнимыя увеселенія или прошли, или пройдутъ, или еще и въ горесть обратятся.

Мы не можемъ отречься, чтобы не чувствовать въ себѣ сего сильнѣйшаго желанія наслаждаться умнымъ зрѣніемъ Бога. Почему изслѣдуемъ, „гдѣ мы можемъ видѣть Бога“. А Ты, несозданная красота, яви намъ Себя, да разумно видимъ Тя!

Въ трехъ зеркалахъ мы можемъ видѣть Бога: „въ зеркалѣ тварей, въ зеркалѣ вѣры и въ зеркалѣ славы“. Въ первое смотрятъ младенцы, во второе—возрастающіе, въ третіе—совершенные. Первое открылось при созданіи міра, второе—при искупленіи человѣческаго рода, третіе откроется при прославленіи избранныхъ Божіихъ. Посмотримъ мы во всякое особъ въ предшествіи несозданнаго свѣта Господня.

* Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ придворной церкви, 1765 года, января 16 дня.

Зерцало тварей ясно показывает намъ Творца своего. Изъ созданія ихъ дознаемъ мы бытіе несозданнаго существа: что онѣ всегда въ цѣлости своей сохраняются, доказывается изъ того неизглаголанная благость Его; что онѣ же порядочно управляются къ своимъ концамъ, открывается изъ того безконечная премудрость Его; а все увѣряетъ о Его неограниченномъ всемогуществѣ.

И какъ мы тварями со всѣхъ сторонъ ограждены, да и сами тутъ же включаемся, то нѣтъ вещи и нѣтъ мѣста, гдѣ бы мы не нашли изображенные слѣды Божества. Сію видимаго міра книгу, золотыми буквами написанную, всякъ читать можетъ — и мудрый и невѣжа, и младенецъ и возрастной, еллинъ и скиецъ, благородный и варварь. Народы, различествующіе языками, сей общій разумѣютъ языкъ. Любитель Божій, куда ни обратитъ очи свои, вездѣ находитъ любовную бесѣду съ Богомъ; вещи вмѣсто зеркала употребляетъ и отъ тварей къ своему Творцу возносится. Нѣкто сказалъ, что ему, вмѣсто учителей, были дубовыя и буковыя деревья, подъ сѣнію которыхъ размышлялъ онъ въ тайнѣ сердца своего о Создателѣ міра сего. О, Боже! „Въ мори путіе Твои, и стези Твоя въ водахъ многихъ: свидѣнія Твоя, Господи, увѣришася зѣло“ (Псал., 76, 20; 92, 6). Вся тварь намъ громогласнѣ трубы всякой вопіетъ: „Той сотвори насъ, Той, а не мы“ (Псал., 99, 3). Давидъ блаженный столь углубился въ размышленіе сіе, что ему міръ по красотѣ своей достойнымъ показался къ украшенію Самого Бога. Онъ себѣ представляетъ, что Царь царствующихъ облеченъ въ славу и препоясанъ; вмѣсто ризы одѣвается онъ свѣтомъ: царскій шатеръ у него — небо; золотанный коверъ — разсѣянные по землѣ цвѣты; увеселительныя фонтаны — скачущіе изъ нѣдръ земли источники, быстротечные кони — облака, великолѣпная колесница — распростертыя вѣтровъ крыла, а слуги его — пламень огненный.

И для того, подлинно, по ученію Павлову, будутъ предъ судомъ Божиимъ безотвѣтственны, которые истину столь ясную не признавали, дѣлая насильствіе совѣсти своей. Ибо сила, ведущая къ познанію Бога, вліяна въ сердца всякаго человѣка. Невидимая бо Божія, яко-то присносущная сила Его и Божество, изъ размышленія о тваряхъ становятся видимыми (Римл., 1, 20). Почему трудно и повѣрить, чтобы были такіе уроды, которые, отвергая бытіе Божіе, притомъ отъ собственной совѣсти и отъ всѣхъ вещей обличаемы не были.

И хотя, по примѣчанію Пророческому, нѣкоторый безумный „рече въ сердца своемъ“, то есть, силится мысль свою склонить на то, „аки бы не было Бога (Псал., 13, 1). Но для чего онъ сію нечестивую мысль содержитъ только въ сердца, а не произноситъ словами? спрашиваетъ святой Златоустъ. „Для того, де“, примѣчаетъ учитель

сей, „что въ самое то время, когда онъ отворилъ бы свои уста, вся тварь возопила бы противъ него, и дерзновенныя его уста заградилъ бы“.

При семъ случаѣ смотрѣнія нашего въ зеркало тварей, пришло мнѣ на мысль оное Апостольское слово: „Суетѣ тварь повинуся новолею“ (Римл., 8, 20). То есть, вся тварь подвержена стала суетѣ противъ воли и намѣренія Создателя. Такія слова кажутся противны тому, что мы утверждали, что твари не только не суть суетны, но и руководствуютъ къ Богу. Какую же здѣсь Апостоль разумѣть суету? „Суета тварей есть употребленіе тварей во зло“. Кажется бы нельзя повѣрить, дабы злость человѣческая была столь сильна, чтобы самое намѣреніе Божіе превратить могла. Но есть то самымъ дѣломъ такъ. Язычники, напимѣръ, вмѣсто того, чтобы, смотря на солнце, луну и прочія небесныя свѣтила, доходить до Бога, обоготворяли ихъ самихъ: вмѣсто того, чтобы „отъ величества красоты созданий сравнительно родоѣлателя ихъ познавать“, имъ самимъ поклонялись. Всѣ Господни дѣла не своимъ путемъ пошли. Злодѣи употребляетъ воздухъ, чтобы удушить,—огонь, чтобы сожечь,—воду, чтобы утопить,—железо, чтобы убить человѣка неповиннаго. Благословенныя произращенія земли сдѣлались случаемъ обжорства и пьянства, красота тѣла—поводомъ къ безчестной похоти, золото—возбужденіемъ къ лихоимству и сребролюбію, честь—къ гордости и презорству, разумъ—къ изобрѣтенію хитростей, науки бываютъ матерією вѣчныхъ споровъ и, слѣдовательно, помраченія истины. Нѣтъ, по истинѣ, столь доброй вещи, которая чрезъ необузданное человѣческое своеволие не употреблена была бы во зло.

Итакъ, развращеніемъ нашимъ пресвѣтлое сіе тварей зеркало помрачилось: сія книга дѣлъ Божіихъ сдѣла ась намъ училищемъ всякаго зла; міръ, вмѣсто того, чтобы быть руководителемъ къ истинѣ и къ источнику ея—Богу, сдѣлался полнымъ соблазномъ. Почему пророки, апостолы, евангеліе и всѣ просвѣщенные люди принуждены увѣщавать насъ, чтобы береглись міра, чтобы бѣгали міра сего лукаваго. Ахъ, странное превращеніе! „Тебѣ, Господи, правда, а намъ стыдъ лица“ (Дан., 9, 7).

Не должно думать, аки бы міръ самъ чрезъ себя худъ былъ; вѣтъ, онъ есть дѣло рукъ премудраго Художника. Но мы благое Божіе сами себѣ обратили во вредъ: врачество спасительное, которое намъ дано въ животь, то употребили себѣ въ смерть, „да явится, сколь силень грѣхъ, благимъ мнѣ содѣвая смерть“ (Римл., 7, 13), какъ рассуждаетъ Апостоль премудрый.

Почему прямо отсюда слѣдуетъ, что мы зеркаломъ тварей къ полученію совершеннаго о Богѣ и блаженствѣ нашемъ познанія до-

вольны быть не можемъ, но имѣемъ нужду, чтобы сію божественную міра книгу, нашимъ нерадѣніемъ потемненную, протолковалъ. Однимъ словомъ, нужда намъ искать яснѣйшаго зеркала.

Такое есть зеркало вѣры, къ которому, подлинно, нѣсколько руководствуетъ и зеркало тварей, но свѣтлости сего уступаетъ. Оно общее есть людямъ всѣмъ и самымъ грубымъ: сіе есть собственно единымъ просвѣщеннымъ. За такое зеркало почитаемъ мы откровение вѣрою приемлемое. Но что видимъ мы въ зеркалѣ семъ? Видимъ во-первыхъ, недостатки наши, и что мы весьма далеко отстоимъ отъ онаго конца, для котораго созданы мы. Послѣ сего вѣра возводитъ насъ на славнѣйшее зрѣлище, на которомъ усматриваемъ мы, что Самъ Богъ милосердіемъ будучи подвиженъ, одѣвается въ плоть нашу и славу Божества Своего сокрываетъ подъ покрываломъ смертнаго человѣческаго естества; а, въ семъ будучи состояніи, открываетъ Онъ намъ вѣчныя истины спасенія нашего и, смертію Своею удовлетворивъ правосудію, все богатство благодати Своей истощаетъ на насъ. Черезъ что не токмо успокаиваетъ Онъ совѣсть нашу отъ страха гнѣва Божія трепещущую, но и блаженными надеждами наполняетъ. Сей есть свѣтъ, который мы изъ зеркала вѣры почерпаемъ. О чемъ такъ восклицаетъ богогласный Павелъ: „Премудрость глаголемъ въ совершенныхъ, премудрость же не вѣка сего, ни князей вѣка сего престающихъ“, то есть, со смертію которыхъ вся наука исчезаетъ; „но глаголемъ премудрость Божию, въ тайнѣ сокровенную, юже никтоже отъ князей вѣка сего разумѣ“ (1 Кор., 2, 6—8). И на другомъ мѣстѣ: „Мы вси откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе, въ той же образъ преобразуемся отъ славы въ славу, яко же отъ Господня духа“ (2 Кор., 3, 18).

Зерцало сіе божественное всѣмъ открыто. Ибо милосердый Избавитель нашъ ведегласно всѣхъ призываетъ къ Себѣ: „Придите ко Мнѣ и просвѣтитесь, и лица ваша не постыдятся“ (Псал., 33, 6). Онъ предвараеть о себѣ: „Явленъ быхъ не ищущимъ Мене, обрѣтохся не вопрошающимъ Мене“ (Ис., 65, 1). Свидѣтеля въ томъ имѣемъ мы нынѣшняго Закхѣя, трепетная душа котораго не дерзала приступить къ Проповѣднику спасенія.—почему, взлѣзши на дерево, издалека умиленныя очи св. и обращалъ на Него. Но милосердый Владыка, проникая во внутренность сердца его, объявилъ, что Онъ желаетъ его страннолюбіемъ угощенъ быть, и что Онъ хотя грѣха отвращается, но грѣшника кающагося приемлетъ.

Такимъ свѣтомъ осіяваетъ насъ зеркало вѣры, но, совѣмъ тѣмъ, великій Павелъ и сей вѣры свѣтъ находитъ несовершеннымъ. Онъ объявляетъ, что мы въ жизни сей „вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ“

(2 Кор., 5, 7), какъ будто бы вѣрою мы ничего не видимъ; или хотя и видимъ, но „яко въ зеркалѣ и въ гаданіяхъ“ (I Кор., 13, 12), то есть, поверхность одну сокровенныхъ вещей, да и ту темно, „въ гаданіяхъ“. Кто убо не признается, что должно быть еще другое яснѣйшее зеркало, въ которомъ бы Богъ намъ познаніе Свое сообщилъ совершеннѣйшимъ образомъ? Да и подлинно мы, присносущнаго свѣта сіяніемъ, нѣкогда просвѣщеннымъ себѣ быть надѣемся. Ибо мы уже въ сердцѣ своемъ находимъ сея надежды основаніе, которому должно совершиться, и предвкусили уже сладость будущаго совершенства.

Третіе убо въ свое время откроется намъ, слушатели, зеркало славы, въ которомъ мы по Апостольскимъ словамъ „узримъ Бога лицомъ къ лицу“ (I Кор., 13, 12), а по ученію Іоаннову, „узримъ его, яко же есть“ (I Іоан., 3, 2), то есть, несозданная и непостижимая она красота такъ себя откроетъ, какова она сама въ себѣ есть, и сколько бранный нашъ умъ вмѣститъ возможетъ. О, состояніе, которое желаніе всякое превосходитъ! Но, чтобы о немъ обстоятельнѣе говорить, надобно особеннаго времени, а притомъ, понеже еще его „наше око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце наше не веходило“ (I Кор., 2, 9), то остается молить Тебя, Боже и Отче Господа нашего Ісуса Христа, да сподобимся и мы видѣть свѣтъ славы Твоея въ свѣтѣ блаженнаго лицезрѣнія Твоего. Аминь.

Слово въ недѣлю Мясопустную *).

„Придетъ Сынъ Человѣческій въ славу Своей“.

(Мат., гл. 25, ст. 31).

Было пришествіе первое, будетъ же и второе: первое было смиренное, второе будетъ славное; первое подобно было дождю сходящему на руно и капли капающей на землю, второе подобно будетъ молніи, которая, освѣтивъ востокъ, вдругъ достигаетъ и до запада: „освѣтитъ молнія Его вселенную, увидятъ и подвижутся земля, горы яко воскъ растають отъ лица Господня, отъ лица Господа всея земли“ (Псал., 96, 4—5). Ибо въ первомъ Сынъ Человѣческій пришелъ спасти міръ, во второмъ придетъ судить міръ.

И понеже сей судъ имѣетъ быть съ тѣмъ, чтобы воздать всякому по вѣрѣ его и по дѣламъ его, слѣдовательно, судъ сей страшенъ только будетъ невѣрнымъ и нераскаяннымъ грѣшникамъ; а вѣрнымъ и въ благочестіи до смерти пребывавшимъ желателенъ и радостенъ. Тѣ вос-

* Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ придворной церкви, 1765 г., февраля 6 дня.

трепещуть, чувствуя изливаемую на себя чашу ярости гнѣва Божія, а сіи возвеселятся, приѣмля несказанное награжденіе за подвигъ вѣры и добродѣтели. Одни отъ горести духа будутъ кричать горамъ: „падите на ны“; и холмамъ: „покройте насъ“ (Апок., 6, 16); другіе въ веселомъ восторгѣ пѣть будутъ пѣснь, пристойную браку Агичу. „Возвеселится праведникъ, егда увидитъ отмщеніе: рудѣ свои умыетъ въ крови грѣшника: И речеть человекъ: аще убо есть плодъ праведнику, убо есть Богъ судя имъ на земли“ (Псал. 57, 11—12).

Какое имѣеть быть страшнаго суда сего происшествіе; о томъ говорить я теперь не намѣренъ, ибо нынѣшнее Евангеліе хотя кратко, но ясно и живо то намъ описало. Мы, вмѣсто того, изслѣдуемъ, *какая для насъ есть польза утѣреннѣмъ быть, что будетъ челоуѣческимъ дѣламъ судъ*. А Ты, испытуай сердца и утробы, Боже, Ты, Который сказалъ, что самое слово Твое будетъ насъ судить въ послѣдній день, сотвори, дабы оно намъ теперь было во спасеніе!

Нѣтъ дѣйствительнѣйшей уады для удержанія челоуѣческихъ склонностей, какъ то, что надобно нѣкогда во всѣхъ своихъ дѣлахъ дать отчетъ Тому, отъ Котораго яко всевѣдущаго ничего скрыть нельзя,—Который, яко справедливый, не знаетъ пріятія лицъ, и Который, яко Пресвятый, равно гнушается нечестиваго и нечестія его,—однимъ словомъ, чтобы памятовать судъ.

Почему сія, кажется, и есть причина, что нѣкоторымъ непріятно, когда говоримъ о судѣ, или и совѣмъ тому вѣрить не хотять, не знаа, говорю, причина, какъ только, что напоминаніе сего не мало препятствуетъ исполненію ихъ склонностей: ибо человекъ обыкновенно, чего не любить, того и принять не хочетъ. Феликсъ все слушалъ хорошо Павла, но какъ помянулъ онъ ему о судѣ, смутившись Феликсъ Павлу сказалъ: „Теперь поди отъ меня, а когда время будетъ, я тебя призову“ (Дѣян., 24, 25). Но мы, въ противность словамъ вельможи сего, должны говорить: Душе Святый! прійди къ намъ. Мы теперь имѣемъ время, мы призываемъ Тебя: открой намъ пользу ожидаемаго нами суда!

Первая польза есть, что мы чрезъ то возбуждаемся къ добродѣтели, надѣясь, что она не останется безъ награжденія. Послѣдняя слеза, пролитая нами отъ сожалѣнія о неповинномъ человекѣ, не будетъ забыта: наималѣйшая милостыня заплатится, скрытое сострадательное о другомъ воздыханіе предъ всѣмъ свѣтомъ будетъ прославлено: за доброе слово сынами Вышняго будемъ названы, за чашу студеной воды прольются намъ источники безсмертія, будетъ почтена предъ очами Божиими супружеская любовь, дѣвическая чистота, любовное пріятелей обхожденіе, подчиненныхъ къ высшимъ повиновеніе, высшихъ о подчиненныхъ попеченіе, всякое доброе намѣреніе не постыдится, привле-

жаніе похвалится, трудъ наградится, вѣрность прославится, ревность облобызается, подвигъ вѣры и всякой добродѣтели увѣнчается. Чтобы ты ни сдѣлалъ доброе въ тайнѣ, то „Отець небесный, видяй въ тайнѣ, воздасть тебѣ явѣ“ (Матѣ., 6. 4).

Разсуждая сіе, Государь безъ унынія будетъ сносить свои великіе труды, тѣмъ напротивъ, что онъ ни отъ кого на земли награжденъ быть не можетъ; министръ будетъ хранить незазорную совѣсть, вѣдая, что нѣкогда откроются совѣты сердечные; церковный служитель симъ возбудится блюсти чистоту духа въ союзѣ вѣры; воинъ безъ страха свою будетъ проливать кровь; куонецъ въ простотѣ сердца своего будетъ служить нуждамъ общимъ; земледѣлецъ безъ отягощенія будетъ влечь свой плугъ, увеселяя себя надеждою плодовъ въ будущей на небесѣхъ жатвѣ.

И хотя должны мы любить добродѣтель для нея самой, однако, чтобы больше къ ней прилежали, благоволилъ Богъ ободрить насъ къ тому надеждою воздаянія. Когда говоримъ, что добродѣтель сама себѣ есть награжденіе, не въ томъ говоримъ разумѣ, аки бы она, кромѣ самой себя, другого награжденія не имѣла, но что она, хотя бы отъ человѣка и презрѣна была, съ другой стороны—имѣетъ великія надежды. Да притомъ смертные люди и не имѣютъ, чѣмъ могли бы довольно наградить никогда не умирающую заслугу добродѣтели.

И какъ чаяніе будущаго суда возбуждаетъ насъ къ добродѣтели, такъ удерживаетъ отъ зла. Ибо увѣрены мы, что за всякое праздное слово должны будемъ дать отвѣтъ,—что всякое помышленіе взято будетъ на разсужденіе, всякая слеза внесется въ число, всякая обида поставится на мѣру, всякое преступленіе положится на вѣсъ. И сіе тѣмъ будетъ удобнѣе, что сама совѣсть будетъ всему тому доноситель, свидѣтель, и нѣкоторымъ образомъ судія, да и она же сама будетъ, которая осудится или оправдается. О! что, ежели бы сего не было страха? И такъ всюду вламывается порокъ, превращаетъ государства, разоряетъ земли, истребляетъ города, такъ, что вопль его доходитъ до самаго неба. А что, ежели бы сей узды не было?

Но, о преблагого о насъ Божія промысла! какъ только надмится мысль наша разными своевольными предпріятіями, страхъ суда смиряетъ оную, и въ самомъ прихотей нашихъ стремленіи насъ останавливаетъ. Сей думаетъ, какъ бы, ограбивъ другого, себя обогатить; но, вотъ, уже его обнаженнаго несутъ во гробъ. Тотъ въ покоѣ ночномъ безпокоитъ себя, выдумывая способы, какъ другого неповинно обнести, но вотъ онъ самъ позванъ къ Божиюму нелицепріятному суду. Много мы затѣваемъ, и весьма далеко бросаемъ мысли свои, но въ самое то время, въ которое казалось, что мы договоръ сдѣлали съ смертію, дабы она

къ намъ никогда не приходила, въ самое сіе время вотъ персть Божій предъ твоими, человѣче, очами пишетъ: Мани, Фекель, Фаресь, то есть „Богъ измѣрилъ жизнь твою, и сократилъ ее, положилъ на вѣсы Свои всѣ предпріятія твои, и показались предъ очами Его очень легки; разобралъ Онъ дѣла твои, и отбросилъ ихъ отъ лица своего“ (Дан., 5, 25). Охъ, какой страшный на пышность человѣческую ударъ! Послѣ Александра Македонскаго нашлись (вымыселъ) проекты, въ которыхъ сей властолюбивый Государь, не удовольствовавшись, что уже завоевалъ большую земли часть, хотѣлъ еще и въ другихъ вселенной углахъ оружіемъ своимъ смутить покой смертныхъ; но въ самомъ жару сихъ великихъ замысловъ холодная смерть поражаетъ его. Здѣсь язычникъ сказалъ бы ему: „теперь думай, Александръ, какъ тебѣ переѣхать черезъ Стиксово озеро“; а мы, христіане, сказали бы ему: „думай теперь, какъ тебѣ отвѣтъ дать имѣющему власть живота и смерти“.

По случаю разсужденія сего примѣтимъ мы, слушатели, что самая смерть намъ не мало благодѣтельствуетъ. Ибо, ежели бы никогда не умирали мы, никогда не перестали бы грѣшить, слѣдовательно, никогда не перестали бы беспокоиться. Такъ-то самое Божіе наказаніе есть намъ благодѣяніе!

Разсужденіе сіе есть сильное средство къ удержанію непристойныхъ склонностей. Оно злодѣянію есть мучительная язва, мздоимцу—бичъ, невоздержному—узда, своевольному—оковы, лѣнивому—возбужденіе, лжесловеснику—ограда. А ежели бы кто и симъ нимало не двигался, или по крайней мѣрѣ въ злодѣяніяхъ своихъ ни малаго признанія не имѣлъ, того почитать надо за солону, на сожженіе вѣчному огню уготованную.

Святое Писаніе отъ сего предостерегаетъ насъ, представляя въ примѣръ пять бунхъ дѣвъ, которыя, ожидая пришествія жениха своего, задремали, черезъ что у нихъ и масло оскудѣло и огонь погасъ (Матѣ., 25, 8). Ахъ, дѣвы, пошлите, безразсудныя! надобно было вамъ частымъ воспоминаніемъ суда возжигать свѣтъ трезвыхъ мыслей и непорочныхъ совѣти. И для того-то блаженный Иеронимъ обычай имѣлъ часто говорить: „ѣмъ ли я, пью ли я, или часто другое дѣлаю, всегда сей гласъ кажется звенить въ ушахъ моихъ: встаніте, мертвые, идите на судъ“!

При случаѣ сего христіанскаго ученія сказать надобно и то, что ежели бы люди не были увѣрены о будущихъ за добро и зло воздаяніяхъ: то никакое и общество стоять не могло бы. Ибо безъ сего чѣмъ государь удержать своихъ подданныхъ отъ зла? чѣмъ возбудить къ добродѣтели? Награжденіями, скажете вы, и наказаніями. Но много

бываетъ потаенныхъ злодѣйствъ, въ которыя проникнуть нельзя, много скрытыхъ добродѣтелей, которыя здѣсь безъ награжденія остаются. Такъ чѣмъ же, паки говорю, верховный начальникъ утвердить законы свои? Поистинѣ, напоминаямъ Божія правосудія, которое ни злыхъ безъ наказанія, ни добрыхъ безъ награжденія не оставитъ.

Многіе со всею своею доброю совѣстію отъ нападковъ сильныхъ не имѣютъ насущнаго хлѣба, многія святыя души отъ клеветъ, отъ гоненій проливаютъ слезы цѣлые источники. Отъими отъ нихъ еще послѣднюю надежду будущаго Божія воздаянія, ты однимъ разомъ и добродѣтель уничтожишь, и ихъ поразишь отчаяніемъ. Іовъ, лишившись всего, чѣмъ міръ увеселяетъ насъ, лютою страдалъ язвою. Послушайте же, чѣмъ утѣшалъ себя сей великодушный мужъ: „вѣмъ,—говорилъ онъ,—яко присносущенъ есть, иже имать искупити мя и на земли воскресити кожу мою терпящую сія“ (Іов., 19, 25).

Такъ успокойте же жалобы свои вы, мнимые несчастливцы, и слезы свои растворите радостію. „Се, придетъ Господь на облацѣхъ, и мзда Его съ нимъ (Апок., 1, 7; 22, 12). Онъ отретъ слезы ваши; „и тогда возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не возьметъ отъ васъ“ (Іоани., 16, 22).

Надобно признаться, впрочемъ, что мы не все-то напрасно терпимъ, но нѣкоторыя въ насъ суть грѣховныя раны, для исцѣленія которыхъ Врачъ душъ и тѣлесъ часто употребляетъ орудіе временныхъ наказаній и несчастій. Почему должны мы все сіе сносить съ благимъ терпѣніемъ, потому наипаче, что, по мудрствованію Апостолу, точно съ тѣмъ милосердный Господь намъ временно наказываетъ, „да не когда съ міромъ осудимся“ (1 Кор., 11, 32). Поражаетъ иногда плоть, „да духъ спасается въ день Господа нашего Іисуса Христа (1 Кор., 5, 5).

Наконецъ прибавимъ и то, что какъ смерть не рѣдко бываетъ нечаянна, такъ и судъ будетъ внезапный. Почему не надобно покаянія откладывать. Не знаемъ „въ какой часъ Господь нашъ придетъ. Да будутъ убо чресла наша препоясана, и свѣтильницы горящія“ (Лук., 12, 35). А что еще не постигъ насъ страшный часъ сей, то да не будетъ намъ случаемъ своевольной безопасности, но доказательствомъ благодати и долготерпѣнія Божія, которое насъ на покаяніе ведетъ. Молить Господа должно, чтобы въ грѣхи не впади мы, или, по крайній мѣрѣ, во грѣхахъ бы не закоснѣвали. Но когда памятовать станемъ послѣдняя наша, по истинѣ или несогрѣшимъ, или во грѣхѣ не закоснѣемъ. Аминь.

Слово въ недѣлю вторую Великаго поста *).

(О ГРѢХѢ, КАКЪ ВИНѢ БОЛѢЗНЕЙ).

„Чадо! отпускаются тебѣ грѣси твои“.

(Марк., гл. 2, ст. 5).

Вотъ—умиленное зрѣлище и доказательство слабости нашего естества! Принесенъ предъ глаза общаго нашего Спасителя одинъ расслабленный, котораго лютаѧ болѣзнь всего лишила движенія такъ, что онъ и той утѣхи не имѣлъ, чтобы могъ другому изъяснить свою болѣзнь. Однако, совсѣмъ тѣмъ сего расслабленнаго почитаю счастливецъ онаго, о которомъ упоминаетъ евангелистъ Иоаннъ (гл. 5). Тотъ тридцать восемь лѣтъ страдалъ сямъ мучительнымъ недугомъ; и во все сіе столь долгое, наипаче больному, время ни одного человѣка не имѣлъ, который бы его расслабленные члены поднялъ и бросилъ въ цѣлительныя воды. Но сей не одного, а и четырехъ нашелъ такихъ благодѣтелей, которые не только его и съ одромъ на свои плеча взяли, но и прокопали верхъ того дома, въ которомъ находился тогда посланный съ небесъ милосердый Цѣлитель, окружаемый множествомъ народа.

Надобно удивляться и благодарить сихъ добрыхъ людей сострадательной благосклонности, но я больше удивляюсь несказанной Христовой благодати, Который не только сего больного исцѣляетъ отъ болѣзни, но и отпускаетъ ему грѣхи. Спасителю Христе! расслабленный просить милосердіе Твое объ отнятіи только недуга: довольно было бы не презрѣть Тебѣ сего единаго прошенія. Но нѣтъ, чтобы истребить дѣло, напередъ истребляетъ Онъ того вину; надобно иссушить источникъ, чтобы удержать текущій оттуда потокъ беззаконія. А отсюда видно, „что болѣзней причиною есть грѣхъ“. Но какъ сіе предложеніе съ перваго вида кажется темно, оное обстоятельство разберемъ настоящею бесѣдою. А Ты, Врачу душъ и тѣлесъ, коснись брэннаго языка моего, и сотвори, да будетъ онъ просить книжника скорописца!

Нѣтъ сомнѣнія, что первый человѣкъ созданъ не больнымъ, но здоровымъ и крѣпкимъ. Но не такимъ, скажете вы, чтобы онъ со временемъ не могъ болѣзнями подверженнымъ быть. Подлинно, и я не спорю въ томъ, но опять же не созданъ точно съ тѣмъ, чтобы ему чрезъ всю жизнь разными родами болѣзней мучиться: ибо сіе ни съ благодію Божіею, ни съ правосудіемъ согласить бы было нельзя. Но зачѣмъ же, паки предложить кто, Богъ и далъ такое тѣло, которое болѣзнямъ могло быть подвержено? Да тѣло, какое бы оно ни было,

*.) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ придворной церкви, 1785 года, февраля, 27 дня.

должно быть тѣло, то есть, тлѣнно не противное. А чтобы самую вещь тѣло наше болѣзнямъ было неприступно, для сего довольныя милосердый Творецъ далъ предосторожности. Какія же именно, — для сего взойдемъ мы разсужденіемъ своимъ мало повыше.

Человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души, которыя оба существа имѣютъ свои склонности. Душа, яко чистое духовное существо, стремится до того, что ей предписываетъ разумъ, и единственное наслажденіе находить въ соединеніи съ Богомъ чрезъ добродѣтель. Но тѣлесныя склонности привязываютъ себя къ тому, что пріятно чувствамъ. Тѣлесныя склонности безгрѣшны и безвредны, ежели онѣ управляемы бываютъ разумомъ, и не производятся въ дѣйство, развѣ поколику онѣ не препятствуютъ успѣху добродѣтели. Въ семъ согласіи склонностей тѣлесныхъ съ душевными состоитъ и хранится ихъ благополучіе человѣческое какъ по душѣ, такъ и по тѣлу. Пока сіе согласіе пребываетъ ненарушимо, блаженство человѣческое остается въ своей цѣлости; но когда склонности тѣлесныя преодолѣютъ разума силу, то такой случай есть ударъ, которымъ хижина блаженства разрушается. Преодолѣвающія разумъ склонности называются страстями.

Всякъ теперь видитъ, что первому человѣку, яко разумной и свободной твари, для сохраненія своего блаженства надобно было, всё силы употреблять, не допустить себя побѣдиму быть отъ склонностей чувствъ своихъ противъ закона разума. Ибо, если бы въ немъ сіе равновѣсіе не было нарушено, не было бы въ немъ мѣста страстямъ, слѣдовательно, не было бы приступа болѣзнямъ. Вотъ въ чемъ состояла спасительная и единственная противъ болѣзней предосторожность.

Но какъ въ первомъ человѣкѣ склонности тѣлесныя преодолѣли силу разума, и пріятности, ласкающія чувствамъ, опровергли здравое разсужденіе, чрезъ то тогда же спокойство души нарушено, — открытъ сталъ путь страстямъ, всегда противящимся разуму, и человѣкъ самъ сдѣлался плачевнымъ театромъ сей внутренней войны. вмѣстѣ съ страстями взошли пороки, а съ пороками различныя напасти и болѣзни, болѣзни приводятъ тѣло въ слабость, а скорби и напасти и совѣмъ сокрушаютъ. Такъ, вотъ, и видимъ печальное начало не токмо болѣзней, но и самой смерти.

Сіе разсужденіе есть непринужденное. Ибо и нынѣ чѣмъ больше кто противится страстямъ, тѣмъ меньше тернить болѣзней. Многіе пустыяники, которые всѣми силами поработали страсти свои, безъ дальнихъ болѣзней свою препровождали жизнь, и умирали такъ спокойно, какъ зрѣлое яблоко безъ всякаго принужденія и рванія само собою спадываетъ со стебля. Но чѣмъ больше кто отдаетъ себя порокамъ, тѣмъ множайшими страждетъ недугами. Не самый ли повсе-

дневный опыт доказываетъ, сколько пропадаетъ отъ пьянства, какими болѣзнями поражаетъ блудодейственная страсть,—сколько случается припадковъ отъ неумѣреннаго гнѣва или отъ зависти,—сколько расслабляетъ праздность,—сколько вредятъ здравію человѣческому неумѣренныя труды, излишнія заботы, печали, клеветы и обиды другихъ; сколько поядаетъ людей война, которая съ одной стороны всегда бываетъ несправедная? Какъ есть неисчислимое множество страстей: такъ столько же есть и причинъ болѣзней. Кто убо не признается, что изъ сего источника простекли различныя болѣзни, расслабленія, подагры, эпилепсін, горячки, трясотицы, чахотки и прочія, которыхъ всѣхъ только исчислить еще до сихъ поръ лекари не могутъ.

И сіе-то сократило и сокращаетъ нашъ вѣкъ такъ, что многія животныя въ томъ берутъ у насъ преимущество. Ахъ, какимъ слабостямъ подвергъ себя человѣкъ! Боже праведный! на сей ли конецъ Ты создалъ сію бѣдную тварь? Никакъ, „Тебѣ, Господи, правда, а намъ стыдъ лица“ (Варух. 1, 15). „Прииде кротость на ны, и накажемся“ (Псал., 89, 10). Когда воображаю всѣхъ въ свѣтѣ больныхъ, тогда представляется мнѣ пространнѣйшее поле убиенныхъ или еще убиваемыхъ отъ междоусобной войны, какая есть между разумомъ и страстями.

Но можетъ кто, въ противность разсужденію сему, предложить оное Христово слово, которое сказалъ Онъ о слѣпорожденномъ: „Ни сей согрѣши, ни родителя его, яко слѣпъ родися“ (Іоан., 9, 13). Или, когда, напримѣръ, слуга, стоя у кареты, отзнобитъ себѣ руки и ноги, чѣмъ бѣдный слуга согрѣшилъ? На сіе отвѣтствовать надлежитъ, что не изыскиваемъ мы здѣсь партикулярныхъ (особенныхъ) причинъ всякой болѣзни: ибо и очень можетъ статься, что одинъ будетъ имѣть болѣзнь, а другой будетъ виноватъ въ томъ: какъ, напр., причиною болѣзни помянутаго слуги есть немилосердый поступокъ господина его. Не изыскиваемъ мы здѣсь сего, не говоримъ о первоначальной и общей всѣхъ болѣзней причинѣ, за какую, безъ сомнѣнія, поставляемъ свирѣпствующую силу страстей. Такъ перестань же въ болѣзняхъ роптать ты, человѣкъ; почти съ благоговѣніемъ Создателяво правосудіе и признай, что „кійждо плѣнницами своихъ грѣховъ связуется“. Почему основательно христіанское богословіе учитъ, что, ежели бы человѣкъ же подвергъ себя страстямъ, не былъ бы подверженъ болѣзнямъ, слѣдовательно, не былъ бы плѣненъ смертію. Ибо причиною разрушенія не можетъ быть, развѣ противныхъ брань, какая брань внутри насъ есть между страстями и разумомъ.

При семъ не оставимъ безъ примѣчанія и то, что, по разсужденію церковныхъ учителей, Богъ не попускаетъ быть злу, развѣ съ намѣреніемъ нѣкое отсюда произвести добро, не такъ, чтобы зло

мог. о быть причиною добра; никакъ, но премудрость Божія, и самый случай зла обращаетъ въ добро. Болѣзней, напримѣръ, самихъ чрезъ себя не можно назвать добромъ; но и чрезъ нихъ Богъ приводитъ человѣка въ признаніе слабости своей, умирятъ его гордыя мысли, разрушаетъ дерзкіе замыслы, возбуждаетъ въ немъ размышленіе о будущей безболѣзненной жизни, и увѣряетъ о безсмертіи души, которая въ среднѣй самихъ болѣзней нѣкое отъ сокровенныя благія надежды чувствуетъ утѣшеніе. А притомъ нѣкогда болѣзни служатъ, „да явятся дѣла Божія чрезъ нихъ“ (Іоан., 9, 3), какъ и дѣйствительно оказалось на всѣхъ чудесно исцѣленныхъ больныхъ въ Евангеліи упоминаемыхъ и на разлабленномъ нынѣшнемъ.

Открыли мы настоящею бесѣдою раны свои; не оставимъ же присемъ случая изыскать и средства къ излѣченію оныхъ. Лѣкари много изыскиваютъ способовъ къ уменьшенію болѣзней, хотя не безъ того, что нѣкогда и они сами умножаютъ болѣзни. Намъ въ то входитъ нужды нѣтъ. Одинъ изъ прочихъ къ предохраненію отъ болѣзней способъ весьма у лѣкарей есть употребителенъ и дѣйствителенъ, „діета“, то есть, воздержаніе отъ нѣкотораго рода пищей. Сей способъ никогда неоспоримъ, когда предписываютъ его лѣкари; но много спорятъ, когда предписываетъ его Церковь. Лѣкарямъ вѣрятъ, но Церкви не вѣрятъ въ одной и той же матеріи: ибо Церковь, опредѣляя посты, тоже или очень сходное имѣла намѣреніе, какое имѣютъ лѣкари, предписывая діету. А ежели есть какое различіе, то сіе, что лекари больше смотрятъ отнятіе болѣзни, Церковь—усмиреніе страстей. Но поелику сказано, что страсти суть причина болѣзней, то лѣченіе болѣзней надобно начать отъ лѣченія страстей.

Не почитаю же я за постъ, чтобы не ѣсть яствъ сихъ, а объѣдаться другими; но чрезъ постъ разумѣю воздержаніе отъ всякихъ яствъ растворенное духовнымъ Богомыслия брашномъ и услажденное солюю благодати. И для того имѣть бы всегдашнее воздержаніе; но, понеже сіе по слабости нашей не возможно, Церковь опредѣлила воздержаться хотя въ нѣкоторые пристойные къ тому дни отъ яствъ, кои наипаче пріятны нашимъ чувствамъ. Тогда торжествуетъ разумъ, когда не жертвуемъ страстямъ; тогда чистится мысль, когда не утучняется плоть. И смотри притомъ снисхожденіе Церкви: не всѣ отъ насъ въ постъ отнимаетъ яства, но только кровавыя, которыя и безъ поста ѣсть ли или не ѣсть, о томъ многіе на обѣ стороны разсуждали, и еще разсуждаютъ.

Сіе неяденіе само чрезъ себя было бы ничтѣ, ежели бы оно къ чему лучшему не приводило насъ. „Ниже бо аще ямы, избыточествуемъ, ниже аще не ямы, лишаемся (I Кор., 8, 8), то есть, когда

Вдѣмъ, ничего добродѣтели чрезъ то намъ не прибудеть; и когда не вдѣмъ, ничего не убудеть. Почему, дабы неадѣние имѣло свою пользу, надобно, чтобы оно соединено было въ молитвою. Чрезъ молитву и разумѣю отведеніе себя отъ многихъ заботъ, отъ унынія, происходящее изъ того спокойство мыслей, и возношеніе внутренняго ока къ несозданному свѣту. Такимъ образомъ расположенная мысль въ тайнѣ бесѣдуетъ съ Богомъ, и наслаждается понятіемъ чистыхъ истинъ, Ежели постъ нашъ съ симъ соединенъ будетъ, тогда самимъ дѣломъ исполнится на насъ Христово слово: „сей родъ“, то есть, родъ различныхъ страстей и болѣзней, „ничимже изгонится, развѣ токмо молитвою и постомъ (Мате., 17, 21).

Но со всеѣмъ нашимъ старательствомъ и осторожностію не можемъ мы здѣсь быть безъ всякихъ страстей: такъ не можемъ же быть и безъ всякихъ болѣзней. Всякъ изъ насъ имѣетъ нужду съ Давидомъ говорить: „немогъ есмь: изцѣли мя Господи, яко смятошася кости моя, и душа моя смятеса зѣло: и Ты, Господи, доколѣ“ (Псал., 6, 3—4)? Почему надобно часто взирать къ нестарѣющей вѣчности и къ неболѣзненному животу, и памятовать оныя Павловы утѣшительныя слова: „сѣтеса“, то есть, повергается во гробъ тѣло наше „въ тлѣніи, востае въ нетлѣніи: сѣтеса не въ честь, востае въ славѣ: сѣтеса въ немощи, востае въ силѣ“ (I Кор., 15, 42—43). То есть, въ воскресеніе праведныхъ тѣла наши уже никакимъ не будутъ подлежать страстямъ, никакими не будутъ страдать болѣзнями, не будутъ подвержены младенческимъ слабостямъ, будутъ же удалены и отъ дряхлой старости; но всегда—крѣпки, здравы, и въ полномъ цвѣтѣ неуываеваемой красоты—и тамъ-то уже, въ будущей, говорю, жизни совершенно будетъ доказано, что гдѣ нѣтъ грѣха, тамъ нѣтъ и болѣзней. Аминь.

Слово въ недѣлю четвертую Великаго поста *).

(О МОЛНТВѢ).

„Сей родъ ничимже можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ“.

(Марк., гл. 9, ст., 29).

Нынѣ чтенная Евангельская исторія описываетъ ужасное страданіе одного бѣснуемаго человѣка, который, кромѣ того, что глухотою и нѣмотою былъ связанъ, разбивалъ себя на всякомъ мѣстѣ, изо рта точилъ пѣну, скрежеталъ зубами, вдругъ окаменѣвалъ много, разъ

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ придворной церкви, 1765 года, марта 13 дня.

бросался въ огонь, много разъ въ воду. Какая лютая болѣзнь! Боже мой! гдѣ—оная красота, которую Ты вліялъ въ разумную тварь Твою? Гдѣ—оний блаженный конецъ, для котораго созданъ человекъ? Кто въ священную пшеницу Твою всѣялъ такіе плевелы? Но „судьбы Твоя, Господи, „бездна многа“ (Псал., 35, 7). Мы почитаемъ молчаніемъ пути тайныхъ Твоихъ премудрыхъ дѣйствій. Легче взвѣсить огня тягость, или измѣрить дыханіе вѣтра, или возвратить прошедшій день, нежели проникнуть въ оную бездну Божіихъ судьбъ, опредѣленныхъ отъ самой вѣчности. Да и нужды нѣтъ въ такихъ вещахъ давать волю стремительному любопытству нашему. Довольно намъ увѣреннымъ быть, что Вышній всѣ Свои дѣла располагаетъ „числомъ и вѣсомъ и мѣрою“, все управляетъ премудро. Притомъ, видя болѣзнь, видя страданіе то на другихъ, то на самихъ себѣ, довольно признать слабость свою и повинность свою, довольно для насъ сего. А когда еще хотимъ знать, какъ предохранять себя или избавляться отъ такихъ печальныхъ случаевъ, вотъ милосердый Спаситель, предваряя желаніе наше, встрѣчаетъ насъ съ дѣйствительнымъ врачевствомъ: „сей родъ“,—говоритъ Онъ,—знайте, что „ничимже можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ“. О постѣ прежде нѣсколько говорили мы: теперь побесѣдуемъ о *молитвѣ* и объ околичностяхъ ея. А Ты, просящихъ надежда, Боже, исцѣли языкъ и уши наши, чтобы слышать и возвѣщать истину Твою среди священнаго храма Твоего.

Въ Христовомъ словѣ подъ именемъ молитвы заключается все то, что надлежитъ до богослуженія, а именно, всякія прошенія, благодаренія, славословія, богомыслія и всякое честное упражненіе, ведущее насъ къ добродѣтели, слѣдовательно, и къ Богу. Много надобно бы было времени, ежели бы о всемъ томъ говорить обстоятельно. И для того возьмемъ мы теперь молитву въ семь только разсужденій, поелику она есть возношеніе мысли нашей къ Богу съ прошеніемъ отъ него душеполезныхъ благъ.

Сія молитва есть или внутренняя, или внѣшняя. Но дѣйствительна есть одна только внутренняя, ибо внѣшняя или наружная безъ внутренней не такъ есть молитва, какъ богомерзкое лицемѣрство. Внутренняя можетъ быть безъ внѣшней, но не можетъ быть внѣшняя безъ внутренней; при внутренней молитвѣ не должно пренебрегать и внѣшнюю. Ибо, кромѣ того, что не возможно, чтобы внутренняя горячесть духа не оказала себя чрезъ нѣкіе наружные знаки, какъ, напримѣръ, почти нельзя, чтобы отъ крѣпкаго сокрушенія сердца не потекли слезы, или не открылось бы дыханіе; кромѣ сего, говорю, наружные знаки благочестиваго моленія много полезны быть могутъ къ возбужденію другихъ, а иначе, когда молитва отправляется въ собраніи общимъ. Однако, со-

всѣмъ тѣмъ сердце прежде, нежели тѣло да преклоняетъ колѣна свои; сердце прежде, нежели руки да возносятся къ Богу; сердце прежде, нежели очи да точать слезы; сердце прежде, нежели одежда да раздирается; сердце прежде, нежели языкъ да бесѣдуетъ.

„Но Богъ и прежде прошенія нашего знаетъ нужды наши, такъ не для чего и просить Его о томъ“—можетъ, скажетъ кто. На что надлежитъ отвѣтствовать, что для того-то и надобно просить Бога, что знаетъ Онъ всѣ нужды наши. Подлинно, вѣдаетъ Отецъ небесный и прежде прошеній нашихъ, чего мы требуемъ (Матѣ., 6, 8), но, притомъ, вѣдаетъ и то, кому что надлежитъ дать. А въ разсужденіи сего часто человѣкъ не получаетъ того, что онъ получилъ бы, ежели бы усердною молитвою предварилъ всегда склонную къ благодѣтельству волю Создателя. Богу равно желательно,—какъ дать тебѣ вещь просимую, такъ и видѣть твое сердце, склонное къ принятію. И Онъ даетъ, яко премудрый, и ты долженъ принять, яко тварь разумная.

Но, притомъ, знать надлежитъ, чего намъ надобно отъ Бога просить: ибо, по словамъ Апостольскимъ, „о чемомъ помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы“ (Римл., 8, 26). Столь недостаточны сами чрезъ себя понятія наши, что мы часто полезнаго для насъ не узнаемъ. Суть такія вещи, которыя всегда насъ пользуютъ; какъ, на примѣръ, любовь и страхъ Божій, добродѣтель, спасеніе наше. Такихъ благъ должны мы просить отъ Бога безъ всякаго сомнѣнія и со дерзновеніемъ приступать къ престолу благодати. Но суть же и такія вещи, которыя намъ не всегда полезны быть могутъ, за какія должно почестъ: богатство, честь, здравіе, долговременную жизнь; не такъ, чтобы онѣ сами чрезъ себя были вредны; никакъ; но бывають такими, когда на зло употреблены будутъ. Почему, какъ Богъ благая сія даетъ часто и злымъ людямъ, слѣдуетъ, чтобы мы не излишне къ нимъ себя привязывали; дать же и добрымъ людямъ, чтобы мы ихъ не презирали.

Сихъ благъ не можемъ мы отъ Бога просить иначе, развѣ и самое прошеніе наше отдавая въ Его святую волю. Пускай такъ будетъ, какъ видить премудрость Его, и какъ угодно Ему; хотя бы то казалось и тягостно желаніямъ нашимъ. Мы какъ не можемъ проникнуть въ темноту союза вещей, такъ же не можемъ узнать, что изъ сего послѣдовать имѣеть. Неплодная Рахиль съ горячію желала имѣть сына; иначе хотѣла умереть, а не предвидѣла бѣдная, что рожденіе сына будетъ причиною смерти ея (Быт., гл. 30). Голодные ученики Елисеѣвы сѣли за столъ, и вмѣсто того, чтобы насытить себя, примѣтили въ поставленномъ сосудѣ вредную пищу и поэтому къ Пророку возопили: „Смерть въ конобѣ, человѣче Божій“ (4 Царств., 4, 40). Такъ часто и мы просимъ того, что и намъ получить не полезно и Богу дать не пристойно.

Мы предъ Богомъ - младенцы. А младенецъ часто просить ножа, часто горячаго угля, но милосердая родительская утроба сіе отъ него удаляетъ, несмотря на младенческія бесполезныя слезы. Неотмѣнно получимъ мы отъ Бога или доброе, котораго часто не просимъ, или не получимъ худое, чего нерѣдко просимъ. И оттого, какъ о полученіи первыхъ благихъ, то есть, добродѣтели и спасенія, сомнѣваться мы не можемъ, такъ не должны роптать, ежели не получимъ другихъ. Въ первомъ случаѣ будемъ мы прославлять благость Его, а во второмъ—премудрость Его. Когда получимъ что, будемъ проповѣдывать милосердіе Его; а когда не получимъ, съ благоговѣніемъ почтимъ Его правосудіе. Такимъ образомъ, и полученіе благъ и лишеніе—оныхъ равно насъ пользуетъ будутъ.

А отсюда видимъ спасительное дѣйствіе молитвы. Руководствомъ ся мы находимъ въ Богѣ удовлетвореніе всѣхъ своихъ требованій, что сего можетъ быть полезнѣе? Мы чрезъ нее бесѣдуемъ съ Богомъ; что сего пріятнѣе? Мы чрезъ нее связуемся съ совершеннѣйшимъ добромъ; что сего для блаженства человѣческаго нужнѣе? Какъ скоро гласомъ молитвы нашей ко Господу воззовемъ—и Онъ съ высоты жилища Своего къ моленію нашему Свое преклоняетъ уху. „Гласомъ моимъ ко Господу возвахъ, и услыша мя отъ горы святыя Своея“ (Псал., 3, 5). Ничѣмъ мы за то благодарителю Сему заплатить не можемъ, да и не требуетъ Онъ отъ насъ ничего, кромѣ благодарности. „Рѣхъ Господеви: Господь мой еси Ты, благихъ моихъ не требуещи“ (Псал., 15, 2). „Благослови убо, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя: и не забывая всѣхъ воздаяній Его, исполняющаго во благихъ желаніе Твое“ (Псал., 102, 1, 2, 5).

Но какъ не всѣ получаютъ прошенія свои, поэтому надобно разсудить, какимъ образомъ намъ молиться надобно. Молиться надобно, во-первыхъ, со вниманіемъ и сердцемъ больше, нежели языкомъ, чтобы не было, какъ сказано, и о насъ оное непріятное слово: „сіи люди устами Мя чтуть, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене; всуе же чтуть Мя“ (Матѣ., 15, 8—9). Знать, что такую сердечную молитву имѣлъ Моисей. Онъ молчалъ, устами ничего не произнося, но въ самое сіе время Богъ ему говоритъ: „Моисее! что вопіеши ко Мнѣ“ (Исх., 14, 15)? Боже духовъ! Моисей молчитъ; но Тебѣ единому открытъ сокровенный вопль человѣческаго сердца.

Подобной сердечной молитвы, славнѣйшій примѣръ показываетъ намъ Святое Писаніе на Аннѣ, Самуила пророка матери (1 Цар., гл. 1). Святая жена сія, будучи бесплодна, горькое за то отъ всѣхъ терпѣла поношеніе. Этого чтобы избыть, прибѣгаетъ къ Тому, Который бесплодныя разверзаетъ утробы и дѣлаетъ матерью, о чадѣхъ веселя-

щеюся. Прибѣгаетъ, говорю, Анна въ сокрушенномъ сердцѣ и во умиленномъ духѣ въ храмъ Господень; очи свои устремляетъ на алтарь, сердце же свое пускаетъ на небо, или и выше неба—къ Богу. Что же потомъ? Сердцу своему отдаетъ и гласъ и языкъ, чтобы такъ съ Самимъ бесѣдовать Богомъ; вопіетъ Анна, а гласа не слышно; бесѣдуетъ Анна, а языкъ не движется. „И та глаголаше, де, въ сердцѣ своемъ; устѣ Аннины,—говорить похваляя слово Божіе,—движастеся, а гласъ ея не слышашесе“. Что это за вопль съ молчаніемъ? Что это за молитва съ такою чудною тихостію? А это—то, что Анна молилась не такъ языкомъ, какъ сердцемъ. Говоритъ она сама: „изливаю предъ Господомъ душу мою“ (1 Цар., гл. 1). Сердце у нея вопіетъ, и этотъ вопль чувствуетъ Анна, а слышитъ Богъ. О, сердце, жаръ котораго Анну въ такой восторгъ приводилъ! О, молитва, которая такъ тѣсно связываетъ съ Богомъ! Вотъ, живой молитвы примѣръ! Надобно намъ стыдомъ и срамотою пораженнымъ быть, когда подумаемъ о молитвахъ своихъ. Сколько предъ собою раскладемъ мы книгъ, сколько наговоримъ словъ, сколько лицемѣрныхъ воздыханій, сколько проворныхъ поклоновъ, а при всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ никакого не чувствуемъ въ себѣ сокрушеннаго удара. Читаемъ много молитвъ, да такъ, какъ бы бездушное тѣло, или какъ бы на нѣсколько часовъ заведенный языкъ. Хотемъ, чтобы Богъ видалъ молитвъ нашей, когда ей не внимаемъ сами мы. Ежели какая, то, по истинѣ, сія молитва обращается въ грѣхъ. И такъ надобно молиться сердцемъ больше, нежели языкомъ.

Но, притомъ, молиться надобно съ признаніемъ недостатковъ своихъ, съ признаніемъ грѣховъ своихъ, и съ намѣреніемъ исправленія своего. Надобно напередъ признать свою скудость, чтобы получить благодати богатство. Нельзя тому ожидать грѣховъ прощенія, который притомъ думаетъ, чтобы ему отъ грѣховъ не отстать никогда. „Взыщите Господа,—вопіетъ Исаія пророкъ,—и егда обряцете Его, призовите: егда же приблизится къ вамъ, да оставитъ нечестивый пути своя, и мужъ беззаконенъ совѣты своя, и да обратится ко Господу и помилуванъ будетъ“ (Ис., 55, 6—7). Недостатокъ же признанія и намѣренія сего былъ причиною, что принесенный отъ Израильтянъ въ жертву семидаль, то есть, самую чистую муку, почиталъ Богъ суетнымъ, кадило—мерзостію, и самаго тучнаго тельца—псомъ. Но скажетъ кто, что мы грѣшны всѣ, и „грѣшниковъ Богъ не послушаетъ“ (Іоан., 9, 31). Подлинно такъ, ежели въ грѣхахъ своихъ ни признанія, ни исправленія, ни отвращенія, ни стыда имѣть не будемъ. Богъ не послушаетъ; не такъ, что бы Онъ не готовъ былъ всегда помиловать тебя, но въ сердцѣ твоёмъ, въ которомъ царствуетъ, съ нераскаяніемъ, порокъ,—не можетъ имѣть мѣста благодать.

Впрочемъ, не оставимъ безъ разсужденія и то, когда и гдѣ молиться надобно. Что касается до времени, Апостоль говоритъ: „непрестанно молитесь“ (1 Сол., 5, 17). А непрестанно молиться—это всегда готовое къ молитвѣ имѣть сердце, всегда къ молитвѣ быть расположенному. Расположеніе сіе зависитъ отъ того, чтобы всегда въ честныхъ себя содержать упражненія. „Аще ясте, аще пиете, аще ино что творите, вся во славу Божию творите“ (1 Кор., 10, 31).

Но особенное молитвѣ время, когда какое-либо Божіе къ себѣ благодѣяніе чувствуемъ, или прежде полученное воспоминаемъ, или усматриваемъ слабости и скудости наши, или неправедныя претерпѣваемъ гоненія; въ такихъ случаяхъ всякъ имѣеть нужду съ Давидомъ говорить: „возведохъ очи мои въ горы, отнюдуже придетъ помощь моя. Помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю“ (Псал., 120, 1—2).

Когда святое Евангеліе не похваляетъ долгихъ молитвъ, то не потому, чтобы они сами чрезъ себя были порочны, не буди то (Матѣ., 6); но когда употребляются лицемерно, и когда кто думаетъ, что онъ уже тѣмъ Бога много одолжилъ, что нѣсколько прочелъ молитвъ, хотя бы, притомъ, внутри себя не чувствовалъ ни единого сокрушеннаго удара.

Что же надлежитъ до мѣста молитвы, о томъ Апостоль учитъ такъ: „хочу, да молитвы творять мужіе на всякомъ мѣстѣ, воздѣюще преподобныя руки“ (1 Тим., 2, 8). Почему, хотя и дома, да и на всякомъ мѣстѣ можно молиться Богу, но съ большею пользою и пристойностію можно молиться во храмѣ, гдѣ общее всѣхъ собраніе бываетъ, гдѣ совершаются тайны, и всѣхъ, яко едиными, устами общій Владыка прославляется.

И поэтому божественный Давидъ обыкновенно пѣвалъ: „Возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдѣмъ“ (Псал., 121, 1). Для чего бы тебѣ, Давиде святой, такъ радостно было домъ Господень посѣщать? Понеже, говоритъ, „тамо взыдоша“, то есть собираются, „колѣна колѣна Господня, свидѣніе Израилево, исповѣдатися имени Господню“ (Псал., 121, 1—4).

Разсуждая все сіе, чье сердце къ молитвѣ не будетъ возбуждено, а иначе, когда къ тому присоединимъ благодѣянія Божія, которыми мы всякій день наслаждаемся? Божія, вотъ, милосердія дѣло, что мы симъ свѣтомъ дня просвѣщаемся, ходимъ, другъ съ другомъ бесѣдуемъ, привѣтствуемъ, пришедши въ домъ, видимъ, что благодать Его уготовала дать намъ нищу во благовременіи. Сіе не дѣйствительно-ли возбудить, чтобы мы въ самый тотъ часъ, какъ освѣтились бы днемъ, спѣшили поклониться Солнцу правды?

Однако, со всёмъ тѣмъ, чтобы нынѣшнее разсужденіе наше имѣло свою силу, надобно внутреннее Духа Святаго дѣйствіе: и для того молимся Тебѣ, Отче небесный! Ты Самъ научи насъ молиться, имъ же вси судьбамъ. Аминь.

Слово во святой и Великій пятокъ *).

(ОБЪ ИСТИНѢ).

„Азъ на сіе родихся и на сіе приидохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину“.

(Іоанн., гл. 18, ст. 37).

Слыша сіи слова, которыя произноситъ Сама Истина, долженъ міръ несласанно возрадоваться, предуготовить сердце свое къ принятію столь неоцѣннаго сокровища и благодарить неизреченное Божіе милосердіе, „яко не по беззаконіемъ нашимъ сотворилъ есть намъ, ниже по грѣхомъ нашимъ воздалъ есть намъ“ (Псал., 102, 10). Но— о, нечаяннаго и ужаснаго случая! Какъ только родилась Истина, тогдаже Иродъ смутился и весь Іерусалимъ съ нимъ (Матѣ., 2, 3). Пришла въ міръ Истина; и міръ Ее не позналъ. Вознесла любезный Свой гласъ Истина; и всѣ начали, затыкая уши, говорить: „что сей тако глаголетъ хулы“ (Марк., 2, 7)? И для того жалуется Истина: „Господи! кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся (Ис., 53, 1)? Почему и не знаю я, чему здѣсь больше удивляться надобно? Божіему ли крайнему снисхожденію, или человѣческому несласанному ослѣпленію? Истинѣ ли, гонимой даже до смерти, или человѣку, гонящему даже до потери послѣдняго чувствія? Ахъ, міръ неблагодарный! И такъ ли ты принимаешь Истину? Въмѣсто того, чтобы скрыть Ее во внутренности души своей, скрываешь ты Ее въ темнотѣ подземнаго гроба. Напрасно же Ты и приходила въ міръ, любезная Истина! Сидѣть было Тебѣ при молніелучномъ престолѣ славы несозданная, а сойти было въ міръ Божіему величепріятному правосудію, и обличить его, всею строгостію, во ослѣпленіи и жестокосердіи. Но—„ей, Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою“ (Лук., 10, 21). Большее есть милосердіе Твое, нежели злоба наша. Выше есть премудрость Твоя, нежели сколько слабая мысль наша понять можетъ!

Сошла съ небесъ Истина и, сотканную отъ премудрости Божіей плоть на Себя надѣвъ, міръ сей посѣтитъ благоволила. Посмотримъ же,

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви, 1865 года, апрѣля, 1 дня.

какъ міръ истину принялъ и принимаетъ? А Ты, сошедшая съ небесъ и умолкшая на крестѣ Истина, оживи теперь во устахъ нашихъ, да видить міръ, что гласъ пролитыя крове Твоея не умолкаетъ никогда!

АЗЪ НА СІЕ РОДИХСЯ, И НА СІЕ ПРИДОХЪ ВЪ МІРЪ, ДА
СВИДѢТЕЛЬСТВУЮ ИСТИНУ.

Когда надобно міру засвидѣтельствовать истину, слѣдуетъ, что міръ или не зналъ истины, или отвергалъ истину, или содержалъ истину въ неправдѣ, то есть, лицемерилъ. Самъ, нынѣ нами проповѣдуемый, истины Страдалецъ говоритъ, что Онъ имѣетъ духъ, которымъ отличить міръ, „о грѣхѣ и о правдѣ и о судѣ“ (Іоанн., 16, 8). Сей міра грѣхъ былъ крайнее міра развращеніе.

Подлинно, человѣкъ созданъ по образу Божию и по подобію; но напослѣдокъ—въ сей, по образу Божию созданной, твари не можно было усмотрѣть ни слѣдовъ образа Божія, но нѣкоторый страшный мракъ, которымъ покрывшись, блудила по стезямъ непроходимымъ. Истинное богопочтеніе было опровергаемо или безбожіемъ, или многобожіемъ, или суевѣріемъ, или лицемеріемъ. Порокъ преодолѣвалъ добродѣтель: пріятное предпочитаемо было полезному, а полезное нужному; прибытокъ ругался честности, и наружная красота за ничто ставила внутреннюю доброту; искренность ласкательствомъ была уничтожаема, и безразсудная смѣлость имѣла верхъ надъ истиннымъ великодушіемъ. О настоящей пользѣ было нерадѣніе; а о томъ, что кидалось въ глаза, излишнія заботы; въ судахъ присутствовала несправедливость, а дружескія обхожденія опорочены были хитростями; въ пріобрѣтеніи собственной чести и славы доходили до свирѣпостей безчеловѣчныхъ, а общее блаженство почиталъ всякъ для себя ненадобнымъ. Кратко: всѣмъ управляли чувства, а разумъ былъ опроверженъ и совѣтъ насильствована. Сіе рода человѣческаго развращеніе было причиною, что преславныя имперіи, цвѣтуція республики и знаменитыя правительства разорились и погибли. Сколько ни было издаваемо законовъ, сколько ни было употреблено строгостей, но не могли удержать нагло текущій потокъ беззаконій; и скорѣе сами законы чрезъ злость человѣческую истребились, нежели, чтобы она чрезъ законы истребиться могла.

Разсужденіе сіе тѣмъ меньше сомнительно, что оно повселеннымъ опытомъ доказывается. А ежели бы кто сего не усматривалъ, то сіе было бы новымъ доказательствомъ развращенія человѣка, который, со всѣми своими недостатками, думаетъ, что онъ совершенъ.

Оставимъ мы теперь изыскивать, откуда сіе поврежденіе взяло свое начало, а только непосредственно отсюда заключимъ *первое*

что Богъ, яко преблагій, всего сего причиною быть не можетъ. Второе, что Онъ же, яко премилосердый, въ семь заблужденіи насъ оставить не хочетъ. Къ отвращенію сего, кажется, даровалъ Онъ самый свѣтъ разума и здравую философію; но разума свѣтъ, какъ видѣли мы, былъ потемнень, и философія непристойнѣйшими мнѣніями была опорочена. А хотя и промелькала въ нѣкоторыхъ свѣтлый лучъ разума; но онъ не доволенъ былъ преодолѣть оную тьму, которая покрывала всю вселенную. Были, подлинно, отъ начала міра богодухновенные мужи, были пророки, были и въ самомъ язычествѣ просвѣщенные люди, но сіи капли животной воды пожирала бездна пороковъ. Почему самая бѣдность рода человѣческаго, казалось, вопіяла къ Богу, чтобы Онъ Самъ ту тварь, которую создалъ, какъ она была ничто, помиловалъ, какъ она же предъ Нимъ по добродѣтели стала ничто.

Дошелъ вопль до небесъ, подвиглась милосердая Божія утроба, и посредствомъ безконечной премудрости самая предвѣчная Истина сходитъ на землю, принявъ на Себя покрывало человѣческаго естества, дабы предъ самыя наши чувства путь спасенія представить. Сынъ Божій Августѣйшую сію, чтобы быть избавителемъ человѣческаго рода, на Себя пріемлетъ должность. Міръ никогда не можетъ видѣть великолѣпнѣйшаго и милосерднѣйшаго Божіаго дѣйствія, какъ есть сіе Сына Божія на землю посольство.

Сей истинный Проповѣдникъ, Который пришелъ въ міръ, чтобы засвидѣтельствовать истину, открылъ на землѣ Свою небесную философію и чистѣйшее ученіе, какого родъ человѣческой никогда ни отъ кого слышать не могъ. Показалъ, въ чемъ состоитъ истинное человѣческое блаженство, и оное поставилъ въ ничетѣ духовной, въ слезахъ и смиреніи, въ кротости и милости, въ гоненіи и поношеніи, что со всѣмъ противно было мудрствованіямъ міра сего. Изъяснилъ понятіе о добродѣтели и порокахъ, и ихъ подлинности повелѣлъ искать не въ наружныхъ дѣлахъ, но въ самыхъ намѣреніяхъ и мысляхъ внутреннихъ, протолковалъ, какая противность между Богомъ и міромъ, между истинною и ложью, между добромъ и зломъ, опровергъ богомерскія суевѣрства и лицемѣрія, обличилъ человѣческой родъ въ жестокосердіи и въ безмѣстнѣйшихъ заблужденіяхъ, увѣрилъ о несказанныхъ будущей жизни благахъ, и объявилъ, что Онъ есть посланный, для избавленія міра, Спаситель. Кто бы могъ подумать, чтобы сіе столь высокое и непорочное ученіе міръ презрѣлъ и отвергъ? Однако, со всѣмъ тѣмъ небесный Посланникъ и великаго совѣта Ангелъ „во своя приде, и свои Его не пріяша“ (Іоанн., I, 11).

Іудей, коихъ предкамъ и потомству неоднократно обѣщанъ Мессія, избавитель міра, Его пришедшаго не познали, не приняли, отвергли

почли за льстеца и гнали даже до смерти. Напоследокъ, просьбами своими, оклеветаніями и угроженіями склонили Понтійскаго Пилата, чтобы онъ неповиннаго Иисуса осудилъ на безчестнѣйшую крестную смерть. Ходатай Бога и человѣковъ, призвавъ въ свидѣтели небо и землю, по принесеніи небесному Отцу самыхъ горячихъ молитвъ, которыми вручалъ Ему вѣрующахъ, по претерпѣніи всякихъ ругательствъ и по изліяніи всея крове, вознесенъ на крестъ и пригвожденъ на немъ. Вотъ, видимъ перваго за истину Мученика! видимъ и ужасаемся. Ибо самой Истинѣ заграждены уста, и умолкла Та, Которая есть веселіе Ангеловъ. Ужаснися небо, и вострепещи земле! благовременно ты, солнце, померкаешь, и ты, луна, прелагаешься въ кровь. Да и Ты, Отче небесный, оставилъ Истину безъ защищенія! Она къ Тебѣ съ креста вопіеть: „Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ“ (Матт., 27, 46)? Но судьбы Твоя, Господи, бездна многа. Осужденная Истина сколь много осуждаетъ насъ, столь больше прославляетъ милосердіе Твое.

Видимъ мы теперь, слушатели, окончаніе происшествія, какъ истина принята отъ Іудейскаго рода, отъ возлюбленнаго Израиля, отъ первороднаго Сына. Мы не можемъ ихъ осудать, чтобы вмѣстѣ не осудить и самихъ себя. Ихъ печальному примѣру подражаетъ міръ. Какъ тамъ Іуда Истину продалъ, архіереи Ее предали, народъ кричалъ: „распи, распи“ (Лук., 23, 21), воины, ругаясь, сплетали Ей терновъ вѣнецъ; Пилатъ самый разбой предпочель Ей. Такъ, а не иначе и вездѣ истину принимаютъ. Изъ алтаря выгоняетъ ее неблагочиніе и скверный священниковъ прибитокъ; а изъ храма безстрашіе христіанъ и холодная молитва, до великихъ домовъ не допускаетъ ее ласкательство; а впущенную презираетъ гордость, или пренебрегаетъ невѣжество; до судебныхъ мѣстъ не даетъ ей приступу мздоимство; отъ купеческихъ лавокъ отгоняетъ обманъ, а простые дома давно уже заняты ссорами, грабительствомъ и пьянствомъ. Нѣтъ нигдѣ истинѣ мѣста, или и есть, но въ темницахъ, въ изгнаніяхъ, на крестахъ, во гробѣ. Когда такимъ образомъ міръ гонитъ истину, не должно думать, что онъ гонитъ только пустое имя; нѣтъ, гонитъ онъ Бога, Который есть самая истина; онъ паки распинаетъ Христа, главнѣйшаго истиннаго проповѣдника. И потому надобно опасаться грѣшной душѣ, что, праздноу теперь смерть Христову, она не есть ли сама причина смерти сея?

Но понеже міръ своего права и доселѣ не перемѣнилъ, всегда одинаковъ или, можетъ, и хуже становится; такъ, кажется, напрасно въ міръ и приходила Истина. О, да не будетъ сіе! Кровь пролитой Истины во многихъ душахъ изобильный произрастила плодъ. Свидѣтельствуешь то Сама о Себѣ Истина: „Аминь, аминь глаголю вамъ: аще зерно пшенично падъ на земли не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ,

многъ плодъ сотворить“ (Іоанн., 12, 24). Отъ сего благословеннаго сѣмени сколько возрастъ благочестивыхъ на ей, сколько просвѣщенныхъ пастырей, сколько добродѣтельныхъ мужей, сколько воздержныхъ праведниковъ, сколько мужественныхъ истины поборниковъ! Но и нынѣ сила пришедшей на землю Истины дѣйствуетъ во многихъ благочестивыхъ душахъ. Оставимъ мы дальніе примѣры. Ваше благочестивое собраніе — тому свидѣтель. Это дѣйствіе истины, что вы съ усердіемъ притекли въ сей священный храмъ, вы празднуете смерть неповинности, вы оплакиваете человѣческую слѣпоту, признаете свою бѣдность, проповѣдуете Божіе милосердіе. А наипаче Ты, всевгустѣйшая Матерь наша, подражая блаженной Іисусовой Матери, мыслию Своею возносишься къ распятой Истинѣ; несоціенною непорочнаго Агнца кровію Ты обограешь благочестивую душу Свою, а чрезъ то причастицею бываешь страданій Христовыхъ и подаешь намъ дѣйствительный къ благочестію примѣръ.

Но въ самое сіе время, какъ вы, благочестивые слушатели, въ столь богоугодномъ упражняетесь дѣлѣ, другіе заботятся о мірскихъ вещахъ, думаютъ о приближающихся веселыхъ дняхъ, чтобы въ оныя воскресить страсти свои, а иные, чего безъ воздыханія нельзя сказать, ругаются сему таинству вѣры, и всю истину христіанства смѣшною представить стараются. Не знаю, коіе ли, проходящее до сердца, было болѣзненнѣе Христу, или такіа ложныхъ христіанъ мысли? желчь ли, которою наполни Христа, горчае была Ему, или такіа беззаконныя слова (Іоанн., 19, 29, 34)? Стоять при крестѣ возлюбленный Іоаннъ, стоять же и болѣзненная Мать. Умирающій Спаситель, указывая на ученика, сказалъ Матери: „се сынъ Твой!“ указывая же на Мать, сказалъ ученику: „се Мати твоя“. Блаженная сія Матерь была образомъ Церкви, которая отъ умирающей Главы своей принимала послѣдній завѣтъ, а возлюбленный ученикъ представлялъ тебя, христіанинъ, что ты долженъ повиноваться спасительнымъ совѣтамъ Церкви. Какъ Іоанну, такъ и тебѣ, Истина, указывая на Церковь съ креста, вопіетъ: „се Мати твоя“. Ея нѣдра да будутъ тебѣ, христіанинъ, упокоеніемъ, Ея животворные сосцы — питаніемъ, Ея лице — утѣшеніемъ, Ея гласъ — наставленіемъ.

Но опять, при семъ о гоненіи истины разсужденіи, можетъ сказать кто: какъ не знать истины? она сама чрезъ себя свѣтла; какъ гнать истину? она властію своею всякаго поразить должна. Но смотри хитрость міра. Онъ это знаетъ, но какъ страсть сильнѣе въ немъ дѣйствуетъ, нежели признаніе совѣсти, то шцетъ онъ для сего наружныхъ видовъ. Посмотримъ, какъ воплощенная Истина осуждается. Архіереи Ее предають, яко бы ревнуя по закону; народъ тоже; Пилать, яко бы

наблюдая покой общества. Если со стороны посмотрѣть, кажется—всѣ святые, всѣ праведные. Но—о, міръ лукавый! ежели усматриваешь истину, почто ее гонишь? Ежели хочешь гнать, почто прикрывательствъ ищешь? Міръ своего права не перемѣняетъ. И вынѣ, когда кто хочетъ кого съѣсть, выдумываетъ какія-нибудь прикрывательства. И такъ благочестивый пропадаетъ подѣ видомъ суетѣра, справедливый—подѣ видомъ упорнаго, разумный—подѣ видомъ высокоума, смиренный—подѣ видомъ лукаваго, искренносердечный презирается подѣ видомъ глупаго. Но кто можетъ исчислить всѣхъ хитростей человѣческихъ виды? Праведно евангельское слово: „сынове вѣка сего мудрѣйши суть паче сыновъ вѣка онаго“ (Лу., 16, 8). То есть, добрый человѣкъ не можетъ столько выдумать способовъ къ достиженію справедливаго благополучія, сколько хитрый человѣкъ къ исполненію своихъ несовѣтныхъ намѣреній. Однако, и изъ самыхъ сихъ хитростей міра усматриваю я, сколь глубоко запечатлѣлъ Творецъ истину въ сердцѣ всякаго, что почти не можетъ человѣкъ гнать истину, развѣ противъ совѣсти.

Но перестаньте уже истину гнать вы, лицемѣры,—вы, вѣры презрители, ласкатели и грабители. Вы уже Истину вогнали во гробъ. Посмотрите на плоть сію, какъ она вся уязвлена, вся растерзана, вся сдѣлалась одною язвою. Вы, ласкатели, сіи сладчайшія уста заградили. Вы, клеветники, Его уши растерзали. Вы, грабители, послѣднюю ризу на Немъ изодрали. Вы, лицемѣры, копіемъ прободли сердце Его. Вы, презрители вѣры, источили изъ Него всю кровь. Не слышите ли, что сей Мужъ болѣзней къ вамъ говорить? Я вознесенъ на крестъ, чтобы васъ, падшихъ, поднять. Я распростеръ руки, чтобы васъ, разсѣянныхъ несогласіями, собрать во-едино. Я жажду, жажду спасенія вашего. Я васъ призываю искренно. Свидѣтельствуемъ сіе сердце, копіемъ открытое. Кровь Моя да омыеетъ скверны ваши: жертва Моя да очиститъ беззаконія ваши. А ежели, со всѣмъ тѣмъ, до конца будете нераскаянны, не думайте, чтобы Я остался всегда въ семъ видѣ истощанія Моего. Нѣтъ: будетъ время, когда сія кровь воскипитъ гнѣвомъ, сей крестъ будетъ на обличеніе; сіи рааны—на посрамленіе. Слова сіи милосердаго Избавителя слыша, ты, грѣшная душа, вострепещи!

А вы, которыхъ гонитъ міръ истины ради, вы, лишенные всякой человѣческой помощи, примѣромъ симъ утѣшайтесь. Вы проливаете слезы, а Глава ваша—кровь. Вы терпите скудость, а Онъ виситъ со-всѣмъ нагъ на крестѣ. Вы въ гоненіи, а Онъ—во гробѣ. „Помыслите убо таковое пострадавшаго отъ грѣшникъ на себе прекословіе, да не стужаете, душами своими ослабляемъ“ (Евр., 12, 3). Подумайте, печалиться ли вамъ больше недобно, что страждете, или радоваться, что сообразуетесь столь великому Страдальцу? Плакать ли вамъ, гони-

мымъ отъ людей, или играть, утѣшамымъ отъ небеснаго Отца? Божественный Подвижникъ вашъ, какъ на крестѣ о грѣшныхъ молился, чтобы оставлены имъ были грѣхи, такъ всякому изъ васъ говорить: „днесъ со Мною будешь въ раи“ (Лук., 23, 43). А страданій Его подражатель—Павель и подтверждаетъ то: „аще“, говорить, „съ Нимъ страждемъ, съ Нимъ и прославимся“ (Римл., 8, 17).

Спасителю Христе! Ты на крестѣ обѣ однихъ молился; а другихъ утѣшалъ. Что же, Радосте наша, скажешьъ вамъ? Скажи и вамъ, Милосерде: „Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ“ (Иоан., 14, 27). Аминь.

Слово въ день рожденія Ея Императорскаго Величества, Екатерины II, Самодержицы Всероссийской *).

(ОБЪ ИСТИННОМЪ СОКРОВИЩѢ).

„Идѣже сокровище ваше, тамо и сердце ваше будетъ“.

(Лук., гл. 12, ст. 34).

Сердце наше, само по себѣ, есть только простая часть тѣла; но, притомъ, оно есть вмѣстлище желаній, хотѣнй и избранй безсмертной души. Такъ, вотъ—и видимъ, что мы, надѣвая на себя смертное естество, стремимся уже къ безсмертiю. Первый входъ въ мiръ сей есть первая ступень къ вѣчности. „Самый Духъ свидѣтельствуемъ духу нашему, яко есмы чада Божия“ (Римл., 8, 16). Плачъ раждаемаго младенца будто доказываетъ тлѣнность нашу: но во внутренности души зажженный огонь не можетъ надлежать, развѣ до невечернаго и несозданнаго свѣта. И для того надобно, по свидѣтельству Соломонову, „да возвратится персть въ землю, якоже бѣ, и духъ возвратится къ Богу, Иже даде его“ (Еккл., 12, 7). Почему жизнь сія по справедливости называется гостинница, странствованіе, поприще, путь и проч. Въ разсужденіи сего св. Павель о всѣхъ древнихъ, знаменитыхъ благочестіемъ мужахъ написалъ, что они, де, сами признавались, „яко страннйя и пришельцы суть на земли“ (Евр., 11, 13). А изъ сихъ словъ ихъ заключаетъ Апостоль, что они въ жизни сей отечествія искали: слѣдовательно, прибавимъ мы, не сыскали они въ мiрѣ семъ „онаго сокровища“, о коемъ нынѣшнее поминаетъ Евангеліе; то есть, къ которому все сердце наше должно быть привязано.

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Высочества, мѣсяца апрѣля, 21 дня, 1765 года.

Поищемъ же мы его настоящею бесѣдою. А Ты, Сокровище благихъ, Боже! излей на насъ лучъ несозданнаго свѣта Твоего, и чрезъ то привяжи къ Себѣ сердце наше!

ИДЪЖЕ СОКРОВИЩЕ ВАШЕ, ТАМО И СЕРДЦЕ ВАШЕ БУДЕТЬ.

Сердце значить здѣсь желаніе вещи, попеченіе, радость, удовольствіе. Почему сокровищемъ для всякаго изъ насъ будетъ та вещь, которой мы единственно желаемъ, о снисканіи которой наибольше печемся; получивъ несказанно удовольствіе, которою наслаждались, совершенно успокаиваемся, и чтобы какъ же не потерять, безопасности не имѣемъ. Такая вещь была бы для насъ сокровище. Мы теперь можемъ оставить изъяснять, какъ люди въ избраніи истиннаго сокровища обманываются, когда иной къ сему, другой къ другому все свое желаніе привязываетъ. Ибо о семъ прежде нѣсколько разъ говорили мы. Почему, оставивъ сіе, войдемъ мы въ краткую, но пріятную бесѣду, что *единъ Богъ есть истинное человеческое сокровище*. Сіе можемъ узнать изъ слѣдующаго разсужденія.

Желаніе наше всегда къ чему-нибудь простирается; но, притомъ, столь далеко, что ничѣмъ въ мірѣ уд. вольствовано быть не можетъ, и столь нѣжно, что оно всѣхъ вещей одну только поверхность будто прикушываетъ, но ничѣмъ совершенно не насыщается. Перебираетъ сердце человеческое одну вещь за другой и, мало нѣсколько ими любовавшись, оставляетъ; но, между тѣмъ непрестанно къ чему-нибудь большому устремляется. Пускай протекають предъ нами рѣки богатства, пускай оглушаетъ уши наши громъ честей; но рѣки богатства чсыхаютъ, и громъ честей пресѣкается, наконецъ, нѣкимъ пустымъ и неприятнымъ шумомъ. Они прошли; да чрезъ то не только не проходить желаніе наше, но паче раздражается. Ибо свойственно есть нашему желанію, что оно тѣмъ болѣе усиливается, чѣмъ меньше получаетъ.

Но надобно же, чтобы непрестанно движимое сердце наше имѣло желанія свои предѣлы. Сія души нашей сила есть вліяна отъ Бога: такъ она не напрасна; такъ должна она чѣмъ-нибудь удовольствована быть; да не услажденіемъ сего міра. Ибо душа есть бессмертна. Потому ищетъ она такого добра, которое съ нею и по смерти пребывало бы. Пускай бы насъ міръ здѣсь совершенно удовольствовалъ, но понеже онъ насъ и мы его должны нѣбогда оставить, то какая изъ того польза, чтобы мы благополучны были, когда временны были, то есть, когда для насъ сносно было быть благополучными; а лишились бы всего того, когда бы вступили въ нескончаемую вѣчность.

Однако, со всѣмъ тѣмъ—многіе не узнаютъ сего, что когда душа ничѣмъ здѣсь удовольствовать себя не можетъ, то надобно бы поду-

мать о совершенномъ ея добръ; но многіе сего не узнають. А какъ, между тѣмъ, желаніе ихъ ни на какой одной вещи не останавливается, то они, чтобы убѣжать безпокойства сего, то-и-дѣло, что веселости перемѣняютъ. О, суета, не знаю,—смѣха или сожалѣнія достойная! Тѣмъ думаютъ утолить жажду свою, что больше ее умножаютъ.

Не къ тому я говорю, что человѣкъ долженъ быть всегда скупченъ, и всякихъ и неповинныхъ увеселеній бѣгать; нѣтъ; но рѣчь мою склоняю къ тому, чтобы и самыя наши веселости не оставались безъ своей пользы. А самая лучшая изъ нихъ польза для насъ есть та, чтобы, усматривая, что никакая вещь здѣсь для нашего желанія недовольна, оттуда заключить: такъ міру сему всего своего сердца отдавать не долженъ я, такъ я созданъ не для міра сего, такъ надобно мнѣ думать о безсмертіи, о вѣчности, о Богѣ. Сей путь, по которому духъ нашъ идти стремится, есть не новый. По немъ шествовали уже всѣ просвѣщенные мужи, которые, отводя очи свои отъ временной красоты, обращали оныя къ красотѣ вѣчной. Со сладостію чувствуется въ ухахъ нашихъ Давидово пѣніе: „имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже“ (Псал., 41, 1). Вотъ—сокровище наше! такъ можетъ ли тамъ не быть и сердце наше? Но посмотримъ еще превосходство сокровища сего, и чрезъ то болѣе къ нему возгорится духъ нашъ.

Сокровище сіе Евангеліе называетъ неоскудѣемымъ,—то есть, такимъ, въ которомъ всѣ совершенства заключаются. Ибо Богъ есть источникъ неисчерпаемый всѣхъ добротъ. Въ Немъ—красота несозданная, премудрость безконечная, благость неизглаголанная, всемогущество неограниченное, изобиліе неисгощаемое, услажденіе безсмертное, тишина несмуцаемая, величество непостижимое; Онъ есть—весь желаніе, весь сладость, весь любовь. Свидѣтелемъ тому суть самыя твари, которыя столь прекрасны, что чувства наши до удивленія восхищаютъ. Когда же красотой ихъ услаждаемся, koliko паче Владыка ихъ долженъ быть лучшій! понеже они не могли проистечь, развѣ изъ Источника красоты. Почему—духъ нашъ ничего болѣе желать не можетъ, ибо нѣтъ совершенства, котораго въ Богѣ не находилъ бы онъ. „Вся кости моя рекутъ: Господи, Господи! кто подобенъ Тебѣ (Псал., 34, 10)?“

Когда дражайшій Спаситель приутоплялся къ подвигу смертному, тогда сладчайшую съ учениками Своими имѣлъ бесѣду. И какъ помянулъ Онъ имъ о зрѣніи небеснаго Отца, когда спросилъ его апостоль Филиппъ: „Господи! покажи намъ Отца, и довлѣетъ намъ“ (Іоанн., 14, 8). Въ какомъ бы разумѣ сей вопросъ отъ Апостола предложенъ ни былъ, только содержитъ онъ въ себѣ истину высокую и неоспори-

мую; а именно, что когда бы мы совершенно съ Богомъ соединились, то ничего бы намъ не осталось больше желать; тѣмъ бы самымъ все желаніе наше было удовлетворено. „Господи! покажи намъ Отца, и довлѣетъ намъ“. Теперь намъ блистаетъ только малый иѣкій лучъ онаго несозданнаго свѣта, и мы нѣкоторымъ образомъ предвкушаемъ, а не насыщаемся нетлѣвнѣйшій сладости, а когда сподобимся приняты быть въ незаходимыя небеснаго Отца обители, тогда увѣнчаемся совершенства вѣнцемъ. Тогда исполнятся радости уста наши и языкъ нашъ—веселія. „Господи! покажи намъ Отца, и довлѣетъ намъ“. Но просимъ мы, чтобы небесный Отецъ показалъ намъ Себя тѣлеснымъ образомъ; какъ-то, можетъ, просилъ Филиппъ: мы желаемъ и надѣемся, чтобы духъ нашъ былъ единъ духъ съ Господомъ. „У Тебе источникъ живота, во свѣтѣ Твоёмъ узримъ свѣтъ“ (Псал., 35, 10). Но возможно ли совершенно описать то, что ни на сердце человѣческое никогда не всходило? Почему, мало нѣчто еще сказать, бесѣду нашу окончимъ.

Сокровище сіе Евангеліе называетъ еще нетлѣемымъ и неветшающимъ. Сколько бы какое добро насъ ни услаждало, да ежели надобно когда-нибудь его лишиться, то оная сладость сею опасностію всегда будетъ огорчена, слѣдовательно, не совершенна. Но сокровище небесное когда одинажды получимъ, никогда его не потеряемъ. Не боится оно завистливаго непріятели, не опасается все ислѣвующаго времени, не смущается печалію, не пресѣкается болѣзнію, не знаетъ безпокойства страстей. Не наскучитъ оно, что будетъ чрезъ всю продолжаться вѣчность, ибо къ чему бы лучшему желаніе наше могло устремиться,—ничего не будетъ.

Симъ-то утѣшалъ Спаситель нашъ Своихъ учениковъ, когда послалъ ихъ въ міръ, яко агнцевъ посреди волковъ. „Не бойся, говорилъ Онъ, малое стадо, яко благоизволи Отецъ вашъ дати вамъ царство“ (Лук., 12, 32). Не смущайтесь, Мои ученики, что міръ на васъ нападетъ всею своею свирѣпностію. Утѣшайте себя тѣмъ, что вы имѣете наследовать такое состояніе, въ которомъ васъ обезпокоитъ не сильна никакая человѣческая злость. Не бойся же и ты, христіанинъ, мірскихъ превращеній, гоненій, несчастій. Отецъ небесный тебя усыновилъ Себѣ, ежели же ты—сынъ, то и наследникъ, и неопѣвненнаго наследства сего не отыметъ отъ тебя никто.

Но при семъ нашемъ разсужденіи пришло мнѣ на память оное неудобъ-вразумительное для насъ слово, которое сказалъ Богъ Моисею, что нельзя, дес. человѣку видѣть лица Моего, чтобы онъ отъ того не умеръ. „Не бо узритъ человѣкъ лице Мою, и живъ будетъ“ (Исх., 33, 20). Возможно ли, чтобы умиралъ человѣкъ отъ лицезрѣнія Божія, въ чемъ состоятъ истинная человѣческая жизнь? „Да пускай бы я

умеръ, — говорилъ Августинъ, — только бы видѣлъ Тебя, Господи*. Потому оныя слова значать только, что человѣкъ въ жизни сей, пока еще бременемъ тѣла отягощенъ, пока со страстями борется, пока рабъ есть грѣха, не можетъ вмѣстить вѣчнаго спокойствія и быть въ состояніи, удаленномъ отъ всякаго несовершенства. Того ради изъ всего сказаннаго нами заключить надобно: первое, чтобы о снисканіи помянутаго сокровища помышляли мы единственно, не такъ, что бы уже о другихъ вещахъ мірскихъ стараться намъ нельзя было; но чтобы и самыя здѣшнія попеченія нѣкоторымъ образомъ къ полученію онаго сокровища руководствовали. Второе, чтобы заблаговременно начинали умирять силу страстей. Ибо какъ будущее блаженство здѣсь начинается, а совершается оно на небесахъ, такъ здѣсь надобно же начать и страсти умирять.

Въ жизни сей началомъ будущаго блаженства почитаю я любовь добродѣтели, чистую радость, раждаемую отъ благихъ дѣлъ и спокойствіе совѣсти. Сіе благословенное начало усматриваемъ мы въ непорочной жизни Ея Императорскаго Величества, что тѣмъ пристойнѣе теперь помянуть должны, что мы празднуемъ благочестивыя жизни Ея Величества благополучное начало: день, въ который добродѣтель Ея потекла въ путь свой. Ея Величество все Свое сердце посвятила оному неоскудѣмому и нетлѣмому сокровищу—Богу, Ея душа уловлена есть красотою добродѣтели, которой всю силу относить до общей пользы, общую пользу утверждаетъ на благочестіи, а все управляетъ къ славію Божіей. Украшаетъ Ея Величество высокая Монаршая честь не иначе, развѣ поелику она есть возвышеніе Ея подданныхъ. Не плѣняетъ Ее сокровище богатствъ, развѣ поелику они суть средство ко удовольствованію бѣдности и заслугъ. Ея Величество почитаетъ тогда Себя совершенно блаженною, когда съ блаженствомъ Своимъ соединяетъ и благополучіе наше. Въ священномъ Ея Величества лицѣ мы изображасмъ себѣ Мать благоутробную, Которая, восходя на высоту блаженства, обѣими руками вкупѣ съ Собою ведетъ и чадъ Своихъ. Церковь и отечество вседушно хотѣли бы Ея наградить заслуги, но не могутъ ничего достойнаго принести, кромѣ благодарности. Сіе признаніе нашей скудости умножаетъ славу Ея. Имѣешь ты, благословенная Россія, живой, отъ Божества данный тебѣ, примѣръ къ добродѣтели, къ благочестію и къ снисканію небснаго сокровища. Имѣешь и Ты, пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ, въ дражайшей Родительницѣ Твоей, домашнее къ добродѣтели побужденіе. Ты, будучи оживляемъ благородною Ея кровію, вкупѣ оживляй себя духомъ Ея. А мы, подданные Ея Императорскаго Величества, чувствуя себя обязанными долгомъ благодарности, будемъ молить Бога, чтобы Онъ увѣнчалъ долгоденствіемъ, здравіемъ и благо-

получимъ дражайшую для насъ жизнь Ея; чтобы Онъ Самъ горящему къ Нему сердцу Ея былъ и награжденіе и сокровище: награжденіе за услуги къ отечеству, а сокровище—за любовь Ея къ Нему. Аминь.

Слово въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ *).

(О ПРАЗДНОВАНИИ СВЯТЫМЪ).

„Всякъ иже исповѣсть. Мнѣ предъ челоуѣки, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ. Иже на небесѣхъ“.

(Матѣ., гл. 10, ст. 32).

Въ нынѣшній день Церковь прославляетъ добродѣтели всѣхъ святыхъ, которые просіяли на востокѣ и западѣ, и сѣверѣ и югѣ во градахъ и селахъ, въ пустыняхъ и въ горахъ, въ вертепахъ и въ пропастьяхъ земныхъ, во всякое время, начавъ отъ самаго созданія міра до настоящаго часа. И понеже всѣхъ ихъ исчислить нельзя: „изочту бо ихъ, и паче песка умножатся“ (Псал., 138, 18); для того Церковь всѣхъ ихъ праздничественную память въ нынѣшнемъ днѣ заключила, дабы тѣ, которые соединены были добродѣтели, не раздѣльны были и торжествомъ. Потому празднуемъ мы нынѣ и древнѣйшихъ святыхъ протцевъ и ревностныхъ пророковъ, и славныхъ апостоловъ и непобѣдимыхъ мучениковъ, и честныхъ воздержниковъ, и благочестивыхъ царей, и трудолюбивыхъ пастырей, и справедливаго судію, и вѣрнаго воина и рачительнаго домостроителя, и добросовѣтнаго купца, и простосердечнаго земледѣльца, и всякій праведный духъ.

И хотя нынѣшнее Евангеліе поминаетъ только тѣхъ, которые исповѣдають имя Христова предъ челоуѣки, то есть, о мученикахъ, но не противно будетъ подъ именемъ исповѣдниковъ Христовыхъ разумѣть и всѣхъ тѣхъ, кои добродѣтели своею прославили небеснаго Отца. Нѣтъ теперь мучениковъ, ибо царствуетъ въ Церкви миръ подъ покровительствомъ благочестивыхъ монарховъ; такъ ужели имя Христова остается безъ исповѣданія? Нѣтъ гоненія, нельзя быть мучениками; такъ можемъ подражать мученикамъ. Для сего бо и празднуемъ память святыхъ, чтобы ихъ воспоминаніе было наше наставленіе, о чемъ и бесѣду мою благочестію вашему предложить намѣренъ. А для сего въ помощь призываю Твою, Боже, благодать.

* Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ придворной церкви, 1765 года, мѣсяца мая, 29 дня.

